

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
254

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

МОСКВА 2019

УДК 902/904
ББК 63.4
К78

Краткие сообщения Института археологии
Вып. 254. 2019

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
академик РАН Н. А. Макаров

Редакционный совет:
д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин,
д. и. н. А. К. Левыкин, чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд,
д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, д. и. н. Н. М. Чаиркина,
д-р. Й. Шнеевайсс, д. и. н. В. Е. Щелинский

Brief Communications of the Institute of Archaeology

Editor-in-chief:
academician N. A. Makarov

ISSN 0130-2620
DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.254

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2019
© Авторы статей, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мунчаев Р. М.</i> Самое родное издание Института археологии РАН (к 80-летию КСИИМК АН СССР – КСИА РАН)	7
--	---

КАМЕННЫЙ ВЕК

<i>Амирханов Х. А., Таймазов А. И.</i> Раннеплейстоценовая крупноотщеповая индустрия Северо-Восточного Кавказа: стадийный статус	13
<i>Щелинский В. Е.</i> Об охоте на крупных млекопитающих и использовании водных пищевых ресурсов в раннем палеолите (по материалам раннеашельских стоянок Южного Приазовья)	34
<i>Ожерельев Д. В., Джасыбаев Е. А., Мамиров Т. Б.</i> Первые данные о стратиграфии и культурной атрибуции многослойной стоянки верхнего палеолита Рахат (Юго-Восточный Казахстан)	57
<i>Зальцман Э. Б.</i> Итоги и проблемы исследований поселенческих комплексов приморской культуры северо-восточного побережья Вислинского залива	71

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК И АНТИЧНОСТЬ

<i>Демиденко С. В., Мимоход Р. А., Успенский П. С.</i> Новые находки сарматских котлов на Нижнем Дону	91
<i>Завойкин А. А.</i> О пифоидных амфорах «с полыми доньями» из Фанагории.	104
<i>Завьялов В. И., Терехова Н. Н.</i> Еще раз к проблеме древнейших артефактов из метеоритного железа	119

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА «ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БРЯНСКОГО КЛАДА КРУГА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ (III в. н. э.)»

<i>Обломский А. М.</i> Введение	124
<i>Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В.</i> Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов	128
<i>Белевец В. Г., Возняк М.</i> Погребение из Лайск: к вопросу о связях населения пшеворской культуры и восточноевропейско-прибалтийской лесной зоны	153
<i>Битнер-Врублевска А.</i> Хронология восточноевропейских изделий с выемчатыми эмальями в Прибалтике и на территории вельбарской и пшеворской культур	171
<i>Гопкало О.</i> К дефиниции понятий «ювелирный стиль» и «мода» на примере черняховских фибул и предметов с выемчатыми эмальями	191
<i>Обломский А. М.</i> Клад украшений с выемчатыми эмальями из Нижнего Казачьего на Верхнем Дону	212
<i>Хомякова О. А.</i> Украшения круга эмалей из коллекции музея «Пруссия»	227

<i>Казанский М. М.</i> Степные традиции в славянском вооружении и конском снаряжении в V–VII вв.	253
<i>Румянцева О. С.</i> Восточноевропейские выемчатые эмали: независимое развитие или связь с провинциально-римским эмалированием?	270

НОВЫЕ НАХОДКИ И МАТЕРИАЛЫ

<i>Завьялов В. И.</i> Житный раскоп в Кремле Переяславля Рязанского: итоги исследования	285
<i>Беляев Л. А.</i> Новые находки или утраченная коллекция? Уникальные предметы из Нового Иерусалима (предварительная публикация)	308
<i>Гаибов В. А., Никитин А. Б.</i> Крепость Гёбеклы-депе в Маргиане в контексте развития иранской фортификации	319
<i>Седов Вл. В.</i> Материалы по архитектуре церкви Благовещения в Витебске	330
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	345
ОТ РЕДАКЦИИ	348

CONTENTS

<i>Munchaev R. M.</i> The Dearest Edition of the Institute of Archaeology, RAS (to the 80 th Anniversary of KSIIMK AS USSR – KSIA RAS)	7
--	---

STONE AGE

<i>Amirkhanov H. A., Taymazov A. I.</i> Early Pleistocene Large Flake Industry of the Northeast Caucasus: Stadial Status	13
<i>Shchelinsky V. E.</i> Hunting Large Mammals and Using Water Food Resources in the Early Paleolithic (a case study of the Early Acheulian sites in the southern shore of the Sea of Azov)	34
<i>Ozherebyev D. V., Dzhasybaev E. A., Mamirov T. B.</i> First Data on Stratigraphy and Cultural Attribution of Rakhat, a Multi-layer Upper Paleolithic Site in Southeastern Kazakhstan.	57
<i>Zaltsman E. B.</i> Research of Settlement Complexes of the Primorskaya Culture in the Northeast Coast of the Vistula Lagoon: Results and Issues	71

IRON AGE AND CLASSICAL ANTIQUITY

<i>Demidenko S. V., Mimokhod R. A., Uspenskiy P. S.</i> New Finds of Sarmatian Cauldrons in the Lower Don Region	91
<i>Zavoykin A. A.</i> Pythoid ‘Hollow-Bottomed’ Amphorae from Phanagoria	104
<i>Zavyalov V. I., Terekhova N. N.</i> The Issue of the Earliest Artifacts Made from Meteoritic Iron Revisited	119

TRANSACTIONS OF THE INTERNATIONAL SEMINAR «HISTORICAL ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE BRYANSK HOARD OF EASTERN EUROPEAN CIRCLE OF CHAMPLEVÉ ENAMELS (III CENTURY AD)»

<i>Oblomskiy A. M.</i> Introduction.	124
<i>Akhmedov I. R., Belotserkovskaya I. V.</i> Finds of the ‘Eastern European’ Type of Enamels and Some Issues Related to Development of the Ryazan-Oka Finns’ Culture Assemblages . . .	128
<i>Beljavec V. G., Woźniak M.</i> The site from Łajski: Revisiting the Issue of Links between the Przeworsk Culture Population and the Eastern European Baltic Forestry Zone . .	153
<i>Bitner-Wróblewska A.</i> The Chronology of East European Enamelled Artifacts from the Balt Lands and from the Przeworsk and Wielbark Cultures.	171
<i>Gopkalo O.</i> The Definition of the Concepts of ‘Jewelry Style’ and ‘Fashion’. The Case of Chernyakhov Fibulae and Champlevé Jewelry.	191
<i>Oblomskiy A. M.</i> A Treasure Hoard with Champlevé Enamels from Nizhnee Kazachye in the Upper Don Region.	212

<i>Khomyakova O. A.</i> Enamelled Ornaments from Prussia Museum Collection	227
<i>Kazanski M. M.</i> Steppe Traditions of Slavic Weaponry and Horse Trappings in the 5 th –7 th Centuries	253
<i>Rumyantseva O. S.</i> East European Champlevé Enamels: Independent Development or Relationship with Provincial Roman Enameling?	270

NEW FINDS AND MATERIALS

<i>Zavyalov V. I.</i> The Zhitny Excavation Trench in the Kremlin of Pereyasavl Ryazansky: Research Results	285
<i>Belyaev L. A.</i> New Finds or a Lost Collection? Unique Items from the New Jerusalem Monastery (preliminary publication).	308
<i>Gaibov V. A., Nikitin A. B.</i> The Goebekly-depe Fortress in Margiana in the Context of Iranian Fortification Development	319
<i>Sedov V. V.</i> Materials on the Architecture of the Annunciation Church in Vitebsk.	330
ABBREVIATIONS.	345
SUBMISSION GUIDE.	348

Р. М. Мунчаев

САМОЕ РОДНОЕ ИЗДАНИЕ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН (К 80-ЛЕТИЮ КСИИМК АН СССР – КСИА РАН)

Резюме. Статья открывает выпуск журнала «Краткие сообщения Института археологии», отмечающего в 2019 г. свое 80-летие. В ней публикуются малоизвестные ценные сведения и воспоминания об истории журнала, издательской деятельности Института археологии РАН и тех сотрудниках, которые были тесно связаны с работой журнала на протяжении многих лет.

Ключевые слова: журнал, КСИА, Институт археологии РАН, издательская деятельность, юбилей.

Я испытываю глубокое удовлетворение от того, что мне, как старейшему сотруднику Института археологии РАН, оказана честь открыть очередной выпуск журнала «Краткие сообщения Института археологии» (в дальнейшем КСИА), посвященный его 80-летию. Хотя это далеко не единственное в настоящее время периодическое издание ИА РАН, его известность в научном мире чрезвычайно широка и авторитет довольно высок. По моему же личному убеждению, это одно из самых лучших сейчас и, можно так сказать, дорогих для многих специалистов археологических изданий. При этом я нисколько не преувеличиваю. Действительно, «Краткие сообщения ИА РАН» – одно из наиболее популярных археологических изданий в России, равнодушных к которому нет нигде.

Как известно, в текущем году Институт археологии РАН собирается отмечать свое столетие. Трудно подумать, что из этих 100 лет почти 70 я работаю в Институте археологии РАН и долгие годы имел к его издательской деятельности самое близкое и непосредственное отношение. Вскоре после того, как я стал сотрудником института, в 1960 г. меня назначили членом редколлегии и ответственным секретарем организованного за несколько лет до этого журнала «Советская археология» (ныне «Российская археология»). Там я проработал под руководством выдающегося российского археолога чл.-корр. РАН А. В. Арциховского более четырех лет (до середины 1964 г.). Практически с тех пор я

сотрудничаю с данным журналом до сего времени, являясь последние 20 лет председателем его редакционного совета.

Спустя некоторое время, в декабре 1968 г., меня утвердили заместителем директора по научной части Института археологии АН СССР, и я как замдиректора возглавил всю редакционно-издательскую деятельность института. В институте функционировали тогда недавно созданное и единственное периодическое археологическое издание в стране – журнал «Советская археология» – и возникшие в предвоенные годы в ИИМК (в Ленинграде) серии «Материалы и исследования по археологии СССР» и «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК». Как все знают, до 1944 г. ИИМК АН СССР располагался в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург), в Москве же находилось его Отделение – Московское отделение ИИМК АН СССР. Постепенно вместе с центром ИИМК АН СССР в Москву перебазировались его основные структуры, и в первую очередь отмеченные издания. Я оказался тесно связанным с последними, особенно с журналом «Советская археология», ответственным секретарем редакции которого я стал, как отмечено выше.

Журнал «Советская археология» с самого начала своего создания казался совсем не простым изданием. Он имел как бы надынститутский статус. В его редколлегии были собраны ведущие ученые страны, редакцию журнала возглавлял сотрудник не института, а представитель Издательства АН СССР, за все публикуемые там материалы авторам платили гонорар. Краткие же сообщения заметно выделялись своей доступностью и привлекательностью.

В Институте археологии РАН, пока его директором являлся академик Б. А. Рыбаков (1956–1987 гг.), был создан ряд новых изданий, носивших периодический характер. К их числу относится, например, «Свод археологических источников», просуществовавший до 1990 г. Из задуманных его 200 выпусков удалось издать только 83. После же того, как институт приступил к публикации двадцатитомной «Археологии СССР» (позже «Археологии»), а до этого ежегодника «Археологические открытия», «Свод археологических источников» постепенно перестал функционировать. Что же касается издания КСИА, то, несмотря на отсутствие должного внимания к нему, оно продолжало довольно аккуратно публиковаться и привлекать к себе все больший интерес.

С большой теплотой вспоминаю, как трогательно я буквально с первого дня пребывания в институте полюбил, как и многие другие археологи, КСИА, такое доброе и замечательное издание. Вскоре мне начало казаться, что ему пытались не давать «ходу» и незаслуженно обижать. Но ничего из этого не выходило. Главным редактором «Кратких сообщений» официально считался директор института чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцов. Но он был очень далек от этого издания, и его фактическим издателем была ученый секретарь института Т. С. Пассек, являвшаяся, кстати, официально моим научным руководителем как аспиранта.

Став аспирантом ИИМК АН СССР, я не только постоянно и внимательно следил за работой «Кратких сообщений», но хорошо знал их небогатую историю. Первые номера издания, появившиеся в свет в 1939 г., отличались буквально «крошечными» размерами, объемом всего 2,5–3 печатных листа, и довольно ограниченными тиражами. Так, в выпуске первом были напечатаны в виде

информации три отчета по раскопкам на Кавказе в 1938 г., в частности – отчет о работах Северокавказской 1-й экспедиции А. П. Круглова, А. В. Мачинского и Г. В. Подгаецкого (с. 27–29), Е. И. Крупнова о деятельности Северокавказской 2-й экспедиции в Северной Осетии (с. 29) и, наконец, отчет С. Н. Замятнина по исследованию Ахштырской пещеры в Абхазии (с. 29).

В изданном в том же 1939 г. втором выпуске КСИА мы с большим удовлетворением можем познакомиться со статьей Б. Е. Деген-Ковалевского, касающейся такой важной проблемы, как датировка «больших кубанских курганов» раннебронзового века Северного Кавказа (с. 14–170), и информацией Т. С. Пассек об итогах конференции Института археологии АН Украины, посвященной изучению трипольской культуры (с. 38–41).

Как весьма продуктивный следует рассматривать 1940 г., когда было издано целых пять выпусков «Кратких сообщений». Объем их уже заметно вырос, достигнув 10 п. л., а тираж – 800 экз. Мы наблюдаем, как из номера в номер каждый выпуск КСИА становился все более интересным и содержательным и полнее отражал жизнь и все стороны деятельности института – научную, экспедиционную и текущую. Поэтому к «Кратким сообщениям» так активно тянулись все сотрудники ИИМК АН СССР и с таким уважением и любовью относились археологи страны. КСИА стали для нас всех не просто очень близким, а по-настоящему самым дорогим изданием.

В 1941 г. вышел в свет десятый выпуск «Кратких сообщений» (объемом 9 п. л. и тиражом 900 экз.). В военные же годы его издание было приостановлено. Но сразу после окончания войны, в 1945 г., публикуется очередной, XI выпуск КСИА, довольно большим (свыше 15 п. л.) объемом и значительным тиражом. Как раз после этого их издание передали в Москву, и оно начало постоянно издаваться институтом. Не без удовольствия вспоминаю, как мы ожидали издания каждого выпуска «Кратких сообщений» и как волнительно обсуждали его появление в свет.

Я начал публиковаться в КСИА с 1957 г. Тогда в выпуске 67 была напечатана моя первая статья (в соавторстве с В. И. Марковиным). Она была посвящена изданию материалов неолитической стоянки близ г. Буйнакск в Дагестане (с. 78–82). Я очень гордился данной публикацией. С тех пор на протяжении около 15 лет, с 1958 г., систематически публиковались в «Кратких сообщениях» подготовленные мною работы. Так, в 1958 г. напечатаны мой пространный труд об археологических исследованиях в нагорном Дагестане в 1954 г. (КСИА, вып. 71, с. 41–52), а в следующем году (КСИА, вып. 73, с. 3–13) – статья об итогах Кавказской археологической конференции, состоявшейся в Ереване.

Поскольку в 1950-х гг. я работал в Северокавказской экспедиции Института археологии и исследовал разновременные археологические памятники в Чечено-Ингушетии, то мне пришлось издать в Кратких сообщениях целый ряд важных новых материалов, раскопанных на данной территории, в частности – у сел. Бамут на р. Фортанге (КСИА, выпуски 84 и 98, 1962 и 1968 гг.). В последующем же моя деятельность оказалась целиком связанной с зарубежной археологией, прежде всего – с археологией Месопотамии и всего Ближнего Востока. Скажу прямо, я искренне горжусь, что на страницах «Кратких сообщений» были опубликованы мои труды по проблемам археологии Северной Месопотамии

(КСИА, вып. 180, 1984 г., с. 38–44) и о зарубежных связях Института археологии АН СССР (КСИА, вып. 163, 1980 г., с. 36–42).

Достоинство всяческого поощрения, что некоторые выпуски КСИА посвящались отдельным периодам археологии и регионам нашей обширной страны, проблемам хронологизации и памяти ученых. С глубоким удовлетворением отмечу здесь, что выпуск 60 «Кратких сообщений» был целиком посвящен Кавказу с проблемной статьей Е. И. Крупнова о состоянии и задачах изучения кавказской археологии. Другие же выпуски КСИА были посвящены (например, вып. 75) памяти известного специалиста по неолиту М. Е. Фосс, а вып. 80 – крупному ученому страны С. Н. Замятнину.

Пользуясь случаем, коротко расскажу о том, как была задействована в ИИМК – ИА АН СССР/РАН издательская деятельность, за которую я, повторяю, нес персональную ответственность как заместитель директора института. Нашему институту Редакционно-издательский совет АН СССР выделял на каждый год 400 печатных листов, не считая журнала «Советская археология». Из этого листажа 40 п. л. предполагалось на издание ежегодника «Археологические открытия», 60 – на публикацию «Свода археологических источников», 50 – на двадцатитомную «Археологию СССР» («Археологию») и 40 п. л. на издание четырех выпусков «Кратких сообщений». Затем у института появились еще такие издания, как «Археологическая карта России» и журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» (совместно с Магнитогорским государственным техническим университетом), продолжающие до сих пор функционировать. Как видим, отмеченные издания (даже без двух последних) забирали не менее половины всего выделяемого институту на год издательского листажа. На издание научных трудов сотрудников (Московского и Ленинградского отделений) института, таким образом, оставалось столько же листов. Фактически же план издания трудов, когда дело доходило непосредственно до их публикации, сокращался примерно на 100 п. л., т. е. на четверть. При этом когда поднимался вопрос о сокращении того или иного издания или труда, то в первую очередь под удар попадали «Краткие сообщения». По сути дела, нам редко удавалось издавать ежегодно по четыре выпуска КСИА.

Здесь, пожалуй, следует подчеркнуть ту особую роль, которая принадлежала главному редактору «Кратких сообщений» Ирине Тимофеевне Кругликовой. Видный археолог-антиковед, руководитель ряда крупных экспедиций института (Анапской и других античных, а также многолетней Афганской), безусловно, один из наиболее активных деятелей в общественной жизни института, Ирина Тимофеевна в течение не одного десятка лет (с 1970 по 1993 г.) успешно руководила работой «Кратких сообщений ИА РАН». Именно благодаря ее большой и целенаправленной деятельности удавалось поддерживать активную работу издания и выход его в свет. Неудивительно поэтому, что она руководила КСИА в течение столь длительного времени и под ее редакцией опубликовано целых 90 выпусков (№ 121–210).

Именно здесь отмечу и ту значительную работу, которую вела в КСИА в качестве ответственного секретаря редакции Ольга Сергеевна Гадзяцкая. Удивительно скромная и поразительно трудолюбивая, ученица Д. А. Крайнова, специализировавшаяся в области изучения бронзового века Восточной Европы, она,

бесспорно, являлась основным помощником И. Т. Кругликовой по КСИА. Весь портфель и аппарат издания она уверенно держала в своих руках и всячески содействовала вместе с главным редактором успешной деятельности КСИА.

Я не случайно коснулся здесь данного вопроса. Мне пришлось непосредственно и довольно активно трудиться в «Кратких сообщениях» с этими прекрасными труженицами, нередко даже участвуя в подготовке к печати отдельных выпусков издания. Ведь я вместе с ними долгие годы являлся членом редколлегии КСИА и официально, как представитель дирекции института, отвечал за все его издания. Поэтому мне приходилось постоянно оказывать всю зависящую от меня помощь И. Т. Кругликовой и О. С. Гадзяцкой в подготовке и публикации КСИА. Не помню, как И. Т. Кругликова проводила официальные заседания редколлегии «Кратких сообщений». Но запомнились некоторые заседания, которые проходили в каком-нибудь коридоре института и занимали буквально 5–7 минут. Мы узнавали только, что утвердили к печати такой-то выпуск КСИА. Всегда буду помнить, что союз И. Т. Кругликова – О. С. Гадзяцкая действовал весьма оперативно и обеспечивал на должном уровне издание «Кратких сообщений». Добрая им память!

На протяжении многолетней работы в Институте археологии РАН я имел возможность быть в гуще работы почти всех его изданий, особенно «Кратких сообщений». В частности, мне постоянно приходилось сталкиваться в работе с ответственными секретарями КСИА А. Ф. Медведевым, Т. Г. Оболдуевой, О. С. Гадзяцкой и Л. В. Кольцовым. Все они, надо признать, очень хорошо работали, но наиболее самоотверженной в работе была, по моему мнению, Ольга Сергеевна. Проработав в КСИА почти 20 лет, она ушла из редакции, как и И. Т. Кругликова, в 1993 г., когда была распущена редколлегия КСИА и приостановлено их издание.

Нельзя забывать, какими тяжелыми для нашего института, Российской академии наук и всей России оказались 1990-е годы. Но наша страна вышла достойно из этого кризиса, и нам удалось, хотя и не без труда, сохранить институт, его структуру и основные направления научной деятельности. Мне как директору Института археологии РАН пришлось в 1993 г. официально приостановить работу «Кратких сообщений». Я горжусь тем, что в 2001 г. по моему же приказу директора ИА РАН была восстановлена деятельность КСИА и главным редактором издания стал акад. В. В. Седов. Он за 2001–2005 гг. издал почти десять выпусков КСИА (№ 211–218).

После смерти В. В. Седова с 2005 г. «Краткие сообщения» ИА возглавил акад. Н. А. Макаров, остающийся до сего времени главным редактором данного издания. Николай Андреевич и руководимая им редколлегия КСИА сделали, особенно за минувшее десятилетие, очень много для его развития и процветания. Не без гордости подчеркиваю, что уже издан 253-й выпуск издания. «Краткие сообщения ИА РАН» превратились из обычного институтского издания в крупное периодическое издание, в подлинный академический журнал. Он выходит сейчас систематически, четыре раза каждый год, объемом до 30 п. л. и тиражом 250 экз., отражая достаточно полно все стороны научной жизни Института археологии РАН и главные направления развития отечественной археологии.

Институт археологии РАН в последние годы достиг в издательской деятельности заметного прогресса, издавая ежегодно до 50 монографических исследований и больших научных сборников, включая «Краткие сообщения». Хотелось бы здесь выделить «Археологическую карту России», издающуюся с 1962 г. Уже вышло в свет 30 выпусков карты по 14 регионам России. Издание продолжается. Заслуживают быть отмеченными и такие серийные публикации, как «Древности Боспора», «Материалы спасательных археологических экспедиций» и др. В настоящее время институт публикует ежегодно три периодических издания в виде журналов. Это – «Российская археология», «Краткие сообщения ИА РАН» и «Проблемы истории, филологии, культуры». При этом нам приятно и не без гордости подчеркнуть, что все эти три журнала уже имеют статус издания ВАК.

Мы высоко ценим наши журналы, начиная от «Российской археологии». Но нам представляется, что не будет никаким преувеличением, если мы скажем, что КСИА стали уже если не самым ведущим журналом Института археологии РАН, то одним из его основных периодических изданий, таким дорогим всем нам. И это особенно приятно сказать сегодня, в дни восьмидесятилетнего юбилея Кратких сообщений. Мы все радуемся этому событию, гордимся искренне успехами журнала КСИА, желаем ему новых значительных достижений и дальнейшего процветания.

Сведения об авторе

Мунчаев Рауф Магомедович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: raufmunchaev@mail.ru

R. M. Munchaev

THE DEAREST EDITION OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, RAS
(TO THE 80th ANNIVERSARY OF KSIIMK AS USSR – KSIA RAS)

Abstract. The article opens the issue of the journal «Brief Communications of the Institute of Archaeology» (KSIA), celebrating its 80th anniversary in 2019. In the paper there are published little known valuable information and memories about the journal's history, the publishing activities of the Institute of Archaeology of RAS and those colleagues who have been closely related with the work of the journal for many years.

Keywords: journal, KSIA, Institute of Archaeology of RAS, publishing activities, jubilee.

About the author

Munchaev Rauf M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: raufmunchaev@mail.ru

Х. А. Амирханов, А. И. Таймазов

РАННЕПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ КРУПНООТЩЕПОВАЯ ИНДУСТРИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА: СТАДИАЛЬНЫЙ СТАТУС*

Резюме. В статье дается обоснование выделению на Северо-Восточном Кавказе раннеплейстоценовой крупноотщеповой индустрии. Сравнение материалов Центрального Дагестана соответствующего времени с инвентарем местного типичного олдована и индустриями раннего ашеля Африки и Южной Европы приводит к выводу о представленности на рассматриваемой территории культуры с переходными от олдована к раннему ашелю чертами.

Ключевые слова: ранний плейстоцен, Северо-Восточный Кавказ, крупноотщеповая индустрия, олдован, ранний ашель.

В последнее время в изучении нижнего палеолита наметилась тенденция, когда чрезмерное увлечение поиском многолинейности в развитии древнейшей индустрии начинает заслонять фундаментальную проблему периодизации изучаемых культурных явлений. Феномен этот не нов, и его хорошо определил применительно к поздним этапам палеолита С. Н. Замятнин. Он писал: «Все эти Soanian, Anlithian, Lupembian, Jabrudian, Naniunkian и пр. не облегчают, а только запутывают исследование, ничего не выясняя, а лишь создавая иллюзию определенности, подменяя объяснение наименованием» (Замятнин, 1951. С. 129).

При всех возможных различиях подходов к решению рассматриваемой проблемы должно существовать общее понимание необходимости группирования пласта памятников нижнего палеолита не только в пространстве, но и на относительной и абсолютной временной шкале. В ответ на эту потребность возник предельно схематизированный, но весьма продуктивный способ разделения культуры раннего плейстоцена на Mode 1 и Mode 2 (Clark, 1969). Смена

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Древности» № 18-09-40026.

одного типа этих индустрий другим не происходила синхронно в отдаленных друг от друга географических регионах, но сама последовательность смены была неизменна и одинакова во всей раннепалеолитической ойкумене. Mode 1 всегда предшествует Mode 2. И уже одно это требует повсеместного разделения разновременных индустрий раннего палеолита на две (или сколько этого требует материал) ступени. В общепринятом виде это формулируется как следование в общей периодизационной шкале друг за другом эпох олдована и ашеля. Такая структуризация не препятствует признанию и акцентированию технико-типологического своеобразия какой-либо конкретной индустрии (если, конечно, это своеобразие достаточно обосновано) и ее особой номинации внутри той или другой стадии. Но одновременно она не допускает стихийное (из-за невозможности систематизировать) разобщение материала, т. е. такое обособление, которое не позволяет рассмотреть в калейдоскопе «индустрий» общую картину развития культуры на протяжении крупных хронологических отрезков.

Созданию такой общей периодизационной системы может способствовать рассмотрение данной проблемы вначале для разных регионов по отдельности – в данном случае в диапазоне олдован – ашель. Такой подход не будет соответствовать общему увлечению (без сомнения, временному) поисками региональных и даже локальных отличий от магистральной линии развития культуры. И тем не менее он необходим, поскольку понятно, что даже гипотетическая возможность выделения локальных отличий в культуре предполагает признание существования чего-то общего, от чего должны отличаться эти вновь выделяемые культурные единства. Поэтому обращение к вопросам периодизации можно рассматривать как необходимый шаг в сторону ослабевшего в последнее время интереса к процедурам общей культурно-хронологической классификации археологического материала. Хотя, повторим, периодизационная структуризация материала несколько не отрицает возможности существования региональных особенностей культуры.

Важной частью интересующей нас проблемы является переход от олдована к ашелю. Вопрос этот заметно усложнился и приобрел комплексный характер, особенно в последние полтора десятилетия. Обозначились и ее два взаимосвязанных аспекта – теоретический и практический. Первый связан с развитием наших представлений об общих тенденциях эволюции каменного инвентаря в палеолите и отражением этого в нашем понятийно-терминологическом аппарате. Второй относится к восприятию исследователями технологического и типологического содержания индустрий олдована и ашеля. Особая сложность состоит в том, что в первом из аспектов недостаточно ясности в понимании проявлений и механизма развития культуры на ранних этапах палеолита, а во втором отсутствует единообразное восприятие исследователями предмета изучения (каменный инвентарь) и необходимого для этого исследовательского инструментария.

Наименее ясными остаются вопросы хронологии и механизм смены индустрии олдована ашедем. Это связано, в первую очередь, с малочисленностью памятников, относящихся к раннему ашелю, и их относительно узкой локализацией. Во-вторых, датировка большинства памятников раннего ашеля, относимых ко времени ранее 1,5 млн л. н., не является в достаточной степени обоснованной (*Semav et al.*, 2009). Лишь единичные стоянки в Восточной Африке имеют

доказательства, прежде всего – геологического характера, и радиометрические данные, указывающие на возникновение ашельской технологии приблизительно 1,6–1,7 млн л. н. Еще одна причина разногласий между исследователями в рассматриваемом вопросе объясняется различным видением ими технологического и типологического содержания индустрий олдована, развитого олдована и раннего ашеля.

Единственно, в чем согласны ученые друг с другом, говоря о трансформации олдована в ашель, – это в признании вывода, сделанного много лет назад Г. Айзеком (*Isaac, 1969*) и подтвержденного М. Лики на материалах Олдувайского ущелья (*Leaky, 1971*). Суть вывода, как известно, состоит в том, что технологическим рубежом между олдованом и следующей эпохой – ашелем (или началом трансформации одной эпохи в другую) – признается переход к использованию крупного отщепка как заготовки для систематического изготовления соответствующих им по размерам массивных орудий. Для данной работы этот вывод также является ключевым, и к нему мы далее вернемся.

При изучении перехода от одного качественного состояния в другое важно определить идеальные сущностные характеристики двух сопоставляемых явлений. В нашем случае это означает формулирование технико-типологических определений эпох олдована и ашеля. Типичный олдован в кратком описательном виде можно определить как индустрию мелкого и среднего по размерам нуклеуса и отщепка при господстве в орудийном составе чоппера, присутствии пика и представленности мелких и средних орудий на отщепках в виде скребка, скребла, ножа, зубчатых, выемчатых, клювовидных изделий, массивных острий.

Что касается следующей эпохи, то хотя понятие «ашель» введено в науку примерно полтора века назад, понимание его различных аспектов (хронологического, технологического и типологического) даже сейчас (и особенно сейчас) во многом остается неопределенным (*Jagher, 2017; Деревянко, 2014*). Разногласий не существует лишь в том, что «руководящим ископаемым» данной эпохи является рубило (бифас). Это изделие концентрирует в себе одновременно и технологические, и типологические характеристики, которые независимо от хронологических показателей являются необходимыми и достаточными для определения индустрии как ашельской. Итак, индустрия характеризуется доминированием в ее технологии бифасиальной обработки, наличием рубила, как ведущего типа орудий, возможностью присутствия пика и/или кливера, а также представленностью в разной пропорции практически всех форм изделий, известных в индустрии олдована.

Несмотря на вышеотмеченное, в характеристике технокомплексов олдована и ашеля у исследователей не существует полного единства мнений. Например, возникновение категории пика и пиковидных орудий часто связывают с ранним ашелем (*Щелинский и др., 2015*). Между тем по описаниям материалов Олдувайского ущелья, сделанным М. Лики (*Leakey, 1975*), пики являются естественной частью индустрии, залегающей в верхах пачки 1, т. е. в хроностратиграфическом горизонте олдована. Это иллюстрируют, в частности, материалы стоянки FLK North. Здесь выделяется группа крупных предметов с заостренным концом и массивной необработанной пяткой, у которых одна из плоскостей целенаправленно уплощена крупными сколами (*Leaky, 1971. P. 79; Fig. 42: 1, 2*). Эти и подобные им

изделия из других одновозрастных памятников Олдувайского ущелья М. Лики называет протобифасами. В этом, кажется, есть некоторая натяжка. Не зря сама М. Лики применительно к орудиям, о которых идет речь, название «протобифасы» заключает в кавычки. С точки зрения формальной типологии эти предметы находят свое место в категории пика. На встречаемость пиков в индустрии типичного олдована указывают и другие авторитетные исследователи раннего палеолита Восточной Африки (*Semav et al.*, 2009. Р. 178, 179).

Таким образом, в памятниках Олдувайского ущелья пики встречаются с уровня классического олдована. Если, основываясь на материалах Северо-Восточной Африки, говорить о типологическом развитии рассматриваемой категории, то можно констатировать появление в развитом олдоване удлиненных и относительно узких форм пиков. Эта форма составляет морфологический эталон категории, который можно рассматривать в качестве типа. Следовательно, возникновение идеи пикатриэдра и реализация этой идеи относятся ко времени олдована и в индустрии олдована. Как и в материалах Олдувайского ущелья, пик встречается в памятниках олдована Центрального Дагестана. Он органичен здесь для каменной индустрии в диапазоне от времени древнее субхрона Олдувай (древнее 1,95 млн л. н.) до конца раннего плейстоцена (ок. 0,8 млн л. н.) и даже позже.

В связи с вопросом о сходстве и отличиях индустрий олдована и ашеля заслуживает внимания и подход, который базируется не только на собственно археологических критериях, но и на признании когнитивных отличий в уровне производства в рассматриваемые две эпохи. Так, отмечается, например, что ашельской технологии, в отличие от олдована, присуща особая и часто избыточная с функциональной точки зрения тщательность отделки орудий главной категории эпохи – рубил (*Беляева, Любин, 2012*). Чопперы же по этой логике лишены того, что в терминологии промышленной эстетики называется «дизайном». Использование понятия «дизайн» для различения (в зависимости от его наличия или отсутствия) ашельской и олдованской индустрий, на наш взгляд, вряд ли продуктивно. Смысл этого термина – «украшательство» – имеет отношение к философской категории «красота». А красота и полезность, функциональность предмета в человеческом обиходе неотделимы друг от друга. А если говорить о первобытности, то они просто синкретичны.

В действительности можно констатировать, что значимых в когнитивном смысле различий в изготовлении чоппера и рубила не существует. В обоих случаях изначально присутствует образ предмета, учитывающий такие параметры, как количество функциональных элементов орудия, форма этих элементов и всего изделия в целом, а также вес предмета. Разница же состоит в количестве элементов данного орудия и наборе технологических приемов изготовителя предмета. Для чоппера минимально необходимы два элемента – первый аккомодационный (пятка) и второй – рабочий (лезвие). Изготовление орудия достигается часто одним лишь оформлением лезвия на естественной заготовке. В тех случаях, когда требуется привести вес заготовки в соответствие с запланированным, лишнее отсекается простым ударом. То есть края изделия практически не требуют обработки.

Рубило, в отличие от чоппера, имеет четыре морфологических элемента – пятка, конец (чаще всего заостренный) и два края. Необходимость формировать

края с использованием оббивки (дополняемой иногда крупной ретушью) и составляет специфику, отличающую в археологическом смысле одну эпоху со своей главной типологической характеристикой – рубилом – от олдована со столь же показательной в типологическом отношении категорией – чоппером. Следовательно, в практическом отношении различие ведущей олдованской и ашельской форм орудий сводится к наличию или отсутствию у них краев, обработанных приемом более сложным, чем просто один удар. Их присутствие означает наличие в инвентаре рубила или кливера (или обеих форм вместе) и характеристику данной индустрии как ашельской. Когда же изготовление орудия, определяющего «лицо эпохи», ограничивается акцентированием одного или двух элементов – лезвия и пятки (обуха), то данный комплекс остается в рамках технологии олдована. Представляется, что такое описание может служить минимизированным определением, не выходящим за рамки археологического анализа и отражающим общие технологические различия индустрий двух рассматриваемых типов.

Говоря о раннем ашеле, мы должны констатировать наличие вариативности на этапе его становления. Варианты эти в технологическом отношении не единообразны и в хронологическом отношении не одновременны. Современные данные позволяют определенно говорить о существовании по крайней мере двух вариантов раннего ашеля – PCt (Pebble Core technology – галечно-обломочная технология) и LCT (Large cutting tools – крупные режущие орудия). В зависимости от того, на сколько подразделений членить ашель, можно говорить и о третьем варианте ашеля – LFA (Large flake Acheulian – ашель на крупных отщепках), который возникает не позднее 1 млн л. н.

Указанные разновидности раннего ашеля дифференцированы территориально и хронологически. Например, на территории Африки и Леванта в индустриях древнее 1 млн л. н. существует две группы ашельских памятников. К первой относится индустрия с бифасами (рубилами), в которых заготовка в виде крупного отщепка не играет значимой роли. Бифасы и пики здесь изготавливаются, как правило, на массивных обломках, а кливеры отсутствуют. Данная группа включает в себя такие стоянки, как Убейдия (*Bar-Yosef, Goren-Inbar, 1993*), Консо Гардула (*Asfaw et al., 1992*), Стеркфонтейн (*Kuman, Clarke, 2000*), пункт Томас 1 Карьер, (*Raynal et al., 2001; 2009*) и некоторые другие восточноафриканские местонахождения (*Roche, 1995; Koobi Fora Research..., 1997*). Часть этих памятников исследователи относили к развитому олдовану. Вообще же наиболее ранние памятники этого типа, расположенные в Олдувайском ущелье, на протяжении относительно непродолжительного времени сосуществовали со стоянками классического олдована.

Более широкий территориальный охват имеет вариант ашеля LCT. В набор ведущих категорий орудий комплекса LCT в его полном составе включают триаду: бифас, пик и кливер. Используется понятие LCT главным образом для обозначения индустрии Южной Европы (особенно Испании), которая с точки зрения технико-типологических показателей не соответствует ни типичному олдовану, ни раннему ашелю Африки и Леванта, не считая памятников ашеля LFA.

Вариант ашеля LFA, наиболее ранние проявления которого относятся ко времени около 1 млн л. н., частично сосуществует с ашелем LCT. Эту разновидность культуры рассматривают как хронологический сегмент индустрии, следующий

непосредственно за ранним ашелем (*Sharon, 2010*) и существующим в диапазоне от 1 до 0,5 млн лет. Технологическая и типологическая особенность данного культурного явления выражена в доминировании заготовки в виде крупного отщепа и весьма значимом содержании в инвентаре (в дополнение к бифасам и пикам) типичных кливеров. Интересно с точки зрения культурной географии то, что описываемый вариант ашеля, имеющий выраженный африканский колорит, на своей ранней стадии распространяется на Иберийском полуострове (*Vallverdu et al., 2014*) и в конце раннего плейстоцена сосуществует здесь с индустрией, определяемой исследователями как LCT.

После пересмотра коллекций памятников Олдувайского ущелья современные исследователи (*Torre, Mora, 2005*) внесли существенные поправки в типологическую раскладку материала, предложенную в свое время М. Лики. Они коснулись, в частности, определения достаточно большого количества предметов в качестве рубил (особенно в памятниках DOB). Это породило обоснованные сомнения в правомерности выделения развитого олдована как самостоятельной стадии в развитии каменной индустрии раннего плейстоцена. Другой вариант решения обозначившейся проблемы предполагал отнесение памятников, определенных ранее как DOA, к типичному олдовану, а материалов DOB – к раннему ашелю (*Semav et al., 2009; Torre, Mora, 2001*). В обоих вариантах развитый олдован исключается из предполагавшейся шкалы развития индустрии от олдована к ашелю, а сам ранний ашель в его начальной фазе признается синхронным концу классического олдована. При этом получается, что ашель возникает как бы из ниоткуда, существует на определенном отрезке времени синхронно и параллельно с типичным олдованом, не обнаруживая с ним никакой связи. Памятником с выразительной коллекцией, характеризующей ранний ашель этой восточной части Африки, считается, например, стоянка Консо Гардула. Ашельский компонент в инвентаре памятника представлен выразительными рубилами и пиками, а кливеры отсутствуют.

Таким образом, смена олдована новым культурным комплексом на разных территориях происходит в разное время и предстает (если говорить только о типологии) в виде различного набора крупных орудий. В Восточной и Южной Африке наиболее древние памятники раннего ашеля появляются около 1,7 млн л. н. Как отмечено выше, в типологическом отношении диагностическими формами здесь являются бифас и пик.

На территории Леванта и Северной Африки наиболее ранний ашельский технокомплекс появляется около 1,4 млн л. н. и представлен, так же как и в Восточной Африке, бифасом и пиком.

В Южной Европе мы можем фиксировать два разных раннеашельских культурных комплекса – LCT на Пиренейском полуострове и PC technology – на территории Юга Европы, или точнее – Северного Средиземноморья и Балкан. Эта картина очень показательна в географическом отношении. Примечательно то, что LFA, который обнаруживает свою близость к раннему ашелю Африки южнее Сахары, выявлен (наряду с LCT) в границах современной Испании, тогда как памятники обобщенного Северного Средиземноморья (Франция, Италия и Балканы) относятся к разновидности PC technology. Нельзя исключить, что эта картина может быть подсказкой к решению вопроса о двух разных направлениях

распространения на территории Европы двух отличных друг от друга технокомплексов раннего ашеля. В одном случае (LFA) вслед за другими исследователями мы видим африканское направление, берущее начало в Африке южнее Сахары, а во втором – северо-восточное направление, исходной точкой которого является Передняя Азия вместе с Кавказом.

После рассмотренного выше контекста раннего ашеля в целом можно поставить вопрос о том, как вписывается в него индустрия конца раннего плейстоцена Большого Кавказа, а точнее – северо-восточной части этой горной страны. Необходимо сразу отметить, что имеющиеся на этот счет конкретные археологические материалы требуют акцентировать внимание на особенностях, присущих культурам переходного облика.

Общим для отмеченных (и возможных других) культурных комплексов, следующих за олдованом, является также вопрос о существовании или отсутствии переходного хронологического отрезка между ними и предыдущей эпохой, характеризующейся технологией Mode 1. Понятно, что заключения на этот счет будут настолько состоятельными, насколько протяженными по времени и насыщенными репрезентативным археологическим материалом будут разрезы рассматриваемых памятников. Не будет преувеличением определение памятников среднегорной зоны Центрального Дагестана как самых представительных для Евразии в этом смысле в настоящее время. Они составляют целый пласт культуры и отвечают самым строгим требованиям (археологическим, геолого-геоморфологическим, палеонтологическим, хроностратиграфическим и, отчасти, палеоботаническим), которые могут быть предъявлены к опорным памятникам раннего плейстоцена. На протяжении последних десяти лет здесь исследуется группа из 8 стратифицированных многослойных памятников. На трех из них обобщенно выявлено не менее 100 геологических слоев, содержащих археологические остатки. Разрезы некоторых из памятников уникальны для раннего плейстоцена по мощности их культурных напластований и своему хронологическому охвату. Толщина раннеплейстоценовых отложений изучаемых памятников превышает 70 м, а продолжительность времени формирования толщи составляет 1,4 млн лет в диапазоне, примерно, от 2,3 млн л. н. (но не менее 1,95 млн л. н.) до 0,8 млн л. н. (Амирханов, 2016).

Интенсивное изучение указанных памятников осуществляется с использованием различных естественнонаучных методов: геоморфологического, литологического, минералогического, палеопедологического, палеонтологического, малокологического, палинологического, фитолиитного анализов. К этим работам привлечены специалисты шести академических институтов и Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Для датировки рассматриваемых памятников использованы данные названных направлений исследований. Помимо этого, для трех памятников получены многочисленные и перепроверенные данные палеомагнитных исследований. Для одного из рассматриваемых памятников – Айникаб 1 – имеются также определения абсолютного возраста с использованием метода ESR (Ahmed et al., 2010; Амирханов и др., 2017).

Насыщенной культурными остатками толще раннеплейстоценовых отложений исследуемого района геологами присвоен ранг свиты («акушинская свита»)

Рис. 1. Местоположение памятников раннего плейстоцена Центрального Дагестана

(Чепалыга и др., 2012). Авторы настоящей работы членят ее на 5 переслаивающихся пачек крупнообломочного материала и мелкозема. На стоянках Мухкай 1 и 2 осуществлены детальные палеомагнитные исследования на глубину соответственно 34 и 30 метров от современной дневной поверхности. Еще на одной стоянке – Айникаб – такими исследованиями охвачена вся толща памятника. Разрезы рассматриваемых памятников сопоставимы друг с другом, и верхняя их пачка сопоставляется во всех трех случаях с субхроном Харамильо. Такая хронологическая определенность и возможность прямых стратиграфических наблюдений придает обоснованность заключениям, следующим из диахронного анализа археологического материала. Эти наблюдения касаются типологических, технологических и статистических изменений каменного инвентаря в культурных слоях названных памятников.

Проблема культурно-стадиального определения пласта памятников позднего эоплейстоцена указанного региона стала возможной для специального рассмотрения после проведения обширных исследований группы многослойных стоянок Акушинской котловины в Центральном Дагестане (Амирханов, 2016; Деревянко и др., 2012). Еще в самом начале изучения этих памятников во второй половине прошлого десятилетия было замечено, что в каменном инвентаре слоев верхней пачки отложений стоянок отмечаются технологические черты, не свойственные для индустрии средней и нижней частей разрезов (Амирханов, 2007а; 2007б). Эти признаки отражались в наличии массивных изделий (пик) на крупных отщепах. В нижележащих пачках отложений для таких орудий в качестве заготовок использовались только обломки и желваки. Затем, в верхних слоях по крайней мере двух стоянок – Айникаб 1 и Мухкай 1 – были отмечены единичные предметы, в оформлении которых использовалась бифасиальная оббивка. Отмечались и некоторые другие особенности, например такая, как относительная многочисленность в верхних слоях (Мухкай 1) чопперов поперечно-двулезвийных форм. Однако в те годы главные усилия были сосредоточены на проблемах стратиграфии (геологической и археологической) стоянок. Предстояло определить, прежде всего, основные характеристики экстраординарных по мощности рыхлых отложений. Интенсивные исследования вышеназванных стоянок со вскрытием широких площадей и нацеленностью на изучение конкретных крупных проблем практически только начались. Так, в полевом сезоне 2018 г. на стоянках Мухкай 1 и 2 были заложены раскопы с расчетом на получение статистически значимых коллекций. Задача раскопок состояла в получении материалов для выяснения технико-типологических характеристик индустрии данного региона в конце раннего плейстоцена и определении стадиального статуса культуры, представляемой слоями верхней пачки отложений.

Мы располагаем важным подспорьем в проводимых исследованиях. Оно состоит в том, что раскапываемая толща на обоих памятниках имеет хронологические привязки. Время накопления слоев ограничено диапазоном от конца раннего плейстоцена до верхней границы палеомагнитного эпизода Харамильо, т. е. примерно рамками 0,8–0,99 млн л. н. Указанный палеомагнитный эпизод уверенно выявлен в разрезах обоих рассматриваемых памятников, которые имеют между собой очевидные стратиграфические соответствия.

Изучение материалов, полученных раскопками 2018 г., пока не завершено. Но некоторые результаты работ с большей или меньшей полнотой могут быть уже использованы, например, при рассмотрении тех вопросов, которым посвящено данное исследование.

Стоянки расположены в центральной части Дагестана в зоне ландшафтов в виде горных степей и врезающихся в них глубоких речных долин (рис. 1). Высота памятников над уровнем моря составляет ок. 1600 м.

Раскопы на стоянках Мухкай 1 (рис. 2) и Мухкай 2 были заложены в виде врезов в склон на глубину 3,5 м и около 4,5 м соответственно. Они имеют в основании площадь 56 и 72 кв. м. Разрезы стоянок сопоставимы при рассмотрении на уровне пачек и имеют вариации на уровне литологических горизонтов. Оба раскопа дали относительно большие и более или менее сравнимые коллекции каменных изделий. В настоящей работе мы ограничимся общим рассмотрением материалов только стоянки Мухкай 1 (рис. 3–7).

Раскопки на указанной стоянке выявили наличие археологического материала во всех десяти литологических горизонтах. Общее количество находок составляет 786 экз. – без учета предметов с единичными сколами и обломков кремня, которые можно рассматривать как запасы сырья, а в некоторых горизонтах как естественную примесь кремневого материала, имеющую пролювиальный генезис.

Рис. 2. Мухкай 1. Вид раскопа на уровне, достигнутом работами 2018 г., и характер геологических отложений, вмещающих культурные остатки

Распределение обработанного кремня в слоях неравномерное. Выделяются горизонты с особо плотным залеганием археологического материала. К таковым относится, например, слой 4, на который мы обращаем особое внимание при обобщенной характеристике коллекции.

Всего в ходе раскопок 2018 г. на стоянке Мухкай 1 во всех горизонтах найдено 1632 предмета; из них к раннему плейстоцену относится 1584 изделия. 48 находок обнаружено в покровном почвенном горизонте; они имеют верхнепалеолитический облик. В раннеплейстоценовом материале 495 предметов являются обломками без признаков намеренной обработки и 344 – обломками с единичными сколами. Две последние категории не имеют существенного значения для типолого-технологической характеристики коллекции.

Предметы, составляющие ядро коллекции наиболее насыщенного находками слоя 4, демонстрирует приведенный ниже список.

Нуклеусы и нуклевидные обломки –	9
Отщепы –	118
Обломки отщепов –	11
Орудия	
Протобифас – чоппер продольный –	1
Чопперы:	
на крупных отщепах –	13
на обломках –	30
скребловидные на желваках –	2
Пики:	
на крупных отщепах –	2
на обломках –	18
Скребла:	
на отщепах средних (5–10 см) –	4
на отщепах крупных (>10 см) –	3
Ножи:	
на отщепах мелких (до 5 см) –	1
на отщепах средних (5–10 см) –	3
на отщепах крупных (> 10 см) –	4
Скребки концевые на средних отщепах –	3
Скребки с узким лезвием на крупных отщепах –	2
Скребок нуклевидный на крупном отщепе –	1
Острия:	
на обломках –	2
на среднем отщепе –	1
Шиповидные орудия –	3
Выемчатое орудие –	1
Отщепы с частичной краевой ретушью –	2
Обломок с частичной краевой ретушью –	1
	Всего: 235 экз.

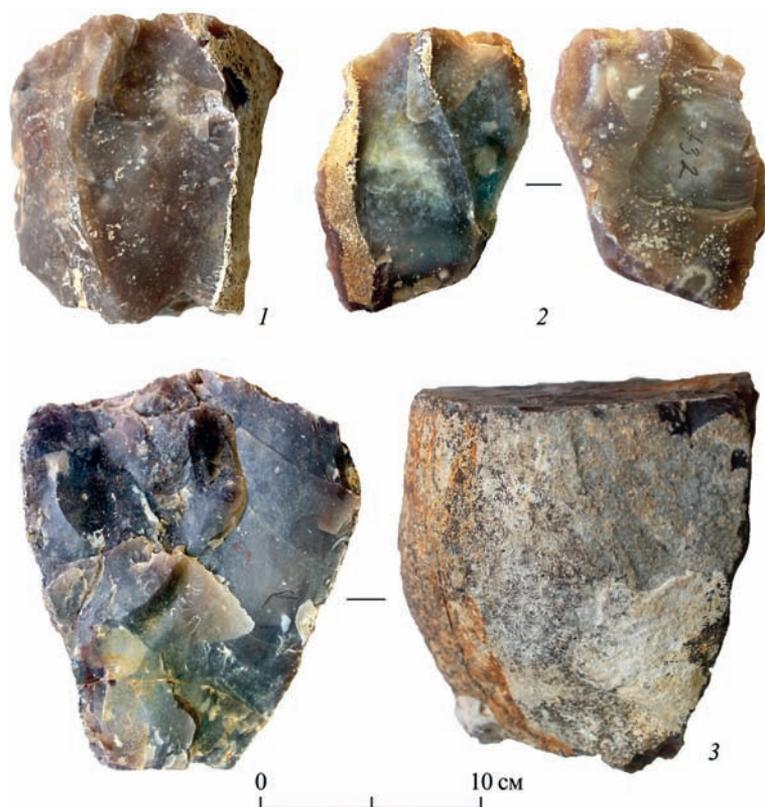

Рис. 3. Мухкай 1, слой 3. Образцы кремневых орудий

1, 3 – нуклеусы; 2 – нож с «подживлением лезвия»

В данной работе, как отмечено выше, мы не ставим задачу детального анализа инвентаря. Здесь достаточно общей оценки индустрии в сравнении с более древними – типично олдованскими материалами, происходящими из стоянки Мухкай 1 и верифицируемыми данными синхронных памятников Мухкай 2 и Айникаб 1 (Амирханов, 2016). Такое рассмотрение показывает, что данный технокомплекс от местного типичного олдована отличают: **в технологии:** а) возникновение элементов бифасиальной техники; б) появление в качестве типичной заготовки крупного (более 10 см) отщепа и соответствующего ему нуклеуса; в) регулярное использование указанного типа заготовки для изготовления крупных орудий: рубящих (чоппер), режущих и скобящих (крупные ножи, скребла) и раскалывающих, дробящих (пики) орудий; г) сокращение в общем составе инвентаря заготовок в виде обломков и желваков относительно отщепов; д) возникновение приема подживления лезвия крупных режущих орудий снятием, которое технологически близко к плоскому резцовому сколу; **в типологии:** а) возникновение протобифасов; б) заметное увеличение доли

Рис. 4. Мухкай 1. Образцы кремневых орудий из слоев 3 (2) и 4 (1)
1 – чоппер; 2 – нуклеус

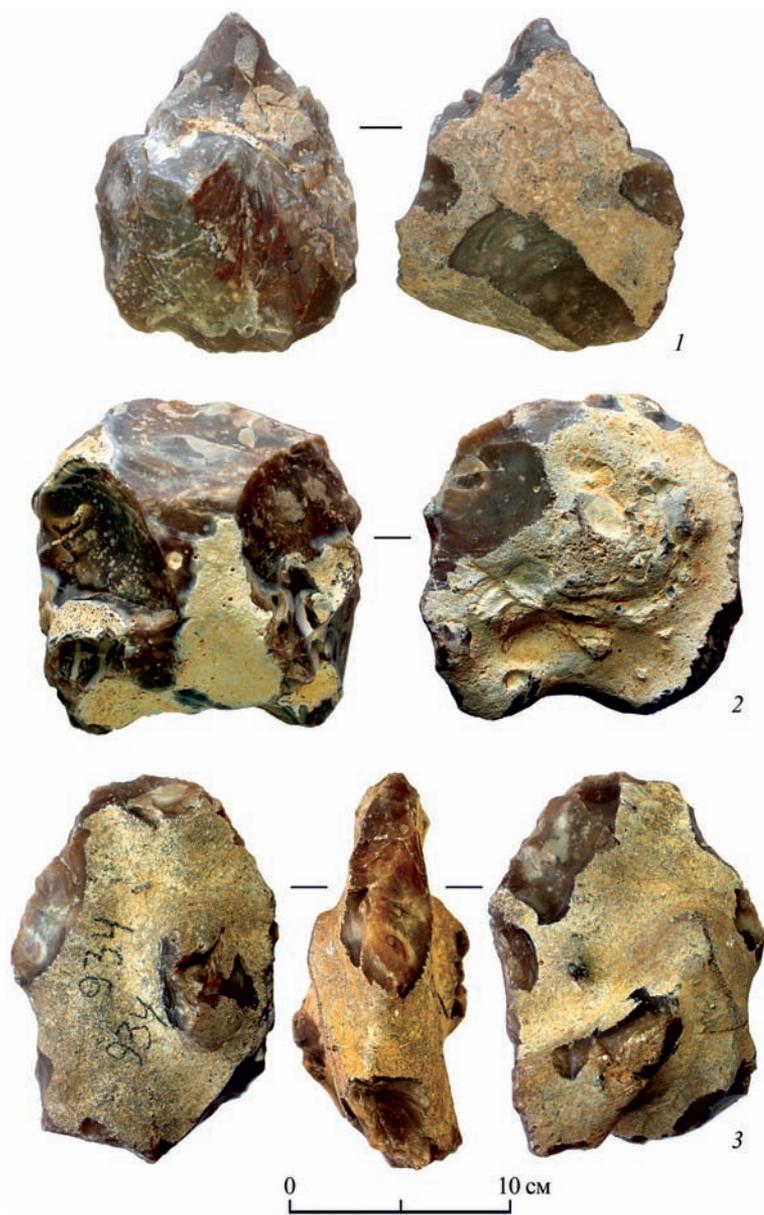

Рис. 5. Мухкай 1, слой 4. Образцы кремневых орудий
1 – пик; 2–3 – чопперы

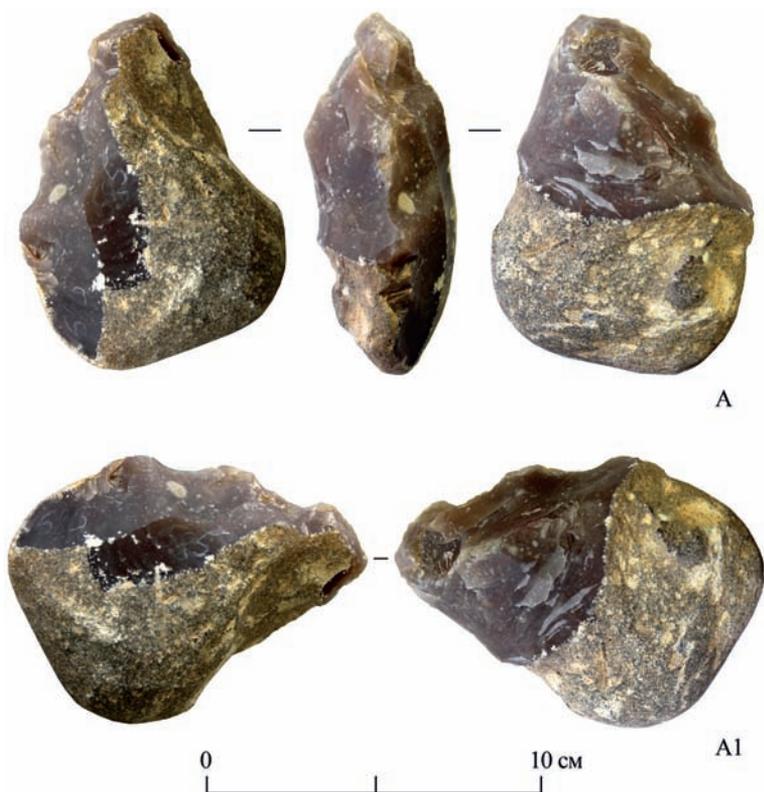

Рис. 6. Мухкай 1, слой 3. Образец кремневых орудий

A, A1 – чоппер продольный (протобифас)

двулезвийных безобушковых и долотовидных чопперов; в) появление тенденции к измельчению пиков и пиковидных изделий; г) возникновение категории крупных ножей.

Датировка рассматриваемых материалов основывается на общих геолого-геоморфологических основаниях и данных палеомагнитного анализа. По этим данным верхняя граница отложений памятника близка к концу эоплейстоцена, но не моложе хронологической границы неоплейстоцена. Нижняя граница датировки уровня отложений, до которых дошли раскопками 2018 г., не достигает конца субхрона Харамильо. То есть раскопанная толща расположена в верхней части диапазона 0,8–0,99 млн л. н.

Что касается нижней границы датировки технокомплекса, о котором идет речь, то, используя данные раскопок предыдущих лет, представляется возможным отнести ее к началу (ок. 1,1 млн л. н.) субхрона Харамильо или несколько позже этого времени. Уточнение датировки возможно в ходе продолжающихся раскопок. На нынешнем состоянии исследований рассматриваемая разновидность культурного явления может быть определена как раннеплейстоце-

Рис. 7. Мухкай 1. Образцы кремневых орудий из слоев 3 (1, 3) и 4 (2, 4)
1 – скребок; 2, 4 – скребловидные чопперы; 3 – нож с обушком

новая крупноотщеповая индустрия и установлена в пределах приблизительно 1,1–0,8 млн л. н.

Итак, на территории Африки, Ближнего Востока, Южной Европы и Южной Азии в указанном временном промежутке ашельская культура в ее разных вариантах уже известна. Возникает вопрос, повторяется ли эта ситуация на Кавказе и к какому из рассмотренных выше вариантов раннего ашеля могут относиться материалы верхней пачки отложений стоянки Мухкай 1, и относятся ли они к какому-либо вообще? Строго говоря, рассматриваемый инвентарь не смыкается ни с одним из них. И прежде всего потому, что он не содержит в своем составе рубила, несмотря на наличие здесь крупноотщеповой технологии и выраженных элементов бифасиальной обработки. Примечательно и то, что единичные предметы коллекции данного памятника, которые с оговорками можно было бы отнести к протобифасам (рис. 6), изготовлены не на крупных

отщепах, а на желваке. Наличие крупноотщеповой технологии не предполагает обязательного наличия рубила, и, соответственно, данная индустрия, в отличие от других вариантов индустрий, где рубила представлены, не может претендовать на принадлежность к раннему ашелю.

С другой стороны, наличие рубила не означает, что данной индустрии должна быть присуща (или не присуща) технология крупного отщепа. Так и здесь, становление и долгое бытование технологии крупного отщепа не было сопряжено с возникновением рубила и наступлением ашеля. Рубила возникают и функционируют и вне крупноотщеповой технологии. Можно вспомнить, что рубила «развитого олдована Б», датируемого временем примерно 1,5–0 1,4 млн л. н., изготавливаются, как правило, на обломках, а не на крупных отщепах (Kimura, 2002). В материалах же финальной стадии раннего плейстоцена Северо-Восточного Кавказа приходится говорить об отсутствии в них устоявшихся форм рубил не только на крупных отщепах, но и на обломках или желваках. Первые рубила зафиксированы в описываемом районе в аллювии самой высокой неоплейстоценовой речной террасы, что соответствует началу нижнебакинского горизонта региональной стратиграфической схемы, т. е. времени не ранее 0,8 млн л. н.

Будучи последовательными в определении ашеля как индустрии рубила и признавая культуру олдована почвой, на которой произошло становление обоих вариантов раннего ашеля (PcT и LCT), нужно допускать возможность различных путей реализации одного и того же процесса – становления бифасиальной техники и производства рубил при однонаправленности самого процесса развития. То есть в процессе развития присутствует не стихия случайностей и калейдоскоп событий, а эволюция, начальная и конечная точки которой, с точки зрения технико-типологического облика эволюционирующей культуры, нам известны. В таком случае должен существовать и некий переходный этап, в течение которого осуществляется трансформация олдована в индустрию ашеля. По этой логике временной диапазон от момента появления технологии крупного отщепа до внедрения в практику рубила представляется правильным определять как период, переходный от олдована к ашелю. Именно такой ход развития выразительно демонстрирует индустрия раннего плейстоцена Дагестана. То есть в указанное время уже доминирует технология крупного отщепа, что указывает на отдаление данной индустрии от олдована в строгом значении этого термина. Но при этом рубила, как выработанный тип орудия, памятникам этой стадии не присущи, хотя элементы бифасиальной обработки здесь присутствуют. Следовательно, называя данную индустрию раннеплейстоценовой и крупноотщеповая, мы вправе добавить здесь и определение «переходная», имея в виду переход от олдована к ашелю.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А., 2007а. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (предварительные результаты). М.: Таус. 52 с.
- Амирханов Х. А., 2007б. Ранний ашель Кавказа в свете новых исследований в Дагестане: проблема истоков и основные типологические характеристики // Кавказ и первоначальное заселе-

- ние человеком Старого Света / Ред. Х. А. Амирханов. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 21–34.
- Амирханов Х. А., 2016. Северный Кавказ: начало преистории. М.: МавраевЪ. 344 с.
- Амирханов Х. А., Тесаков А. С., Ожерельев Д. В., 2017. К датировке стоянки олдована Мухкай 2а в Дагестане // БКИЧП. № 75. С. 5–10.
- Беляева Е. В., Любин В. П., 2012. Развитие технологий и протодизайна в раннем палеолите на примере ашельских рубил Кавказа // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук / Отв. ред. А. П. Деревянко. М.: РОССПЭН. С. 10–21.
- Деревянко А. П., 2014. Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 372 с.
- Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г., 2012. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 292 с.
- Замятнин С. Н., 1951. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода // Происхождение человека и древнее расселение человечества / Отв. ред. М. Г. Левин. М.: АН СССР. С. 89–152. (Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия; т. 16.)
- Чепалыга А. Л., Амирханов Х. А., Садчикова В. М., Трубухин В. М., Пирогов А. Н., 2012. Геоархеология олдувайских стоянок горного Дагестана // БКИЧП. № 72. С. 73–94.
- Щелинский В. Е., Тесаков А. С., Титов В. В., Симакова А. Н., Фролов П. Д., Куршаков С. В., 2015. Раннеплейстоценовая стоянка Кермек в Западном Предкавказье (предварительные результаты комплексных исследований) // КСИА. Вып. 239. С. 240–257.
- Ahmed I. J., Blackwell B. A. B., Cho E. K., Chen S., Amirkhanov H. A., Blickstein J., Skinner A. R., Lev S., 2010. ESR dating an Oldowan site in Dagestan, Southern Russia: exploring the earliest Hominid migration into Eurasia // 2010 Geological Society of America Annual Meeting. 31 October – 3 November. Denver, Colorado USA.
- Asfaw B., Beyene Y., Suwa G., Walter R. C., White T. D., Wolde Gabriel G., Yemane T., 1992. The earliest Acheulean from Konso-Gardula // Nature. Vol. 360. P. 732–735.
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar N., 1993. The lithic assemblages of Ubeidiya a lower palaeolithic site in the Jordan valley. Jerusalem: Institute of Archaeology, the Hebrew University of Jerusalem. 266 p.
- Clark G., 1969. World Prehistory: A New Synthesis. Cambridge: Cambridge University Press. 284 p.
- Isaac G., 1969. Studies of Early cultures in East Africa // World Archaeology. No. 1. P. 1–27.
- Jagher R., 2017. *La question de l'Acheuléen – une tentative de compréhension* // Vocation Préhistoire. Hommages à Jean-Marie Le Tensorer. Liège: ERAUL. P. 175–182.
- Kimura Y., 2002. Examining time trends in the Oldowan technology at Bad I and II, Olduvai Gorge // JHE. Vol. 43. Iss. 3. P. 291–321.
- Koobi Fora Research Project. Vol. 5: Plio-Pleistocene the Archaeology / Eds.: G. L. Isaac, B. Isaac. Oxford: Clarendon Press, 1997. 596 p.
- Kuman K., Clarke R. J., 2000. Stratigraphy, artefact industries and hominid associations for Sterkfontein, Member 5 // JHE. Vol. 38. Iss. 6. P. 827–847.
- Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge. Vol. 3: Excavations in Beds I and II. Cambridge: University Press. 222 p.
- Leakey M. D., 1975. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // After the Australopithecines. Stratigraphy, Ecology and Cultural Change in the Middle Pleistocene / Eds.: K. W. Butzer, G. L. Isaac. Chicago, Mountone. P. 447–493.
- Raynal J. P., Alaoui F. Z. S., Geraads D., Magoga L., Mohi A., 2001. The earliest occupation of North-Africa: the Moroccan perspective // QI. Vol. 75. Iss. 1. P. 65–75.
- Raynal J. P., Sbini-Alaoui F.-Z., Mohib A., Geraads D., 2009. Préhistoire ancienne au Maroc Atlantique: bilan et perspectives regionales // Bulletin d'Archeologie Marocaine. Vol. XXI. P. 9–53.
- Roche H., 1995. Les Industries de la limite de la Plio-Pleistocene et du Pleistocene ancien en Afrique // Congreso Internacional de Paleontologia Humana. 3a Circular, Orce: Fundación Caja de Granada. 93 p.
- Semav S., Rogers M., Stout D., 2009. The Oldowan Acheulian Transition: Is there a “Developed Oldowan” Artifact Tradition? // Sourcebook of Palaeolithic Transitions: Methods, Theories, and Interpretations / Eds.: M. Camps, P. Chaukhan. Berlin: Springer Verlag. P. 173–193.
- Sharon G., 2010. Large flake Acheulian // QI. Vol. 223–224. P. 226–233.

- Torre I. de la, Mora R., 2001. Remarks on the Current Theoretical and Methodological Approaches to the Early Technological Strategies in Eastern Africa // *Interdisciplinary Approaches to the Oldowan* / Eds.: E. Hovers, D. R. Braun. Dordrecht: Springer. P. 15–24.
- Torre I. de la, Mora R., 2005. Technological strategies in the Lower Pleistocene at Olduvai beds I & II. Liège: ERAUL. 255 p.
- Vallverdu J., Saladie P., Rosas A., Huguet R., Caceres I., Mosquera M., Garcia-Tabernero A., Estalrich A., Lozano-Fernandez I., Pineda-Alcala A., Carrancho A., Villalain J. J., Bourles D., Braucher R., Lebatard A., Vilalta J., Esteban-Nadal M., Bennasar M. L., Bastir M., Lopez-Polin L., Olle A., Verges J. M., Ros-Montoya S., Martinez-Navarro B., Garcia A., Martinell J., Exposito I., Burjachs F., Agusti J., Carbonell E., 2014. Age and Date for Early Arrival of the Acheulian in Europe (Barranc de la Boella, la Canonja, Spain) // *PLOS ONE*. Vol. 9. Iss. 7. e103634.

Сведения об авторах

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва 117036, Россия; Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, ул. М. Гаджиева, 45, г. Махачкала, 367025, Республика Дагестан, Россия; e-mail: Amirkhanov@gambler.ru;

Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, ул. М. Гаджиева, 45, г. Махачкала, 367025, Республика Дагестан, Россия; e-mail: taymazov_artur@mail.ru

H. A. Amirkhanov, A. I. Taymazov

EARLY PLEISTOCENE LARGE FLAKE INDUSTRY OF THE NORTHEAST CAUCASUS: STADIAL STATUS

Abstract. The paper provides substantiation for identification of the Early Pleistocene large flake industry in the Northeast Caucasus. Comparing the materials from Central Dagestan of the relevant period with the implements of local typical Oldowan and the Early Acheulean industries in Africa and Southern Europe, the authors come to the conclusion that a culture with characteristics transitional between the Oldowan and the Early Acheulean existed in the region in question.

Keywords: Early Pleistocene, North-eastern Caucasus, large flake industry, Oldowan, Early Acheulian.

REFERENCES

- Ahmed I. J., Blackwell B. A. B., Cho E. K., Chen S., Amirkhanov H. A., Blickstein J., Skinner A. R., Lev S., 2010. ESR dating an Oldowan site in Dagestan, Southern Russia: exploring the earliest Hominid migration into Eurasia. *2010 Geological Society of America Annual Meeting*. Denver, Colorado USA.
- Amirkhanov H. A., 2007a. Issledovaniye pamyatnikov oldovana na Severo-Vostochnom Kavkaze (predvaritel'nyye rezul'taty) [Investigation of Oldowan sites in North-eastern Caucasus (preliminary results)]. Moscow: Taus. 52 p.
- Amirkhanov H. A., 2007b. Ranniy ashel' Kavkaza v svete novykh issledovaniy v Dagestane: problema istokov i osnovnyye tipologicheskiye kharakteristiki [Early Acheulian of the Caucasus in light of new investigations in Dagestan: problem of origins and basic technological characteristics]. *Kavkaz i pervonachal'noye zaseleniye chelovekom Starogo Sveta [Caucasus and man's initial settling in the Old World]*. H. A. Amirkhanov, ed. St.Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, pp. 21–34.

- Amirkhanov H. A., 2016. Severnyy Kavkaz: nachalo preistorii [North Caucasus: the dawn of prehistory]. Moscow: Mavrayev². 344 p.
- Amirkhanov H. A., Tesakov A. S., Ozherel'yev D. V., 2017. K datirovke stoyanki oldovana Mukhkay 2a v Dagestane [On dating of Oldowan site Mukhkay 2a in Dagestan]. *BKICHP*, 75, pp. 5–10.
- Asfaw B., Beyene Y., Suwa G., Walter R. C., White T. D., Wolde Gabriel G., Yemane T., 1992. The earliest Acheulean from Konso-Gardula. *Nature*, 360, pp. 732–735.
- Bar-Yosef O., Goren-Inbar N., 1993. The lithic assemblages of Ubeidiya a lower palaeolithic site in the Jordan valley. Jerusalem: Institute of Archaeology, Hebrew University of Jerusalem. 266 p.
- Belyayeva E. V., Lyubin V. P., 2012. Razvitiye tekhnologii i protodizayna v rannem paleolite na primere ashel'skikh rubil Kavkaza [Development of technologies and protodesign in Early Palaeolithic on example of Acheulian hand-axes in the Caucasus]. *Istoriko-kul'turnoye naslediyе i dukhovnyye tsennosti Rossii: programma fundamental'nykh issledovaniy Prezidiuma Rossiyskoy akademii nauk [Russia historical cultural heritage and spiritual values: program of fundamental studies of Presidium of the Russian Academy of Sciences]*. A. P. Derevyanko, ed. Moscow: ROSSPEN, pp. 10–21.
- Chepalyga A. L., Amirkhanov H. A., Sadchikova V. M., Trubikhin V. M., Pirogov A. N., 2012. Geoarkheologiya olduvayskikh stoyanok gornogo Dagestana [Geoarchaeology of Olduvai sites in mountain Dagestan]. *BKICHP*, 72, pp. 73–94.
- Clark G., 1969. *World Prehistory: A New Synthesis*. Cambridge: Cambridge University Press. 284 p.
- Derevyanko A. P., 2014. Bifasial'naya industriya v Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii [Bifacial industry of Eastern and South-eastern Asia]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 372 p.
- Derevyanko A. P., Amirkhanov H. A., Zenin V. N., Anoykin A. A., Rybalko A. G., 2012. Problemy paleolita Dagestana [Problems in Dagestan Palaeolithic]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 292 p.
- Isaac G., 1969. Studies of Early cultures in East Africa. *World Archaeology*, 1, pp. 1–27.
- Jagher R., 2017. La question de l'Acheuléen – une tentative de compréhension. *Vocation Préhistoire. Hommages à Jean-Marie Le Tensorer*. Liège: ERAUL, pp. 175–182.
- Kimura Y., 2002. Examining time trends in the Oldowan technology at Beds I and II, Olduvai Gorge. *JHE*, vol. 43, iss. 3, pp. 291–321.
- Koobi Fora Research Project, 5. Plio-Pleistocene archaeology. G. L. Isaac, B. Isaac, eds. Oxford: Clarendon Press, 1997. 596 p.
- Kuman K., Clarke R. J., 2000. Stratigraphy, artefact industries and hominid associations for Sterkfontein, Member 5. *JHE*, vol. 38, iss. 6, pp. 827–847.
- Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge, 3. Excavations in Beds I and II. Cambridge: University Press. 222 p.
- Leakey M. D., 1975. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence. *After the Australopithecines. Stratigraphy, Ecology and Cultural Change in the Middle Pleistocene*. K. W. Butzer, G. L. Isaac, eds. Chicago: Mountone, pp. 447–493.
- Raynal J. P., Alaoui F. Z. S., Geraads D., Magoga L., Mohi A., 2001. The earliest occupation of North-Africa: the Moroccan perspective. *QI*, vol. 75, iss. 1, pp. 65–75.
- Raynal J. P., Sbini-Alaoui F.-Z., Mohib A., Geraads D., 2009. Préhistoire ancienne au Maroc Atlantique: bilan et perspectives regionales. *Bulletin d'Archeologie Marocaine*, XXI, pp. 9–53.
- Roche H., 1995. Les industries de la limite Plio-Pléistocène et du Pléistocène ancien en Afrique. *Congreso Internacional de Paleontologia Humana. 3a Circular*. Orce: Fundación Caja de Granada. 93 p.
- Semav S., Rogers M., Stout D., 2009. The Oldowan Acheulian Transition: Is there a «Developed Oldowan» Artifact Tradition? *Sourcebook of Palaeolithic Transitions: Methods, Theories, and Interpretations*. M. Camps, P. Chaukhan, eds. Berlin: Springer Verlag, pp. 173–193.
- Sharon G., 2010. Large flake Acheulian. *QI*, 223–224, pp. 226–233.
- Shchelinskiy V. E., Tesakov A. S., Titov V. V., Simakova A. N., Frolov P. D., Kurshakov S. V., 2015. Rannepleystotsenovaya stoyanka Kermek v Zapadnom Predkavkaz'ye (predvaritel'nyye rezul'taty kompleksnykh issledovaniy) [Early Pleistocene short-term camp Kermek in West Ciscaucasia (preliminary results of complex studies)]. *KSIA*, 239, pp. 240–257.
- Torre I. de la, Mora R., 2001. Remarks on the Current Theoretical and Methodological Approaches to the Early Technological Strategies in Eastern Africa. *Interdisciplinary Approaches to the Oldowan*. E. Hovers, D. R. Braun, eds. Dordrecht: Springer, pp. 15–24.
- Torre I. de la, Mora R., 2005. Technological strategies in the Lower Pleistocene at Olduvai beds I & II. Liège: ERAUL. 255 p.

- Vallverdu J., Saladie P., Rosas A., Huguet R., Saceres I., Mosquera M., Garcia-Taberner A., Estalrich A., Lozano-Fernandez I., Pineda-Alcala A., Carrancho A., Villalain J. J., Bourles D., Braucher R., Lebatard A., Vilalta J., Esteban-Nadal M., Bennisar M. L., Bastir M., Lopez-Poln L., Olle A., Verges J. M., Ros-Montoya S., Martinez-Navarro B., Garcia A., Martinell J., Exposito I., Burjachs F., Agusti J., Carbonell E., 2014. Age and Date for Early Arrival of the Acheulian in Europe (Barranc de la Boella, la Canonja, Spain). *PLOS ONE*, vol. 9, iss. 7, e103634.
- Zamyatnin S. N., 1951. O voznikovenii lokal'nykh razlichiy v kul'ture paleoliticheskogo perioda [On emergence of regional differences in culture of Palaeolithic period]. *Proiskhozhdeniye cheloveka i drevneye rasseleniye chelovechestva [The origin of man and early settlement of mankind]*. M. G. Levin, ed. Moscow: AN SSSR, pp. 89–152. (Trudy Instituta etnografii AN SSSR. Novaya seriya, 16.)

About the authors

Amirkhanov Hizri A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow 117036, Russian Federation; Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center Russian Academy of Sciences, ul. M. Gadzhieva 19, Makhachkala 367025, Republic of Dagestan, Russian Federation; e-mail: Amirkhanov@rambler.ru;

Taymazov Artur I., Institute of History, Archaeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center Russian Academy of Sciences, ul. M. Gadzhieva, 19, Makhachkala, 367025, Republic of Dagestan, Russian Federation; e-mail: taymazov_artur@mail.ru

В. Е. Щелинский

ОБ ОХОТЕ НА КРУПНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВОДНЫХ ПИЩЕВЫХ РЕСУРСОВ В РАННЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

(ПО МАТЕРИАЛАМ РАННЕАШЕЛЬСКИХ СТОЯНОК ЮЖНОГО ПРИАЗОВЬЯ)*

Резюме. Статья посвящена проблеме источников питания и способов получения пищевых продуктов в раннем палеолите. Решение этой сложной и дискуссионной проблемы затруднено дефицитом археологических данных. В статье приводятся и интерпретируются материалы разновременных стоянок таманской раннеашельской индустрии в Южном Приазовье (~ 2,0–1,0 млн л. н.). Анализ материалов приводит автора к выводу, что носители таманской раннеашельской индустрии были охотниками на крупных млекопитающих, главным образом на южных слонов (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) и кавказских эламотериев (*Elasmotherium caucasicum*). Возникновению активной охоты на этих млекопитающих как способа получения мясной пищи способствовали конкретные природные условия Южного Приазовья в раннем плейстоцене и когнитивные способности первобытных людей. Была выработана особая стратегия охоты – в кальдерах грязевых вулканов, во множестве имевшихся в то время в регионе. Учитывалось поведение животных, приходивших к кратерам грязевых вулканов на водопой и для «грязевых ванн» в сопочной глине. Это позволяло без большого труда охотиться на обездвиженных в топкой грязи животных и получать солидные запасы мясной пищи. Исследование материалов стоянки Богатыри/Синяя Балка показывает, что охота на крупных млекопитающих, как основной способ получения мясной пищи, закономерно возникает одновременно с появлением раннеашельской технологии производства каменных орудий труда. Наряду с охотой на крупных млекопитающих создатели таманской индустрии широко использовали особую форму собирательства – пляжевое собирательство

* Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы: № 0184-2019-0008 «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)».

белковой пищи в виде моллюсков, трупов морских животных и рыбы. Этот надежный источник продуктов питания, возможно, был одной из основных причин расположения стоянок таманской раннеашельской индустрии на пляжах морских лагун и эстуариев.

Ключевые слова: охота, собирательство, ранний палеолит, ранний плейстоцен, Южное Приазовье, Россия.

Введение

Проблема источников питания древнейших людей и способов получения ими пищевых продуктов является одной из основных в изучении раннего палеолита. Это довольно сложная проблема. Решение ее сопряжено с большими трудностями из-за дефицита соответствующих археологических данных. Конечно, хорошо известно, что древнейшие люди изначально с момента своего появления были всеядными и всегда находили в породившей их природной среде мясные и растительные продукты питания, необходимые для существования и развития. Вопрос заключается в том, как получали они эти пищевые продукты? Собирательством? Охотой? Или тем и другим?

Очевидно, что многое зависело от качества природных условий обитания людей, их когнитивных способностей, социальной организации и уровня развития материальной культуры. В конкретном же плане при реконструкции деятельности раннепалеолитических людей по добыванию пищевых продуктов можно опираться лишь на археологические данные, какими скудными бы они ни были.

В материалах более или менее хорошо сохранившихся стоянок раннего палеолита иногда можно проследить некоторые косвенные признаки, указывающие на использовавшиеся людьми продукты питания и возможные способы их получения. Такими признаками являются намеренно расколотые кости животных и кости с порезами на поверхности. Они свидетельствуют о разделке туш животных каменными орудиями с целью получения мясной пищи. На это же указывают и сами каменные орудия с сохранившимися следами износа от резания мяса, обнаруживаемые на самых древних, доашельских, раннепалеолитических стоянках (*Keeley, Toth, 1981*). Однако по этим признакам нельзя узнать, были ли разделанные туши животных результатом охоты людей или же они были отняты людьми у крупных хищников (*confrontational scavenging*). Предполагается, исходя из общих соображений, что на самом раннем этапе развития (доашельский период, ~ 2,6–1,7 млн л. н.) гоминины использовали и тот, и другой способы получения мясной пищи (*Villa, Lenoir, 2009. P. 60*). Состав каменных орудий раннего палеолита не проясняет этот вопрос. Среди них отсутствуют формы, которые можно было бы отнести к охотничьему вооружению. Эти орудия, независимо от их технологических и типологических особенностей, были, главным образом, ножами, рубящими орудиями и скобелями и использовались для разделки туш животных и обработки дерева (*Щелинский, 1994; 2001; Shchelinsky, 1993*).

Прямые свидетельства активной охоты на крупных млекопитающих в раннем палеолите чрезвычайно редки. Наиболее бесспорными являются уникальные находки деревянных копий разной степени сохранности в совместном залегании с костями крупных животных (*Allington-Jones, 2015; Thieme, 1997; Warren, 1922*). В этих случаях не возникает сомнений, что животные были убиты с помощью этих копий в результате организованной охоты.

Особенно мало археологических данных, указывающих на собирательскую деятельность людей в раннем палеолите с целью обеспечения продуктами питания. При этом едва ли не единственным надежным свидетельством этой деятельности на разных стадиях палеолита являются раковины моллюсков, находимые на стоянках. Для раннего и среднего палеолита это преимущественно раковины морских моллюсков, встречающиеся в культуросодержащих слоях стоянок, располагавшихся непосредственно на берегу моря или в пещерах поблизости от него (*Colonese et al., 2011; Cortés-Sánchez et al., 2011*).

Фактов наличия остатков малакофауны на прибрежных стоянках раннего палеолита пока совсем немного. Известны, например, находки раковин разнообразных морских моллюсков (*Ostreidae, Mytilidae и Patellidae*) на ашельской стоянке Терра-Амата (возраст около 300 тыс. л.) на средиземноморском побережье во Франции (*de Lumley, 1966; Colonese et al., 2011*). Редки и сами раннепалеолитические стоянки этого типа. Тем не менее можно предполагать, что древнейшие люди, обитавшие в прибрежных зонах южных морей, регулярно собирали на пляжах моллюски, равно как и остатки других морских животных, и использовали их для питания. Это тем более вероятно, если учесть, что морские береговые линии часто служили им для передвижений и были своего рода коридорами для миграций (*Bailey et al., 2008*).

Исследования стоянок раннего палеолита Южного Приазовья, относящихся к раннему ашелю, вносят новое в понимание стратегий жизнеобеспечения первобытных людей в этот период.

Раннеашельские стоянки Южного Приазовья: локализация, тафономия, признаки охоты на крупных млекопитающих и собирательства

Южное Приазовье в географическом отношении относится к Юго-Западной Азии и располагается в ее северо-восточной части, непосредственно на границе с Европой. Лишь неширокая акватория Азовского моря отделяет его от Северного Приазовья, являющегося территорией Юго-Восточной Европы.

Сохранению и выявлению стоянок древнейших людей в Южном Приазовье, на Таманском полуострове, несомненно, способствовали его особые геологические условия.

В тектоническом отношении Таманский полуостров занимает восточную часть Керченско-Таманского поперечного прогиба, служащего своего рода соединительным звеном между складчатыми сооружениями Большого Кавказа и горного Крыма. В силу этого территория полуострова на протяжении длительного геологического времени не испытывала существенных поднятий,

способствовавших разрушению древних горных пород, равно как и не находилась в зоне интенсивных погружений, скрывающих толщи ранних отложений. Тектонические структуры полуострова состоят в основном из брахиантиклиналей и куполов диапирового строения, что находит прямое отражение в мягком увало-холмистом характере его современного рельефа, осложненного во многих местах сопками грязевых вулканов (Милановский, Хайн, 1963). Отмеченные особенности геологического развития Таманского полуострова привели к тому, что на нем прекрасно сохранились и обнажаются на большом протяжении в береговых обрывах Черного и Азовского морей многометровые толщи плиоценовых и плейстоценовых отложений, в том числе палео- и эоплейстоценового возраста, синхронных древнейшему этапу развития человеческой культуры.

Рельеф района расположения стоянок представляет собой чередование невысоких антиклинальных гряд с максимальной отметкой 74,7 м («гора Тиздар») и синклинальных низин, часто занятых лиманами. Для района характерна довольно активная неотектоника, грязевый вулканизм, диапиризм и оползневые процессы. Берег моря здесь интенсивно разрушается под воздействием морской абразии. Эти факторы природной среды проявлялись длительное время и были особенно выраженными в позднем плиоцене и раннем плейстоцене. В результате сложного взаимодействия данных факторов плиоценовые и раннеплейстоценовые отложения в районе стоянок в ряде мест оказались сильно деформированными. Первоначально горизонтально залегавшие, они были наклонены под крутыми углами, кое-где поставлены «на ребро», разорваны на части и в виде более или менее крупных блоков смещены с мест первоначального залегания. Стоянки располагаются непосредственно у берега Азовского моря, и их культуросодержащие слои обнажаются в береговом абразионно-оползневом уступе.

В настоящее время в результате планомерных разведок и комплексных исследований, начатых в 2003 г. ИИМК РАН совместно с Геологическим институтом РАН и ЮНЦ РАН, в Южном Приазовье, на Таманском полуострове, открыты и исследуются шесть стратифицированных стоянок раннего палеолита с полноценными коллекциями археологических материалов – Родники 1–4, Богатыри/Синяя Балка и Кермек. Все они датируются ранним плейстоценом, но при этом имеют разный возраст в рамках этого периода (в интервале от 2,1 до 1,0 млн л. н.). По современным представлениям, эти стоянки являются древнейшими стоянками первобытных охотников и собирателей на территории России за пределами Кавказа и самыми северными в Евразии пунктами расселения первобытных людей в раннем плейстоцене (Щелинский, 2010; *Shchelinsky et al.*, 2016).

Примечательно, что названные стоянки располагаются компактной группой на северном (азовском) побережье Таманского полуострова (у пос. За Родину, Темрюкского района, Краснодарского края, в 25 км к западу от г. Темрюка). Максимальное расстояние между ними не превышает нескольких сотен метров (рис. 1), что указывает на заселенность этой местности древнейшими людьми на протяжении длительного промежутка времени в течение раннего плейстоцена (Щелинский, 2010; 2014).

По технико-типологическим показателям стоянки относятся к одной раннеашельской индустрии, получившей название «таманской» (Щелинский, 2014;

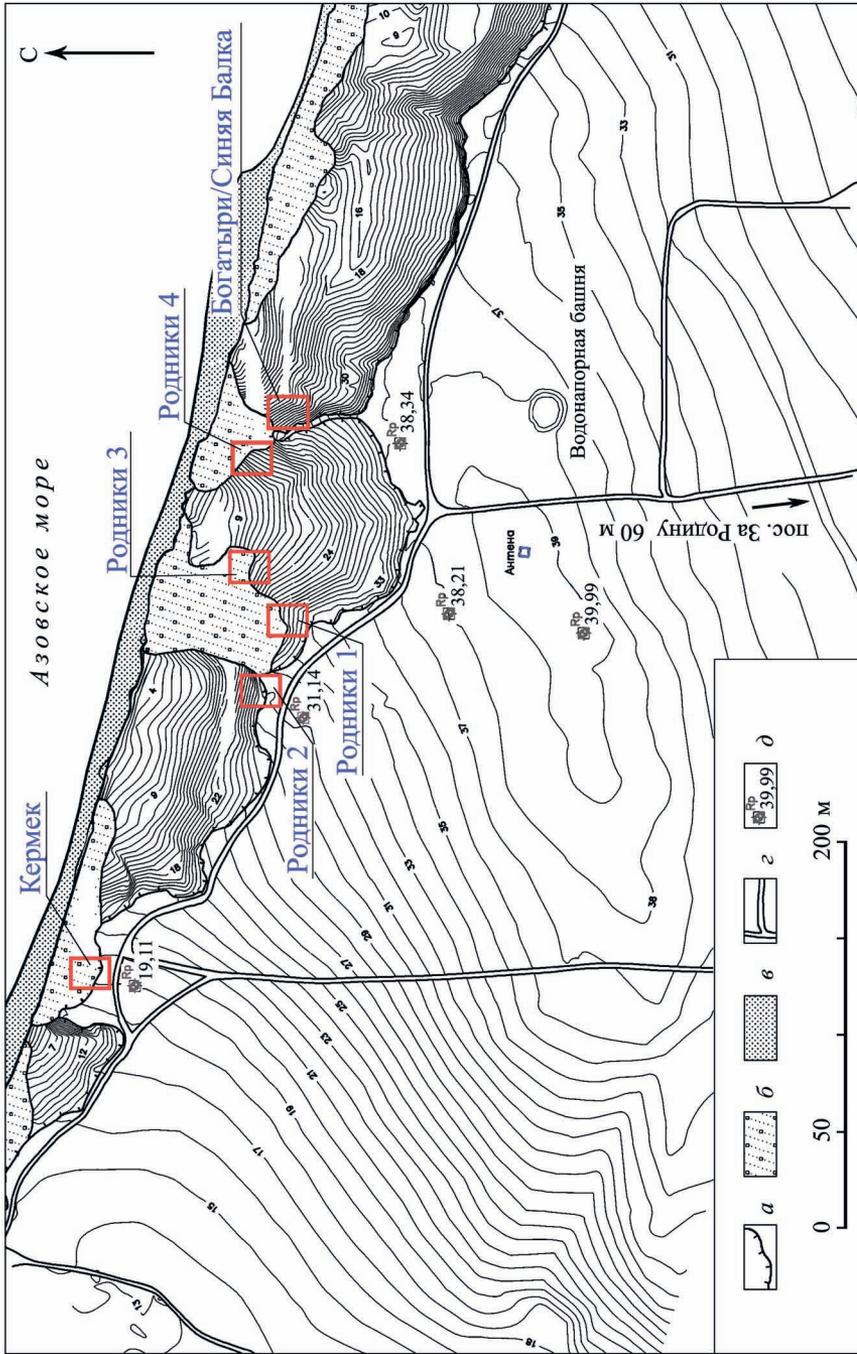

Рис. 1. Топографический план раннепалеолитических стоянок на северном берегу Таманского полуострова у пос. За Родину
a – линия берегового обрыва на 2011 г.; *б* – зона интенсивного обрушения кромки берега и строительных подсыпок; *в* – пляжная зона; *г* – грунтовая дорога; *д* – высотные отметки

2016; 2017; 2018; *Shchelinsky et al.*, 2016). Это одна из древнейших из установленных в настоящее время раннеашельских индустрий Западной Евразии. Данные, которыми мы располагаем на сегодняшний день, позволяют проследить два этапа в ее развитии. Первый – стоянка Кермек (возраст в интервале от 2,1 до 1,78 млн л. н., более вероятен – 1,95–1,78 млн л. н. (палеомагнитный эпизод Олдувей)). На этом этапе в индустрии уже имеются крупные специальные отщепы (> 10 см) со следами использования в качестве орудий, а также некоторые формы крупных режущих орудий (large cutting tools/LCTs) – простые кливеры на отщепе и пики (одно- и частично двусторонне обработанные), но отсутствуют ручные рубила. На втором этапе – комплексы стоянок Родники 1–4 и Богатыри/Синяя Балка (возраст в интервале от 1,6 до 1,0 млн л. н.) в индустрии увеличивается разнообразие стандартизованных орудий, в том числе крупных режущих орудий, и появляются более выразительные двусторонне обработанные пики, кливеры на отщепе и грубые ручные рубила (*Shchelinsky et al.*, 2018).

Как показали исследования, культуросодержащие слои стоянок таманской индустрии имеют различный генезис, из чего можно заключить, что жизнедеятельность раннепалеолитических людей происходила в разных природно-экологических зонах и их стоянки в тех или иных местах могли различаться по видам деятельности. Комплексные исследования, в том числе анализ тафономии и состава археологических материалов и палеонтологических остатков в культуросодержащих слоях стоянок, позволяют конкретизировать их некоторые функциональные особенности.

В этом плане наиболее информативными являются стоянки Богатыри/Синяя Балка, Родники 1 и 2 и Кермек.

Стоянка Богатыри/Синяя Балка

Стоянка Богатыри/Синяя Балка залегает в нарушенном положении, и ее геологическая позиция неясна. Стоянка связана с аллохтонным блоком, запрокинутым на север (азимут 195°, угол падения 75°). Образование его связывалось с развитием диапировой складки (*Dodonov et al.*, 2008b. Р. 138) Позднее выяснилось, что этот блок отложений целиком заключен в массиве грязевулканических глин и, таким образом, представляет собой крупный «ксенолитический пакет», отторгнутый и перемещенный в древности грязевулканическим потоком от первичной раннеплейстоценовой толщи, место расположения которой неизвестно (*Измайлов, Щелинский*, 2013. С. 36).

Однако, несмотря на перемещение, отложения в этом ксенолитическом блоке сохранили целостность и стратиграфическую последовательность, хотя и были поставлены «на ребро».

Отложения делятся на три слоя, являющиеся культуросодержащими. Полный разрез отложений представлен на западной стенке раскопа. В нем четко выделяются (с севера на юг или сверху вниз по неперевернутому разрезу) (рис. 2: А):

1. Неоднородный слой, серый и светло-серый, в основном песчано-щебнистый, неслоистый. Состоит из крупных и мелких беспорядочно залегающих блоков слабо окатанного прочно сцементированного щебня и дресвы, светло-серого

песка и темно-серой глины с неясными контурами и единичных крупных и мелких неокатанных кусков доломита. Содержит многочисленные костные остатки крупных ископаемых млекопитающих и раннепалеолитические каменные изделия. Слой срезается береговым обрывом – около 5 м.

2. Песок светло-серый и желтоватый, ожелезненный, неяснослоистый, с мелкими линзами дресвы, окатышами темно-серой глины, округлыми и продолговатыми песчано-карбонатными стяжениями, нередко содержащими внутри обломки костей («кости в песчано-карбонатной рубашке»), с редкой окатанной щебенкой и единичными кусками и крупными блоками доломита. Содержит обломки костей млекопитающих и раннепалеолитические каменные изделия – около 2 м.

3. Галечно-песчаный слой. Он состоит из прослоев окатанных округлых и бесформенных, часто спаянных между собой обломков прочного песчано-щебневого конгломерата (от 5 до 20–30 см в поперечнике), шаровидных песчано-карбонатных стяжений, заключающих в себе обломки костей, окатышей темно-серой глины, тонких прослоек серой глины, светло-серого песка и алевроита с раковинным детритом, редкого окатанного щебня и единичных глыб доломита. Содержит обломки костей млекопитающих и раннепалеолитические каменные изделия. Слой прислоняется к темно-серым грязевулканическим глинам – около 1 м.

Сверху все слои отчасти повреждены современными почвенными и склоновыми процессами.

Из второго слоя были отобраны 3 образца для палеомагнитного изучения. Первичная намагниченность образцов интерпретируется как обратная. Полученные палеомагнитные данные свидетельствуют о накоплении осадков во время эпохи Матуяма (2,58–0,78 млн л. н.). С учетом корреляции местонахождений таманского териокомплекса, к которым относится стоянка, со второй половиной раннего плейстоцена, коррелятивный интервал может быть сужен до хронона $S1r. 1g$ (0,99–0,78 млн л. н.). Однако новые биостратиграфические данные по крупным млекопитающим этого комплекса могут указывать и на более древний возраст осадков стоянки и их корреляцию с хроном $S1r. 2r$ (1,77–1,07 млн л. н.) (Dodonov et al., 2008b). Результаты новых палеомагнитных исследований разреза Богатырей/Синей Балки подтверждают это (Трубихин и др., 2017).

Фауна во всех трех культуросодержащих слоях стоянки имеет сходный таксономический состав и принадлежит таманскому териокомплексу. Представлены типичные формы этого комплекса: *Archidiskodon meridionalis tamanensis*, *Equus cf. major*, *Elasmotherium caucasicum*, *Bison* sp., *Tragelaphini* gen., *Mimomys savini*, *Lagurodon arankae* и др. (Тумов и др., 2012). Особенностью состава костного материала на стоянке является доминирование остатков *Archidiskodon*

Рис. 2. Стоянка Богатырей/Синяя Балка

А – культуросодержащие слои (1–3), поставленные грязевулканическим потоком «на ребро». Нагромождение костей, преимущественно южных слонов и кавказских эласмотериев, в 1-м культуросодержащем слое на кв. 60–63/1–4, вид с востока; Б – нагромождение костей, преимущественно южных слонов и кавказских эласмотериев, в 1-м культуросодержащем слое на кв. 62, 63/1–3, вид с севера

meridionalis tamanensis и *Elasmotherium caucasicum*, тогда как находки других травоядных среднего размерного класса, а также хищных единичны (Тумов, Тесаков, 2009).

Хронологический диапазон таманского фаунистического комплекса, изученного по целому ряду местонахождений Приазовья и Нижнего Дона, до недавнего времени определялся интервалом от 1,1 до 0,8 млн л. н. (Вангенгейм и др., 1991). Но в последнее время на основании изучения мелких и крупных млекопитающих и корреляции с западноевропейскими аналогами его границы несколько изменены. Время существования этого биохронологического подразделения устанавливается в интервале от 1,55 до 0,85 млн л. н. При этом возраст фауны Синей Балки и, соответственно, стоянки Богатыри/Синяя Балка определяется в интервале от 1,5 до 1,2 млн л. н. (Тумов, Тесаков, 2009; Тумов и др., 2012).

Природные условия в Приазовье в это время были вполне комфортными для жизни людей. Как свидетельствуют экология таманской фауны и палинологические данные, доминировали степные и лесостепные ландшафты, представлявшие сочетание смешанных мезофильных лесов и лугово-степных растительных сообществ (Там же; Kahlke et al., 2011; Simakova, 2009).

Важное значение имеет изучение тафономии культуросодержащих слоев стоянки. Ненарушенную структуру имеют нижний (галечно-песчаный) и средний (песчаный) слои (соответственно – слои 3 и 2). Формирование этих слоев происходило в пляжной зоне мелководного морского бассейна. На это указывает и наличие в них характерных для этой зоны глиняных окатышей. Люди жили, изготавливали и использовали орудия на морском пляже. Костные остатки животных и каменные изделия из этих слоев малочисленны, так как оба слоя сохранились на небольшой площади.

Принципиально другие условия формирования реконструируются для верхнего, основного культуросодержащего слоя стоянки (1-й слой). Этот слой насыщен костными остатками млекопитающих, залегающими совместно с каменными изделиями беспорядочно. В нем сконцентрированы целые и фрагментированные черепа, бивни, зубы, ребра, трубчатые и плоские кости, метаподии, фаланги и другие части скелетов млекопитающих, нередко в анатомической связке. Очень много мелких фрагментов костей. Сохранность костей одинаковая и в целом плохая. Кости ломкие, трухлявые, поверхность их выветрелая и не подлежит трасологическому анализу. Каменные изделия, напротив, имеют хорошую сохранность.

Большинство палеонтологов и геологов, изучавших этот слой, полагают, что он образовался в результате селевого выноса. С этим мнением специалистов, очевидно, трудно спорить. Вместе с тем возможно и другое объяснение происхождения этого слоя, поскольку нельзя не учитывать его структуру. Как отмечалось, он состоит из хаотично залегающих блоков отложений различного генезиса (песка, щебня, темно-серых глин). В селевом потоке эти блоки едва ли могли сохраниться. Кроме того, обращает на себя внимание хорошая сохранность в слое каменных изделий и наличие среди костного материала анатомических групп, хотя многие кости разломаны. В слое нет каких-либо примесей ни в археологическом материале, ни среди костных остатков млекопитающих. Костный материал целиком принадлежит животным таманского фаунистического комплекса. Все указывает на то, что перемещение культуросодержащих отложений

слоя произошло однократно, быстро и со сравнительно небольшого расстояния. На мой взгляд, это мог быть обвал древнего морского берега, в отложениях которого находился культуросодержащий слой. При этом, как можно заключить на основании литологических особенностей отложений, культуросодержащий слой упал на морской песчаный пляж (слой 2 описанного разреза), где частично был размыт и преобразован (Щелинский, 2010). На морской пляж указывает наличие в сброшенном культуросодержащем слое многочисленных морских микроскопических водорослей (динофлагеллят), обнаруженных палинологом А. Н. Симаковой (*Dodonov et al.*, 2008a). На пляже остатки культуросодержащего слоя смешались с обломочным дресвяно-щебневым материалом, поступавшим с берегового склона.

Культурные остатки и костный материал распределяются в слое неравномерно. Раскопками выявлено обширное скопление костей крупных млекопитающих площадью около 3,5 кв. м и мощностью около 3 м (квадраты 60–63/1–4) (рис. 2: А, Б) (Кулаков и др., 2011. С. 300). Оно представляет собой беспорядочное нагромождение различных разломанных и почти целых костей крупных млекопитающих: черепов, конечностей, лопаток, тазов, челюстей, бивней, ребер, отдельных зубов и других частей скелетов животных. Кости лежат компактно, близко сомкнуты между собой и нередко налегают одна на другую, отделяясь только тонкими прослойками глины или сцементированного щебня с дресвой. Вперемешку с костями залегают глыбы доломита и раннепалеолитические каменные изделия. Происхождение этого скопления не совсем ясно. Однако образование его, на мой взгляд, не связано с деятельностью человека. Вполне вероятно, что это было крупное природное понижение, может быть расщелина, заполненная в древности содержимым культуросодержащего слоя в момент его обрушения с берегового обрыва.

Как бы то ни было, приходится констатировать, что первичная структура основного культуросодержащего слоя стоянки полностью разрушена природными процессами (Щелинский, 2014).

Дискуссионным является вопрос о первоначальном происхождении костей млекопитающих в этом культуросодержащем слое. Напомню, речь идет о костях главным образом южных слонов (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) и кавказских эламотериев (*Elasmotherium caucasicum*). Широко распространено мнение, впервые высказанное Н. К. Верещагиным (1957), что эти кости являются остатками трупов животных, погибших в разное время, которые накапливались в озерных водоемах, перекрывались песком и илом, а затем были размыты и перенесены к нынешнему месту их нахождения грязеводяным потоком, возможно вулканическим. Не исключалось также, что животные могли гибнуть на месте водопоя и «грязевых ванн», утопая в грязи озерного понижения грязевого вулкана (*Dodonov et al.*, 2008a).

Такие объяснения происхождения многочисленных костей млекопитающих на стоянке, на мой взгляд, неубедительны. Прежде всего потому, что кости залегают вместе с каменными изделиями, наверняка использовавшимися для разделки туш животных. Следовательно, люди имели доступ к тушам и мясу животных. Костный материал культуросодержащего слоя свидетельствует о том, что туши животных интенсивно расчленялись и некоторые кости, по-видимому,

раскалывались. Правда, плохая сохранность костей не позволяет утверждать это с полной достоверностью. Однако важным подтверждением расчленения туш животных является несомненный факт залегания вместе с обломками костей разнообразных каменных орудий. При этом среди них имеются особые крупные и массивные орудия, предназначавшиеся, очевидно, как раз для ударных функций – рубки, кромса, раскалывания. Речь идет о простых грубых и тяжелых орудиях в виде обломков плит доломита (в отдельных случаях до 25–30 см в поперечнике), слегка подправленных двумя-тремя сколами. Такими орудиями можно было не только разделять туши, но и пробивать черепа крупных животных. В этой связи весьма показательна уникальная находка пиковидного орудия (10 × 7,1 × 4,7 см) внутри фрагментированного черепа кавказского эласмотерия из культуросодержащего слоя (рис. 3: А, Б; 4: А, Б). Орудие было обнаружено в черепе животного палеонтологом В. В. Титовым уже во время его расчистки и реставрации в лабораторных условиях. Характер расположения орудия в черепе ясно свидетельствует, что оно попало в него не случайно, а именно в результате направленного пробивания черепной кости животного. Было ли при этом животное убито или же пробивался череп уже погибшего животного с целью извлечения мозга, неизвестно.

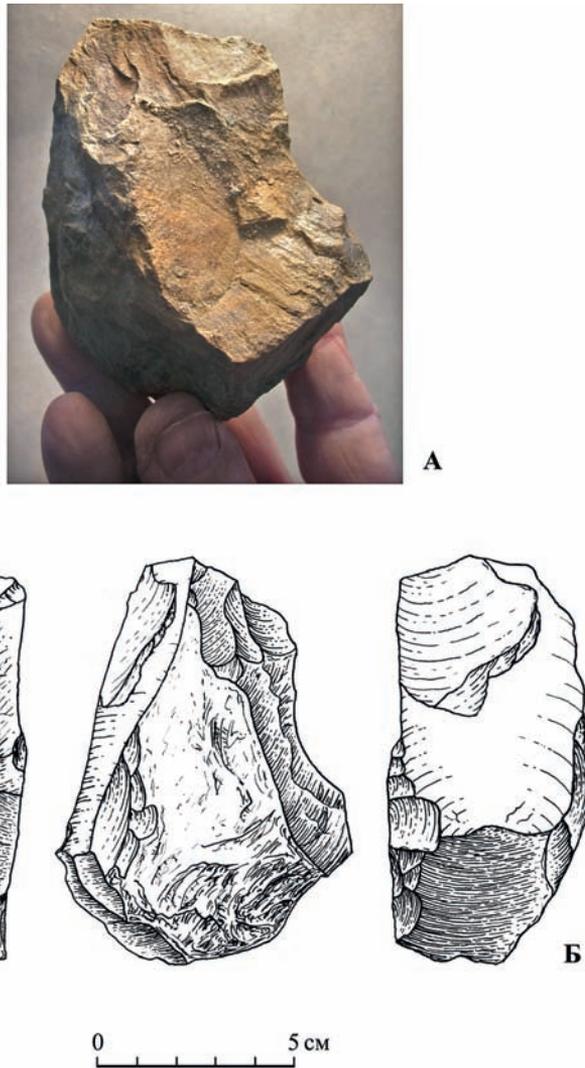
Можно, конечно, допускать, как это делают некоторые авторы, что люди питались трупами погибших (утонувших) животных, вытаскивая их на берег для разделки каменными орудиями. Однако при этом необходимо также и маловероятное допущение, что люди сидели поблизости и ждали, когда животные погибнут. Но это уже совсем несерьезно.

Кроме того, ряд исследователей полагают, что люди начальной поры раннего палеолита, а именно к этому времени относится стоянка Богатыри/Синяя Балка, были падальщиками, агрессивными падальщиками, конкурирующими за пищевые ресурсы с хищниками (см., например: *Саблин и др.*, 2018; *Тумов и др.*, 2018; *Blumenschine*, 1987; *Arribas, Palmqvist*, 1999; *Landek, Garcia Garriga*, 2017). Однако в Богатырях/Синей Балке нет остатков или следов крупных хищников, способных убить, например, слона или эласмотерия, хотя в некоторых других местонахождениях таманской фауны они присутствуют (*Sotnikova, Titov*, 2009).

На мой взгляд, геологический и археологические контексты, разломанность костей при наличии их анатомических групп и состав костного материала (преобладают кости отдельных видов животных, в частности – слонов и эласмотериев) и каменных орудий больше указывают на то, что на этой стоянке осуществлялась специфическая охотничья деятельность древнейших людей. Представляется весьма вероятным, что стоянка обитателей 1-го культуросодержащего слоя Богатырей/Синей Балки первоначально располагалась на берегу пресного озера, может быть, в крупной кальдере грязевого вулкана. Это было место активной специализированной охоты древнейших людей на млекопитающих, прежде всего на таманских слонов и кавказских эласмотериев, которые приходили к озеру на водопой и для «грязевых ванн» в сопочной глине. Люди охотились на обездвиженных в топкой грязи животных, убивали их, вытаскивали на берег и разделяли орудиями, изготовленными на месте. Если кратерное понижение, заполненное пресной водой и вулканической грязью, имело

Рис. 3. Стоянка Богатыри/Синяя Балка, 1-й культуросодержащий слой. Фрагментированный череп кавказского эласмотерия (*Elasmotherium caucasicum*) с застрявшим в нем пиковидным орудием из окварцованного доломита (А, Б) (показано стрелкой). См. также рис. 4

**Рис. 4. Стоянка Богатыри/Синяя Балка, 1-й культуросодержащий слой.
Пиковидное орудие из окварцованного доломита (А, Б),
извлеченное из черепа кавказского эласмотерия**

по периферии борта и проход к нему был достаточно узок, охота на животных могла иметь загонный характер. Судя по огромному количеству костей слонов и эласмотериев, накопившихся на берегу озера, это место посещалось раннепалеолитическими охотниками многократно в течение длительного времени. Здесь они наверняка не жили, а останавливались ненадолго, убивали животных, кормились, запасались мясом, которое частично уносили на стоянки, расположенные на берегу моря или в каких-либо еще других местах. Учитывая это,

стоянку Богатыри/Синяя Балка (1-й культуросодержащий слой) можно с полным основанием определить как место забоя и разделки туш крупных млекопитающих (kill site) (Щелинский, 2010; 2013; 2014). Надо отметить, что это одно из наиболее древних из известных в настоящее время раннепалеолитических местонахождений такого типа на территории Евразии.

Стоянки Родники 1, Родники 2 и Кермек

Эти три стоянки таманской индустрии сохранились *in situ* и залегают в ясных стратиграфических условиях. В отличие от Богатырей/Синей Балки, они являются стоянками особого поселенческого типа. Их можно характеризовать как прибрежные пляжевые многократно посещаемые места обитания раннепалеолитических людей (Щелинский, 2013; 2014; 2017; Shchelinsky et al., 2016).

В плане тафономии стоянки объединяет одно – их культуросодержащие слои представляют собой маломощные отложения древнего морского пляжа, перекрытые многометровыми толщами прибрежно-морских песков. Подстилаются они глинами грязевулканического генезиса. Эти пляжевые отложения образуют пачки тонких гравийно-щебнисто-галечных прослоев, перемежающихся с прослоями серого песка. Размеры обломочного материала от 2–3 до 20 см, иногда несколько крупнее. Преобладают неокатанные и слабо окатанный обломки. В большом количестве имеются разноразмерные окатыши плотной серо-коричневой глины. Прослеживаются также линзы песка с раковинным детритом. Общая толщина пачек пляжевых отложений, являющихся культуросодержащими слоями стоянок, не превышает 1 м.

Отмеченные литологические и структурные признаки культуросодержащих слоев ясно показывают, что они сформировались в пляжной зоне водных бассейнов при сравнительно невысокой активности прибойных потоков (эстуарии, морской залив). Обильный грубообломочный материал в них происходит, главным образом, из подстилающих грязевулканических глин, содержащих этот материал в большом количестве. Глины размывались, а обломочный материал оставался на месте или незначительно перемещался на поверхности пляжа водными потоками.

Культурные остатки в культуросодержащих слоях стоянок весьма немногочисленны и представлены главным образом каменными изделиями, костные остатки животных редки и раздроблены. При этом они распространены по всей толще пляжевых отложений, залегают разреженно и беспорядочно, без сортировки по размерам, с разным наклоном, иногда торчком, и редко на одном уровне. Некоторые скопления культурных остатков имеют нечеткие границы. То есть в культуросодержащих слоях не прослеживаются отчетливые микростратиграфические горизонты или уровни залегания культурных остатков. Это связано, очевидно, с тем, что культурные остатки отлагались на пляже, периодически заливаемом прибойными водными потоками, и перемещались, рассеивались этими потоками. Однако можно утверждать, что перемещение их в целом было незначительным и непродолжительным, поскольку они в большинстве своем неокатанные и прекрасно сохранились.

Больше пострадали мельчайшие фракции культурных остатков, в массе своей они просто исчезли. Редкость костных остатков животных в культуросодержащих слоях, по-видимому, также можно объяснить воздействием водных прибойно-волновых потоков на местах стоянок. Вместе с тем относительная малочисленность и разбросанность культурных остатков в слоях, несомненно, указывают на непродолжительную деятельность людей на стоянках.

Каменные изделия в культуросодержащих слоях не отсортированы, и их технико-морфологический состав указывает на то, что на стоянках осуществлялся полный цикл изготовления орудий – от первичного расщепления камня и получения заготовок для орудий до оформления орудий вторичной обработкой. При этом многие орудия и отщепы имеют следы износа, судя по которым эти изделия использовались в разных видах работ, но, по-видимому, в основном для разделки мяса. Это позволяет предполагать, что на стоянки приносили крупные части туш животных, но кости от них, как отмечалось, плохо сохранились.

Важным атрибутом культуросодержащих слоев стоянок являются раковины водных моллюсков и костные остатки других животных, связанных с водной средой.

На стоянках Родники 1 и 2, существовавших в одну из регрессивных фаз апшеронского/гурийского морского бассейна (около 1 млн л. н.), они представлены единичными находками. Среди них определены представители семейств *Dreissena* и *Unionidae*. Эти моллюски свидетельствуют о том, что стоянки располагались на пляже пресноводного или слабо солоноватоводного бассейна. Ничто не мешает предположить, что моллюски, особенно более крупные *Unionidae*, были собраны на пляже этого бассейна и съедены обитателями стоянок.

На стоянке Кермек, располагавшейся на пляже более раннего, позднекуяльницкого морского бассейна (его залива или эстуария реки, впадавшей в этот бассейн) и датируемой в интервале 2,1–1,8 млн л. н., обнаружено гораздо больше остатков водных животных. Среди многочисленных раковин моллюсков П. Д. Фроловым (2013) определены преимущественно пресноводные и солоноватоводные виды моллюсковой фауны: *Fagotia esperi*, *F. acicularis*, *F. sp.*, *Theodoxus aff. transversalis*, *T. danubialis*, *T. cf. danubialis*, *Parafossarulus sp.*, *Bithynia sp.*, *Lithoglyphus sp.*, *Micromelania sp.*, *Viviparus sp.*, *Limax sp.*, *Dreissena polymorpha*, *Margaritifera (Margaritifera) arca*, *Bogatschevia sp.* Многие раковины фрагментированы в древности, вероятно, в результате использования моллюском в пищу. Особенно обращают на себя внимание раковины сравнительно крупных моллюсков из отряда *Unionoide* родов *Margaritifera* (вид *Margaritifera margaritifera arca*) и *Bogatschevia (Bogatschevia sp.)* (рис. 5). Интересны условия их залегания в культуросодержащем слое. Они почти не встречаются вместе с раковинами мелких моллюсков, местами образующих небольшие концентрации, намытые прибойными водными потоками, однако постоянно присутствуют, хотя и в разреженном виде (по 2–3 и больше раковины на 1 кв. м), среди культурных остатков (рис. 6: 1, 2). Очевидно, что эти моллюски намеренно собирались и доставлялись на стоянку.

Примечательно, что в культуросодержащем слое стоянки обнаружены также единичные костные остатки дельфина (*Delphinidae* gen. indet.) и рыб: плотвы (*Rutilus cf. rutilus*), сома (*Silurus cf. glanis*) и щуки (*Esox lucius*) (*Shchelinsky et al.*, 2016).

Рис. 5. Стоянка Кермек. Раковины уннионид
(*Margaritifera margaritifera arca* и *Bogatschevia* sp.) из культуросодержащего слоя

Факты встречаемости в культуросодержащем слое стоянки раковин съедобных моллюсков, костных остатков других водных животных вместе с каменными изделиями и обломками костей крупных наземных млекопитающих могут свидетельствовать о том, что водные пищевые продукты, собираемые на речных и морских пляжах, занимали важное место в рационе питания создателей таманской раннеашельской индустрии. Пляжевое собирательство водных пищевых продуктов, наряду с охотой на крупных млекопитающих, составляло основу их существования и развития.

Практика пляжевого собирательства съедобных моллюсков существовала в раннем палеолите и в других местах. Она зафиксирована, как отмечалось, например, на ашельской стоянке Терра-Амата на Средиземноморском побережье Франции (*de Lumley, 1966; Colonese et al., 2011*).

Выводы и заключение

Исследования материалов стоянок таманской раннеашельской индустрии, существовавшей в Южном Приазовье в раннем плейстоцене на протяжении длительного времени в интервале ~ 2,0–1,0 млн л. н., свидетельствуют, что создатели этой индустрии были охотниками на крупных млекопитающих, главным образом на южных слонов (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) и кавказских эламотериев (*Elasmotherium caucasicum*). Возникновению активной охоты на этих млекопитающих, как способа получения мясной пищи, способствовали,

Рис. 6. Стоянка Кермек, 2-й горизонт культуросодержащего слоя. Раковины унионид (*Margaritifera margaritifera arca* и *Bogatschevia* sp.) (белые пятна). Красными флажками отмечены каменные изделия и обломки костей животных
1 – кв. 14/13, вид с севера; 2 – кв. 14–16/17, вид с севера

прежде всего, конкретные природные условия Южного Приазовья в раннем плейстоцене и когнитивные способности первобытных людей. Была выработана и использовалась особая стратегия охоты – в кальдерах грязевых вулканов, во множестве имевшихся в то время в регионе. Учитывалось поведение слонов и эласмотериев, приходивших к кратерам грязевых вулканов на водопой и для «грязевых ванн» в сопочной глине. Именно это позволяло без большого труда охотиться на обездвиженных в топкой грязи животных и иметь солидные запасы мясной пищи. Исследование материалов стоянки Богатыри/Синяя Балка показывает, что охота на крупных млекопитающих, как основной способ получения мясной пищи, по-видимому, закономерно возникает одновременно с появлением раннеашельской технологии производства каменных орудий труда. Подтверждением этому предположению могут служить, например, данные о хорошо известной раннеашельской стоянке Убейдия в Передней Азии (1,6–1,2 млн л. н.), обитатели которой регулярно охотились на млекопитающих среднего размера класса, таких как лошади и олени (*Gaudzinski, 2004*).

Наряду с охотой на крупных млекопитающих, создатели таманской индустрии широко использовали также особую форму собирательства – пляжевое собирательство белковой пищи в виде моллюсков, трупов морских животных и рыбы. Этот надежный источник получения продуктов питания, возможно, был одной из основных причин расположения стоянок таманской раннеашельской индустрии на пляжах морских лагун и эстуариев.

ЛИТЕРАТУРА

- Вангенгейм Э. А., Векуа М. Л., Жегалло В. И., Певзнер М. А., Тактакишвили И. Г., Тесаков А. С., 1991.* Положение таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитохронологической шкалах // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. № 60. С. 41–52.
- Верецагин Н. К., 1957.* Остатки млекопитающих из нижнечетвертичных отложений Таманского полуострова // Труды Зоологического института АН СССР. Т. 22. С. 9–72.
- Измайлов Я. А., Щелинский В. Е., 2013.* Геологическая ситуация раннепалеолитических местонахождений в Южном Приазовье на Таманском полуострове // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии / Ред.: С. А. Васильев, А. В. Ларионова. СПб.: ИИМК РАН. С. 20–39.
- Кулаков С. А., Байгушева В. С., Тесаков А. С., Титов В. В., Щелинский В. Е., 2011.* Изучение раннего палеолита на Таманском полуострове // АО 2008 г. М.: ИА РАН. С. 300–301.
- Милановский Е. Е., Хайн В. Е., 1963.* Геологическое строение Кавказа. М.: МГУ. 358 с.
- Саблин М. В., Бурова Н. Д., Петрова Е. А., 2018.* Лошади и древние люди: зооархеологическое исследование Мухкая 2А // Труды Зоологического института РАН. Т. 322. № 3. С. 333–356.
- Тесаков А. С., Фролов П. Д., Симакова А. Н., 2012.* Микротериофауны и палеосреда раннего плейстоцена Кавказа // Горные экосистемы и их компоненты: материалы IV междунар. конф., посвящ. 80-летию основателя Института экологии горных территорий Кабардино-Балкарского научного центра РАН чл.-корр. РАН А. К. Темботова и 80-летию Абхазского ГУ. Нальчик: М. и В. Котляровы. С. 83.
- Титов В. В., Тесаков А. С., 2009.* Таманский фаунистический комплекс: ревизия типовой фауны и стратотипа // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы VI Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода / Отв. ред. А. Э. Конторович. Новосибирск: СО РАН. С. 585–588.
- Титов В. В., Байгушева В. С., Тимонина Г. И., Тесаков А. С., 2018.* Тафономические особенности эоплейстоценового местонахождения Богатыри/Синяя Балка (Таманский п-ов, Россия) // Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы: сб. материалов

- Междунар. конф., посвящ. 50-летию открытия в пещерной стоянке Азых раннего гоминида – азыхантропа (Баку–Габала, 01–05 октября 2018 года) / Отв. ред. М. Н. Рагимова. Баку: ИАЭТ НАН Азербайджана. С. 173–178.
- Титов В. В., Тесаков А. С., Байгушева В. С., 2012. К вопросу об объеме псекупского и таманского фаунистических комплексов (ранний плейстоцен, юг Восточной Европы) // Палеонтология и стратиграфические границы: Материалы LVIII сессии Палеонтологического общества при РАН (2–6 апреля 2012 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. Т. Н. Богданова. СПб.: ВСЕГЕИ. С. 142–144.
- Трубин В. М., Чепалыга А. Л., Кулаков С. А., 2017. Возраст стратотипа таманского комплекса и стоянок олдованского типа на Тамани (по палеомагнитным данным) // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы X Всерос. совещания по изучению четвертичного периода (Москва, 25–29 сентября 2017 г.). М.: ГЕОС. С. 434–436.
- Фролов П. Д., 2013. Раннеплейстоценовая (куяльницкая) малакофауна местонахождения Тиздар (Таманский полуостров, Россия): стратиграфия и палеоэкология // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: VIII Всерос. совещание по изучению четвертичного периода (Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г.) / Ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 659–660.
- Щелинский В. Е., 1994. Каменные орудия труда ашельской эпохи из пещеры Азых // Экспериментально-трассологические исследования в археологии. СПб.: ИИМК РАН. С. 22–43.
- Щелинский В. Е., 2001. О соотношении формы и функции орудий труда нижнего и среднего палеолита // АВ. № 8. С. 223–237.
- Щелинский В. Е., 2010. Памятники раннего палеолита Приазовья // Человек и древности: Памяти А. А. Формозова (1928–2009) / Ред.: И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 57–77.
- Щелинский В. Е., 2013. Функциональные особенности олдованских стоянок на Таманском полуострове в Южном Приазовье (геологические и археологические свидетельства) // Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: VIII Всерос. совещания по изучению четвертичного периода (Ростов-на-Дону, 10–15 июня 2013 г.) / Ред. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. С. 713–716.
- Щелинский В. Е., 2014. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН. 168 с.
- Щелинский В. Е., 2016. Раннепалеолитическое местонахождение Родники 3 на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Записки ИИМК РАН. № 13. С. 7–22.
- Щелинский В. Е., 2017. Природная среда и культура охотников и собирателей Западного Предкавказья в раннем плейстоцене // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы X Всерос. совещания по изучению четвертичного периода (Москва, 25–29 сентября 2017 г.). М.: ГЕОС. С. 497–500.
- Щелинский В. Е., 2018. Раннеашельские стоянки Южного Приазовья // Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы: сб. материалов Междунар. конф., посвящ. 50-летию открытия в пещерной стоянке Азых раннего гоминида – азыхантропа (Баку–Габала, 01–05 октября 2018 года) / Отв. ред. М. Н. Рагимова. Баку: ИАЭТ НАН Азербайджана. С. 193–217.
- Allington-Jones L., 2015. The Clacton Spear: The Last One Hundred Years // *Archaeological Journal*. Vol. 172. No. 2. P. 273–296.
- Arribas A., Palmqvist P., 1999. On the ecological connection between sabre-tooths and hominids: Fauna dispersal events in the Lower Pleistocene and a review of the evidence for the first human arrival in Europe // *JAS*. Vol. 26. Iss. 5. P. 571–585.
- Bailey G. N., Carrión J. S., Fa D. A., Finlayson C., Finlayson G., Rodríguez-Vidal J., 2008. The coastal shelf of the Mediterranean and beyond: corridor and refugium for human populations in the Pleistocene // *Quaternary Science Reviews*. Vol. 27. Iss. 23–24. P. 2095–2099.
- Blumenschine R. J., 1987. Characteristics of an early hominid scavenging niche // *Current Anthropology*. Vol. 28. Iss. 4. P. 383–407.

- Colonese A. C., Mannino M. A., Bar-Yosef O., Mayer D. A., Fa D. A., Finlayson J. C., Lubell D., Stiner M. C.*, 2011. Marine mollusc exploitation in Mediterranean prehistory: An overview // *QI*. Vol. 239. P. 86–103.
- Cortés-Sánchez M., Morales-Muniz A., Simón-Vallejo M. D., Lozano-Francisco M. C., Vera-Peláez J. L., Finlayson C., Rodríguez-Vidal J., Delgado-Huertas A., Jiménez-Espejo F. J., Martínez-Ruiz F., Martínez-Aguirre M. A., Pascual-Granged A. J., Bergadà-Zapata M. M., Gibaja-Bao J. F., Riquelme-Cantal J. A., López-Sáez J. A., Rodrigo-Gámiz M., Sakai S., Sugisaki S., Finlayson G., Fa D. A., Nuno F., Bicho N. B.*, 2011. Earliest Use of Marine Resources by Neanderthals // *PLoS ONE*. Vol. 6. Iss. 9. P. 1–15.
- Dodonov A. E., Tesakov A. S., Simakova A. N.*, 2008a. The Taman fauna type locality of Sinyaya Balka: new data on its geology and biostratigraphy // *Early Palaeolithic of Eurasia: new discoveries. International Conference (Krasnodar–Temriuk, 1–6 September 2008)* / Ed. S. A. Vasil'ev et al. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishes. P. 135–138.
- Dodonov A. E., Trubikhin V. M., Tesakov A. S.*, 2008b. Palaeomagnetism of bonebearing deposits of the site Sinyaya Balka (Bogatyri) // *Early Palaeolithic of Eurasia: new Discoveries. International Conference, Krasnodar–Temriuk, 1–6 September 2008* / Ed. S. A. Vasil'ev et al. Rostov-on-Don: SSC RAS Publishes. P. 138–139.
- Gaudzinski S.*, 2004. Subsistence patterns of Early Pleistocene hominids in the Levant – Taphonomic evidence from the ³Ubeidiya Formation (Israel) // *JAS*. Vol. 31. P. 65–75.
- Kahlke R.-D., Garcia N., Kostopoulos D. S., Lacombat F., Lister A. M., Mazz P. P. A., Spassov N., Titov V. V.*, 2011. Western Palearctic palaeoenvironmental conditions during the Early and early Middle Pleistocene inferred from large mammal communities, and implications for hominin dispersal in Europe // *Quaternary Science Reviews*. Vol. 30. Iss. 11–12. P. 1368–1395.
- Keeley L. H., Toth N. P.*, 1981. Microwear polishes on early stone tools from Koobi Fora, Kenya // *Nature*. Vol. 293. P. 464–465.
- Landeck G., Garcia Garriga J.*, 2017. New taphonomic data of the 1 Myr hominin butchery at Untermassfeld (Thuringia, Germany) // *QI*. Vol. 436. P. 138–161.
- Lumley H., de*, 1966. Les fouilles de Terra Amata à Nice. Premiers résultats // *Bulletin du Musée d'Anthropologie et Préhistoire de Monaco*. Vol. 13. P. 29–51.
- Shchelinsky V. E.*, 1993. Outils pour travailler le bois et l'os au Paléolithique inférieur et moyen de la Plaine russe et du Caucase // *Traces et fonction: les gestes retrouvés: actes du colloque international de Liège, 8–9–10 décembre 1990*. Liège: University of Liège. P. 309–315. (Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège; vol. 50.)
- Shchelinsky V. E., Gurova M., Tesakov A. S., Titov V. V., Frolov P. D., Simakova A. N.*, 2016. The Early Pleistocene site of Kermek in western Ciscaucasia (southern Russia): Stratigraphy, biotic record and lithic industry (preliminary results) // *QI*. Vol. 393. P. 51–69.
- Shchelinsky V., Tesakov A., Titov V., Frolov P.*, 2018. The Early Paleolithic industries with large cutting tools on the Taman peninsula (Azov-Black Sea region, Russia): age, representative forms of tools [Electronic resource]. Access mode: <https://uispp2018.sciencesconf.org/178038>. Access date: 14.01.2019.
- Simakova A.*, 2009. Palynology study of the Early Pleistocene Bogatyry / Sinyaya Balka and Rodniki sites (Taman Peninsula, Russia) // *The Quaternary of southern Spain: a bridge between Africa and the Alpine domain* / Ed. B. Martines-Navarro. Tarragona: Universitat Rovira i Virgili. P. 36–37.
- Sotnikova M., Titov V.*, 2009. Carnivora of the Tamanian faunal unit (the Azov Sea area) // *QI*. Vol. 201. P. 43–52.
- Thieme H.*, 1997. Lower Palaeolithic hunting spears from Germany // *Nature*. Vol. 385. P. 807–810.
- Villa P., Lenoir M.*, 2009. Hunting and hunting weapons of the Lower and Middle Paleolithic of Europe // *The evolution of hominin diets: integrating approaches to the study of Palaeolithic subsistence* / Eds.: J.-J. Hublin, M. P. Richards. New York: Springer Science. P. 59–85.
- Warren S. H.*, 1922. The Mesvinian Industry of Clacton-on-Sea, Essex // *Proceedings of the Prehistoric Society of East Anglia*. Vol. 3. Iss. 4. P. 597–602.

Сведения об авторе

Щелинский Вячеслав Евгеньевич, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: shchelinsky@yandex.ru

V. E. Shchelinsky

HUNTING LARGE MAMMALS AND USING WATER FOOD RESOURCES
IN THE EARLY PALEOLITHIC
(A CASE STUDY OF THE EARLY ACHEULIAN SITES
IN THE SOUTHERN SHORE OF THE SEA OF AZOV)

Abstract. The paper is dedicated to the issue of food sources and methods of obtaining food in the Early Paleolithic. This complicated and controversial issue is difficult to resolve due to a shortage of archaeological data. The paper provides and interprets materials originating from the sites attributed to the Taman Early Acheulian industry and dated to different periods. The sites are located in the southern shore of the Sea of Azov (~ 2,0–1,0 million years ago). The analysis of these materials helps the author conclude that the representatives of the Taman Early Acheulian industry hunted large mammals, mostly, southern elephants (*Archidiskodon meridionalis tamanensis*) and Caucasian Elasmotheriidae (*Elasmotherium caucasicum*). Specific natural conditions in the southern shore of the Sea of Azov and cognitive abilities of prehistoric people were conducive to emergence of active hunting of such mammals as a way of obtaining meat food. A special hunting strategy was developed such as hunting in calderas of mud volcanoes that were quite common in the region at that time. Hunters took into account behavior of the animals which came to the craters of mud volcanoes to drink water and take mud baths in mud volcanic clay. It enabled the hunters to easily hunt animals temporarily immobilized in the swampy mud and obtain large reserves of meat food. Studies of the materials from Bogatyri/Sinyaya Balka sites evidence that hunting large mammals as the main source of obtaining meat food emerged parallel to formation of Early Acheulian technology of making stone tools. In addition to hunting large mammals, the creators of the Taman industry actively used a special form of gathering, i. e. beach gathering of protein food such as mollusks, dead bodies of sea animals and fish. It is likely that this reliable source of food was one of main factors explaining why the Taman Early Acheulian industry sites were located on the beaches of sea coastal lakes and estuaries.

Keywords: hunting, gathering, Early Paleolithic, Early Pleistocene, southern shore of the Sea of Azov, Russia.

REFERENCES

- Frolov P. D., 2013. Rannepleystotsenovaya (kuyal'nitskaya) malakofauna mestonakhozhdeniya Tizdar (Tamanskiy poluostrov, Rossiya): stratigrafiya i paleoekologiya [Early Pleistocene (kuyalnik) malacofauna of the site Tizdar (Taman peninsula, Russia): stratigraphy and palaeoecology]. *Fundamental'nyye problemy kvartera, itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy: VIII Vserossiyskoye soveshchaniye po izuchenyu chetvertichnogo perioda [Fundamental problems of quarter, research results and main lines of further investigations: VIII All-Russian meeting on research of quaternary period]*. G. G. Matishov, ed. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 659–660.
- Izmaylov Ya. A., Shchelinskiy V. E., 2013. Geologicheskaya situatsiya rannepaleoliticheskikh mestonakhozhdeniy v Yuzhnom Priazov'ye na Tamanskom poluostrove [Geological situation of Early Palaeolithic sites in the southern shore of the Sea of Azov, Taman peninsula]. *Drevneyshiy Kavkaz: perekrestok Evropy i Azii [Earliest Caucasus: crossroad of Europe and Asia]*. S. A. Vasil'yev, A. V. Larionova, eds. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 20–39.

- Kulakov S. A., Baygusheva V. S., Tesakov A. S., Titov V. V., Shchelinskiy V. E., 2011. Izucheniye rannego paleolita na Tamanskom poluostrove [Studies of Early Palaeolithic in Taman peninsula]. *AO 2008*. Moscow: IA RAN, pp. 300–301.
- Milanovskiy E. E., Khayn V. E., 1963. Geologicheskoye stroyeniye Kavkaza [Geological structure of Caucasus]. Moscow: MGU. 358 p.
- Sablin M. V., Burova N. D., Petrova E. A., 2018. Loshadi i drevniye lyudi: zooarkheologicheskoye issledovaniye Mukhkaya 2A [Horses and early people: zooarchaeological research of Mukhkay 2A]. *Trudy Zoologicheskogo instituta RAN [Proceedings of Zoological institute, RAS]*, vol. 322, no. 3, pp. 333–356.
- Shchelinskiy V. E., 1994. Kamennyye orudiya truda ashel'skoy epokhi iz peshchery Azykh [Stone tools of Acheulian epoch from Azykh cave]. *Eksperimental'no-trasologicheskoye issledovaniya v arkhologii [Experimental trace-wear investigations in archaeology]*. St. Petersburg: IIMK RAN, pp. 22–43.
- Shchelinskiy V. E., 2001. O sootnoshenii formy i funktsii orudiy truda nizhnego i srednego paleolita [On correlation of shape and function of Lower and Middle Palaeolithic tools]. *AV*, 8, pp. 223–237.
- Shchelinskiy V. E., 2010. Pamyatniki rannego paleolita Priazov'ya [Early Palaeolithic sites in the southern shore of the Sea of Azov]. *Chelovek i drevnosti: Pamyati Aleksandra Aleksandrovicha Formozova [Man and antiquities: In memory of A. A. Formozov] (1928–2009)*. I. S. Kamenetskiy, A. N. Sorokin, eds. Moscow: Grif i Ko, pp. 57–77.
- Shchelinskiy V. E., 2013. Funktsional'nyye osobennosti oldovanskikh stoyanok na Tamanskom poluostrove v Yuzhnom Priazov'ye (geologicheskoye i arkheologicheskoye svidetel'stvo) [Functional specifics of Oldovan sites in Taman peninsula in the southern shore of the Sea of Azov (geological and archaeological evidences)]. *Fundamental'nyye problemy kvartera, itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy: VIII Vserossiyskoye soveshchaniye po izucheniyu chetvertichnogo perioda: sbornik statey [Fundamental problems of quarter, research results and main lines of further investigations: VIII All-Russian meeting on research of quaternary period]*. G. G. Matishov, ed. Rostov-na-Donu: Yuzhnyy nauchnyy tsentr RAN, pp. 713–716.
- Shchelinskiy V. E., 2014. Eopleystotsenovaya rannepaleoliticheskaya stoyanka Rodniki 1 v Zapadnom Predkavkaz'ye [Eopleistocene Early Palaeolithic site Rodniki 1 in Western Ciscaucasia]. St. Petersburg: IIMK RAN. 168 p.
- Shchelinskiy V. E., 2016. Rannepaleoliticheskoye mestonakhozhdeniye Rodniki 3 na Tamanskom poluostrove (Yuzhnoye Priazov'ye) [Early Palaeolithic site Rodniki 3 in Taman peninsula (the southern shore of the Sea of Azov)]. *Zapiski IIMK RAN [Notes of IIMK RAS]*, 13, pp. 7–22.
- Shchelinskiy V. E., 2017. Prirodnaya sreda i kul'tura okhotnikov i sobirateley Zapadnogo Predkavkaz'ya v rannem pleystotsene [Natural environment and culture of hunters and gatherers of Western Ciscaucasia in Early Pleistocene]. *Fundamental'nyye problemy kvartera: itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy: materialy X Vserossiyskogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Fundamental problems of quarter, research results and main lines of further investigations: transactions of X All-Russian meeting on research of quaternary period]*. Moscow: GEOS, pp. 497–500.
- Shchelinskiy V. E., 2018. Ranneashel'skiye stoyanki Yuzhnogo Priazov'ya [Early Acheulian sites in the southern shore of the Sea of Azov]. *Paleoliticheskaya stoyanka Azykh v Azerbaydzhanе i migratsionnyye protsessy: sbornik materialov Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu otkrytiya v peshchernoy stoyanke Azykh rannego gominida – azykhanthropo [Palaeolithic site Azykh in Azerbaijan and migration processes: collected materials of International conference dedicated to 50 years of discovery in cave site of Azykh of early hominine Azykhanthropos]*. M. N. Ragimova, ed. Baku: Institut arkhologii i etnografii NAN Azerbaydzhana, pp. 193–217.
- Tesakov A. S., Frolov P. D., Simakova A. N., 2012. Mikroteriofauna i paleosreda Rannego pleystotsena Kavkaza [Microtheriofaunas and palaeoenvironment of Caucasus Early Pleistocene]. *Gornyye ekosistemy i ikh komponenty: materialy IV mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu osnovatelya Instituta ekologii gornyykh territoriy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN chlen-korrespondenta RAN A. K. Tembotova i 80-letiyu Abkhazskogo gosudarstvennogo universiteta [Mountainous ecosystems and their components: transactions of IV international conference dedicated to 80th anniversary of the founder of the Institute of ecology of mountainous territories,*

- Kabardino-Balkarian scientific centre RAS, corresponding member RAS A. K. Tembotov and 80 years of Abkhazian state university*]. Nal'chik: M. i V. Kotlyarovy, p. 83.
- Titov V. V., Tesakov A. S., 2009. Tamanskiy faunisticheskiy kompleks: reviziya tipovoy fauny i stratotipa [Taman faunistic complex: typical fauna and stratotype revised]. *Fundamental'nyye problemy kvartera: itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy: materialy VI Vserossiyskogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [Fundamental problems of quarter; research results and main lines of further investigations: transactions of VI All-Russian meeting on research of quaternary period]. A. E. Kontorovich, ed. Novosibirsk: SO RAN, pp. 585–588.
- Titov V. V., Tesakov A. S., Baygusheva V. S., 2012. K voprosu ob ob'eme psekupskogo i tamanskogo faunisticheskikh kompleksov (ranniy pleystotsen, yug Vostochnoy Evropy) [On the issue of volume of Psekups and Taman faunistic complexes (Early Pleistocene, South of Eastern Europe)]. *Paleontologiya i stratigraficheskie granitsy: Materialy LVIII sessii Paleontologicheskogo obshchestva pri RAN (2–6 aprelya 2012 g., Sankt-Peterburg)* [Paleontology and stratigraphic borders: Transactions of LVIII session of Paleontology Society at RAS, April 2-6, 2012, St. Petersburg]. T. N. Bogdanova, ed. St. Petersburg: VSEGEI, pp. 142–144.
- Titov V. V., Baygusheva V. S., Timonina G. I., Tesakov A. S., 2018. Tafonomicheskiye osobennosti eopleystotsenovogo mestonakhozhdeniya Bogatyri/Sinyaya Balka (Tamanskiy p-ov, Rossiya) [Taphonomic specifics of eopleistocene site Bogatyri/Sinyaya Balka (Taman peninsula, Russia)]. *Paleoliticheskaya stoyanka Azykh v Azerbaydzhanе i migratsionnyye protsessy: sbornik materialov Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu otkrytiya v peshchernoy stoyanke Azykh rannego gominida – azykhanropa* [Palaeolithic site Azykh in Azerbaijan and migration processes: collected materials of International conference dedicated to 50 years of discovery in cave site of Azykh of early hominine Azykhanthropos]. M. N. Ragimova, ed. Baku: Institut arkheologii i etnografii NAN Azerbaydzhana, pp. 173–178.
- Trubikhin V. M., Chepalyga A. L., Kulakov S. A., 2017. Vozrast stratotipa tamanskogo kompleksa i stoyanok oldovanskogo tipa na Tamani (po paleomagnetnym dannym) [Age of Taman complex stratotype and Oldovan-type sites in Taman based on palaeomagnetic data]. *Fundamental'nyye problemy kvartera: itogi izucheniya i osnovnyye napravleniya dal'neyshikh issledovaniy: materialy X Vserossiyskogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda* [Fundamental problems of quarter; research results and main lines of further investigations: transactions of X All-Russian meeting on research of quaternary period]. Moscow: GEOS, pp. 434–436.
- Vangengeym E. A., Vekua M. L., Zhegallo V. I., Pevzner M. A., Taktakishvili I. G., Tesakov A. S., 1991. Polozheniye tamanskogo faunisticheskogo kompleksa v stratigraficheskoy i magnetokhronologicheskoy shkalakh [Position of Taman faunistic complex in stratigraphic and magneto-chronological scales]. *Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda AN SSSR* [Bulletin of Commission on quaternary studies AS USSR], 60, pp. 41–52.
- Vereshchagin N. K., 1957. Ostatki mlekopitayushchikh iz nizhnechetvertichnykh otlozheniy Tamanskogo poluoostrova [Mammals remains from lower quaternary deposits in Taman peninsula]. *Trudy Zoologicheskogo instituta AN SSSR* [Proceedings of Zoological institute, AS USSR], 22, pp. 9–72.

About the author

Shchelinsky Vyacheslav E., Institute for the History of Material Culture Russian Academy of Sciences, Dvortsovaya nab., 18, St.-Petersburg, 191186; Russian Federation; e-mail: shchelinsky@yandex.ru

Д. В. Ожерельев, Е. А. Джасыбаев, Т. Б. Мамиров

ПЕРВЫЕ ДАННЫЕ О СТРАТИГРАФИИ И КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА РАХАТ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

Резюме. В 2018 г. совместной исследовательской группой Института археологии РАН и Государственного музея-заповедника «Иссык» (Казахстан) проводились разведочные раскопки палеолитической стоянки Рахат. Памятник расположен на территории Юго-Восточного Казахстана в предгорной зоне Заилийского Алатау – одного из северных хребтов горной системы Тянь-Шань. В ходе разведочного вскрытия были изучены 13 м лессовидных отложений памятника. Предварительно было выделено две погребенные палеопочвы и 8 культурных слоев. Культурные слои, по преимуществу, представляют собой погребенные уровни обитания. Большая часть культурных слоев представляет собой погребенные уровни обитания. В большинстве случаев каменные находки имеют выраженную вертикальную локализацию, отмечаются случаи ремонтажа каменных находок между собой в различных слоях. В слое 1 обнаруживаются прокалы, углистые пятна, в слое 4 помимо прочего обнаружен очаг. Почти во всех слоях присутствуют угли, иногда обломки костей, в том числе обожженные. Предварительная археологическая датировка – ранний и, возможно, средний этапы верхнего палеолита.

Ключевые слова: верхний палеолит, культурный слой, стратиграфия, очаг, каменные находки, Казахстан.

В административном отношении стоянка расположена на территории Юго-Восточного Казахстана, который, в свою очередь, составляет основную часть географической области, известной под названием Семиречье (Жетысу). С севера регион ограничен озером Балхаш, с юга естественную его границу формирует один из северных хребтов Тянь-Шанской горной системы. Тянь-Шань протянулся на 2500 км с запада на восток и состоит из множества горных хребтов. Заилийский Алатау является самым северным из них, его северные склоны

непосредственно выходят на широкую и равнинную поверхность степей и полупустынь Юго-Восточного Казахстана – Илийскую долину и далее Прибалхашскую равнину. Множество небольших и относительно крупных рек берут свое начало в Заилийском, Джунгарском и Кетменьском Алатау, выходят на равнину и имеют конечный сток в крупное внутреннее озеро Балхаш. Территория Семиречья протянулась на сотни километров с севера на юг и с запада на восток, на юге граничит с Киргизией, а на востоке – с Западным Китаем (Синьцзян-Уйгурский автономный округ). Регион занимает важное транзитное положение между Южной, Средней Азией, с одной стороны, и Китаем, Монголией и Сибирью – с другой (рис. 1).

Непосредственный район исследований расположен в предгорно-степной высотно-климатической зоне хребта Заилийский Алатау. Стоянка Рахат находится в 8 км к западу от г. Иссык (Енбекшиказахский район Алматинской области, N 43°21,481', E 077°22,679') на абсолютной высоте 952 м над ур. м. Локализуется памятник на правом берегу одноименной реки при выходе ее из ущелья в предгорную зону (рис. 2). На этом участке ущелье реки расширяется, и река распадается на несколько русел. Одно из русел проходит прямо возле правого берега, частично подмывая его высокий борт. Геоморфологическая позиция стоянки связана с лессовидными суглинками, покрывающими на данном участке террасовидные уступы хребта Заилийский Алатау. Эта форма рельефа, присущая предгорьям хребта, получила наименование «прилавки» (Додонов, 2002; Кусаинов, 2017). Хребет явился естественной преградой для пылевой лессовой массы, выдуваемой из пустынных областей Чу-Балхашского бассейна. «Прилавки» заполнялись лессами в плейстоценовое время, формируя два террасовидных уступа (ступени) – верхний (1200–1700 м над ур. м.) и нижний (900–1200 м над ур. м.). Согласно этому расчленению стоянка Рахат связана с нижними «прилавками» в месте, где они непосредственно переходят в верхний уступ.

Впервые памятник был обнаружен в 2006 г. в ходе разведочных изысканий, проводившихся О. А. Артюховой, Т. Б. Мамировым, а также Д. В. Ожерельевым. Первые находки были обнаружены возле стенки строительного карьера, служившего для добывания глины. В дальнейшем в самой стенке карьера удалось выявить два культурных слоя, содержавших углистые линзы, прокалы, фрагменты костей животных и каменные находки. При частичной зачистке стенки карьера и в отвалах была собрана коллекция каменного инвентаря, включавшая свыше 200 ед. На основании типологической характеристики находок тогда же было сделано предположение о вероятной принадлежности стоянки к верхнепалеолитической эпохе (Мамиров, 2007; Артюхова, 2010; Ожерельев, 2007).

Тем не менее до сих пор отсутствовало конкретное представление о полной геологической и археологической стратиграфии памятника. С каждым годом объект подвергается разрушению в результате продолжения работ по разработке глины местным населением, а также при естественном разрушении стен карьера. В настоящее время памятник имеет вид карьера по добыче глин с высокой вертикальной стеной, достигающей 13 м. Исходя из этого, было принято решение об археологическом обследовании памятника путем закладки траншеи и шурфа на одном из участков обнажения.

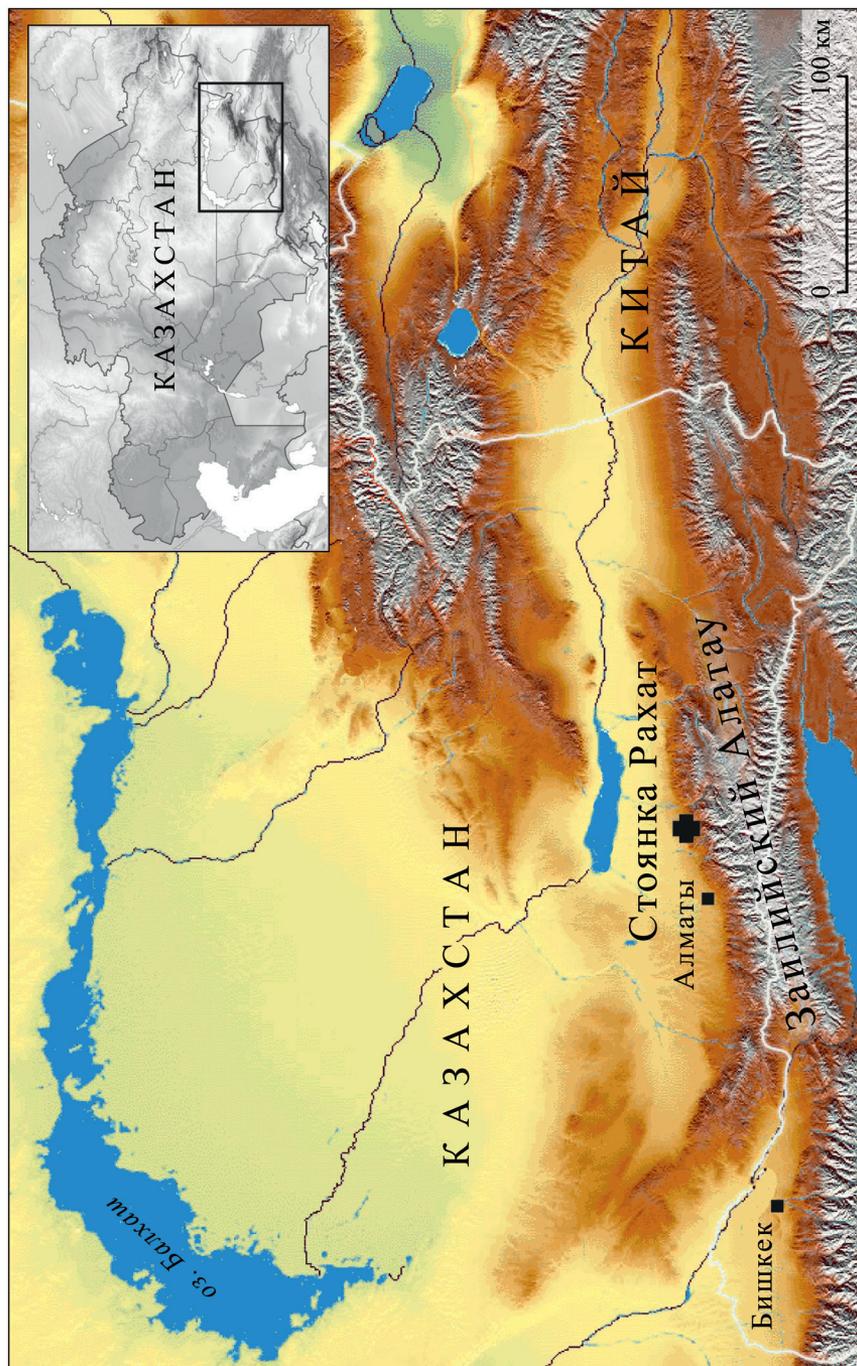

Рис. 1. Местоположение стоянки Рахаг на карте

Рис. 2. Вид на долину реки Рахат в месте расположения одноименной стоянки

В результате этих работ была исследована толща лессовидных суглинков мощностью 13 м. При помощи траншеи и зачистки борта памятник изучался на глубину от 0 до 11,3 м. Начиная с глубины 11,3 м, что соответствует современной поверхности дна карьера, был заложен шурф размерами 1 × 2 м. Глубина шурфа составила 1,7 м. Дальнейшие работы в шурфе были приостановлены на уровне горизонта речного аллювия (рис. 3: I). Таким образом, была стратиграфически изучена вся культуросодержащая толща отложений памятника, включающая 13 м. В кратком виде стратиграфия стоянки Рахат может быть описана следующим образом (рис. 3: II):

1. Современный дерновый слой (0/-0,1 м).
2. Современная почва темно-коричневого цвета (-0,1/-1,9 м).
3. Суглинок коричневатый, плотный, в верхней части более коричневый, поскольку прокрашен современной почвой, к нижней части светлеет, приобретающая постепенно более серый цвет (-1,9/-4,05 м). Контакт с нижележащим слоем нечеткий.
4. Суглинок серовато-коричневый, значительно опесчаненный, пористый (-4,05/-7,8 м). На глубине 6,0/7,5 м более серый, включает культурные слои 1–3. На глубинах 7,5/7,8 м наблюдается постепенный переход к нижележащему слою.
5. Суглинок коричневый, неопесчаненный, плотный (-7,8/-9,4 м). Нижний контакт нечеткий.
6. Суглинок серовато-коричневый, значительно опесчаненный, пористый (-9,4/-10,4 м). Содержит находки культурного слоя 4. Нижний контакт постепенный.

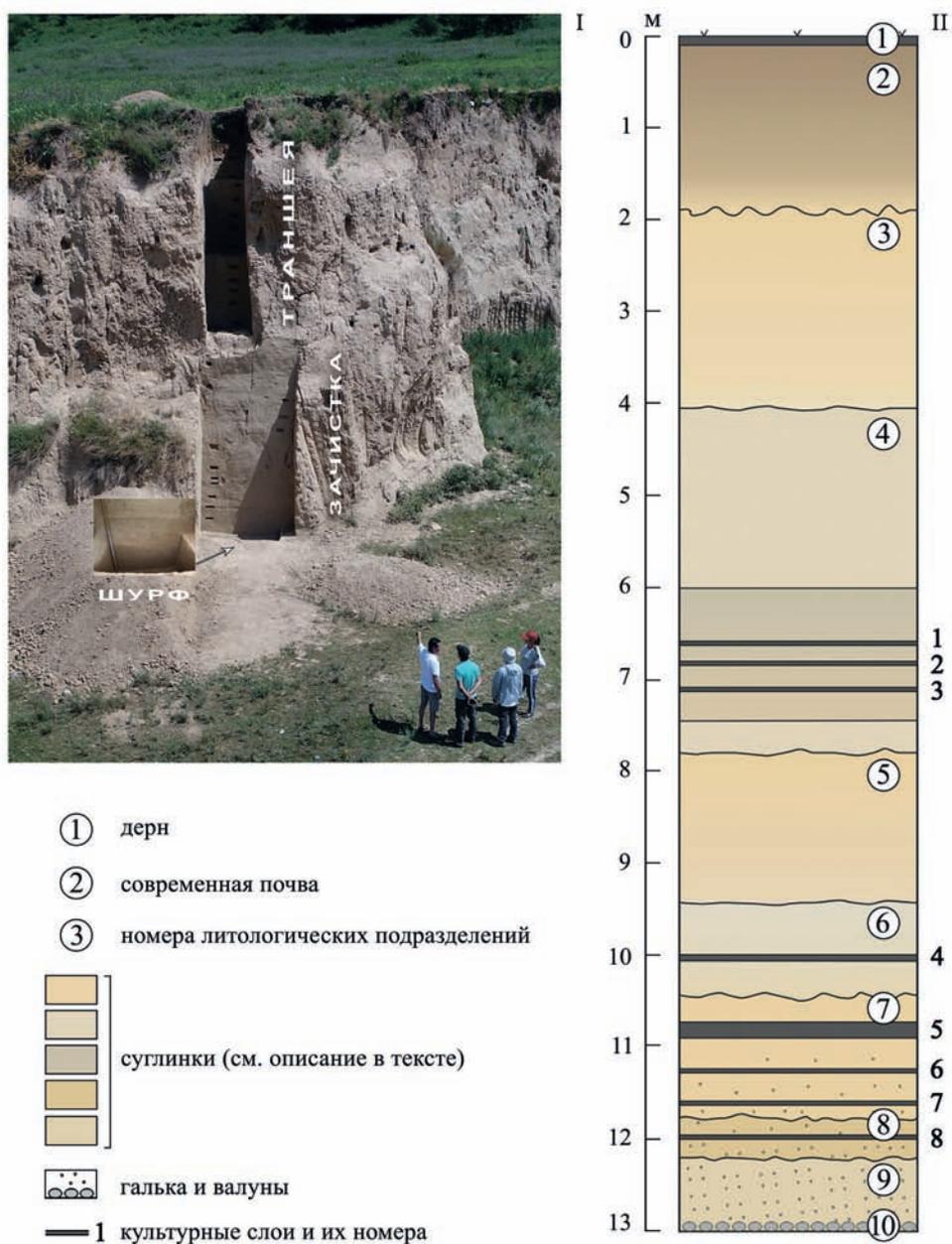

Рис. 3. Стоянка Рахат. Стратиграфия. В 2018 г. памятник исследовался при помощи траншеи, зачистки и шурфа (I). На стратиграфическом профиле отмечается 10 литологических подразделений и восемь культурных слоев (II)

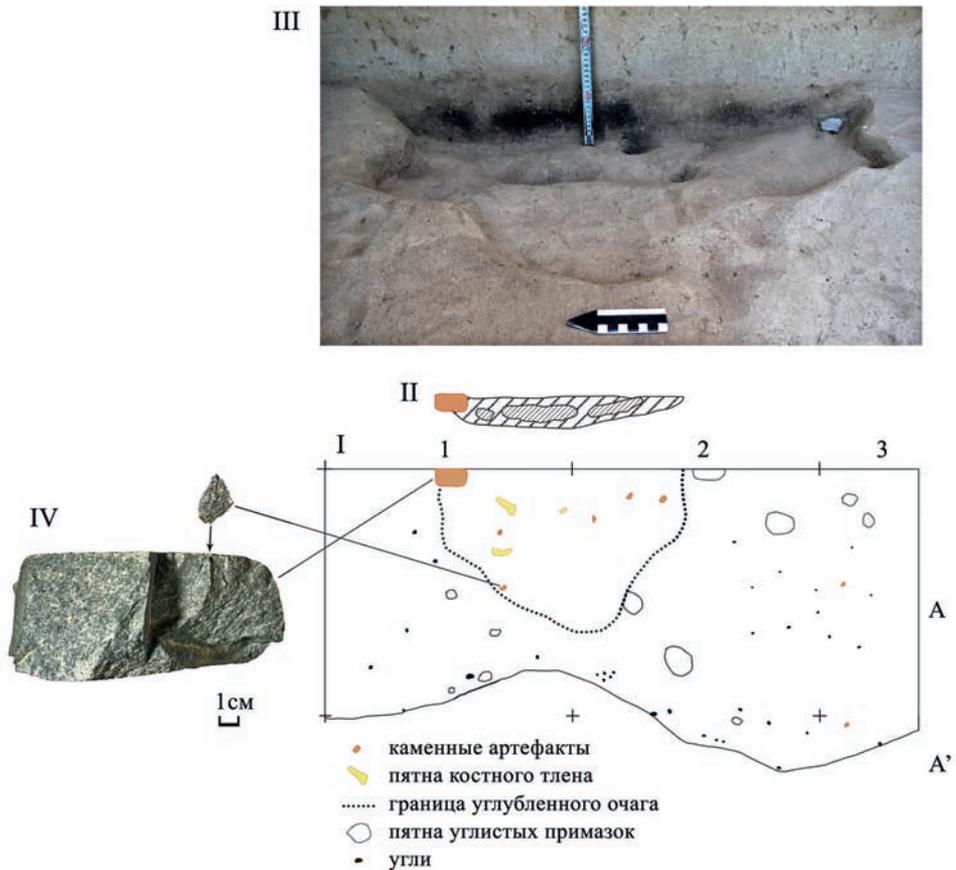

Рис. 4. Стоянка Рахат. Культурный слой 4

I – план слоя, вскрытого на площади 2,5 кв. м; II, III – разрез очага; IV – сборка (ремонт) двух предметов из слоя

7. Суглинок коричневатый, слегка опесчаненный, с включением мелкой слабоокатанной гальки (-10,4/-11,80 м). Содержит находки культурных слоев 5–7. Нижний контакт постепенный.

8. Суглинок коричневый, неопесчаненный, более глинистый по сравнению с вышележащим слоем (-11,8/-12,2 м). Количество гальки увеличивается. Содержит культурный слой 8. Нижний контакт нечеткий.

9. Суглинок серовато-коричневый с признаками оглеенности, слегка опесчаненный (-12,2/-13,0 м). Количество гальки увеличивается. Нижний контакт четкий.

10. Галечно-валунные отложения с глинистым заполнителем (с глубины 13,0 м).

При дальнейших раскопках стоянки на значительных площадях стратиграфия и количество культурных слоев могут быть уточнены и скорректированы

в сторону большей детализации. Но уже на данный момент понятно, что в изученной толще выделяется современная почва, а также два горизонта, которые предварительно можно охарактеризовать как погребенные позднеплейстоценовые почвы. Это два слоя серовато-коричневых суглинков (литологические слои 4 и 6; глубины – 6,0/7,5 и 9,4/10,4 м). Культурные же слои памятника подразделяются на две группы (рис. 3: *II*). Первая группа (слои 1–3) расположена компактно в верхней погребенной почве (литологический слой 4). Нижняя группа культурных слоев (слои 4–8) обнаруживается на глубинах от 10 до 12 м. Эти слои связаны с разными литологическими подразделениями разреза. В частности, слой 4 четко фиксируется в нижней погребенной почве (литологический слой 6). Культурные слои 5–7 отмечаются в литологическом слое 7. И единичные находки слоя 8 обнаруживаются в литологическом слое 8. Так как исследовался борт карьера, который имеет неправильную форму, площадь вскрытия всех культурных слоев различная. Максимальная площадь – до 2,5 кв. м. По степени концентрации находок также отмечаются значительные отличия. Больше всего каменных находок обнаружено в слое 5 (всего 43 ед.). Меньше всего в слое 7 (1 ед.). Но, учитывая мизерную площадь вскрытия, эта ситуация может не отражать реальную степень обжитости стоянки и концентрацию находок на разных уровнях.

Культурные слои представляют собой погребенные уровни обитания либо с отсутствием, либо с незначительным разбросом находок по высоте. За исключением слоя 8, каждый слой содержит угли. В слое 1 были обнаружены прокалы и углистые пятна. В слое 4 был выявлен слегка углубленный очаг (рис. 4: *I*). Точную форму очага определить пока невозможно, так как значительная его часть уходит в борт восточной стенки. Но, по всей видимости, он имеет подокруглые очертания, с центральной, более мощной частью и с периферийными участками. В разрезе очаг близок к линзовидной форме (рис. 4: *II, III*). Максимальная его мощность – до 15 см в центральной части. Заполнение – угли, углистая масса черного и темно-серого цветов. Встречаются в нем отдельные каменные находки (отщепы) и пятна костного тлена. У северного края очага выявлен крупный уплощенный обломок валуна со следами скалывания (рис. 4: *I, II, IV*).

Всего во всех слоях была обнаружена 121 каменная находка, включая также каменные изделия, полученные при промывке грунта из культурных слоев (табл. 1). Орудий немного, всего 3 ед.: скребок, оформленный на истощенном микронуклеусе, двойной боковой скребок и фрагмент первичной пластины с ретушью. Первичное расщепление представлено 2 пренуклеусами, нуклевидным обломком, отщепами (27 экз.), пластинчатым отщепом, пластиной, пластинкой, микропластиной, различного рода обломками (35 экз.), техническим сколом, т. н. таблеткой, и многочисленными чешуйками (рис. 5: *1–8*). Исходя из категориальной представительности инвентаря, устанавливается, что на стоянке проводился полный цикл расщепления сырья и изготовления орудий. В трех слоях были получены частичные сборки между собой каменных изделий (ремонтаж). Так, в слое 4 в очаге был обнаружен мелкий отщеп, который был сколот с валуна – пренуклеуса (рис. 4: *I, IV*). В слое 5 была получена сборка из четырех порфириновых отщепов бордового цвета, локализовавшихся в пределах одного квадрата (рис. 6: *I*). И в слое 8 на глубинах 11,95/11,97 м были выявлены два обломка одного полупервичного отщепа (рис. 6: *II*).

Таблица 1. Общий состав каменного инвентаря

Наименование	Количество
Микронуклеус-скребок	1
Скребок двойной	1
Обломок пластины с ретушью	1
Пренуклеусы	2
Нуклевидный обломок	1
Плитки фрагмент	1
Отщепы	27
Отщеп пластинчатый	1
Пластина	1
Пластинка	1
Микропластина	1
Обломки отщепов	25
Обломки пластин	2
Обломки пластинок	2
Обломки	6
Технический скол («таблетка»)	1
Чешуйки	47
Итого	121

В качестве сырья использовался широкий спектр горных пород и минералов. Подавляющее большинство изделий выполнено на местном сырье, происходящем из галечника реки Рахат. Это порфириды, диориты, риолиты различных цветов и оттенков с низким изотропным составом. Использовалось также более пластичное сырье – эффузивы серого цвета, близкие по качеству к песчаникам, и зеленоватого цвета порода, напоминающая кремень. Это сырье, видимо, собиралось также в русле реки, но встречается оно здесь крайне редко. Кроме того, в коллекции имеются предметы из кремня различных цветов, которые явно приносились на стоянку из других мест.

По предварительным данным, включающим геоморфологическую и стратиграфическую характеристики, пространственное распространение находок и типов объектов в культурных слоях, технико-типологические показатели каменной индустрии, Рахат может быть сопоставлен со стоянкой Майбулак. Многослойная стоянка Майбулак также расположена в северных предгорьях Заилийского Алатау, в 83 км к западу от стоянки Рахат. Абсолютный возраст нескольких культурных слоев Майбулака составляет порядка ~ 40–25 тысяч лет. Нижние слои стоянки содержат материалы, позволяющие сблизать ее с кругом памятников ориньякоидной традиции Центральной и Передней Азии (Ожерельев, 2005;

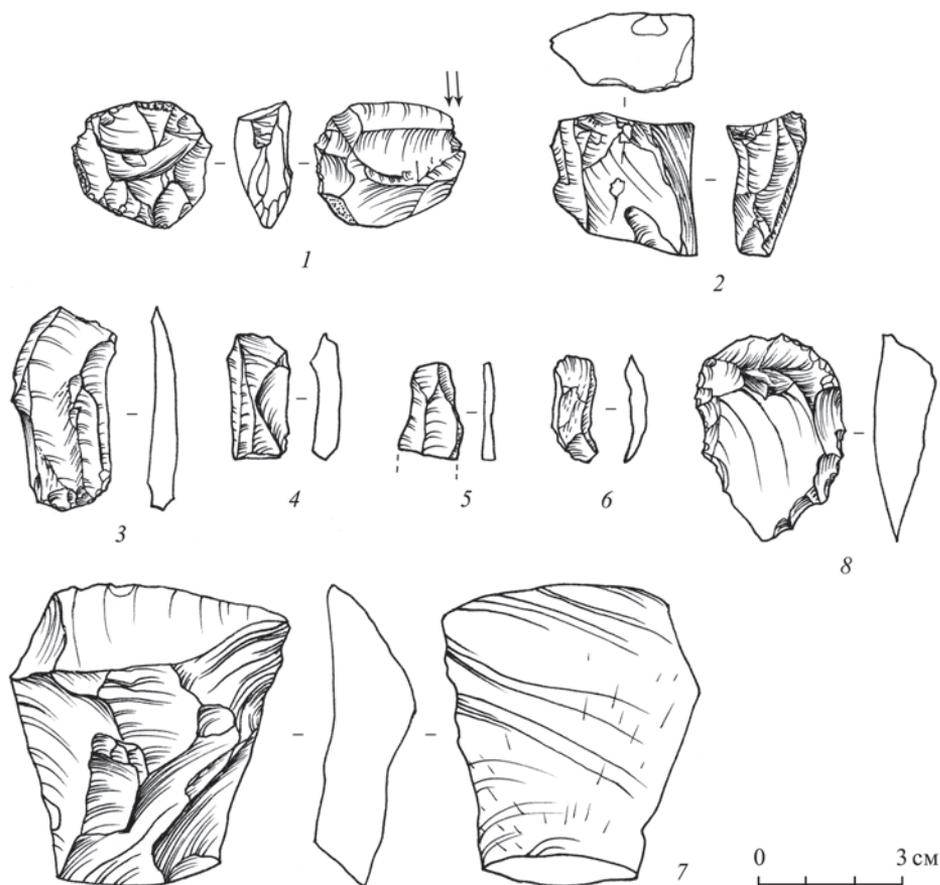

Рис. 5. Стоянка Рахат. Каменные изделия из первого (5), второго (2, 3, 6), третьего (4), пятого (1, 8) и седьмого (7) слоев

1 – микронуклеус-скребок; 2 – нуклевидный обломок; 3 – пластина; 4 – пластинка; 5 – обломок пластинки; 6 – микропластина; 7 – отщеп; 8 – скребок

2012; Таймагамбетов, Ожерельев, 2008; 2009; Feng et al., 2011; Fitzsimmons et al., 2017). Если же говорить о более широких культурных аналогиях, то наиболее показательными являются нуклевидный обломок, характеризующий торцевое микрорасщепление (рис. 5: 2), и особенно микронуклеус-скребок, происходящий из слоя 5 (рис. 5: 1). Оба предмета выполнены из кремнистых пород. Последний из них включает двустороннюю уплощающую подготовку, имеющую преимущественно центростремительное направление. И на одном из узких торцов также сделаны многократные попытки микропластинчатых снятий. Трасологический осмотр предполагаемых лезвийных участков предмета микроследов от работы не выявил. И хотя морфологически предмет и напоминает скребок, наиболее вероятно, что изделие является нуклеусом для получения мелких пластинчатых

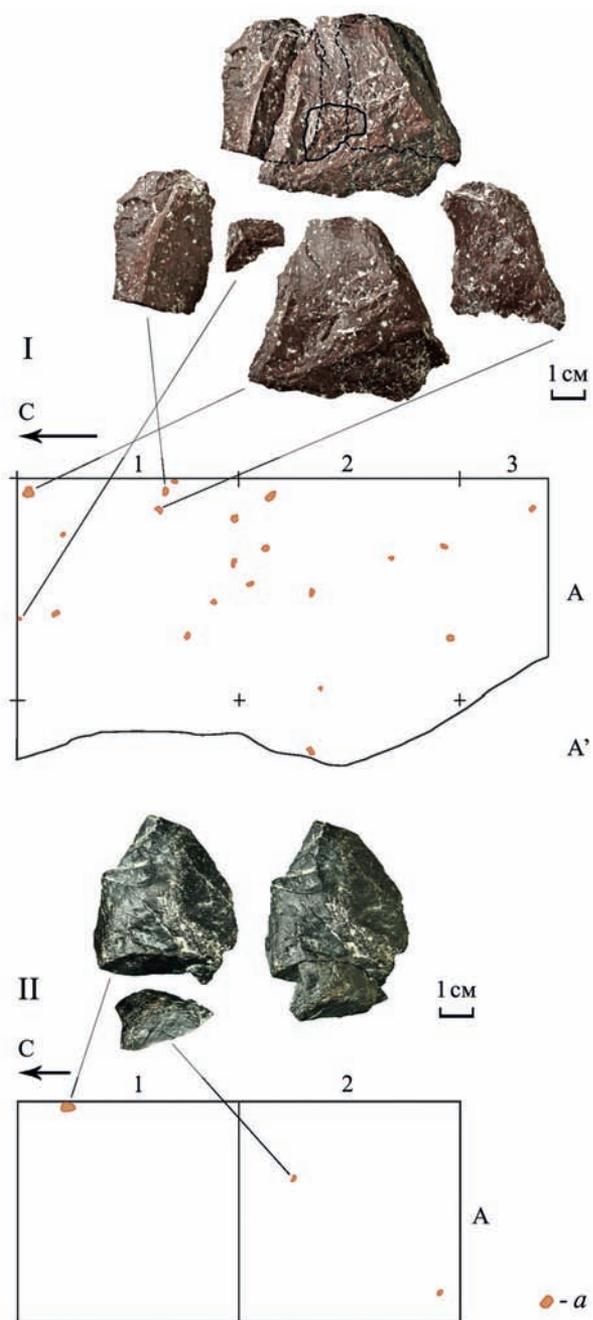

Рис. 6. Стоянка Рахат. Планы слоев 5 (I), 8 (II) и сборки (ремонтаж) каменных находок из них

a – каменные артефакты

снятий. Эти наблюдения подтверждаются наличием близких аналогий среди памятников барадоста (Загрос, Западный Иран). В частности, в пещерах Варвази и Яфтех в слоях, относящихся к раннему барадосту, также представлены небольшие уплощенные двусторонне обработанные нуклеусы на отщепках (core with flat preparation, truncated-faceted core on flakes) (Otte et al., 2004; Ghasidian et al., 2017; Tsanova, 2013). Таким образом, можно предварительно предположить наличие культурной взаимосвязи археологических материалов стоянки Рахат с ранними верхнепалеолитическими комплексами ориньякоидной традиции Иранского Нагорья.

Заключение

Стоянка Рахат имеет большой научный потенциал и перспективу исследований. Значение ее, в частности, определяется тем, что лессовидные отложения, в которые заключены культурные слои, представляют собой одну из полных палеогеографических летописей второй половины позднего плейстоцена северных предгорий Тянь-Шаня. Цикличность палеогеографических условий, выражаемых в чередовании погребенных палеопочв и «стерильных» суглинков, указывает на глобальную взаимосвязь климатических колебаний в аридном поясе Евразии (Восточная Европа, Центральная Азия, Северный Китай). В палеопочвах содержатся культурные слои с находками *in situ*, отмечается наличие различных объектов, характерных для верхнепалеолитических стоянок. Северные предгорья Тянь-Шаня и во времена последних оледенений и межледниковий представляли собой природно-климатические оазисы, притягивавшие людей верхнего палеолита богатством растительного, животного мира и обильными источниками воды. Археологические материалы стоянки Рахат определяют, что человек впервые появился здесь в конце среднего – начале верхнего палеолита и в дальнейшем посещал это место неоднократно на протяжении нескольких тысяч лет. Несмотря на незначительную каменную коллекцию, становится ясно, что инвентарь из разных слоев делает возможным проследить изменения археологической культуры палеолита втор. пол. позднего плейстоцена, существовавшей в северных предгорьях Центрального Тянь-Шаня. Это, в свою очередь, позволяет с максимальной долей достоверности проводить исследование погребенных материалов с возможностью создания локальных или более масштабных периодизационных схем появления и развития верхнепалеолитических индустрий (культур, комплексов) Азии. На стоянках Рахат и Майбулак предварительно не только устанавливаются тенденции развития каменной индустрии ранних этапов верхнего палеолита, свойственных другим регионам Европы и Азии, но в то же время выявляются особенные признаки, которые могут в какой-то мере помочь понять культурные и поведенческие принципы развития верхнего палеолита Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Артюхова О. А.*, 2010. Проблемы позднего палеолита Казахстана // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук. № 1. С. 3–8.
- Додонов А. Е.*, 2002. Четвертичный период Средней Азии. М.: ГЕОС. 250 с.
- Кусаинов С. А.*, 2017. Четвертичная геология (основы и методы исследования). Алматы: Казахский ун-т. 330 с.
- Мамиров Т. Б.*, 2007. Новые материалы по палеолиту Юго-Восточного Казахстана (по данным разведочных работ 2006 года) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы 47 региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3–4 апреля 2007 г.). Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т. С. 27–28.
- Ожерельев Д. В.*, 2005. Археологические работы экспедиции КазНУ им. аль-Фараби по изучению памятников каменного века в Казахстане в 2004 году // Вестник Казахского национального университета. Серия историческая. № 3 (38). С. 100–111.
- Ожерельев Д. В.*, 2007. Открытия палеолита в предгорьях Заилийского Алатау (Юго-Восточный Казахстан) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: материалы 47 региональной археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых Сибири и Дальнего Востока (г. Новосибирск, 3–4 апреля 2007 г.). Новосибирск: Новосибирский гос. пед. ун-т. С. 33–35.
- Ожерельев Д. В.*, 2012. Новейшие открытия палеолитических памятников в Юго-Восточном Казахстане. Вып. 227. С. 182–191.
- Таймагамбетов Ж. К., Ожерельев Д. В.*, 2008. Изучение стратифицированной стоянки Майбулак в Жетысу (Юго-Восточный Казахстан) в 2004–2007 гг. // Мирас. № 1. С. 70–85.
- Таймагамбетов Ж. К., Ожерельев Д. В.*, 2009. Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы: Казахский нац. ун-т. 256 с.
- Feng Z.-D., Ran M., Yang Q. L., Zhai X. W., Wang W., Zhang X. S., Huang C. Q.*, 2011. Stratigraphies and chronologies of late Quaternary loesspaleosol sequences in the core area of the central Asian arid zone // QI. Vol. 240. Iss. 1–2. P. 156–166.
- Fitzsimmons K. E., Iovita R., Sprafke T., Glantz M., Talamo S., Horton K., Beeton T., Alipova S., Bekseitov G., Ospanov E., Jean-Marc Deom J.-M., Sala R., Taimagambetov Z.*, 2017. A chronological framework connecting the early Upper Palaeolithic across the Central Asian piedmont // JHE. Vol. 113. P. 107–126.
- Ghasidian E., Bretzke K., Conard N. J.*, 2017. Excavations at Ghār-e Boof in the Fars Province of Iran and its bearing on models for the evolution of the Upper Palaeolithic in the Zagros Mountains // Journal of Anthropological Archaeology. Vol. 47. P. 33–49.
- Otte M., Kozłowski J. K.*, 2004. La place du Baradostien dans l'origine du Paléolithique supérieur d'Eurasie // L'Anthropologie. Vol. 108. Iss. 3–4. P. 5–406.
- Tsanova T.*, 2013. The beginning of the Upper Paleolithic in the Iranian Zagros. A taphonomic approach and techno-economic comparison of Early Baradostian assemblages from Warwasi and Yafteh (Iran) // JHE. Vol. 65. Iss. 1. P. 39–64.

Сведения об авторах

Ожерельев Дмитрий Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: dim_as_oj@mail.ru;

Джасыбаев Ермек Аманжолович, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык» (Казахстан); e-mail: ormik80@mail.ru;

Мамиров Талгат Базарбаевич, Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, просп. Республики, 24, Астана, Республика Казахстан; e-mail: tmamirov@mail.ru

D. V. Ozherelyev, E. A. Dzhasybaev, T. B. Mamirov

FIRST DATA ON STRATIGRAPHY
AND CULTURAL ATTRIBUTION OF RAKHAT,
A MULTI-LAYER UPPER PALEOLITHIC SITE
IN SOUTHEASTERN KAZAKHSTAN

Abstract. In 2018 a joint team of the Institute of Archaeology, RAS, and the State Museum-Preserve 'Issyk' (Kazakhstan) carried out test excavations of Rakhat. The site is a Palaeolithic station located in Southeast Kazakhstan in the piedmont region of the Trans-Ili Alatau which is one of the northern mountain ranges of Tian Shan. The test works revealed 13 meters of the loess deposits at the site. Two paleosols and 8 cultural layers were preliminarily detected. Most occupation layers represent buried habitation levels. In most cases stone finds have an explicit vertical localization, there are cases of stone artefacts refitting in various layers. Layer 1 revealed burned and ash spots; a hearth was discovered in layer 4. Charcoals, sometimes, bone fragments, including calcined bones, were found in almost all layers. Preliminary archaeological dating is the early stage, possibly, the middle stage of the Upper Palaeolithic.

Keywords: Upper Palaeolithic, cultural layer, stratigraphy, hearth, stone finds, Kazakhstan.

REFERENCES

- Artyukhova O. A., 2010. Problemy pozdnego paleolita Kazakhstana [Problems of Kazakhstan Late Palaeolithic]. *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennykh nauk* [Bulletin of National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. Ser. Social sciences], 1, pp. 3–8.
- Dodonov A. E., 2002. Chetvertichnyy period Sredney Azii [Quaternary of Central Asia]. Moscow: GEOS. 250 p.
- Feng Z.-D., Ran M., Yang Q. L., Zhai X. W., Wang W., Zhang X. S., Huang C. Q., 2011. Stratigraphies and chronologies of late Quaternary loess-paleosoil sequences in the core area of the central Asian arid zone. *QI*, vol. 240, iss. 1–2, pp. 156–166.
- Fitzsimmons K. E., Iovita R., Sprafke T., Glantz M., Talamo S., Horton K., Beeton T., Alipova S., Bekseitov G., Ospanov E., Jean-Marc Deom J.-M., Sala R., Taimagambetov Z., 2017. A chronological framework connecting the early Upper Palaeolithic across the Central Asian piedmont. *JHE*, 113, pp. 107–126.
- Ghasidian E., Bretzke K., Conard N. J., 2017. Excavations at Ghār-e Boof in the Fars Province of Iran and its bearing on models for the evolution of the Upper Palaeolithic in the Zagros Mountains. *Journal of Anthropological Archaeology*, 47, pp. 33–49.
- Kusainov S. A., 2017. Chetvertichnaya geologiya (osnovy i metody issledovaniya) [Quaternary geology (foundations and methods of research)]. Almaty: Kazakhskiy universitet. 330 p.
- Mamirov T. B., 2007. Novyye materialy po paleolitu Yugo-Vostochnogo Kazakhstana (po dannym razvedochnykh rabot 2006 goda) [New materials on Palaeolithic of South-eastern Kazakhstan (based on data of reconnaissance works of 2006)]. *Arkheologiya, etnologiya, paleoekologiya Severnoy Evrazii i sopredel'nykh territoriy: materialy 47 regional'noy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Archaeology, ethnology, palaeoecology of North Eurasia and adjacent territories: transactions of 47 regional archaeological-ethnographic conference of students and young scientists of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. ped. universitet, pp. 27–28.
- Otte M., Kozłowski J. K., 2004. La place du Baradostien dans l'origine du Paléolithique supérieur d'Eurasie. *L'Anthropologie*, vol. 108, iss. 3–4, pp. 5–406.

- Ozherel'yev D. V., 2005. Arkheologicheskiye raboty ekspeditsii KazNU im. al'-Farabi po izucheniyu pamyatnikov kamennogo veka v Kazakhstane v 2004 godu [Archaeological works of expeditions of al' Farabi KazNU for investigation of Stone Age sites in Kazakhstan in 2004]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya istoricheskaya [Bulletin of Kazakh National university. Ser. History]*, 3 (38), pp. 100–111.
- Ozherel'yev D. V., 2007. Otkrytiya paleolita v predgor'yakh Zailiyskogo Alatau (Yugo-vostochnyy Kazakhstan) [Discoveries of Palaeolithic in piedmonts of Zailiyskiy Alatau (South-eastern Kazakhstan)]. *Arkheologiya, etnologiya, paleoekologiya Severnoy Evrazii i sopredel'nykh territoriy: materialy 47 regional'noy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh Sibiri i Dal'nego Vostoka [Archaeology, ethnology, palaeoecology of North Eurasia and adjacent territories: transactions of 47 regional archaeological-ethnographic conference of students and young scientists of Siberia and the Far East]*. Novosibirsk: Novosibirskiy gos. ped. universitet, pp. 33–35.
- Ozherel'yev D. V., 2012. Noveyshiye otkrytiya paleoliticheskikh pamyatnikov v Yugo-vostochnom Kazakhstane [New discoveries of Palaeolithic sites in South-eastern Kazakhstan]. *KSIA*, 227, pp. 182–191.
- Taymagambetov Zh. K., Ozherel'yev D. V., 2008. Izucheniye stratifitsirovannoy stoyanki Maybulak v Zhetysu (Yugo-vostochnyy Kazakhstan) v 2004–2007 gg. [Investigation of stratified site Maybulak in Zhetysu (South-eastern Kazakhstan) in 2004–2007]. *Miras [Miras]*, 1, pp. 70–85.
- Taymagambetov Zh. K., Ozherel'yev D. V., 2009. Pozdnepaleoliticheskiye pamyatniki Kazakhstana [Late Palaeolithic sites of Kazakhstan]. Almaty: Kazakhskiy natsional'nyy universitet. 256 p.
- Tsanova T., 2013. The beginning of the Upper Paleolithic in the Iranian Zagros. A taphonomic approach and techno-economic comparison of Early Baradostian assemblages from Warwasi and Yafteh (Iran). *JHE*, vol. 65, iss. 1, pp. 39–64.

About the authors

Ozherelyev Dmitriy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: dim_as_oj@mail.ru;

Dzhasybaev Ermek A., Museum “Issyk” (Kazakhstan), village Orikti, Republic of Kazakhstan; e-mail: ormik80@mail.ru;

Mamirov Talgat B., Branch of Margulan Institute of Archaeology, prosp. Respubliki, 24, Astana, Republic of Kazakhstan; e-mail: tmamirov@mail.ru

Э. Б. Зальцман

ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПРИМОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ВИСЛИНСКОГО ЗАЛИВА

Резюме. Исследование неолитических поселенческих комплексов в районе северо-восточного побережья Вислинского залива проводилось с 1996 по 2015 г.: первоначально на поселении Прибрежное, в дальнейшем они продолжились в районе реки Прохладной, где удалось выявить еще 4 поселения (рис. 1–5), относящихся к различным периодам существования приморской культуры. Главные направления эволюции восточной группы приморской культуры, исходя из итогов исследования поселенческих комплексов в северо-восточной части побережья Вислинского залива, по-видимому, предстают в совершенно ином свете, чем мы привыкли себе представлять. Конструктивные особенности жилых сооружений, керамический комплекс, как и материальная культура в целом, коренным образом отличаются от собственно древностей КШК. Становится очевидным, что созданная ранее для территории Средней Европы культурная модель была искусственно перенесена на регион, где она оказалась нежизнеспособной.

Ключевые слова: северо-восточное побережье Вислинского залива, Калининградская область, поселения восточной группы приморской культуры, культура шнуровой керамики, хронология.

Введение

Древности северо-восточного побережья Вислинского залива в силу своего специфического характера занимают особое место в системе восточнобалтийского неолита. Долгое время были известны лишь результаты работ в Прибрежном. Выделение памятников типа Прибрежное (Вальдбург) в приморской культуре (далее – ПК), по сути, строилось, по большей части, на материалах одного поселения (Зальцман, 2010). Существование определенных препятствий, включая плохую сохранность органических материалов на памятнике, и, соответственно, преобладание радиоуглеродных дат, полученных по углям, не позволяли

Рис. 1. Ситуационный план поселений приморской культуры на северо-восточном побережье Вислинского залива

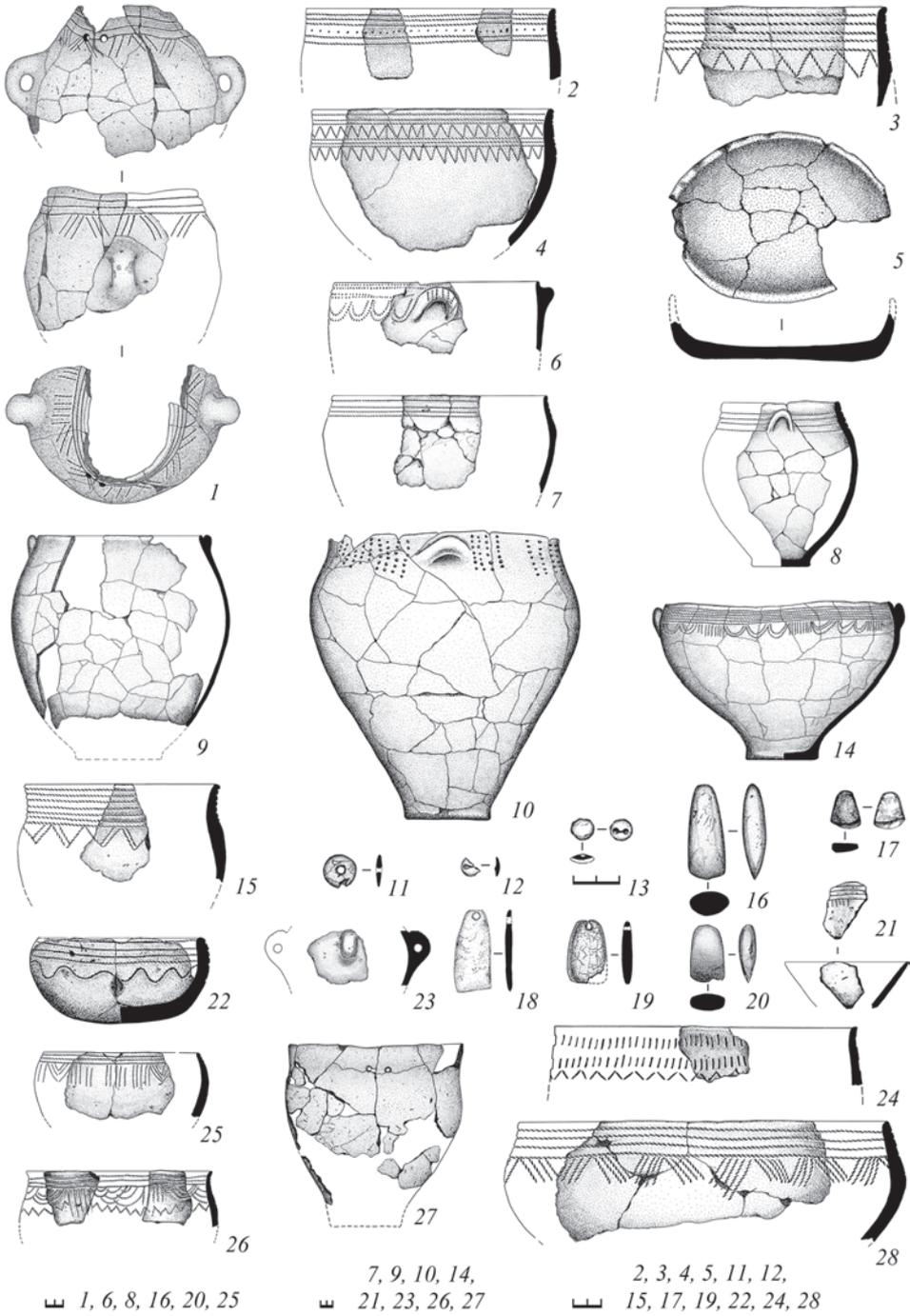
получить достаточно ясную картину нового культурного феномена. Раскопки в Прибрежном проводились непрерывно с 1996 по 2010 г. Но с 2011 по 2014 г. они продолжились в районе реки Прохладной (в 6,5 км юго-западнее Прибрежного), где автору удалось обнаружить еще несколько поселенческих комплексов, относящихся к различным стадиям развития восточной группы ПК и одновременно принадлежавших к тому же типу памятников, что и Прибрежное (рис. 1). Выявленный в ходе исследований обширный материал, отражающий основные тенденции развития данного культурного явления и направленность культурных взаимодействий, по всей вероятности, даже с учетом новых аргументов, дополнений и поправок, представляет восточную группу в ином свете, далеком от традиционных мнений.

Поселение Прибрежное

Культурный комплекс поселения уже неоднократно характеризовался в соответствующей литературе (Зальцман, 2010; 2011; 2013; 2014; Saltsman, 2013; Zaltsman, 2016). Поэтому здесь, в силу необходимости, будет дан лишь краткий анализ материалов, прежде всего происходящих из длинных домов, часть из которых, возможно, сгорела одновременно, и на их месте не возводили новых. Эти жилые сооружения можно считать относительно закрытыми комплексами. Постройки 2, 3, 5–7 представлены двухрядной столбовой конструкцией вытянутой формы, заглубленной в материк до 0,6 м, длиной до 35 м, шириной 4–4,5 м, с апсидообразным завершением, очажными ямами внутри и пристройкой-входом (Ibid. P. 266. Fig. 2).

На нижнем уровне заполнения построек (№ 2–7) встречались постоянно повторяющиеся формы посуды, нередко в виде развалов, а также изделия из камня и янтаря. В составе керамического комплекса доминируют широкогорлые горшки крупных размеров, которые делятся на несколько разновидностей. Из них в жилищах 2, 3, 6 и 7 прежде всего встречались массивные горшки яйцеобразной или воронковидной формы, диаметр которых мог достигать 35–40 см (рис. 2: 7, 9, 10). Им свойственны короткая шейка, слабо отогнутый венчик, подковообразные ушки и незначительное по размерам, но массивное днище. Иной вариант представлен горшками приземистой формы, имеющими более или менее резкий изгиб вблизи днища и слегка загнутый внутрь венчик (рис. 2: 14). Также представлены сосуды средних размеров, в основном отличающиеся от широкогорлых горшков иным соотношением горловины и днища (рис. 2: 8).

Доля кубков относительно остальных категорий посуды – не более 5%. Им свойственны очень короткая шейка, слабо отогнутый венчик и почти невыраженные плечики. В целом они далеки от большинства европейских форм (рис. 2: 2, 3). Что характерно, кубки с короткой шейкой получили распространение вплоть до Латвии (Лозе, 1979. С. 94, 95. Табл. XLII: 2, 3), но происходят они именно из приморской культуры раннего этапа. Обычными для нижнего уровня построек можно считать так называемые сосуды кубкообразной формы (рис. 2: 6).

Амфоры имеют наиболее своеобразную форму. Для амфор типична овальная форма горловины (при формовке верхняя часть сжималась с боков), отчего силуэт сосуда сбоку и спереди различается серьезным образом (рис. 2: 1).

Распространенными категориями посуды также можно считать глубокие миски (рис. 2: 4) и миски овальной или удлинненно-овальной формы (рис. 2: 5). Последние без каких-либо налепов сбоку, как мы это знаем по Сухачу, Жуцево или Ниде (*Kilian*, 1955. S. 21, 22. Abb. 101; 102; *Žurek*, 1954. S. 8. Tabl. VIII: 9–14; *Rimantienė*, 1989. Pav. XVIII: 1).

Топоры исключительно трапециевидных очертаний, в поперечном сечении линзообразной или овальной формы (рис. 2: 15). Янтарные украшения из построек представлены прежде всего уплощенными секирообразными подвесками (рис. 2: 17, 18). К другим типам янтарных изделий относятся линзообразные в сечении пуговицы и диски с отверстием (рис. 2: 11, 13). Все указанные формы аналогичны набору янтарных украшений, широко распространенному в Прибалтике в среднем неолите (*Loze*, 2003. P. 84).

В средней части культурного слоя, перекрывающего заглубленные в материк постройки, превалируют три основные разновидности широкогорлых горшков, отличающихся более плавными формами и четко выраженным изгибом в нижней части (рис. 2: 25–28). Господствующим элементом орнамента на посуде здесь являются треугольники. Нередко встречаются штампы в виде столбиков и «бисер» (рис. 2: 25, 27). Помимо глубоких мисок (рис. 2: 24), получают распространение небольшие по размерам приземистые миски (рис. 2: 23), миски воронковидной формы, декорированные изнутри шнуровым орнаментом (рис. 2: 22), кубки, орнаментированные треугольниками (рис. 2: 20). Таким образом, основные черты керамики – относительно высокая шейка, хорошо отогнутый венчик, преобладание в орнаментике мотивов треугольников. Предположительно, они характерны для следующего этапа существования памятника.

Среди материалов из жилищ, кроме фрагментов слабопрофилированных кубков, напоминающих некоторые из кубков раннего типа в Швейцарии, явно недостает форм, типичных для Средней Европы. Однако инородная керамика, отражающая культурные связи жителей древнего поселка, в жилищах присутствует. К ней принадлежат 2 фрагмента из постройки 7, относящиеся к культуре гребенчато-ямочной керамики. Они напоминают посуду со стоянок Бяла Гура (*Weißenberg*), Цедмар Д и Домбек (*Eichenberg*) (*Gaerte*, 1927. S. 19. Abb. 58, 59, 67, 68). Остальная керамика, включая фрагмент ладьевидного сосуда, пористая, имеющая аналогии в цедмарской неолитической культуре.

Рис. 2. Поселение Прибрежное. Комплекс находок с нижнего уровня заполнения котлованов построек (1–18) и материалы из культурного слоя (19–28)

1 – амфора; 2, 3 – кубки; 4 – глубокая миска; 5 – миска овальной формы; 6 – сосуд кубкообразной формы; 7, 9, 10 – широкогорлые горшки воронковидной и яйцеобразной форм; 8 – сосуд средних размеров; 11 – янтарный диск; 12, 13 – янтарные пуговицы с линзовидным сечением; 14 – широкогорлый горшок приземистой формы; 15 – каменный топор; 16 – миниатюрный топорик из яшмы; 17, 18 – янтарные подвески уплощенной формы; 19 – каменный топорик; 20 – кубок; 21 – амфора; 22 – миска воронковидной формы; 23 – миска приземистой формы; 24 – глубокая миска; 25–28 – широкогорлые горшки

С нижнего и верхнего уровней построек в Прибрежном происходит всего 18 радиоуглеродных дат. Девять дат в диапазоне 3100–2900 calBC, полученные по углю, кости и скорлупе лесного ореха, хорошо согласуются между собой (Приложение 1).

Очевидно, что эти радиоуглеродные определения не соответствуют традиционным представлениям о времени бытования ПК, но согласовываются с фазой Пв в культуре шаровидных амфор (далее – КША) (*Szmyt, 1996. S. 75*). Можно сомневаться в радиоуглеродных датах, так как большинство из них получены по углю. Но в таком случае очень странным является факт отсутствия форм посуды и топоров, типичных для широкого круга культуры шнуровой керамики (далее – КШК). Юго-Восточную Прибалтику не без оснований считают контактной зоной, которой она была уже в среднем неолите (*Larsson, 2009. P. 257*). Таковой она оставалась и в дальнейшем, в период существования ПК. Особое значение в расширении межкультурных контактов приобретает янтарь, уже в начале III тыс. до н. э. благодаря обменным связям распространившийся за пределы Прибалтики (*Czebreszuk, 2003. P. 169, 170; Szmyt, 1999. P. 135*). Древности из раскопок на Куршской косе, относящиеся к середине – втор. пол. III тыс. до н. э., содержат множество убедительных фактов присутствия здесь форм и мотивов орнамента, обычных для КШК Средней Европы (*Engel, 1935; Gaerte, 1927; Rimantienė, 1989*).

Материалы с нижнего уровня построек апсидообразной формы в таком случае относятся к наиболее ранней фазе существования восточной группы ПК (3100/3000–2750 calBC). Древности из культурного слоя, перекрывающего постройки (рис. 2: 19–28), предположительно, на основе типологии керамики и орнамента, а также редких радиоуглеродных дат, принадлежат следующей фазе развития культурного образования (2750–2600 calBC).

Поселения в устье реки Прохладной

С 2011 г. исследования поселений КШК проводились в районе реки Прохладной, где автору удалось открыть еще 4 памятника ПК, на трех из которых производились стационарные исследования.

Река Прохладная протекает в 6,8 км юго-западнее поселения Прибрежное (рис. 1). Все памятники ПК, за исключением Ушаково-3, выявлены на правом берегу, вблизи впадения реки в Вислинский залив. Левый берег реки Прохладной в настоящее время представляет собой заболоченную низменность. Нет сомнений, что данный микрорегион в середине III тыс. до н. э. был плотно заселен. Судя по подъемному материалу, поселений значительно больше, но доступ к ним в настоящее время невозможен: почти вся территория вдоль правого берега оказалась в частной собственности.

Ушаково-1. Поселение расположено в 58 м от развалин бывшей поселковой кирхи, в 37 м северо-восточнее реки Прохладной. Памятник находится в юго-восточной части мыса второй надпойменной террасы правого, наиболее высоко-го берега реки Прохладной (Фришинг), впадающей с юго-востока в Вислинский

залив. С юга площадку, на которой размещается памятник, ограничивал в древности ручей, впадающий с северо-востока в реку Прохладную.

Исследовано только 20 кв. м памятника, дальнейшие раскопки в связи с невозможностью работ на частной территории пришлось приостановить. Сохранилась лишь самая нижняя часть культурного слоя толщиной до 0,3 м (горизонты 8–10), выше слои находятся в переотложенном состоянии.

Керамика составляет подавляющее большинство среди находок. Фрагменты различаются между собой качеством обжига, количеством и размером примесей. Процент керамики, имеющей хороший обжиг, примесь дресвы незначительных размеров, хорошо заглаженную поверхность, значительно выше на нижнем уровне (горизонт 10), где зафиксирована посуда, типологически близкая формам из Прибрежного (рис. 3). На уровне 10-го горизонта преобладают разновидности толсто-стенных широкогорлых горшков открытого типа, с короткой шейкой и S-образным или загнутым внутрь венчиком (рис. 3: 6, 7, 9, 10, 12). Основными мотивами орнамента являются простые оттиски шнура, сочетания шнуровых оттисков с треугольниками или зигзагом. В очень редких случаях вместо шнура использовался «бисер» (рис. 3: 12). Также выделяются кубкообразные сосуды с прямым венчиком (рис. 3: 5), сосуды горшковидной формы (рис. 3: 1) и глубокие миски, которые орнаментировались аналогичным образом. Два кубка с нижнего уровня, украшенные шнуровыми треугольниками или вертикальными оттисками шнура, соответствуют технологическим характеристикам, указанным выше (рис. 3: 3, 4). Амфоры округлой формы (рис. 3: 11). Последней категорией посуды с нижнего уровня являются миски овальной и удлинненно-овальной формы, совершенно сходные по всем признакам с керамикой такого же типа из Прибрежного (рис. 3: 2).

Остальная посуда с 8-го по 10-й горизонт имеет относительно слабый обжиг, большое число примесей в виде дресвы или, реже, толченого кварца, которая хорошо заметно на поверхности.

Среди изделий из камня на уровне 10-го горизонта преобладают многочисленные обломки шлифовальных камней, у некоторых из них рабочая поверхность отполирована до блеска. Кроме того, выявлены округлой формы растиратель из кристаллической породы и фрагмент топорика трапециевидной формы (рис. 3: 8). Янтарные украшения немногочисленны – обнаружены лишь два предмета из янтаря: обломок диска линзовидного сечения диаметром 2,1 см и пуговица диаметром 1 см с просверленными насквозь отверстиями (рис. 3: 13, 14).

В целом нет никаких сомнений, что памятник относится к тому же типу, что и поселение Прибрежное. Значительная доля посуды и орнаменты с нижнего уровня соответствуют таковым из Прибрежного. С учетом орнаментальных мотивов для керамики с подобными характеристиками прямые аналогии прослеживаются только с сосудами из среднего уровня культурного слоя.

Ушаково-2. Стоянка Ушаково-2 расположена в 790 м юго-восточнее поселения Ушаково-1, также на правом берегу реки Прохладной, на незначительной по высоте надпойменной террасе, обрывающейся к реке. С востока в реку Прохладную впадает почти пересохший ручей, являющийся границей памятника в северном направлении. Исследовано 200 кв. м. Мощность культурного слоя в среднем составляет около 0,3 м.

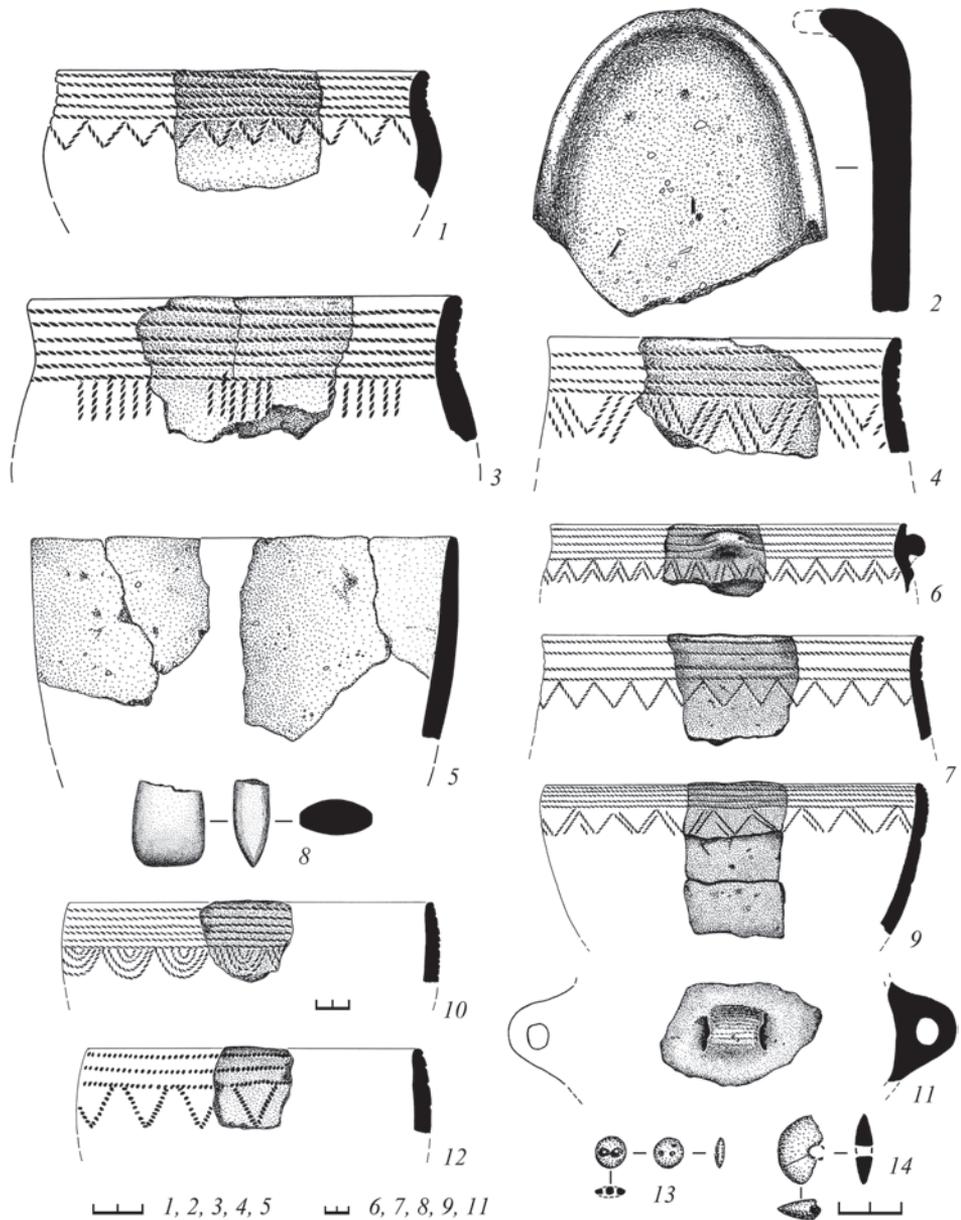

Рис. 3. Поселение Ушаково-1, горизонты 9, 10. Находки

1 – сосуд горшковидной формы; 2 – фрагмент миски овально-удлиненной формы; 3, 4 – кубки; 5 – сосуд кубкообразной формы; 6, 7, 9, 10, 12 – широкогорлые горшки открытого типа; 8 – каменный топорик; 11 – амфора; 13 – янтарная пуговка с линзообразным сечением; 14 – обломок янтарного диска с линзообразным сечением

Ушаково-2, очевидно, функционировало лишь в определенные периоды, на что указывают незначительная толщина культурного слоя, его разреженность, а также состав керамических изделий, среди которых преобладают кубки. Подобное нехарактерно для соседнего поселения Ушаково-1, где отмечается абсолютное преобладание в керамическом комплексе толстостенных горшков диаметром до полуметра.

Изделия из камня в массе своей представлены обломками шлифовальных камней и небольшого размера топориком трапециевидной формы, но с более широким обухом. Изделия из кремня крайне немногочисленны.

Как и в предыдущем случае, технологически посуда различается: преобладает керамика, имеющая слабый обжиг, примесь значительного количества дресвы, зерна которой хорошо заметны на поверхности. Однако уже с 5-го горизонта встречаются фрагменты с заглаженной поверхностью и хорошим обжигом, хотя и в незначительном количестве.

Основными категориями посуды, обнаруженной в Ушаково-2, являются кубки, кубкообразные сосуды и сосуды средних размеров. Фрагмент кубка, украшенный сдвоенным шнуром, имеет короткую шейку, S-образный венчик, выпуклое тулово и хорошо заглаженную поверхность (рис. 4: 1). Такие признаки характерны именно для посуды местной группы памятников ПК (Зальцман, 2010). Другие фрагменты, отличающиеся сходными технологическими характеристиками, представлены ушком от амфоры, орнаментированным горизонтальными оттисками шнура, фрагментом сосуда средних размеров, обломком миски удлиненной формы (рис. 4: 2, 4, 5). Все эти формы обнаружены в нижней части культурного слоя. Типологически они аналогичны посуде с поселения Прибрежное (Зальцман, 2010).

Остальная керамика имеет поздний характер (рис. 4: 6–13). Выделяются сосуды средних размеров с высокой шейкой, орнаментированные простым шнуром или отпечатками ногтей (рис. 4: 8, 11, 13), горшок средних размеров, декорированный отпечатками ногтей (рис. 4: 9), кубок с высокой шейкой (рис. 4: 7) и кубок с двойным налепом (рис. 4: 6). Сосуды с прямым венчиком, орнаментированные различными сочетаниями шнура (рис. 4: 10, 12), встречаются, судя по радиоуглеродным датам с поселения Ушаково-3 (см. ниже), вплоть до конца III тыс. до н. э. В целом основная часть комплекса на основании типологии материалов и сравнительного анализа датируется последней четвертью III тыс. до н. э., часть материалов может относиться к началу II тыс. до н. э.

Ушаково-3. Памятник находится в крайней северо-восточной части слабо выдающегося в сторону залива мыса. С востока поселение ограничено впадающей в залив протокой, в прошлом относящейся к устью реки Прохладной. Высота мыса над уровнем воды в заливе – 18,2 м. От поселения Ушаково-1 памятник отделяет 1,4 км.

К глубокому сожалению, основной участок, на котором располагается памятник, является частной территорией и раскопки в настоящее время здесь невозможны. В северо-восточном направлении, непосредственно под мысом располагается небольшой выступ высотой до 9,10 м и размером 12 × 20 м. Большая часть культурного слоя в результате воздействия потоков родниковой воды

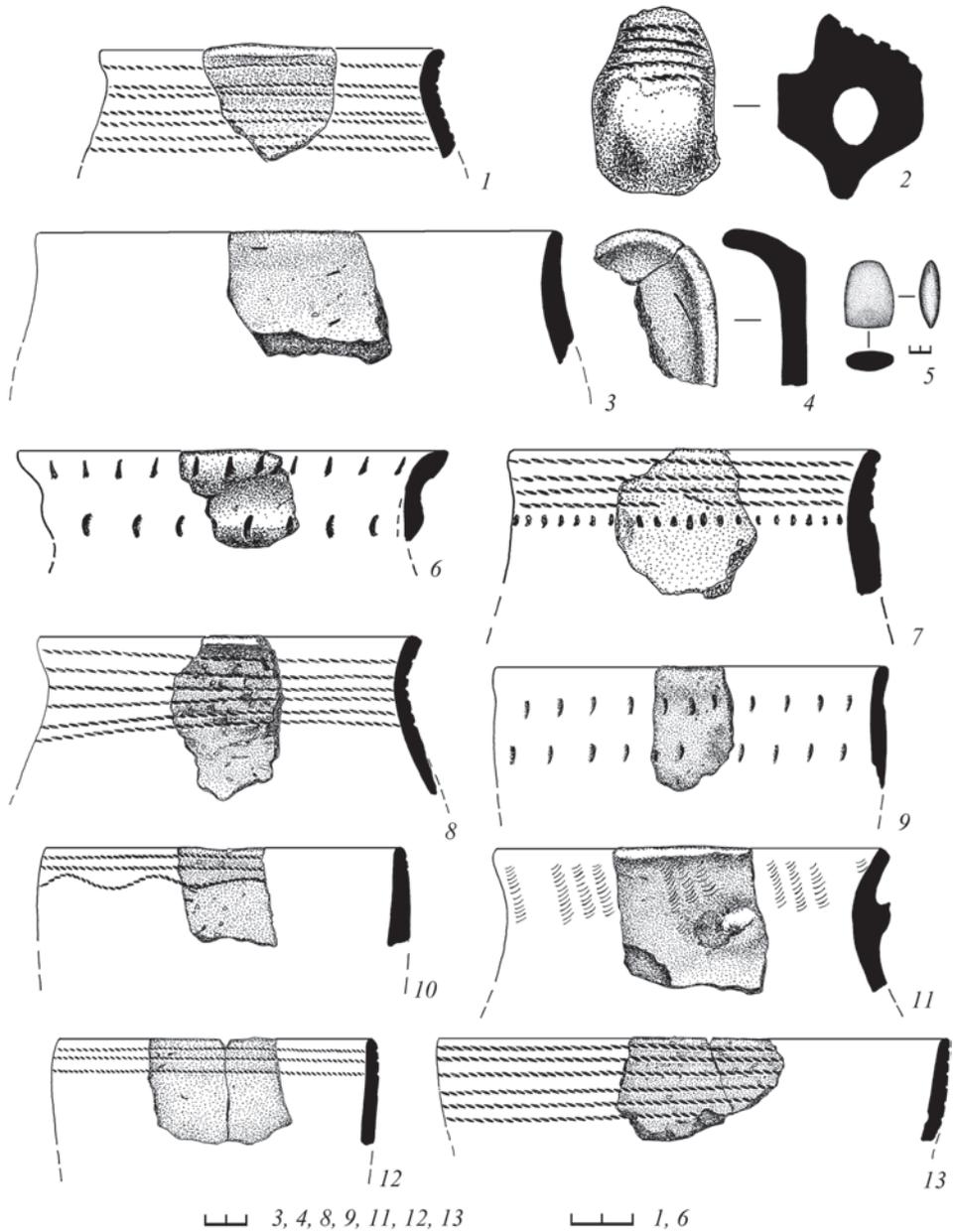

Рис. 4. Поселение Ушаково-2. Керамика

1, 6, 7 – кубки; 2 – ушко амфоры; 3 – каменный топорик; 4 – горшок средних размеров; 5 – фрагмент миски удлиненно-овальной формы; 8, 9, 11, 13 – сосуды средних размеров; 10, 12 – сосуды кубкообразной формы с прямыми стенками

оказалась смытой в направлении уступа. Именно здесь и был заложен раскоп площадью 100 кв. м.

По всей видимости, напластования культурного слоя отлагались постепенно, без явного и тотального смешения раннего и позднего материалов. Данный факт доказывает, прежде всего, распределение керамического материала, при котором ранние материалы оставались, как правило, внизу, а поздние вверх или на среднем уровне. Так как потоки родниковой воды иногда размывали ранее принесенный слой, более поздние материалы изредка проникали на нижние уровни и наоборот. Судя по наличию отдельных объектов, незначительная хозяйственная деятельность велась и на данном участке, примыкающем к собственному поселению.

Мощность культурного слоя в среднем составляла 0,7 м, местами достигала 1,2 м.

Преобладающая часть находок составляет керамика, которая технологически и морфологически относительно глубины залегания, как правило, имеет заметные различия. Фрагменты керамики, преимущественно зафиксированные на горизонтах с 4-го по 12-й, характеризуются слабым обжигом и слишком большим количеством дресвы в керамической массе. Крупные зерна дресвы выступают на поверхности, размеры многочисленных включений значительные (0,03–0,05 мм). На данном уровне среди керамики преобладали кубки нескольких разновидностей. Прежде всего, выделяются кубки, совершенно неизвестные в Прибрежном или Ушаково-1, отличающиеся хорошо отогнутым венчиком, заметно выделенной и зауженной шейкой и, скорее всего, более или менее выпуклым туловом (рис. 5: 10). Встречаются кубки и с плавно отогнутым венчиком, короткой шейкой, орнаментированные рядами столбиков или простейшим шнуровым орнаментом (рис. 5: 11). Кроме того, из Ушаково-3 происходит кубок с прямыми стенками (рис. 5: 12), относящийся к позднему типу, широко распространенный в Прибалтике в период упадка приморской культуры.

Помимо кубков обращают на себя внимание т. н. кубковидные сосуды с прямыми или слегка выпуклыми стенками. Отдельные экземпляры отличались своеобразным орнаментом, основу которого составлял мотив «рыбьей кости» в виде мелких прямоугольных столбиков в сочетании с рядами ямок (рис. 5: 19). Не менее распространенными можно считать горшочки бочковидной формы (рис. 5: 18), ранее хорошо известные по раскопкам в Ниде.

Для амфор на данном уровне характерны в основном покатое тулово, ушки, расположенные в районе шейки или плечиков (рис. 5: 15–17). Миски овальной формы для данного уровня малохарактерны.

Широкогорлые горшки – не столь разнообразны и многочисленны, как в Прибрежном. Известны лишь два типа – с S-образным верхом, украшенные рядами столбиков, или слабопрофилированные, декорированные простейшим шнуровым орнаментом (рис. 5: 21, 22). Горшки средних размеров почти всегда украшены только горизонтальными оттисками шнура, за исключением случая, когда они перемежались с вертикальными (рис. 5: 20).

Янтарных украшений обнаружено крайне мало. Единственными находками являются пронизь трубчатой формы и два обломка пластин (рис. 5: 13, 14).

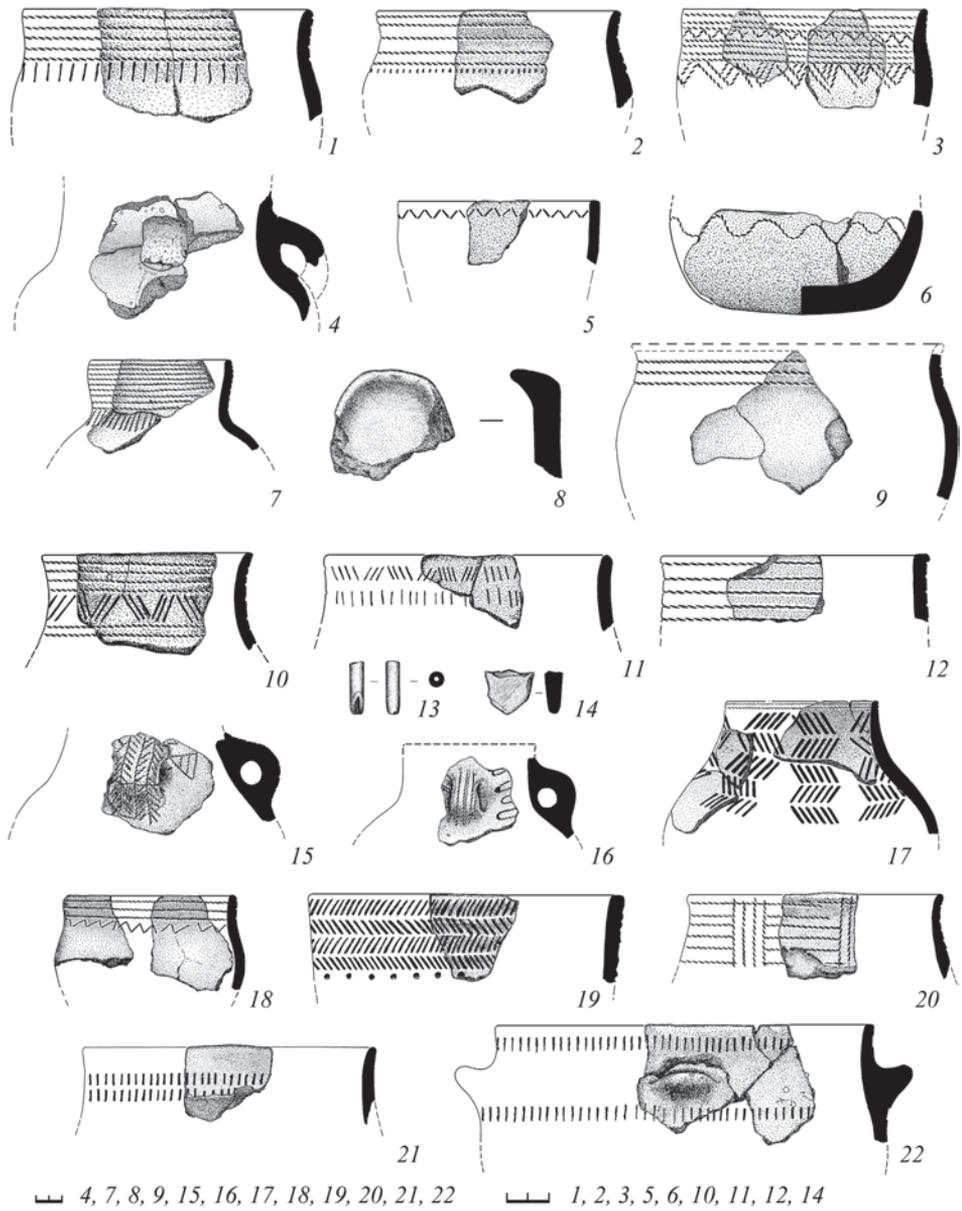

Рис. 5. Поселение Ушаково-3. Керамический комплекс с нижнего уровня (14–18-й горизонты) культурного слоя (1–9) и комплекс находок с верхнего и среднего уровней (4–13-й горизонты) культурного слоя (10–22)

1–3, 5, 10–12 – кубки; 4, 7, 15–17 – амфоры; 6 – миска приземистой формы; 8 – миска овальной формы; 9, 21, 22 – широкогорлые горшки; 13–14 – изделия из янтаря; 18 – горшочек бочковидной формы; 19 – сосуд кубкообразной формы с прямыми стенками; 20 – горшок средних размеров

Преобладающая часть радиоуглеродных дат, полученных по углю с горизонтов 7–15, вполне согласуется с обнаруженными материалами (Приложение 2). Большинство дат лежат в вероятном диапазоне около 2300–2100 calBC.

С 13-го по 19-й горизонт картина начинает постепенно меняться и преобладающей становится совершенно иного типа посуда, представленная обломками мисок удлинненно-овальной формы (рис. 5: 8), фрагментами широкогорлых горшков (рис. 5: 9), в том числе приземистой формы, амфор с покатыми плечиками (рис. 5: 4), глубоких или приземистых мисок (рис. 5: 6), кубков с короткой шейкой (рис. 5: 1–3, 5). Все аналогии ведут в Прибрежное, где подобные формы посуды обычны для средней и нижней частей культурного слоя. Орнамент также отличается. Преобладают сочетания горизонтальных оттисков шнура и ямок, встречаются волна, треугольники, полуовалы, выполненные шнуром, сочетания столбиков и шнура, типичные для Прибрежного и аналогичных памятников.

Большая часть керамики с нижнего уровня имеет хороший обжиг, черепок более плотный в сравнении с керамикой с 4-го по 12-й горизонт, поверхность хорошо заглажена.

Радиоуглеродные даты, полученные с нижнего уровня (16–19-й горизонты), значительно старше и в целом близки датам из Прибрежного. Наиболее вероятно, что их следует связывать с самым концом интервала – 2800–2700 calBC.

Основной керамический комплекс из Ушаково-3 (керамика с нижнего уровня к данному комплексу не относится) наибольшее сходство проявляет не с материалами из Ниды, Сухача и Жуцево, а со стоянкой Неджведжувка в Вислинских Жулавах (*Mazurowski*, 2014. Rys. 142: 4, 5; 144: 1, 3; 146: 1, 2, 3; 149: 5, 8; 155: 2–4; 158: 1, 3; 159: 2; 160: 2; 161: 6; и др.).

Аналогии проявляются среди отдельных категорий посуды в Швянтойи 1А, где, несмотря на присутствие материалов раннего облика, выделяются формы сосудов и орнамента относительно позднего происхождения (*Rimantienė*, 2005. Pav. 95: 1, 2, 4, 5, 8, 9, 11).

В отдельных формах посуды и орнамента, очевидно, отразились связи с иными культурными формированиями, полностью соответствующие этапу, к которому принадлежит основной керамический комплекс памятника. К ним относятся, прежде всего, несколько фрагментов (в том числе фрагмент амфоры (рис. 5: 16)), которые, бесспорно, связаны с межановицкой культурой раннего этапа (*Kadrow, Machnik*, 1997. S. 29–53. Rys. 11: 11, 13; 14: 32, 33, 37; 16: 7). Декор, состоящий из столбиков, образующих «рыбью кость» (рис. 5: 19), известен на керамике с памятников типа Зомбье–Шестно в Мазурском Поозерье (*Manasterski*, 2009. Tabl. 32: 14; 46: 5; *Манастэрски*, 2014. С. 104. Рис. 5: 5, 7), в особенности широко распространен в КШК Белорусского Понеманья (группа 1, тип 3, по В. Л. Лакизе) (*Лакіза*, 2008. С. 104. Табл. 11: 15; 23: 4, 5; 29: 6, 7, 9; 31: 11–17). Кубки с зауженной шейкой и туловом выпуклых очертаний (рис. 5: 10) не имеют аналогий среди керамики с поселений восточной группы приморской культуры, в их пропорциях, вероятно, также просматриваются южные традиции (*Włodarczak*, 2006). Орнаментация ушек на амфорах в виде шнуровой елочки (рис. 5: 15) имеет параллели в стжижовской культуре (*Glosik*, 1968. S. 46. Tabl. 9: 13; 12: 3, 7).

Нет никаких сомнений, что превалирующую часть находок с горизонтов 4–12 необходимо относить к следующей после классической фазе развития ПК (2400–2100 calBC). Данная фаза выделяется также на основе материалов поселений Неджведжувка (*Mazurowski*, 2014), Дактаришке-1, Шарняле, Гайгалине-1 (*Butrimas*, 1982; 1986; *Butrimas, Ostrauskienė*, 2004) и Ушаково-2.

Проблема генезиса памятников типа Прибрежное

В прошлом вопросы начального этапа формирования восточной группы ПК рассматривались исходя из общераспространенной идеи о главенствующей роли А-горизонта. По Р. Римантене, важное значение для образования восточной группы имела, кроме ранней КШК, неманская культура, с которой пришлое население КШК столкнулось на этапе продвижения к побережью, и КША, что в конечном счете привело к сложению в 2900/2800 гг. до н. э. нового культурного образования (*Римантене*, 1981. С. 34, 35; *Rimantienė*, 1989. Р. 176–178). В концепции А. Гирининкаса подчеркивалась особая важность нарвской культуры в становлении восточной группы (*Girininkas*, 1994. Р. 159, 160).

Культурный комплекс, рассмотренный выше, не соответствует общеизвестным характеристикам КШК, что не позволяет нам следовать устоявшимся представлениям о путях формирования восточной группы. Долговременные поселения с мощным культурным слоем, часть из которых существовали несколько столетий, длинные дома с апсидой и двухрядной конструкцией стен, погребения в пределах поселений, каменные топоры трапецевидной формы при полном отсутствии форм сверленных топоров, специфический набор янтарных украшений и крайне своеобразный керамический комплекс – черты, абсолютно противоположные тем, что мы привыкли видеть в КШК. Совершенно очевидно, что эти древности не могут служить доказательством родства ПК, по крайней мере на ранних этапах, с кругом КШК Средней Европы. Идея долгого развития в изоляции от иных КШК, под влиянием только соседних КША и культур «лесного» неолита, видится невероятной в силу раннего характера части радиоуглеродных дат, очевидных связей с отдельными группами КШК на более поздних этапах развития, а также географического положения памятников типа Прибрежное.

Некоторые виды орнамента в Прибрежном и подобных ему памятниках, включающие штампы в виде столбиков, горизонтальные оттиски шнура, пересекаемые через определенные промежутки вертикальными, шнуровые полуовалы, действительно связаны с КША, причем с соседними группами. Но своеобразии пропорций посуды с поселения Прибрежное таково, что, за исключением редких случаев, не позволяет считать ее производной от керамики КША. Широкогорлые горшки, которые во фрагментированном состоянии находили на ряде поселений ПК, совершенно бесосновательно считали проявлением традиций КША. Так как в Прибрежном обнаружены подобного рода сосуды с полным профилем, необходимость в их соотношении с керамикой КША отпала. Эти широкогорлые горшки, особенностью которых является характерное сужение по направлению к днищу и широкая горловина, в самых общих чертах напоминают известные плоскодонные сосуды с широким устьем цедмарской неолитической культуры

(Тимофеев, 1996. С. 162. Рис. 51; Gumiński, 2001. Rys. 2: a, d, e, j). Именно эта разновидность широкогорлых горшков, судя по находкам из построек и хозяйственных ям вблизи жилых сооружений, как правило, покрыта ямочным орнаментом. Другим типом посуды, имеющей отношение к «лесному» неолиту, являются все известные миски овальной формы. Этим исчерпываются формы, имеющие отношение к местному неолиту. В случае с КША ее роль в данном контексте возрастает не ранее 2750 ВС.

Таким образом, отдельные черты, связывающие комплекс с КША или цедмарской культурой, не столь всеобъемлющи и не дают оснований видеть в этих культурных образованиях фундамент для дальнейшего развития восточной группы ПК. Важнейшей составляющей керамического комплекса памятников типа Прибрежное является совершенно особого типа посуда, не имеющая ничего общего с керамическими комплексами соседних культурных формирований. Сюда относятся широкогорлые горшки воронковидной, яйцеобразной, прямостенной и приземистой форм, амфоры и сосуды кубкообразной формы с прямым венчиком, слабопрофилированные кубки (рис. 2: 1, 2, 3, 6, 7, 9, 14; 3: 3, 4, 5, 7, 9; 4: 1, 10, 12; 5: 1–3). Перечисленные здесь типы посуды представляют собой преобладающую часть комплекса, отличаясь сложным декором, включающим сочетания горизонтальных оттисков шнура и полуovalов, зигзага, треугольников, волны. Шнуровая орнаментация в КША постепенно распространяется с фазы Па, т. е. около 3500 calBC (Szmyt, 1996. S. 34). Но в отличие от КША, оттиски шнура на памятниках типа Прибрежного являются основным видом орнаментации посуды (более 60 %) и в этом смысле не могут рассматриваться как заимствованные из КША. Такая избирательность выглядела бы странно, если учитывать, что в КША достаточно иных способов орнаментировать посуду. За исключением штампа в виде столбиков, который, однако, на первом этапе крайне редок (2,5 %), иных форм орнамента, вероятное происхождение которых можно связывать с КША, в Прибрежном и родственных ему памятниках не обнаружено. Что характерно, на последующих этапах орнаментация столбиками становится более распространенным явлением.

Даже если шнуровые полуovalы следует считать заимствованием из КША, наличие высокой доли остальных разновидностей шнурового орнамента в декоре посуды подсказывает нам, что идея украшать посуду шнуром впервые проникла на побережье Вислинского залива из иного, более отдаленного центра. В этом смысле уже высказывался А. Кошко, прямо указывая на близость позднетрипольских шнуровых орнаментальных традиций аналогичным декорам в характеризуемом культурном формировании (Klochko, Koško, 2009. P. 294).

Если древности типа Прибрежного оказываются в начале хронологической шкалы, опережая во времени комплекс т. н. А-горизонта, область побережья в районе северо-восточной части Вислинского залива с неизбежностью становится зоной первоначального распространения новых групп населения. Стратегия заселения выглядит следующим образом (соответствуя той, что нам известна в определенной степени из ранней фазы культуры одиночных погребений (Ebbesen, 2006. P. 168–170)): новые поселенцы осели в наименее заселенной области, где к концу IV тыс. до н. э. существовали лишь редкие, незначительные по размерам стоянки местных рыболовов и охотников. В дальнейшем область расширяется, достигая на севере побережья Западной Литвы.

В противоположность представленной выше картине, наиболее ранний импульс из Центральной Европы отмечен в основном редкими погребениями (в том числе известный курган Кауп) и материалами А-горизонта. Исходя из нового культурного контекста, предполагать прямое родство хотя бы части ранних погребений КШК вне поселений с территории бывшей Восточной Пруссии и Восточной Прибалтики с приморской культурой не представляется возможным.

На поселенческом уровне А-горизонт проявился несколько позже. Что характерно, в Швянтойи 1А комплекс А-горизонта встречается совместно с материалами типа Прибрежное (*Rimantienė*, 2005. Р. 233, 235. Рав. 96: 3, 4, 8, 9; 98: 1, 2, 5, 6). Наличие большого числа кухонной посуды (горшки с пальцевыми защипами), скорее всего, указывает не только на распространение идей с юго-запада, но и приход нового населения. Модель постепенного развития с последующим проникновением чужеродных идей, отразившихся в материальной и духовной культуре в виде новых форм посуды, каменных орудий и погребального обряда, для Прибалтики неприемлема.

ЛИТЕРАТУРА

- Зальцман Э. Б.*, 2010. Поселения культуры шнуrowой керамики на территории Юго-Восточной Прибалтики. М.: ИА РАН. 312 с.
- Зальцман Э. Б.*, 2011. Северо-восточное побережье Вислинского залива в эпоху неолита и раннего бронзового века (вопросы хронологии и культурной принадлежности) // *Na rubieży kultur. Białystok: MPV.* С. 55–65.
- Зальцман Э. Б.*, 2013. Об итогах изучения поселения Прибрежное в Калининградской области // *Археология Балтийского региона: сб. материалов Междунар. конф. / Ред. Н. А. Макаров. М.: Нестор-История.* С. 22–35.
- Зальцман Э. Б.*, 2014. К вопросу культурной принадлежности памятников вальдбургского типа // *Проблемы балтийской археологии. Вып. 2 / Ред.: Э. Б. Зальцман, И. О. Дементьев, А. А. Лебекина. Калининград: Балтийская Европа.* С. 78–100.
- Лакіза В. Л.*, 2008. *Старажытнасці позняга неаліту і ранняга перыяду бронзавага веку Беларускага Панямоння.* Мінск: Беларуская навука. 344 с.
- Лоце И. А.*, 1979. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне. 264 с.
- Манастэрски Д.*, 2014. Культурный синкретизм общественных образований региона Мазурских озер в конце неолита и в начале эпохи бронзы (по итогам исследований керамического материала) // *Проблемы балтийской археологии. Вып. 2 / Ред.: Э. Б. Зальцман, И. О. Дементьев, А. А. Лебекина. Калининград: Балтийская Европа.* С. 101–116.
- Римантене Р. К.*, 1981. Культура шнуrowой керамики в Прибалтике // *Новое в археологии СССР и Финляндии: докл. Третьего Советско-финляндского симпозиума по вопр. археологии (11–15 мая 1981 г.) / Под ред. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука.* С. 34–40.
- Тимофеев В. И.*, 1996. Памятники типа Цедмар // *Неолит Северной Евразии / Ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука.* С. 162–165.
- Butrimas A.*, 1982. *Daktariškės neolito gyvenvietė.* Vilnius: LIEM. 79 s.
- Butrimas A.*, 1986. *Šarnelės neolito gyvenvietė // Lietuvos archeologija. T. 1.* Vilnius. S. 174–191.
- Butrimas A., Ostrauskienė D.*, 2004. *Biržulio apyžerio neolito gyvenviečių virvelinė keramika // Kultūrinio landšafto raida Žemaičių aukštumoje. Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla.* S. 121–144. (Acta Academiae Artium Vilnensis; 34.)
- Czebreszuk J.*, 2003. Amber on the Threshold of a World Career // *Amber in Archaeology: Proceedings of the Fourth International Conference on Amber in Archaeology, Talsi / Eds.: C. W. Beck, I. B. Loze, J. M. Todd. Riga: Institute of the History of Latvia Publishers.* P. 164–179.
- Ebbesen K.*, 2006. *The Battle Axe Period Stridsøksetid.* København: Kvatro. 859 p.

- Engel C., 1935. *Vorgeschichte der altpreußischen Stämme*. Untersuchungen über Siedlungsstetigkeit und Kulturgruppen im vorgeschichtlichen Ostpreußen. Bd. 1. Königsberg: Gräfe und Unzer. 347 S.
- Gaerte W., 1927. Die steinzeitliche Keramik Ostpreußens. Königsberg: Gräfe und Unzer. 91 S.
- Girininkas A., 1994. Baltu kultūros ištakos. Vilnius: Savastis. 280 s.
- Glosik J., 1968. Kultura strzyżowska // Materiały starożytnie. T. XI. S. 7–114.
- Gumiński W., 2001. Kultura Zedmar. Na rubieży neolitu «zachodniego» // Od neolityzacji do początków epoki brązu. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie. S. 133–152.
- Kadrow S., Machnik J., 1997. Kultura mierzanowicka, Chronologia, taksonomia i rozwój przestrzenny. Kraków: Wydawnictwo Oddziału PAN. 190 s. (Prace Komisji Archeologicznej PAN; t. 29.)
- Kilian L., 1955. Haffküstenkultur und Ursprung der Balten. Bonn: Rudolf Habelt Verlag. 320 S.
- Klochko V., Koško A., 2009. The societies of Corded Ware cultures and those of Black Sea steppes (Yamnaya and Catacomb Grave cultures) in the route network between the Baltic and Black Seas // Routes between the Seas: Baltic-Bug-Boh-Pont from the 3rd to the middle of the 1st millenium BC. Poznań: Institute of Prehistory. P. 269–301. (Baltic-Pontic Studies; Vol. 14.)
- Larsson Å., 2009. *Breaking and Making Bodies and Pots*. Material and Ritual Practices in Sweden in the Third Millennium BC. Department of Archaeology and Ancient History. Uppsala: Uppsala Universitet. 493 p. (Aun; 40.)
- Loze I., 2003. Middle Neolithic Amber Workshops in the Lake Lubans Depression // Amber in Archaeology: Proceedings of the Fourth International Conference on Amber in Archaeology, Talsi / Eds.: C. W. Beck, I. B. Loze, J. M. Todd. Riga: Institute of the History of Latvia Publishers. P. 72–89.
- Manasterski D., 2009. Pojezierze Mazurskie u schyłku neolitu i na początku epoki brązu w świetle zespołów typu Ząbnie-Szeszno. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. 327s.
- Mazurowski R. F., 2014. Prahistoryczne bursztyniarstwo na Żuławach Wiślanych. Malbork: Muzeum Zamkowe w Malborku. 272 s.
- Rimantienė R., 1989. Nida. Senujų baltų gyvenvietė. Vilnius: Mokslas. 211 p.
- Rimantienė R., 2005. Akmens amžiaus žvejai prie Pajūrio lagūnos. Vilnius: Lietuvos nacionalinis muziejus. 527 p.
- Saltsman E., 2013. Dwelling construction materials from Pribrezhnoye in the context of formation of Primorskaya culture // ABalt. Vol. 19. Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 19–29.
- Szmyt M., 1996. Społeczności kultury amfor kulistych na Kujawach. Poznań: UAM. 330 s.
- Szmyt M., 1999. Between west and east people of the Globular amphora culture in Eastern Europe: 2950–2350 BC. Poznań: Institute of Prehistory. 349 p. (Baltic-Pontic Studies; vol. 8.)
- Włodarczak P., 2006. Kultura ceramiki sznurowej na Wyżynie Małopolskiej. Kraków: Instytut archeologii i etnologii PAN. 346 s.
- Zaltsman E., 2016. Chronological problems with sites of the Primorskaya culture on the north-eastern coast of the Vistula Lagoon // Sprawozdania Archeologiczne. T. 68. Kraków: Instytut Archeologii i Etnologii PAN. P. 263–299.
- Żurek J., 1954. Osada z młodszej epoki kamiennej w Rzucewie, pow. Wejherowski, i kultura rzucewska // Fontes Archaeologici Posnaniensis. T. 4 (1953). Poznań. S. 1–42.

Сведения об авторе

Зальцман Эдвин Борисович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: edwin_zaltsman@mail.ru

E. B. Zaltsman

RESEARCH OF SETTLEMENT COMPLEXES
OF THE PRIMORSKAYA CULTURE IN THE NORTHEAST COAST
OF THE VISTULA LAGOON: RESULTS AND ISSUES

Abstract. Research of Neolithic settlement complexes in the northeast coast of the Vistula lagoon was conducted from 1996 to 2015, initially at the Pribrezhnonoye settlement

and subsequently in the Prokhladnaya River area where another four settlements referred to various periods of the Primorskaya culture existence were discovered (Fig. 1–5). Research of the settlement complexes in the northeast part of the Vistula lagoon throws a new light on the main areas of the Primorskaya eastern group evolution compared to what was previously thought. Constructive features of dwellings, pottery assemblages and the entire material culture demonstrate dramatic differences from the Corded Ware culture. It is clear that the cultural model created earlier for Central Europe was artificially transferred to the region where this model did not work.

Keywords: northeast coast of the Vistula lagoon, Kaliningrad Region, Primorskaya eastern group settlements, Corded Ware culture, chronology.

REFERENCES

- Lakiza V. L., 2008. Starazhnytnasti poznayaga nealitu i rannayaga peryyadu bronzavaga veku Belaruskaga Panyamonnya [Antiquities of the Late Neolithic and Early Bronze Age in Byelorussia Neman region]. Minsk: Belaruskaya navuka. 344 p.
- Loze I. A., 1979. Pozdnyy neolit i rannayaya bronza Lubanskoy ravniny [Late Neolithic of Luban depression]. Riga: Zinatne. 264 p.
- Manasterski D., 2014. Kul'turnyy sinkretizm obshchestvennykh obrazovaniy regiona Mazurskikh ozer v kontse neolita i v nachale epokhi bronzy (po itogam issledovaniy keramicheskogo materiala) [Cultural syncretism of social structures in Mazur lake region in the end of Neolithic and beginning of Bronze Age (based on results of ceramics studies)]. *Problemy baltiyskoy arkheologii [Problems of Baltic archaeology]*, 2. E. Zaltsman, I. O. Dement'yev, A. A. Lebedkina, eds. Kaliningrad: Baltiyskaya Evropa, pp. 101–116.
- Rimantene R. K., 1984. Kul'tura shnurovoy keramiki v Pribaltike [Corded wre culture in Baltic region]. *Novoye v arkheologii SSSR i Finlyandii [New in archaeology of the USSR and Finland]*. B. A. Rybakov, ed. Leningrad: Nauka, pp. 34–40.
- Timofeyev V. I., 1996. Pamyatniki tipa Tsedmar [Zedmar type sites]. *Neolit Severnoy Evrazii [Neolithic of Northern Eurasia]*. S. V. Oshibkina, ed. Moscow: Nauka, pp. 162–165.
- Zaltsman E. B., 2010. Poseleniya kul'tury shnurovoy keramiki na territorii Yugo-Vostochnoy Pribaltiki [Corded ware culture settlements in territory south-eastern part of Baltic region]. Moscow: IA RAN. 312 p.
- Zaltsman E. B., 2011. Severo-vostochnoye poberezh'ye Vislinskogo zaliva v epokhu neolita i rannego bronzovogo veka (voprosy khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti) [North-eastern coast of the Vistula Lagoon in Neolithic and Early Bronze Age (issues of chronology and cultural attribution)]. *Na rubiezy kultur*. Bialystok: MPB, pp. 55–65.
- Zaltsman E. B., 2013. Ob itogakh izucheniya poseleniya Pribrezhnoye v Kaliningradskoy oblasti [On results of research of Pribrezhnoye settlement in Kaliningrad region]. *Arkheologiya Baltiyskogo regiona [Archaeology of Baltic region]*. N. A. Makarov, ed. Moscow: Nestor-Istoriya, pp. 22–35.
- Zaltsman E. B., 2014. K voprosu kul'turnoy prinadlezhnosti pamyatnikov val'dburgskogo tipa [On problem of cultural attribution of Waldsburg type sites]. *Problemy baltiyskoy arkheologii [Problems of Baltic archaeology]*, 2. E. Zaltsman, I. O. Dement'yev, A. A. Lebedkina, eds. Kaliningrad: Baltiyskaya Evropa, pp. 78–100.

About the author

Zaltsman Edwin B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: edwin_zalceman@mail.ru

Приложение 1. Радиоуглеродные даты поселения Прибрежное

№ п/п	Датир. материал	Комплекс	Дата ВР	ОxCal (2013) 68,2%	ОxCal (2013) 95,4%	Лаб. индекс
1	кость	Постройка 2, нижн. уровень заполнения	4470 ± 60	3334–3212 (36,2 %) 3190–3153 (10,2 %) 3135–3086 (13,7 %) 3061–3030 (8,2 %)	3355–3008 (90,1%) 2985–2934 (5,3 %)	Ki-11352
2	уголь	Постройка 2 (очаг А)	4220 ± 40	2897–2862 (29,3 %) 2807–2758 (33,9 %) 2718–2708 (5,0 %)	2908–2839 (37,1 %) 2815–2675 (58,3 %)	Ле-6217
3	« »	Постройка 3, нижн. уровень заполнения	4410 ± 80	3316–3274 (7,7 %) 3266–3237 (6,6 %) 3110–2916 (53,9 %)	3340–3204 (25,8 %) 3198–2903 (69,6 %)	Ле-6218
4	кость	« »	4530 ± 60	3359–3311 (16,3 %) 3295–3286 (2,7 %) 3275–3265 (2,9 %) 3239–3106 (46,2 %)	3494–3467 (2,3 %) 3375–3079 (88,6 %) 3071–3025 (4,5 %)	Ki -11351
5	уголь	Постройка 4 (очаг)	4570 ± 60	3493–3468 (7,6 %) 3375–3319 (21,8 %) 3273–3267 (1,3 %) 3236–3112 (37,4 %)	3516–3397 (17,3 %) 3385–3091 (78,1 %)	Ki-10581
6	« »	« »	4510 ± 60	3346–3308 (12,6 %) 3301–3282 (6,1 %) 3277–3265 (3,9 %) 3240–3105 (45,6 %)	3486–3474 (0,6 %) 3372–3017 (94,8 %)	Ki-9948
7	кость	Постройка 6, нижн. уровень заполнения	4570 ± 60	3493–3468 (7,6 %) 3375–3319 (21,8 %) 3273–3267 (1,3 %) 3236–3112 (37,4 %)	3516–3397 (17,3 %) 3385–3091 (78,1 %)	Ki-9949
8	скорлупа ореха	Постройка 7 (очаг В)	4470 ± 70	3335–3211 (35,1 %) 3192–3152 (10,5 %) 3137–3085 (14,0 %) 3063–3029 (8,6 %)	3357–3004 (87,7 %) 2991–2930 (7,7 %)	Ле-9055
9	уголь	Постройка 7, нижн. уровень заполнения	4320 ± 90	3261–3255 (0,8 %) 3098–2872 (65,9 %) 2799–2793 (0,8 %) 2786–2780 (0,7 %)	3335–3211 (10,1%) 3192–3152 (2,4 %) 3138–2837 (71,0 %) 2816–2672 (11,9 %)	Ле-8971

Приложение 2. Радиоуглеродные даты поселения Ушаково-3

№ п/п	Датир. материал	Комплекс	Дата ВР	ОxCal (2013) 68,2%	ОxCal (2013) 95,4%	Лаб. индекс
12	уголь	Горизонт 7, культурн. сл.	3840 ± 90	2458–2201 (68,2 %)	2565–2526 (2,1 %) 2496–2033 (93,3 %)	Ki-18300
2	« »	Горизонт 10, культурн. сл.	3680 ± 80	2196–2171 (6,3 %) 2146–1951 (61,9 %)	2335–2324 (0,3 %) 2307–1877 (94,0 %) 1841–1823 (0,6 %) 1795–1783 (0,4 %)	Ki-18099
3	« »	Горизонт 11, культурн. сл.	3510 ± 90	1950–1737 (63,8 %) 1715–1696 (4,4 %)	2127–2090 (2,1 %) 2045–1621 (93,3 %)	Ki-18608
4	« »	Горизонт 14, культурн. сл.	3920 ± 80	2559–2536 (5,1 %) 2491–2291 (63,1 %)	2622–2194 (93,8 %) 2175–2145 (1,6 %)	Ki-18601
5	« »	Горизонт 15, культурн. сл.	4010 ± 80	2836–2816 (3,8 %) 2671–2455 (62,3 %) 2418–2408 (1,4 %) 2374–2369 (0,7 %)	2865–2805 (7,7 %) 2761–2296 (87,7 %)	Ki-18105
6	« »	Горизонт 13, культурн. сл.	4430 ± 60	3320–3273 (10,8 %) 3266–3236 (8,3 %) 3169–3164 (1,1 %) 3113–3005 (33,6 %) 2990–2930 (14,4 %)	3338–3207 (29,1 %) 3195–2917 (66,3 %)	Ki-18096
7	« »	Горизонт 16, культурн. сл.	4390 ± 130	3328–3218 (18,9 %) 3178–3159 (3,1 %) 3122–2899 (46,2 %)	3497–3458 (1,4 %) 3377–2836 (87,7 %) 2816–2670 (6,3 %)	Ki-18302
8	« »	Горизонт 17, культурн. сл.	3790 ± 50	2295–2139 (68,2 %)	2455–2418 (3,0 %) 2407–2376 (3,2 %) 2351–2119 (81,6 %) 2097–2040 (7,6 %)	Ki-18605
9	дерево	« »	4380 ± 40	3079–3071 (3,9 %) 3024–2921 (64,3 %)	3263–3249 (1,4 %) 3100–2903 (94,0 %)	Ki-18097
10	« »	Горизонт 18, культурн. сл.	4210 ± 50	2897–2856 (22,1 %) 2811–2747 (34,2 %) 2725–2698 (11,9 %)	2910–2832 (30,1 %) 2821–2632 (65,3 %)	Ki-19202
11	« »	« »	4230 ± 40	2902–2864 (37,6 %) 2806–2760 (30,6 %)	2913–2841 (44,1 %) 2814–2678 (51,3 %)	Ki-19204
12	деревянная свая, 10 внешних колец	Горизонт 19	4310 ± 50	3011–2978 (17,9 %) 2967–2951 (5,8 %) 2943–2887 (44,5 %)	3091–2872 (95,4 %)	Ki-18111
13	« »	« »	4370 ± 50	3081–3069 (5,5 %) 3026–2913 (62,7 %)	3312–3295 (1,0 %) 3286–3275 (0,6 %) 3266–3238 (2,7 %) 3108–2891 (91,1 %)	Ki-18101

С. В. Демиденко, Р. А. Мимоход, П. С. Успенский

НОВЫЕ НАХОДКИ САРМАТСКИХ КОТЛОВ НА НИЖНЕМ ДОНУ

Резюме. В 2015 г. Сочинская экспедиция Института археологии РАН исследовала курганные могильники Чеботарев III–V, Камышевахский X, Несветай II и IV. В четырех из них были обнаружены курганы, содержавшие в составе инвентаря бронзовые котлы и их фрагменты. Это комплексы из курганных могильников Чеботарев IV, кург. 2, погр. 1; Чеботарев V, кург. 1, комплекс I; Камышеваха X, кург. 1, комплекс I, и Несветай IV, кург. 3, погр. 1. Изучение морфологических и технологических особенностей котлов показало, что все они относятся к различным вариантам типа VI, наиболее широко распространенного в среднесарматское время, особенно в I – перв. пол. II в. н. э. Котлы изготовлены по единой технологической схеме. На имеющемся ограниченном материале прослеживается три варианта погребального обряда с использованием котлов: помещение в погребение фрагментов котла, помещение в насыпь курганов разбитых котлов и помещение котла в нишу-тайник в могиле. Возможно, помещение в погребение обломков котла связано с традицией раннесарматского времени использования в качестве погребального инвентаря обломков зеркал. Все исследованные экземпляры котлов относятся к единому культурному кругу, использовались примерно в одно время. Фрагментированные котлы из погр. 1 к-на 2 могильника Чеботарев IV; комплекса I к-на 1 могильника Чеботарев V; комплекса I к-на 1 могильника Камышеваха X занимают более раннюю хронологическую позицию по отношению к экземпляру из погр. 1 к-на 3 могильника Несветай IV.

Ключевые слова: среднесарматское время, бронзовые литые котлы, погребальный обряд, типология, хронология, технология изготовления.

Бронзовые литые котлы являются неотъемлемой частью материальной культуры кочевников савромато-сарматской культурно-исторической общности. Однако находки их в комплексах довольно редки. Поэтому обнаружение каждого нового экземпляра представляет собой достаточно значимое событие, поскольку позволяет получить новую информацию как о самом изделии, так и о категории

артефактов в целом, а также уточнить детали обряда погребения, в котором данные изделия были использованы.

В 2015 г. Сочинская экспедиция Института археологии РАН исследовала курганные могильники Чеботарев III–V, Камышевахский X, Несветай II и IV, находившиеся в Аксайском районе Ростовской области. Всего было раскопано 32 погребальных комплекса, 19 из которых относились к среднесарматской культуре. В четырех могильниках были обнаружены курганы, содержавшие в составе инвентаря бронзовые котлы и их фрагменты. К ним относятся комплексы из погр. 1 к-на 2 м-ка Чеботарев IV и погр. 1 к-на 3 м-ка Несветай IV; комплекс I из кург. 1 м-ка Чеботарев V, комплекс I из кург. 1 м-ка Камышеваха X (Мимоход, 2017).

Все могильники располагались на вершине водораздела балок Чеботарева и Валовая (рис. 1: 1).

Могильник Чеботарев IV, кург. 2, погр. 1. Курган имел округлую форму, высота – 0,5 м, диаметр – 20 м. Могильная яма погребения 1 имела прямоугольную форму и была вытянута по линии ССЗ–ЮЮВ. Первоначальные размеры ямы составляли 3 × 2,4 м, глубина – 1,4 м от уровня материка. Погребение было ограблено, скорее всего, в древности.

Два крупных фрагмента стенок бронзового котла были обнаружены в заполнении могильной ямы.

Один из них (рис. 1: 2) имеет размеры 12 × 7 см, толщина – 0,4 см. Внешняя поверхность фрагмента покрыта хорошо прослеживаемыми рельефными параллельными валиками – следами предохранительной растительной конструкции, которыми покрывалась выплавляемо-выгораемая модель котла, чтобы предохранить ее от проседания внешней литейной формы. С внутренней стороны подобные рельефные валики отсутствуют, однако видны отдельные короткие рельефные округлые и продолговатые выступы, которые, вероятнее всего, представляют собой отпечатавшиеся в бронзе следы органических включений в глиняный литейный стержень – «болван», на котором собственно формировалась выплавляемо-выгораемая модель тулова сосуда (Минасян, 1986; Демиденко, 2008. С. 27–31).

Второй фрагмент (рис. 1: 3) имеет размеры 7,2 × 4,5 см, толщина – 0,3 см. Структура его внешней и внутренней поверхностей аналогична первому фрагменту.

Кроме того, в заполнении были выявлены обломки стеклянных сосудов, фрагмент глиняной миски, обломок горла светлоглиняной амфоры, фрагменты сероглиняного сосуда, отдельные кости человека (фрагменты черепа и часть бедренной кости), а также нашивки желтого металла и бисер.

Могильник Чеботарев V, кург. 1, комплекс I. Курган имел округлую форму, высота – 1,3 м, диаметр – 30 м.

Комплекс I выявлен в насыпи кургана в 5,4 м к ЮВ от R0, на глубине 0,52 м от R0. Здесь были расчищены обломки разбитого бронзового котла, в 1,2 м к ЮЗ от которого лежали фрагменты железного изделия с фольгой желтого металла.

Кроме этого, в насыпи был обнаружен также комплекс II, в который входили железные черешковые наконечники стрел, предметы конской упряжи, в том числе фалары из желтого металла.

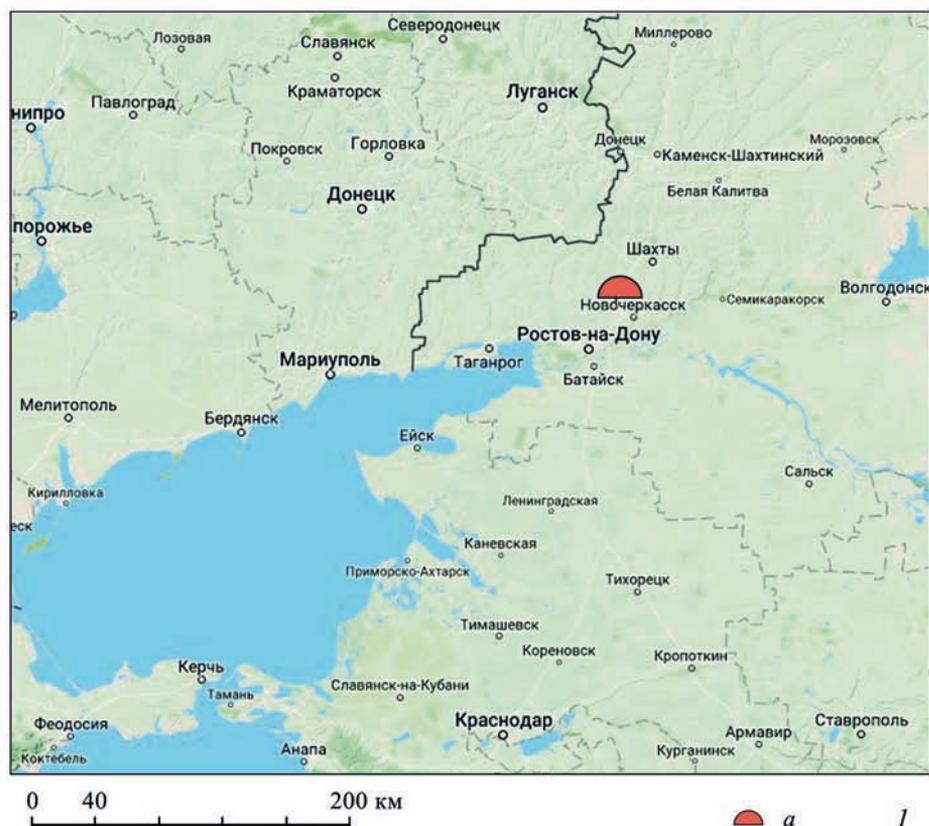

Рис. 1. Местонахождение курганных могильников Чеботарев IV, Чеботарев V, Камышеваха X и Несветай IV (I). М-к Чеботарев IV, погр. 1, кург. 2. Фрагменты бронзового литого котла (2, 3)

a – локализация исследованных курганов

В кургане выявлено два погребения. Погребение 1 – впускное, располагалось к ЗЮЗ от R0 и содержало захоронение пожилой женщины с богатым инвентарем, в состав которого входили многочисленные золотые изделия, металлические и глиняные сосуды, фрагментированные бронзовые фибулы и др. Погребение 2 – основное, располагавшееся в центре кургана и, как оказалось, разграбленное в древности.

Судя по сохранившимся фрагментам, котел из комплекса I имел тулово полусферической формы, с отогнутым наружу утолщенным коротким венчиком. Максимальный диаметр располагался в верхней трети тулова. Внутренний край венчика – ровный, без затеков и заусенцев. На венчике диаметрально противоположно друг другу располагались две вертикальные петлевидные ручки с тремя гвоздевидными выступами. Под венчиком котла, так же диаметрально противоположно друг другу, находились вертикальные ручки-петельки. Под основаниями вертикальных ручек располагались тамги в виде «трезубцев», выполненные рельефными узкими валиками. В 12 см от края венчика по максимальному диаметру тулова проходит горизонтальная рельефная веревочка. Ниже располагается неровный рельефный формовочный литейный шов. Внешняя поверхность тулова покрыта вертикальными параллельными рельефными валиками (следы использования предохранительной растительной конструкции). Внутренняя поверхность гладкая. Тулово и ручки отлиты одновременно в одной литейной форме. Котел имел воронковидный поддон, сохранилось два фрагмента (рис. 2: 1, 2).

Могильник Камышевахский X, кург. 1, комплекс I. Курган имел округлую насыпь, размеры: высота – 0,4 м, диаметр – 30 м.

Комплекс I был выявлен в 2,0 м к югу от второго восточного метра центральной бровки, на глубине 0,48 м от R0. Здесь расчищен разбитый бронзовый котел, ориентированный устьем на СВ. Рядом с котлом находился фрагмент железного предмета.

В центральной части кургана обнаружено погребение 1, ограбленное в древности, которое содержало фрагмент бронзового изделия и железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы.

Судя по сохранившимся фрагментам, котел из комплекса I имел тулово полусферической формы, с отогнутым наружу невысоким венчиком. Максимальный диаметр располагался в верхней трети тулова. На венчике диаметрально противоположно друг другу располагались две вертикальные петлевидные ручки с тремя гвоздевидными выступами. Под венчиком котла, так же диаметрально противоположно друг другу, находились вертикальные ручки-петельки. Под основаниями вертикальных ручек с тремя выступами располагались тамги в виде двух перекрещивающихся углов, направленных вершинами вверх. Вершины упираются в основания вертикальных ручек. Тамги выполнены рельефными узкими валиками. В 12 см от края венчика по максимальному диаметру тулова котла проходит горизонтальная рельефная веревочка. Внешняя поверхность тулова покрыта вертикальными параллельными рельефными валиками (следы использования предохранительной растительной конструкции), сильно закопчена. Внутренняя поверхность – без следов, сильно коррозирована. Тулово и ручки отлиты одновременно в одной литейной форме. Поддон воронковидный. Прилит к тулову и укреплен двумя литыми «заклепками» (рис. 3: 1, 2).

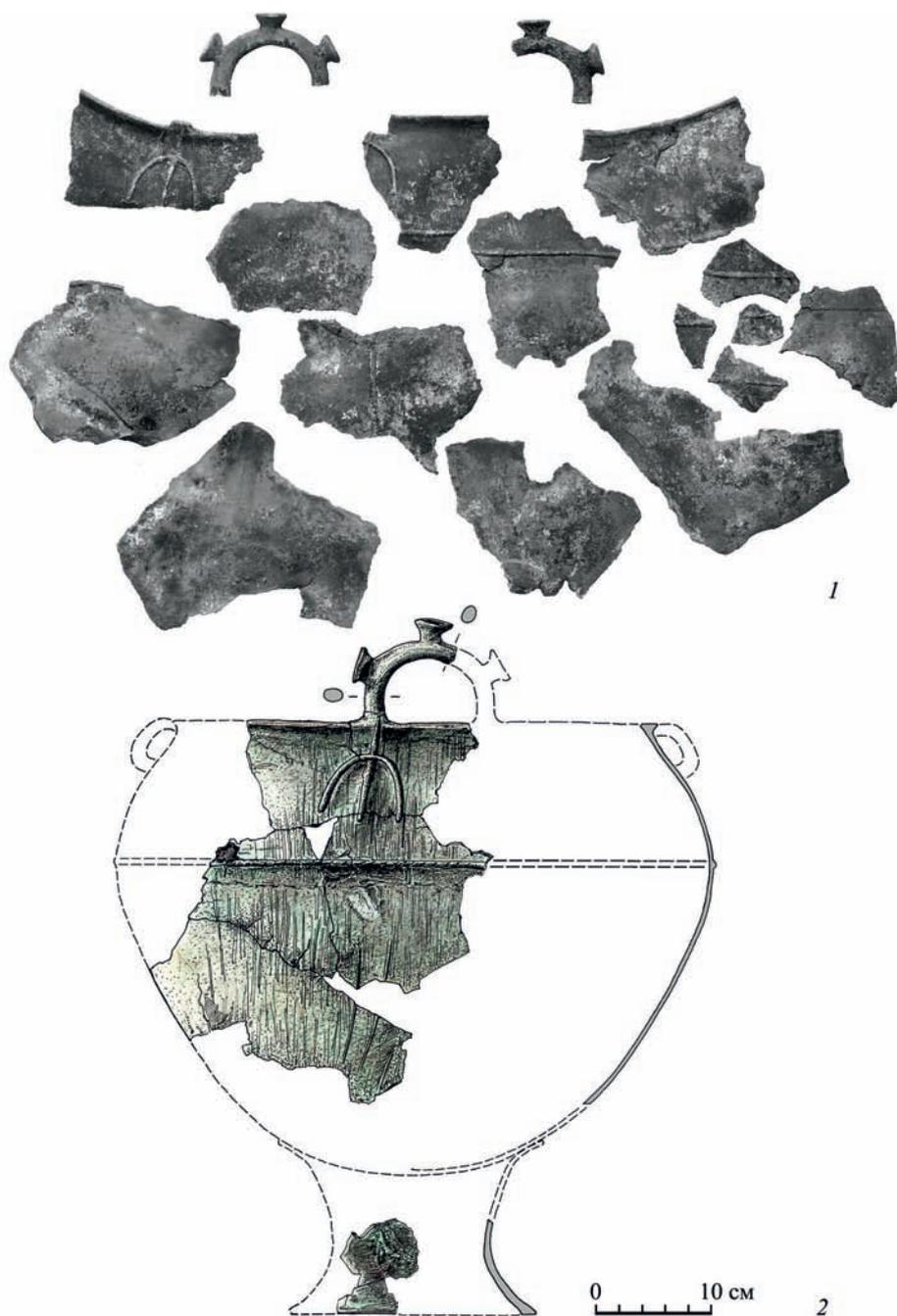

Рис. 2. М-к Чеботарев V, кург. 1, комплекс I.
Фрагментированный бронзовый литой котел

1 – фото; 2 – реконструкция

Рис. 3. М-к Камышевахский Х, кург. 1, комплекс I.
Фрагментированный бронзовый литой котел

1 – фото; 2 – реконструкция

Могильник Несветай IV, кург. 3, погр. 1. Курган имел сильно распаханную насыпь округлой в плане формы. Размеры: высота – 0,3 м, диаметр – 40 м.

Погребение 1 было выявлено в центральной части кургана на глубине 0,69 м от R0. Могильная яма подпрямоугольной формы была ориентирована длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Размеры: 2,8 × 1,95 м, прослеженная глубина – 1,06 м.

Погребение ограблено в древности. На дне могильной ямы были обнаружены разрозненные фрагменты скелета человека. Также в заполнении находились фрагменты краснолакового канфара, лепного сосуда, а также красноглиняного сосуда; бусы, терракотовый скарабеоид и горгонейон, фрагменты фибул и нитей желтого металла, обломки металлического изделия неясного назначения.

В ЮВ углу могильной ямы обнаружен тайник, в котором находился *in situ* бронзовый котел.

Котел имеет полусферическое тулово с сужающимися к устью стенками, несколько вытянутое по вертикальной оси. Невысокий венчик отогнут наружу. Максимальный диаметр располагался в верхней трети тулова. На венчике диаметрально противоположно друг другу располагались две вертикальные петлевидные ручки. Под венчиком котла, так же диаметрально противоположно друг другу, находились вертикальные ручки-петельки (отбиты в древности). Вследствие деформации одна вертикальная ручка вогнута внутрь, другая сломана, ее фрагменты были найдены рядом. Под вертикальными петлевидными ручками в 3 см от края венчика располагаются округлые углубления диаметром до 1,5–1,8 см – следы от литейных пробок, которые закрывали отверстия во внешней части литейной формы, служившие для выведения остатков выплавляемо-выгораемой модели котла. В 7–10 см ниже края венчика проходит горизонтальный неровный формовочный литейный шов. Внешняя поверхность тулова покрыта вертикальными параллельными рельефными валиками (следы использования предохранительной растительной конструкции). Внутренняя поверхность – без следов, коррозирована. Отверстия в стенках котла, образовавшиеся в результате брака, залиты металлом. На стенках котла наблюдаются остатки сажи. В нижней части тулова котла проходит трещина длиной 13 см (рис. 4).

Поддон отсутствует. Максимальный диаметр тулова – 32 см, диаметр венчика – 22 × 27 см, высота – 35 см, размер ручек: длина – 7,8 см, ширина – 7,5 см.

Обращаясь к использованию рассматриваемых нами котлов в погребальном обряде, прежде всего следует отметить тот факт, что два экземпляра из четырех были обнаружены в полностью разбитом виде в насыпях курганов, один с незначительными повреждениями найден в погребении в нише-тайнике, и в одном случае в погребении находились только два крупных фрагмента котла. Если брать всю известную на сегодняшний день совокупность котлов савромато-сарматской культурно-исторической общности, то из 91 учтенного комплекса в 49 случаях котлы помещались в погребальное сооружение в целом виде, в 33 – в поврежденном (пробито тулово, отбит поддон, нанесены зарубки на корпус). И только в 8 случаях котлы были практически полностью разбиты. Кроме того, в 14 случаях котлы были связаны с насыпью кургана, а в 8 случаях – помещались в ниши-тайники (Демиденко, 2008. С. 50).

Прежде всего, обратим внимание на два крупных фрагмента котла из погр. 1 к-на 2 м-ка Чеботарев IV (рис. 1: 1, 2). Судя по их размерам, они могут относиться

Рис. 4. М-к Несветай IV, кург. 3, погр. 1. Бронзовый литой котел

к типу VI, по С. В. Демиденко (*Демиденко*, 2008. С. 17). По наличию обломка узкогорлой светлоглиняной амфоры, которая относится к типу С, по Д. Б. Шелову (*Шелов*, 1978. С. 18), или к одному из вариантов типа CIV, по С. Ю. Внукову (*Внуков*, 2016), погребение может быть датировано в пределах втор. пол. I – пер. пол. II в. н. э.¹

Хотя и нельзя полностью исключать тот факт, что сам котел был разбит во время ограбления могилы, отметим, что, возможно, мы имеем дело с определенным обрядовым действием, когда в погребение намеренно помещались именно два обломка бронзового котла. Аналогичный обычай мы встречаем в могильнике Новый на Нижнем Дону: в погр. 4 к-на 67, также ограбленном (*Ильюков, Власкин*, 1992. С. 79), и в погр. 5 к-на 70, где два фрагмента котла были расположены в ногах погребенного в западном подбое и несколько фрагментов бронзового котла – у погребенного в восточном подбое (Там же. С. 82, 83). Два фрагмента котла найдены и в погр. 8 к-на 16 м-ка Криволиманский I (Там же. С. 152). Все эти комплексы относятся к I в. н. э.

Кроме этого, нам известны 4 случая, когда разбитые на мелкие фрагменты котлы намеренно были разбросаны по дну могильной ямы. Это комплексы из погр. 2 Косики (Нижнее Поволжье), погр. 1 к-на 88 м-ка Новый (Нижний Дон), Первомайского VII м-ка (Волго-Донское междуречье), датирующиеся в пределах конца I в. до н. э. – перв. пол. I в. н. э., в которых обнаружены котлы типа VI.1.A и VI.5.A (*Демиденко*, 2008. С. 17–20). И комплекс из погр. 1 к-на 14 Сладковского могильника втор. пол. I – перв. пол. II в. н. э., где был найден котел типа XI.2.A (Там же. С. 21).

Возможно, помещение в погребение не целого котла, а только его обломков каким-то образом перекликается со столь характерным для раннесарматского времени обычаем помещения в захоронения обломков бронзовых зеркал.

Два разбитых котла были обнаружены в насыпях к-на 1 м-ка Чеботарев V (рис. 2: 1, 2) и к-на 1 м-ка Камышеваха X (рис. 3: 1, 2). Оба они относятся к одному типу VI.1.A (*Демиденко*, 2008. С. 17, 18).

Самой полной аналогией котлу из к-на 1 м-ка Чеботарев V является котел из погр. 3 к-на 12 м-ка Новый (тип VI.1.A). Совпадают не только форма сосуда, технология изготовления, но и наличие под ручками тамги в виде трезубца, размещенного зубцами вниз (*Ильюков, Власкин*, 1992. С. 36–38). Подобные знаки-тамги встречаются на территории пазырыкской культуры Алтая, ахеменидского Ирана, Нижней Сырдарьи и Хорезма (*Яценко*, 2001. Рис. 32: 19; 35: 9; 28: 149; 27: 28). Аналогии знаку-тамге на котле из к-на 1 м-ка Камышеваха X на сегодняшний день не обнаружены. Комплекс из погр. 3 к-на 12 м-ка Новый был в свое время отнесен нами ко втор. пол. I – перв. пол. II в. н. э. (*Демиденко*, 2008).

Учитывая инвентарь и обряд погребений 1 и 2 из к-на 1 м-ка Чеботарев V и из к-на 1 м-ка Камышеваха X, близких по времени к ряду аналогичных захоронений нижнедонской среднесарматской культуры (например, к погр. 1 к-на 1 из могильника Октябрьский V, дата которого: рубеж эр – I в. н. э.

¹ Более точная датировка невозможна, поскольку у амфоры отсутствует тулово и донная часть.

(*Мыськов и др.*, 1999)), и тот факт, что котлы были помещены в насыпь кургана в разбитом виде, а это характерно больше для более ранних комплексов сарматской культуры (таких, например, как погр. 1 к-на 1 м-ка Водный (тип VI.1.A) и погр. 9 к-на 2 Понуро-Калининской оросительной системы (тип П.1.Б) на Кубани, погр. 2 к-на 8 Арбузовского м-ка (тип VI.2.A), а также погр. 20 к-на 3 («Крестовый» курган у хут. Алитуб) (тип VI.5.A) на Нижнем Дону), дата которых в целом укладывается в рамки втор. пол. I в. до н. э. – I в. н. э. (*Демиденко*, 2008. С. 51, 52), считаем возможным отнести данные котлы также к периоду рубежа эр – I в. н. э.

Не менее интересен и котел, найденный в тайнике ограбленного погр. 1 к-на 3 м-ка Несветай IV (рис. 4). Он единственный обнаружен практически в целом виде, лишь с небольшими повреждениями. По своему общему облику он очень близок котлам типа VI.3.A и VI.3.B (Там же. С. 18, 19), с которыми его объединяет наличие двух вертикальных ручек без гвоздевидных выступов и пары вертикальных ручек-петелек под венчиком. Форма тулова экземпляра из могильника Несветай IV более соответствует форме тулова котлов типа VI.3.A (Балабинский могильник, кург. 11; случайная находка у станицы Еланской), а с котлами типа VI.3.B. его объединяет отсутствие в верхней трети тулова «валика-веревочки» (например, малый котелок из «Круглого» кургана (*Демиденко и др.*, 1997); второй котел из уже упоминавшегося погр. 3 к-на 12 м-ка Новый (*Ильюков, Власкин*, 1992. С. 36–38)). Общая дата типов VI.3.A и VI.3.B. – перв. пол. I – третья четв. II в. н. э. (*Демиденко*, 2008. С. 18, 19).

Необходимо, однако, отметить еще одну специфическую особенность котла из погр. 1 к-на 3 м-ка Несветай IV. Он был изготовлен и использовался без поддона, что позволяет соотнести его уже с более поздними типами котлов позднесарматской археологической культуры втор. пол. II – перв. пол. III в. н. э. (типы VII.2.A и VIII.3.A).

Несмотря на столь разнообразный характер использования котлов в погребальном обряде исследованных могильников, следует сказать, что все экземпляры близки морфологически и выполнены по единой технологической схеме (с использованием выплавляемо-выгораемой модели с предохранительной растительной конструкцией, двусоставного литейного стержня, литейных «пробок»). И это еще раз подчеркивает их принадлежность к единому савромато-сарматскому способу изготовления литых котлов.

Таким образом, изучение 4 комплексов с котлами и их фрагментами (погр. 1 к-на 2 м-ка Чеботарев IV, комплекса I к-на 1 м-ка Чеботарев V, комплекса I к-на 1 м-ка Камышеваха X и погр. 1 к-на 3 м-ка Несветай IV) позволяет утверждать, что в конце I в. до н. э. – перв. пол. II в. н. э. на достаточно компактной территории существовали три различных варианта погребального обряда с использованием котлов: помещение в погребение фрагментов котла, помещение в насыпь курганов разбитых котлов и помещение котла в нишу-тайник в самом погребении. Чем вызвано такое разнообразие, на сегодняшний момент сказать сложно. Обычно помещения в погребение обломков котла, возможно, каким-то образом связан со столь характерным для раннесарматского времени обычаем помещения в погребения обломков бронзовых зеркал.

В целом представляется, что все исследованные экземпляры относятся к единому культурному кругу, использовались примерно в одно время. Но фрагментированные котлы из погр. 1 к-на 2 м-ка Чеботарев IV, из комплекса I к-на 1 м-ка Чеботарев V и комплекса I к-на 1 м-ка Камышеваха X занимают по отношению к экземпляру из погр. 1 к-на 3 м-ка Несветай IV более раннюю хронологическую позицию.

ЛИТЕРАТУРА

- Внуков С. Ю., 2016. Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (поздне-гераклейских) узкогорлых амфор // РА. № 2. С. 36–47.
- Демиденко С. В., 2008. Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в. до н. э. – III в. н. э.). М.: ЛКИ. 328 с.
- Демиденко С. В., Журавлев Д. В., Трейстер М. Ю., 1997. «Круглый курган» из раскопок В. Г. Ти-зенгаузена // Древности Евразии / Отв. ред.: С. В. Демиденко, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ: МГУ. С. 186–215.
- Илюков Л. С., Власкин М. В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Вып. I. Ростов н/Дону: РГУ. 288 с.
- Мимоход Р. А., 2017. Отчет об археологических охранно-спасательных раскопках курганных могильников Чеботарев III, IV, V, Несветай II (11 курганов), Камышевахский X и Несветай IV (курган 3), расположенных в Аксайском районе Ростовской области, в 2015 году // Архив ИА РАН.
- Минасян Р. С., 1986. Литье бронзовых котлов у народов степей Евразии (VII в. до н. э. – V в. н. э.) // АСГЭ. № 27. Л.: ГЭ. С. 61–78.
- Мыськов Е. П., Кияшко А. В., Скрипкин А. С., 1999. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград: Волгоградский гос. ун-т. С. 149–167.
- Шелов Д. Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156. С. 16–21.
- Яценко С. А., 2001. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература. 190 с.: ил.

Сведения об авторах

Демиденко Сергей Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: svdemidenko@hotmail.com;

Мимоход Роман Алексеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: mimokhod@list.ru;

Успенский Павел Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: uspenskiy07@mail.ru

S. V. Demidenko, R. A. Mimokhod, P. S. Uspenskiy

NEW FINDS OF SARMATIAN CAULDRONS IN THE LOWER DON REGION

Abstract. In 2015 the Sochi expedition of the Institute of Archaeology, RAS, excavated kurgan cemeteries known as Chebotarev III–V, Kamyshevakh X, and Nesvetay II and IV. Four of these sites have yielded bronze cauldrons and their fragments as part

of the funerary assemblage: Chebotarev IV, kurgan 2, burial 1; Chebotarev V, kurgan 1, assemblage I; Kamyshevakhа X, kurgan 1, assemblage I; and Nesvetay IV, kurgan 3, burial 1. The examination of morphological and technological characteristics of the cauldrons demonstrates that all cauldrons refer to variants of type VI, which was the most common type in the Middle Sarmatian period, especially, in the 1st century – first half of the 2nd century AD. The cauldrons were made according to the same manufacturing technology. The available limited material demonstrates three variants of the funerary rite with the use of cauldrons: placement of cauldron fragments inside the burials; placement of broken cauldrons into the kurgan mounds; and placement of the cauldron into a niche in the burial used as a hiding place. It is quite possible that placement of cauldron fragments into the burial is associated with an Early Sarmatian tradition of using mirror fragments as funerary offerings. All studied specimens of cauldrons refer to the same circle of cultures and were used roughly during the same period. Fragmented cauldrons from burial 1, kurgan 2, Chebotarev IV; assemblage I, kurgan 1, Chebotarev V; assemblage I, kurgan 1, Kamyshevakhа X, occupy an earlier chronological position compared to the cauldron from burial 1, kurgan 3, Nesvetay IV.

Keywords: Middle Sarmatian period, bronze cast cauldrons, funerary rite, typology, manufacturing technology.

REFERENCES

- Demidenko S. V., 2008. Bronzovyye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Priural'ya (V v. do n. e. – III v. n. e.) [Bronze cauldrons of ancient tribes of Lower Volga region and South Urals (V c. BC – III c. AD)]. Moscow: LKI. 328 p.
- Demidenko S. V., Zhuravlev D. V., Treyster M. Yu., 1997. «Kruglyy kurgan» iz raskopok V. G. Tizengauzena [«Kruglyy kurgan» from excavations of V. G. Tizengauzen]. *Drevnosti Evrazii [Eurasia antiquities]*. S. V. Demidenko, D. V. Zhuravlev, eds. Moscow: GIM: MGU, pp. 186–215.
- Il'yukov L. S., Vlaskin M. V., 1992. Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha [Sarmatians from interfluvium of Sal and Manych], I. Rostov-na-Donu: Rostovskiy gos. universitet. 288 p.
- Mimokhod R. A., 2017. Otchet ob arkhеologicheskikh okhranno-spasatel'nykh raskopkakh kurgannykh mogil'nikov Chebotarev III, IV, V, Nesvetay II (11 kurganov), Kamyshevakhskiy X i Nesvetay IV (kurgan 3), raspolozhennykh v Aksayskom rayone Rostovskoy oblasti, v 2015 godu [Report on archaeological rescue salvage excavations of kurgan cemeteries Chebotarev III, IV, V, Nesvetay II (11 kurgans), Kamyshevakhskiy X and Nesvetay IV (kurgan 3) located in Aksay district, Rostov region in 2015]. *Archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Minasyan R. S., 1986. Lit'ye bronzovykh kotlov u narodov stepey Evrazii (VII v. do n. e. – V v. n. e.) [Casting of bronze cauldrons among Eurasia steppe peoples (VII c. BC – V c. AD)]. *ASGE*, 27. Leningrad: GE, pp. 61–78.
- Mys'kov E. P., Kiyashko A. V., Skripkin A. S., 1999. Pogrebeniye sarmatskoy znati s Esaulovskogo Aksaya [Burial of Sarmatian nobility from Esaulovskiy Aksay]. *Nizhnevolzhskiy arkhеologicheskii vestnik [Lower Volga archaeological bulletin]*, 2. Volgograd: Volgogradskiy gos. universitet, pp. 149–167.
- Shelov D. B., 1978. Uzkogorlyye svetloglinyanye amfory pervykh vekov nashey ery. Klassifikatsiya i khronologiya [Narrow-necked light-clay amphorae of first centuries of new era. Classification and chronology]. *KSIA*, 156, pp. 16–21.
- Vnukov S. Yu., 2016. Eshche raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegerakleyskikh) uzkogorlykh amfor [On the typology, evolution and chronology of light-clay (late Heracleian) narrow-necked amphorae]. *RA*, 2, pp. 36–47.
- Yatsenko S. A., 2001. Znaki-tamgi iranoyazychnykh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya [Tamga-signs of Iranian-speaking peoples of antiquity and early Middle Ages]. Moscow: Vostochnaya literatura. 190 p.: ill.

About the authors

Demidenko Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: svdemidenko@hotmail.com;

Mimokhod Roman A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: mimokhod@list.ru;

Uspenskiy Pavel S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: uspenskiy07@mail.ru

А. А. Завойкин

О ПИФОИДНЫХ АМФОРАХ «С ПОЛЫМИ ДОНЬЯМИ» ИЗ ФАНАГОРИИ

Резюме. В статье рассматриваются находки амфор неустановленного средиземноморского центра производства (Северная Эгеида) первой половины V в. до н. э. из Фанагории. Контекст их нахождения связан, в частности, со слоями разрушения построек как на нижнем, так и на верхнем плато городища. В обоих случаях эти разрушения сопровождались пожарами и находками предметов вооружения. Таким образом, имеются основания говорить о том, что в первой половине V в. до н. э. Фанагория подверглась тотальному (?) разрушению. Однако в течение этого периода постройки на «Верхнем городе» были разрушены дважды: ок. 480 г. до н. э. и ближе к середине V в. до н. э. Поэтому определить точно, когда именно погибли сооружения на нижнем плато (над руинами которых позднее был построен так называемый храм в антах), не представляется возможным. Косвенные данные склоняют автора статьи в пользу более ранней даты, когда были разрушены и древнейшие оборонительные сооружения города.

Ключевые слова: Фанагория, амфоры, комплексы, стратиграфия, хронология, периодизация, «Верхний город», разрушения.

Систематические исследования массовых датированных материалов, в особенности для изучения многослойных памятников, сложно переоценить. В полной мере это относится к самым многочисленным на поселениях античного периода находкам – амфорной таре. В том числе эти находки играют важнейшую роль в изучении одного из крупнейших древнегреческих городов на юге России – Фанагории, где амфорные материалы, полученные в ходе масштабных раскопок, чрезвычайно многочисленны. Наряду с анализом амфор и их фрагментов из слоев и отдельных объектов, проливающих свет на специфику торговых связей города на разных исторических этапах его жизни, представляет определенный интерес и изучение продукции отдельных средиземноморских центров производства в широком стратиграфическом контексте.

Более четверти века назад были опубликованы фрагменты амфор (Завойкин, 1992. С. 84, сл.), происходящие из субструкции (135–135а), на которой в V в. до н. э. был построен так называемый храм в антах. М. М. Кобылина открыла его на нижнем плато Фанагории (Центральный раскоп) в 1969–1972 гг. (Кобылина, 1972. С. 15–19. Рис. 29–46; 1983. С. 51–54. Рис. 2; 3: 1–3). Морфологические признаки амфорных обломков позволили соотнести их (с известной долей сомнений) с продукцией Эгины, основываясь на наблюдениях и умозаключениях И. Б. Брашинского.

Этот исследователь отождествил обломки амфор, найденных в Ольвии, с продукцией указанного центра, опираясь на сопоставление редкого анэпиграфного клейма с изображением морской черепахи на ручке одной из амфор с типом аверса монет Эгины, чеканившихся вплоть до 456 г. (Брашинский, 1963. С. 20–24; 1984. С. 41, 42, прим. 73, 75)¹. Публикуя фрагменты аналогичных амфор, найденных в Фанагории, я писал: «Если такое сопоставление особых сомнений не вызывает (ввиду характерности ручек рассматриваемых амфор), то локализация, несмотря на бесспорность аналогии клейму в монетных типах Эгины, не может считаться бесспорной, поскольку такое клеймо по сей день остается уникальным². Это обстоятельство тем более значительно, поскольку если рассматривать данную эмблему на ручке амфоры в качестве “говорящей эмблемы”, то это не вполне согласуется с “государственным характером” клеймения, что не отрицает само по себе (ср. спорадичность клеймения амфор Хиоса) гипотезы И. Б. Брашинского, но снижает ее доказательность» (Завойкин, 1992. С. 88, прим. 2)³.

В тот же год увидела свет заметка И. Гарлана с красноречивым названием «Не все греческие черепахи эгинские». В ней справедливо ставится под сомнение аргументация И. Б. Брашинского и предпринята попытка склонить читателя к мысли, что овальные клейма, несущие на себе изображения водяной черепахи, относятся к продукции Фасоса, возможно, первой половины V в. до н. э. (Garlan, 1992. P. 243–249; 1999. P. 56, 57, 102, 103). Разделяя критический настрой авторитетного французского исследователя, не могу с таким же энтузиазмом оценить его усилия по отнесению *всех* амфор с анэпиграфными клеймами к производству Фасоса. Перефразируя заголовок работы И. Гарлана, следует сказать, что не все амфоры, сделанные из глины, содержащей слюду, и имеющие

¹ Сохраняет, конечно, свою актуальность вопрос, насколько достоверно соотнесение клейменной ручки амфоры с горлом сосуда, найденного в яме в 1961 г. (ср.: Брашинский, 1963. С. 22. Рис. 7: 1 и 2). Приходится лишь полагаться на большой практический опыт специалиста.

² Теперь см.: Garlan, 1999. P. 102–103. № 43 (2 – Фасос; 3 – Ольвия; 1 – Херсонес (?), 1 – Пантикапей); № 44 (1 – Большая Черноморка; форма верхней части амфоры – Ibid. Pl. IX, 44 (фото)).

³ Стоит, кроме того, отметить неравнозначность использования «нумизматического метода» локализации в данном случае и локализации таким же способом амфор Хиоса и Самоса: здесь мы имеем на монетах весьма характерные по форме изображения самих амфор (в первом случае – также и на амфорных клеймах, где рядом с сидящим сфинксом показана амфора).

подтреугольный (трапециевидный) в разрезе венец, – фасосские⁴. С уверенностью могу сказать, что морфология амфор из Фанагории, которые я сопоставлял с горлом из Ольвии, опубликованным И. Б. Брашинским, не дает никаких оснований для того, чтобы связывать их с Фасосом (см. рис. 1: 1)⁵. По всей видимости, это продукция какого-то отдельного центра. И если даже мы не можем определить конкретно этот средиземноморский центр, целесообразно его выделять, а не приписывать принудительно производству уже установленного центра.

Хочется также отметить, что если мы и признаем доказательства И. Б. Брашинского неубедительными, то не должны игнорировать прямое свидетельство Геродота (VII, 147) о торговых связях Эгины и Северного Причерноморья ок. 480 г. до н. э.⁶ И в свете этого источника предположение исследователя о поставках в амфорах оливкового масла (или вина, что не существенно) из Эгины в Понт не выглядит слишком уж смелым. Другое дело, что как не было, так и нет возможности утверждать, что именно керамическая тара рассмотренного типа была изготовлена в мастерских данного центра.

Со времени публикации фрагментов «эгинских» амфор из Фанагории доступная исследованию база источников существенно расширилась (в основном благодаря трудолюбию С. Ю. Монахова и масштабным раскопкам на акрополе Фанагории⁷).

С. Ю. Монахов, в целом следуя мнению И. Гарлана, амфоры интересующего нас типа считает продукцией Фасоса⁸. Наиболее близки по форме тулова фанаторийским из субструкции 135–135а две амфоры из кургана № 13 у с. Великая Знаменка⁹. Венец одной из них трапециевидный в разрезе, другой – валикообразный, «оба венца немного толще стенки горла и снизу имеют желобок» (Монахов, 1999. С. 106. Табл. 33: 1, 2). По найденным в этом интересном комплексе хиосским амфорам предлагается его датировка «в пределах второй четверти V века, но наиболее вероятным временем для данной выборки, скорее всего,

⁴ Е. g. см.: *Garlan*, 1999. P. 99–100. № 24 («птица анфас с распростертыми крыльями»). Pl. IX: 24: 4. Представленный рисунок верхней части амфоры, на мой взгляд, не обнаруживает формальных черт сходства с фасосскими тарными сосудами.

⁵ Впрочем, французский исследователь воспроизводит мою реконструкцию амфоры в качестве иллюстрации ранней фасосской тары (*Ibid.* P. 99. № 20. Pl. I: 20), что в какой-то мере показательно: видимо, на тот момент на нашлось более выразительных образцов, обнаруженных на острове.

⁶ Речь идет о торговых судах, груженных зерном из Понта, направлявшихся на Эгину и в Пелопоннес, которые наблюдал Ксеркс с берега Боспора Фракийского.

⁷ Уже традиционно, но тем не менее с искренним чувством, благодарю начальника Фанаторийской экспедиции В. Д. Кузнецова за предоставленное право публикации новых материалов.

⁸ *Знаменской* серий пифоидных амфор варианта I-A («Ворота Силена, № 2–16») по его классификации (Монахов, 2003. С. 60, 61. Табл. 36: 4, 5).

⁹ Описывая их, исследователь отмечает, что они «абсолютно идентичны графически реконструированной “эталонной” амфоре из раскопок у ворот Силена на Фасосе, которую И. Гранжан считает образцом местной продукции» (Монахов, 1999. С. 106, 107; со ссылкой на: *Grandjean*, 1992. P. 581. Fig. 1: 2, 3; 3: 16; 4: 26; 16: 2, 16).

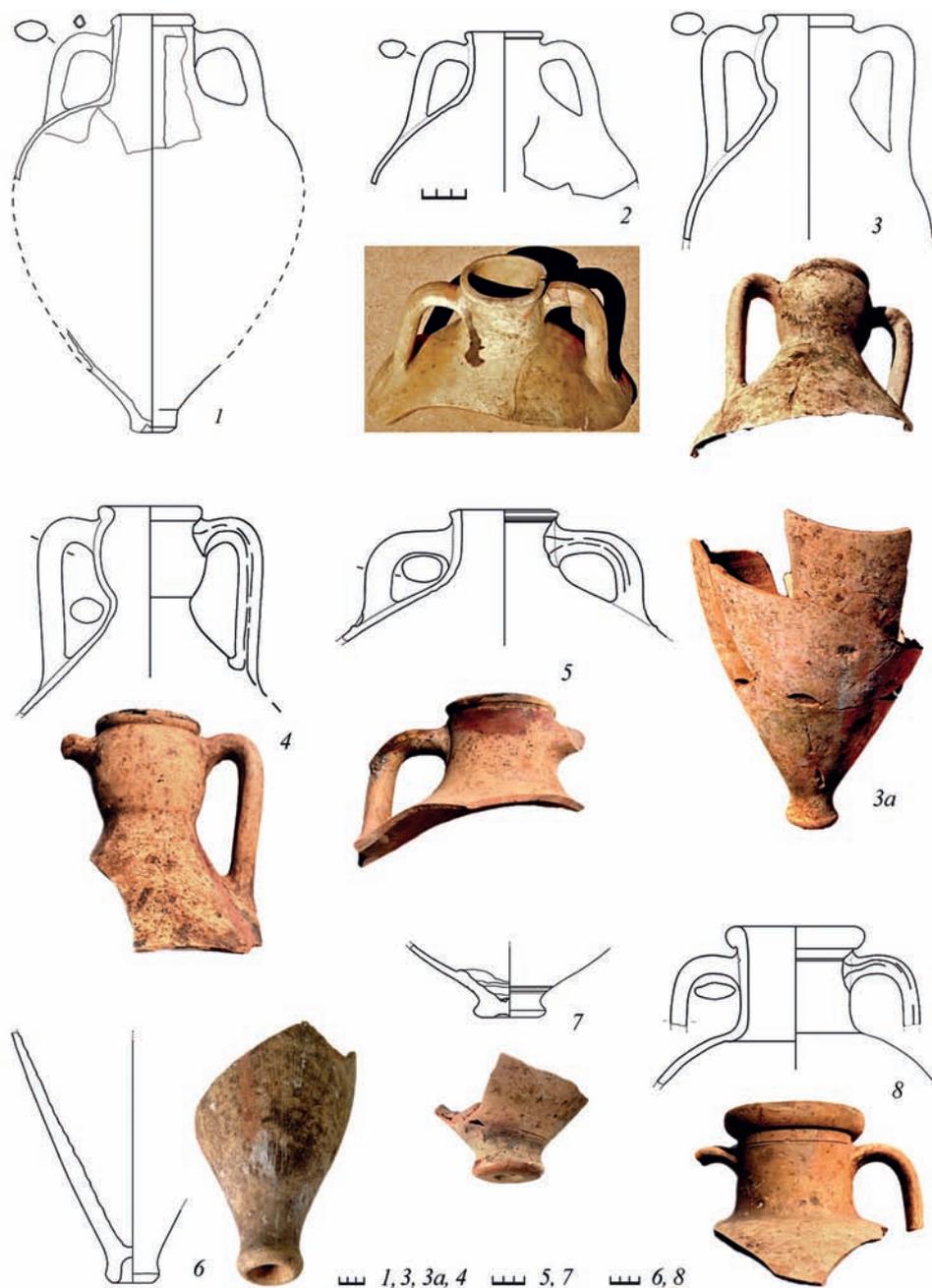

Рис. 1. Амфорные материалы из комплексов второй четверти V в. до н. э. из раскопов нижнего и верхнего плато

1 – субструкция 135–135а («Центральный раскоп»); 2–3 – дом 294; 4–8 – подвал здания 835 («Верхний город»)

будут 60-е – 50-е годы» (Монахов, 1999. С. 108. Табл. 34: 4, 5; 35: 1–6). Эта датировка комплекса представляется вполне взвешенной и убедительной.

Любопытно, что профилировка корпуса амфор этой серии скорее напоминает форму наиболее ранних «фасосских» амфор (I-A-1, конец VI – начало V в. до н. э.), чем амфор «стеблевской» серии (I-A-2), которые в хронологическом плане поставлены С. Ю. Монаховым между ними (Монахов, 2003. С. 60, 61).

Для хронологического соотнесения этих двух интересующих нас серий амфор важен (наряду с великознаменским) и комплекс из ольвийской ямы (№ 69, 1989 г.). В яме, помимо «самосской»¹⁰ амфоры, найдено два тарных сосуда «стеблевской» серии (Монахов, 1999. С. 98, 99. Табл. 28: 2, 3)¹¹. Датирует С. Ю. Монахов ольвийский комплекс «в пределах 80–70-х годов V в. до н. э.» (Монахов, 2003. С. 61). Эта датировка, опирающаяся на общие соображения относительно эволюции фасосской тары¹² и не вполне корректные, на мой взгляд, аналогии (ср.: Там же. Табл. 34: 5, 6; 35: 4–6 и табл. 35: 1–3), пока не имеет надежного обоснования.

Далее нас будут интересовать – наряду с парой «великознаменских» – только амфоры той разновидности «стеблевской» серии, которые найдены в ольвийской яме № 69¹³. И те и другие при различиях формы тулова и общих пропорций обнаруживают сходство профилировки частей и деталей: ножек (низкий поддон цилиндрических очертаний или немного расширяющийся к низу от перехвата, или же несколько сужающийся¹⁴), венцов (чаще трапециевидные, реже – валикообразные, немногим толще черепка горловины, отделены снизу желобком); горло невысокое, соответственно – ручки короткие, овальные в сечении, поставленные вертикально или с небольшим наклоном от плеча к горлу. О глине объективно судить сложнее¹⁵.

¹⁰ Локализацию этого тарного сосуда (Монахов, 1999. С. 97, 98. Табл. 28: 1) мы обсуждать не будем. Позднее С. Ю. Монахов (2003. Табл. 22: 2) атрибутировал эту амфору как милетскую «стеблевского типа».

¹¹ В целом эту серию С. Ю. Монахов (2003. С. 61) датирует концом первой – второй четвертью V в. до н. э. К этой же серии исследователь также относит в качестве «фракционных» и две амфоры из великознаменского кургана № 13 (1999. С. 109. Табл. 33: 3, 4; 2003. С. 61. Табл. 35: 4, 5). С этим сложно согласиться.

¹² «Стеблевские» амфоры (I-A-2) имеют более вытянутые, в сравнении с предыдущими (I-A-1), пропорции, более высокое горло, вертикально поставленные ручки (Монахов, 2003. С. 60).

¹³ А также аналогичная им амфора из Пантикапея, хранящаяся в ГМИИ им. Пушкина (Там же. Табл. 35: 3).

¹⁴ И. Б. Зеест подобного рода ножки называла «полями доньями» (Зеест, 1960. С. 71. Табл. I: 4), которые принадлежат амфорам из разных производственных центров позднеархаического – раннеклассического времени. С. Ю. Монахов использует для них определение «бутонообразная» ножка. Такого же рода ножки характерны для находок из раскопок в районе Ворот Силена на Фасосе (Grandjean, 1992. P. 549. № 16–18. Fig. 3: 16–18).

¹⁵ По С. Ю. Монахову, у тех и других «глина красного цвета с мелким известняком и слюдой» (Монахов, 1999. С. 98, 106).

Без непосредственного визуального знакомства с предметом исследования, по существу, нереалистичны попытки определить идентичность – неидентичность центров производства близких по форме амфор по их фрагментам¹⁶, если не удастся однозначно установить какие-либо их специфичные морфологические признаки¹⁷. Только форма целых сосудов (или крупных их частей) может служить здесь более или менее надежным ориентиром. Поэтому и рассуждать далее о возможном месте производства амфор интересующей нас «группы»¹⁸ не будем.

Сказанное выше служит своего рода предисловием к основной теме, представленной вниманию читателя. Рассмотренная «группа» амфор, импорт которых в Северное Причерноморье завершился не позднее середины V в. до н. э., может служить еще одним маркером, отделяющим слои и комплексы первой половины этого столетия от второй его половины. Разумеется, наряду с другими хронологическими индикаторами, в числе которых определяющую роль по-прежнему играют хиосские пухлогорлые амфоры финального варианта¹⁹.

Совместная находка так называемых эгинских и хиосских амфор второй четверти V в. до н. э. была зафиксирована в упомянутом в начале статьи комплексе – субструкции 135–135а на Центральном раскопе (см.: *Завойкин*, 1992. С. 86), под которой на материке прослежены остатки сгоревших в пожаре деревянных построек, датированных автором раскопок концом VI в. до н. э. Черепяной слой перекрывающей пожарище субструкции «в нижнем горизонте... чрезвычайно закопчен, черепки лежали в горелом грунте, местами совершенно черном». «В горелом грунте кроме обломков керамики найдены 4 куса длинного меча, две рукоятки копий, одна с остатками дерева» (*Кобылина*, 1983. С. 52, 53. Рис. 3: 3; 1972. С. 16.). Стратиграфическая ситуация и состав керамических находок в субструкции позволяют датировать катастрофу, сопровождавшуюся пожаром, второй четвертью V в. до н. э. Находки же предметов вооружения в таком контексте убеждают в справедливости суждения М. М. Кобылиной, что «пожар возник во время каких-то военных действий», возможно обусловленных ухудшением отношений греков с местным населением (*Кобылина*, 1983. С. 53).

¹⁶ Не принимая, естественно, в расчет те случаи, когда состав глиняного теста керамического изделия дает возможность уверенно выделить тот или иной центр производства.

¹⁷ Например, выделенный на горле ранних фасосских амфор «воротничок» (ср.: *Johnston*, 1991. Pl. 96; *Grandjean*, 1992. P. 545, 551. Fig. 1: 2; 4: 26) позволяет надежно сопоставлять их с венцом амфоры, найденным в котловане-складе на «Верхнем городе» Фанагории (*Завойкин и др.*, 2013. С. 224, 225. Рис. 20: 37, 38).

¹⁸ Нейтральный термин «группа» используется ввиду того, что уверенно судить о том, каким числом центров-производителей представлена интересующая нас керамическая тара, практически невозможно.

¹⁹ Морфологическим эталоном служит амфора из реперного в хронологическом плане комплекса афинской агоры N 7:3 (*Boulter*, 1953), датировка которого – ок. 460–450/440 гг. (*Grace*, 1953. P. 61. № 150). Об амфорах этого варианта в Фанагории см.: *Завойкин*, 2013. С. 139, 140. Со времени указанной публикации данные существенно увеличились; частично о них речь пойдет ниже.

Еще два ярких контекста в Фанагории, где амфоры интересующей нас сейчас группы встречаются с хиосскими пухлогорлыми второй четверти V в. до н. э., были исследованы на «Верхнем городе». Оба комплекса связаны со слоем гибели всей застройки этого района города в пожаре, согласно уточненной на сегодняшний день хронологии, ближе к концу второй четверти V в., ок. 460–450 гг. до н. э. (*Завойкин*, 2015. С. 112, 113). Находки наконечников стрел в слое разрушения дают основание для предположения о военном характере событий, затронувших Фанагорию в это время.

Один из комплексов – это слой гибели большой общественной постройки (294). В хозяйственной зоне, напротив двух южных ее помещений (*Кузнецов*, 2018а. С. 123. Рис. 4), были найдены в обломках верхние части семи хиосских амфор²⁰ и одной «великознаменской» с округлым в сечении венцом (рис. 1: 2).

Второй комплекс – наиболее ярок и представителен по составу находок. Это заполнение подвального помещения здания (судя по местоположению – культового характера), открытого раскопками в 2018 г. (рис. 2). Некоторая часть амфор, найденных здесь, лежала непосредственно на полу подвала, а какая-то часть – поверх развала обгоревших и обрушившихся сырцовых стен. Основную массу керамической тары комплекса составили амфоры Хиоса и «пифоидных амфор с полыми доньями»²¹. Пока обработка и реставрация находок из этого выразительного комплекса не завершены, количественная их характеристика может быть лишь приблизительной. Для нашей же темы достаточно будет сказать, что в слое пожарища, закрытого обрушившимися верхними частями обгоревших сырцовых стен, находилось около десятка амфор Хиоса и 3–4 пифоидных амфоры «круга Фасоса с полыми доньями»²² (рис. 1: 4–7; 3).

Выявленная на «Верхнем городе» ситуация во многом напоминает картину, открытую раскопками на нижнем плато Фанагории. Закономерен вопрос: имеем ли мы дело со звеньями единой цепи или же наблюдаем следы двух разновременных событий? Вопрос этот сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Синхронизация комплексов в пределах второй четверти V в. до н. э. оставляет слишком много простора для альтернативного решения проблемы. Если материалы раскопок «Верхнего города» – с учетом стратиграфических наблюдений (см.: *Завойкин*, 2015) – позволяют «сдвинуть» датировку ближе к середине столетия, то оснований для сужения датировки пожара на Центральном раскопе нет.

Более того, на открытом раскопками участке верхнего плато городища фиксируются явные следы разрушений, примерно на два-три десятилетия предшествующие катастрофическим событиям конца второй четверти V в. до н. э.

²⁰ Такая же амфора (ее верхняя и нижняя части – рис. 1: 3) найдена и внутри южного помещения. Аналогичная хиосская амфора (без горла) была зафиксирована и в интерьере одного из помещений дома (677), сгоревшего в том же пожаре (*Кузнецов*, 2018а. С. 123. Рис. 4).

²¹ Кроме них, в нижней части заполнения присутствовало горло ионийской амфоры с массивным округлым венцом, по форме и глине близко напоминающей самосские, но без уступа в нижней части горла (рис. 1: 8), и один фрагмент венца красноглиняной эолийской амфоры.

²² Приблизительный счет по целым ножкам и горлам.

Рис. 2. Керамический развал в слое пожарища нижней части подвала 835

Рис. 3. Пифонидная амфора на полу подвала 835, *in situ*

(Завойкин, Кузнецов, 2013. С. 167; Кузнецов, 2018б. С. 167; Завойкин, 2019. В печати)²³. При этом в слое разрушения здесь также присутствуют находки наконечников стрел (хотя следы пожара не так ярко выражены, как в более позднем слое). Стоит отметить и такой важный для понимания ситуации факт, как клад ранних серебряных боспорских монет, найденный под стеной одного из разрушенных в это время домов (Фанагория..., 2012. С. 52–54). Но, конечно, наиболее выразительный комплекс, связанный с интересующими нас сейчас событиями, был открыт недавно у северного склона верхней террасы городища. Речь идет о древнейших оборонительных сооружениях Фанагории, возведенных еще в третьей четверти VI в. до н. э. и разрушенных в первые десятилетия V в. до н. э. (Кузнецов, Никитин, 2018. С. 154; Кузнецов, 2018б. С. 167).

Особенно важны для датировки гибели фортификационных построек на «Верхнем городе» находки амфор из горелой прослойки в верхней части развала сырцово-кирпичных стен над помещениями 2 и 3. Судя по тому, что ниже этого уровня, вплоть до полов, завалы сырца и стены помещений не несли на себе следов пожара, можно предположить, что угли, зола и обожженная глина в этой прослойке представляют собой остатки рухнувшего межэтажного перекрытия, на котором в том числе располагались амфоры. Это тулово и нижняя часть хиосских пухлогорлых амфор «развитого» варианта (III-B), той его разновидности, появление которой С. Ю. Монахов датирует 80–70-ми гг. и V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 17, 235. Табл. 5: 1–5) (рис. 4: 1, 2). Не противоречат такой датировке гибели крепостных сооружений и находки из нижележащих частей помещений. Здесь керамическая тара Хиоса представлена обломками пухлогорлых как «раннего» (III-A – ок. 530–480 гг. до н. э.²⁴), так и «развитого» варианта (рис. 4: 7, 8). Наряду с ними, найдены фрагменты амфор Клазомен, красноглиняных эолийских/лесбосских (те и другие ввозились в Причерноморье примерно до 480 г. до н. э.), так называемых протофасосских (датируемых как второй половиной VI в., так и первой половиной V в. до н. э.), неустановленного центра Северной Эгеиды – «с высоким раздутым горлом» (Зеест, 1960. С. 90. Табл. XIII: 27), которые принято датировать со второй четверти V в. до н. э., однако имеются основания эту датировку несколько понизить (см.: Завойкин, 2018. С. 147)²⁵.

Итак, соотношение амфорных находок в комплексе (679) указывает на то, что катастрофические события произошли где-то на рубеже 80-х и 70-х гг. V в. до н. э. (т. е. ок. 480 г. до н. э.). Разумеется, такого рода «узкие» датировки всегда носят в той или иной степени условный характер, особенно если они

²³ Уместно сообщить, что между временем разрушения ранних построек и строительством (или реконструкцией старых) зданий, сгоревших в пожаре ок. середины V в. до н. э., выделяется подтвержденный стратиграфически непродолжительный временной интервал (в пределах 70-х гг. V в. до н. э.), который характеризуется обустройством в этом районе города прямоугольных в плане котлованов, связанных с хозяйственной и, возможно, производственной сферой деятельности.

²⁴ Напомню, что финальная дата амфор этого варианта «завязана» на слое разгрома персами Афин в 480 г. до н. э.

²⁵ О предполагаемой С. Ю. Монаховым локализации см. прим. 23 (Завойкин, 2018. Прим. 23).

не имеют прямой привязки к историческим событиям, известным по письменным источникам. Ведь никому и в голову не придет мысль, что смена производства амфор одного варианта другим происходила в течение одного года; тем более что бытование тарных сосудов (в особенности вторичное, но не только) могло длиться весьма продолжительный отрезок времени после того, как они были изготовлены в керамических мастерских. С формальной точки зрения, по позднешему материалу следовало бы датировать закрытие комплекса 70-ми гг. V в. до н. э. Однако в поддержку ранее предложенной даты можно привести полноценный дополнительный аргумент.

После того, как крепостные стены были разрушены, поверх их сnivelированных руин был построен из сырцового кирпича дом (681). От него, правда, сохранился лишь небольшой участок южной стены и пол. Именно здесь, на полу помещения, была сделана уникальная находка – фрагмент мраморной плиты с древнеперсидским клинописным текстом, публикация которой (см.: Кузнецов, Никитин, 2018; Кузнецов, 2018б) уже вызвала широчайший научный интерес (например, см.: Tsetskhladze, 2018. P. 474; Балахванцев, 2018. С. 63–64; Рунг, Габелко, 2018)²⁶. Речь пойдет лишь об археологической датировке контекста этой находки. Датированных предметов из помещения немного. Это небольшие фрагменты хиосских (вариантов III-A и III-B), эолийских красноглиняных и «прото-фасосских» амфор (рис. 4: 5); помимо них, здесь обнаружено несколько обломков ионийской и аттической²⁷ столовой посуды. Как видим, по составу находки из дома близко напоминают находки из помещений крепостного сооружения, погибшего ранее. Из этого следует лишь один вывод: между гибелью оборонительных сооружений и строительством здания над их развалинами лежит весьма короткий временной интервал. Собственно, и гибель последнего объекта (если судить только по находкам в слое его разрушения) тоже была недалеко. Однако на этом заключении настаивать сложно, и вопрос о финальной дате комплекса мы оставим в стороне. Упомяну одну лишь деталь, но деталь хронологически очень важную.

²⁶ В мою задачу не входит обсуждение здесь спорных вопросов, связанных с этой находкой, однако не удержусь от того, чтобы не отметить следующее. Отсутствие рядом других обломков этой плиты ни в какой мере не может служить доказательством в пользу того, что не «вся надпись изначально находилась в Фанагории» (Балахванцев, 2018. С. 63), тем более что найденный фрагмент зафиксирован не *in situ* на возможном месте ее установки, а во вторичном использовании, неизвестно откуда перемещенным. Другой контраргумент А. С. Балахванцева гипотезе В. Д. Кузнецова (2018б) – «отсутствие любых упоминаний о Боспоре в надписях Дария и Ксеркса» не «является весомым доказательством в пользу того, что земли Керченского и Таманского полуострова персам никогда не принадлежали» (Там же. С. 64), поскольку в интересующее нас время единого Боспорского государства еще не существовало и, соответственно, самого политико-географического термина (Боспор) тоже.

²⁷ В том числе фрагмент верхней части чернофигурного килика с изображением сатира на муле или лошади (Leafless Group, 500–480 гг. до н. э. Определение Ю. Н. Шорунновой, которой выражаю искреннюю благодарность).

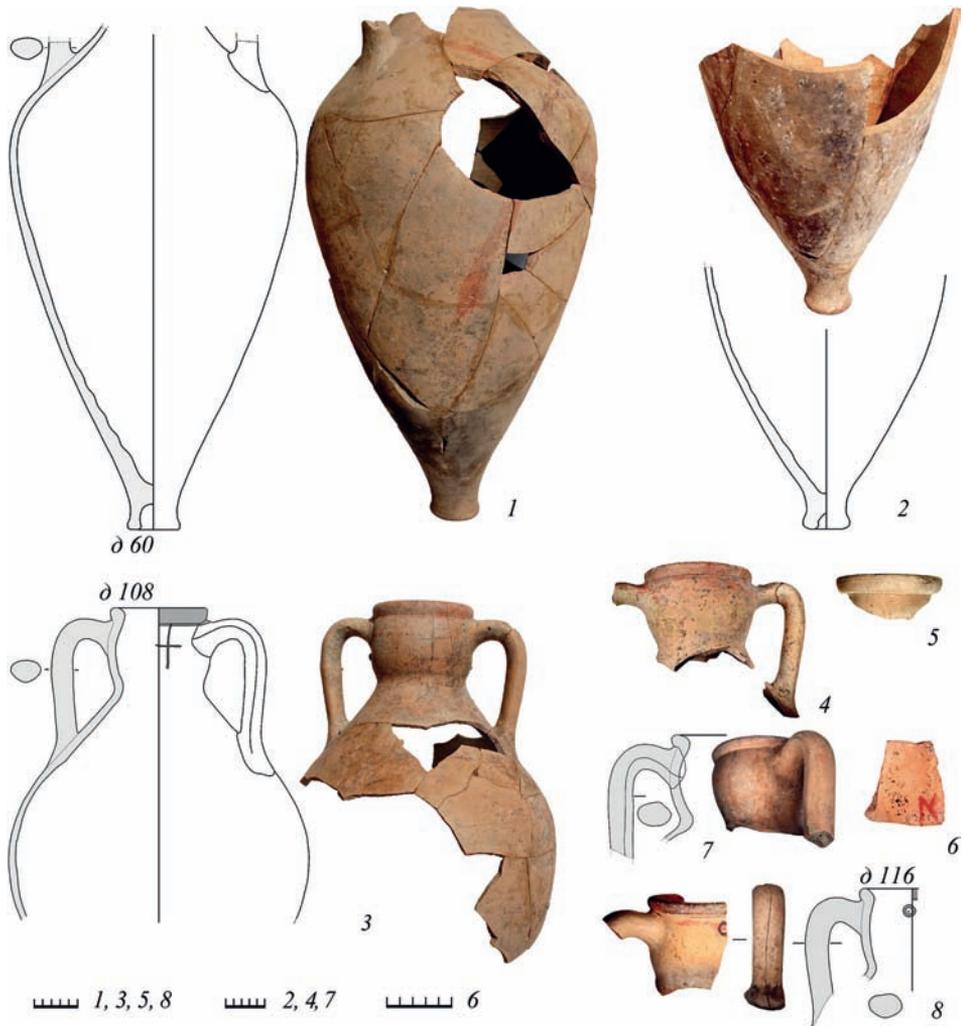

Рис. 4. Амфорные материалы из слоя разрушения оборонительных сооружений (679) на «Верхнем городе» (1, 2, 5–8) и дома (681), построенного на их руинах (3, 4)

Рядом с упомянутой мраморной плитой, вплотную к ней²⁸, но ниже уровня глинобитного пола²⁹, в который плита была несколько заглублена, обнаружены вкопанными вертикально, устьями вверх, верхняя часть (сохранилась ниже плеча) и горло хиосских пухлогорлых амфор «раннего» варианта (рис. 4: 3, 4). Из этого факта (независимо от того, относить ли обломки амфор к интерьеру

²⁸ На плите сохранились даже следы охры, которой была «окрашена» одна из амфор.

²⁹ Пол примыкал к стене примерно на 0,20 м выше ее подошвы.

дома или же считать их изолированным объектом, стратиграфически расположенным между домом и лежащими ниже постройками) вытекает заключение: фортификационные сооружения погибли *не позднее* 480 г. до н. э. (разумеется, с учетом оговорок, сделанных выше). С учетом же более широкого стратиграфического контекста корректнее будет утверждать, что укрепления «Верхнего города» Фанагории были разрушены в тот сравнительно краткий интервал времени³⁰, когда хиосские пухлогорлые амфоры варианта III-B только что начали производиться, а амфоры предшествующего варианта III-A еще оставались в употреблении (т. е. рубеж 80-х и 70-х гг. V в. до н. э.).

Определившись с хронологией двух катастрофических событий на верхнем плато Фанагории, вернемся к вопросу: с которым из них следует сопоставлять следы пожара и войны, открытые на нижнем плато городища? Боюсь, что недостаточно полная фиксация находок из раскопок конца 1960-х – начала 1970-х гг. лишает нас возможности дать на этот вопрос достаточно аргументированный ответ. Однако, исходя из описаний материала и скудных его иллюстраций, представленных М. М. Кобылиной (см. выше, в начале статьи), я более склоняюсь к мысли, что разрушения, выявленные на Центральном раскопе, синхронизируются с разрушениями оборонительных сооружений «Верхнего города». В подкрепление этого тезиса можно, конечно, сослаться на различие морфологических характеристик амфор «с полыми доньям» из субструкции 135–135а и из подвала 835 (ср. рис. 1: 1 и 3). Однако ссылка эта будет правомерной в том лишь случае, если те и другие тарные сосуды относятся к производству одного и того же средиземноморского центра. А такой уверенности, увы, пока нет.

ЛИТЕРАТУРА

- Балахванцев А. С., 2018. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1 / Под ред. В. Ю. Зуева, В. А. Хршановского. СПб.: СПбГУПТД. С. 61–65.
- Брашинский И. Б., 1963. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной // КСИА. Вып. 95. С. 20–24.
- Брашинский И. Б., 1984. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л.: Наука. 247 с.
- Завойкин А. А., 1992. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // КСИА. Вып. 204. С. 84–88.
- Завойкин А. А., 2013. Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории // ДБ. Т. 17. М.: ИА РАН. С. 133–152.
- Завойкин А. А., 2015. Фанагория. Верхний город. Объект 815 // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности: К 70-летию В. П. Толстикова / Под ред. Д. В. Журавлева, О. Л. Габелко. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 110–114.
- Завойкин А. А., 2018. Амфорные материалы из древнейшего слоя Фанагории // КСИА. Вып. 252. С. 138–152.
- Завойкин А. А., 2019. Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории // ДБ. Т. 24. М.: ИА РАН. (В печати.)

³⁰ Косвенным подтверждением этому может служить то обстоятельство, что (если не ошибаюсь) на сегодняшний день не известно ни одного «узкого» комплекса с целыми амфорами обоих вариантов.

- Завойкин А. А., Кузнецов В. Д.*, 2013. «Верхний город» Фанагории в 5 в. до н. э. (проблемы периодизации и урбанистики) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанистики. XIV Боспорские чтения. Керчь: Деметра. С. 162–169.
- Завойкин А. А., Кузнецова Е. В., Монахов С. Ю.*, 2013. Склад амфор 290Б из Фанагории // Фанагория... Т. 1: Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 1 / Под ред. В. Д. Кузнецова. М.: ИА РАН. С. 206–229.
- Зеест И. Б.*, 1960. Керамическая тара Боспора. М.: Изд-во АН СССР. 178 с. (МИА; № 83.)
- Кобылина М. М.*, 1972. Раскопки в Фанагории в 1972 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4805.
- Кобылина М. М.*, 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА. № 2. С. 51–61.
- Кузнецов В. Д.*, 2018а. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // Фанагория... Т. 7: Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4 / Под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. М.: ИА РАН. С. 117–135.
- Кузнецов В. Д.*, 2018б. Боспор Киммерийский в 5 в. до н. э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // Фанагория... Т. 7: Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3 / Под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. М.: ИА РАН. С. 160–185.
- Кузнецов В. Д., Никитин А. Б.*, 2018. Древнеперсидская надпись из Фанагории // Фанагория... Т. 7: Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 3 / Под ред. В. Д. Кузнецова, А. А. Завойкина. М.: ИА РАН. С. 154–159.
- Монахов С. Ю.*, 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н. э. Саратов: Саратовский ун-т. 678 с.
- Монахов С. Ю.*, 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. Москва: Киммериды; Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 351 с.
- Рунг Э. В., Габелко О. Л.*, 2018. Скифский поход Дария I и древнеперсидская надпись из Фанагории // ВДИ. № 4. С. 847–869.
- Фанагория: По материалам Фанагорийской экспедиции ИА РАН / Ред. В. Д. Кузнецов. М.: Северный паломник, 2012. 103 с.
- Boulter C.*, 1953. Pottery of the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora // *Hesperia*. Vol. 22. No. 2. P. 59–115. Pls. 21–41.
- Garlan Y.*, 1992. Toutes les tortues grecques ne sont pas d'Égine // *Au Miroir de la Culture Antique*. Rennes: Presses universitaires de Rennes. P. 243–249.
- Garlan Y.*, 1999. Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I: Timbres protothasiens et thasiens anciens. Athènes; Paris: École Française d'Athènes. 334 p., 12 pls. (Études thasiennes; vol. XVIII.)
- Grace V. R.*, 1953. Wine Jars // *Hesperia*. Vol. 22. No. 2. P. 101–110.
- Grandjean Y.*, 1992. Contribution à l'établissement d'une typologie des amphores thasiennes. Le matériel amphorique du quartier de la Porte du Silène // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. Vol. 116. Iss. 2. P. 541–584.
- Johnston A.*, 1991. An Archaic Amphora of Thasian type // *Hesperia*. Vol. 60. No. 3. P. 363–365. Pl. 96.
- Tsetsikhladze G. R.*, 2018. 'The Most Marvellous of All Seas': the Great King and the Cimmerian Bosphorus // ΕΥΔΑΙΜΟΝ. Studies in honour of Jan Bouzek / Ed. by P. Pavuk, V. K. Jaklova, A. Harding. Prague; Brno: Charles University, Faculty of Arts. P. 467–490. (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Carolinae Pragensis; vol. XVIII.)

Сведения об авторе

Завойкин Алексей Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bospor@inbox.ru

PYTHOID 'HOLLOW-BOTTOMED' AMPHORAE FROM PHANAGORIA

Abstract. The paper reviews finds of amphorae from an unidentified Mediterranean center (Northern Agais) of the first half of the 5th century BC from Phanagoria. The context of their discovery is related, in particular, to the layers of destructed buildings both on the lower and the upper plateaus of the city-site. In both cases this destruction was accompanied by fires, the layers also have yielded weapons. Therefore, it is reasonable to assume that in the first half of the 5th century BC Phanagoria was completely (?) destroyed. However, during this period the buildings in the Upper City were destroyed twice: ca. 480 BC and close to the mid-5th century BC. That is why, it is not possible to define exactly when the buildings in the lower plateau were destroyed (later the so called temple in antis was constructed over the ruins). Indirect data make the author accept an earlier date when the city defensive constructions were destroyed.

Keywords: Phanagoria, amphorae, assemblages, stratigraphy, chronology, periodization, Upper City, Lower City, destruction.

REFERENCES

- Balakhvantsev A. S., 2018. Bospor i Akhemenidy [Bosporus and Achaemenids]. *Bosporskiy fenomen: Obshcheye i osobennoye v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira [Bosporus phenomenon: General and special in historical cultural space of Classical world]*, 1. V. Yu. Zuyev, V. A. Khrshanovskiy, eds. St. Petersburg: SPbGUPITD, pp. 61–65.
- Boulter C., 1953. Pottery of the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora. *Hesperia*, vol. 22, no. 2, pp. 59–115, pls. 21–41.
- Brashinskiy I. B., 1963. K voprosu o torgovykh svyazyakh Ol'vii s Eginoy [On issue of trade relations of Olbia with Eginé]. *KSI*, 95, pp. 20–24.
- Brashinskiy I. B., 1984. Metody issledovaniya antichnoy togovli (Na primere Severnogo Prichernomor'ya) [Methods of research of Classical trade (On example of North Pontic region)]. Leningrad: Nauka. 247 p.
- Fanagoriya: Po materialam Fanagoriyskoy ekspeditsii IA RAN [Phanagoria: According to the materials of Phanagoria expedition of IA RAS]. V. D. Kuznetsov, ed. Moscow: Severnyy palomnik, 2012. 103 p.
- Garlan Y., 1992. Toutes les tortues grecques ne sont pas d'Égine. *Au Miroir de la Culture Antique*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, pp. 243–249.
- Garlan Y., 1999. Les timbres amphoriques de Thasos, I. Timbres protothasiens et thasiens anciens. Athènes; Paris: École Française d'Athènes. 334 p., 12 pls. (Études thasiennes, XVIII.)
- Grace V. R., 1953. Wine Jars. *Hesperia*, vol. 22, no. 2, pp. 101–110.
- Grandjean Y., 1992. Contribution à l'établissement d'une typologie des amphores thasiennes. Le matériel amphorique du quartier de la Porte du Silène. *Bulletin de Correspondance Hellénique*, vol. 116, iss. 2, pp. 541–584.
- Johnston A., 1991. An Archaic Amphora of Thasian type. *Hesperia*, vol. 60, no. 3, pp. 363–365. Pl. 96.
- Kobylyina M. M., 1972. Raskopki v Fanagorii v 1972 g. [Excavations in Phanagoria in 1972]. *Scientific archive of IA RAS*. (In Russian, unpublished.)
- Kobylyina M. M., 1983. Stranitsy ranney istorii Fanagorii [Pages of early history of Phanagoria]. *SA*, 2, pp. 51–61.
- Kuznetsov V. D., 2018a. Domostroitel'stvo Severnogo Ponta (epokha arkhaiiki) [House-building of North Pontic region (archaic epoch)]. *Fanagoriya... [Phanagoria...]*, vol. 7. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials for archaeology and history of Phanagoria]*, iss. 4. V. D. Kuznetsov, A. A. Zavoykin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 117–135.

- Kuznetsov V. D., 2018b. Bospor Kimmeriyskiy v 5 v. do n. e. (drevnepersidskaya nadpis' iz Fanagorii) [Cimmerian Bosphorus in 5th c. BC (early Persian inscription from Phanagoria)]. *Fanagoriya... [Phanagoria...]*, vol. 7. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials for archaeology and history of Phanagoria]*, iss. 3. V. D. Kuznetsov, A. A. Zavoykin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 160–185.
- Kuznetsov V. D., Nikitin A. B., 2018. Drevnepersidskaya nadpis' iz Fanagorii [Early Persian inscriptions from Phanagoria]. *Fanagoriya... [Phanagoria...]*, vol. 7. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials for archaeology and history of Phanagoria]*, iss. 3. V. D. Kuznetsov, A. A. Zavoykin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 154–159.
- Monakhov S. Yu., 1999. Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Kompleksy keramicheskoy tary VII–II vv. do n. e. [Greek amphorae in Pontic region. Complexes of ceramic containers of VII–II cc. BC]. Saratov: Saratovskiy universitet. 678 p.
- Monakhov S. Yu., 2003. Grecheskiye amfory v Prichernomor'ye. Tipologiya amfor vedushchikh tsentrov-eksporterov tovarov v keramicheskoy tare: katalog-opredelitel' [Greek amphorae in North Pontic zone. Typology of amphoras of leading centers-exporters of goods in ceramic containers]. Moscow: Kimmerida; Saratov: Saratovskiy universitet. 351 p.
- Rung E. V., Gabelko O. L., 2018. Skifskiy pokhod Dariya I i drevnepersidskaya nadpis' iz Fanagorii [Scythian raid of Darius I and early Persian inscription from Phanagoria]. *VDI*, 4, pp. 847–869.
- Tsetskhladze G. R., 2018. 'The Most Marvellous of All Seas': the Great King and the Cimmerian Bosphorus. *EYΔAIMΩΝ. Studies in honour of Jan Bouzek*. P. Pavuk, V. K. Jaklova, A. Harding, eds. Prague; Brno: Charles University, Faculty of Arts, pp. 467–490. (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Carolinae Pragensis, XVIII.)
- Zavoykin A. A., 1992. Fragmenty amfor Eginy (?) iz raskopok Fanagorii [Fragments of Egine (?) amphorae from excavations of Phanagoria]. *KSIA*, 204, pp. 84–88.
- Zavoykin A. A., 2013. Amfory Khiosa v kontekste istorii Fanagorii [Chian amphorae in context of Phanagoria history]. *DB*, 17. Moscow: IA RAN, pp. 133–152.
- Zavoykin A. A., 2015. Fanagoriya. Verkhniy gorod. Ob'yekt 815 [Phanagoria. Upper city. Object 815]. *S Mitridata duyet veter. Bospor i Prichernomor'ye v antichnosti. K 70-letiyu V. P. Tolstikova [Wind blows from Mithradates. Bosphorus and Pontus in Antiquity: To 70th anniversary of V. P. Tolstikov]*. D. V. Zhuravlev, O. L. Gabelko, eds. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, pp. 110–114.
- Zavoykin A. A., 2018. Amfornyye materialy iz drevneyshego sloya Fanagorii [Amphora finds from the earliest layer in Phanagoria]. *KSIA*, 252, pp. 138–152.
- Zavoykin A. A., 2019. Novyye amfornyye komplekсы iz raskopok «Verkhnego goroda» Fanagorii [New amphora complexes from excavations of “Upper city” in Phanagoria]. *DB*, 24. Moscow: IA RAN. (In print.)
- Zavoykin A. A., Kuznetsov V. D., 2013. «Verkhniy gorod» Fanagorii v 5 v. do n. e. (problemy periodizatsii i urbanistiki) [“Upper city” of Phanagoria in 5th c. BC (problems of periodization and urbanistics)]. *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Problemy urbanistiki. XIV Bosporskiye chteniya [Cimmerian Bosphorus and barbarian world in Classical antiquity and Middle Ages. Problems of urbanistics. XIV Bosphorus readings]*. Kerch': Demetra, pp. 162–169.
- Zavoykin A. A., Kuznetsova E. V., Monakhov S. YU., 2013. Sklad amfor 290B iz Fanagorii [Amphorae storehouse 290B from Phanagoria]. *Fanagoriya... [Phanagoria...]*, vol. 1. *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii [Materials for archaeology and history of Phanagoria]*, iss. 1. V. D. Kuznetsov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 206–229.
- Zeest I. B., 1960. Keramicheskaya tara Bospora [Ceramic containers of Bosphorus]. Moscow: AN SSSR. 178 p. (MIA, 83.)

About the author

Zavoykin Aleksey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bospor@inbox.ru

В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова

ЕЩЕ РАЗ К ПРОБЛЕМЕ ДРЕВНЕЙШИХ АРТЕФАКТОВ ИЗ МЕТЕОРИТНОГО ЖЕЛЕЗА

Резюме. В истории освоения человеком черных металлов особое место занимает проблема метеоритного железа. Это связано с тем, что до сих пор остается много спорных вопросов, касающихся этой темы. Среди них одной из наиболее важных является выбор критериев при идентификации соответствующих артефактов и выяснение роли метеоритного железа в становлении черной металлургии.

Ключевые слова: метеоритное железо, археометаллургия, металлургическое железо, диагностирующие элементы.

В журнале «Краткие сообщения» Института археологии ранее мы опубликовали статью (см.: *Завьялов, Терехова, 2016*), где были проанализированы аналитические данные, на основании которых исследователи делали вывод о метеоритном происхождении большинства железных изделий позднего бронзового века. Нами было показано, что заключения, полученные в результате анализа химического состава (определение содержания никеля и кобальта), не всегда соответствуют истинному положению вещей. И еще один существенный вывод, к которому мы пришли: несмотря на то, что знакомство человека с метеоритным железом произошло раньше освоения способа металлургического получения железа, эти процессы не были связаны.

Интерес к поставленной проблеме в научной литературе подтверждается выходом в последнее время целого ряда статей (*Comelli et al., 2016; Kotowiecki, 2004; Ströbele et al., 2016*). Особый интерес представляют работы французского исследователя А. Жамбона (*Jambon, 2017; Jambon et al., 2017*), предложившего новые подходы к идентификации древнейших изделий из черного металла. Автор справедливо отмечает значение металлографии, которая позволила бы однозначно ответить на вопрос о земном или метеоритном происхождении предмета. Однако в силу плохой сохранности древнейших железных артефактов и их высокой ценности в большинстве случаев проведение металлографических анализов оказывается невозможным. Предложенный им метод основан на анализе

соотношений трех диагностирующих элементов: Ni/Fe vs. Ni/Co. Используя неразрушающий рентгенофлуоресцентный метод, А. Жамбон исследовал ряд древнейших изделий предположительно из метеоритного железа, в том числе знаменитый топор из Угарита и подвеску из Телль ум Марра и др. Полученные данные он сравнивал с полигоном распределения диагностирующих элементов в реальных метеоритах. В том случае, когда данные археологического артефакта совпадали с полигоном распределения диагностирующих элементов в реальных метеоритах, по мнению исследователя, можно уверенно говорить о метеоритном происхождении металла артефакта.

В результате А. Жамбон пришел к выводу, что все (или почти все) железные изделия бронзового века изготовлены из метеоритного железа. Время появления металлургического железа исследователь относит к 1200 г. до н. э.

При всей привлекательности предложенного подхода, на наш взгляд, его не стоит абсолютизировать. Можно привести ряд примеров, когда он не отражает реальной картины.

Так, в 1965 г. польским исследователем Е. Зимны (Zimny, 1965) были опубликованы результаты исследования двух браслетов гальштатского времени из Ченстоховы-Ракува (Częstochowa-Raków) (Польша). Содержание диагностирующих элементов в них было определено: никеля 18,25 и 12,47 % соответственно, кобальта – 0,56 %. На этом основании был сделан вывод об использовании метеоритного металла. А. Жамбон, в свою очередь, подтвердил этот вывод (в соответствии с предложенным им методом).

Однако существуют данные металлографического анализа, проведенного авторитетным польским исследователем проф. Е. Пясковским, которые указывают на металлургическое происхождение металла браслетов. Дело в том, что в структуре металла были обнаружены включения шлака, неизбежного спутника железа, полученного в ходе сыродутного процесса (Piaskowski, 1982). Остается непонятным, почему А. Жамбон пренебрег этими данными, хотя работа Е. Пяковского указана в списке литературы к его статье.

Еще одним примером того, что метод А. Жамбона не может рассматриваться как универсальный, является топор перв. пол. I тыс. н. э. из Кулаоса (Kjulaas) (Швеция). Несмотря на высокое содержание никеля (5,6 %) и кобальта (0,5 %), микроструктурный анализ однозначно указывает на металлургическое происхождение металла (Hermelin et al., 1979). Мы попытались использовать метод А. Жамбона для определения характера металла топора. Получив соотношение Ni/Fe vs. Ni/Co, мы наложили данные на полигон, составленный А. Жамбоном. Оказалось, что соотношение диагностирующих элементов топора укладывается в этот полигон и, в частности, аналогично соотношению диагностирующих признаков металла подвески из Умм эль Марра, которая определена как изготовленная из метеоритного железа (Jambon, 2017).

Таким образом, хотя предложенный А. Жамбоном метод определения метеоритного происхождения древнейших артефактов достаточно информативен, но, как свидетельствуют металлографические исследования (браслеты из Ченстоховы-Ракува, топор из Кулаоса), не всегда приводит к однозначным выводам.

Надежные данные можно получить, только применяя комплексный анализ предметов, изготовленных предположительно из метеоритного железа. Примером может служить исследование пронизок из Герзеха с применением рентгенофлюоресцентного анализа, методов нейтронной радиографии, компьютерной томографии и др. (*Johnson et al.*, 2013; *Rehren et al.*, 2013). В результате этих исследований получен безусловный вывод об использовании метеоритного металла.

Сам факт применения человеком метеоритного железа закономерно поднимает вопрос о роли этого металла в открытии металлургии железа. Многие исследователи склонны считать, что именно знакомство с метеоритным железом привело к открытию сыродутного способа получения черного металла. На наш взгляд, нет оснований связывать эти два процесса: обработка метеоритного железа – это всего лишь механическая трансформация формы, тогда как металлургический процесс – это процесс превращения веществ (руда – металл). Последний опыт мог быть приобретен на базе цветной металлургии. Нельзя не учитывать и то, что использование такого материала, как метеоритное железо, носило **случайный** характер (*Coghlan*, 1956). Исключительная редкость такого железа не могла способствовать сложению и развитию производственных традиций. Можно высказать и такую парадоксальную мысль: не привело ли получение металлургического железа и развитие технологии его обработки к совершенствованию приемов обработки метеоритного железа (от наиболее простых кузнечных операций, фиксируемых на миниатюрных бусинах-пронизках конца IV тыс. до н. э. из Герзеха, к сложным по форме кинжалам эпохи поздней бронзы).

Нельзя согласиться и с положением, высказанным А. Жамбоном, об относительно позднем открытии металлургического способа получения железа (не ранее 1200 г. до н. э.). Свой вывод исследователь обосновывает датой металлургического комплекса из Телль Хамех (X в. до н. э.), считая его древнейшим. Между тем известны более ранние объекты (XIV–XIII вв. до н. э.), обнаруженные в Сербии (*Stojić*, 2006), Палестине (*Liebowitz, Folk*, 1984), Грузии (*Хахутайшвили*, 1987). Тот факт, что в конце II тыс. до н. э. на Ближнем Востоке и в Закавказье уже были известны такие высокотехнологичные для раннего железного века приемы обработки черных металлов, как цементация и термообработка (*Тавадзе и др.*, 1977; *Fritz et al.*, 1991; *Muhly et al.*, 1985), свидетельствует о достаточно длительном предшествующем пути развития железообработки.

Итак, знакомство человека с метеоритным металлом, на наш взгляд, не повлияло на открытие способов металлургического получения железа. Эти процессы не были связаны ни хронологически, ни технологически.

Основываясь на имеющихся в настоящее время данных металлографического анализа железных артефактов (см.: *Akanuma*, 2006. С. 207), можно утверждать, что открытие способов металлургического получения железа относится ко времени не позднее рубежа III–II тыс. до н. э. Во втор. пол. II тыс. до н. э. металлургические комплексы известны уже далеко за пределами первоначального очага (Анатолия) возникновения черной металлургии.

ЛИТЕРАТУРА

- Завьялов В. И., Терехова Н. Н.*, 2016. Древнейшие артефакты из метеоритного железа: мифы и реальность // КСИА. Вып. 243. С. 163–172.
- Тавадзе Ф. Н., Сакарелидзе Т. Н., Абесадзе Ц. Н., Двали Т. А.*, 1977. К истории железного производства в древней Грузии // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Вып. 2. Тбилиси. С. 5–61. (На груз. яз.; рез. на рус. яз.)
- Хахутайшвили Д. А.*, 1978. Производство железа в древней Колхиде. Тбилиси: Мецниереба. 262 с.
- Akanuma H.*, 2006. Changes in Iron use during the 2nd and 1st Millennia B.C. at Kaman-Kalehöyük, Turkey: Composition of Iron Artifacts from Stratum III and Stratum II // *Anatolian Archaeological Studies*. Vol. XV. P. 207–222.
- Coghlan H. H.*, 1956. Notes on Prehistoric and early iron in the Old World. Oxford: University press. 220 p.
- Comelli D., d'Oracio M., Folco L., El-Halwagy M., Frizzi T., Alberti R., Capogrosso V., El-Naggar A., Hassan H., Nevin A., Porcelli F., Rashed M. G., Valentini G.*, 2016. The meteoritic origin of Tutankhamen's iron dagger blade // <http://dx.doi.org/10.1111/maps12664>.
- Fritz V., Maddin R., Muhly J. D., Stech T.*, 1991. The iron from Kinneret // *Materiały archeologiczne*. Kraków. T. XXVI. P. 97–104.
- Hermelin E., Tholander E., Blomgren S.*, 1979. A prehistoric Nickel-alloyed Iron Axe // *Journal of Historical Metallurgy Society*. Vol. 13/2. P. 69–94.
- Jambon A.*, 2017. Bronze Age iron: Meteoritic or not? A chemical strategy // *JAS*. Vol. 88. P. 47–53.
- Jambon A., Chanut C., Matoian V.*, 2017. La Hache Extra-terrestre D'Ougarit (Syrie) // *Etudes Ougaritiques*. (Ras Shamra – Ougarit.)
- Johnson D., Tyldesley J., Lowe T., Withers P. J., Grady M. M.*, 2013. Analysis of a prehistoric Egyptian iron bead with implications for the use and perception of meteorite iron in ancient Egypt // *Meteoritics and Planetary Science*. Vol. 48. Iss. 6. P. 997–1006.
- Kotowiecki A.*, 2004. Artifacts in Polish collections made of meteoritic iron // *Meteoritics and Planetary Science*. Vol. 39. No. 8. P. A151–A156.
- Liebowitz H., Folk R.*, 1984. The Dawn of Iron Smelting in Palestine: The Late Bronze Age Smelter at Tel Yin'am, Preliminary Report // *Journal of Field Archaeology*. Vol. 11. No. 3. P. 265–280.
- Muhly J. D., Maddin R., Stech T., Oezgen, E.*, 1985. Iron in Anatolia and the Nature of the Hittite Iron Industry // *Anatolian Studies*. Ankara. Vol. XXXV. P. 67–84.
- Piaskowski J.*, 1982. A Study of the Origin of the Ancient High-Nickel Iron Generally Regarded as Meteoritic // *Early Pyrotechnology*. Washington: Smithsonian Institution. P. 237–243.
- Rehren T., Belgya T., Jambon A., Káli G., Kasztovszky Z., Kis Z., Kovács I., Maróti B., Martínón-Torres M., Miniaci G., Pigott V. C., Radivojević M., Rosta L., Szentmiklósi L., Szőkefalvi-Nagy Z.*, 2013. 5,000 years old Egyptian iron beads made from hammered meteoritic iron // *JAS*. Vol. 40. No. 12. P. 4785–4792.
- Stojić M.*, 2006. Ferrous metallurgy center of the Brnjica cultural group (14th–13th centuries BC) at the Hisar site in Leskovac // *Metalurgija – Journal of Metallurgy*. Vol. 12. No. 2–3. P. 105–110.
- Ströbele F., Broschat K., Koeberl C., Zipfel J., Hassan H., Eckmann Ch.*, 2016. The iron objects of tutanchamun // *Metalla. Archäometrie und Denkmalpflege*. Göttingen Sonderheft 8. P. 186–189.
- Zimny J.*, 1965. Metaloznawcze badania Halsztackich wyrobów żelaznych z Częstochowy-Rakówa // *Rocznik Muzeum w Częstochowie*. 1. S. 329–400.

Сведения об авторах

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, e-mail: v_zavyalov@list.ru;

Терехова Наталия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия, e-mail: нет

V. I. Zavyalov, N. N. Terekhova

THE ISSUE OF THE EARLIEST ARTIFACTS MADE
FROM METEORITIC IRON REVISITED

Abstract. The issue of meteoritic iron holds a special place in human history of mastering the use of ferrous metals. The reason lies in the fact that a lot of controversies about this subject still remain. One of the most important issues is selection of criteria for identifying relevant artifacts and clarifying the role of meteoritic iron in advent and development of iron metallurgy.

Keywords: meteoritic iron, archaeometallurgy, bloomery iron, signature elements of meteoric origin.

REFERENCES

- Khakhutayshvili D. A., 1978. Proizvodstvo zheleza v drevney Kolkhide [Iron production in ancient Colchis]. Tbilisi: Metsniereba. 262 p.
- Tavadze F. N., Sakvarelidze T. N., Abesadze Ts. N., Dvali T. A., 1977. K istorii zheleznogo proizvodstva v drevney Gruzii [On history of iron production in ancient Georgia]. *Restavratsiya, konservatsiya, tekhnologiya muzeynykh eksponatov [Restoration, conservation, technology of museum objects]*, 2. Tbilisi, pp. 5–61. (In Georgian. Abstract in Russian.)
- Zavyalov V. I., Terekhova N. N., 2016. Drevneyshie artefakty iz meteoritnogo zheleza: Mify i real'nost' [The earliest artifacts from meteorite iron: Myths and reality]. *KSLA*, 243, pp. 163–172.

About the authors

Zavyalov Vladimir I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: v_zavyalov@list.ru;

Terekhova Natalia N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: n/a

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА «ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ БРЯНСКОГО КЛАДА КРУГА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ВЫЕМЧАТЫХ ЭМАЛЕЙ (III в. н. э.)»

А. М. Обломский

ВВЕДЕНИЕ

Резюме. Во вступительной статье к разделу представлена серия материалов Международного семинара, посвященного исследованию Брянского клада и связанных с ним восточноевропейских выемчатых эмалей III в. н. э.

Ключевые слова: восточноевропейские выемчатые эмали, Брянский клад, международный семинар.

Вещи с выемчатой эмалью восточноевропейского круга (женские украшения и предметы мужской культуры престижа) представляют собой достаточно яркие памятники декоративно-прикладного искусства. Несмотря на разнообразие категорий и типов изделий, индивидуальность исполнения многих из них, они обладают определенным стилистическим единством.

Буквально вскоре после первых публикаций конца XIX в. восточноевропейские эмали стали темой множества научных работ. Интерес к ним не ослабевает и сегодня, что вызвано противоречием между ярким своеобразным художественным стилем престижных вещей, техника изготовления которых была достаточно сложной, с одной стороны, и общим «примитивизмом» археологических общностей Восточной Европы, на памятниках которых эти предметы были найдены (позднезарубинецкого горизонта, киевской, мощинской, позднедьяковской и др. культур, включая прибалтийские на севере), с другой. По современным данным, вещи с эмалью начинают использоваться во второй половине II в. Расцвет стиля относится к концу II – второй половине III в., но дериваты этих украшений (уже без эмали) продолжают изготавливаться в течение всего IV в. Ареал изделий этого стиля охватывает большую часть Восточной, восток Центральной и юг Северной Европы (от Крыма и Северного Причерноморья на юге, до Прибалтики, включая юг Финляндии и Швеции, на севере, от восточной Польши на западе до Прикамья на востоке).

Брянский клад изделий с выемчатыми эмалью восточноевропейского стиля является в настоящее время самым представительным комплексом вещей этого

круга. Он был найден случайно, но поступил в Государственный исторический музей в Москве, что сделало его доступным для изучения специалистами.

Историческому, стилистическому, хронологическому, технологическому аспектам исследования не только этого комплекса, но и украшений с выемчатыми эмальями в целом был посвящен международный семинар, некоторые материалы которого публикуются в настоящем выпуске «Кратких сообщений».

Семинар проходил 12–14 декабря 2017 г. в Москве в здании Государственного исторического музея (первое заседание) и Института археологии РАН (ул. Кржижановского, д. 14, кор. 2 – все прочие). Он был организован совместно музеем и институтом. В зале заседаний сотрудники музея выставили наиболее показательные вещи из Брянского клада, а затем провели экскурсию по залам, где демонстрируются находки римского периода и эпохи Великого переселения народов.

Семинар открыл П. Г. Гайдуков, который отметил большое научное значение монографии с публикацией вещей из Брянского клада и разделами, посвященными их изучению. Рукопись монографии была подготовлена коллективом авторов (научный редактор – А. М. Обломский) при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Затем слово взяли В. Е. Родинкова (Москва) и Е. Л. Гороховский (Киев), которые поздравили А. М. Обломского с 60-летним юбилеем. В. Е. Родинкова и О. С. Румянцева подарили А. М. Обломскому сборник статей «Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур» (Раннеславянский мир, вып. 19), который был опубликован в его честь.

Всего во время работы семинара специалистами из России, Украины, Белоруссии и Польши были прочитаны 16 докладов. Количество участников на каждом из заседаний составило 20–25 чел.

А. М. Обломский (Москва) рассказал о находках изделий с выемчатыми эмальями (включая клады) на территории лесостепного Подонья. Он предложил выделить особый этнокультурный горизонт Паниковец (первая половина – середина III в.), население которого использовало украшения этого стиля. Древности этого горизонта возникли в результате первого проникновения в донскую лесостепь раннеславянского населения (киевской культуры).

А. Битнер-Врублевска (Варшава) рассмотрела хронологию изделий с выемчатыми эмальями на территории Прибалтики и вельбарской культуры. Наиболее ранние из них относятся к фазе B2 (около середины II в. или несколько раньше), самые поздние – к фазе C2 (конец III – начало IV в.) центральноевропейской хронологической системы.

Близкой теме был посвящен доклад О. А. Хомяковой (Москва), которая проанализировала находки украшений с эмалью из довоенного музея «Пруссия» в типологическом и хронологическом аспектах.

О. В. Гопкало (Киев) поставила вопрос об особой восточноевропейской моде как об историко-культурном феномене. Восточноевропейские выемчатые эмали – самобытный ювелирный стиль. Вместе с тем, несмотря на своеобразие и стилистическое единство, предметы с выемчатыми эмальями подвергались влиянию этой моды.

Б. Контны (Варшава) сделал обзор предметов вооружения и конского снаряжения горизонта эмалей на территории богачевской и судавской культур (Прибалтика).

О. А. Радюш (Москва) показал серию карт с распространением изделий с эмалью разных этапов развития этого стиля. Он собрал сведения о значительном массиве находок, включая случайные (более 3400 экз.). Повышенная концентрация этих изделий отмечается на территории Поднепровья. Он также показал фильм об эксперименте по изготовлению украшений круга эмалей на основе восковых моделей, поставленном энтузиастами – реконструкторами истории, и продемонстрировал изготовленные ими вещи.

Е. Л. Гороховский (Киев) вновь обратился к классификации треугольных и Т-образных фибул с эмалью. При этом он сделал акцент на деталях их оформления, которые позволяют синхронизировать предметы в рамках того или иного этапа эволюции стиля.

В докладе А. М. Воронцова (Тула) были рассмотрены новые находки предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей в ареале мощинской культуры. Все вещи, найденные случайно, были переданы в фонды музея-заповедника «Куликово поле». В трех случаях места находок удалось локализовать и обследовать. В двух случаях украшения происходят с поселений со слоями наиболее раннего культурно-хронологического горизонта мощинской культуры. Кроме предметов круга восточноевропейских выемчатых эмалей, на них впервые найдены фибулы группы VII по О. Альмгрену.

Доклад Н. А. Биркиной (Москва) был посвящен анализу вещей из цветного металла, входивших в состав Брянского клада. Исследование техники изготовления и обработки вещей проводилось посредством визуального анализа с помощью стереомикроскопа. В ходе работы все предметы были разделены на три основные группы по способу постлитейной обработки. Также были зафиксированы следы, связанные с технической доработкой изделий и их декорированием. Финальным этапом стало проведение эксперимента по реконструкции ряда процессов, в том числе способов нанесения орнамента.

С. В. Воронятов (Санкт-Петербург) и В. В. Кропотов (Симферополь) проанализировали погребение из Неаполя Скифского, из которого происходит браслет с валиками на корпусе, опубликованный Э. А. Сымоновичем. Авторы показали, что эта вещь по стилистике явно относится к кругу украшений с эмалями, хотя и отличается своеобразием орнаментации.

В докладе В. Г. Белевца и А. Н. Белицкой (Минск) были продемонстрированы украшения с эмалями, которые в последние десятилетия были найдены на юге Белоруссии. Авторы сделали вывод, что эти вещи связаны с позднезарубинецким культурно-хронологическим горизонтом и ранними памятниками киевской культуры.

В докладе И. Р. Ахмедова и И. В. Белоцерковской (Москва) рассмотрены некоторые проблемы формирования культуры рязано-окских финнов. Находки украшений круга восточноевропейских эмалей и ряд других позволяют установить наличие устойчивых связей с носителями раннеславянских «киевских» традиций, мощинской культуры и более ранним населением Верхнего Поочья.

Появление вещей круга восточноевропейских эмалей маркирует верхнюю границу раннего этапа сложения рязано-окской культуры (I – начала III в. н. э.).

О. С. Румянцева (Москва) провела сравнение техник изготовления, эволюции стилей и динамики распространения провинциально-римских и восточноевропейских выемчатых эмалей. Производственные традиции провинциально-римского континентального и восточноевропейского эмалирования были тесно связаны между собой на протяжении всего времени существования. Данный вывод подтвержден результатами комплексного химико-технологического анализа украшений Брянского клада. Продвижение черняховского населения в ареал киевской культуры в Поднепровье было не единственной и, вероятно, не главной причиной исчезновения варварских украшений с эмалевыми вставками.

В постерных докладах были показаны новые находки изделий с эмальями из Поволжья (А. В. Никитина, Москва), из музеев Украины (Е. Н. Деревянко, Киев), дана интерпретация орнамента на фибуле из Сурской Заборы как изображения женского костюма (А. В. Паникарский, Киев).

Несмотря на то, что многие высказанные идеи были дискуссионными, все прочитанные на семинаре доклады вызвали большой интерес у аудитории.

Сведения об авторе

Обломский Андрей Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: oblomsky_a@rambler.ru

A. M. Oblomskiy

INTRODUCTION

Abstract. This introductory article presents a series of papers devoted to the research of the Bryansk hoard and related antiquities. The published articles are transactions of the International seminar «Historical archaeological study of the Bryansk hoard of Eastern European circle of champlevé enamels (III century AD)».

Keywords: Eastern European champlevé enamels, Bryansk hoard, international seminar.

About the author

Oblomskiy Andrey M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: oblomsky_a@rambler.ru

И. Р. Ахмедов, И. В. Белоцерковская

НАХОДКИ КРУГА «ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ» ЭМАЛЕЙ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО КОМПЛЕКСА РЯЗАНО-ОКСКИХ ФИННОВ

Резюме. В статье рассмотрены некоторые проблемы формирования культуры рязано-окских финнов. Находки украшений круга «восточноевропейских» эмалей и их дериватов (рис. 1; 2), витых гривен с петлями на концах, окских фибул с кнопками (рис. 6), проушных топоров в погребальных комплексах культуры и на соседних территориях позволяют установить наличие устойчивых связей с носителями раннеславянских «киевских» традиций, мощинской культуры и более ранним населением Верхнего Поочья. Некоторые формы инокультурных украшений (кольцевые застёжки) становятся основой для сложения специфических рязано-окских украшений (рис. 5). Появление вещей круга «восточноевропейских» эмалей маркирует верхнюю границу раннего этапа сложения рязано-окской культуры (I – начала III в. н. э.), характеризующегося синтезом «западных» и «восточных» элементов, что наиболее ярко отражено в ансамбле женского убора. Предполагается, что именно синтез «западных» и «восточных» элементов обусловил своеобразие культуры рязанских «финнов».

Ключевые слова: культура рязано-окских финнов, древности круга «восточноевропейских» эмалей, украшения, ансамбль женского убора, культурные взаимодействия.

На протяжении более чем столетней истории изучения культуры рязано-окского населения в I тыс. н. э. относили к кругу древнемордовских (*Aspelin*, 1878. P. 179, 197. № 917–921), определяли этнос ее носителей как «финно-угорский» с тюркским этническим компонентом и незначительной примесью «славянского населения» (*Черепнин*, 1895; 1896; 1899), рассматривали вместе с древностями Дьякова типа как единую «восточнофинскую» культуру с пришлыми тюркскими элементами (*Селиванов*, 1895; 1909). По П. П. Ефименко, население, оставившее Кошибеевский могильник, было «пьяноборско-камским», смешавшимся с носителями местной «восточнофинской» городецкой культуры. В III в., по его

мнению, эту территорию начали осваивать собственно рязано-окские коллективы, пришедшие с запада или юго-запада (Ефименко, 1926. С. 81–84). Позже стали популярными тезисы о связи происхождения рязанских финнов с городским населением раннего железного века и племенами «поволжско-камского» облика (Ефименко, 1937; Монгайт, 1961; Смирнов, 1952; Смирнов, Трубникова, 1965; Трубникова, 1967). В. В. Седов отмечал присутствие в рязано-окской среде и «балтских» переселенцев из Верхнего Поочья (Седов, 1987. С. 96, 97).

Накопление новых данных, связанных с масштабными исследованиями могильников (Шатрищенского, Шокшинского, Кораблино, Никитинского, Заречье), а также интереснейших материалов могильника Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополе, потребовало детального изучения составляющих погребального инвентаря. Новые данные позволили выделить в формирующейся культуре рязано-окского населения представительный ряд элементов инокультурного происхождения. Среди них – височные кольца с лопастью (Шитов, 1988. С. 14), ажурные застёжки с прототипами на позднедьяковских памятниках Москворечья, витые из трех проволок гривны с петлями на концах, окские фибулы с кнопкой и проушные топоры, связываемые с мощинской культурой Верхней Оки (Белоцерковская, 2000; Ахмедов, Воронцов, 2012); «поздnezарубинецкие», «позднедьяковские» и «мощинские» элементы в керамическом материале (Гришаков, 1993. С. 104, 105; Белоцерковская, 2000. С. 106; Румянцева, 2007. С. 250–255). Выделены и находки круга «восточноевропейских» эмалей в древностях Среднего Поочья и Примокшанья, распространение которых связывают с миграциями на восток носителей киевской культуры (Ахмедов, 2010б; 2018). Продолжению этой работы посвящена настоящая статья.

Предметы убора круга «восточноевропейских» эмалей второго этапа в памятниках рязанских финнов

Часть находок круга «классических» днепровских эмалей перв. пол. – середины III в. уже была рассмотрена в недавних публикациях (Ахмедов, 2010б. С. 32, 33. Рис. 6: 6; 2018. С. 649. Рис. 1). Большинство происходит из м-ка Кошибеево: гривна с замком в виде ромба с дисками из погр. 66Г¹ (рис. 1: 2), пирамидальные подвески с выступами на углах основания (погр. 24Г, 88С) (рис. 1: 8, 9); две шпоры (погр. 57Г) (рис. 1: 15, 16), браслет с прямоугольными выступами (погр. 4Г) (рис. 1: 14) (Булычев, 1899. Табл. XIII: 5, 6; Спицын, 1901. С. 16, 69. Табл. VI: 25; Шитов, 1988. С. 8, 11, 13, 17, 21–23, 25, 26. Табл. III: 5; VI: 12; IX: 1, 2; XI: 2). Мужские погребения 4 и 57 (Г) датируются периодом 2а-б мужской субкультуры рязано-окских финнов середины III – нач. IV в. (Ахмедов, 2007. С. 39–142. Схема 1. Рис. 8: 5; 10: 10, 11).

С городища Ласицы 1 (низовья р. Цны) происходит треугольная ажурная фибула с красной эмалью, близкая фибулам типа III-1 (по Г. Ф. Корзухиной) или группе А перв. пол. III в. н. э., по А. М. Обломскому и Р. В. Терпиловскому

¹ Погребения Кошибеевского могильника, изученные А. А. Спицыным, помечены литерой С, а раскопанные В. Н. Глазовым – литерой Г.

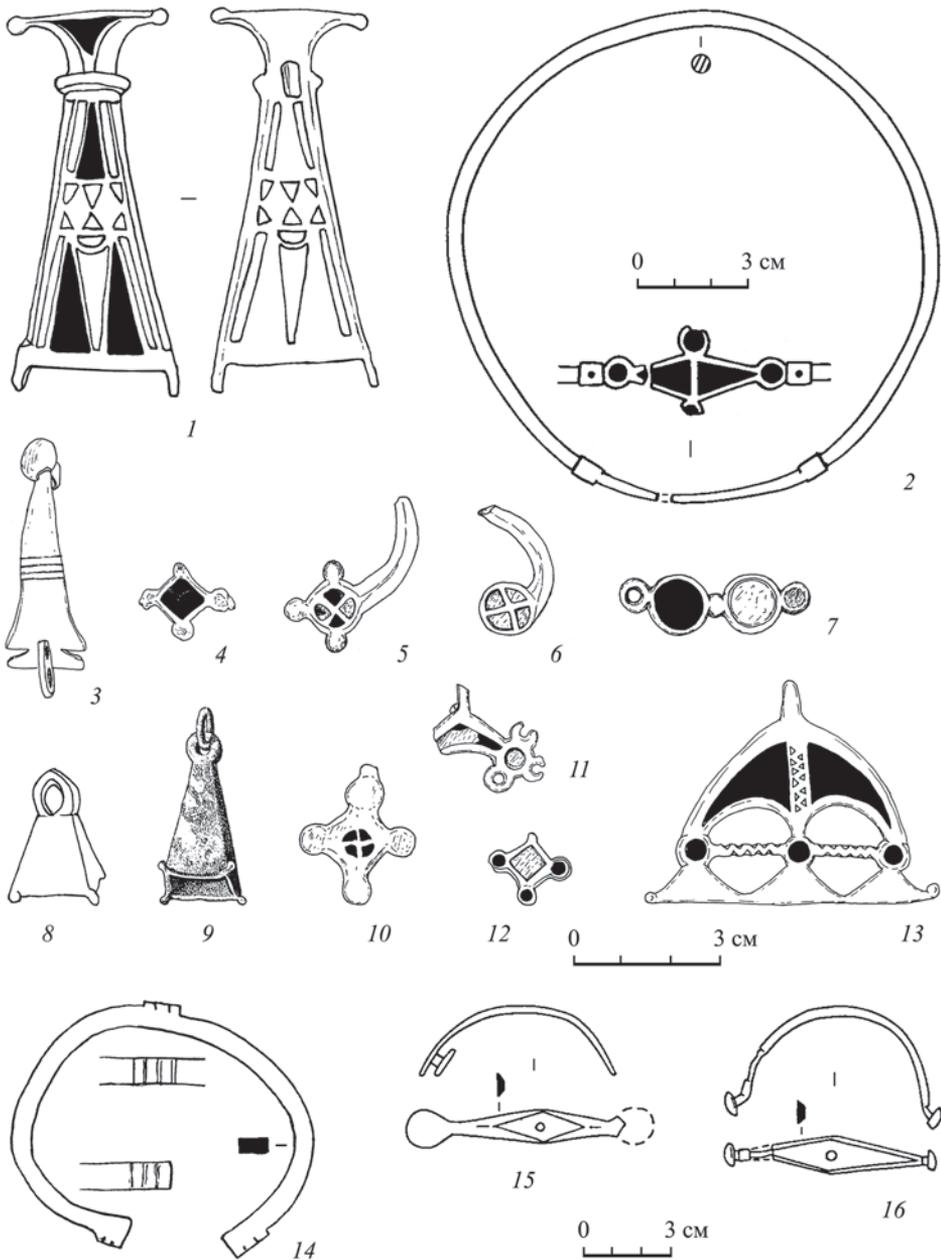

Рис. 1. Находки круга восточноевропейских эмалей в Среднем Пooчье

1 – г-ще Ласицы 1; 2 – Кошибеевский м-к, п. 66; 3, 6, 11 – г-ще Терехово; 4 – Тырново; 5, 12 – м-к Борок 2; 7 – Рязанская область; 8 – Кошибеевский м-к, п. 24; 9 – Кошибеевский м-к, п. 88; 10 – м-к Ундрих; 13 – г-ще Старая Рязань; 14 – Кошибеевский м-к, п. 4; 15, 16 – Кошибеевский м-к, п. 57

2, 8, 14–16 – раскопки В. Н. Глазова; 9 – раскопки А. А. Спицына

(Корзухина, 1978. С. 24, 25; Обломский, Терпиловский, 2007. С. 116, 117, 123. Рис. 137; АКР, 1994. С. 68, 69) (рис. 1: 1).

Лунница с голубой и красной эмалью найдена в древнерусском слое городища Старая Рязань (рис. 1: 13). Близкие ей формы известны в Брянском кладе, в Малом Букрине, Киеве, Липляве, Ахтырке, Александровском, в Среднем Поднепровье, а также в Яртыпор, Подлишево (Польше) (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 146–148. Рис. 97; Корзухина, 1978. № 102; Ахмедов и др., 2015. С. 149, 151. Рис. 4).

Из Шиловского микрорегиона культуры рязанских финнов происходят: фибула с кнопкой, подвеска-лунница и фрагмент подковообразной фибулы (городище Терехово) (рис. 1: 3, 6, 11), обломок такой же фибулы и ромбическая подвеска (территория м-ка Борок 2) (рис. 1: 5, 12), фрагменты центральных щитков фибул (с. Тырново и м-к Ундрих) (рис. 1: 4, 10). Из Рязанской области происходит звено цепи или замок гривны в виде двух дисков с красной эмалью и петельками (рис. 1: 7)². Фибула с кнопкой из Терехово, прототип окских фибул с кнопкой, относится к наиболее раннему типу 1А («деснинскому», по А. М. Воронцову) (рис. 6: 1). Близкие формы известны в Брянском кладе, из д. Першино в Брянской обл., а также в Паниковце, в Задонском районе Липецкой области (Воронцов, 2018; Гурьянов, 2009; Обломский, 2018. С. 630, 631. Рис. 10: 1).

Поздние формы и дериваты

К ним традиционно относят поздние разновидности кольцевых фибул с эмалью и без нее. Такова фибула вида 7 (рис. 2: 1)³ с круглыми дисками на концах и в центре рамки, имитирующими гнезда для эмали, с вписанными в них крестами; с дуговидными выступами по внешнему краю и на дисках с шариками ложной зерни⁴. Состав комплекса демонстрирует смешение местных, москворецких и верхнеокских традиций (рис. 3). Все находки характерны для периода 1 развития женского убора рязано-окских финнов втор. пол. III – рубежа III–IV вв. (Белоцерковская, 1998; 2000; 2007. С. 191, 192, 201–203. Рис. 7; 8).

Из дериватов вида 8 на других территориях следует указать на кольцевую застежку из погр. 3-1 м-ка Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополе (рис. 2: 2). У нее разомкнутая рамка, на концах – уплощенные диски с углубленным орнаментом в виде косоугольного креста. В центре и на концах – выступы в виде «полумесяца» с имитацией петель, разделенных на конце на два валика (Макаров, 2010. С. 71. Рис. 4; 10; Макаров и др., 2011. С. 66).

Кольцевая фибула разновидности 3 (рис. 2: 3) из погр. 21 Кузьминского м-ка найдена с массивной гривной с обрезанными концами, пластинчатым браслетом с расширенными концами, трапециевидными пластинчатыми и колоколь-

² Коллекции Шиловского районного музея. Авторы благодарят сотрудника Шиловского музея А. П. Гаврилова за информацию и возможность публикации этих находок.

³ Авторы пользуются классификацией, предложенной И. Р. Ахмедовым для поздних кольцевых фибул круга «восточноевропейских эмалей» из Волго-Окского региона (Ахмедов, 2018).

⁴ Могильник Кораблино, погр. 39 (мыс 2).

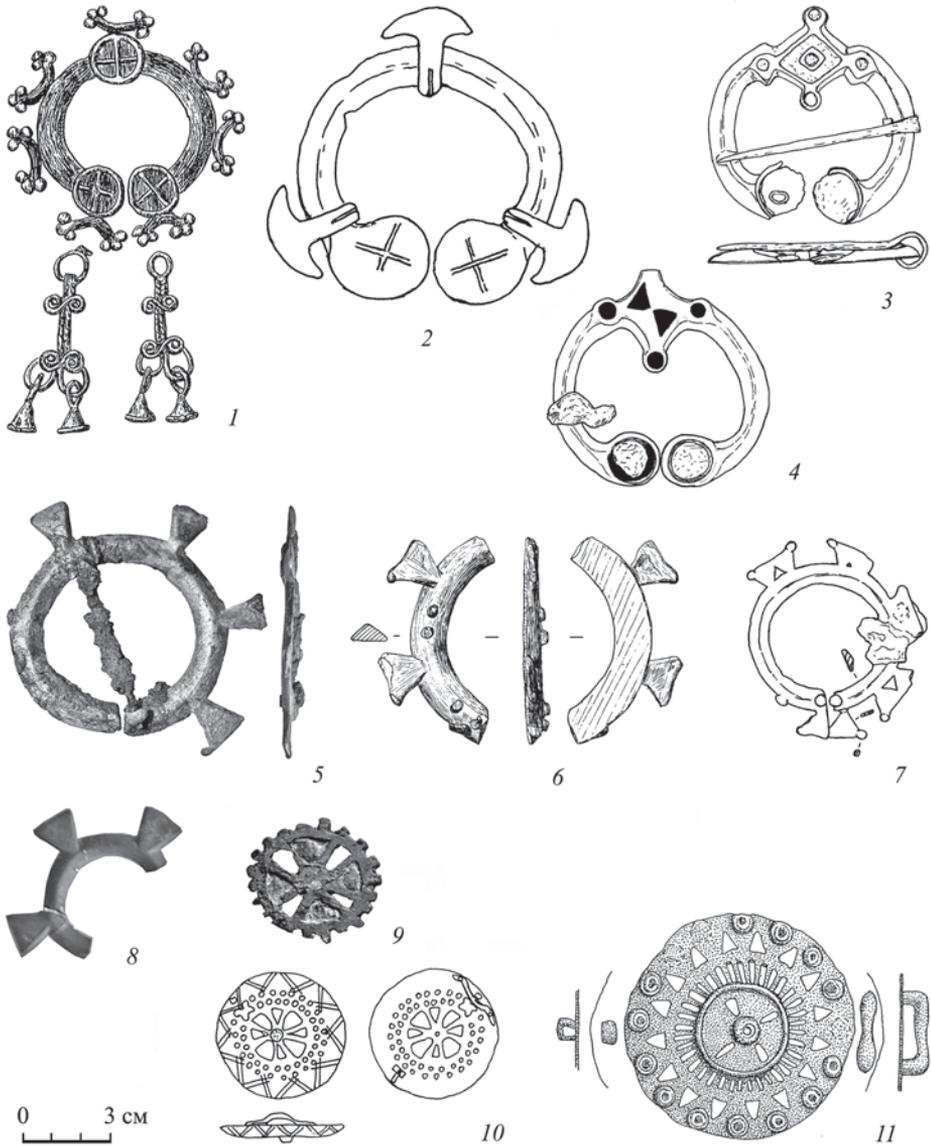

Рис. 2. Застежки традиции восточноевропейских эмалей

1 – м-к Кораблино, п. 39, мыс 2; 2 – м-к Большое Давыдовское 2, п. 3-1; 3 – Кузьминский м-к, погр. 21; 4 – м-к Заречье, случайная находка; 5 – м-к Большое Давыдовское 2, п. 3-5; 6 – м-к Кораблино, мыс 1, пахотный слой; 7 – Шатрищенский м-к, п. 178 (раскопки Т. А. Кравченко); 8 – г-ще Дьяково; 9 – м-к Борок 2; 10 – м-к Ундрих; 11 – м-к Заречье, п. 174

чатыми привесками (рис. 4: А). Комплекс относится к финальной части периода 2а – началу периода 2б развития женского убора рязано-окского населения, т. е. ко втор. трети – середине IV в. (*Белоцерковская*, 2007. Рис. 7). Аналогичная застежка найдена в Муроме (*Спицын*, 1901. С. 52, 90. Табл. XV: 5; XXIX: 11).

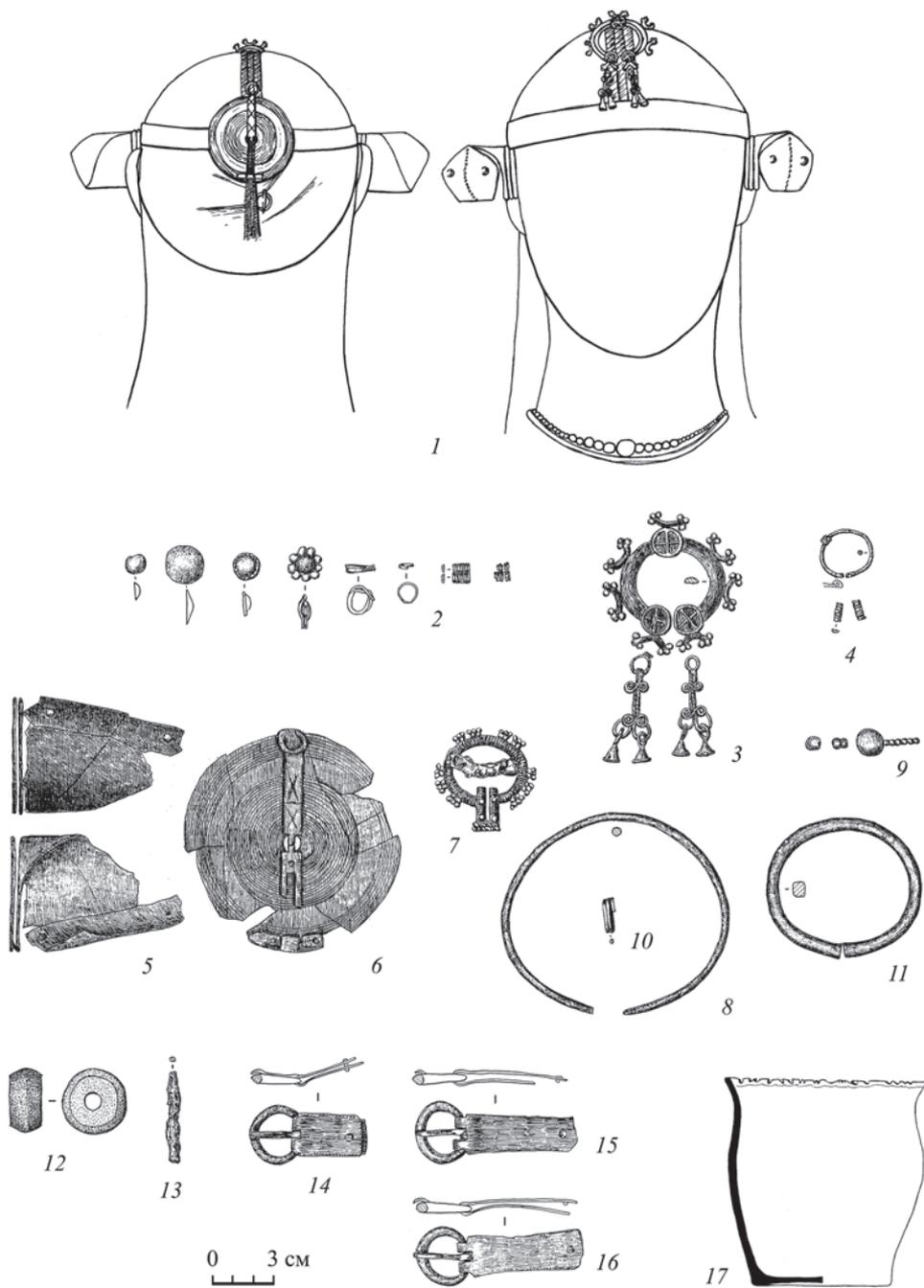
Разновидность 4 представлена случайной находкой в могильнике Заречье – у нее ромбический щиток в центре рамки, круглые гнезда с красной эмалью на его вершинах и два треугольных гнезда с эмалью внутри. Концы рамки завершены круглыми гнездами с остатками такой же эмали (рис. 2: 4). Подобные известны в Кирьяновой, Дьяково (раскопки Н. А. Кренке, № 1363-87), Юрьев-Польском районе и Владимирской области. Эта форма получила развитие в разновидности 5 застежек более крупных размеров, без эмали в гнездах (Грехов ручей, Дьяково городище, с. Бурашева Калининского р-на Тверской обл., Юрьев-Польской р-н, Владимирская обл., Стариково, Мышкинский р-н Ярославской обл.) (*Ахмедов*, 2018. С. 661. Рис. 5: 11, 12, 14; 15: 7). Картографирование находок позволяет предположить, что в Среднее Поочье такие застежки поступали из Верхнего Поволжья и Москворечья.

Кольцевые застежки с лопастями. В их конструкции сочетаются форма кольцевых фибул с эмалью и декоративные элементы в технике «воскового» плетения, характерные для окского и москворецкого населения. В основе этих застежек – округлая разомкнутая, подтреугольная в сечении рамка с трапециевидными лопастями.

Часть рамки застежки с тремя трапециевидными, трехгранными в сечении лопастями (рис. 2: 8) происходит из шурфа на южном склоне Дьякова городища⁵. Фрагмент рамки с парными выступами по верхней грани и лопастями с шариками ложной зерни по углам (рис. 2: 6) найден в пахотном слое на участке IV в. м-ка Кораблино. Две подобные находки происходят из комплексов. Застежка с железной иглой, петлей приемника и лопастями по внешнему краю рамки, на углу одной из которых сохранился шарик ложной зерни (рис. 2: 5), найдена в погр. 3-5 м-ка Большое Давыдовское 2 (*Зайцева*, 2011. Рис. 4: 9).

Еще у одной застежки из погр. 178 Шатрищенского м-ка (раскопки Т. А. Кравченко) по внешнему краю рамки расположены небольшие, соединенные попарно и одинарные, лопасти с шариками ложной зерни по углам. На концах рамки, на верхнем ребре – небольшие округлые выступы; сохранились и остатки крепления железной иглы (рис. 2: 7). Эта застежка, видимо, типологически наиболее поздняя из приведенных находок. Вместе с ней найдены четыре прогнутые двучленные подвязные черняховские фибулы 2-й подгруппы серии I, по А. К. Амброзу, или серии Б вариантов 1, 2а и 2б, по Е. Л. Гороховскому (*Амброз*, 1966. С. 60–64. Табл. 11: 9, 19; *Гороховский*, 1988. С. 83. Табл. II), крупная железная двучленная фибула и пластинчатая бляха с фигурными накладками и зонами орнамента в виде концентрических окружностей (рис. 4: Б). Состав находок характерен для женских комплексов рязанских финнов финала периода 2а – перв. пол. – середины IV в. н. э. (*Белоцерковская*, 2007. С. 199, 200. Рис. 7). С учетом указанной выше

⁵ Экспозиция «Вехи истории Коломенского». Московский объединенный музей-заповедник, Территория «Коломенское». Авторы благодарят Н. А. Кренке за информацию об этой находке.

хронологии погр. 3 м-ка Большое Давыдово 2 бытование таких кольцевых застежек с лопастями следует относить, вероятно, к концу III – перв. пол. IV в.

К дериватам застежек круга «восточноевропейских» эмалей в рязано-окских древностях относятся и круглые пластинчатые прорезные броши поздних форм, близкие находкам из памятников позднего этапа киевской культуры. Среди них: случайная находка фрагмента броши с эмалью из м-ка Ундрих (рис. 2: 10); прорезная брошь с напаянными на нее рельефными дисками, петлей и приемником для иглы из погр. 174 м-ка Заречье (рис. 2: 11); брошь с крестовидной композицией из отверстий и гравированным орнаментом из м-ка Борок 2 (рис. 2: 9) (Белоцерковская, 2014. С. 270, 272).

Прорезные броши, вероятно, восходят к образцам межигорского этапа развития «варварских» эмалей, по Е. Л. Гороховскому. По Г. Ф. Корзухиной и Е. Л. Гороховскому, украшения с бордюрами из напаянных дисков подражают стилю эмалей и относятся к поздним типам, бытовавшим с рубежа III–IV вв. На основании сведений о новых находках их относят к третьей стадии развития стиля и полагают, что в лесостепной зоне они появились уже около сер. III в. и бытуют до гуннского времени (Обломский, Терпиловский, 2007). Погребение в Заречье по составу инвентаря и дате окружающих погребений можно датировать рубежом III–IV – перв. пол. IV в., а комплекс из м-ка Борок 2 – втор. пол. IV в. (Белоцерковская, 2014. С. 270, 272).

Кольцевые застежки с лопастями и, отчасти, прорезные броши послужили основой для сложения характерных для окских финнов нагрудных блях с крышкой. Эволюция кольцевых застежек, представленная на рис. 5, шла в направлении изменения количества лопастей и их размеров, появления дополнительного декора в виде прочеканенных точек и линий, пропилов по краям, полусферических выпуклостей. Центральная часть оформлялась в виде обычной для местного убора застежки-«сюльгамы» с завернутыми в трубочки концами (рис. 5: 4–7). На начальном этапе лопастные застежки в массе своей были литыми, впоследствии часть их изготавливалась ковкой.

Следующей ступенью их эволюции следует считать застежки с выделенной рельефом центральной частью⁶. У экземпляра из погр. 110 м-ка Заречье она треугольная в сечении, украшена косыми симметричными насечками на гранях и трубочками на концах (рис. 5: 8).

На дальнейшее развитие этой категории застежек, возможно, оказало влияние знакомство местного населения с прорезными брошами «позднекиевского»

**Рис. 3. Могильник Кораблино, п. 39, мыс 2.
Комплекс с застежками традиции «восточноевропейских» эмалей**

1 – реконструкция головного убора; 2–6 – детали головного убора; 7 – застежка; 8 – гривна; 9 – бусы; 10 – перстень; 11 – браслет; 12 – пряслице; 13 – шило; 14 – поясная пряжка; 15, 16 – обувные пряжки; 17 – сосуд

2–8, 10, 11, 14–16 – бронза; 9 – стекло; 12, 17 – глина; 13 – железо

⁶ Исключением является застежка со сплошной, без разрывов, центральной частью из погр. 72 (мыс 1) в Кораблино (рис. 5: 9).

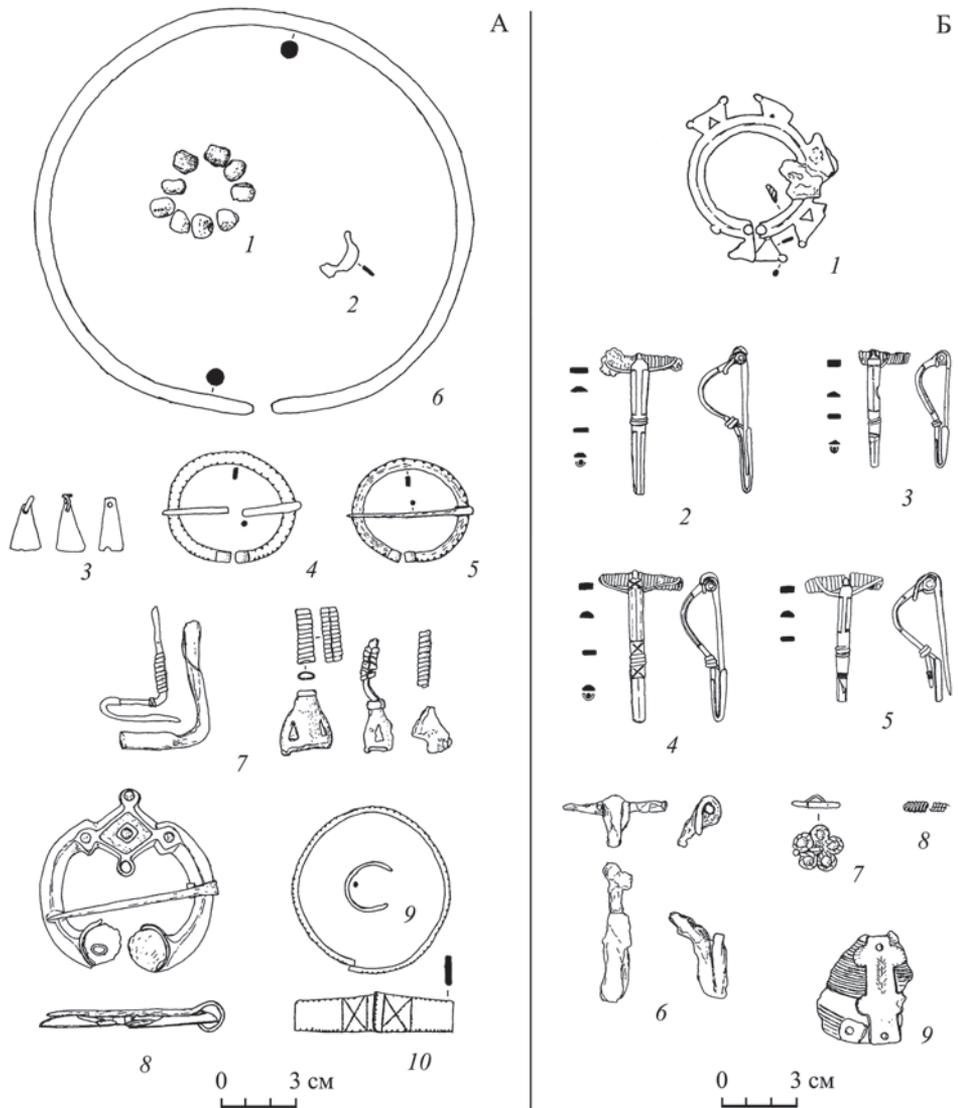

Рис. 4. Комплексы с застежками традиции «восточноевропейских» эмалей

А – Кузьминский м-к, п. 21: 1 – бусы; 2, 3 – подвески; 4, 5 – сьюльгамы; 6 – гривна; 7 – детали наконечников; 8 – застежка; 9 – перстень; 10 – браслеты

1 – стекло; 2–6, 8–10 – бронза; 7 – бронза, кожа

Б – Шатрищенский м-к, п. 178 (раскопки Т. А. Кравченко): 1 – застежка; 2–6 – фибулы; 7 – бляшка; 8 – фрагмент пронизи; 9 – фрагмент бляхи

1–5, 7–9 – бронза; 6 – железо

облика. На это указывает уникальный экземпляр из Заречья, выполненный в виде пластинчатого диска с округлой прорезью в центре, с наложенной крупной сьюлгамой (рис. 5: 10).

Эти формы сосуществуют с литыми застезками круга эмалей в течение финальной части периода 1 и в начале периода 2а развития женского убора рязанских финнов во втор. пол. III – нач. IV в. Отдельные экземпляры использовались и позже, в период 2С (втор. – третья четв. IV в.), например застезка из погр. 72 (М 1) м-ка Кораблино (*Белоцерковская*, 2007. С. 198–200. Рис. 8; *Ахмедов*, 2007. С. 143, 144. Схема 2).

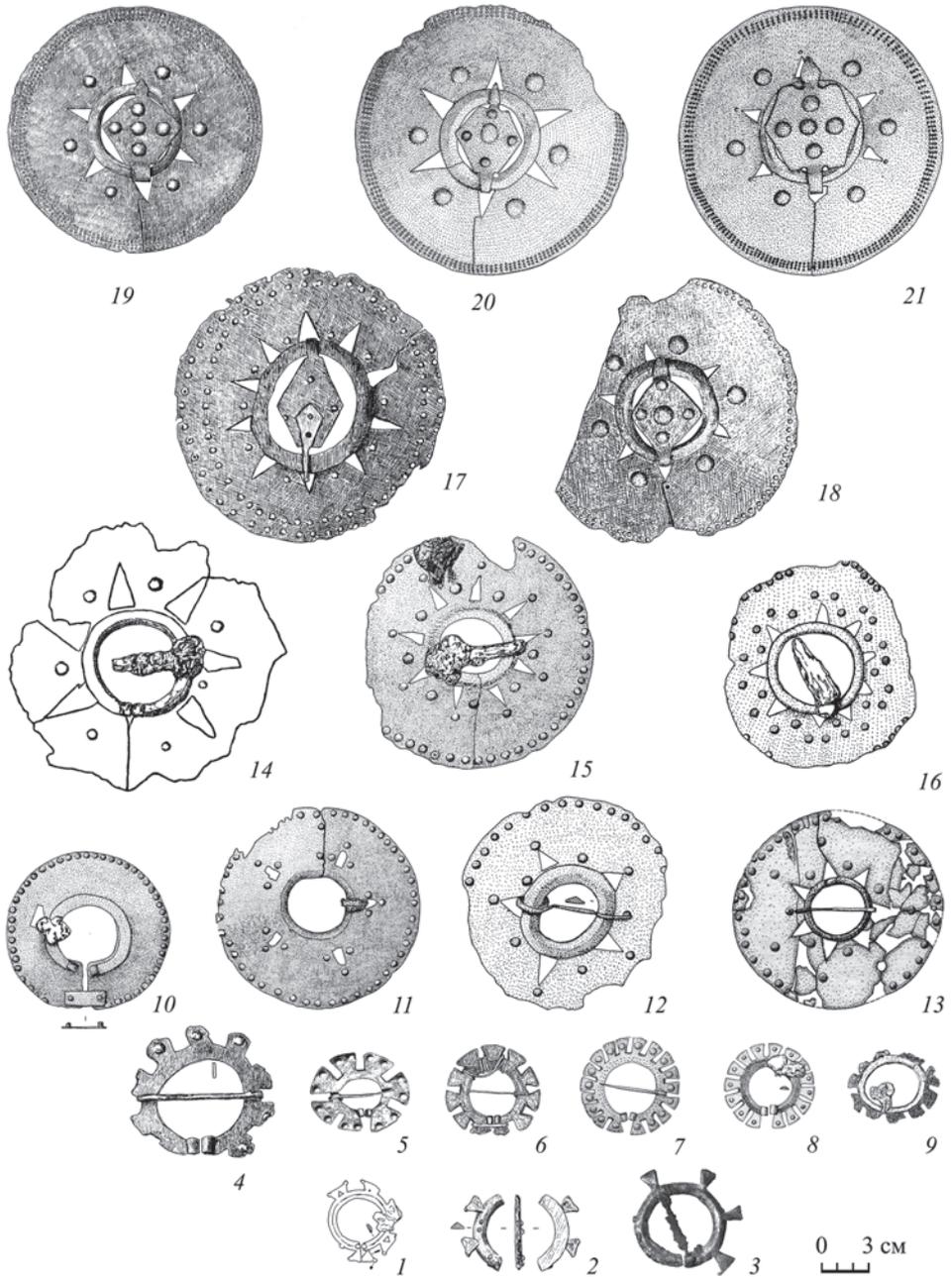
Немного позже появляются крупные бляхи-застезки с соединенными внахлест краями пластины. На происхождение их от лопастных застезек указывают подтреугольные и треугольные прорезы. Округлый вырез в центре оформляют в виде рельефного бортика треугольного или сегментовидного сечения (рис. 5: 11–13), иногда сохраняются трубочки на концах центральной части рамки (рис. 5: 14) и большое количество узких треугольных прорезей (рис. 5: 15, 16). Застезки снабжались проволочными иглами, закрепленными между лопастями или в прорезях. Практически все комплексы с такими бляхами-застезками относятся к периоду 2б и началу периода 3 женской субкультуры рязанских финнов втор. трети – сер. IV в. – рубежа IV–V вв. (*Белоцерковская*, 2007. С. 193, 200, 201. Рис. 7).

Следующий этап эволюции диагностируется увеличением размеров и появлением пластинчатых ромбовидных орнаментированных игл. В одном случае количество прорезей еще велико – их десять (рис. 5: 17), у других экземпляров это уже классические для блях с крышкой шесть прорезей. По краю появляется двойной ряд полушарных выпуклостей, центральные выпуклости на игле (крышке) и между прорезями становятся более крупными, нежели краевые. Игла теперь всегда крепится в прорези в месте скрепления рамки (рис. 5: 18). Такие бляхи использовались в начале периода 3 женской субкультуры в первые десятилетия V в.

В V – начале VI в. (период 3 – начало периода 4) бляхи с крышкой принимают полностью сложившийся вид. Это диски с округлым вырезом в центре, шестью треугольными прорезями, крупными полусферическими выпуклостями между ними, иногда с мелкими выпуклостями у вершин, с тремя рядами таких же выпуклостей по краю. Игла – пластинчатая ромбовидно-шестигранной формы, закрепленная в прорези у места скрепления рамки и орнаментированная крестовидно расположенными полусферическими выпуклостями (рис. 5: 19–21) (Там же. С. 196, 200, 201. Рис. 7). Такой представляется эволюция знакового для традиционного рязано-окского женского убора элемента, возникшего в результате переработки украшений круга «восточноевропейских» эмалей.

«Мощинские» импорты в рязано-окских древностях

Витые из трех проволок гривны с петлями на концах происходят из двух рязано-окских захоронений (рис. 6: 13, 14). Комплекс погр. 1 (мыс 1) в Кораблино также содержал тордированную гривну, двучленную пластинчатую фибулу со сплошным приемником и циркульным орнаментом, поясную пряжку, наконечник копья, три ножа различных форм, два топора (рязано-окский

втульчатый и «мощинский» проушной), сосуд. Гривны и фибулы являются здесь необходимыми элементами комплекса признаков, характерных для инвентаря лидеров локальных коллективов, что хорошо прослеживается и в системе социальных признаков, выделенных для мужской субкультуры рязанских финнов гуннского и постгуннского времени (Ахмедов, 2007. Рис. 12; 2010а. С. 101, 102).

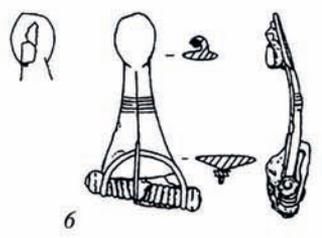
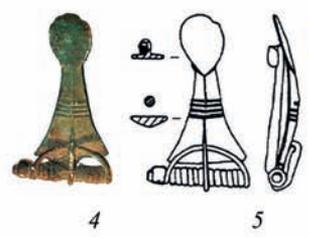
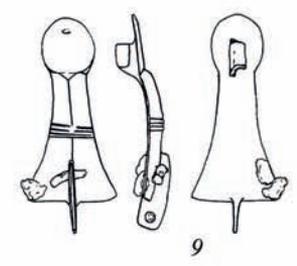
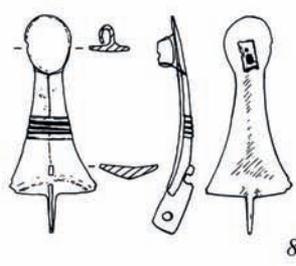
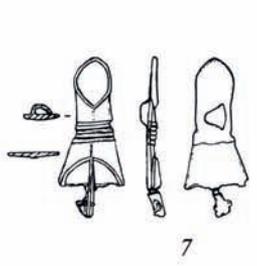
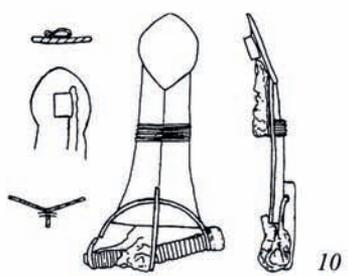
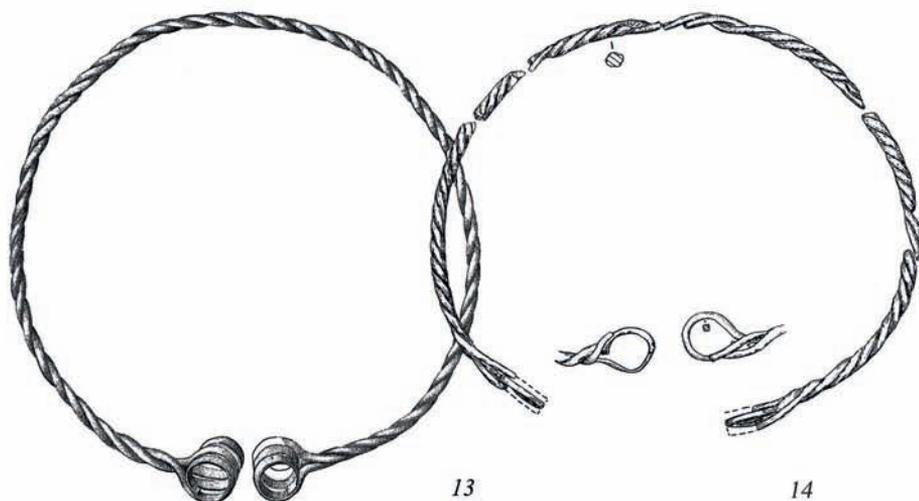
Еще более представителен инвентарь женского погребения 69 Кузьминского могильника. Здесь зафиксирован сложный головной убор в виде шапочки из разных видов ткани с расшивкой пронизьями и бляшками, пластинчатой бляхой и ажурной застежкой с подвесками, с височными украшениями; кроме гривны с петлями в комплект входили еще пять гривен – круглодротовая с обрезанными концами, две круглого сечения с замком в виде небольшого округлого приемника с отверстием и крючка, с замком в виде объемной круглой коробочки, с замком в двойную петлю, последняя более характерна для мужского убора; на груди – круглая пластинчатая бляха, множество застежек; на каждой руке – помимо спирального в 15 оборотов еще по одному браслету. Обувь была застегнута кожаными ремнями с наборами из пряжек с длинными обоймами, круглых блях, пяти обойм с подвесками и аналогичных им по конструкции, но более длинных наконечников ремней с подвесками. Все детали изготовлены в одном стиле, с применением фасетирования и треугольных углублений по краям, чеканки и гравировки (Спицын, 1901. С. 98, 99. Табл. XVI: 3; XVIII: 6, 7; XIX: 10, 11; XXII: 9, 11, 15; XXIII: 8, 16).

Аналогии рассматриваемым гривнам есть вкладах вещей круга «восточноевропейских» эмалей в Прибалтике, где время их распространения в целом датируется II – началом IV в., в Межигорском, Брянском и Мощинскомкладах. С. В. Воронятов и О. А. Хомякова полагают, что подобные украшения, как и их прототипы – гривны типа «Хавор», подчеркивали высокий социальный статус их обладателей и могут рассматриваться как «возможный маркер локальных элит» в западнобалтских древностях и в материалах круга «восточноевропейских» эмалей (Воронятов, Хомякова, 2018).

Погребение в Кораблино относится к периоду 2С развития мужской субкультуры рязанских финнов, втор. – третьей четв. IV в. (Ахмедов, 2007. С. 142–144. Рис. 12, схема 2). Набор украшений из захоронения в Кузьминском могильнике характерен для финальной части периода 2б последних десятилетий IV – начала V в. (Белоцерковская, 2007. 198–200. Рис. 7; 8; 2010. С. 78. Табл. 1; 2012. С. 56).

Рис. 5. Эволюция лопастных застежек и нагрудных блях в культуре рязанских финнов

1 – Шатрищенский м-к, п. 178; 2 – м-к Кораблино, мыс 1, пахотный слой; 3 – м-к Большое Давыдовское 2, п. 3-5; 4 – м-к Заречье, п. 13; 5 – Кузьминский м-к, п. 2; 6 – м-к Кораблино, п. 6, мыс 2; 7 – м-к Заречье, п. 134; 8 – м-к Заречье, п. 110; 9 – м-к Кораблино, мыс 1, п. 72; 10 – м-к Заречье, п. 172; 11 – м-к Заречье, п. 240; 12 – м-к Заречье, п. 102; 13 – м-к Никитино п. 7 (раскопки Р. Ф. Ворониной); 14 – м-к Кораблино, п. 60, мыс 1; 15 – м-к Заречье, п. 213; 16 – м-к Заречье, п. 74; 17 – м-к Заречье, п. 22; 18 – м-к Кораблино, п. 79, мыс 1; 19 – м-к Кораблино, п. 102, мыс 1; 20 – м-к Заречье, п. 183; 21 – м-к Заречье, п. 138

Таким образом, витые в три проволоки гривны с петлями на концах могли длительное время находиться в обращении в среде местного населения, а могли быть получены и в IV в. при контактах с носителями мощинской культуры⁷.

Окские фибулы с кнопкой. За последние десять лет количество находок таких фибул значительно увеличилось (Ахмедов, 2008; Воронцов, Столяров, 2015. С. 15–17; Воронцов, 2018). Кроме фибулы типа 1А из Терехово известны еще 11 находок. К более позднему типу 2А относятся две фибулы из окрестностей с. Тырново Шиловского района, одна из них варианта 2А1 – с рудиментарными маленькими вырезами на спинке (рис. 6: 2, 3). Аналогичные найдены на селище Сосновка 2 в низовьях р. Осетр, три экземпляра – в ареале мощинской культуры (курган 1 Шаньково, Кажакки) (Ахмедов, 2008; Воронцов, 2018). Ранее в рязанских древностях застежки этого типа были неизвестны. Тип 2Б фибул (рис. 6: 4–9) пополнился еще одной находкой⁸ из Рязанской области. Аналоги ему сосредоточены в мощинских древностях – курган 3 и отдельная находка в Шаньково, селище у Чортова городища, в Поречье и городище Велегож в Верхнем Поочье. Известны они и в Верхнем Подонье (Ксизово 8) (Воронцов, Столяров, 2015. С. 15, 16. Рис. 42). К наиболее позднему типу 2В можно отнести две новые находки, одна из них имеет характерную, приостренную на вершинах, овальную кнопку (рис. 6: 10–12). В ареале мощинской культуры такие фибулы происходят из кургана 2 в Шаньково (Ахмедов, 2008. Рис. 4: 19, 20).

Таким образом, сейчас в рязано-окских древностях представлены почти все типы окских фибул с кнопкой. Наиболее ранняя застежка «деснинского» варианта датируется перв. пол. – серединой III в. н. э. Ее следует рассматривать в контексте взаимодействий рязанских финнов с носителями «киевской» культуры. Фибулы же типов 2А, Б и В диагностируют связи местного и мощинского населения в IV – перв. пол. V в. н. э. В то же время, в отличие от мощинского женского убора, в рязано-окских комплексах эти фибулы никогда не встречаются парами и используются в мужском костюме, видимо, как социальный маркер, подобно крестовидным фибулам.

Другой категорией верхнеокского происхождения являются узколезвийные проушные топоры с узким клиновидным лезвием. Они известны и в ранних комплексах рязанских финнов (Кошибеево), и в древностях типа Ново-Клейменово на Верхней Оке. Однако большинство находок относится ко втор. пол. III –

Рис. 6. «Мощинские» импорты в Среднем Поочье

1 – г-ще Терехово; 2, 3 – находка у с. Тырново; 4, 11, 12 – Рязанская область; 5 – м-к Ундрих, яма 33; 6 – Шатрищенский м-к, п. 85, раскопки Т. А. Кравченко; 7 – Рыбновский район; 8 – находка у с. Шумашь; 9 – Закопищенский м-к, п. 3; 10 – Кулаковский м-к; 13 – Кузьминский м-к, п. 69; 14 – м-к Кораблино, мыс 1, п. 1

⁷ Но на сегодняшний момент такие гривны на других памятниках мощинской культуры пока неизвестны.

⁸ Сведения об этой находке предоставлены А. П. Гавриловым.

IV в. Рязано-окское население использовало их наряду с втульчатými топорами; в мощинских древностях известны лишь проушные топоры.

Наиболее многочисленны топоры типа 2, втор. пол. III – первых десятилетий IV в. (38 шт.) (Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 11–13, 16, 17). В мощинском слое на селище Харино известен и клад из 18 топоров этого типа. Предполагается, что эти орудия производились носителями мощинской культуры, а у рязанских финнов они были предметом импорта. Это подтверждает и клад из 15 топоров, найденный у д. Дубовое Пронского р-на Рязанской обл. Они аналогичны топору с мощинского городища Борисово. Клад найден на восточной окраине ареала мощинской культуры, которая представлена здесь материалами Пронского городища (Ахмедов, 2018. С. 649).

Исходя из приведенных выше сведений, можно выдвинуть следующие предположения:

1. Находки «восточноевропейских» эмалей второго периода развития стиля сосредоточены в ядре складывающейся культуры, от нижнего течения р. Цны до шиловского течения Оки (Кошибеево, Ласицы I, Терехово, Ундрих, Тырново). Источником их поступления в Среднее Поочье могли быть районы Верхнего Подонья, где отмечены следы проникновения киевского населения в перв. пол. III в. н. э., а также ареал позднезарубинецко-киевских древностей типа Шапкино – Инясево на среднем течении р. Хопер. Из этих же источников такие находки могли поступать и к родственному рязано-окцам населению верхнего течения р. Мокши. Менее вероятен, но не исключен, для среднеокских находок и маршрут поступления эмалей из Подесенья через Верхнее Поочье – на Москворечье, регион формирования будущей мощинской культуры (рис. 7) (Обломский, 2018. С. 642, 643; Ахмедов, 2018. С. 663–665).

2. Поздние эмали и их дериваты втор. пол. III – начала IV в., в свою очередь, в большинстве своем происходят из памятников западной части ареала. Аналоги эти находкам сосредоточены в Верхнем Поволжье и Москворечье. В комплексах они сочетаются с характерными рязано-окскими и «москворецкими» украшениями, что отражает формирование характерного рязано-окского женского убора в результате синтеза различных культурных элементов. Некоторые из этих украшений стали основой для сложения специфических форм рязано-окских украшений. Так, лопастные застежки развились в бляхи с пластинчатой иглой, позже ставшие характерным аксессуаром для различных групп поволжских финнов.

Следует указать, что происхождение некоторых элементов, характерных для рязано-окского убора, связывается со временем, предшествующим появлению находок круга «восточноевропейских» эмалей в Среднем Поочье. Ко II – перв. пол. III в. н. э. относится формирование особого рязано-окского типа головного убора с парными височными кольцами с лопастью, составляющими характерную особенность женского убора погребенных и в могильнике Большое Давыдовское 2 (Суздальском Ополье) (рис. 3: 1) (Ахмедов, Белоцерковская, 1998. С. 36. Рис. 2: 4; 3: 4, 5; Белоцерковская, 2000. С. 99. Рис. 2: 1, 2; Макаров и др., 2010. С. 45, 47. Рис. 4: 17, 18; 6: 3, 3/1; 2012. С. 154. Илл. 5: 1, 2). Височные кольца с лопастью появляются уже в начальном периоде рязано-окских древностей (Кошибеево, Польное-Ялтуново, Еремеевка) (Ахмедов,

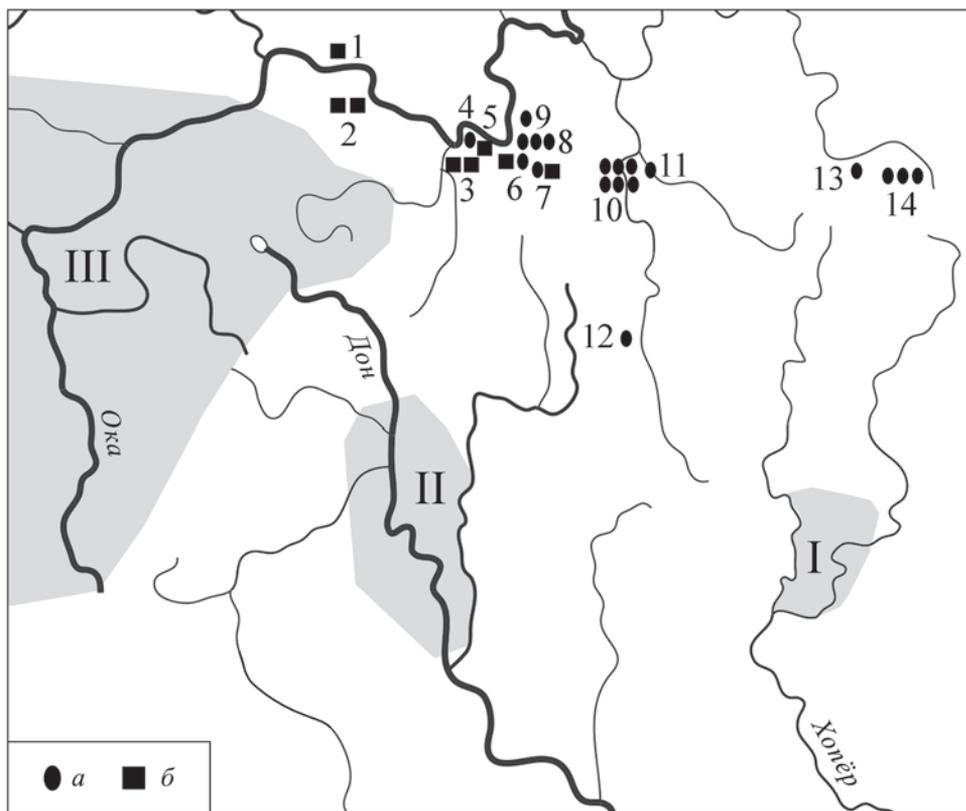

Рис. 7. Находки круга «восточноевропейских» эмалей в Среднем Поочье и Примокшанье

а – «восточноевропейские» эмали второго периода развития стиля; *б* – поздние эмали и дериваты

I – Кузьминский м-к; *2* – м-к Кораблино; *3* – м-к Заречье; *4* – г-ще Старая Рязань; *5* – Шатрищенский м-к; *6* – м-к Ундрих; *7* – м-к Борок 2; *8* – г-ще Терехово; *9* – находка у с. Тырново; *10* – Кошибеевский м-к; *11* – г-ще Ласицы 1; *12* – пос. Тихий Уголок; *13* – Тезиковский м-к; *14* – Ражкинский м-к

I – ареал позднезарубинецко-киевских древностей типа Шапкино – Инясево; *II* – ареал находок круга «восточноевропейских» эмалей в Верхнем Подонье; *III* – ареал мощинской культуры

Белоцерковская, 1998. Рис. 2: 1–5; Шитов, 1988. С. 12, 22–25, 27, 28. Табл. V: 8, 11; XI: 13–15, 18; XIII: 1, 2, 7; Спицын, 1901. С. 63–65. Табл. VI: 11, 28, 31; VII: 8, 11, 14; VIII: 6; IX: 15, 16; XI: 5; XIII: 8; Белоцерковская, 2000. Табл. 2). Близкие им известны в Верхнем Поочье в контексте древностей типа Ново-Клейменово, II – перв. пол. III в. (Ново-Клейменово; постройка 3/4 Супруты, Мощины) (Воронцов, 2013. С. 14. Рис. 65б: 15, 16, 18). Близкие кольца (фрагментированные и деформированные) известны и в Москворечье (Щербинка).

Видимо, наиболее ранними в Рязанском Поочье являются проволочные спиральные кольца с закрепленными на раскованных концах пластинчатыми щитками, найденные в составе клада I – начала II в. на городище Долматово (Ахмедов, 2003. С. 131–134. Рис. 2: 1, 2).

Возможные прототипы этой категории украшений известны в милоградских древностях и культуре штрихованной керамики в I в. н. э. (Милоград, Банцевщина, Лабенщина, Збаровичи) (Шутов, 1988. С. 14; Мельниковская, 1963. С. 39, 40. Рис. 6: 1, 5–10; Лявданский, 1932. С. 57. Табл. 1: 12, 25; Очерки по археологии..., 1970. С. 197. Рис. 72: 13, 17–19). Они, в свою очередь, близки серии находок в культуре западнобалтийских курганов (Okulicz, 1970. Tabl. X: 1, 2; XVII: 19; XXIV: 19).

О связях населения Верхнего Поочья и появившихся в Среднем Поочье рязанских финнов (Кошибеево) в первые века н. э. свидетельствуют и находки общих для них проушных топоров типа 1А (Ахмедов, Воронцов, 2012. С. 10, 11).

С этого же направления могли поступать и другие вещи «западного» или «центральноевропейского» происхождения: в частности, детали ременных гарнитур (узкие ременные наконечники с прорезью для ремня), известные на огромной территории, от Подесенья до Посурья. Их появление в регионе связывают с последствиями событий Маркоманских войн, возможно вызвавших миграции каких-то групп носителей центральноевропейских традиций на восток (Гавриутхин, Воронцов, 2018).

3. Устойчивый набор мощинских импортов в рязано-окских комплексах IV – начала V в. свидетельствует о постоянных связях носителей этих соседних культур. Дальнейшее накопление источниковой базы, в первую очередь для территорий верхнего течения Оки и водораздела Оки и Дона, возможно, позволит более конкретно определить характер и хронологию этих связей.

Таким образом, находки вещей круга «восточноевропейских» эмалей у рязано-окского населения также дают нам хронологический репер, маркирующий верхнюю границу первого этапа сложения этой культуры. Приведенные выше отдельные примеры позволяют предполагать, что в I – начале III в. население «кошибеевского» облика, сохраняющее «восточные» (андреевско-писеральские) традиции, вступило во взаимодействие с носителями традиций, восходящих к культурам финала раннего железного века западной части лесной зоны Восточной Европы. Видимо, их следует связывать с населением Верхнего Поочья, оставившего памятники круга Ново-Клейменово, и Москворечья позднедьяковского времени. Возможно, не следует исключать и включение части этих носителей в рязано-окские коллективы. В пользу этого предположения свидетельствует формирование самобытного женского убора, органично сочетающего «поволжские» и «верхнеокско-москворецкие» элементы. На этой основе могли сложиться и устойчивые, практически соседские, связи рязано-окского и мощинского населения в IV – начале V в.

ЛИТЕРАТУРА

АКР. Рязанская область. Ч. 2 / Авт.-сост.: Ю. А. Краснов, С. Е. Михальченко. М.: ИА РАН, 1994. 198 с.

- Амброз А. К., 1966. Фибулы Юга Европейской части СССР. II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука. 112 с. (САИ; вып. Д1-30.)
- Ахмедов И. Р., 2003. Комплекс предметов с городища Долматово, Старожиловского района, Рязанской области // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна: сб. памяти Б. А. Фоломеева / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань: Поверенный. С. 128–138.
- Ахмедов И. Р., 2007. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 37–185. (ПСМ; вып. 9.)
- Ахмедов И. Р., 2008. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле». С. 7–27.
- Ахмедов И. Р., 2010а. К выделению индикаторов социальной стратификации в культуре рязано-окских финнов в эпоху Великого переселения народов по материалам могильника у села Никитино // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2 / Ред.: А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 101–130.
- Ахмедов И. Р., 2010б. «Свев» из Мордовии. К изучению культурных контактов поволжских финнов в III в. н. э. // РА. № 1. С. 26–38.
- Ахмедов И. Р., 2018. Восточноевропейские эмали на Волге и Оке // Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin (for professor Andrzej Kokowski on his 65th Birthday). Т. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. С. 648–669.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., 1998. О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. М.: ГИМ. С. 32–42. (Труды ГИМ; вып. 96.)
- Ахмедов И. Р., Воронцов А. М., 2012. Узколезвийные проушные топоры римского времени и эпохи Великого переселения народов с территории верхнего и среднего Поочья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред.: А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 9–54.
- Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А., 2015. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (Предварительная публикация) // РА. № 2. С. 146–166.
- Белоцерковская И. В., 1998. Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология. Традиции и перспективы (к 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина) / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 40–49.
- Белоцерковская И. В., 2000. Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: материалы науч. конф. / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: ГИМ. С. 99–108. (Труды ГИМ; вып. 122.)
- Белоцерковская И. В., 2007. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 186–212. (ПСМ; вып. 9.)
- Белоцерковская И. В., 2010. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ч. 1 / Ред.: А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 75–100.
- Белоцерковская И. В., 2012. Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов / Ред.: А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 55–78.
- Белоцерковская И. В., 2014. Две фибулы-броши из рязано-окских могильников // Славяне и иные языки... К юбилею Н. Г. Недошивиной / Отв. ред. Н. И. Асташова. М.: ГИМ. С. 268–276. (Труды ГИМ; вып. 198.)
- Булычев Н. И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. 78 с., 37 л. илл.
- Воронцов А. М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V вв. на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 173 с., илл.

- Воронцов А. М.*, 2018. Окская фибула из Брянского клада и ее культурно-хронологический контекст // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 95–104. (PCM; вып. 18.)
- Воронцов, А. М., Столяров Е. В.*, 2015. Городище Велегож на правом берегу Верхней Оки // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 1 / Ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Воронцов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 9–56.
- Воронцов С. В., Хомякова О. М.*, 2018. Витые гривны с окончанием в виде петель // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 82–85. (PCM; вып. 18.)
- Гавритухин И. О., Воронцов А. М.*, 2018. Узкие ремешковые наконечники с щелью для крепления, бытовавшие во 2–3 веках на востоке Европы // *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin (For professor Andrzej Kokowski on his 65th Birthday)*. T. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. С. 592–617.
- Горюховский Е. Л.*, 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: дис. ... канд. ист. наук. Киев. 461 с.
- Гришаков В. В.*, 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола: МарГУ. 204 с.
- Гурьянов В. Н.*, 2009. Окская фибула с левобережья Десны // Археология XXI века: синтез классических и современных методов исследований – приоритетное направление археологического изучения Калужской области: Материалы научного симпозиума 8–9 апреля 2009 г. Калуга: Полиграф-Информ. С. 64–65.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В.*, 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.: Круть. 448 с.
- Ефименко П. П.*, 1926. Рязанские могильники: Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 1. Л.: Гос. Русский музей. С. 59–84.
- Ефименко П. П.*, 1937. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии по археологическим источникам // СА. Т. II. С. 39–58.
- Зайцева И. Е.*, 2011. Цветной металл из погребений могильника эпохи переселения народов Большое Давыдовское II // Археология Владимирско-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 3 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 17–33.
- Корзухина Г. Ф.*, 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 124 с. (САИ; вып. E1-43.)
- Ляоданский А. Н.*, 1932. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщения ГАИМК. № 7–8. Л.: ГАИМК. С. 54–61.
- Макаров Н. А.*, 2010. Финские древности первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополе // Институт археологии. Новые полевые исследования / Ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 70–72.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Красникова А. М.*, 2011. Финские древности первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополе // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред.: Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 66–67.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е.*, 2010. Могильник Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник первой половины I тыс. н. э. в Суздальском Ополе // РА. № 1. С. 41–52.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е.*, 2012. Финские древности первой половины – середины I тыс. н. э. в Суздальском Ополе // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / Отв. ред.: А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: РОССПЭН. С. 151–161, илл.
- Мельниковская О. Н.*, 1963. О взаимосвязи памятников милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии // СА. № 1. С. 32–42.
- Монгайт А. Л.*, 1961. Рязанская земля. М.: АН СССР. 400 с.
- Обломский А. М.*, 2018. О донских кладах украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля // *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin (For*

- professor Andrzej Kokowski on his 65th Birthday). T. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. С. 618–647.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В.*, 2007. Приложение 2: Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (ПСМ; вып. 10.)
- Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1 / Ред.: В. Ф. Исаенко и др. Минск: Наука и техника, 1970. 272 с.
- Румянцева О. С.*, 2007. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 246–272. (ПСМ; вып. 9.)
- Седов В. В.*, 1987. Племена культуры рязано-окских могильников // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 93–97. (Археология СССР.)
- Селиванов А. В.*, 1895. О раскопках Борковского могильника // Труды IX Археологического съезда. Т. 1 / Ред.: П. С. Уварова, С. С. Слуцкий. М.: Московское археологическое общество. С. 81–91.
- Селиванов А. В.*, 1909. О древнейшем населении Приокского района, предшествовавшем славянской колонизации // Труды III областного историко-археологического съезда, бывшего в г. Владимире 20–26 июня 1906 г. Владимир: Тип. губ. правл. С. 1–15. Табл. I–XIII.
- Смирнов А. П.*, 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М.: АН СССР. 276 с. (МИА; № 28.)
- Смирнов А. П., Трубникова Н. В.*, 1965. Городецкая культура. М.: Наука. 40 с. (САИ; вып. Д1-14.)
- Спицын А. А.*, 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. Вып. 1. СПб. 119 с., XXX табл. (Материалы по археологии России; № 25.)
- Трубникова Н. В.*, 1967. Кошибеевский могильник и его место в этнической истории междуречья Цны и Волги в первые столетия н. э. // Происхождение марийского народа: материалы научной сессии, проведенной Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории (23–25 декабря 1965 года) / Ред.: Г. А. Архипов, Д. Е. Казанцев. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. С. 79–85.
- Черепнин А. И.*, 1895. Борковской могильник // Труды РУАК. Т. X. Вып. 2 (За 1895 г.) / Ред. С. Д. Яхонтов. Рязань: Тип. губ. правл. С. 104–167.
- Черепнин А. И.*, 1896. Очерк доисторического прошлого Рязанского края // Празднование 800-летия (1095–1895 гг.) г. Рязани 20–22 сентября 1895 г. / Ред. С. Д. Яхонтов. Рязань: Тип. губ. правл. С. 12–55.
- Черепнин А. И.*, 1899. О рязано-окских могильниках // Труды X Археологического съезда в Риге. Т. I / Ред. П. С. Уварова. М.: Тип. Э. Лисснера. С. 55–58.
- Шитов В. Н.*, 1988. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н. э. / Ред. М. Ф. Жиганов. Саранск: Мордовское кн. изд-во. С. 4–43. (Труды МНИИЯЛИЭ; вып. 93.)
- Aspelin J. R.*, 1878. Muinaisjännöksiä Suomen suvun asumus-aloilta. III: Rauta-aika: mordvalaisia, merjalaisia ja vepsäläisiä muinaiskaluja = Antiquités du nord Finno-Ougrien. III: L'âge du fer: antiquités morduines, mériennes et tschoudes. Helsingfors: G.W. Edlund. 63 p.: P. 179–242.
- Okulicz Ł.*, 1970. Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 264 s.

Сведения об авторах

Ахмедов Илья Рафаэлевич, Государственный Эрмитаж, Дворцовая набережная, 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: i_akhmedov@mail.ru;

Белоцерковская Ираида Васильевна, Государственный исторический музей, Красная пл., д. 1, Москва, 109012, Россия; e-mail: beloc-irina@yandex.ru

I. R. Akhmedov, I. V. Belotserkovskaya

FINDS OF THE “EASTERN EUROPEAN” TYPE OF ENAMELS
AND SOME ISSUES RELATED TO DEVELOPMENT
OF THE RYAZAN-OKA FINNS’ CULTURE ASSEMBLAGES

Abstract. The paper elaborates on some aspects of the Ryazan-Oka Finns’ culture development. Finds of jewelry of the Eastern European type of enamels and their derivatives (Fig. 1, 2), twisted torcs with loops in the terminals, Oka fibulae with press studs (Fig. 5), shaft-hole axes in funerary assemblages discovered in this culture area and the adjacent areas suggest stable links with the populations groups of the Early Slav Kievan traditions, the Moshchino culture and the earlier population of the Upper Oka basin. Some forms of jewelry attributed to other cultures (ring fasteners) became the basis for developing specific Ryazan-Oka jewelry (Fig. 4). Emergence of the artifacts attributed to the group of Eastern European enamels marks the upper boundary of the early development stage of the Ryazan-Oka culture (the 1st – early 3rd centuries AD). This process is characterized by the synthesis of western and eastern elements expressed vividly in the set of female garments. Presumably, it is the synthesis of the western and eastern elements that determined the cultural identity of the Ryazan-Oka Finns’.

Keywords: Ryazan-Oka Finns’ culture, antiquities of the Eastern European type of enamels, jewelry, set of female garments, cultural interaction.

REFERENCES

- Akhmedov I. R., 2003. Kompleks predmetov s gorodishcha Dolmatovo, Starozhilovskogo rayona, Ryazanskoj oblasti [Complex of items from hillfort Dolmatovo, Starozhilovskiy district, Ryazan region]. *Problemy drevney i srednevekovoy arkheologii Okskogo basseyna: sbornik pamyati B. A. Folomeyeva [Problems of ancient and medieval archaeology of Oka basin: collection of articles in memory of B. A. Folomeeva]*. V. P. Chelyapov, ed. Ryazan: Poverennyy, pp. 128–138.
- Akhmedov I. R., 2007. Inventar’ muzhskikh pogrebeniy [IGrave goods of male burials]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 37–185. (RSM, 9.)
- Akhmedov I. R., 2008. Okskiye fibuly [Oka fibulae]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi Rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and migration period: collected articles]*, I. A. N. Naumov, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 7–27.
- Akhmedov I. R., 2010a. K vydeleniyu indikatorov sotsial’noy stratifikatsii v kul’ture ryazano-okskikh finnov v epokhu Velikogo pereseleniya narodov po materialam mogil’nika u sela Nikitino [On singling out indicators of social stratification in culture of Ryazan-Oka Finns in migration period based on materials near village Nikitino]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 2 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and migration period: collected articles. Conference 2]*. A. M. Vorontsov, I. O. Gavritukhin, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 101–130.
- Akhmedov I. R., 2010b. «Svev» iz Mordovii. K izucheniyu kul’turnykh kontaktov povolzhskikh finnov v III v. n. e. [«The Suebian» from Mordovia. Towards the research of ethnic and cultural contacts of the Volga Finns in III c. AD]. *RA*, 1, pp. 26–38.
- Akhmedov I. R., 2018. Vostochnoyevropeyskiye emali na Volge i Oke [East European enamels on Volga and Oka]. *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin [For Professor Andrzej Kokowski on His 65th Birthday]*, I. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 648–669.

- Akhmedov I. R., Belotserkovskaya I. V., 1998. O nachal'noy date ryazano-okskikh mogil'nikov [On earliest date of Ryazan-Oka cemeteries]. *Arkheologicheskiy sbornik [Archaeological annual]*. Moscow: GIM, pp. 32–42. (Trudy GIM, 96.)
- Akhmedov I. R., Oblomskiy A. M., Radyush O. A., 2015. Bryanskiy klad veshchey s vyyemchatymi emalyami (Predvaritel'naya publikatsiya) [Bryansk hoard of items with champlévé enamels (preliminary publication)]. *RA*, 2, pp. 146–166.
- Akhmedov I. R., Vorontsov A. M., 2012. Uzkolezviynnye proushnyye topory rimskogo vremeni i epokhi Velikogo pereseleniya narodov s territorii verkhnego i srednego Pooch'ya [Narrow-edged shaft-hole axes of Roman time and migration period from territory of Upper and Middle Oka region]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 3 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and migration period: collected articles. Conference 3]*. A. M. Vorontsov, I. O. Gavritukhin, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 9–54.
- Ambroz A. K., 1966. Fibuly Yuga Evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n. e. – IV v. n. e. [Fibulae of the South of European part of the USSR. II c. BC – IV c. AD]. Moscow: Nauka. 112 p. (SAI.)
- AKR. Ryazanskaya oblast' [AKR. Ryazan region], 2. Yu. A. Krasnov, S. E. Mikhail'chenko, eds., comp. Moscow: IA RAN, 1994. 198 p.
- Aspelin J. R., 1878. Muinajäännöksiä Suomen suvun asumus-aloilta, III. Rauta-aika: mordvalaisia, merjalaisia ja vepsäläisiä muinajalaja = Antiquités du nord Finno-Ougrien, III: L'âge du fer: antiquités morduines, mériennes et tschoudes. Helsingfors: G. W. Edlund. 63 p.: pp. 179–242.
- Belotserkovskaya I. V., 1998. Golovnoy ubor iz mogil'nika Korablino [Head-dress from cemetery Korablino]. *Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Avdusina) [Historical archaeology. Traditions and perspectives (to 80th anniversary of D. A. Avdusin)]*. V. L. Yanin, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 40–49.
- Belotserkovskaya I. V., 2000. Verkhneokskiye elementy v kul'ture ryazano-okskikh mogil'nikov [Upper Oka elements in culture of Ryazan-Oka cemeteries]. *Nauchnoye naslediyе A. P. Smirnova i sovremennyye problemy arkheologii Volgo-Kam'ya: materialy nauchnoy konferentsii [Scientific heritage of A. P. Smirnov and present-day problems of archaeology of Volga-Kama region: transactions of scientific conference]*. I. V. Belotserkovskaya, ed. Moscow: GIM, pp. 99–108. (Trudy GIM, 122.)
- Belotserkovskaya I. V., 2007. Inventar' zhenskikh pogrebeniy [Grave goods of female burials]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD.]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 186–212. (RSM, 9.)
- Belotserkovskaya I. V., 2010. Grivny s korobkami iz ryazano-okskikh mogil'nikov [Torques with receptacles from Ryazan-Oka cemeteries]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov, 1 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and migration period], 1*. A. M. Vorontsov, I. O. Gavrituhin, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 75–100.
- Belotserkovskaya I. V., 2012. Ob odnom tipe zhenskogo kostyuma okskikh finnov gunnskogo i postgunnskogo vremeni [On one type of female costume of the Oka Finns in Hun and post-Hun time]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and migration period]*. A. M. Vorontsov, I. O. Gavrituhin, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole». S. 55–78.
- Belotserkovskaya I. V., 2014. Dve fibuly-broschi iz ryazano-okskikh mogil'nikov [Two fibulae-brooches from Ryazan-Oka cemeteries]. *Slavyane i inyye yazytsi... K yubileyu N. G. Nedoshivinoy [The Slavs and other nations... To the jubilee of N.G. Nedoshivina]*. N. I. Astashova, ed. Moscow: GIM, pp. 268–276. (Trudy GIM, 198.)
- Bulychev N. I., 1899. Zhurnal raskopok po chasti vodorazdela verkhnikh pritokov Volgi i Dnepra [Diary of excavations in a part of watershed of upper reaches of Volga and Dnieper]. Moscow: Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova. 78 p., 37 l. ill.
- Cherepnin A. I., 1895. Borkovskoy mogil'nik [Borkovskiy cemetery]. *Trudy RUAK [RUAK proceedings]*, vol. X, iss. 2 (1895). S. D. Yakhontov, ed. Ryazan': Tipografiya gubernskogo pravleniya, pp. 104–167.

- Cherepnin A. I., 1896. Ocherk doistoricheskogo proshlogo Ryazanskogo kraja [Essay on prehistoric past of Ryazan land]. *Prazdnovaniye 800-letiya (1095–1895 gg.) g. Ryazani. 20–22 sentyabrya 1895 g.* [Celebration of 800th anniversary (1095–1895) of the city of Ryazan. September 20–22, 1895]. S. D. Yakhontov, ed. Ryazan: Tipografiya gubernskogo pravleniya, pp. 12–55.
- Cherepnin A. I., 1899. O ryazano-okskikh mogil'nikakh [On Ryazan-Oka cemeteries]. *Trudy X Arkheologicheskogo s'yezda v Rige* [Transactions of X Archaeological congress in Riga], I. P. S. Uvarova, ed. Moscow: Tipografiya E. Lissnera, pp. 55–58.
- Darkevich V. P., Borisevich G. V., 1995. Drevnyaya stolitsa Ryazanskoy zemli [Ancient capital city of Ryazan land]. Moscow: Krug". 448 p.
- Efimenko P. P., 1926. Ryazanskiye mogil'niki: Opyt kul'turno-stratigraficheskogo analiza mogil'nikov massovogo tipa [Ryazan cultural stratigraphic analysis of cemeteries of mass type]. *Materialy po etnografii* [Materials on ethnography], vol. 3, iss. 1. Leningrad: Gosudarstvennyy Russkiy muzey, pp. 59–84.
- Efimenko P. P., 1937. K istorii Zapadnogo Povolzh'ya v I tysyacheletii po arkheologicheskim istochnikam [Toward history of West Volga region in I millennium according to archaeological sources]. *SA*, II, pp. 39–58.
- Gavritukhin I. O., Vorontsov A. M., 2018. Uzkiye remennyye nakonechniki s shchel'yu dlya krepleniya bytovavshie vo II–III vekakh na vostoke Evropy [Narrow strap points with a slot for attachment spread in II–III centuries in East of Europe]. *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin* [For Professor Andrzej Kokowski on His 65th Birthday], I. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 592–617.
- Gorokhovskiy E. L., 1988. Khronologiya yuvelirnykh izdeliy pervoy poloviny I tysyacheletiya n. e. lesostepnogo Podneprov'ya i Yuzhnogo Pobuzh'ya: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Chronology of jewelry items of first half of I millennium AD in forest-steppe Dnieper and South Bug regions: Ph. D. dissertation]. Kiev. 461 p.
- Grishakov V. V., 1993. Keramika finno-ugorskikh plemen pravoberezh'ya Volgi v epokhu rannego srednevekov'ya [Ceramics of Finno-Ugrian tribes of Volga right bank region in early Middle Ages]. Yoshkar-Ola: Mariyskiy gosudarstvennyy universitet. 204 p.
- Guryanov V. N., 2009. Okskaya fibula s levoberezh'ya Desny [The Oka fibula from Desna left bank region]. *Arkheologiya XXI veka: sintez klassicheskikh i sovremennykh metodov issledovaniy – prioritetnoye napravleniye arkheologicheskogo izucheniya Kaluzhskoy oblasti: Materialy nauchnogo simpoziuma 8–9 aprelya 2009 g.* [Archaeology of XXI century: synthesis of classical and modern investigational methods – priority line of archaeological research of Kaluga region: Proceedings of scientific symposium, April 8–9, 2009]. Kaluga: Poligraf-Inform, pp. 64–65.
- Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'ye [Items of attire with champlévé enamels of V – first half of VI c. AD in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 124 p. (SAI)
- Lyavdanskiy A. N., 1932. Arkheologicheskiye issledovaniya v BSSR posle Oktyabr'skoy revolyutsii [Archaeological investigations in BSSR after October revolution]. *Soobshcheniya GAIMK*, 7–8, pp. 54–61.
- Makarov N. A., 2010. Finskiye drevnosti pervoy poloviny I tys. n. e. v Suzdal'skom Opol'ye [Finn antiquities of first half of I millennium AD in Suzdal Opolye]. *Institut arkheologii. Novyye polevyye issledovaniya* [Institute of Archaeology. New field investigations]. N. A. Makarov, ed. Moscow: IA RAN, pp. 70–72.
- Makarov, N. A. Krasnikova, A. M., Zaytseva, I. E., 2010. Mogil'nik Bol'shoye Davydovskoye 2 – pogrebal'nyy pamyatnik pervoy poloviny I tys. n. e. v Suzdal'skom Opol'ye [Cemetery Bol'shoye Davydovskoye 2 – burial site of first half of I mill. AD in Suzdal Opolye]. *RA*, 1, pp. 41–52.
- Makarov N. A. Krasnikova A. M., Zaytseva I. E., 2012. Finskiye drevnosti pervoy poloviny – serediny I tys. n. e. v Suzdal'skom Opol'ye [Finn antiquities of first half – mid I millennium AD in Suzdal Opolye]. *Istoriko-kul'turnoye nasledie i dukhovnyye tsennosti Rossii* [Russia historical and cultural heritage and spiritual values]. A. P. Derevyanko, A. B. Kudelin, V. A. Tishkov, eds. Moscow: ROSSPEN, pp. 151–161, ill.
- Makarov N. A., Zaytseva I. E., Krasnikova A. M., 2011. Finskiye drevnosti pervoy poloviny I tys. n. e. v Suzdal'skom Opol'ye [Finn antiquities of first half of I mill AD in Suzdal Opolye]. *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda* [Transactions of III (XIX) All-Russian archaeological

- congress*], II. N. A. Makarov, E. N. Nosov, eds. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: IIMK RAN, pp. 66–67.
- Mel'nikovskaya O. N., 1963. O vzaimosvyazi pamyatnikov milogradskoy i zarubinskoy kul'tur v Yuzhnoy Belorussii [On interrelation of sites of Milograd and Zarubintsy cultures in South Byelorussia]. *SA*, 1, pp. 32–42.
- Mongayt A. L., 1961. Ryazanskaya zemlya [Ryazan land]. Moscow: AN SSSR. 400 p.
- Oblomskiy A. M., 2018. O donskikh kladakh ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya [On Don hoards of ornaments with champlévé enamel of East European style]. *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin [For Professor Andrzej Kokowski on His 65th Birthday]*, 1. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 618–647.
- Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Prilozhenie 2. Predmety ubora s vyemchatymi emal'yami na territorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (dopolnenie svodov G. F. Korzuhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorohovskogo) [Appendix 2. Attire items with hamplévé enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (Supplement to corpus editions by G.F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kievskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n. e.) [Kiev culture sites in forest-steppe zone of Russia (III – early V c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (RSM, 10.)
- Ocherki po arkheologii Belorussii [Essays on Byelorussia history], 1. V. F. Isayenko, ed. Minsk: Nauka i tekhnika, 1970. 272 p.
- Okulicz L., 1970. Kultura kurhanów zachodniobałtyjskich we wczesnej epoce żelaza. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 264 p.
- Rumyantseva O. S., 2007. Keramika tsentral'noy grupy mogil'nikov [Ceramics of central group of cemeteries]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 246–272. (RSM, 9.)
- Sedov V. V., 1987. Plemena kul'tury ryazano-okskikh mogil'nikov [Tribes of Ryazan-Oka cemeteries culture]. *Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya [Finno-Ugrians and Balts in Middle Ages]*. V. V. Sedov, ed. Moscow: Nauka, pp. 93–97. (Arkheologiya SSSR.)
- Selivanov A. V., 1895. O raskopkakh Borkovskogo mogil'nika [On excavations of Borkovskiy cemetery]. *Trudy IX Arkheologicheskogo s'yezda [Transactions of IX archaeological congress]*, 1. P. S. Uvarova, S. S. Slutskiy, eds. Moscow: Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo, pp. 81–91.
- Selivanov A. V., 1909. O drevneyshem naselenii Priokskogo rayona, predshestvovavshem slavyanskoj kolonizatsii [On earliest population of Oka region which preceded Slavic colonization]. *Trudy III oblastnogo istoriko-arkheologicheskogo s'yezda, byvshego v g. Vladimire 20–26 iyunya 1906 g. [Transactions of III regional historical-archaeological congress, held in Vladimir, June 20–26, 1906]*. Vladimir: Tipografiya gubernskogo pravleniya, pp. 1–15, tabl. I–XIII.
- Shitov V. N., 1988. Koshibeyevskiy mogil'nik (po materialam raskopok V. N. Glazova v 1902) [Koshibeevskiy cemetery (based on materials of excavations of V.N. Glazov in 1902)]. *Voprosy etnicheskoy istorii mordovskogo naroda v I – nachale II tysyacheletiya n. e. [Issues of ethnic history of Mordva people in I – early II millennium AD]*. M. F. Zhiganov, ed. Saransk: Mordovskoye knizhnoye izdatel'stvo, pp. 4–43. (Trudy Mariyskogo NIIYaLIE, 93.)
- Smirnov A. P., 1952. Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya [Essays on ancient and medieval history of peoples of Middle Volga and Kama regions]. Moscow: AN SSSR. 276 p. (MIA, 28.)
- Smirnov A. P., Trubnikova N. V., 1965. Gorodetskaya kul'tura [Gorodets culture]. Moscow: Nauka. 40 p. (SAI.)
- Spitsyn A. A., 1901. Drevnosti basseynov rek Oki i Kamy [Antiquities of Oka and Kama rivers' basins], 1. St. Petersburg. 119 c., XXX tabl. (Materialy po arkheologii Rossii, 25.)
- Trubnikova N. V., 1967. Koshibeyevskiy mogil'nik i ego mesto v etnicheskoy istorii mezhdurech'ya Tsny i Volgi v pervyye stoletiya n. e. [Koshibeevskiy cemetery and its position in ethnic history of Tsna and Volga interfluvium in first centuries AD]. *Proiskhozhdeniye mariyskogo naroda: materialy nauchnoy sessii provedennoy Mariyskim nauchno-issledovatel'skim institutom yazyka, literatury i istorii [Origins of Mari people: proceedings of scientific session held by Mari NIIYaLI] (1965)*. G. A. Arkhipov, D. E. Kazantsev, eds. Yoshkar-Ola: Mariyskoye knizhnoye izdatel'stvo, pp. 79–85.

- Vorontsov A. M., 2013. Kul'turno-khronologicheskiye gorizonty pamyatnikov II–V vv. na territorii Oksko-Donского водораздела [Cultural chronological horizons of sites of II–V cc. in territory of Oka-Don watershed]. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole». 173 p., ill.
- Vorontsov A. M., 2018. Okskaya fibula iz Bryanskogo klada i eye kul'turno-khronologicheskiy kontekst [Oka fibula from Bryansk hoard and its cultural-chronological context]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of ornaments with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 95–104 (RSM, 18.)
- Vorontsov, A. M., Stolyarov E. V., 2015. Gorodishche Velegozh na pravoberezh'ye Verkhney Oki [Hillfort Velegozh in Oka right bank region]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov. Konferentsiya 4 [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and migration period. Conference 4]*, 1. I. O. Gavritukhin, A. M. Vorontsov, eds. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 9–56.
- Voronyatov S. V., Khomyakova O. M., 2018. Vityye grivny s okonchaniyem v vide petel' [Twisted torques with loop-like ends]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of ornaments with champlevé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 82–85. (RSM, 18.)
- Zaytseva I. E., 2011. Tsvetnoy metall iz pogrebeniy mogil'nika epokhi pereseleniya narodov Bol'shoye Davydovskoye II [Non-ferrous metal from burials of cemetery of migration period Bol'shoye Davydovskoe II]. *Arkheologiya Vladimirsko-Suzdal'skoy zemli: materialy nauchnogo seminara [Archaeology of Vladimir-Suzdal land: proceedings of scientific seminar]*, 3. N. A. Makarov, ed., S. V. Shpolyanskiy, comp. Moscow: IA RAN; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 17–33.

About the authors

Akhmedov Il'ya R., The State Hermitage museum, Dvortcovaya nab., 34, St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: i_akhmedov@mail.ru;

Belotserkovskaya Iraida V., The State History Museum, Krasnaya pl. 1, Moscow, 109012, Russian Federation; e-mail: beloc-irina@yandex.ru

В. Г. Белевец, М. Возняк

ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ ЛАЙСК: К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ ПШЕВОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКО-ПРИБАЛТИЙСКОЙ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ*

Резюме. В статье анализируется погребение 3 могильника Лайски, расположенного на территории Восточной Мазовии в центрально-восточной Польше. Оно относится к пшеворской культуре и датируется фазой В2/С1 римского периода – около второй половины II в. Костюм погребенной в нем женщины выделяется чужеродным для этой культурной среды элементом – ожерельем, которое состояло из стеклянных бус, бронзовых спиралек и подвески-лунницы, украшенной красной и зеленой эмалью. Его состав и реконструируемый способ компоновки типичны для стиля т. н. варварских эмалей. Ожерелье указывает на связь или первоначальную принадлежность его владелицы к широко понимаемой общности культур Прибалтики и лесной зоны Восточной Европы. Вероятно, эта женщина происходила с территории Мазурии, населенной балтскими племенами богачевской культуры, или соседних регионов Восточного Подляшья и белорусского Побужья, занятых населением постзарубинецкого горизонта. Вместе с тем в составе ожерелья присутствует элемент, несомненно привнесенный в это украшение на территории Мазовии, – цепочка из кольчужных колец. Наряду с особенностями погребального обряда и общим составом инвентаря, эта деталь свидетельствует о полной адаптации и включении владелицы ожерелья в состав пшеворской общины – восточных германцев, которые отождествляются с историческим союзом вандалских племен.

Ключевые слова: вещи круга выемчатых эмалей, лунница, пшеворская культура, римский период.

* Статья подготовлена в рамках гранта, финансируемого Национальным Центром Науки (Narodowe Centrum Nauki) (DEC-2014/12/S/HS3/00202).

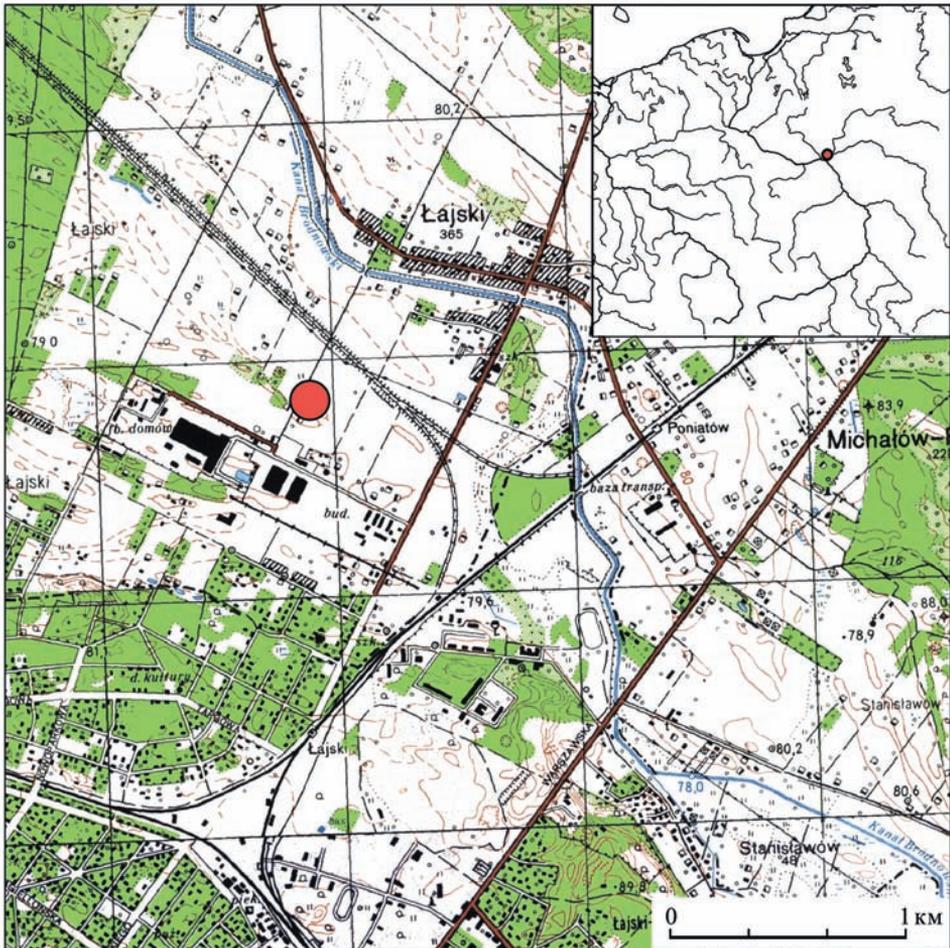

Рис. 1. Локализация могильника у д. Лайски

Могильник в Лайсках¹ является одним из крупнейших памятников римского времени, известных на территории Восточной Мазовии (рис. 1). Он был открыт в 40-х гг. прошлого столетия в ходе сельскохозяйственных работ, которые повредили здесь несколько погребений. Раскопки на памятнике велись в конце 1940-х, в 1970-х и начале 1990-х гг. (Gądzikiewicz, 1949; Liana, 1961. S. 216. Tabl. I–II; Głosik, 1983. S. 242; Kruk, Kulisiewicz, 1978; 1979; Kruk, Kulisiewicz-Kubiela, 1980; Kruk, 1994). В ходе этих исследований было изучено не менее 250 археологических объектов, в основном – погребения пшеворской и вельбарской культур римского периода. Многие из них содержали богатый и разнообразный

¹ Польш. Łajski – повет Легионово, центрально-восточная Польша, около 20 км севернее Варшавы.

погребальный инвентарь, состоящий из украшений и деталей одежды, предметов быта, оружия и деталей вооружения (преимущественно в погребениях мужчин). Но один из интереснейших комплексов, безусловно, содержит открытое здесь в 1977 г. погребение 3, которое выделяется среди прочих нетипичным для данной культурной среды и региона инвентарем.

Погребение 3²

Небольшая, частично поврежденная яма, имевшая в плане форму, близкую к овальной, размерами около 80 × 70 см, была вытянута по линии север – юг; в сечении сегментовидная, глубиной до 17 см (рис. 2). Была заполнена коричневатосерым, а в центральной части – черным грунтом с пепельно-угольными включениями. По всему ее объему выступали кальцинированные кости, а также мелкие, преимущественно вторично обожженные, обломки керамики и два оплавленных фрагмента фибулы. В центре погребальной ямы была установлена глиняная урна, внутри которой находились пережженные кости³ и предметы из металла и стекла.

Инвентарь:

1. Фибула 2-й серии IV группы О. Альмгрена со сплавом меди (рис. 2: 1) – мазовецкого варианта по Т. Домбровской (*Dąbrowska*, 1995). Слегка подплавлена, длина – 4,3 см, ширина – 2,3 см; пружина на железной оси, на спинке гребешок с двумя поперечными бороздами, на окончании ножки – коническая кнопка с небольшими округлыми углублениями по бокам (возможно, дефект отливки или повреждение).

2. 6 оплавленных фрагментов идентичной фибулы, но с пружиной на оси из сплава меди (рис. 2: 2).

3. Обгоревшая цепочка – фрагмент железной кольчуги, по крайней мере 2 звена которой соединены при помощи заклепок; сохранившаяся длина – 2 см (рис. 2: 3).

4. Обгоревшая железная иголка (в двух фрагментах) с обломанным ушком, сохранившаяся длина – 6,5 см (рис. 2: 4).

5. 3 спиральки из сплава меди, скрученные из узкой ленты; к двум из них приплавились кусочки стекла (рис. 2: 5), длина 0,7 см, 1,1 см, 1,9 см.

6. Лунница из сплава меди (рис. 2: 6) со следами термического воздействия. Ушко ленточное, несколько выпуклое с внешней стороны, тулово дуговидной формы, на окончаниях которого находятся маленькие округлые щитки. На последних находятся круглые, а на плечиках – подтреугольной формы, выгнутые по форме тулова гнезда, заполненные эмалью. Лунница пострадала от термического воздействия, поэтому трудно с уверенностью говорить о первоначальном

² Находки и документация этого комплекса хранятся в собраниях Музея древней мазовецкой металлургии им. Стефана Войды в Прушкове (Muzeum Starożytnego Hutnictwa Mazowieckiego im. S. Woydy w Pruszkowie).

³ К сожалению, антропологический анализ костных останков из этого погребения в свое время не был выполнен. Сегодня они, вероятно, утрачены – отсутствуют в собраниях Музея древней мазовецкой металлургии им. Стефана Войды.

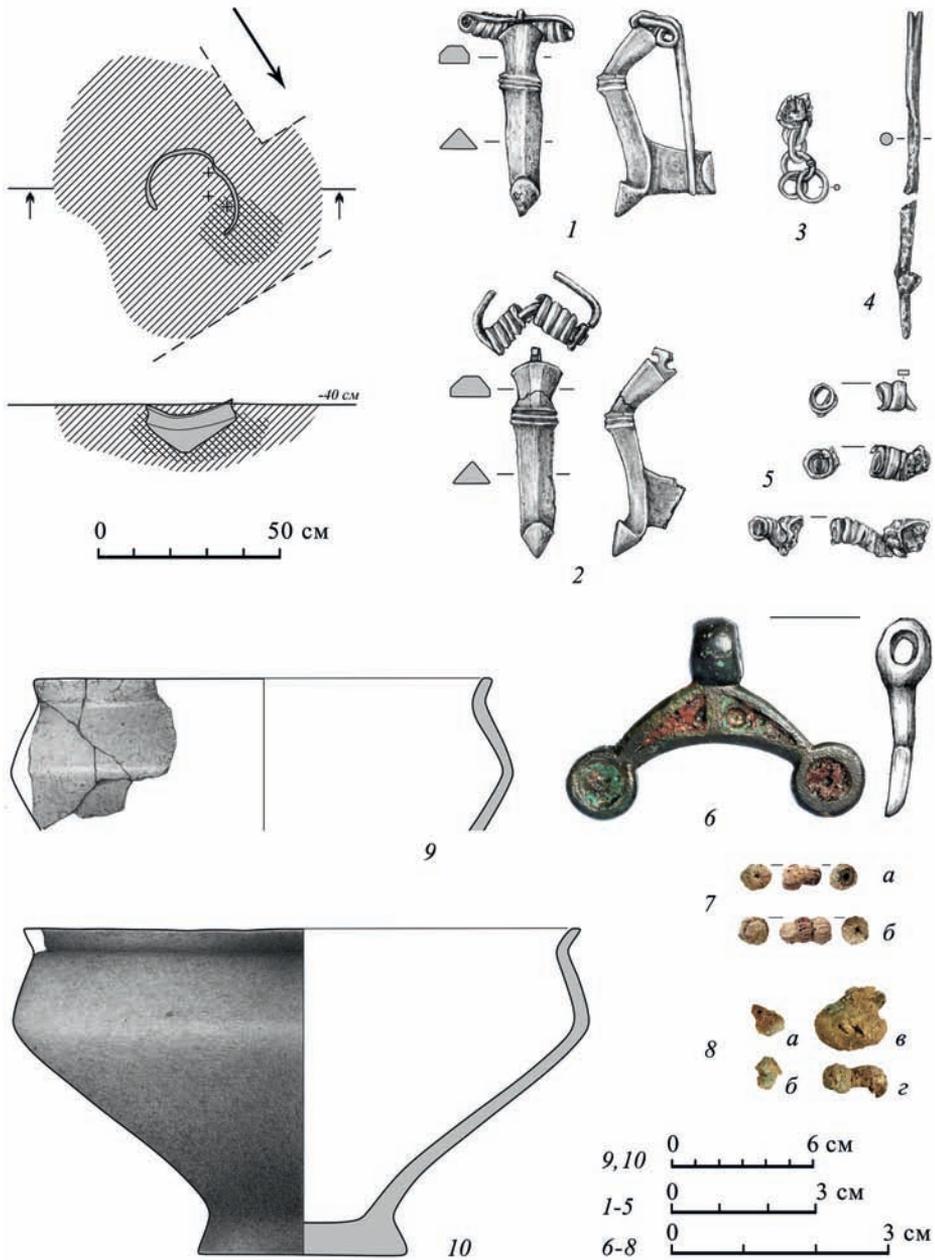

Рис. 2. План, профиль и инвентарь погребения 3 могильника Лайски
 1, 2, 5 – сплав меди; 3, 4 – железо; 6 – сплав меди и эмаль; 7, 8 – стекло; 9, 10 – глина.
 Рисунки К. Дэйтровской, фото М. Возняк

цвете эмалевых вставок. Вероятнее всего, они были заполнены красным глухим стеклом, причем в гнездах на одном из щитков и противоположном плече по-верх красной эмали наложен слой непрозрачного стекла зеленого цвета⁴. Ширина лунницы составляет 4,1 см, высота – 2,8 см.

7. 5 обгоревших, приплавленных друг к другу круглых бус, или 2 сегментовидные бусины (рис. 2: 7) из глухого стекла белого и красного цвета; длина 0,6 и 0,8 см, максимальный диаметр – 0,4 см.

8. 4 небольших фрагмента оплавленного, полностью деформированного зеленоватого стекла (рис. 2: 7).

9. Обгоревший фрагмент глиняного сосуда (миски?) с отогнутой наружу шейкой и биконическим туловом (рис. 2: 9). Поверхность первоначально гладкая (лощенная?), в настоящее время повреждена, серого и коричневато-бежевого цвета. Диаметр венчика 23 см, сохранившаяся высота – 6 см.

10. Урна – глиняная чернолощенная миска с отогнутой наружу шейкой, ребристым туловом, сглаженное плечико которого находится около $\frac{2}{3}$ высоты сосуда, и выделенным дном (рис. 2: 10). Диаметр по венчику 23 см, диаметр дна 8,5 см, высота 13,5 см.

11. 10 нехарактерных обгоревших фрагментов глиняных сосудов пшеворской культуры.

12. 3 небольших фрагмента глиняных лепных сосудов, вероятно, бронзового или раннего железного века.

Погребальный инвентарь этого комплекса явно синкретичен. Образующие его изделия можно разделить на две группы: вещи местного производства и чужеродные. Первую образуют фибулы и посуда. Эти предметы крайне важны для нас, поскольку позволяют четко датировать комплекс, а также рассмотреть вопрос о его культурной принадлежности. Следует учитывать, что в римское время некрополь в Лайсках использовался носителями двух культур. В раннеримский период здесь совершали погребения носители пшеворской, а в позднеримский – вельбарской культур. На границе этих горизонтов в фазе В₂/С₁ (то есть примерно во второй половине II в.) памятник использовался обеими общинами, и к этой фазе относятся также комплексы смешанного, пшеворско-вельбарского характера (Andrzejowski, 1989. S. 107). Проблема культурной интерпретации существует и в отношении рассматриваемого нами комплекса: погребение 3 соотносилось различными авторами с населением как вельбарской, так и пшеворской культур (см., напр.: Ibid. S. 117; Bitner-Wróblewska, 1989. S. 162; 1993. S. 126. Прим. 13; Белевец, 2008. С. 215).

Датировка комплекса опирается на найденные в нем фибулы (рис. 2: 1, 2). Оба экземпляра двухчастные – пружина в них является отдельным конструктивным элементом. Они принадлежат к специфическому мазовецкому варианту застеек, производных от сильнопрофилированных IV группы О. Альмгрена, которые возникают в результате местного развития т. н. тромбоновидных фибул

⁴ Не исключен также вариант вторичной окраски эмалевых вставок за счет окислов меди. Окончательно прояснить этот момент могли бы лишь результаты специального химического анализа состава стекла. Благодарим за эту любезную консультацию к. ист. н. О. С. Румянцеву.

(*Dąbrowska*, 1995. S. 10–14; 1998. S. 151–153). Фибулы мазовецкого варианта типичны для восточной части ареала пшеворской культуры (в правобережье Вислы – на Восточной Мазовии и Подляшье) и датируются концом фазы B_2 , но прежде всего – фазой B_2/C_1 (*Dąbrowska*, 1995. S. 19–23; *Andrzejowski, Cieśliński*, 2007. S. 289). Немногочисленные их экземпляры происходят с памятников вельбарской культуры, масломенчской группы и балтийского круга культур; отдельные находки известны также на территории Западной Беларуси и Украины (см.: *Andrzejowski, Cieśliński*, 2007. S. 289, 292. Рис. 12; *Beljavec*, 2016. S. 62). Подавляющая масса фибул мазовецкого варианта, открытых до настоящего времени в Восточной Мазовии, происходит из комплексов или площади памятников пшеворской культуры; прочие же не имеют четкого культурного контекста. Типичен для пшеворской культуры и сосуд, использованный в погребении 3 в качестве урны, – миска с биконическим туловом и выделенным дном (рис. 2: 10) (см.: *Liana*, 1970. S. 439. Tabl. II: 13). Она находит близкие соответствия в керамическом комплексе памятников этого региона: например, среди мисок варианта ПЕ2 в типологии, разработанной для керамического комплекса могильника Надколе-2, или В.1.4 в материалах могильника Каменьчик, где подобные миски датируются раннеримским временем (*Dąbrowska*, 1997. S. 105; *Andrzejowski*, 1998. S. 89). К этому же периоду на основании морфологических особенностей следует отнести и фрагмент второго сосуда, вероятно миски, найденный в заполнении погребальной ямы (рис. 2: 9).

Таким образом, погребение 3 могильника Лайски следует датировать фазой B_2/C_1 , не исключая финала фазы B_2 (т. е. приблизительно в рамках середины – второй половины II в.), и отнести к пшеворской культуре. Отсутствуют какие-либо данные, позволяющие связывать его с населением вельбарской культуры. Предложенной интерпретации не противоречит и характер погребального обряда – в рассматриваемый период урновые погребения в небольших ямах, часто с зольно-угольными включениями и обгоревшим инвентарем, являлись формой, вполне типичной для памятников пшеворской культуры данного региона (см.: *Dąbrowska*, 1997. S. 108–114; *Andrzejowski*, 1998. P. 99, 100; *Ziemlińska-Odojowa*, 1999. S. 126–128).

Другую группу предметов в инвентаре этого погребения образуют очевидные и/или вероятные импорты. Скорее всего, первоначально они были составлены в короткое ожерелье из чередующихся спиралевидных пронизок и бус, центральное место в котором занимала украшенная эмалью лунница (рис. 2: 3, 5–8).

Безусловно, наиболее ярким элементом в составе этого украшения являлась лунница (рис. 2: 6). Ее характеризует дуговидное тело и маленькие круглые щитки без отростков. На основании этих признаков лунница из Лайск может быть отнесена к типу IA по И. К. Фролову (*Фролов*, 1980). Такие подвески принадлежат к стилистически наиболее ранним вариациям лунниц круга восточноевропейско-прибалтийских эмалей. В рамках их эволюции, предложенной А. М. Обломским и Р. В. Терпиловским, лайская занимает «промежуточное положение» между подвесками двух ранних этапов: дуговидное тело и круглые щитки без отростков характерны для стадии 1, но эмалевые вставки на плечах типичны для подвесок стадии 2 (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 119). В более

развитой эволюционной схеме И. К. Фролова по тем же критериям наша лунница может быть помещена на границе этапов А и Б (Фролов, 1980. С. 111–115). В настоящее время для типологически ранних подвесок этого круга предлагается датировка около середины – второй половины II в. – в целом синхронная фазе B_2/C_1 центральноевропейской относительной хронологии (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 118, 119, 123. Рис. 138; см. также: Гороховский, 1982а; 1982б; 2008. С. 619, 620; ср.: Фролов, 1980. С. 111, 117, 121).

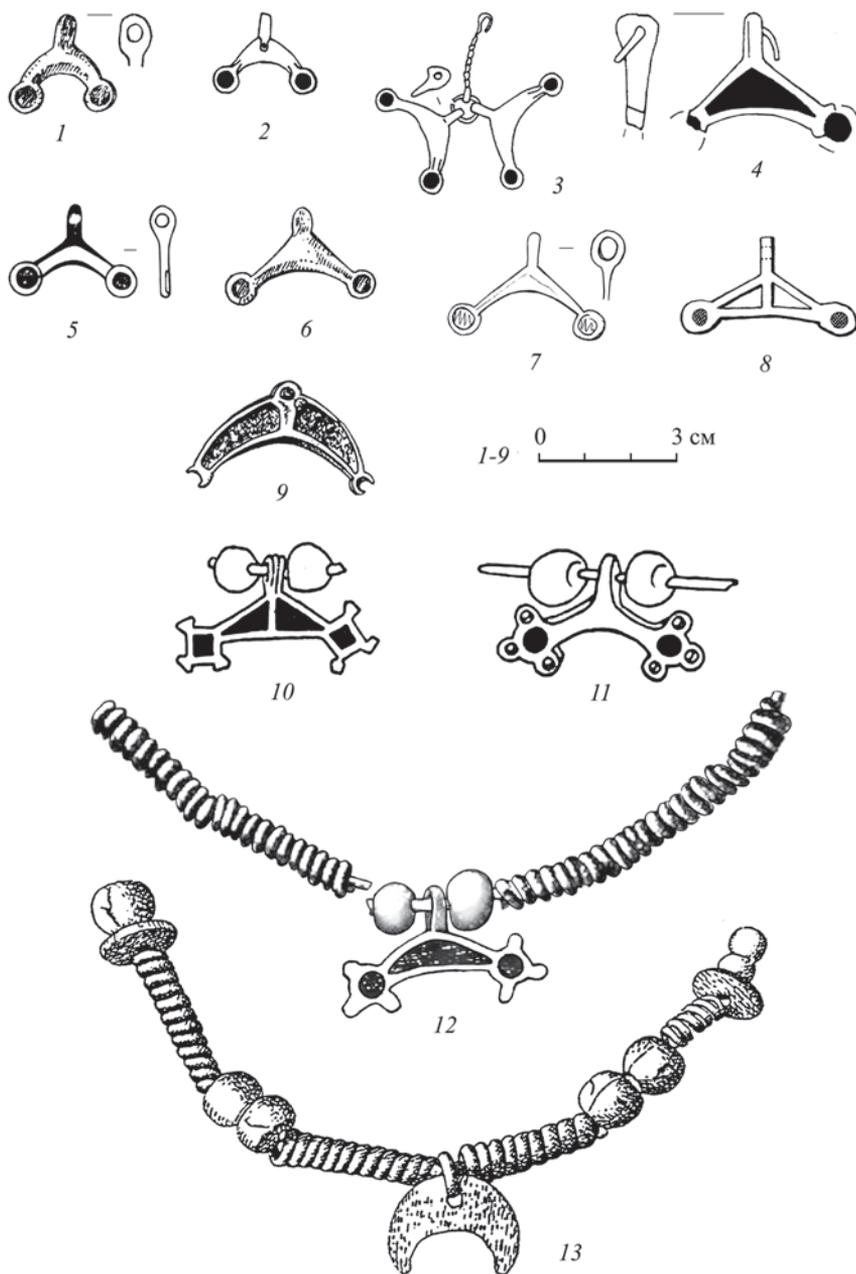
Экземпляры, идентичные луннице из Лайск по сочетанию формы тулова, щитков и гнезд, а также цветовой гамме эмалевых вставок, нам неизвестны. В круге культур восточноевропейской лесной зоны среди наиболее близких соответствий можно назвать: малую лунницу типа IA1 из клада, найденного на городище Мощина – эпонимическом памятнике мощинской культуры (рис. 3: 1), и серию лунниц, происходящих с памятников позднезарубинецкого круга и раннего этапа развития киевской культуры – селищ Гочево, Жерновец в Среднем Поднепровье (рис. 3: 3, 4), и находку с территории Курской области (рис. 3: 2) (Фролов, 1980. Рис. 1: 2; Обломский, Терпиловский, 2007. С. 126–128, 130, Рис. 138/А: 1, 2; 147: 5), а также с селища Шапкино-1 в Похоперье (рис. 3: 5) (Обломский, 2017а. С. 76. Рис. 4: 16). Достаточно близкие соответствия известны также в кругу балтийских культур: подвеска, связываемая с юго-восточной Прибалтикой (рис. 3: 6) (Фролов, 1980. Рис. 2: 12)⁵, и также не имеющая точной локализации лунница, которая происходит, вероятно, с территории Эстонии (рис. 3: 7)⁶. Ближайшей же территориально, типологически близкой аналогией является лунница с треугольным телом типа ША1 по И. К. Фролову (с прорезными полями на плечиках), найденная на могильнике богачевской культуры Бабента-2 (рис. 3: 8). Она происходит из погребения 312а (кремация, с «женским» составом инвентаря)⁷, помещенного В. Новаковским в 4-й хронологический горизонт богачевской культуры (около 170/180 – 220/230 гг.), который соотносится им с фазами $B_2/C_1 - C1_a$ (Nowakowski, 2007. S. 50, 119, 123. Tabl. 4: 18).

На фоне приведенных аналогий подвеску из Лайск выделяет более массивное, по сравнению с большинством экземпляров наиболее ранней стадии

⁵ К сожалению, И. К. Фроловым не указывается источник приводимого им рисунка. Вероятнее всего, имеется в виду подвеска, известная также по архивалиям Г. Янкуна и М. Шмидэхельм, которую мы помещаем ниже (рис. 3: 6).

⁶ Карандашный набросок этой находки происходит из картотеки Г. Янкуна, которая хранится в настоящее время в собраниях Музея Пра- и ранней истории (Museum für Vor- und Frühgeschichte) в Берлине, № KAS 334-380. Рисунок сопровождается краткая рукописная аннотация «FO ? Br + grüner Email», которая в развернутом прочтении может быть представлена как: «неизвестное местонахождение, бронза + зеленая эмаль». Рисунок той же подвески содержится в архиве М. Шмидэхельм, карточка 7.25, который в настоящее время хранится в Таллинском историческом университете, Археологический архив (Tallinna Ülikooli Ajaloo Instituut, Arheoloogis Arhiiv, Tallinn). Сканированное изображение этой картотечной страницы любезно предоставила нам маг. И. Штерн – научный сотрудник Музея Пра- и ранней истории (Museum für Vor- und Frühgeschichte) в Берлине, которой мы хотели бы вы высказать свою искреннюю признательность.

⁷ В настоящее время эта лунница хранится в собраниях Калининградского областного историко-художественного музея, № инв. 17291.13.

развития восточноевропейско-прибалтийских эмалей, тело, наличие двух гнезд с эмалевыми вставками на плечиках, а также, вероятно, использование эмалей более разнообразной цветовой гаммы – из красного и зеленого глухого стекла.

Как территориально, так и стилистически, довольно далеко от этих находок отстоит подвеска, найденная в Гатерах – в левобережье среднего Дуная на территории Венгрии, которую А. М. Обломский относит к кругу восточноевропейско-прибалтийских эмалей (рис. 3: 9) (*Обломский*, 2017б. С. 55. Рис. 1: 2; 2: 2; см. также: *Корзухина*, 1996. Табл. 115: 2)⁸. Наконец, следует отметить, что стилистически наиболее ранние лунницы, подобные лайской – с дуговидным или подтреугольным телом и двумя круглыми простыми (без отростков) щитками, – до настоящего времени не отмечены на территории Литвы и Республики Беларусь (см.: *Michelbertas*, 2016; *Харитонович*, 2016).

Таким образом, датировка погребения 3 в Лайсках, установленная на основании фибул (фазой V_2/C_1), соответствует современным представлениям о времени продукции подобных лунниц и начале производства вещей круга восточноевропейско-прибалтийских эмалей в целом. Редкость же вариации, которую представляет эта подвеска, подчеркивает ее раннюю позицию в эволюционном ряду форм: очевидно, она принадлежит к той стадии производства вещей с выемчатыми эмальями, когда они еще не образуют крупных серий.

В культурном кругу, очерченном аналогиями для лунницы, находит соответствия и следующий элемент предполагаемого ожерелья из Лайск – спиральки-пронизи из бронзовой ленты (рис. 2: 5). Они являются типичным элементом костюма постзарубинецкого горизонта, киевской культуры, балтийского круга культур и горизонта восточноевропейско-прибалтийских эмалей в целом. Среди наиболее близких по контексту аналогий здесь можно отметить прежде всего находку пронизей в погребениях могильника Рахны в верховьях Ю. Буга и ряде позднезарубинецких селищ Среднего Поднепровья (*Обломский*, 2010. С. 28. Рис. 22:

Рис. 3. Аналогии к луннице и ожерелью из погребения 3 могильника Лайски

1, 10–12 – Мощина; 2 – Курская область; 3 – Гочево; 4 – Жерновец; 5 – Шапкино-1; 6, 7 – юго-восточная Прибалтика; 8 – Бабента-2; 9 – Гатеры; 13 – Минфинген

1, 6 – по И. К. Фролову (*Фролов*, 1980); 2–4 – по А. М. Обломскому и Р. В. Терпиловскому (*Обломский*, *Терпиловский*, 2007); 5 – по А. М. Обломскому (*Обломский*, 2017а); 7 – рисунок из архива Г. Янкуна; 8 – по Г. Моора (*Moora*, 1934); 9 – по А. М. Обломскому (*Обломский*, 2017б), 10, 11 – по Г. Ф. Корзухиной (*Корзухина*, 1978); 12 – по А. С. Спицыну (*Спицын*, 1903); 13 – по В. Гаэрте (*Gaerte*, 1929)

⁸ Эту лунницу выделяет ряд нетипичных черт: маленькое, размещенное в плоскости тела ушко, возможно также – кольцевидные (без эмалей) щитки и плоское (?) тело. Поскольку информация об этой находке очень скупа, а рисунок оставляет ряд вопросов, ее связь с кругом восточноевропейско-прибалтийских эмалей неочевидна. Не исключено, что она относится к провинциально-римским эмалевым изделиям, то есть вероятным прототипам «варварских» лунниц Восточной Европы, или изделиям более или менее синхронным им (например: *Feugère*, 2002. Fig. 16: 132).

2–4, 6; 24: 3, 6, 7; 25: 3–5; Башикатов, Терпиловский, 2010. Рис. 93: 3, 4, 20, 21). Такие пронизки также входили в состав шейных украшений населения богачевской культуры (Nowakowski, 2007. S. 48). Территориально ближайшие к Лайскам аналогии мы находим на Восточном Подляшье в погребениях постзарубинецкого горизонта могильника Гриневичи Вельке (польск. Hryniewiczze Wielkie) (Andrzejowski, 1999. S. 33. Рис. 3/11: 8, 8/28: 1). На закате раннеримского периода этот памятник располагался в пограничье центральноевропейского Барбарикума с кругом культур восточноевропейской лесной зоны, и в его объектах присутствуют материалы из обеих этих культурных провинций. Наконец, 4 подобные пронизки были обнаружены еще на одном памятнике Подляшья – в разрушенном погребении из Двораков-Пекут (польск. Dworaki-Piekuty) (Podczaszyński, 1883. S. 90, 91. Tabl. VI: 11–14). Культурная принадлежность этого комплекса неясна: он расположен на восточной периферии ареала вельбарской культуры в Подляшье и с осторожностью соотносится с ней, поскольку синхронные памятники других культур в этом регионе неизвестны (см.: Bittner-Wróblewska, 1989. S. 164, 165. Рис. 1: 3, 4; 1993. S. 127, 128. Рис. 1; Белевец, 2008. Карта 2: 4).

В контексте пшеворской культуры спиральки из бронзовой ленты отмечаются исключительно редко. Помимо рассматриваемого погребения 3 из Лайск, они известны на двух других памятниках Мазовии – в Гарволине (польск. Garwolin), погребение 78 (Niewęłowski, 1991. S. 62. Рис. 45b), и погребении 22 могильника Бжэзьце-2 (польск. Brzeźce) (Balke, 1976. S. 173–174. Tabl. VI: 2). Они, как и в лайском погребении, входили в состав ожерелий, и присутствие этих элементов в комплексах пшеворской культуры связывается с влиянием населения культур балтийского круга или постзарубинецкого горизонта (Andrzejowski, 2001. S. 69, 70).

Довольно специфично для пшеворской культуры выглядят также маленькие округлые или сегментовидные бусины, найденные в погребении 3 могильника Лайски (рис. 2: 7)⁹. Они сильно обожжены, форма и окраска претерпели изменения, поэтому трудно говорить об их первоначальном виде. Вероятнее всего, это были маленькие округлые бусы из глухого белого и красного стекла группы I по М. Тэмпельман-Мончынської, близкие к типам 22 и 28 (Tempelmann-Mączynska, 1985), которые чередовались в составе низки и сплывались вместе на погребальном костре.

Трудно утверждать, что частью этого ожерелья являлась также цепочка, состоящая из железных колец (рис. 2: 3). Тем не менее на это указывают как следы приплавившегося к ним стекла (вероятнее всего, остатки стеклянных бусин), так и ряд близких аналогий, известных на памятниках пшеворской

⁹ В материалах пшеворской культуры бусы представлены скромно, что в значительной мере связано с господством кремации в погребальном обряде. Но и находки оплавленного стекла в погребениях этой культуры также относительно редки. Причем среди типологически определяемых преобладает одна форма – т. н. ребристые, или «дынеподобные», фаянсовые бусы – группы ТМ.XVIII М. Тэмпельман-Мончынської, и крайне редки некоторые типы, широко распространенные в соседних культурах готского и балтийского круга – например, «золостеклянные» бусы (см.: Tempelmann-Mączynska, 1985. S. 43, 93, 110, 122–124).

культуры. Данный предмет, несомненно, представляет собой остатки скрепленного заклепками римского кольчужного полотна. В синхронных материалах круга культур восточноевропейской лесной зоны детали кольчуг встречаются исключительно редко¹⁰. Вместе с тем такие находки хорошо известны на памятниках пшеворской культуры¹¹ (*Czarnecka*, 1994; *Kontny*, 2004). Предметы, в которых использовались фрагменты кольчужных панцирей, происходят в основном из погребений женщин или, шире, связаны с женской моделью инвентаря. Контекст подобных находок указывает на то, что, как и в случае с погребением в Лайсках, они представляли собой род амулетов и часто входили в состав составных украшений – ожерелий и/или браслетов. Практически все надежно датированные комплексы с такими находками относятся к фазе B_2/C_1 – эпохе маркоманнских войн. Римские письменные источники свидетельствуют об участии в них племен вандальского союза, которые идентифицируются с населением пшеворской культуры. Предполагается, что такие фрагменты кольчужных полотен являются частями панцирей побежденных римских легионеров. Разделенные на небольшие фрагменты, они могли являться своеобразными сувенирами, которые воины-варвары привозили из походов своим близким (*Czarnecka*, 1994; *Kontny*, 2004. S. 155)¹².

Из-за абсолютного господства кремации в погребальной традиции пшеворской культуры трудно сказать что-либо определенное о способах компоновки бус и ожерелий с подвесками у ее носителей. Но большинство элементов, которые, вероятнее всего, образовывали в costume женщины из погребения 3 могильника Лайски ожерелье, прежде всего – спиралевидные пронизки и подвеска-лунница, – чужды традициям этой культуры.

Реконструкция ожерелья вызывает трудности также в отношении постзарубинецкого горизонта, киевской культуры и круга культур восточноевропейской лесной зоны в целом, где погребальные памятники немногочисленны и представлены кремациями, как правило, с очень небогатым инвентарем. Но логика анализа элементов наборных шейных украшений, известных в очерченном культурном кругу, позволяет полагать, что одной из наиболее распространенных схем их формирования было именно чередование бус, бронзовых пронизей и подвесок разных конструкций. По этому принципу было сформировано

¹⁰ Нам известно лишь об одной такой находке – единичном кольце в культурном пласте селища позднезарубинецкого типа Березовка-2 в лесостепной зоне на востоке Днепровского лесостепного Левобережья (Каталог..., 2010. С. 135, 136. Рис. 108: 10).

¹¹ Находки фрагментов кольчужных сеток из ареала вельбарской культуры неизвестны, что дополнительно подчеркивает пшеворский характер этого комплекса. Сводку же К. Чарнэцкой и Б. Контного можно дополнить не публиковавшейся находкой из Лайск, погребение 22. Материалы и документация комплекса хранятся в собраниях Музея древней мазовецкой металлургии им. Стефана Войды в Прушкове.

¹² Подобным образом могут трактоваться также фрагменты кольчужных полотен, известные на территории Восточной Европы по преимущественно женским погребениям римского периода: культуры карпатских курганов, сармат степей Буджака, Крыма и Ставрополя, а также черняховской культуры Среднего Поднепровья и Подолии (см.: *Тиліщак*, 2011).

ожерелье из клада в Жукино (Среднее Поднепровье), в котором на проволочный обруч нанизаны спиралевидные пронизки, чередующиеся с подвесками (*Гороховский*, 2008. С. 620–622). Этот комплекс не содержит вещей с эмальями и принадлежит к постзарубинецкому горизонту – его верхняя граница вряд ли выходит за середину II в. Подобный облик имели ожерелья, входившие в состав клада, открытого на городище Мощина – эпонимическом памятнике мощинской культуры. Здесь обнаружены остатки проволочных обручей, на которые были нанизаны бронзовые пронизки, стеклянные бусы и лунницы (рис. 3: 10–12). В киевской культуре наиболее ярким примером может служить Брянский клад, в составе которого бусы, бронзовые пронизки и лунницы трактуются как элементы ожерелий (*Ахмедов и др.*, 2015. С. 154. Рис. 5: 2–5, 21, 22).

В балтийском культурном кругу наиболее близкое соответствие известно нам по раскопкам начала XX в. на могильнике богачевской культуры у д. Мингфен в бывшей Восточной Пруссии¹³ (*Gaerte*, 1929. Abb. 186). В одном из погребений¹⁴ здесь было найдено ожерелье, собранное из бус и пронизок, центральное место в котором занимала небольшая жестяная, без эмалей, лунница (рис. 3: 13). Наконец, ближайшую территориально к Лайскам аналогию нам дает украшение, собранное из пронизок и стеклянных бус, – род венчика-вайнаги, или ожерелье, – найденное в упоминавшемся выше погребении из Двораков-Пикут (см.: *Podczaszyński*, 1883. S. 91). С лайским его роднит также наличие вещей с выемчатыми эмальями: в ингумации из Двораков, возможно выполненной в курганной насыпи, среди прочих украшений были найдены две стилистически ранние Т-образные фибулы с эмальями (*Ibid.* Tabl. VI: 1, 2; *Корзухина*, 1978. С. 22–24, 28, 64, 83. Табл. 28: 3, 4; *Гороховский*, 1982а. С. 131. Рис. 2: 20; *Bittner-Wróblewska*, 1989. S. 165. Рис. 1: 3, 4; там более полный список литературы). На основании современных представлений о эволюции Т-образных фибул круга эмалей это погребение может датироваться с конца II по середину – вторую половину III в. (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 114–116, 120–124. Рис. 136: 13).

Подведем итог нашего короткого исследования. Объект 3 могильника Лайски относится к пшеворской культуре и датируется фазой В2/С1 (не исключая конца фазы В₂). Костюм погребенной в нем женщины выделяется чужеродным элементом – шейным украшением, составные части которого, как и реконструируемый способ компоновки, нетипичны для населения пшеворской культуры и центральноевропейского Барбарикума в целом. Этот момент находит объяснение в историко-культурной ситуации, сложившейся на землях Восточной Мазовии во второй половине II в. В эпоху маркоманнских войн правобережье Вислы находилось на пограничье трех культурных провинций: центральноевропейского Барбарикума, круга балтийских культур и восточноевропейской лесной зоны. Несомненно, связи, возникавшие в междуречье Вислы и Немана между представителями этих культур, явились одним из важнейших источников новаций, распространившихся затем далеко на восток в глубь Прибалтики и восточноевропейского «лесного» Барбарикума. Одним из их отражений, доступных нам

¹³ В настоящее время д. Ментке (польск. Miętkie), повят Щитно.

¹⁴ К сожалению, из текста публикации и подписи к рисунку невозможно установить ни номер погребения, ни состав его инвентаря и, соответственно, датировку.

в археологических материалах, является изменение стиля костюма и ряда других элементов материальной культуры: со второй половины II в. на пространстве от Прибалтики и З. Буга на западе до Поволжья и Дона на востоке возникает горизонт вещей круга восточноевропейско-прибалтийских «варварских» эмалей. Источником формирования этого стиля стали влияния провинциально-римской культуры, которые транслировались, в значительной мере, при посредничестве населения центральноевропейского Барбарикума.

Комплекс погребения 3 могильника Лайски дает нам редкий пример проявления обратного направления этих связей. Мы не можем с уверенностью говорить о происхождении женщины, погребенной в Лайсках. Наименее вероятным представляется, что это была представительница местной, пшеворской, общины. Ожерелье, собранное по канонам горизонта «варварских» эмалей, указывает на связь или первичную принадлежность его владелицы к широко понимаемой общности культур Прибалтики и лесной зоны Восточной Европы. Вряд ли это украшение поступило издалека. Его наличие в костюме женщины из Лайск можно вполне удовлетворительно объяснить связями с населением соседней богачевской культуры, жившим на Мазурском Поозерье (на северо-востоке)¹⁵, или же постзарубинецкого горизонта с территории Подляшья и Белорусского Побужья (на востоке)¹⁶. С этим тезисом хорошо согласуется также доказанная выше синхронность разных по происхождению элементов инвентаря этого погребения: датировка комплекса, основанная на фибулах, соответствует представлениям о периоде изготовления стилистически ранних лунниц с эмальями, подобных лайской. Это может служить дополнительным аргументом в пользу предположения о непосредственных контактах культурных общностей, включавших данные традиции.

В заключение стоит подчеркнуть момент, определяющий особую ценность информации, которую доносит до нас погребение 3 могильника Лайски. Как обряд, так и большая часть найденных в нем вещей имеют местное, пшеворское происхождение. Но и ожерелье, которое, как кажется, так резко контрастирует с прочим инвентарем, также несет черты адаптации к этой культурной среде. Вероятно, входившая в его состав цепочка из кольчужного полотна является «местным акцентом», который был привнесен в это украшение на территории Мазовии. Таким образом, ожерелье, наряду с погребальным обрядом и другими элементами инвентаря, свидетельствует о включенности его владелицы в состав пшеворской общины из Лайск – германцев, которые отождествляются с историческим союзом вандалских племен.

¹⁵ К анализу контактов населения пшеворской и круга западнобалтийских культур см.: *Andrzejowski, Cieśliński*, 2007; *Juga-Szymańska, Maciałowicz*, 2017; там более ранняя литература.

¹⁶ О связях населения пшеворской культуры и постзарубинецкого круга в междуречье З. Буга и Немана см.: *Andrzejowski*, 1999; *Beljavec*, 2016.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А.*, 2015. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (предварительная публикация) // РА. № 2. С. 146–166.
- Башкатов Ю. Ю., Терпиловский Р. В.*, 2010. Позднезарубинецкие памятники Среднего Поднепровья // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины / Сост.: А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский. М.: ИА РАН. С. 36–51. (РСМ; вып. 12.)
- Белевец В. Г.*, 2008. Контакты населения вельбарской культуры и носителей традиций лесной зоны в Беларуси: постановка проблемы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: сб. ст. Вып. 1 / Под. ред. А. Н. Наумова. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 209–237.
- Гороховский Е. Л.*, 1982а. О группе фибул с выемчатой эмалью из Среднего Поднепровья // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры / Ред. В. Д. Баран. Киев: Наукова думка. С. 115–151.
- Гороховский Е. Л.*, 1982б. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины / Ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка. С. 125–140.
- Гороховский Е. Л.*, 2008. Пам'ятки пізнозарубинецького населення та племен кївської культури // Історія українського мистецтва. Т. I: Мистецтво первісної доби та стародавнього світу / Гол. ред. Г. Скрипник. Київ: НАН України, Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського. С. 612–628.
- Каталог позднезарубинецких памятников на территории Украины // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины / Сост.: А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский. М.: ИА РАН, 2010. С. 111–151. (РСМ; вып. 12.)
- Корзухина Г. Ф.*, 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 122 с. (САИ; вып. Е1-43.)
- Корзухина Г. Ф.*, 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь: Таврия. С. 352–435.
- Обломский А. М.*, 2010. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины / Сост.: А. М. Обломский, Р. В. Терпиловский. М.: ИА РАН, 2010. С. 16–35. (РСМ; вып. 12.)
- Обломский А. М.*, 2017а. О расселении ранних славян на востоке в римское время // РА. № 3. С. 71–88.
- Обломский А. М.*, 2017б. Украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля в степях Причерноморья и в Крыму // РА. № 1. С. 55–69.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В.*, 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесной зоны Восточной Европы // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (РСМ; вып. 10.)
- Спицын А. С.*, 1903. Предметы с выемчатой эмалью. СПб.: Тип. И. С. Скороходова. 44 с. (Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества; т. V, вып. 1.)
- Тилищак В. С.*, 2011. Про повторне використання фрагментів кольчужного плетива у Центральній та Східній Європі у I тис. // Археологія. № 3. С. 36–42.
- Фролов И. К.*, 1980. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии) / Ред. Р. Я. Денисова и др. Рига: Зинатне. С. 111–124.
- Харитонович З. А.*, 2016. Находки изделий с выемчатыми эмалями на территории Беларуси // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. Кн. 1 / Ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 175–197.
- Andrzejewski J., Cieśliński A.*, 2007. Germanie i Bałtowie u schyłku starożytności. Przyjazne związki czy wrogie sąsiedztwo? // Kultura bogaczewska w 20 lat później: materiały z konferencji (Warszawa, 26–27 marca 2003) / Red.: A. Bitner-Wróblewska, W. Brzeziński. Warszawa: J. Bieszczad. S. 279–317. (Seminarium Bałtyjskie; t. 1.)

- Andrzejowski J.*, 1989. Zagadnienie kontynuacji cmentarzysk we wschodniej strefie kultury przeworskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim: materiały z konferencji. T. I / Pod red. J. Gurba, A. Kokowskiego. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie. S. 103–125.
- Andrzejowski J.*, 1998. Nadkole 2. A Cemetery of the Przeworsk Culture in Eastern Poland. Kraków: Secesja. 268 s. (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. V.)
- Andrzejowski J.*, 1999. Hryniewicze Wielkie – cmentarzysko z pogranicza dwóch światów // Comhlan: studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane T. Dąbrowskiej w 65 rocznicę urodzin / Red. J. Andrzejowski. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 17–60.
- Andrzejowski J.*, 2001. Wschodnia strefa kultury przeworskiej – próba definicji // Wiadomości Archeologiczne. T. LIV. S. 59–87.
- Balke B.*, 1976. Cmentarzysko z okresu rzymskiego w Brzeźcach, pow. Białobrzegi (stanowisko 2) // Wiadomości Archeologiczne. T. XLI/2. S. 155–207.
- Beljavec V.*, 2016. Zapinki grup III i IV O. Almgrena na Białorusi // Pogranicze trzech światów – Mazowsze u schyłku starożytności / Red.: A. Jarzec, W. Nowakowski, A. Szela. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 53–88. (Światowit, Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages; vol. XVII)
- Bitner-Wróblewska A.*, 1989. Elementy bałtyckie w kulturze wielbarskiej // Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim: materiały z konferencji. T. I / Pod red. J. Gurba, A. Kokowskiego. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie. S. 161–177.
- Bitner-Wróblewska A.*, 1993. Z badań nad ozdobami emaliowanymi w kulturze wielbarskiej. Na marginesie kolekcji starożytności Paula Schachta z Malborka // Wiadomości Archeologiczne. T. LII/2 (1991–1992). S. 115–131.
- Czarnecka K.*, 1994. The re-use of Roman military equipment in barbarian contexts. A chain-mail souvenir? // Journal of Roman Military Equipment Studies. Vol. 5. P. 245–253.
- Dąbrowska T.*, 1995. Późne odmiany fibul silnie profilowanych w Polsce // Wiadomości Archeologiczne. T. LIII. S. 3–34.
- Dąbrowska T.*, 1997. Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien. Kraków: Secesja. 334 s. (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. III.)
- Dąbrowska T.*, 1998. Die kräftig profilierten Fibeln Almgren Gruppe IV, Fig. 74–84 (Trompetenfibeln) – mit einem Ausblick auf die östlichen Formen // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg / Hrsg. von J. Kunow. Wünsdorf: Brandenburgisches Landesmuseum für Ur- und Frühgeschichte. S. 149–156. (Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg; 5.)
- Feugère M.*, 2002. Militaria de gaule méridionale, 19. Le mobilier militaire romain dans le département De l'hérault (F) // Gladius. T. XXII. P. 73–126.
- Gądzikiewicz M.*, 1949. Groby z okresu wpływów rzymskich we wsi Łajski, pow. Warszawa // Sprawozdania Państwowego Muzeum Archeologicznego. T. 2 (1948–1949). P. 79–82.
- Gaerte W.*, 1929. Ostpreußische Landesfunde in Einzeldarstellungen. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg: Grafe und Unzer Verlag. 406 S.
- Głosik J.*, 1983. Katalog Pogotowia Archeologicznego za lata 1973–1976 // Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. T. V. S. 229–263.
- Juga-Szymańska A., Maciałowicz A.*, 2017. Germanie na Mazurach, czyli o zaskakującym znalezisku z cmentarzyska w Łabapie (dawn. Labab, Kr. Angerburg) // Orbis barbarorum: studia ad archaeologiam germanorum et baltiorum temporibus Imperii Romani pertinentia Adalberto Nowakowski dedicata / Red.: J. Andrzejowski, C. von Carnap-Bornheim, A. Cieśliński, B. Kontny. Warszaw; Schleswig. S. 177–189. (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina; t. VI.)
- Kontny B.*, 2004. Uzbrowienie ludności kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich i początkach okresu wędrówek ludów // Wandalowie – strażnicy bursztynowego szlaku: Katalog wystawy / Red.: J. Andrzejowski, A. Kokowski, Ch. Leiber. Lublin; Warszawa. S. 143–161.
- Kruk A.*, 1994. Łajski k. legionowa, gm. Skrzyszew, woj. stołeczne, AZP 52–65 lub 53–65 // Informator Archeologiczny. Badania rok 1990. Warszawa. S. 130–131.
- Kruk A., Kulisiewicz M.*, 1978. Łajski, gm. Skrzyszew, woj. warszawskie // Informator Archeologiczny. Badania rok 1977. Warszawa. S. 125–126.

- Kruk A., Kulisiewicz M.*, 1979. Łajski, gm. Skrzyszew, woj. warszawskie // Informator Archeologiczny. Badania rok 1978. Warszawa. S. 134–135.
- Kruk A., Kulisiewicz-Kubielas M.*, 1980. Łajski, woj. warszawskie // Informator Archeologiczny. Badania rok 1979. Warszawa. S. 130–131.
- Liana T.*, 1961. Znaleźiska z okresu późnolateńskiego i rzymskiego z terenów między Wisłą a dolnym Bugiem // Materiały Starożytne. T. VII. S. 215–222.
- Liana T.*, 1970. Chronologia względna kultury przeworskiej we wczesnym okresie rzymskim // Wiadomości Archeologiczne. T. XXXV. Z. 4–5. S. 429–491.
- Michelbertas M.*, 2016. Romeniškojo laiotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Vilniaus universitetas. 212 p.
- Moora H.*, 1934. Zur Frage nach Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. T. 40. S. 74–90.
- Niewęgłowski A.*, 1991. Cmentarzysko kultury przeworskiej w Garwolinie, woj. siedleckie. Warszawa: Instytut Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk. 130 s.
- Nowakowski W.*, 2007. Kultura bogaczewska na Pojezierzu Mazurskim od schyłku późnego okresu przedrzymskiego do starszej fazy późnego okresu wpływów rzymskich. Próba analizy chronologiczno-kulturowej // Kultura bogaczewska w 20 lat później: materiały z konferencji (Warszawa, 26–27 marca 2003) / Red.: A. Bitner-Wróblewska, W. Brzeziński. Warszawa: J. Bieszczad. 1 CD-ROM. (Seminarium Bałtyjskie; t. 1.)
- Podczaszyński B.*, 1883. Wykopalisko z grobu nieciałopalnego pod wsią Dworaki-Pikoty w Łomżyńskiem // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. T. VII. S. 89–92.
- Tempelmann-Maczyńska M.*, 1985. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz am Rhein: von Zabern. 339 S. (Römisch-germanische Forschungen; Bd. 43.)
- Ziemlińska-Odojowa W.*, 1999. Niedanowo. Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Nordmasowien. Kraków: Secesja. 404 s. (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. VII.)

Сведения об авторах

Белевец Вадим Георгиевич, Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, Минск, 220030, Республика Беларусь; e-mail: wadim.bielawiec@gmail.com;

Марцин Возняк, Музей древней мазовецкой металлургии им. Стефана Войды, пл. Яна Павла II, 2, 05-800, Прушков, Республика Польша; e-mail: marcin.wozniak@yahoo.pl

V. G. Beljavec, M. Woźniak

THE SITE FROM ŁAJSKI: REVISITING THE ISSUE OF LINKS
BETWEEN THE PRZEWORSK CULTURE POPULATION
AND THE EASTERN EUROPEAN BALTIC FORESTRY ZONE

Abstract. The paper analyzes burial 3 from the Łajski burial ground located in Eastern Mazovia in central-eastern Poland (Fig. 1). It is attributed to the Przeworsk culture and dated to phase B₂/C₁ of the Roman period, i. e. around the second half of the 2nd century. The dress of the buried woman includes an element alien to this cultural environment. It is a necklace consisting of glass beads, bronze spirals and a lunula decorated with red and green enamel (Fig. 2: 5–8). Its composition and the reconstructed layout design are typical for the style of the so called barbarian enamels (Fig. 3; 4). The necklace points to a link (or origin) of its wearer with a broadly interpreted community of Baltic cultures in the Eastern European forest zone. Most likely, the woman came from Mazovia inhabited by the Balts of the Bogaczow culture or adjacent regions of Eastern Podlasie and the

Belorussian Bug River basin occupied by the population of the late Zarubintsy horizon. The necklace has an imported element, i.e. a chain made from chain mail rings (Fig. 2: 3). Along with distinctive features of the funerary rite and the composition of the funerary offerings, this element indicates that the necklace owner was fully integrated and adapted to the Przeworsk community, i.e. the eastern Germanic peoples identified with the historical union of the Vandalic populations.

Keywords: items of the champlévé enamel circle, lunula, Przeworsk culture, Roman period.

REFERENCES

- Akhmedov I. R., Oblomskiy A. M., Radyush O. A., 2015. Bryanskiy klad veshchey s vyyemchatymi emalyami (predvaritel'naya publikatsiya) [Bryansk hoard of items with champlévé enamel (preliminary publication)]. *RA*, 2, pp. 146–166.
- Bashkatov Yu. Yu., Terpilovskiy R. V., 2010. Pozdnezarubintskiye pamyatniki Srednego Podneprov'ya [Late Zarubintsy sites of Middle Dnieper region]. *Pozdnezarubintskiye pamyatniki na territorii Ukrainy [Late Zarubintsy sites in territory of Ukraine]*. A. M. Oblomskiy, R. V. Terpilovskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 36–51. (RSM, 12.)
- Belevets V. G., 2008. Kontakty naseleniya vel'barskoy kul'tury i nositeley traditsiy lesnoy zony v Belarusi: postanovka problemy [Contacts of Wielbar culture population and bearers of forest zone traditions in Byelorussia: raising the problem]. *Lesnaya i lesostepnaya zony Vostochnoy Evropy v epokhi rimskikh vliyaniy i Velikogo pereseleniya narodov: sbornik statey [Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in epoch of Roman influences and migration period: collected articles]*, 1. A. N. Naumov, ed. Tula: Gosudarstvennyy muzey-zapovednik «Kulikovo pole», pp. 209–237.
- Frolov I. K., 1980. Lunnitsy s vyyemchatoy emal'yu [Lunulae with champlévé enamel]. *Iz drevneyshey istorii baltskikh narodov (po dannym arheologii i antropologii) [From earliest history of the Balt peoples (based on data of archaeology and anthropology)]*. E. Mugurevich, ed. Riga: Zinatne, pp. 111–124.
- Gorokhovskiy E. L., 1982a. O gruppe fibul s vyyemchatoy emal'yu iz Srednego Podneprov'ya [On group of fibulae with champlévé enamel from Middle Dnieper region]. *Novyye pamyatniki drevney i srednevekovoy khudozhestvennoy kul'tury [New monuments of ancient and medieval artistic culture]*. V. D. Baran, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 115–151.
- Gorokhovskiy E. L., 1982b. Khronologiya ukrasheniy s vyyemchatoy emal'yu Srednego Podneprov'ya [Chronology of ornaments with champlévé enamel from Middle Dnieper region]. *Materialy po khronologii arheologicheskikh pamyatnikov Ukrainy [Materials on chronology of Ukraine archaeological sites]*. D. Ya. Telegin, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 125–140.
- Gorokhovskiy E. L., 2008. Pam'yatki piznozarusinets'kogo naselennya ta plemen kiiv's'koi kul'turi [Sites of late Zarubintsy population and Kiev culture tribes]. *Istoriya ukrains'kogo mistetstva [History of Ukrainian art]*, 1. *Mistetstvo pervisnoy dobi ta starodavn'ogo svitu [Art of prehistoric period and Old World antiquity]*. G. Skripnik, ed. Kiiv: NAN Ukraini, Institut mistetstvovnavstva, fol'kloristiki ta etnologii imeni M. T. Ril's'kogo, pp. 612–628.
- Katalog pozdnezarusinets'kikh pamyatnikov na territorii Ukrainy [Catalogue of late Zarubintsy sites in territory of Ukraine]. *Pozdnezarusinets'kiye pamyatniki na territorii Ukrainy [Late Zarubintsy sites in territory of Ukraine]*. A. M. Oblomskiy, R. V. Terpilovskiy, eds. Moscow: IA RAN, 2010, pp. 111–151. (RSM, 12.)
- Kharitonovich Z. A., 2016. Nakhodki izdeliy s vyyemchatymi emalyami na territorii Belarusi [Finds of items with champlévé enamels in territory of Byelorussia]. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period [The Slavs in territory of Byelorussia in pre-state period]*, 1. O. N. Levko, V. G. Belevets, eds. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 175–197.
- Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'ye [Items of attire with champlévé enamels of V – first half of VI c. AD in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 122 p. (SAI.)

- Korzukhina G. F., 1996. Klady i sluchaynyye nakhodki veshchey kruga «drevnostey antov» v Srednem Podneprov'ye [Hoard and stray finds of items of “The Ants’ antiquities” circle in Middle Dnieper region]. *MAIET*, V, pp. 352–435.
- Oblomskiy A. M., 2010. Pamyatniki tipa Mar'yanovki basseyna Yuzhnogo Buga [Mar'yanovka type sites in South Bug basin]. *Pozdnezarubinetskiye pamyatniki na territorii Ukrainy [Late Zarubintsy sites in territory of Ukraine]*. A. M. Oblomskiy, R. V. Terpilovskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 16–35. (RSM, 12.)
- Oblomskiy A. M., 2017a. O rasselenii rannikh slavyan na vostokey v rimskoye vremya [On the eastward spread of the early Slavs in the Roman time]. *RA*, 3, pp. 71–88.
- Oblomskiy A. M., 2017b. Ukrasheniya s vyyemchatymi emalyami vostochnoyevropeyskogo stilya v stepyakh prichernomor'ya i v Krymu [Ornaments with champlévé enamels of Eastern European style in the Pontic steppes and in the Crimea]. *RA*, 1, pp. 55–69.
- Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Predmety ubora s vyyemchatymi emalyami na territorii lesnoy zony Vostochnoy Evropy [Attire items with champlévé enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe]. *Pamyatniki kiyevskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v. n. e.) [Kiev culture sites in Russia forest-steppe zone (III – early V c.)]*. A. M. Oblomskiy. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (RSM, 10.)
- Spitsyn A. S., 1903. Predmety s vyyemchatoy emal'yu [Items with champlévé enamel. St. Petersburg: Tipografiya I. S. Skorokhodova. 44 p. (Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva, vol. V, iss. 1.)
- Tilishchak B. S., 2011. Pro povtorne vikoristannya fragmentiv kol'chuzhnogo pletiva u Tsentral'niy ta Skhidniy Evropi u I tis. [On re-use of mail shirt fragments in Central and Eastern Europe in I mill.]. *Arkheologiya [Archaeology]*, 3. C. 36–42.

About the authors

Beljavec Vadim G., Byelorussian State university, pr. Nezavisimosti, 4, Minsk, 220030, Republic of Byelorussia; e-mail: wadim.bielawiec@gmail.com;

Woźniak Marcin, Stefan Woyda Museum of ancient metallurgy of Mazowia, plac Jana Pawła II 2, 05-800, Pruszków, Republic of Poland; e-mail: marcin.wozniak@yahoo.pl

А. Битнер-Врублевска

ХРОНОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ ИЗДЕЛИЙ С ВЫЕМЧАТЫМИ ЭМАЛЯМИ В ПРИБАЛТИКЕ И НА ТЕРРИТОРИИ ВЕЛЬБАРСКОЙ И ПШЕВОРСКОЙ КУЛЬТУР

Резюме. Проблема хронологии является одной из самых важных при исследовании варварских изделий с выемчатой эмалью. Большинство вещей найдены случайно, представляют собой отдельные находки на поселениях либо входят в состав кладов без хронологических индикаторов. Однако в некоторых регионах украшения с эмалью найдены в закрытых комплексах (погребениях) – в Прибалтике, на Мазурах и Сувалках, в Литве. Автором собраны сведения о примерно 50 погребениях. Около половины из них содержат надежные хронологические индикаторы. Самые ранние датируются развитой частью фазы В2 (ок. середины II в. или несколько раньше): Нетта, погр. 81, Бартликово, погр. 29, Вышемборк, погр. 214. Большинство захоронений с эмальями относится к фазе В2/С1 или В2/С1–С1а (Бартликово, погр. 234, Бабиента, погр. 50, Спыхувек, погр. 129, и др.). Несколько погребений из северо-восточной Польши и Литвы датируется фазой С1а или С1 в целом (Бабиента, погр. 312, Махары, погр. 323, Линкайчай, погр. XV, Лаздининкай, погр. 7, Аукштакиемяй, погр. 2). С разными фазами позднеимского периода можно связывать погр. 309 из Бабиенты (С1b), Мауджиорай, погр. 1 (С1b – С2), Эитулионис, кург. II, женское погребение (С2), Подлишево, погр. 14, и Барглув Дворны, погр. 28 (поздний римский период в целом). Самым ранним захоронением пшеворской культуры является погр. 3 из Лайск в Мазовии, где лунница с эмалью найдена с датирующими вещами фазы В2/С1. Тем же временем датируется погр. 294 Масломенч (вельбарская культура). Прочие находки с территории вельбарской культуры датируются поздним римским периодом: Чупрыново (С1а – С1b), Дитиничи (С1b – С2), Грудек над Бугом, погр. 61, Брулино-Коски, погр. 11 (С2). В Прибалтике и на территории пшеворской и вельбарской культур находки эпохи Великого переселения народов неизвестны, но они существуют на других территориях распространения украшений с эмальями восточноевропейского стиля, например на Верхней Волге и в Поочье.

Ключевые слова: изделия с выемчатыми эмальями восточноевропейского стиля, Прибалтика, пшеворская культура, вельбарская культура, ранний и поздний римский период.

Одной из проблем, связанных с кругом восточноевропейских изделий с выемчатой эмалью, которая до сих пор широко обсуждается в литературе, является вопрос об их хронологии (ср. *Гороховский*, 1982; *Bitner-Wróblewska*, 1993; 2009; *Обломский*, *Терпиловский*, 2007). Определить хронологические рамки этого явления непросто, поскольку большая часть находок лишена археологического контекста. Вещи, как правило, найдены случайно, иногда они происходят из культурных слоев поселений или составляют клады, не имеющие датирующих элементов. Следует подчеркнуть, что в последние годы наблюдается огромный рост количества находок украшений с эмальями, в первую очередь за счет использования металлоискателей. Масштаб этого явления демонстрирует сравнение данных из монографии Г. Ф. Корзухиной 1978 г., где автор собрала информацию о приблизительно 470 предметах (*Корзухина*, 1978), и сведений О. А. Радюша – более 3400 экземпляров¹. По крайней мере, часть этой информации становится известна специалистам. Она, конечно, очень ценная и зачастую меняет представления о, например, межкультурных связях и характере распространения некоторых категорий вещей, но не влияет на возможность определения хронологии объектов.

Вещи с эмальями имеют ключевое значение для определения хронологии памятников тех регионов Восточной Европы, где они встречены в погребениях, например для Прибалтики.

Из районов Мазур, Сувалок и Литвы (ареалы богачевской, судавской культур, групп средне- и западнолитовской, грунтовых могильников северной Латвии и южной Литвы, культуры восточнолитовских курганов) происходит около 50 погребальных комплексов, в которых найдены вещи, украшенные выемчатой эмалью или принадлежащие к их кругу. Почти половина из них дает основания для датирования. В некоторых случаях интересующие нас украшения с эмалью найдены с узко датированными изделиями, в других мы можем определить лишь общую хронологию в рамках раннего или позднего периода римского влияния. Последнее зависит не только от наличия в погребении менее точных хронологических индикаторов (например, керамики), но и от характера источников, которые имеются в нашем распоряжении. Многие материалы из Мазурского Поозерья и западной Литвы (бывшая Восточная Пруссия) известны только по архивным данным (*Juga-Szymańska*, 2007; *Bitner-Wróblewska*, 2008), часто неполным и случайным². Тем не менее, несмотря на все эти оговорки, анализ собранных погребальных комплексов дал очень интересные результаты. В современной литературе, в том числе и в моих статьях (*Bitner-Wróblewska*, 1993. S. 123; *Nowakowski*, 1998. S. 59), преобладало мнение, что самые ранние вещи с выемчатыми эмальями богачевской и судавской культур относятся к фазе

¹ Эти данные О. А. Радюш представил в своем докладе «Типология и распространение находок с восточноевропейскими эмальями: опыт работы с массивами данных на современном этапе» на конференции в Москве в декабре 2017 г.

² Хочу сердечно поблагодарить доктора Анну Юга-Шиманьску и магистра Изабелу Штер за помощь в сборе архивных материалов и за возможность ознакомиться с результатами их работы в архивах Германии, России, Эстонии и Швеции.

B2 / C1³. Представляется тем не менее, что это мнение требует проверки, потому что есть несколько комплексов, которые могут быть датированы поздним периодом фазы B2 (B2b). К ним относится погребение 81 могильника Нетта (Netta) (*Bitner-Wróblewska*, 2007. P. 26. Pl. XLII; CXII: 1; CXVII: 3; CXXV: 3), где вместе с подковообразной фибулой с эмалью типа П А. Яблоньской (*Jabłońska*, 1992. S. 125–128. Tabl. II–IV) найден уникальный наконечник копья с одним отростком – единственная находка такой вещи в Прибалтике (рис. 1). Этот наконечник несколько раз рассматривался в литературе (*Bitner-Wróblewska*, 2001; 2007. P. 76, 77; *Kontny*, 2007. P. 128; 2017. P. 12–15. Fig. 1: 3), сейчас я хотела бы только обратить внимание на результаты этого анализа. Ближайшие аналогии наконечнику из Нетты происходят из Норвегии. Экземпляр из Нетты соответствует норвежским по размеру, форме и длине втулки по отношению к общему размеру наконечника (см. находки из Bakkejordet u/Valle, Sæli, Bråten, Tjore, Valle – *Bitner-Wróblewska*, 2007. P. 76, 77, там литература). Копье из Нетты является либо норвежским импортом, либо имитацией формы типа Sæli/Ilkjægt 23, как считает Б. Контны. Независимо от интерпретации, хронология скандинавских аналогий замыкается в раннем периоде римского влияния – в фазе B2, как в раннем, так и в позднем ее периоде. В монографии о Нетте погребение 81 датировано широко – фазами B2b – B2 / C1 (*Ibid.* P. 26). Основанием для отнесения его к рубежу раннего и позднего римского периода была находка в этом комплексе подковообразной фибулы с эмалью. Однако если взять в качестве основы для датирования наконечник копья с одним острием, то комплекс будет относиться к фазе B2, вероятно, к ее развитому этапу.

Подобным образом датируются два комплекса богачевской культуры из Мазурского Поозерья (рис. 2), а именно погребения 29 Бартликова (Bartlikowo) (ранее Bartlickshof) (*Kemke*, 1900. S. 113. Taf. III: 5, 10; *Moora*, 1934. S. 80. Abb. 7) и 214 Вышемборка (Wyszembork) (*Szymański*, 2005. S. 19, 20. Tabl. XXIII: 1–4). Из первого происходит перстень типа 26а Бекмана (*Beckmann Ch.*, 1969. S. 41) с ромбовидным центральным щитком, украшенным вставками эмали, в комплексе из Вышемборка найдено кольцо того же типа, но без эмали. В обоих случаях перстни сопровождалась фибулами Альмгрен 100 или подобными им (*Almgren*, 1923. S. 51, 52. Taf. V). В культурах вельбарской и пшеворской они относятся в первую очередь к подфазе B2b (*Andrzejowski*, 1992. P. 115; *Godłowski, Wichman*, 1998. S. 54), потому что обычно сосуществуют с фибулами Альмгрен 38–39 и 60 (*Almgren*, 1923. S. 17–19, 29–32. Taf. II–III). В Прибалтике они датируются развитой фазой B2 (*Szymański*, 2005. S. 19–24). В погребении 6 из Кочка II (Koczek) (ранее Kotzek / Waldersee) фибула Альмгрен 100 найдена с булавками типа В Бекмана, варианта II по классификации А. Юга-Шиманьской, а в Скжипах (Skrzypy) (ранее Steinhof) в погребении 23 – с булавкой типа А Бекмана (*Juga-Szymańska*, 2014. S. 57, 67, там литература). Недавно Анна Юга-Шиманьска продатиговала комплексы из Кочка и Скжипов фазой B2с (*Ibid.* S. 273, 305). К концу фазы B2 также может быть отнесено погребение 265 в Бартликове (Bartlikowo), где перстень

³ В статье приняты следующие абсолютные даты фаз относительной хронологии: B2 – 50–180 (B2a – 50–100; B2b – 100–180); B2/C1 – C1 – 180–260; C2 – 260–370; D – 370–470.

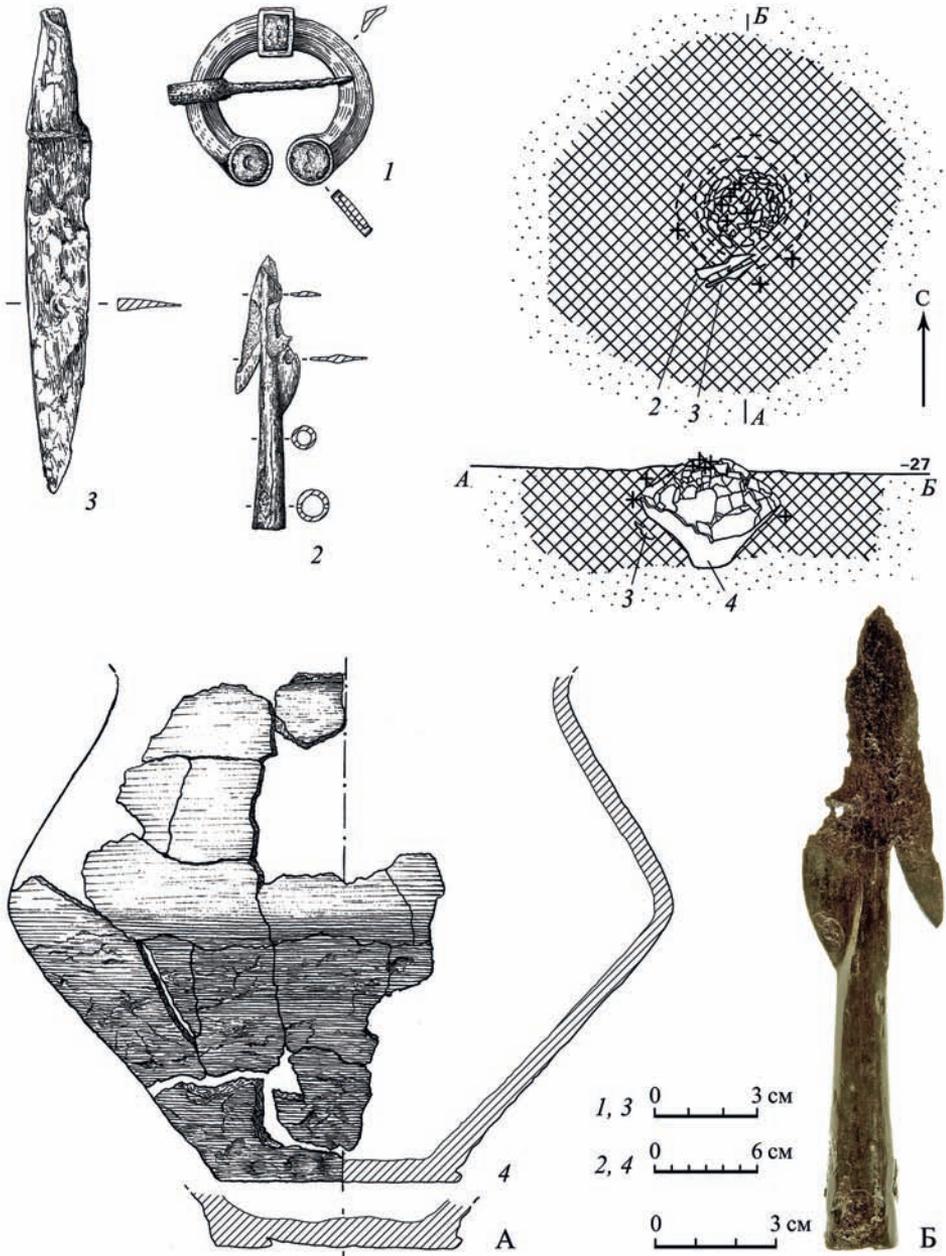

Рис. 1. Материалы погребения из Нетты

А – Нетта (Netta), пов. Августув, погребение 81 (по: *Bitner-Wróblewska*, 2007); *Б* – копье из погребения 81 в Нетте (фото Р. Софул)

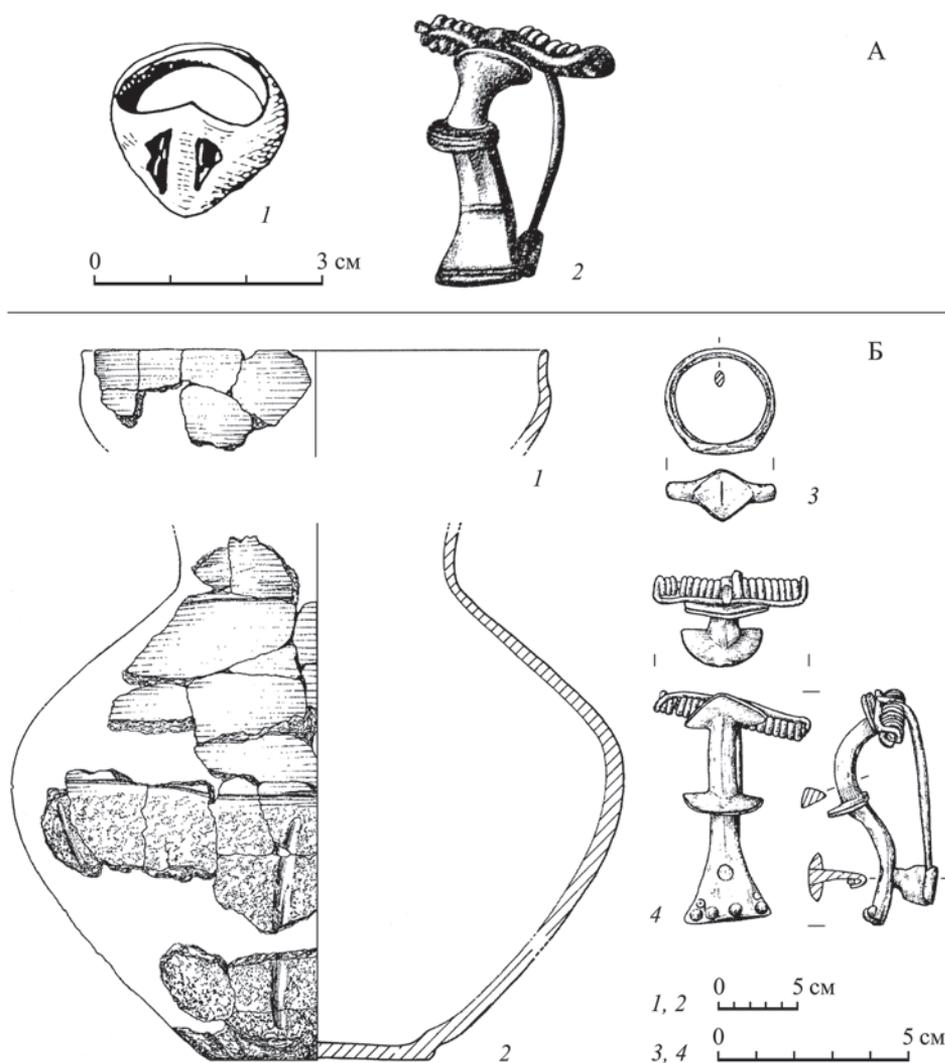

Рис. 2. Материалы из погребений Бартликово и Вышемборк

А – некоторые находки из погребения 29 Бартликово (Bartlikowo), пов. Гижиско (Giżycko) (по: *Kemke*, 1900); Б – погребение 214 из Вышемборка (Wyszembork), пов. Мрагово (Mrągowo) (по: *Szymański*, 2005)

с эмалью типа 26а Бекмана был обнаружен вместе с булавкой с биконической головкой варианта L (*Juga-Szymanska*, 2014. S. 103, 251, там литература).

Перстни с ромбическими щитками такого типа со вставками эмали или без нее являются характерными для Мазурского Поозерья украшениями, при этом их хронология охватывает фазу В2 / С1. Для уже упомянутого могильника в Бартликове в погребении 234 перстень такой формы найден вместе с сильнопрофилированной фибулой, а в Бабентах (ранее Vabienten) I, погребение 50,

и в Спыхувке (Spuchówko) (ранее Klein Puppen), погребение 129 (Moora, 1934. S. 81; 1938. S. 117; архив М. Шмидехелм, который хранится в Таллине в Ülikooli Arheoloogia Teaduskogu), с подобными перстнями найдены фибулы Альмгрен 96 с тремя гребнями (Almgren, 1923. S. 50, 51. Taf. V).

Сравнительно большая группа погребений Прибалтики, где найдены предметы с эмалью, может быть датирована фазами B2 / C1 или B2 / C1 – C1a. Подобную хронологию имеют погребения 203 могильника Саргенай (Sargenai) и 110 могильника Марвеле (Marvelė). Оба памятника находятся в Средней Литве (Bertašius, 2005. S. 41. Taf. XLII; Michelbertas, 2016. P. 84, там литература). В этих комплексах подковообразные фибулы с эмалью типа II по А. Яблоньской (Jabłońska, 1992. S. 125–128) найдены в том числе и с узкими браслетами раннего варианта группы II М. Михельбертаса (Michelbertas, 1986. P. 142–143). В свою очередь, на Мазурах в Бабентах (Babięta) в погребении 57 ранняя подковообразная фибула с эмалью обнаружена вместе с импортной фибулой, относящейся к выделенной З. Томас (Thomas, 1966. S. 126–130, 152) группе округлых фибул с концентрическим расположением вставок с эмалью, датированной второй половиной II – началом III в. (Nowakowski, 2001. S. 43, там литература).

Фазой B2/C1 – C1a можно также датировать погребение 66 могильника Мойтыны (Moityny) (ранее Moythienen) (Hollack, Peiser, 1904. S. 54. Taf. IX: 66, цветная таблица), где ромбическая подвеска с эмалью, которая иногда ошибочно интерпретируется как импортная римская, была найдена, кроме прочего, вместе с наконечником ремня с кольцом с выступом типа 6 варианта I Р. Мадыды-Легутко (Madyda-Legutko, 2011. S. 55, 56) и с ведековидными подвесками. Подобную хронологию имеет и погребение 4а в Барглуве Дворном (Bargłów Dworny) (Kaczyński, 1981. S. 183, 184. Рис. 4: 1; Iwanicki. In print). Вместе с подковообразной фибулой с эмалью там найдено несколько узких манжетовидных браслетов. Браслет того же типа был обнаружен в грунтовом погребении S.1 в Швейцарии (Szwajcaria) в черте города Сувалки вместе с эффектной нагрудной ажурной цепью, звенья которой украшены гнездами эмали (рис. 3) (Jaskanis, 2013. S. 65, 66. Tabl. XCVI). Такие нагрудные цепи, состоящие из декоративных ажурных звеньев, соединенных рядами колечек, и прикрепляющиеся к одежде при помощи пары булавок или фибул, являются характерным элементом женского костюма римского времени на летто-литовской территории. Они особенно популярны в Западной Литве, мода на такие украшения распространяется также в судавской культуре (Moora, 1938. S. 222–243; Kaczyński et al., 1987. S. 115–117, 119–121).

Цепь из Швейцарии прикреплялась к одежде парой булавок, от которых сохранились только острия, так что их тип невозможно определить. Хотелось бы отметить, что цепь из Швейцарии в древности подвергалась ремонту (Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009. S. 332. Рис. 5: 14). Оба звена отличаются друг от друга не только размерами и расположением ажурных полей, но и технологией изготовления (рис. 3: Б). Более короткое звено сделано очень тщательно, воск полностью выплавлен, в то время как другое было отлито без ажурных полей, которые были вырезаны после отливки, при этом матрица была асимметричной, неправильной формы, с острыми краями. Для вставок в обоих случаях использованы порошкообразные эмали, но в более коротком звене она нанесена тщательнее. Очевидно, что оба звена были сделаны руками разных мастеров:

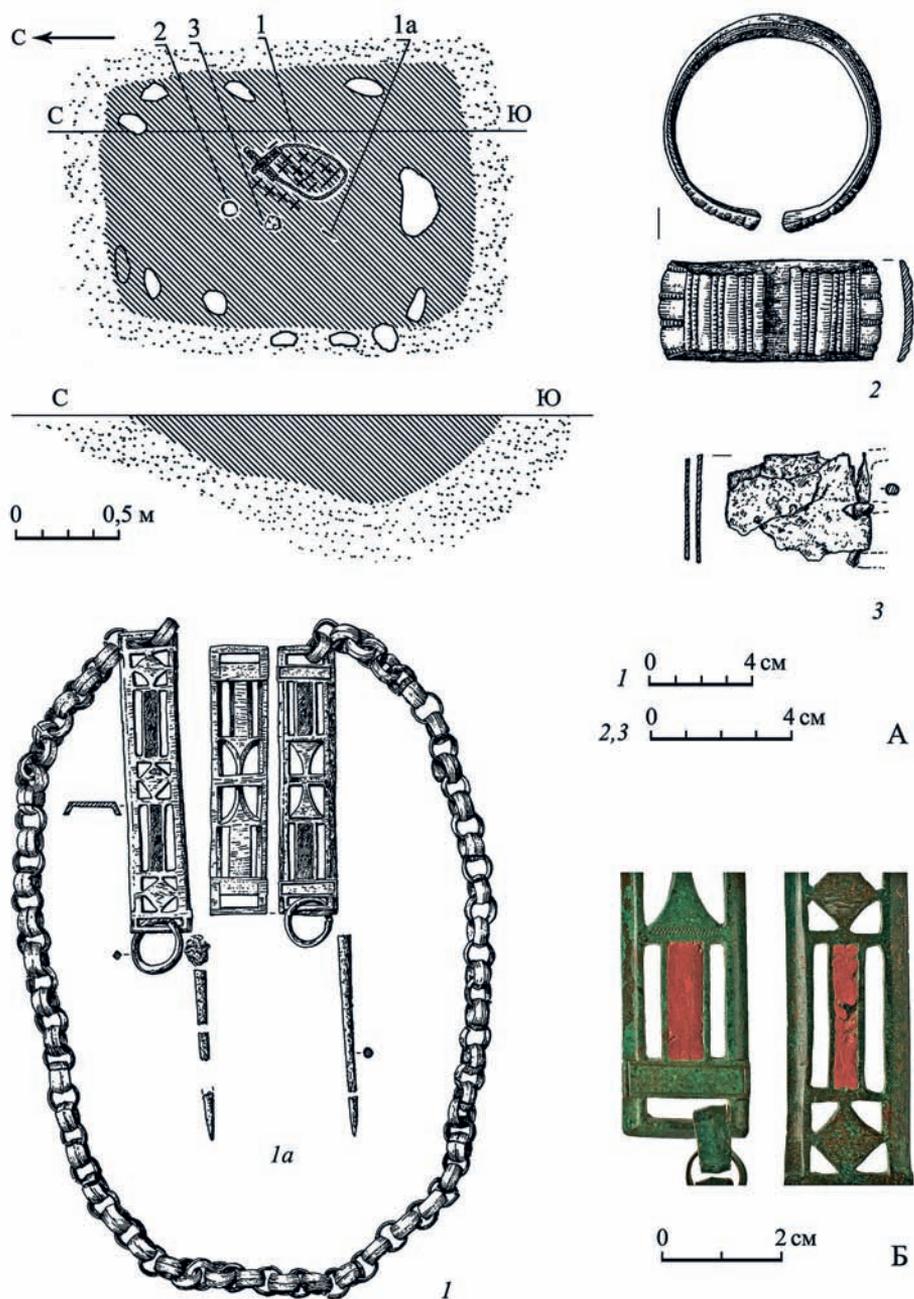

Рис. 3. Материалы погребения Швейцария

А – Швейцария (в черте г. Сувалки), грунтовое погребение S.1 (по: *Jaskanis, 2013*); Б – детали звеньев нагрудной цепи (фото М. Гмур)

специалиста-ювелира и последователя менее искусного, вероятно местного ремесленника. Можно предположить, что отремонтированная нагрудная цепь из Швейцарии использовалась в течение длительного времени, возможно, ее дата немного более ранняя, чем всего комплекса, и ее можно ограничить фазой B2 / C1.

Некоторые комплексы могут быть датированы рубежом раннего и позднего римского периода с некоторым запасом. Таким, например, является один из самых ранних курганов восточнолитовской культуры – погребение 2 кургана 7 в Пакальняй (Pakalnių) (*Vaitkievičius*, 2003. S. 116. Рис. 10: 11). Подковообразная фибула с эмалью типа II А. Яблоньской (*Jabłońska*, 1992. S. 125–128) найдена вместе с ожерельем из стеклянных бус, в том числе с золотыми прокладками, бронзовых спиралек, ведековидных подвесок и цилиндров из бронзовых пластин. Кроме того, там же найдены 6 височных колец. Такие кольца в Литве датируются обычно концом римского времени или даже началом эпохи Великого переселения народов, но литовские исследователи не исключают начало их использования, учитывая хронологию некоторых комплексов, на фазе B2 / C1 – C1a (*Vaitkievičius*, 2003. S. 118–121; *Michelbertas*, 2016. P. 77). Может быть, стоит осторожнее датировать упомянутое погребение более широко – фазами B2 / C1 – C1b.

В свою очередь, к началу позднего римского периода, к фазе C1a или C1 в целом могут быть отнесены комплексы богачевской культуры из Бабент (Babieta) I, погребение 312 из Махар (Machary) (ранее Macharen), погребение 323 (ранее в литературе погребение 12)⁴ и комплексы западнолитовской группы в Лаздининкяй (Lazdininkai), погребение 7, и погребение 2 в Аукшткемяй (Aukštakiemiai) (ранее Oberhof). В Махарах (Machary) крестовидная подвеска с эмалью найдена вместе с импортной щитовидной фибулой с эмалью начала III в., а также с арбалетовидной фибулой с подвязной ножкой, украшенной кольцами (*Nowakowski*, 2001. S. 71, там литература). В свою очередь, в Бабентах (Babieta) в погребении 312 (*Moora*, 1938. S. 117; *Archeologiczne księgi*, 2008. Tabl. CI) обнаружены, среди прочего, подвеска-лунница с эмалью, фибула с тремя гребнями мазурского типа, арбалетовидная фибула с подвязной ножкой и накладными кольцами, пара булавок типа В Бекмана, варианта II А. Юга-Шиманьской (*Juga-Szymańska*, 2014. S. 64–69) и пара широких манжетовидных браслетов.

Среди литовских захоронений, датированных фазой C1a, обращает на себя внимание погребение 7 из Лаздининкяй (Lazdininkai) в Западной Литве (*Michelbertas*, 2000; 2016. P. 67, там литература), где круглой ажурной фибуле, орнаментированной гнездами с красной эмалью, сопутствовали фибула литовского варианта с тремя длинными узкими гребнями, гривна с коническими выступами на концах группы III по М. Михельбертасу (*Michelbertas*, 1986. P. 93–96), гривна с концами, обмотанными дротом, с замком в виде крючка и петли, булавки с профилированными головками и две римские монеты – сестерции Коммода (Commodus) 180–192 гг. В погребении 2 Аукшткемяй (Aukštakiemiai) найдены

⁴ Сердечно благодарю магистра Изабелу Штер за возможность ознакомиться с результатами ее неопубликованной работы по анализу архивных материалов могильника Махары (Machary).

4 оковки упряжи, в том числе две украшенных эмалью и посеребренных, пружина арбалетовидной фибулы, два ленточных браслета, в том числе один с профилированными концами, копье и другие вещи (*Reich*, 2009. P. 207–209. Fig. 2, там литература). Большинство вещей из этого погребения не сохранились в музеях и известны только по данным архивов или в зарисовках, но по браслетам и фрагменту арбалетовидной фибулы мы можем отнести это погребение к фазе С1.

Позднеримским периодом (фазой С1b) датируется погребение 309 мазурского могильника Бабента (*Babięta*) (архив М. Шмидехелм, который хранится в Таллине в *Ülikooli Arheoloogia Teaduskogu*) и комплекс трупоположения в Гибайчай (*Gibaičiai*) (*Tarvydas*, 1933. P. 11. Pav. 10, 11) на севере Литвы (культура литовско-латвийских курганов), где была обнаружена, в частности, цепь рога для питья, украшенная эмалью, оковка края рога типа К.1 по Я. Анжеёвскому и наконечник рога типа D.5 по классификации того же исследователя (*Andrzejowski*, 1991. S. 33, 34, 43–45), пара булавок с профилированными головками и фибула типа Альмгрен 211 (*Almgren*, 1923. S. 96, 97. Taf. IX). В Бабентах подковообразная фибула с эмалью сопровождалась, среди прочего, фибулой типа Альмгрен 170 (*Ibid.* S. 86, 87. Taf. VII), а также богатым набором оружия, в том числе умбоном и рукоятью щита типа J.9 (*Jahn*, 1916. S. 190–192. Abb. 219, 220) с невыделенными пластинами.

Позднеримским периодом в целом может быть продатирован комплекс судавской культуры в Подлишеве (*Podliszewo*), погребение 14 в Барглуве Дворном (*Barglów Dworny*), погребение 28 (*Bitner-Wróblewska, Iwanicki*, 2002. S. 111, 112; *Iwanicki*. In print), а также погребения в восточной части Литвы (на грунтовых и курганных могильниках): Межонис / Межаны (*Mėžionys / Miežany*), курган 2, погребение 5 (*Kaczyński*, 1963. S. 123. Rys. 13) и Меджонис (*Medžionys*), разрушенные погребения 1 и 3 (*Michelbertas*, 2016. P. 72, 73, там литература). В погребении 5 Межониса (*Mėžionys*) вместе с подковообразной фибулой с эмалью не было датирующих вещей, но в других захоронениях, перекрытых такими же каменно-земляными насыпями, обнаружены, среди прочего, гривна с лодочковидной застежкой, булавка типа В Бекмана (*Beckmann B.*, 1969. S. 108) и подвеска в виде круга с четырьмя спицами. Из Барглува Дворного (*Barglów Dworny*) происходят обломки поврежденной огнем гривны с концами, обмотанными дротом, и фрагментированный концевой щиток со следами бирюзовой эмали, относящийся к гривне с эмалью с финской территории, две восьмерковидные подвески и поврежденная пряжка с прямоугольной рамой типа G P. Мадыды-Легутко (*Madyda-Legutko*, 1986. S. 46–60). В свою очередь, погребение 14 Подлишеве (*Podliszewo*), из которого происходит большая подвеска-лунница с эмалью, может быть датировано только на основе керамики.

Одним из наиболее поздних балтийских комплексов с изделиями с выемчатыми эмальями является женское погребение в кургане II в Этулёнис (*Eitulionys*) в восточной Литве (рис. 4), датированное фазой С1b – С2 (*Bliujus*, 1983. P. 37–39. Pav. 9). Подковообразная застежка типа II А. Яблоньской (*Jabłońska*, 1992. S. 125–128) найдена вместе с парой очень широких манжетовидных браслетов, арбалетовидной фибулой с подвязной ножкой типа Альмгрен 161–162 (*Almgren*, 1923. S. 77, 78. Taf. VII) и с гривной с концами, обернутыми проволокой, и ладьевидной застежкой. Гривны этого типа характерны в основном для западной

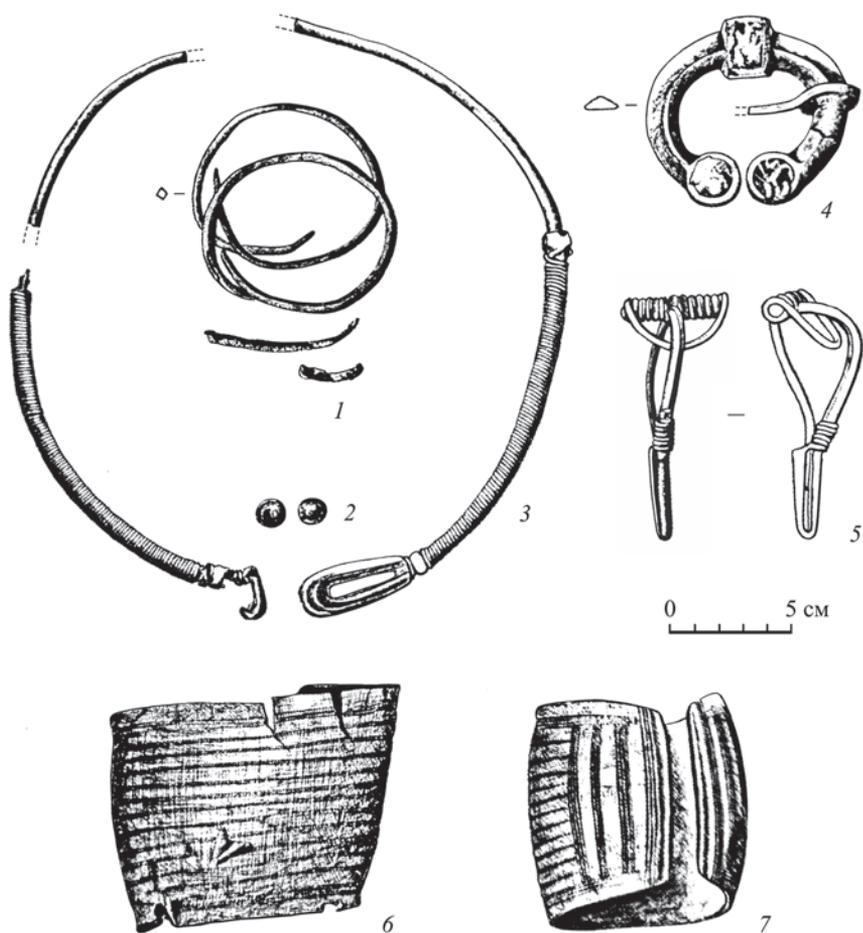

Рис. 4. Инвентарь кургана II в Этулионис (Eitulionys), округ Электренай (Elektrėnai) (по: *Bliujus*, 1983)

и центральной Литвы, они встречаются также на востоке Литвы, в Латвии, Белоруссии и Западной Сувальщине (*Moora*, 1938. S. 315–317; *Griciuvienė, Tautavičius*, 1994. S. 79, 80; *Bitner-Wróblewska*, 2007. P. 59). Датируются они поздним римским периодом, а наиболее поздние экземпляры относятся к эпохе начала Великого переселения народов (*Kazakevičius*, 1993. P. 90–92).

Фазой СЗ-D М. Михельбертас датирует два комплекса из северной Литвы (группа грунтовых захоронений?) – Маджорай (Maudžiorai) и Линкачай (Linkaičiai), из которых происходят цепи рогов для питья, украшенные эмалью (*Michelbertas*, 2016. P. 68, 71, там литература). В погребении 1 Мауджорай (Maudžiorai) был найден наконечник рога для питья типа D.5 Я. Анжеевского (*Andrzejowski*, 1991. S. 33, 34), ленточный браслет и пряжка с D-образной рамой типа D.30 Р. Мадыды-Легутко (*Madyda-Legutko*, 1986. S. 33–35). В свою очередь,

погребение XV в Линкайчай (Linkaičiai) содержало наконечник рога для питья раннего варианта типа D.5 или D.2b Я. Анжеевского (*Andrzejowski*, 1991. S. 29, 33, 34) и черешковый наконечник копыя типа IV В. Казакиявичюса (*Казакявичюс*, 1988. С. 24–27). Хронология обоих комплексов, предложенная М. Михельбертасом, слишком поздняя. В обоих захоронениях отсутствуют вещи, однозначно связанные с периодом Великого переселения народов. Вышеупомянутый комплекс из Гибайчай (Gibaičiai), где также найдена цепь рога для питья с эмалью, надежно датирован этапом C1b. Кроме того, последние сведения о могильнике Карив⁵ на западе Украины подтвердили более раннюю хронологию цепей с эмалью. Такая цепь там происходит из очень богатого погребения 2, где найден, среди прочего, бронзовый котелок типа E.14 (*Eggers*, 1951. S. 161. Taf. 3: 14), украшенный головками германцев с *nodus Suebicus* («свевским узлом»). Этот комплекс датирован фазами B2b – B2 / C1. Анализируя инвентарь захоронений Маджорай (Maudžiorai) и Линкайчай (Linkaičiai) и принимая во внимание самые последние данные, хронология первого погребения может быть определена в рамках фаз C1b–C2, а погребения из Линкайчай (Linkaičiai) – фазы C1a. В обоих этих комплексах отсутствуют вещи, однозначно связанные с периодом Великого переселения народов.

* * *

Много лет назад я рассматривала (*Bitner-Wróblewska*, 1993) несколько вещей с выемчатыми эмальями, которые найдены вне области возникновения изделий этого стиля – на территории пшеворской и вельбарской культур. Они представляют собой импорт как из Прибалтики, так и из Восточной Европы. Некоторые из них происходят из хорошо датированных захоронений. К наиболее ранним комплексам относится погребение 3 из могильника Лайски (Łajski) около Варшавы (*Ibid.* S. 126)⁶. Там была обнаружена подвеска-лунница без отростков с ажурным корпусом типа I варианта А по Фролову (*Фролов*, 1980. С. 117–123. Рис. 1: 1, 2. Табл. 1: 2), вместе с производной от профилированных фибулой. Они датируются фазой B2 / C1, в том числе и на основе исследований Т. Домбровской (*Dąbrowska*, 1973. S. 155, 156). Я отнесла этот комплекс к вельбарской культуре (*Bitner-Wróblewska*, 1993. S. 126), однако мне не была известна керамика из этого объекта. Сейчас я считаю, что это погребение принадлежит пшеворской культуре, причем хронология комплекса не изменилась.

Фазой B2 / C1 также датируется погребение 294 из Масломенча (Masłomęcz) на Люблинщине, которое, без сомнения, относится к вельбарской культуре (*Schätze der Ostgoten*, 1995. S. 188. Abb. 45). Там найдена подковообразная фибула с эмалью вместе с парой серебряных фибул, похожих на Альмгрен 127 (*Almgren*, 1923. S. 60. Taf. VI), с золотыми бляшками, высокими иглоприемниками и оже-

⁵ Сердечно благодарю доктора Ярослава Онищука за информацию о его неопубликованных исследованиях на могильнике Карив в Западной Украине.

⁶ Сердечно благодарю доктора Яцека Анжеевского за предоставление рисунков и фотографий неопубликованных вещей из могильника Лайски, хранящихся в Музее древней мазовецкой металлургии им. Стефана Войды в Прушкове (Pruszków).

рельем из нескольких десятков стеклянных и янтарных бусин, парой амулетов из зубов дикого кабана, 3 глиняными и фрагментом каменного пряслица.

К позднеримскому периоду, к фазам С1а – С1b, относится находка из Чупрынова (Czurupnowo) на северных рубежах вельбарской культуры (Andrzejowski, 1995). Там обнаружены фрагменты двух бронзовых звеньев цепи рога для питья со следами бирюзовой, темно-красной и желтовато-белой эмали. Обстоятельства находки звеньев цепи и других вещей в Чупрынове (Czurupnowo) не совсем ясны, потому что эти материалы были обнаружены случайно в межвоенный период. Тем не менее сохранившаяся информация свидетельствует, что все предметы были найдены одновременно, все они происходят из одного места и могли быть частью инвентаря погребения. Эта интерпретация материалов из Чупрынова, сделанная Яцеком Анжеёвским, подтверждается совпадением дат вещей. Наиболее показательным хронологическим индикатором этого, вероятнее всего, единого погребального комплекса является пара фибул с высоким приемником типа Альмгрен 201 (Almgren, 1923. S. 91, 92. Taf. IX).

К позднеримскому периоду, фазы С1b – С2, относится другой комплекс вельбарской культуры – погребение VI могильника Дитиничи (Смішко, Свеишников, 1961. С. 93, 94. Рис. 4: 5–10), в котором лунница с эмалью и многочисленными выступами типа IVA Фролова (Фролов, 1980. Рис. 3: 2–6. Табл. 1) встречена вместе с арбалетовидной фибулой с подвязной ножкой.

Фазой С2 может быть датировано детское погребение 61 из Грудека над Бугом (Gródek nad Bugiem) (рис. 5) (Kokowski, 1993a. S. 45–48; 1993b. S. 57–64. Рис. 47–51), в котором найдена подвеска-лунница с кольцеобразными отростками варианта W типа II по Фролову (Фролов, 1980. Рис. 1: 20. Табл. 1). В этом богатом захоронении обнаружены пара серебряных арбалетовидных фибул типа Альмгрен 162 с дугообразной спинкой (Almgren, 1923. S. 77, 78. Taf. VII), трехслойный гребень, серебряный браслет со змеиными головками, ожерелье из стеклянных бус, ведерковидные подвески, амулет из раковины, пряжка с полукруглой рамой варианта F по Р. Мадыде-Легутко (Madyda-Legutko, 1986. S. 43–45), миска/тарелка terra sigillata, которая происходит из малоазиатских мастерских, керамика лепная и гончарная.

В погребении 11 Брулино-Коски (Brulino-Koski) (Czarnecka, 1991) найден фрагмент украшения с эмалью, вероятно, крестовидной или круглой подвески, может быть, ажурного окончания ножки сильнопрофилированной фибулы; в одном из гнезд сохранились следы белой эмали. В этот комплекс входил также небольшой сосуд группы XVIII Шиндлера (Schindler, 1940. S. 93–95), фрагмент перстня со спиральным щитком типа 16 Бекмана (Beckmann Ch., 1969. S. 34), а также фрагмент арбалетовидной фибулы типа Альмгрен 168 (Almgren, 1923. S. 78. Taf. VII). Фибула позволяет датировать комплекс фазой С2.

Последний комплекс вельбарской культуры, который хотелось бы обсудить, – это пара фибул из местности Двораки Пикоты (Dworaki Pikoty), украшенных красной и зеленой эмалью, имеющих Т-образную форму, с гребнями и треугольными ножками, типа II по Корзухиной (Корзухина, 1978. С. 26–28). Обе фибулы были обнаружены случайно в 1853 г. во время строительства железной дороги Санкт-Петербург – Варшава в погребении с труположением (рис. 6). Находки первоначально поступили к руководителю строительства,

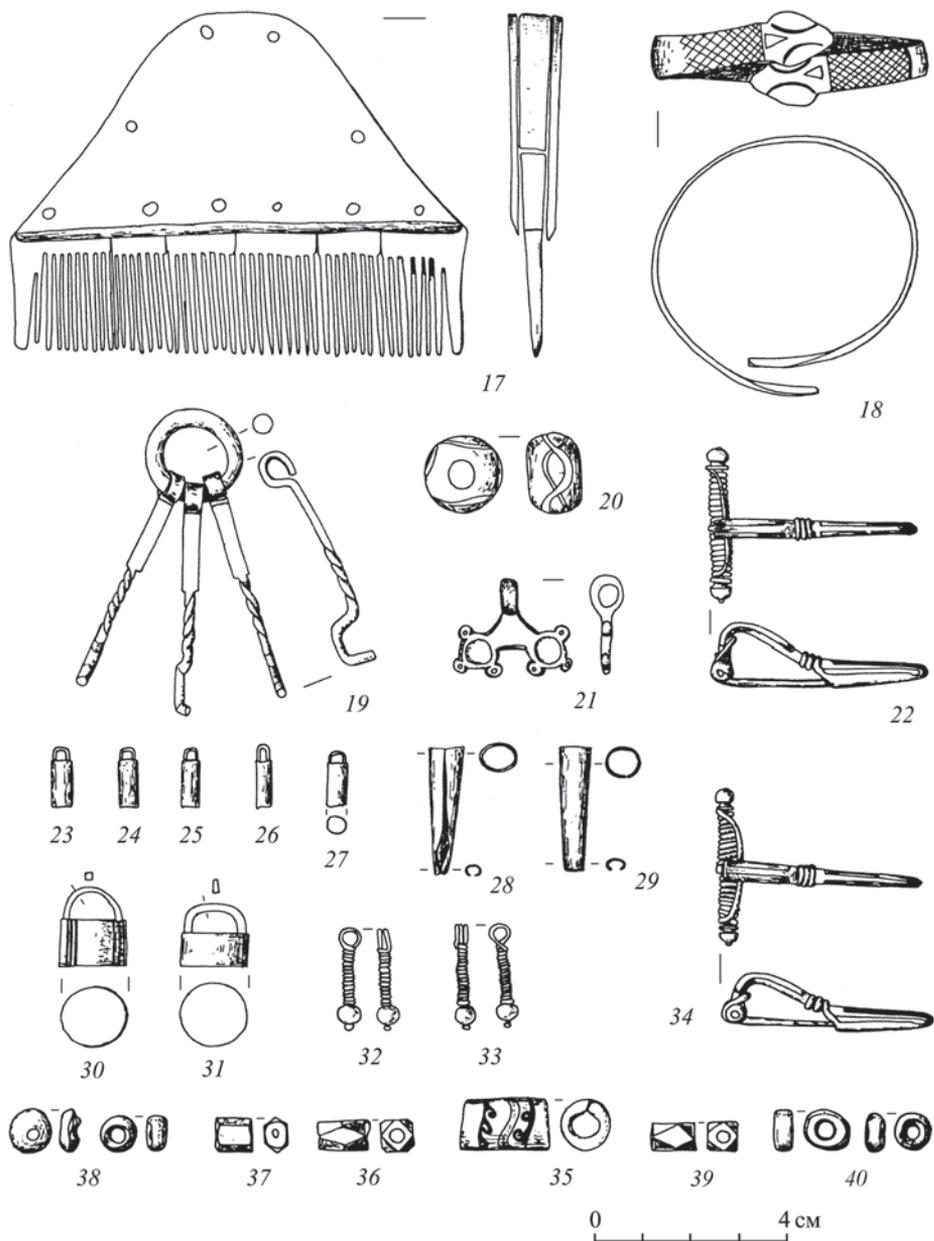

Рис. 5. Инвентарь погребения 61 из Грудека над Бугом (Gródek nad Bugiem)
(по: Kokowski, 1993b)

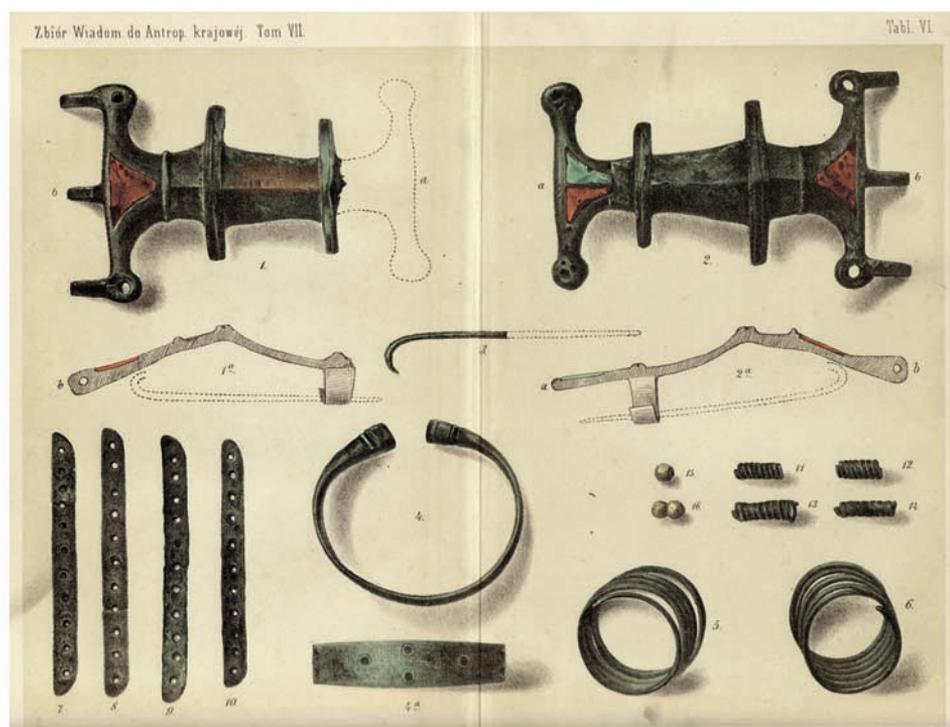

Рис. 6. Находки из погребения Дворак Пикоты

потом к начальнику железной дороги, потом в коллекцию любителя древностей Болеслава Подчасиньского (*Podczaszyński*, 1883. S. 89–92. Tabl. IV). Они были признаны погребальным комплексом и датированы исследователями началом Великого переселения народов, т. е. фазой D (*Okulicz*, 1970. S. 484; *Kaczyński et al.*, 1987. S. 90; *Bitner-Wróblewska*, 1993. S. 127, 128). Основанием для этого стало наличие в комплексе браслета с утолщенными концами, однако он отличается от типичных для фазы D экземпляров, так как его центральная часть расклепана до плоской полосы, украшенной штампиками. Такие формы не имеют аналогий ни в вельбарской, ни в пшеворской культурах, ни в балтийском культурном круге. Близкие к ним образцы известны, тем не менее, в киевской и мощинской культурах (*Булычев*, 1899. Табл. XIII: 5, 6; *Акимов, Ененко*, 2012. С. 131–133. Рис. 3: 2е, ж)⁷, вкладах, содержащих находки с выемчатыми эмальями, датированных III в. Подобную хронологию имеют фибулы из Двораков Пикот, относящиеся к среднему этапу развития изделий с выемчатыми эмальями восточноевропейского стиля, датированных первой или второй половиной III в. (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 114–116). Стекланные и бронзовые бусины,

⁷ Хотелось бы сердечно поблагодарить Сергея Воронятова за консультацию по поводу браслетов из Двораков Пикот.

происходящие из этой коллекции, а также спиральные кольца (или маленькие браслеты) не отрицают эту хронологию. Сомнения вызывают другие вещи – 4 бронзовые бляшки с отверстиями, которые могут быть интерпретированы как разделители нитей ожерелий бус, а если это так, то, скорее всего, они относятся к элементам костюма эпохи викингов. На данном этапе исследований трудно интерпретировать набор вещей из Двораков Пикот (Dworaki Pikoty) как комплекс одного погребения.

* * *

Хронологический анализ украшений с эмалью в Прибалтике показал, что на этой территории они могли появиться раньше, чем считалось до недавнего времени, а именно в фазе В2, т. е. около середины II в. или чуть раньше. Это предположение требует дальнейшего исследования, но примечательно, что, по крайней мере, в нескольких погребениях изделия с эмалью найдены вместе с вещами, которые можно определенно датировать фазой В2. В пшеворской и вельбарской культурах ранние захоронения с украшениями с эмалью могут быть соотнесены с фазой В2 / С1, хотя комплекс из Карива предполагает и более раннюю хронологию. К фазам В2 / С1 – С1а относится и ряд других комплексов Прибалтики. Можно предположить, что это – период наибольшего распространения моды на украшение объектов различных типов со вставками эмали. Эта традиция продолжалась до конца периода римского влияния как у балтов, так и в вельбарской культуре. Самые поздние, хорошо датированные комплексы относятся к фазе С2, т. е. ко второй половине III – началу IV в. Хорошо датированные погребения, которые можно было бы однозначно отнести к фазе D (началу Великого переселения народов), отсутствуют. Тем не менее в других регионах распространения вещей с выемчатыми эмалью (в киевской культуре или в бассейне верхней Волги и Оки) известны находки (ср. *Ахмедов, 2018*)⁸, которые могут быть датированы началом эпохи Великого переселения народов, в частности погребения из финских земель или недавно обнаруженный в Орловской области клад с поздними вариантами треугольных фибул и крестовидной фибулой, типичной для бассейна Оки конца IV – начала V в. Традиция декорирования предметов выемчатой эмалью сохранилась в Восточной Европе в период переселения народов, о чем свидетельствуют недавние находки «черных копателей» в России и Белоруссии (Витебская область и др.) пальчатых фибул, украшенных красной эмалью⁹. Вопрос о хронологии восточноевропейских вещей с выемчатой эмалью, безусловно, требует дальнейшего изучения.

⁸ Хотелось бы сердечно поблагодарить магистра О. Радюша за информацию о неопубликованных материалах и за дискуссию на тему хронологических определений.

⁹ Хочу сердечно поблагодарить магистра О. Радюша и доктора Я. Анжеёвского за информацию о последних неопубликованных находках.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимов Д. В., Ененко Е. А., 2012. Случайные находки вещей римского времени в пределах лесостепного Подонья // *Stratum plus*. № 4. С. 1–10.
- Ахмедов И. Р., 2018. Восточноевропейские эмали на Волге и Оке // *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin. For Professor Andrzej Kokowski on His 65th Birthday*. Т. I. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. S. 648–669.
- Булзучев Н. И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. 78 с.
- Гороховский Е. Л., 1982. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // *Материалы по хронологии археологических памятников Украины* / Ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка. С. 125–140.
- Казакявичюс В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас. 160 С.
- Корзухина Г. Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 124 с. (САИ; вып. Е1-43.)
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (Дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // *Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.)* / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (РСМ; вып. 10.)
- Смішко М. Ю., Свешинов І. К., 1961. Могильник III–IV століть н.е. у с. Дитиничі Ровенської обл. // *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. Вип. 3. С. 89–114.
- Фролов И. К., 1980. Лунницы с выемчатой эмалью // *Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии)* / Ред. Э. Мугуревич. Рига: Зинатне. С. 111–124.
- Almgren O., 1923. Studien über die nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziäl-römischen und südrussischen Formen. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch. 254 S. (Mannus-Bibliothek; 32.)
- Andrzejowski J., 1991. Okucia rogów do picia z młodszego okresu przedrzymskiego i okresu wpływów rzymskich w Europie środkowej i północnej (próba klasyfikacji i analizy chronologiczno-terytorialnej) // *Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne*. VI. S. 7–120.
- Andrzejowski J., 1992. Strongly profiled brooches with triangular foot in the Roman Provinces and in Barbaricum // *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter* / Eds.: K. Godłowski, R. Madyda-Legutko. Kraków: Secesja. P. 111–120.
- Andrzejowski J., 1995. Ciekawe materiały z okresu rzymskiego znalezione w Czuprynowie w woj. białostockim // *Nunc de Svebis dicendum est. Studia archaeologica et historica Giorgio Kolendo ab amicis et discipulis dicata* / Ed. A. Bursche. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 35–46.
- Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia-Museum = Die archaologischen Inventarbücher aus dem ehemaligen Prussia-Museum / Ed. A. Bitner-Wróblewska. Olsztyn: Archiwum Państwowe w Olsztynie, 2008. 447 S. (Aestiorum Hereditas; I.)
- Beckmann B., 1969. Die baltische Metallnadeln der römischen Kaiserzeit // *Saalburg Jahrbuch*. XXVI. S. 107–119.
- Beckmann Ch., 1969. Metallfingerringe der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // *Saalburg Jahrbuch*. XXVI. S. 5–106.
- Bertašius M., 2005. Marvelė. Ein Gräberfeld Mittellitauens. Vidurio Lietuvos aukštaičių II–XII a. kapinynas. Bd. I. Kaunas: Kauno technologijos universitetas Humanitarinių mokslų fakultetas. 294 S.
- Bitner-Wróblewska A., 1993. Z badań nad ozdobami emaliowanymi w kulturze wielbarskiej. Na marginesie kolekcji starożytności Paula Schachta z Malborka // *Wiadomości Archeologiczne*. T. LII/2 (1991–1992). S. 115–131.
- Bitner-Wróblewska A., 2001. Zagadka grobu 81 z miejscowości Netta, pow. Augustów // *Lietuvos Archeologija*. T. 21. Vilnius. S. 129–138.
- Bitner-Wróblewska A., 2007. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica. 325 s. (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. XII.)

- Bitner-Wróblewska A.*, 2008. Śladami kolekcji Prussia-Museum (1943–2008). Auf den Spuren der Kollektion des Prussia-Museums (1943–2008). По следам коллекции музея «Пруссия» (1943–2008) // Archeologiczne księgi inwentarzowe dawnego Prussia-Museum = Die archaologischen Inventarbücher aus dem ehemaligen Prussia-Museum / Ed. A. Bitner-Wróblewska. Olsztyn: Archiwum Państwowe w Olsztynie, 2008. S. 46–61. (Aestiorum Hereditas; 1.)
- Bitner-Wróblewska A.*, 2009. Geometriniai motyvai baltų mene pirmaisiais amžiais po Kristaus. Geometrical Motifs in Balt Art in the first Centuries AD // Baltų menas: Parodos katalogas = Art of the Balts: Catalogue of the Exhibition / Ed. A. Butrimas. Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla. P. 377–443.
- Bitner-Wróblewska A., Iwanicki P.*, 2002. Cmentarzysko w Podliszewie, woj. podlaskie. Między kulturą bogaczewską a sudowską // *Varia Barbarica Zenoni Woźniak ab amicis dicata* / Eds.: J. Andrzejowski, R. Prochowicz, A. Żórawska. Warszawa; Lublin: Fundacja Przyjaciół Instytutu Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 105–184. (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina; t. I.)
- Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T.*, 2009. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią // *Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński in memoriam* / Eds.: A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa. S. 303–351. (Seminarium Bałtyjskie; t. II.)
- Bluijus A.*, 1983. Eituliونیų pilkapynas // *Muziejai ir paminklai*. 5. P. 31–40.
- Czarnecka K.*, 1991. Brązowa ozdoba emaliowana z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Brulinie-Koskach, woj. łomżyńskie // *Wiadomości Archeologiczne*. T. LI (1986–1990). S. 99–104.
- Dąbrowska T.*, 1973. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie wpływów rzymskich // *Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne*. II. S. 127–254.
- Eggers H. J.*, 1951. *Der römische Import im freien Germanien*. Hamburg: Museum für Volkerkunde und Vorgeschichte. 212 p., 4 figs., 16 plates, 65 maps. (Atlas Urgeschichte; 1.)
- Godłowski K., Wichman T.*, 1998. Chmielów Piaskowy. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im Świętokrzyskie-Gebirge. Kraków: Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk; Muzeum Archeologiczne w Krakowie; Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego. 190 s. (Monumenta Archaeologica Barbarica; t. VI.)
- Griciuvienė E., Tautavičius A.*, 1994. Katalog // *Starożytności Litwy: Katalog wystawy Muzeum Narodowego Litwy z Wilna*. 4.03–30.06.1994, Warszawa. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. S. 75–116.
- Hollack E., Peiser F. E.*, 1904. *Das Gräberfeld von Moythienen*. Königsberg: Gräfe & Unzer. 57 S.
- Iwanicki P.* Cmentarzysko ciałopalne kultury bogaczewskiej w Bargłowie Dwornym, gm. Bargłów Kościelny, pow. Augustów, woj. podlaskie // *Wiadomości Archeologiczne*. (In print.)
- Jabłońska A.*, 1992. Zapinki podkowiaste z emalią w Europie Północno-Wschodniej w okresie wpływów rzymskich // *Acta Baltico-Slavica*. 21. S. 116–165.
- Jahn M.*, 1916. *Die Bewaffnung der Germanen in der älteren Eisenzeit etwa von 700 v. Chr. bis 200 n. Chr.* Würzburg: C. Kabitzsch. 275 S. (Mannus-Bibliothek; 16.)
- Jaskanis J.*, 2013. Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich Oddział w Warszawie: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie: Muzeum Okręgowe w Suwałkach. 326 s.
- Juga-Szymańska A.*, 2007. Archiwalia archeologiczne dotyczące kultury bogaczewskiej // *Kultura bogaczewska w 20 lat później: materiały z konferencji (Warszawa, 26–27 marca 2003)* / Red.: A. Bitner-Wróblewska, W. Brzeziński. Warszawa: J. Bieszczad. S. 121–137. (Seminarium Bałtyjskie; t. I.)
- Juga-Szymańska A.*, 2014. Kontakty Pojezierza Mazurskiego ze wschodnią strefą Bałtyku w okresie wpływów rzymskich na przykładzie szpil. Warszawa: Fundacja Monumenta Archaeologica Barbarica: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 504 s. (Seminarium Bałtyjskie; t. III.)
- Kaczyński M.*, 1963. Materiały z cmentarzyska kurhanowego badanego w 1934 r. w miejscowości Mieżany, pow. Święciany, na Wileńszczyźnie (LSRR) // *Wiadomości Archeologiczne*. T. XXIX/2. S. 119–137.
- Kaczyński M.*, 1981. Południowa strefa osadnictwa bałtyjskiego na obszarze Jaćwieży w I tys. n. e. // *Rocznik Białostocki*. XIV. S. 169–201.
- Kaczyński M., Bitner-Wróblewska A., Brzeziński W., Iwanowska G.*, 1987. Katalog // *Die Balten – die nördlichen Nachbarn der Slawen*. Freiburg: Verlag Karl Schillinger. S. 63–204.

- Kazakevičius V.*, 1993. Plinkaigalio kapinynas. Vilnius. 219 p. (Lietuvos Archeologija; t. 10.)
- Kemke H.*, 1900. Das Gräberfeld von Bartlickshof // Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg. 41 (1899). Königsberg. S. 108–143.
- Kokowski A.*, 1993a. Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęckiej. Część 1. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 125 s.
- Kokowski A.*, 1993b. Gródek nad Bugiem. Cmentarzysko grupy masłomęckiej. Część 2. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 166 s.
- Kontny B.*, 2007. Foreign influences on the weaponry of the Bogaczewo and Sudovian Cultures. The case of shafted weapon // Weapons, weaponry and man (in memoriam Vytautas Kazakevičius) / Ed. A. Bliujienė. Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 117–132. (Archaeologia Baltica; 8.)
- Kontny B.*, 2017. Brothers-in-arms. Balt warriors and their interregional contacts in the Roman and Migration Periods (the case of the Bogaczewo and Sudovian Cultures) // Lietuvos Archeologija. T. 43. Vilnius. P. 11–62.
- Madyda-Legutko R.*, 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford: British Archaeological Reports. 233 p. (BAR International Series; 30.)
- Madyda-Legutko R.*, 2011. Studia nad zróżnicowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końca pasa. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Instytut Archeologii. 312 s.
- Michelbertas M.*, 1986. Sensus geležies amžius Lietuvoje. I–IV amžius. Vilnius: Mokslas. 272 p.
- Michelbertas M.*, 2000. Emaliuota segė iš Lazdininkų, Kretingos r., kapinyno // Iš Baltų kultūros istorijos. Skiriama Adolfo Tautavičiaus 75-mečiui / Ed. V. Kazakevičius. Vilnius: Diemedžio leidykla. P. 57–62.
- Michelbertas M.*, 2016. Romėniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Vilniaus Universiteto Leidykla. 110 p.
- Moora H.*, 1934. Die Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja = Finska fornminnesföreningens tidskrift. XL. S. 75–90.
- Moora H.*, 1938. Die Eisenzeit Lettlands bis etwa 500 n. Chr. II. Tartu: Õpetatud Eestii Seits. 749 S.
- Nowakowski W.*, 1998. Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren // Museum für Vor- und Frühgeschichte. Bestandskataloge 6. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte. 186 S.
- Nowakowski W.*, 2001. Masuren. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Polen. 1. Warszawa: Institut für Archäologie der Warschauer Universität. 135 S.
- Okulicz J.*, 1970. Studia nad przemianami kulturowymi i osadniczymi w okresie rzymskim na Pomorzu Wschodnim, Mazowszu i Podlasiu // Archeologia Polski. T. XV. № 2. S. 419–498.
- Podczaszyński B.*, 1883. Wykopalisko z grobu nieciałopalnego pod wsią Dworaki-Pikoty w Łomżyńskim // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. VII. Kraków. S. 89–92.
- Reich Ch.*, 2009. The cemetery of Oberhof (Aukštkiemiai) – horse graves and equestrian equipment // The horse and man in European antiquity (worldview, burial rites and military and everyday life) / Ed. A. Bliujienė. Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 206–216. (Archaeologia Baltica; 11.)
- Schätze der Ostgoten. Eine Ausstellung der Maria Curie-Skłodowska Universität Lublin und des Landesmuseum Zamość. Stuttgart: Theiss, 1995. 217 S.
- Schindler R.*, 1940. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf der Grund der Tongefässe. Leipzig: Kabitzsch. 163 S.
- Szymański P.*, 2005. Mikroregion osadniczy z okresu wpływów rzymskich w rejonie jeziora Sałęta na Pojezierzu Mazurskim. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. 238 S. (Światowit. Supplement Series, P: Prehistory and Middle Ages; X.)
- Tarvydas B.*, 1933. Šiaulių Kraštotyros Dr-jos archaeologiniai tyinėjimai 1932 metais // Šiaulių metraštis. IV. Šiauliai. P. 1–17.
- Thomas S.*, 1966. Die provinzialrömischen Scheibenfibeln der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Band 6. Berlin. S. 119–178.
- Vaitkievičius V.*, 2003. Badania cmentarzyska kurhanowego koło wsi Pakalniai na Litwie. Przyczynek do dyskusji nad datowaniem początków kultury kurhanów wschodniolitewskich // Wiadomości Archeologiczne. T. LVI. S. 111–124.

Сведения об авторе

Битнер-Врублевска Анна, Государственный археологический музей, ул. Длуга, 52 – Арсенал, Варшава, 00-241, Республика Польша; e-mail: abitnerwroblewska@gmail.com

A. Bitner-Wróblewska

THE CHRONOLOGY OF EAST EUROPEAN ENAMELED ARTIFACTS
FROM THE BALT LANDS AND FROM THE PRZEWORSK
AND WIELBARK CULTURES

Abstract. Among many subjects concerning barbarian artifacts decorated with *champlevé* enamel the problem of chronology remains one of the most important. Most of them are recorded as loose finds, loose finds on the settlements or in the hoards with no dating indicators. However in some regions East European enameled artifacts occurred in closed grave associations (the Balt lands, Mazury and Suwałki region, in Lithuania). Among above 50 grave complexes around half of them contain reliable chronological indicators. The earliest could be dated to the developed phase B2 (mid 2nd c. or somewhat earlier – Netta, grave 81; Bartlikowo, grave 29; Wyszembork, grave 214). Numerous graves with different types of enameled artifacts belong to phase B2/C1 or B2/C1–C1a (Bartlikowo, grave 234, Babięta, grave 50, Spychówek, grave 129, and others). Several graves from North-eastern Poland and Lithuania date to phase C1a or generally to phase C1 (Babięta, grave 312, Machary, grave 323, Linkaičiai, grave XV). With different stages of the late Roman Period could be related grave 309 from Babięta (C1b), Maudźiorai, grave 1 (C1b-C2), Eitulionys, barrow II, female grave (C2), Podliszewo, grave 14, Bargłów Dworny, grave 28 (generally late Roman Period). The earliest grave of the Przeworsk culture remains grave 3 from Łajski in Mazovia, where an enameled lunula co-occurred with reliable chronological indicators of phase B2/C1. The same dating concerns the Wielbark culture grave 294 in Masłomęcz. The other finds from Wielbark culture could be dated to the late Roman Period: Czuprynowo (C1a-C1b), Dytyniści (C1b-C2), Gródek nad Bugiem, grave 61 and Brulino-Koski, grave 11 (C2). Neither in the Balt lands, nor in Przeworsk or Wielbark cultures no finds have been recorded dating from the Migration Period; such artifacts are known from the other territory of distribution of the East European enameled ones, such as the Upper Volga and Oka areas.

Keywords: East European enameled artifacts, Balt lands, Przeworsk culture, Wielbark culture, early and late Roman period.

REFERENCES

- Akhmedov I. R., 2018. Vostochnoyevropeyskiye emali na Volge i Oke [East European enamels on Volga and Oka]. *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin. For Professor Andrzej Kokowski on His 65th Birthday*, vol. I. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 648–669.
- Akimov D. V., Enenko E. A., 2012. Sluchaynyye nakhodki veshchey rimskogo vremeni v predelakh lesostepnogo Podon'ya [Stray finds of Roman time items within Don forest-steppe region]. *SP*, 4, pp. 1–10.

- Bulychev N. I., 1899. Zhurnal raskopok po chasti vodorazdela verkhnikh pritokov Volgi i Dnepra [Diary of excavations in a part of watershed of upper reaches of Volga and Dnieper]. Moscow: Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova. 78 p.
- Frolov I. K., 1980. Lunnitsy s vyyemchatoy emal'yu [Lunulae with champlévé enamel]. *Iz drevneyshyey istorii baltskikh narodov (po dannym arkheologii i antropologii)* [From earliest history of the Balt peoples (based on data of archaeology and anthropology)]. E. Mugurevich, ed. Riga: Zinatne, pp. 111–124.
- Gorokhovskiy E. L., 1982. Khronologiya ukrasheniyy s vyyemchatoy emal'yu Srednego Podneprov'ya [Chronology of ornaments with champlévé enamel from Middle Dnieper region]. *Materialy po khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov Ukrainy* [Materials on chronology of Ukraine archaeological sites]. D. Ya. Telegin, ed. Kiev: Naukova dumka, pp. 125–140.
- Kazakyavichyus V., 1988. Oruzhiye baltskikh plemen II–VIII vekov na territorii Litvy [Weaponry of the Balt tribes in II–VIII centuries in territory of Lithuania]. Vilnius: Mokslas. 160 p.
- Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'ye [Items of attire with champlévé enamels of V – first half of VI c. AD in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 124 c. (SAI.)
- Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Predmety ubora s vyyemchatymi emalyami na territorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (Dopolneniye svodov G. F. Korukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo) [Attire items with hamplévé enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (Supplement to corpus editions by G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kiyevskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v.)* [Kiev culture sites in Russia forest-steppe zone (III – early V c.)]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (RSM, 10.)
- Smishko M. Yu., Sveshnikov I. K., 1961. Mogil'nik III–IV stolit' n. e. u s. Ditinichi Rovens'koy obl. [Cemetery of III–IV centuries AD near village Ditinichi, Rovno region]. *Materiali i doslidzhennya z arkheologii Prikarpattya i Volini* [Materials and investigations from archaeology of Carpathian region and Volyn], 3, pp. 89–114.

About the author

Bitner-Wróblewska Anna, State archaeological museum, ul. Długa, 52 – Arsenal, Warsaw, PL 00-241, Republic of Poland; e-mail: abitnerwroblewska@gmail.com

О. Гопкало

К ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЙ «ЮВЕЛИРНЫЙ СТИЛЬ» И «МОДА» НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНЯХОВСКИХ ФИБУЛ И ПРЕДМЕТОВ С ВЫЕМЧАТЫМИ ЭМАЛЯМИ

Резюме. Восточноевропейские выемчатые эмали – самобытный ювелирный стиль. Вместе с тем, несмотря на своеобразие и стилистическое единство, предметы с выемчатыми эмалями подвергались влиянию восточноевропейской моды. В данном случае под «модой» подразумевается историко-культурный феномен, прообраз современной моды.

Ключевые слова: художественный стиль, ювелирный стиль, мода, восточноевропейские выемчатые эмали, киевская культура, культура Черняхов – Сынтана-де-Муреш, пеньковская культура.

«Ювелирный стиль» или «стиль ювелирного искусства» принято считать частью художественного стиля искусства соответствующей эпохи. «Модой» в широком смысле называют существующее в определенный период и общепризнанное отношение к внешним формам культуры (*Кибалова и др.*, 1966. С. 11). Стиль развивается в течение длительного времени, мода кратковременна и подразумевает определенный ритм. Вместе с тем она спонтанна и может быть вызвана самыми разнообразными факторами. Таким образом, стилем называется устойчивое сочетание признаков, модой – инновации. И стиль, и мода – феномены культуры; и стиль, и мода в ювелирном искусстве, утилитарном и представленном большей частью украшениями, напрямую связаны с костюмом.

Согласно теоретикам моды, этот термин применительно к античности или средневековью можно использовать только в отношении элиты и только в понимании «эмбриона» современной моды (*Гофман*, 2004. С. 52, 53). Однако если считать моду не процессом, как предлагается¹, а историко-культурным

¹ «Возникновение и социальное утверждение моды – не событие, а процесс, причем длительный, постепенно развивавшийся внутри и из старых социальных форм» (*Гофман*, 2004. С. 52, 53).

феноменом – противоречий удастся легко избежать. Тем более что и античные², и современные авторы обращаются к этому явлению: «Из всех сфер римского быта одежда образует наиболее четкую и упорядоченную семантическую систему. В рамках этой системы общественно-исторический смысл одежды в целом, так и отдельных ее разновидностей раскрывается через ряд оппозиций. Главные из них... это оппозиции (1) официальной и неофициальной (...бытовой) одежды, (2) единообразия и варибельности, (3) некрашеной и окрашенной одежды. Последняя оппозиция может быть сформулирована и по-другому: старинная римская одежда, мало подверженная воздействиям времени и моды, в противоположность одежде, заимствованной у других народов и непрестанно меняющейся под влиянием времени и моды» (*Кнабе*, 1986. С. 85).

В палеокостюмологической литературе понятие «мода», как широкое и расплывчатое, предлагается заменить на «типы (и механизмы) костюмных контактов». Однако «если понимать под костюмной модой новые тенденции оформления, приобретающие в короткий срок популярность в определенных слоях общества или даже в ряде стран, то этот термин в доиндустриальных обществах наиболее применим не столько собственно к одежде, сколько к мелким аксессуарам костюма», а также «в отношении аксессуаров понятие “евразийская мода” для раннего средневековья отнюдь не лишено смысла» (*Яценко*, 2006. С. 18, 19).

Как, впрочем, не лишено смысла использование понятия «мода» и в отношении римского периода и эпохи Великого переселения народов, костюма, аксессуаров костюма, в том числе ювелирных изделий, и более широко – ювелирных

² Тема презентации внешнего облика в Риме, метрополии и провинциях в разные исторические периоды, римского воинского облачения и пр. представлена обширным списком работ. Из источников, относящихся ко II–IV вв., хотелось бы привести несколько наиболее ярких фактов, документов, свидетельств и оценок очевидцев. Так, например, в знаменитом сочинении римского раннехристианского писателя, теолога Тертуллиана (*Tertulliani*), жившего во втор. пол. II – начале III в., «О плаще» («*De Pallio*») (*Тертуллиан*, 2000) содержится ряд высказываний, иллюстрирующих отношение к одежде, традициям и моде. Тертуллиан пишет о пристрастии своих современников «к ткани, выбору цвета и длины одежды», стремлении «к римскому», «как того требует “мода”». Очень актуально звучит замечание: «Вас одевает условность, достоинство и прихоть времени». Автор пишет о традиционной одежде: «Часть из них служит одеянием отдельных народов и не является общей для других». Он рассуждает: «...перемена одежды близка к проступку только в том случае, если изменяется не привычка, а природа», и осуждает: «...сам был побежден мидийской одеждой. Отбросив триумфальные доспехи, он ушел в покоренные восточные ткани». «Аланский» костюм Грациана – один из фактов демонстрации заимствований, «эпатаж», оказавший большое влияние на современников: «Он пренебрегал военным делом и предпочитал старому римскому войску небольшие отряды аланов, которых привлекал на свою службу за очень большие деньги, и настолько увлекался общением с варварами и чуть ли не дружбой с ними, что иногда даже выступал (в народе) в варварском одеянии, чем вызвал к себе ненависть среди солдат» (*Aur. Vict. Epit.*, 47, 6, по: *Банников*, 2011. С. 29). Вполне объяснимо последовавшее за этим широкое распространение «варварской моды» среди жителей Рима во времена Гонория. Специальным указом им запрещалось носить длинные волосы и меховую одежду (СTh, XIV, 10, 4).

стилей, одним из которых выступают восточноевропейские выемчатые эмали. К ним относятся: фибулы, браслеты, цепи, пластинчатые украшения, гривны, лунницы и другие подвески, накладки, перстни и пр. (булавки, шпоры, зеркало). Общая характеристика предметов с эмалью, предложенная Г. Ф. Корзухиной, включает технологические и морфологические признаки. Предметы, изготовленные в эмалевой технике, – бронзовые литые. Для их изготовления использовался особый медьсодержащий сплав. Иногда бронза покрывалась тонким слоем серебристого сплава. Поскольку среди предметов, выполненных в стиле выемчатых эмалей, идентичные вещи не обнаружены, сделан вывод о том, что форма для отливки использовалась единожды. При отливке предусматривались гнезда для эмали. Эмалью украшалась внешняя, плоская, сторона изделия. Цвет декора: красный, реже синий, зеленый, белый, оранжевый и желтый. Гнезда заполнялись эмалью одного, реже двух или трех цветов. Морфологические признаки предметов, выполненных в стиле выемчатой эмали: ажурность и геометричность. Геометричны как форма украшений, так и их орнаментация – используются круг, полукруг, треугольник, ромб, квадрат, крест и различные их сочетания. К этому же стилю относятся предметы, лишенные перечисленных признаков, например часть Т-образных фибул, по общей тенденции к украшению этой разновидности застежек эмалью (Корзухина, 1978. С. 17–20; Обломский, Терпиловский, 2007. С. 113).

История изучения изделий с выемчатыми эмалями у народов Восточной Европы неоднократно изложена в литературе (Корзухина, 1978. С. 13–16; Гороховский, 1988. С. 104–111; Колесникова, Зиньковская, 2015). Ключевые работы по эмалям Среднего Поднепровья ставили своей целью систематизацию украшений и уточнение их хронологии (Корзухина, 1978; Фролов, 1980; Гороховский, 1988. С. 112; Обломский, Терпиловский, 2007. С. 114). В результате проведенных исследований установлены категории изделий, при изготовлении которых использовались эмали; разработана их классификация; с учетом контекста находок, на основании типологических изменений, предложена хронология и периодизация.

Предметы с выемчатыми эмалями рассматривались как звено в эволюции раннеславянского женского убора (Родинкова, 2007; 2014). В частности, отмечается, что ювелирные изделия эмалевого стиля, характерные для позднезарубинецких и раннекиевских древностей, практически вытесняются из костюмного комплекса на позднем этапе культуры (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 113; Родинкова, 2014. С. 90, прим. 4).

В последнее время в научный оборот введены новые источники, проанализированы находки за пределами основного ареала украшений с выемчатыми эмалями, сделаны попытки стилистического анализа треугольных фибул (Ахмедов и др., 2015; Обломский, 2017; Колесникова, Зиньковская, 2017).

В литературе сформулированы вопросы, требующие убедительного объяснения (Родинкова, 2014). Так, например, не ясны причины стремительного распространения эмалей у разноэтничного населения лесной и лесостепной зон Восточной Европы в раннеримский период. Разителен контраст между уровнем материальной культуры ранних славян и богатством эмалевых гарнитуров. В силу специфики источника окончательно не установлены назначение таких

украшений, их место в структуре раннеславянского костюма. Хотя, безусловно, в историографии предложены интересные гипотезы об эмалевых гарнитурах как о статусных предметах – даже символах княжеской власти или жреческом облачении (*Родинкова*, 2014. С. 93), а также половозрастная атрибуция эмалевых наборов и историческая интерпретация «кладов» (*Фурасьев*, 2001; 2002).

Итак, восточноевропейские выемчатые эмали – ювелирный стиль, распространенный на обширной территории и существующий с конца II в. н. э. В Поднепровье он связан с памятниками киевской археологической культуры, а пик его развития приходится на первую половину III в.

При самом беглом взгляде на предметы с выемчатой эмалью можно сказать, что они представлены двумя большими группами. Ювелирные композиции «Жукинского» и «Межигорского» этапов, по Е. Л. Гороховскому, достигались сочетанием эмалевых и прорезных деталей. Цветовая гамма эмалевых вставок включала красный, зеленый, оранжевый, желтый, белый цвета на фоне золотистого оттенка бронзы. Можно предполагать, что максимальный эффект достигался при использовании полного гарнитура, который мог усиливаться за счет выигрышного цвета одежды. Немногочисленные позднейшие изделия (этапа 2а, по Е. Л. Гороховскому) имитировали украшения из серебра – металла белого цвета. Вероятно, они требовали другого фона, но, судя по тому, что цвета эмалей оставались прежними, можно предположить, что цветовая гамма одежды не изменилась – она просто подходила в качестве фона и для золотистых, бронзовых, и для серебристых украшений³.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что с середины III в. н. э. законодателем мод в Восточной Европе выступало население культуры Черняхов – Сынтана-де-Муреш (далее – ЧСМ), в среде которой ювелирные изделия из белого металла получили широкое распространение не ранее середины IV в. В связи с этим единственное черняховское погребение с Т-образными фибулами – Компанийцы, погр. 2 (рис. 1; 2) – исследователи вполне резонно датируют по дате могильника от второй трети IV в. и допускают возможность удревления этой даты до перв. пол. столетия (*Гороховский*, 1988. С. 126; *Гороховский и др.*, 1999. С. 145) и даже в пределах III в., исключая его начало⁴ (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 123). Двумфибульный убор этого погребения достаточно типичен для черняховского женского костюма. Однако модификации фибул, пряжки, а также способ соединения фибул железной цепью выделяет этот комплекс из остальных. Компанийцевские фибулы лишены не только эмали, но и сложной ажурной композиции и украшены лишь круглым штампом. Они – позднейшие в типологическом ряду з стежек, происхождение которых связывают с провинциально-римскими формами раннеримского периода (*Гороховский и др.*, 1999. С. 145. Рис. 3). Они изготовлены из так

³ Известно, что в позднеримский период ткани окрашивались красителями растительного происхождения и могли быть довольно широкой цветовой гаммы. Это подтверждается результатами химических анализов и синхронными цветными изображениями. По-видимому, использовались ткани, которые сочетались бы по цвету с эмалью. Риску предположить, что они были коричневыми или красно-коричневыми.

⁴ Очевидно, не ранее появления памятников культуры ЧСМ на Днепровском Левобережье, т. е. около середины – втор. пол. III в. н. э.

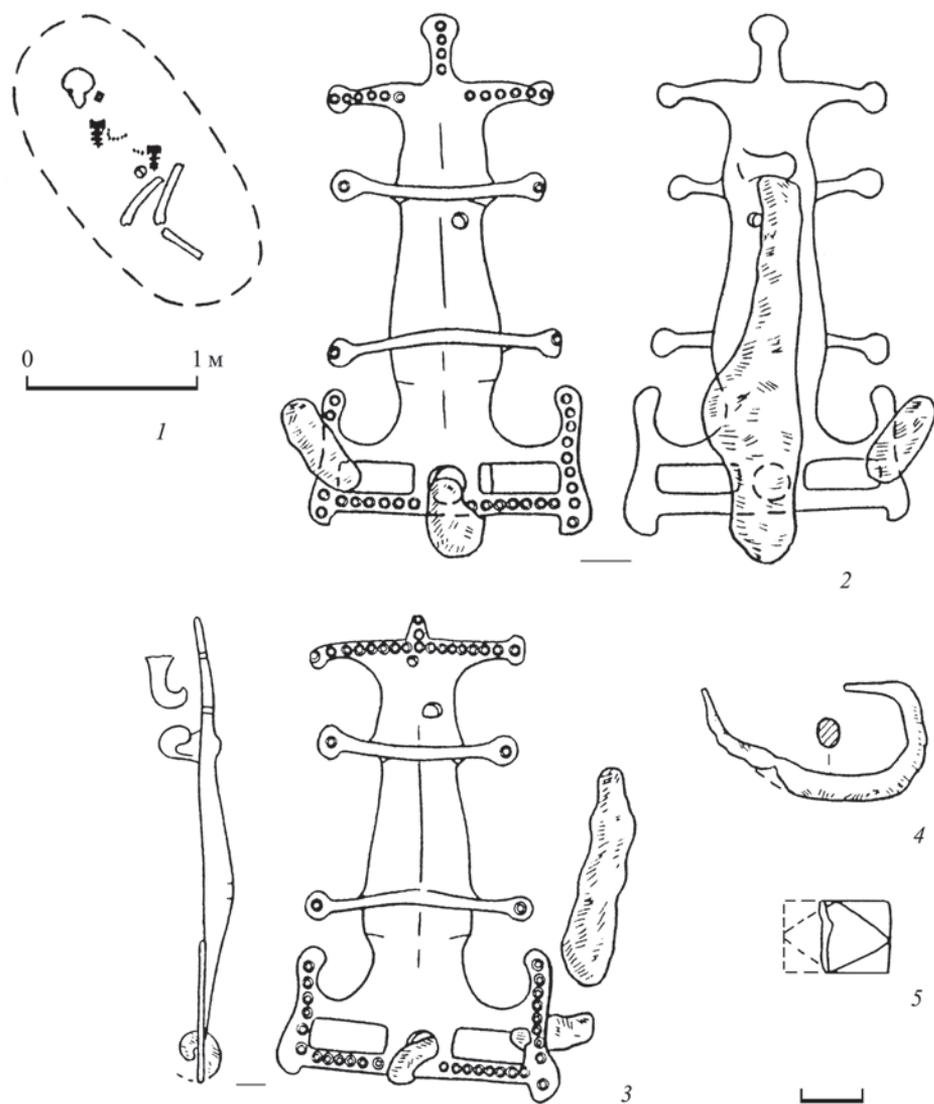

Рис. 1. Компанийцы, погр. 2 (по: Некрасова, 2006. Рис. 58: 1–5)

1 – план могилы; 2, 3 – бронзовые Т-образные фибулы стиля восточноевропейских выемчатых эмалей; 4 – железная пряжка; 5 – фрагмент сердоликовой бусины

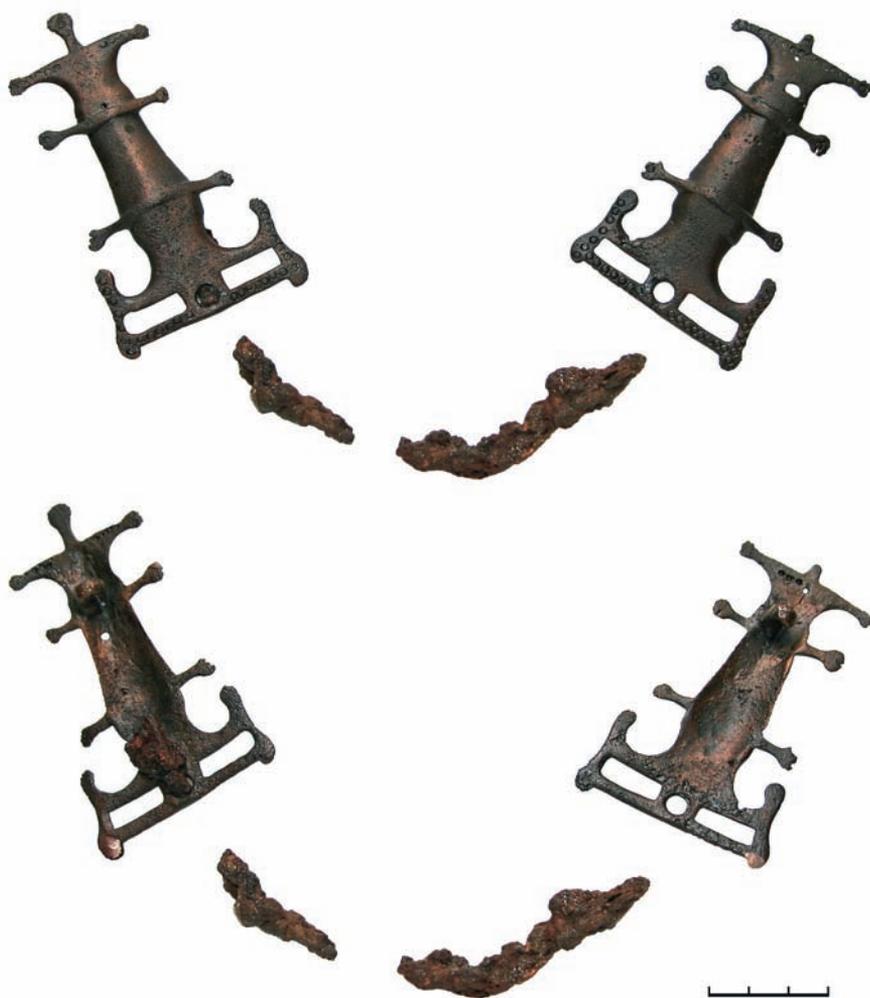

Рис. 2. Компанийцы, погр. 2. Бронзовые Т-образные фибулы. Фото автора

называемой оловянистой бронзы – сплава 4, по Е. Н. Черных и Т. Б. Барцевой (*Барцева и др.*, 1972. С. 100. № 3956, 3957), наиболее широко представленного в изделиях этого памятника. Поэтому не лишено смысла предположение об их местном производстве. Двухфибульный убор дополнен железной пряжкой, что не вполне обычно для черняховского убора, в котором чаще используются пряжки из цветных металлов, а фибулы скреплены железной цепью. К тому же рамка железной пряжки по морфологическим особенностям не принадлежит к черняховским (*Гороховский*, 1988. С. 126). Оттиски текстиля на цепи не сохранились, поэтому нельзя сказать, из какой ткани была изготовлена одежда.

Могильник Компанийцы, благодаря удачному географическому расположению, объединил вельбарское, пшеворское население, двигавшееся с северо-

запада двумя потоками, и носителей позднесарматской культуры. Кроме того, здесь найдена одна из ранних «двупластинчатых» фибул или их вероятный прототип (Gopkalo, 2018).

На этом примере хотелось бы остановиться более подробно, поскольку он иллюстрирует тему развития ювелирного ремесла. Правомерно ли употребление понятия «мода» для обозначения изменений ювелирного стиля или предпочтительнее использовать не менее расплывчатую, но привычную «эволюцию»? Что в таком случае обозначает каждый «шаг» такой эволюции – творческий «произвол» ювелиров или изменение вкусов заказчиков?

Как известно, двупластинчатыми фибулами обычно сопровождаются женские погребения культуры ЧСМ, поэтому находка такой застежки в мужском воинском погребении 86 представляет исключение. На уровне современных знаний этот факт может объясняться двояко: как мужская застежка, положившая начало женской моде, или как вещь из женской субкультуры, оказавшаяся среди инвентаря могилы в качестве погребального приношения, дара.

Компанийцевская застежка относится к варианту «Боромля – Компанийцы», по И. О. Гавритухину (Gavritukhin, 2002; Гавритухин, 2007) (рис. 3). Однако экземпляр из Компанийцев обладает рядом особенностей – отсутствием кнопки на головной пластине и массивной циркульно изогнутой дужкой, похожей на классические Bügelknopffibel (Т-образные пружинные) (Gavritukhin, 2002. Р. 119). Кроме того, фибула крупнее остальных экземпляров варианта, с фигурной тетивой и массивным приемником (рис. 3).

Сравнивая фибулы, объединяемые И. О. Гавритухиным в один вариант, а также найденные недавно, но относящиеся к нему по морфологическим признакам, следует отметить их однородность. Однако очевидно, что компанийцевская фибула – эталон для остальных застежек варианта. Косвенно это подтверждается и различием состава металла предполагаемого эталона и некоторых фибул указанного варианта. Компанийцевская фибула изготовлена из сплава 1, по Е. Н. Черных и Т. Б. Барцевой (Барцева и др., 1972. С. 100, 101. № 3958). Исследованная же методом рентгенофлуоресцентного анализа случайная находка из Полтавского клада 2014 г.⁵ (рис. 4: 2) отлита из оловянисто-свинцовой бронзы – сплава 4, характерного для большинства черняховских ювелирных изделий.

Кроме того, в комплексах с архаичными модификациями двупластинчатых фибул (Боромля, погр. 4; Родной Край, погр. 3) (рис. 4: 3, 6) застежки найдены в похожих условиях: в первом случае так, как если бы одежду сбросили в частично засыпанную яму, в другом – как если бы положили на посуду сверху. Интерпретировать упомянутые факты можно по-разному, но важно отметить их повторяемость. Возможно, ранние двупластинчатые фибулы еще служили для одежды, которую клали в могилу как «приношение».

Вторичное использование предметов мужской субкультуры в женской хорошо известно. Однако в данном случае речь идет о ювелирном изделии, образ которого был воспринят и растиражирован ремесленниками из разных регионов культурного ареала.

⁵ Готовится к публикации А. Б. Супруненко и Я. В. Володарцем-Урбановичем. Благодарю коллег за возможность сослаться на неопубликованные материалы.

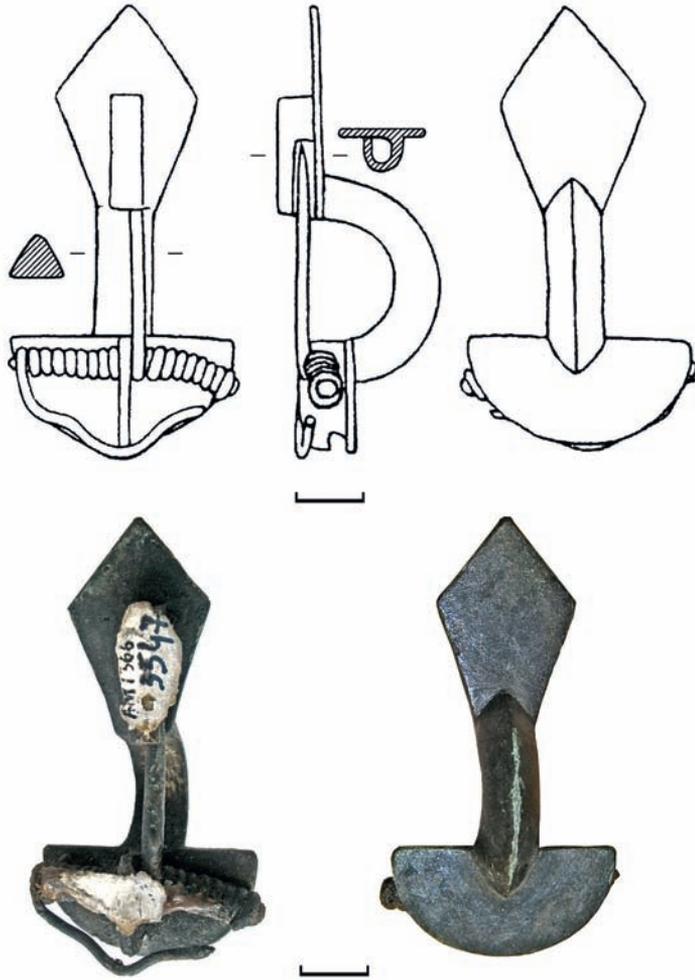
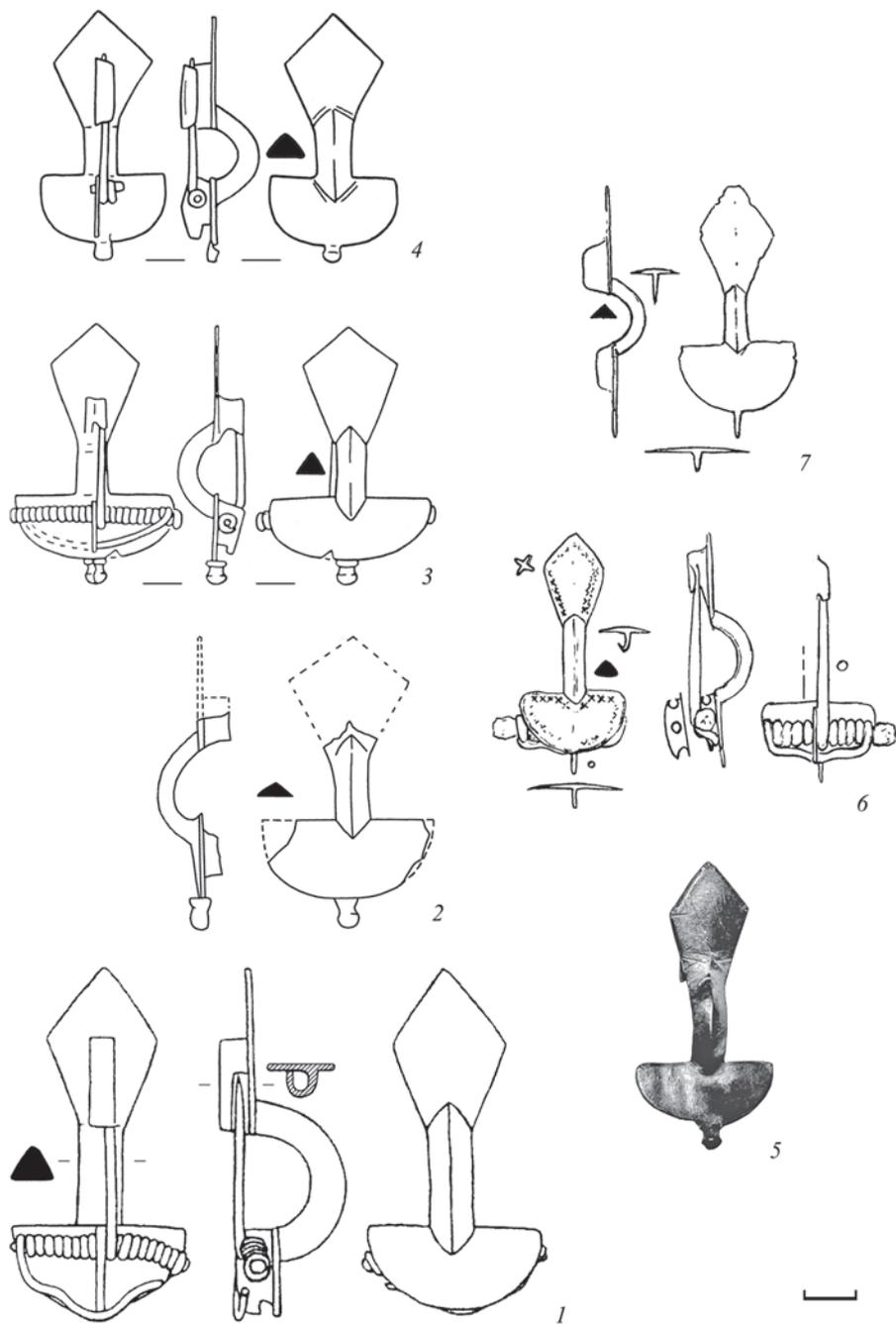

Рис. 3. Компанийцы, погр. 86. «Двупластинчатая» фибула. Фото автора

**Рис. 4 (с. 199). Фибулы блока вариантов «Боромля – Компанийцы»
(по И. О. Гавритухину (*Gavritukhin*, 2002. Р. 119))**

1 – Компанийцы, погр. 86; 2 – Полтавский клад 2014 г.; 3 – Боромля, погр. 4; 4 – Боромля, погр. 44; 5 – Григоро-Бригадировка; 6 – Родной Край, погр. 3; 7 – Шаровка

1, 6, 7 – рисунки И. О. Гавритухина; 3, 4 – рисунки А. Н. Некрасовой; 2, 5 – рисунок и фото автора

Среди ювелирных изделий культуры ЧСМ существовали две группы фибул, развитие которых происходило по-разному. Прогнутые подвязные распространялись из единого центра, их производство было стандартизованным (наверное, можно употребить слово «серийным»). В течение столетия они прошли эволюцию от простых проволочных к очень широким, шириной до 1 см, фасетированным образцам (рис. 5). По самым приблизительным подсчетам, каждый следующий «шаг» этой эволюции совершался через 20–60 лет.

Алгоритм возникновения и распространения двупластинчатых фибул принципиально иной. Они подражают единому образцу, который в разных регионах культуры наделялся собственными оригинальными чертами, в результате чего возникли многочисленные серии застежек, различающиеся по морфологическим и технологическим признакам. Многообразие модификаций двупластинчатых фибул – показатель густой сети ювелирных производств, обслуживающих отдельные регионы (рис. 6). Едиными оставались: тенденция к укрупнению изделий и форма ножки как наиболее чуткий хронологический признак.

Стимулом к появлению двупластинчатых фибул служила потребность нарождающейся «верхушки» иметь статусные вещи не только по материалу (серебро), но и по форме, внешнему облику. Благодаря эффектным вещам статус визуализировался, он в буквальном смысле становился «весомым, грубым, зримым», учитывая устойчивую тенденцию к увеличению абсолютных размеров⁶ двупластинчатых застежек. То же описывает А. К. Амброз в отношении двупластинчатых фибул II группы: «Само изменение формы фибул (замена I подгруппы II) произошло потому, что мастера, делавшие фибулы, были поставлены своими заказчиками перед задачей изготовления как можно более крупных, подчеркнута роскошных вещей» (Амброз, 1966. С. 88).

Ювелиры – создатели стиля восточноевропейских выемчатых эмалей, основными потребителями которых в Поднепровье выступали носители киевской культуры, также, вероятно, выполняли «социальный» заказ. Однако в отличие от носителей культуры ЧСМ, достаточно полно обеспеченной источниками для реконструкции костюма, внешний вид носителей киевской культуры можно воссоздать по поселенческим находкам и немногочисленным погребениям с деталями костюма. Первые в известном смысле случайны – это фрагменты повседневной одежды, скорее всего утерянные; вторые, представленные моноритуальным обрядом – кремацией на стороне, могут существенно исказить информацию о погребальном костюме. К тому же погребения киевской культуры немногочисленны⁷, многие из них разрушены вследствие антропогенной деятельности. Тем не менее 11 погребений из 170 сопровождалось деталями костюма (Терпиловский, 2004. С. 39). Некоторые особенности киевского костюма, по сравнению с черняховским, позволяют выделить и поселенческие материалы. Костюм «киевлян» отличался от черняховского по структуре, поскольку

⁶ Комплекс втор. пол. V в. из Гавы (Венгрия) включал фибулы длиной 33, пряжку – 14 см (рис. 7). Украшения были серебряными и позолоченными. На фибулах сохранились следы ремонта (Das Gold von Nyíregyháza..., 1997. S. 60–74. Taf. III: 2; IV).

⁷ По данным Р. В. Терпиловского, исследованы девять могильников и семь единичных погребений – всего 170 погребений (Терпиловский, 2004. С. 38).

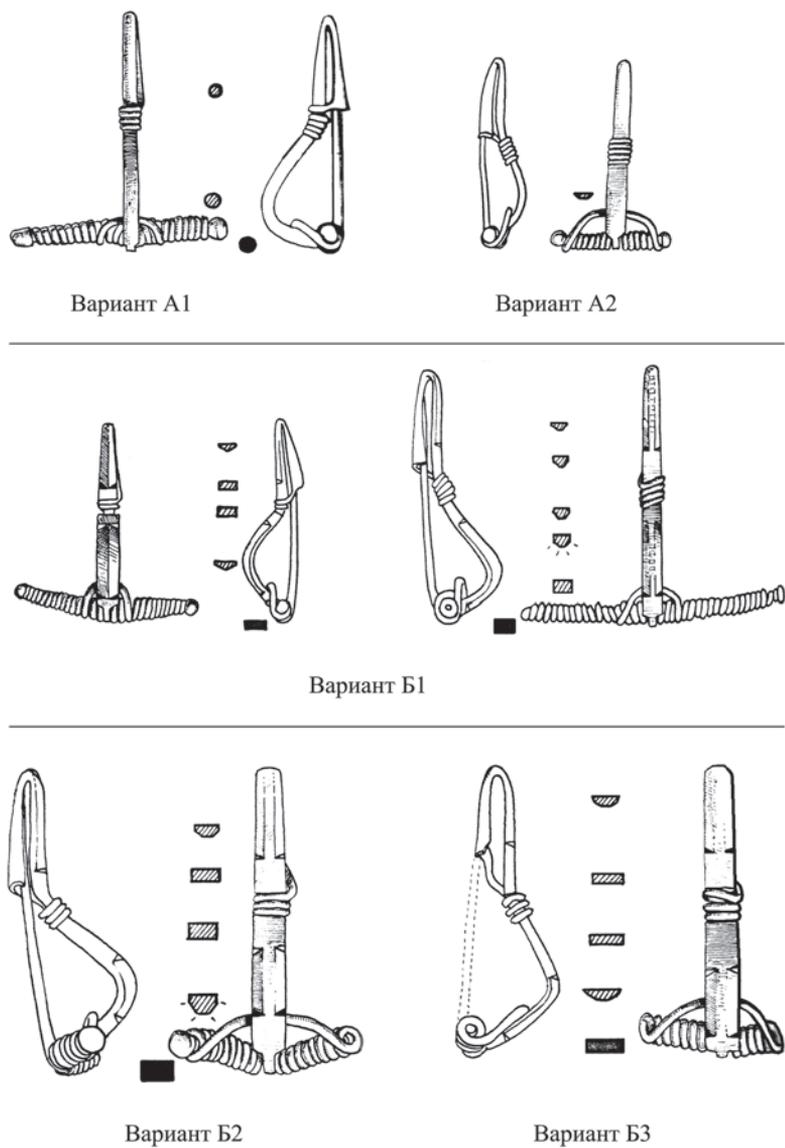

Рис. 5. Варианты двучленных прогнутых подвязных фибул (по Е. Л. Гороховскому)

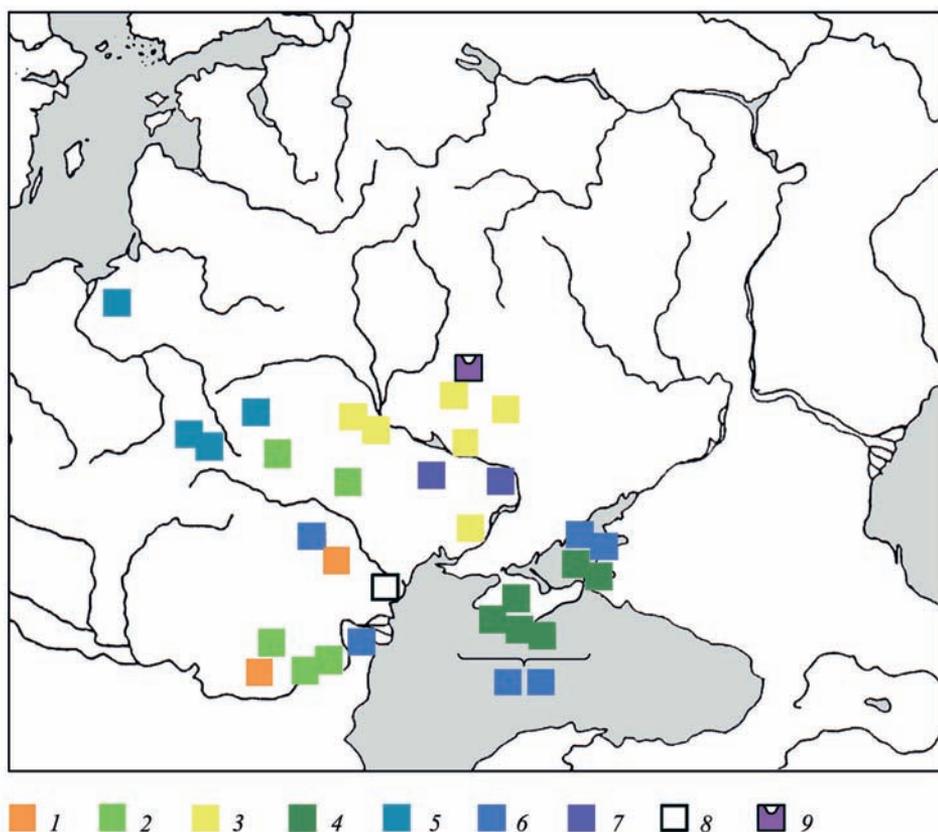

Рис. 6. Картограмма распространения двухпластинчатых фибул «арханческих» модификаций (по: Gavritukhin, 2002. Map 2)

1 – вариант «Петрешты»; 2 – вариант «Одобеску» и фибула из Кобылля; 3 – блок вариантов «Боромля – Компанийцы»; 4 – крымские серии; 5 – серии Грудек; 6 – фибулы с двойной пружиной северных вариаций и из Керчи; 7 – вариант «Алексеевка»; 8 – неизвестный вариант; 9 – Боромля, погр. 44

включал булавки, застежки и пряжки, подвески, браслеты, кольца. Следует отметить наличие железных застежек и пряжек, серебряных браслетов и подвесок местного производства.

Третьим, наиболее полным, источником для исследования костюма киевской культуры выступают предметы с выемчатой эмалью. Немногочисленные достоверные находки эмалевого стиля вне памятников киевской культуры, но связанные с ними, интерпретируются как клады и содержат ювелирные гарнитуры. Их состав значительно более полный, чем тот, который может быть реконструирован на основании поселенческих находок и находок в инвентаре погребений. Однако назначение таких комплексов дискуссионно, как и предложенные в литературе реконструкции убора (Гороховский, 1988; Родинкова, 2007. С. 366, 367. Рис. 15; 16; Левада, 2010. Рис. 26: 6).

Рис. 7. Гава. Комплекс украшений
(по: *Das Gold von Nyíregyháza...*, 1997. S. 60–74. Taf. III: 2; IV)

Назначение предметов с выемчатыми эмальями косвенно подтверждается локализацией их находок в погребениях на позднесарматских, позднескифских и античных городских некрополях: подковообразной фибулы на левом плече женщины (Дивизия, кург. 2, погр. 1), налобных пластинчатых венчиков в парной детской (*infantilis I*, от 6 месяцев до 1,5 лет) ингумации на позднескифском могильнике Красный Маяк (погр. 48) (*Обломский*, 2017. С. 63). Костюм ребенка включал аксессуары местного женского костюма (лучковую фибулу, височные кольца, бусы, спиральные браслеты, кольца, бусы у ног) (ср.: *Вязьмитина*, 1972. С. 114, 115) и инородные (пластинчатый венчик, колокольчики, возможно, некоторые типы янтарных бус).

С появлением в Среднем Поднепровье культуры Черняхов – Сынтана-де-Муреш нужды носителей киевской культуры удовлетворяли черняховские ювелиры: в крайнем варианте можно предполагать даже вытеснение производителей эмалей черняховскими ремесленниками, ориентированными на производство стандартизированной продукции для «массового потребителя». Тем более, судя по характеру поселений Днепровского Левобережья (Боромля II, Дмитровка III, Перещепино II), в середине – втор. пол. IV в. черняховское и киевское население здесь сосуществовало (*Некрасова*, 2006. С. 94–99; *Баишкатов*, 2010. С. 223–236. Рис. 11; *Приймак, Луговий*, 2017. С. 190. Рис. 11: 3). Этот процесс был прерван вследствие распада сложившегося социально-экономического уклада после гуннского вторжения.

Между тем ювелирная эмалевая традиция не прерывалась. Контекст позднейших «кладов» и единичных находок предметов с выемчатыми эмальями (Сухоносовка, Сурская Забора) точно не установлен⁸, однако представляется возможным связать их уже с пеньковскими древностями (*Обломский*, 2017. С. 58). Более того, стремление соответствовать общей восточноевропейской «моде» V в. к укрупнению абсолютных размеров застежек заставило эмальеров укрепить конструкцию треугольных фибул за счет применения ребер жесткости, как, например, это произошло на фибуле из Сурской Заборы (рис. 8)⁹.

Учитывая символику декоративных элементов предметов с выемчатыми эмальями, можно было бы предполагать вотивный характер эмалевых кладов, однако ограничитель на фибуле из Сурской Заборы свидетельствует о том, что застежка предназначалась для ношения. Учитывая массивность иглы (ее толщина у пружины составляла 5 мм, выше ограничителя – 2,5–3 мм), становится понятной целесообразность появления ограничителя – он удерживал ткань, не давая попасть ей под пружину и порваться.

Сам факт находки застежки из Сурской Заборы свидетельствует, что востребованность в вещах особого рода не исчезла. Предметы с выемчатыми эмальями развивались в едином ритме с другими модификациями ювелирных изделий, следовали единым тенденциям¹⁰. Можно назвать это явление «духом времени» или как-то иначе, но, учитывая неоспоримые факты использования предметов ювелирного искусства представителями элиты и создания новых модификаций ювелирных

⁸ Попытка связать находку сухоносовского «клада» с конкретным памятником успехом не увенчалась.

⁹ У двухпластинчатых фибул с той же целью меняется форма ножки (*Амброз*, 1966. С. 88).

¹⁰ В позднеримский период у народов европейского Барбарикума, кроме выемчатых эмалей, возникает и развивается полихромный ювелирный стиль. Отмечается единство цветовой гаммы (красно-зеленой) предметов полихромного стиля и выемчатых эмалей в пределах Восточной Европы – Европейской «Сарматии» Птолемея (*Шаров*, 2009. С. 129). Сравнение элементов декора, выполненных с помощью тиснения на плакированных изделиях, на античных памятниках в Скандинавии, Центральной и Восточной Европе в этот период, позволяет выделить специфические восточноевропейские признаки. Это треугольники, зигзаги, дуго- и волнообразные линии (ср.: Там же. Рис. 102). Эти же элементы декора фиксируются и на выемчатых эмальях.

Рис. 8. Сурская Забора. Треугольная фибула. Фото автора

изделий благодаря социальному заказу, представляется вполне оправданным назвать данный феномен «модой». В регионах, где представители разноэтничных элит активно взаимодействовали¹¹, он проявлялся особенно зримо. Необходимыми условиями появления и распространения разного рода новшеств можно назвать визуальную самопрезентацию, демонстрацию и различные виды контактов (участие в военных акциях, посольства, межэтнические браки и пр.).

В заключение хотелось бы немного отклониться от заданной темы. Как представляется, наиболее важными для реконструкции исторических процессов, происходивших в Восточной Европе на излете античной эпохи, следует признать самобытные черты эмалевого стиля, в частности их особенную символику, антропоморфную, напоминающую женский силуэт, форму треугольных застежек вместе с женским, скорее всего детским или девичьим, судя по аналогии с комплексом из Красного Маяка, характером эмалевых гарнитуров, включающих пластинчатые венчики, а также удвоение, утроение, учетверение, упятерение (Брянский клад) простого набора украшений. Многократное повторение предметов погребального инвентаря, например пряслиц, комплектов одежды, наблюдается в женских могилах культуры ЧСМ «бережанской» фазы, по Е. Л. Гороховскому. То же, по-видимому, происходит и с комплектом вооружения: он может быть минимальным, представленным одним предметом, может быть полным, т. е. включать образцы всех видов вооружения, а может содержать полный удвоенный комплект (повседневный и парадный). Несмотря на ощутимую разницу в образе жизни и традициях народов Восточной Европы в период поздней античности, базовые мировоззренческие установки были, по-видимому, сопоставимы.

Повторюсь, стилистика выемчатых эмалей заставляет обратиться к поиску женских персонажей – женскому Божеству, женщинам, выполняющим сакральные функции, или персонам, статус которых был освящен.

По аналогии с незначительной, собранной по крупицам и очень осторожно высказанной информацией об идеологии (культы и религии) готов¹², одним из божеств восточноевропейских народов могла быть крупная река, которой приносили человеческие жертвы (*Вольфрам*, 2003. С. 160).

Кроме того, элементы декора, присутствующие на ювелирных изделиях, могли повторяться в вышивках или тканых элементах одежды как обереги.

¹¹ О «гуннской» моде, сформировавшейся в Среднем Подунавье и распространившейся с середины V в. в Южный Крым и Боспор, писал А. К. Амброз. Она касалась не только производства фибул. Среди ее элементов исследователь называл: специфическую инкрустацию, обычай деформации черепов, магические подвески к мечам. «Враждебные отношения с гуннами мешали распространению этой моды за пределы гуннской державы в первой половине V в. Но после изгнания гуннов эта преграда исчезла. Остался лишь ореол гуннской славы. Рассказы о богатстве и могуществе гуннов еще долго пленяли воображение народов средневековой Европы. Видимо, это и создало особо благоприятную почву для широкого заимствования элементов художественной культуры и обычаев населения Среднего Подунавья» (*Амброз*, 1966. С. 91).

¹² В «Житии святого Саввы Готского» жители придунайской готской деревни для спасения односельчанина-христианина с легкостью клянутся богами, охотнее всего Дунаем (*Вольфрам*, 2003. С. 160).

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К.*, 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. М.: Наука. 112 с., 28 л. ил., карт. (САИ; вып. Д1-30.)
- Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А.*, 2015. Брянский клад вещей с выемчатыми эмалями (предварительная публикация) // РА. № 2. С. 146–166.
- Банников А. В.*, 2011. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб.: СПбГУ: Нестор-История. 263 с.
- Барцева Т. Б., Вознесенская Г. А., Черных Е. Н.*, 1972. Металл черняховской культуры. М.: Наука. 119 с. (МИА; № 187.)
- Башикатов Ю. Ю.*, 2010. Памятники черняховской культуры юга Среднего Поднепровья // *Germania – Sarmatia II*: сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвящ. памяти М. Б. Щукина / Ред. О. А. Щеглова; сост.: О. А. Радюш, К. Н. Скворцов. Калининград; Курск. С. 215–239.
- Вольфрам Х.*, 2003. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Пер. с нем.: Б. П. Миловидов, М. Ю. Некрасов; ред.: М. Б. Щукин, Н. А. Бондарко, П. В. Шувалов. СПб.: Ювента. 656 с. (Историческая библиотека.)
- Вязьмитина М. И.*, 1972. Золотобалковский могильник. Киев: Наукова думка. 190 с.
- Гавритухин И. О.*, 2007. Днепровское лесостепное Левобережье. Финал черняховской культуры // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Ред.: А. М. Обломский, И. О. Гавритухин. М.: ИА РАН. С. 9–24. (PCM; вып. 9.)
- Гороховский Е. Л.*, 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: дис. ... канд. ист. наук. Киев. 461 с.
- Гороховский Е. Л., Кубышев А. И., Тертиловский Р. В.*, 1999. Украшения круга выемчатых эмалей из села Воронькив на Киевщине // Сто лет черняховской культуре / Відп. ред. М. І. Гладких. Київ: Товариство археології та антропології. С. 144–149.
- Гофман А. Б.*, 2004. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. СПб.: Питер. 208 с.
- Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М.*, 1966. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага: Артня. 600 с.
- Кнабе Г. С.*, 1986. Древний Рим – история и повседневность: Очерки. М.: Искусство. 206 с.
- Колесникова А. Ю., Зиньковская И. В.*, 2015. Основные проблемы изучения предметов круга варварских эмалей Восточной Европы // Вестник Воронежского гос. университета. Серия: История. Политология. Социология. № 3. С. 29–37.
- Колесникова А. Ю., Зиньковская И. В.*, 2017. О стилистических особенностях треугольных фибул круга выемчатых эмалей // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т. С. 132–143.
- Корзухина Г. Ф.*, 1978. Предметы убора с выемчатыми эмалями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 123 с. (САИ; вып. Е1-43.)
- Левада М. Е.*, 2010. Сухоносивка // *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin* / Red. A. Urbaniak. Łódź; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego: Fundacja Monumenta Archaeologica. С. 557–594. (Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina; t. II.)
- Некрасова А. Н.*, 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья // Готы и Рим / Сост.: М. Е. Левада, Л. Г. Самойленко. Киев: Стилос. С. 87–200.
- Обломский А. М.*, 2017. Украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля в степях Причерноморья и в Крыму // РА. № 1. С. 55–69.
- Обломский А. М., Тертиловский Р. В.*, 2007. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (PCM; вып. 10.)
- Приймак В. В., Луговой Р. М.*, 2017. Поселения черняхівської культури біля с. Більськ на Полтавщині // Європейська археологія I тисячоліття н. е.: збірник на честь Л. В. Вакуленко / Ред. А. В. Скиба. Київ: ІА НАНУ. С. 187–202.

- Родинкова В. Е., 2007. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / Отв. ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 358–388. (РСМ; вып. 9.)
- Родинкова В. Е., 2014. Раннеславянский женский убор римского и средневекового времени (проблемы и изучение источников) // КСИА. Вып. 233. С. 88–99.
- Терпиловский Р. В., 2004. Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н. э. Lublin: Uniwersitet Marii Curie-Skłodowskiej. 232 с.
- Тертуллиан К. С. Ф., 2000. О плаще / Пер. с лат. А. Я. Тыжова; сост., сопровод. статьи, коммент. Ю. С. Довженко. СПб.: Алетейя. 217 с.
- Фролов И. К., 1980. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии) / Ред. Э. С. Мугуревич. Рига: Зинатне. С. 111–124.
- Фурасьев А. Г., 2001. Половозрастные наборы украшений круга варварских выемчатых эмалей // Отделу археологии Восточной Европы и Сибири 70 лет: тез. науч. конф. / Науч. ред. А. Ю. Алексеев. СПб.: ГЭ. С. 29–34.
- Фурасьев А. Г., 2002. Проблема датировки кладов с выемчатой эмалью // Клады: состав, хронология, интерпретация: материалы науч. конф. СПб.: Ист. фак. СПбГУ. С. 83–86.
- Шаров О. В., 2009. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV вв. н. э.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб. 571 с.
- Яценко С. А., 2006. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература. 661 с.
- Aur. Vict. Epit. Victor Sextus Aurelius*, 1911. *Epitoma de Caesaribus* / Recensuit F. Pichlmayr. Leipzig: Teubner.
- CTh. *Codex Theodosianus* / Hrsg.: T. Mommsen, P. T. Meuk. Berlin: Teubner, 1905.
- Das Gold von Nyíregyháza (Archäologische Fundkomplexe mit Goldgegenständen in der Sammlung des Jósa-András-Museums Nyíregyháza) / Hrsg.: K. Almásy, E. Isvánovits, K. Kurucz. Nyíregyháza, 1997. 183 S.
- Gavritukhin I., 2002. Double-plate fibels of subgroup I // A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve. XLIV. Nyíregyháza. P. 113–184.
- Gopkalo O., 2018. Double-plate fibula from a warrior's grave of the Chernyakhiv – Sântana-de-Mureş Culture cemetery in Kompanijci: a man's brooch which gave rise to a women's fashion or a woman's gift? // *Studia Barbarica. Andrzejowi Kokowskiemu w 65 rocznicę urodzin. For Professor Andrzej Kokowski on His 65th Birthday*. T. 1. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. P. 564–569.

Сведения об авторе

Гопкало Оксана Викторовна, Институт археологии НАН Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, Киев, 04210, Украина; e-mail: hopkalo@gmail.com

O. Gopkalo

THE DEFINITION OF THE CONCEPTS OF 'JEWELRY STYLE' AND 'FASHION'

THE CASE OF CHERNYAKHOV FIBULAE AND CHAMPLEVÉ JEWELRY

Abstract. Eastern European champlevé enamels represent a unique jewelry style. However, despite their distinctness and stylistic unity, champlevé enamels were influenced by the Eastern European fashion. In this case the term «fashion» means a historical and cultural phenomenon, a prototype of contemporary fashion.

Keywords: artistic style, jewelry style, fashion, Eastern European champlevé enamels, Kiev culture, Chernyakhov–Sântana-de-Mureş culture, Penkovka culture.

REFERENCES

- Akhmedov I. R., Oblomskiy A. M., Radyush O. A., 2015. Bryanskiy klad veshchey s vyyemchatymi emalyami (predvaritel'naya publikatsiya) [Bryansk hoard of items with champlévé enamel (preliminary publication)]. *RA*, 2, pp. 146–166.
- Ambroz A. K., 1966. Fibuly Yuga Evropeyskoy chasti SSSR. II v. do n. e. – IV v. n. e. [Fibulae of the South of European part of the USSR. II c. BC – IV c. AD]. Moscow: Nauka. 112 p. (SAI).
- Aur. Vict.* Epit. Victor Sextus Aurelius, 1911. Epitoma de Caesaribus. F. Pichlmayr, recensuit. Leipzig: Teubner.
- Bannikov A. V., 2011. Rimskaya armiya v IV stoletii (ot Konstantina do Feodosiya) [Roman army in IV century (from Konstantin to Theodosius)]. St. Petersburg: SPbGU: Nestor-Istoriya. 263 p.
- Bartseva T. B., Voznesenskaya G. A., Chernykh E. N., 1972. Metall chernyakhovskoy kul'tury [Chernyakhov culture metal]. Moscow: Nauka. 119 p. (MIA, 187.)
- Bashkatov Yu. Yu., 2010. Pamyatniki chernyakhovskoy kul'tury yuga Srednego Podneprov'ya [Chernyakhov culture sites in the south of Middle Dnieper region]. *Germania – Sarmatia II: sbornik nauchnykh statey po arkheologii narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy, posvyashchennyy pamyati M. B. Shchukina* [Germania – Sarmatia II: collection of scientific articles on archaeology of peoples of Central and Eastern Europe in memory of M. B. Shchukin]. O. A. Shcheglova, ed., O. A. Radyush, K. N. Skvortsov, comp. Kaliningrad; Kursk, pp. 215–239.
- CTh. Codex Theodosianus. T. Mommsen, P. T. Meuk, Hrsg. Berlin: Teubner, 1905.
- Das Gold von Nyíregyháza (Archäologische Fundkomplexe mit Goldgegenständen in der Sammlung des Jóna-András-Museums Nyíregyháza). K. Almassy, E. Isvánovits, K. Kurucz, Hrsg. Nyíregyháza, 1997. 183 S.
- Frolov I. K., 1980. Lunnitsy s vyyemchatoy emal'yu [Lunulae with champlévé enamel]. *Iz drevneyshey istorii baltskikh narodov (po dannym arkheologii i antropologii)* [From earliest history of the Balt peoples (based on data of archaeology and anthropology)]. E. S. Mugurevich, ed. Riga: Zinatne, pp. 111–124.
- Furas'yev A. G., 2001. Polovozrastnyye nabory ukrasheniy kruga varvarskikh vyyemchatykh emaley [Sex and age determined sets of ornaments of barbarian champlévé enamels circle]. *Otdelu arkheologii Vostochnoy Evropy i Sibiri 70 let: tezisy nauchnoy konferentsii* [7 decades of Department of archaeology of Eastern Europe and Siberia: abstracts of scientific conference]. A. Yu. Alekseyev, ed. St. Petersburg: GE, pp. 29–34.
- Furas'yev A. G., 2002. Problema datirovki kladov veshchey s vyyemchatymi emalyami [Problem of dating hoards of items with champlévé enamels]. *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya: materialy nauchnoy konferentsii* [Hoards: contents, chronology, interpretation: proceedings of scientific conference]. St. Petersburg: Istoricheskiy fakul'tet SPbGU, pp. 83–86.
- Gavritukhin I., 2002. Double-plate fibels of subgroup I. *A nyiregyházi Jóna András Múzeum Évkönyve*, XLIV. Nyiregyháza, pp. 113–184.
- Gavritukhin I. O., 2007. Dneprovskoye lesostepnoye Levoberezh'ye. Final chernyakhovskoy kul'tury [Dnieper left bank forest-steppe region. End of Chernyakhov culture]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tysyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. A. M. Oblomskiy, I. O. Gavritukhin, eds. Moscow: IA RAN, pp. 9–24. (RSM, 9.)
- Gofman A. B., 2004. Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya [Fashion and people. New theory of fashion and fashionable behaviour]. St. Petersburg: Piter. 208 p.
- Gopkalo O., 2018. Double-plate fibula from a warrior's grave of the Chernyakhiv – Sântana-de-Mureş Culture cemetery in Kompanijci: a man's brooch which gave rise to a women's fashion or a woman's gift? *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin. For Professor Andrzej Kokowski on His 65th Birthday*, vol. I. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 564–569.
- Gorokhovskiy E. L., 1988. Khronologiya yuvelirnykh izdeliy pervoy poloviny I tysyacheletiya n. e. lesostepnogo Podneprov'ya i Yuzhnogo Pobuzh'ya: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Chronology of jewelry items of first half of I millennium AD in forest-steppe Dnieper and South Bug regions: Ph. D. dissertation]. Kiev. 461 p.
- Gorokhovskiy E. L., Kubyshev A. I., Terpilovskiy R. V., 1999. Ukrasheniya kruga vyyemchatykh emaley iz sela Voron'kiv na Kiyevshchine [Ornaments of champlévé enamels circle from Voron'kiv

- village, Kiev region]. *Sto let chernyakhovskoy kul'ture [A hundred years of Chernyakhov culture]*. M. I. Gladkikh, ed. Kiev: Tovarystvo arkhologii i antropologii, pp. 144–149.
- Kibalova L., Gerbenova O., Lamarova M., 1966. *Illyustrirovannaya entsiklopediya mody [Illustrated encyclopedia of fashion]*. Praga: Artiya. 600 p.
- Knabe G. S., 1986. *Drevniy Rim – istoriya i povsednevnost': Ocherki [Ancient Rome – history and everyday life: Essays]*. Moscow: Iskustvo. 206 p.
- Kolesnikova A. Yu., Zin'kovskaya I. V., 2015. Osnovnyye problemy izucheniya predmetov kruga varvarskikh emaley Vostochnoy Evropy [Principal problems of research of items of barbarian enamels circle of Eastern Europe]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya [Bulletin of Voronezh state university. Ser.: History. Politicalology. Social studies]*, 3, pp. 29–37.
- Kolesnikova A. Yu., Zin'kovskaya I. V., 2017. O stilicheskikh osobennostyakh treugol'nykh fibul kruga vyemchatykh emaley [On stylistical specifics of triangular fibulae of champlé enamels circle]. *Verkhnedonskoy arkhologicheskoy sbornik [Upper Don archaeological annual]*, 8. Lipetsk: Lipetskii gos. pedagogicheskii universitet, pp. 132–143.
- Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'ye [Items of attire with champlé enamels of V – first half of VI c. AD in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 123 p. (SAI.)
- Levada M. E., 2010. Sukhonosivka [Sukhonosivka]. *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin*. A. Urbaniak, ed. Łódź; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego: Fundacja Monumenta Archaeologica, pp. 557–594. (*Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina, II.*)
- Nekrasova A. N., 2006. Pamyatniki chernyakhovskoy kul'tury Dneprovskogo Levoberezh'ya [Chernyakhov culture sites of Dnieper left bank]. *Goty i Rim [The Goths and Rome]*. M. E. Levada, L. G. Samoilenko, eds. Kiev: Stilos, pp. 87–200.
- Oblomskiy A. M., 2017. Ukrasheniya s vyemchatymi emalyami vostochnoyevropeyskogo stilya v stepyakh Prichernomor'ya i v Krymu [Ornaments with champlé enamels of East European style in North Pontic steppes and Crimea]. *RA*, 1, pp. 55–69.
- Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami na teritorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (Dopolneniye svodov G. F. Korukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo) [Attire items with champlé enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (Supplement to corpus editions by G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kiyevskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v.) [Kiev culture sites in Russia forest-steppe zone (III – early V c.)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (RSM, 10.)
- Priymak V. V., Lugoviy R. M., 2017. Poselennya chernyakhivs'koj kul'turi bilya s. Bil's'k na Poltavshchyni [Chernyakhov culture settlements near village Bilsk, Poltava region]. *Cvroepeys'ka arkhologiya I tisyacholittya n. e.: zbirnik naukovikh prats' na chest' L. V. Vakulenko [European archaeology of I millennium AD: collected scientific works in honour of L. V. Vakulenko]*. A. V. Skiba, ed. Kiev: IA NANU, pp. 187–202.
- Rodinkova V. E., 2007. Sistema zhenskogo rannesrednevekovogo ubora Srednego Podneprov'ya (retrospektivnyy analiz) [System of female early medieval attire of Middle Dnieper region (retrospective analysis)]. *Vostochnaya Evropa v seredine I tisyacheletiya n. e. [Eastern Europe in mid I millennium AD]*. I. O. Gavritukhin, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 358–388. (RSM, 9.)
- Rodinkova V. E., 2014. Ranneslavyanskiy zhenskiy ubor rimskogo i srednevekovogo vremeni (problemy i izucheniye istochnikov) [Early Slavonic female dress of the Roman and Early Medieval periods (problems and sources analysis)]. *KSLA*, 233, pp. 88–99.
- Sharov O. V., 2009. Bospor i varvarskiy mir Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy v pozdnerimskuyu epokhu (seredina II – seredina IV vv. n. e.): dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk [Bosporus and barbarian world of Central and Eastern Europe in late Roman period (mid II – mid IV cc. AD): Dr. of Sc. Dissertation]. St. Petersburg. 571 p.
- Terpilovskiy R. V., 2004. Slavyane Podneprov'ya v pervoy polovine I tisyacheletiya n. e. [The Slavs of Dnieper region in first half of I millennium AD]. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. 232 p.

- Tertulliani Q. S. F., 2000. O plashche [De Pallio]. A. Ya. Tyzhov, transl. from Latin; Yu. S. Dovzhenko, comp., accomp. articles, comment. St. Petersburg: Aletyya. 217 p.
- Vyaz'mitina M. I., 1972. Zolotobalkovskiy mogil'nik [Zolotobalkovskiy cemetery]. Kiev: Naukova dumka. 190 p.
- Wolfram H., 2003. Goty. Ot istokov do serediny VI veka (opyt istoricheskoy etnografii) [Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des 6. Jahrhunderts (Experience of historical geography)]. B. P. Milovidov, M. Yu. Nekrasov, transl. from German; M. B. Shchukin, N. A. Bondarko, P. V. Shuvalov, eds. St. Petersburg: Yuventa. 656 p. (Istoricheskaya biblioteka.)
- Yatsenko S. A., 2006. Kostyum drevney Evrazii (iranoyazychnyye narody) [Ancient Eurasia costume (Iranian-speaking peoples)]. Moscow: Vostochnaya literatura. 661 p.

About the author

Gopkalo Oksana V., Institute of archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine. Geroyev Stalingrada av. 12, Kiev, 04210, Ukraine; e-mail: hopkalo@gmail.com

А. М. Обломский

КЛАД УКРАШЕНИЙ С ВЫЕМЧАТЫМИ ЭМАЛЯМИ ИЗ НИЖНЕГО КАЗАЧЬЕГО НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Резюме. В 2016 г. на северной окраине известного ранее поселения Нижнее Казачье-10 Задонского р-на Липецкой обл. был обнаружен клад, в состав которого входили украшения с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля. Территория поселения заселялась неоднократно. Во время осмотра памятника и шурфовки получены материалы городецкой культуры раннего железного века, позднескифской первых вв. н. э., гуннского времени, боршевской культуры раннего средневековья, Нового времени. Какой-либо керамики, которую можно было бы отнести ко времени сокрытия клада, не обнаружено. Клад состоял из 12 предметов: бронзовых – обломка кольца или браслета, двух фрагментов браслетов, пластины, рамы пряжки, кольца, двух подвесок-лунниц, подвески-колокольчика; железных – шпоры и кресала; медной римской монеты (сестерция) 161–164 гг. Наиболее вероятное время сокрытия клада – около середины III в. Он входит в группу верхнедонских кладов ювелиров-бронзолитейщиков.

Ключевые слова: Верхнее Подонье, украшения с выемчатыми эмалями восточноевропейского стиля, Нижнее Казачье, клады ювелиров-бронзолитейщиков.

Находки украшений с выемчатыми эмалями на территории Верхнего Подонья стали известны сравнительно недавно. В настоящее время известны 27 отдельных находок, которые происходят из 18 пунктов (ссылки на публикации см. в подписях под рис. 1). Кроме отдельных вещей, найдены 5 кладов. Три из них опубликованы (Журавка или Лукьянчиков (по другому изданию), Замятино-Юрьево, Паниковец) (Акимов, Ененко, 2012; Березуцкий, Золотарев, 2014; Обломский, 2018б). Сведения о кладе, который найден около устья р. Красивая Меча (т. н. Лебедянский клад), получены от черных копателей. Мне доступны лишь любительские фотографии вещей. В настоящей статье публикуются материалы пятого клада, обнаруженного около с. Нижнее Казачье Задонского р-на Липецкой обл., которые хранятся в Государственном музее-заповеднике «Куликово поле» (г. Тула).

История находки. Первые сведения о находках вещей из клада были получены краеведом из г. Задонска А. Д. Швыревым осенью 2016 г. Он же и убедил находчиков передать вещи ему, чтобы они стали доступны для научного изучения, и показать место, где они были обнаружены¹. В июне 2017 г. место находки клада было обследовано Раннеславянской экспедицией Института археологии РАН. Кроме меня и А. Д. Швырева в этих работах из археологов принимали участие В. В. Приймак (Сумы) и Н. Г. Рябчевский (Брянск). Выяснилось, что клад был найден на окраине поселения Нижнее Казачье-10, открытого Раннеславянской экспедицией в 2010 г.

Поселение примыкает с северо-запада к двум крайним северо-восточным усадьбам с. Нижнее Казачье, занимая также и их огороды. Находится на изгибе пологой первой надпойменной террасы левого берега р. Дон на высоте 7–9 м от высокой поймы. Северо-западная часть селища задернована и частично заросла кустарником, юго-восточная – распахана под огороды, северная – занята посевами. В отчете о работах Раннеславянской экспедиции за 2010 г. указано, что, по данным шурфовки, распространению подъемного материала и топографии, размеры поселения составляют 200 × 80 м. В 2017 г. обследование памятника было проведено по свежей распахке. Выяснилось, что его протяженность с севера на юг составляет не менее 280 м (рис. 2).

Сборы подъемного материала и шурфовка показали, что территория памятника заселялась неоднократно. Обнаружена керамика городецкой культуры раннего железного века, позднескифской первых вв. н. э., гуннского времени, боршевской культуры раннего средневековья, Нового времени. К концу IV – V в. н. э. относится серия достаточно показательных украшений (*Обломский, 2018a. С. 111–114*).

Какой-либо керамики, которую можно было бы однозначно отнести ко времени сокрытия клада, на памятнике не выявлено.

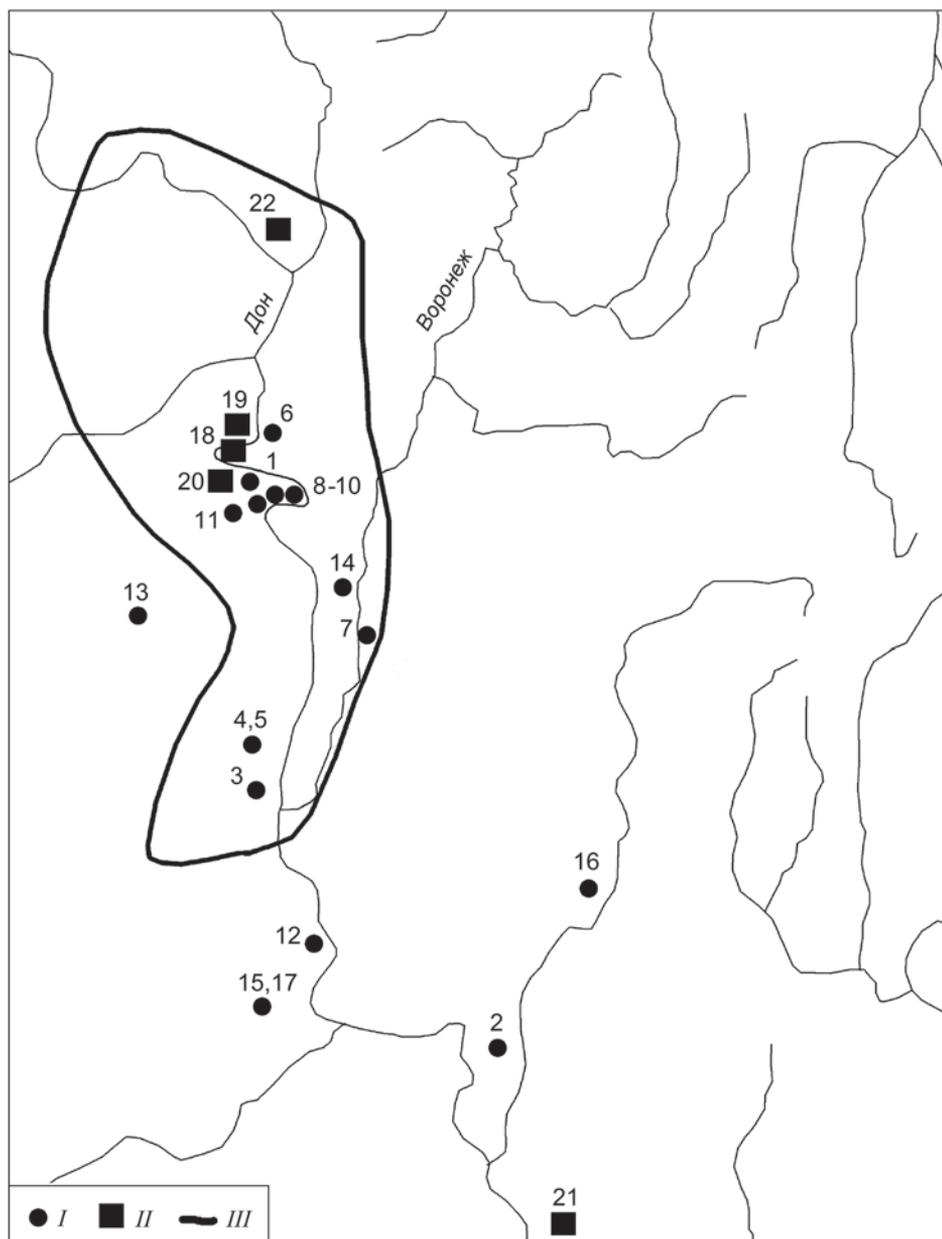
Клад был обнаружен на северной окраине поселения. Вещи были найдены находчиками на пашне, на пространстве около 30 × 30 м (рис. 2), очевидно, они были растащены плугом. Во время осмотра памятника в 2017 г. были подняты два обломка браслетов (рис. 3: 2, 7), т. е. место локализации клада можно считать точно установленным. Собранная на северной окраине поселения керамика, кроме нескольких невыразительных черепков лепных сосудов, состоит в основном из обломков горшков Нового времени. В целом концентрация подъемного материала на этом участке памятника – низкая. Заложить шурф не было возможности из-за посевов.

Ниже следует *описание предметов из клада* (рис. 3; 4).

1. Фрагмент бронзового кольца или браслета. Изготовлен из пластины шириной 5,5–6 мм, толщиной около 2 мм. Пластина с двух сторон обломана. Ее длина с учетом кривизны – 6 см. На внешней поверхности нанесены насечки, расположенные углом (рис. 3: 1; 4: 1).

2. Фрагмент бронзового браслета. Изготовлен из пластины шириной 8–9 мм, толщиной 3 мм. Пластина с двух сторон обломана, на сгибе имеется трещина.

¹ Пользуясь случаем, сердечно благодарю А. Д. Швырева за помощь в сборе сведений о кладе.

Длина фрагмента с учетом кривизны – 4,5 см. На внешней поверхности по краям пластины нанесены полосы пуансонного орнамента (рис. 3: 2; 4: 2).

3. Фрагмент железной шпоры. Длина обломка (с учетом кривизны) – 6 см. Крепление – в виде отогнутого кверху цилиндра длиной 1,4 см, диаметром 3 мм. Дужка – плоская, шириной 5–7 мм, слегка расширена к шипу. Шип – пирамидальный с мягкими гранями. Ширина в основании – до 7 мм, высота – 1,5 см (рис. 3: 3; 4: 9).

4. Обломок смятой бронзовой пластины толщиной 0,3 мм, шириной 1,2–1,6 см, длиной (с учетом кривизны) 5,5 см. На узком конце имеется отверстие диаметром 5 мм (рис. 3: 4; 4: 3).

5. Прямоугольная рама пряжки. Углы оформлены в виде слабовыраженных выступов. Размеры рамы по внешнему краю – 3,9–4,1 × 3,2–3,4 см. С трех сторон сечение рамы уплощенное, размерами 3 × 6 мм; с четвертой (очевидно там, где был несохранившийся язычок) – округлое, размерами 4 × 4 мм. На одной из сторон видна дуга пуансонного орнамента из близко расположенных друг к другу мелких точек (рис. 3: 5; 4: 4).

6. Бронзовое кольцо. Изготовлено из подтреугольной в сечении пластины шириной 5–6 мм, толщиной до 3 мм. Диаметр кольца по внешнему краю 1,2–1,3 см (рис. 3: 6).

7. Фрагмент бронзового браслета с подтреугольным в сечении корпусом и треугольным гребнем на конце. Длина фрагмента с учетом кривизны – 7 см, ширина корпуса – 1,2–1,6 см, максимальная высота корпуса – 2 мм. Размеры гребня – 2,7 × 0,7 см, толщина – 3 мм. На внешних торцах треугольного гребня нанесено по одной каннелюре (рис. 3: 7; 4: 8).

8. Бронзовая подвеска-лунница с треугольно-дуговидным корпусом и тремя круглыми выступами на каждом из концов. Общие размеры изделия вместе с ушком – 3,7 × 2,2 см. На левом окончании верхний и нижний выступы частично утрачены. В верхней части подвески имеется узкое ушко с овальным отверстием

Рис. 1. Карта-схема находок украшений с эмалью на территории Верхнего Подонья

I – отдельные находки; *II* – клады; *III* – ареал памятников типа Каширка – Седелки

1 – Замятино-5 (по: Бирюков, 2004. Рис. 112: 3; Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 146: 5); *2* – Бобровский р-н Воронежской обл. (по: Амелькин, 1998; Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 146: 8); *3* – Семилукское городище (по: Там же. Рис. 152: 1); *4* – Губаревское городище (по: Зиньковская, 2011. Рис. 3: 2); *5* – Терновое (по: Там же. Рис. 3: 1; Акимов, Ененко, 2012. Рис. 2: 1, 2); *6* – Затишье (по сведениям А. Д. Швырёва); *7* – Нелжа (оз. Улуково) (фонды археологического музея ВГУ); *8* – Ксизово-18 (Государственный музей-заповедник «Куликово поле»); *9* – Ксизово-17 (по: Обломский, 2010. Рис. 4: 3); *10* – Ксизово-19 (по: Там же. Рис. 4: 1, 2); *11* – Мухино-2, *9* (по: сведения А. Д. Швырёва; Гончаров, Земцов, 2017. С. 108, 109. Рис. 9); *12* – Сторожевое (по: Зиньковская, 2011. Рис. 3: 3; Березуцкий, Золотарев, 2014. Рис. 2: 7, 8); *13* – Землянк (фонды археологического музея Воронежского Государственного университета); *14* – Конь-Колодезь (по сведениям И. Е. Бирюкова); *15, 17* – Труд (Острогосский историко-художественный музей им. И. Н. Крамского); *16* – Анненский р-н Воронежской обл. (фонды археологического музея Воронежского Государственного педагогического университета); *17* – Медвежье Колено (фонды археологического музея ВГПУ); *18* – Нижнее Казачье-10 (Государственный музей-заповедник «Куликово поле»); *19* – Паниковец (по: Обломский, 2018б. Рис. 6–10); *20* – Замятино-Юрьеве (по: Там же. Рис. 3–5); *21* – Журавка (по: Березуцкий, Золотарев, 2014. Рис. 2: 1–6; Акимов, Ененко, 2012. Рис. 3: 2); *22* – устье р. Красивая Меча

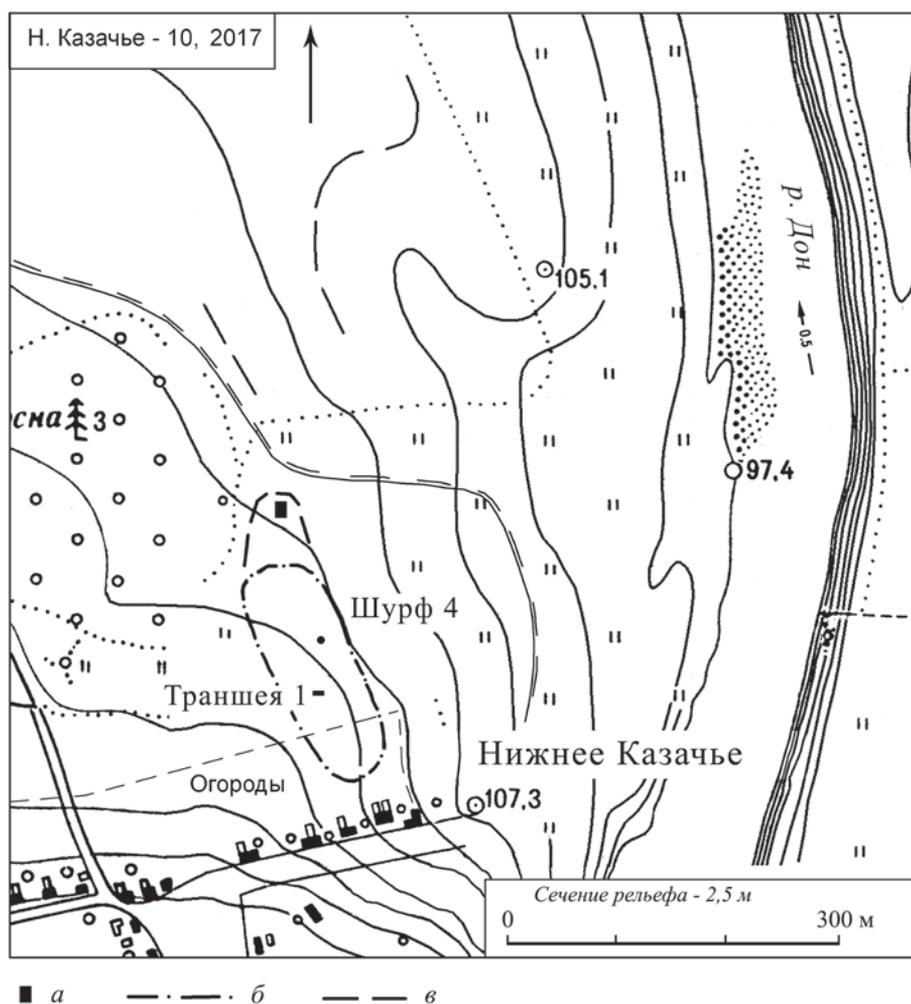

Рис. 2. Нижнее Казачье-10. План поселения с обозначением места находки клада

размерами 5×4 мм. На корпусе – треугольно-дуговидная прорезь, повторяющая его очертания. Размеры прорези – $1,7 \times 0,3$ см. На каждом из концов имеются центральное (большее по диаметру) отверстие и 3 меньших – на выступах. Диаметры средних отверстий – 4–5 мм, на концах – 2–2,5 мм. Гнезд для вставок эмали не было (рис. 3: 8; 4: 6).

9. Бронзовая подвеска-лунница с дуговидным корпусом, круглыми дисками на концах с тремя круглыми выступами на каждом из них (края выступов на левом и правом концах частично утрачены). В верхней части изделия имеется горизонтально-овальное ушко для подвешивания. В него вставлено частично сохранившееся круглое в сечении кольцо высотой до 1,3 см. Диаметр сечения – 1 мм. Размеры ушка – $0,6 \times 0,5$ см, диаметр отверстия – 2 мм.

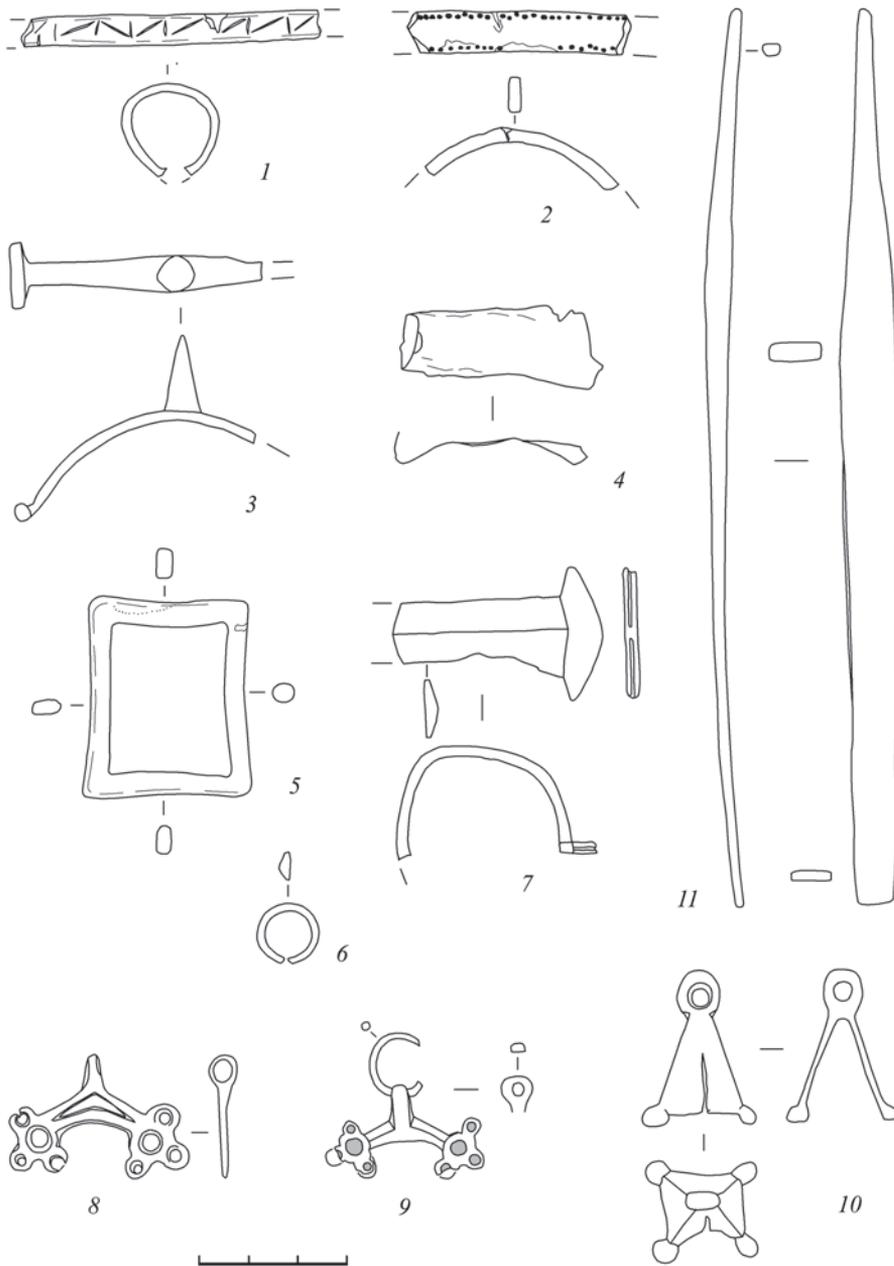

Рис. 3. Нижнее Казачье-10. Вещи из клада (рисунки А. М. Обломского)

1, 6 – кольца; 2, 7 – обломки браслетов; 3 – фрагмент шпоры; 4 – обломок пластины; 5 – рама пряжки; 8, 9 – подвески-лунницы; 10 – пирамидальная подвеска; 11 – кресало
 1, 2, 4–10 – бронза; 3, 11 – железо

Рис. 4. Нижнее Казачье-10. Вещи из клада (фотографии А. М. Обломского)

1 – фрагмент кольца; 2, 8 – обломки браслетов; 3 – обломок пластины; 4 – рама пряжки; 5 – пирамидальная подвеска; 6, 7 – подвески-лунницы; 9 – фрагмент шпоры; 10 – медная римская монета

1–8 – бронза; 9 – железо

Общие размеры изделия – $1,8 \times 3$ см. Дуговидный корпус – треугольный в сечении. На каждом из окончаний помещены по 3 круглых гнезда цилиндрической формы для эмали (дно углубления на верхнем левом конце утрачено). Диаметры средних гнезд – 3 мм, боковых – 1,5–2 мм. В настоящее время эмаль в гнездах отсутствует (рис. 3: 9; 4: 7).

10. Бронзовая пирамидальная подвеска в виде колокольчика, смятая с одной из сторон (с трещиной на корпусе). Корпус – полый, с тремя выступами-каплями в основании. Общая высота изделия – до 3,1 см, ширина в основании (с выступами) – до 2,3 см. Диаметр отверстия для подвешивания в ушке – 4 мм. На внутренней части крепления для язычка нет, т. е. подвеска имитирует колокольчик, но им не является (рис. 3: 10; 4: 5).

11. Железное кресало со стержневидной ручкой. Слегка изогнуто. Общая высота изделия – 18,4 см, размеры подпрямоугольного сечения стержня для крепления рукоятки – 2×3 мм, плоской лопасти кресала – $0,2 \times 0,8 - 0,4 \times 1$ см (рис. 3: 11).

12. Медная римская монета. Ниже следует описание и определение К. В Мызгина (Харьков). Марк Аврелий (161–180 гг.): Фаустина Младшая. АЕ, сестерций, Рим, 161–164 гг. Диаметр – 32 мм, вес – 18,75 г. Л. с.: [FAVST]INA AVG[VSTA], драпированный бюст вправо. О. с.: [SAECV]LIF[ELICIT], Коммод и Антонин в образе детей сидят на драпированном троне, по бокам SC. RIC III 1665 (Aurelius). Монета сильно затерта (рис. 4: 10).

Аналоги. Фрагмент пластины, скорее всего, представляет собой обломок плоского браслета с утолщенными концами и выступом в верхней части (рис. 3: 2). Такие изделия известны в Глажевском (*Шинаков*, 2016. Рис. 2), Мощинском (*Булычов*, 1899. Табл. XII: 14, 15; XIII: 6) кладах в Поднепровье и Почье. В Верхнем Подонье также встречены в кладах в Журавке (*Березуцкий, Золотарев*, 2014. Рис. 2: 5, 6), Замятино-Юрьево (*Обломский*, 2018б. Рис. 4: 1; 5: 1); обломок происходит из Сторожевого (*Березуцкий, Золотарев*, 2014. Рис. 2: 7). Некоторые браслеты (Мощинский клад, Замятино-Юрьево, Сторожевое) по краям корпуса (как в Нижнем Казачьем-10) и по его середине украшены пуансонным орнаментом.

В Верхнем Подонье ближайшая аналогия шпоре из Нижнего Казачьего (рис. 3: 3) происходит с поселения Богатырка в Прихоперье, где также найден браслет с выступающими наружу треугольными ребрами (*Хреков*, 2013. Рис. 9: 1, 4), типичный для убора, в который входят украшения с эмалями. А. А. Хреков отмечает, что подобные шпоры датируются широко и известны от позднезарубинецкого периода до раннего средневековья. В качестве аналогий приводятся изделия с крючками, отогнутыми наружу, что не совсем корректно. Специфическими деталями, объединяющими в одну группу экземпляры из Богатырки и Нижнего Казачьего, являются выступающие вверх цилиндры на концах. В некоторой степени к этим двум шпорам близок экземпляр из позднезарубинецкого (типа Терновки) поселения Ездочное-1 на Осколе, где также найдены украшения с эмалями, но у шпоры из Ездочного цилиндры на концах узкие. Они не выступают за дужку по ширине (*Зиньковская, Медведев*, 2005. Рис. 4: 12).

Подпрямоугольные пряжки распространены чрезвычайно широко во времени и пространстве. Тем не менее экземпляр из Нижнего Казачьего (рис. 3: 5)

имеет специфику. Большинство пряжек Восточной Европы либо вытянуты по горизонтали, либо близки к квадрату. Рама изделия из Нижнего Казачьего ориентирована вертикально, т. е. рассчитана на широкий ремень. Показательно также оформление ее краев в виде слабо выраженных выступов. Пряжки подобных пропорций с аналогичными и даже с более резкими выступами типичны для поясной гарнитуры римского времени Центральной Европы (группа G, по классификации Р. Мадыды-Легутко). Правда, выступами снабжены в основном пряжки двусоставной конструкции (во внутренний край рамки вставлена дополнительная планка, к которой крепился язычок) (*Madyda-Legutko*, 1986. Taf. 14. *Typ 13*, 20, 22; 15, *Typ 26*, 28–30). Односоставные пряжки из железа и бронзы с выступами на раме редки, но все же известны. Примерами могут служить экземпляры из могильников пшеворской культуры: Цебловице Дуже, погр. 22 – фаза C1a (*Dziągielewska, Kulczyńska*, 2008. Tabl. 1. Taf. XV, *gr. 22*, 1), Хмелюв Пясковы, погр. П.3 и 55 – фаза B2/C1 (*Godłowski, Wichman*, 1998. Tab. 7. Taf. LXXV: 8; LXXXIII: 8), Надколе 2, погр. 126 – конец фазы B2a – B2b (*Andrzejowski*, 1998. P. 108. Fig. 13. Pl. LXXX: 9); вельбарской культуры Веклице, погр. 426 – фаза C2b (*Natuniewicz-Sekuła, Okulicz-Kozaryn*, 2011. Tab. 1. Pl. CXCI, *gr. 426*, 2). По распределению находок по фазам относительной хронологии системы Эггерса-Годловского, аналогии пряжке из Нижнего Казачьего датируются II – началом IV в.

Необходимо отметить, что пряжка центральноевропейского круга встречена в комплексе с выемчатыми эмалями на территории лесостепи не впервые. Западные пряжки (правда, других типов) известны в кладах Брянском (*Ахмедов и др.*, 2015. Рис. 7: 8) и Замятино-Юрьеве (*Обломский*, 2018б. Рис. 3: 8).

Обломок треугольного в сечении браслета с треугольным выступающим наружу гребнем на конце (рис. 3: 7) относится к типу I, по Г. Ф. Корзухиной (*Корзухина*, 1978. С. 34, 35). Некоторые из подобных браслетов имели вставки эмали в верхней части. Судя по сохранившемуся фрагменту, гнезд для эмали на браслете из Нижнего Казачьего не было. По всему ареалу изделий с выемчатыми эмалями такие браслеты являются одним из самых распространенных типов украшений, причем в Прибалтике их значительно меньше, чем в Поднепровье. В лесостепном Подонье браслеты с треугольными гребнями без эмали встречены на Семилукском городище (1 целый экз.), в Большом Сторожевом, в Ксизово-18 и 19 (по одному фрагментированному экз.), в кладах из Журавки (4 целых экз.), Замятино-Юрьеве (2 целых, 3 фрагментированных экз.), у устья Красивой Мечи, в Паниковце – вне клада (2 обломка) (*Обломский, Терпиловский*, 2007. Рис. 152: 1; *Березуцкий, Золотарев*, 2014. Рис. 2: 1–4; *Зиньковская*, 2011. Рис. 3: 3; *Обломский*, 2010. Рис. 4: 2; 2018б. Рис. 3: 3, 4; 4: 2; 5: 3, 4; 11: 1, 2), в бассейне Хопра – в Богатырке (1 экз.) (*Хреков*, 2013. Рис. 9: 1), Борисоглебске (2 фрагмента) (*Акимов, Ененко*, 2012. Рис. 3: 1а, 1б).

Точные аналогии ажурной луннице без вставок эмали (рис. 3: 8) мне не известны. Близкие изделия происходят из Коврая (Днепровское лесостепное Левобережье) и Бирулей II (лесное Поднепровье) (*Обломский, Терпиловский*, 2007. Рис. 148: 3; *Харитонович*, 2016. Рис. 2: 8), но у этих подвесок в центре корпуса имеется гнездо для эмали. Лунница из Нижнего Казачьего представляет собой упрощение вещей этого типа: на ней вставки для эмалей не предусмотрены.

Аналогичные лунницы с гнездами для эмали на окончаниях (рис. 3: 9) украшения происходят из Волынцево (Днепровское лесостепное Левобережье) и Тайманово (лесное Поднепровье) (Обломский, Терпиловский, 2007. Рис. 161: 7; Дубицкая, 2016. Рис. 5: 7).

Пирамидальная полая подвеска с выступами-шишечками на концах (рис. 3: 10) представляет собой имитацию колокольчика, так как внутреннее ушко для подвешивания язычка у нее отсутствует. Имитация пирамидального колокольчика происходит из клада, найденного около хут. Красная Горка (Харитонович, 2016. С. 181. Рис. 4: 5). В Брянском кладе (Подесенье) встречены как колокольчики такой формы, так и их имитации (Ахмедов и др., 2015. Рис. 3; 5: 16–18). Территориально ближайшая аналогия подвеске из Нижнего Казачьего происходит с позднензарубинецкого поселения Шапкино II в Прихоперье (Хреков, 2013. Рис. 6: 1), но ушко у экземпляра из Шапкино оформлено в виде сегментовидной лопасти с прорезью.

Точное время появления плоских кресал со стержневидной ручкой (рис. 3: 11) в Восточной Европе пока не известно. Они встречаются в позднеримский период на памятниках черняховской культуры, но использовались и позже – в раннем средневековье (Обломский, 2016. С. 39). Случаи находок бытовых предметов в кладах украшений с выемчатой эмалью редки. Из Шишинского клада (Северский Донец) происходит пряслице из мергеля, а из Брянского – железные ножницы, резец и костяная проколка-кочедык (Ахмедов и др., 2015. С. 159).

Хронология. *Terminus post quem* клада из Нижнего Казачьего определяется датой сестерция (161–164 гг.), что, в общем, соответствует нижнему хронологическому пределу аналогий пряжке из этого комплекса (II в.). Более надежно дату сокрытия клада можно установить по сочетанию двух подвесок-лунниц. В настоящее время в эволюции стиля украшений с эмалью принято выделять три стадии. Одна из лунниц (рис. 3: 9) представляет собой изделие с выступами на концах корпуса с гнездами для эмали и типична для средней стадии развития стиля. Вторая лунница (рис. 3: 8) вставок эмали не имеет, ее окончания и корпус – ажурные. Эти признаки характерны для вещей третьей (завершающей) стадии эволюции стиля. По материалам соседнего с Подоньем лесостепного Поднепровья украшения второй стадии датируются концом II – серединой – втор. пол. III в., а третьей – серединой – втор. пол. III – IV в. (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 123). Наиболее вероятное выпадение в землю клада из Нижнего Казачьего – около середины III в. К этому же времени относится и большинство из остальных найденных в Верхнем Подонье кладов, по крайней мере комплексы из Замятино-Юрьево, Паниковца и устья р. Красивая Меча (Обломский, 2018в. С. 251–253).

В заключение хочется отметить несколько особенностей верхнедонских кладов украшений с выемчатыми эмалью. Клады из Поднепровья и Верхнего Поочья (Межигорский, Борзнянский, Глажевский, Шишинский, Брянский, Мощинский, из Красного Бора и Красной Горки и др.) содержали в основном целые вещи, составлявшие ансамбли женских украшений и комплексы вещей мужской культуры престижа (детали рогов для питья, плетей). Вещи из этих кладов использовались населением по своему прямому назначению. Специально сломанных в древности предметов в этих комплексах мало. Единственный

клад обломков браслетов (Малеевка) был найден на востоке Днепровского Левобережья (*Радюш*, 2017. Рис. 17). Верхнедонские клады – совершенно иные. Несмотря на то что типологически происходящие из них предметы ничем не отличаются от обнаруженных в комплексах Поднепровья – Поочья, большинство вещей из верхнедонских кладов сломаны в древности. Это даже не сами предметы, а их куски, обломки и обрубки, предназначенные для переплавки. В кладах Подонья встречены и слитки бронзы (Замятино-Юрьево, Паниковец, устье Красивой Мечи). Только лишь клад из Журавки содержал исключительно целые браслеты, но одни только браслеты, а не комплекс убора украшений с выемчатыми эмальями разных категорий, составлявших ансамбль, как в Поднепровье и Поочье. Не исключено, что браслеты представляли своего рода драгоценность, это – наиболее массивные вещи из бронзы. Предметы с эмальями в Верхнем Подонье явно ценились не как изделия, а как металл и в большинстве своем предназначались для переплавки. Что именно изготавливали из этого металла, мы не знаем. В донских кладах нет ни заготовок, ни брака, ни литых форм.

Еще одна особенность верхнедонских кладов. Обследование мест их находок показало, что по крайней мере два из них найдены за пределами древних поселений (Замятино-Юрьево, устье Красивой Мечи), а еще два – около границ селищ (Паниковец, Нижнее Казачье-10). Мне уже доводилось писать о сложности решения задачи, кому именно принадлежали эмали в верхнем течении Дона (*Обломский*, 2017. С. 78). На этот вопрос однозначного ответа пока нет. Установить связь кладов Верхнего Подонья с какими-то определенными поселениями тоже сложно.

Тем не менее можно утверждать, что какой-то центр переработки украшений с эмальями находился на Острой Луке Дона. Три клада из пяти известных найдены на сравнительно небольшом участке у западной Донской петли – Замятино-Юрьево, Паниковец и Нижнее Казачье-10.

ЛИТЕРАТУРА

- Акимов Д. В., Ененко Е. А.*, 2012. Случайные находки вещей римского времени в пределах лесостепного Подонья // *SP*. № 4. С. 127–137.
- Амелькин А. О.*, 1998. Сюльгама с выемчатой эмалью на Среднем Дону // *Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины 1 тыс. н. э.* / Ред. А. П. Медведев. Воронеж: ВГУ. С. 188–193.
- Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А.*, 2015. Брянский клад вещей с выемчатыми эмальями (предварительная публикация) // *РА*. № 2. С. 146–166.
- Березуцкий В. Д., Золотарев П. М.*, 2014. Новые находки круга выемчатых эмалей на Среднем Дону // *РА*. № 2. С. 120–126.
- Бирюков И. Е.*, 2004. Материалы гуннского времени поселения Замятино-5 // *Острая Лука Дона в древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени* / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 57–66. (ПСМ; вып. 6.)
- Булычев Н. И.*, 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. 85 с.
- Гончаров В. О., Земцов Г. Л.*, 2017. Раскопки поселения Мухино-9 в Задонском р-не // *Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2016* / Ред. Н. Е. Чалых. Липецк; Воронеж: Новый взгляд. С. 108–109.

- Дубицкая Н. Н.*, 2016. Памятники культуры Абидни // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: К 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Л. Д. Поболя. Кн. 1 / Ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 284–333.
- Зиньковская И. В.*, 2011. О новом ареале украшений круга выемчатых эмалей // РА. № 2. С. 72–80.
- Зиньковская И. В., Медведев А. П.*, 2005. Позднезарубинецкое поселение Ездочное-1 на р. Оскол // Днепро-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья / Ред. А. З. Винников. Воронеж: Истоки. С. 3–12.
- Корзухина Г. Ф.*, 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 123 с. (САИ; вып. Е1-43.)
- Обломский А. М.*, 2010. Некоторые новые украшения римского времени из Верхнего Подонья // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5 / Ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т. С. 69–79.
- Обломский А. М.*, 2016. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред.: И. В. Исланова, А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 10–113. (PCM; вып. 17.)
- Обломский А. М.*, 2017. О расселении ранних славян на восток в римское время // РА. № 3. С. 62–79.
- Обломский А. М.*, 2018а. Новые памятники гуннского времени на Острой Луке Дона // Старожитності Лівобережжя Дніпра / Відп. ред. І. І. Корост. Київ; Котельва: ЦП НАН України і УТОПК. С. 102–125.
- Обломский А. М.*, 2018б. О донскихкладах украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля // Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin (For Professor Andrzej Kokowski on His 65th Birthday). Т. I. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. С. 618–647.
- Обломский А. М.*, 2018в. Проблемы изучения кладов украшений с эмальями в Поднепровье и Подонье // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 237–253. (PCM; вып. 18.)
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В.*, 2007. Приложение 2: Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (PCM; вып. 10.)
- Радюш О. А.*, 2017. Исследования Сейминско-Суджинской экспедиции ИА РАН // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2016 / Ред. Н. Е. Чалых. Липецк; Воронеж: Новый взгляд. С. 89–92.
- Харитонович З. А.*, 2016. Находки изделий с эмальями на территории Беларуси // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период. К 90-летию со дня рождения доктора исторических наук Л. Д. Поболя. Кн. 1 / Ред.: О. Н. Левко; В. Г. Белевец. Минск: Беларуская навука. С. 175–197.
- Хреков А. А.*, 2013. Периодизация и хронология постзарубинецких памятников лесостепного Прихороперья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 11 / Ред. А. И. Юдин. Саратов: Научная книга. С. 117–139.
- Шунаков Е. А.*, 2016. «Мост» между Средним Поднепровьем и Поочьем в позднеримское время // Русский сборник. Вып. 8. Т. I. Брянск: Курсив. С. 165–172.
- Andrzejowski J.*, 1998. Nadkole 2. A Cemetery of the Przeworsk Culture in Eastern Poland. Kraków: Secesja. 268 p. (MAB; t. V.)
- Dzięgielewska M., Kulczyńska M.*, 2008. Ciebłowice Duże. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im südwestlichen Masowien. Warszawa: Drukarnia J. Bierszad. 216 s. (MAB; t. XIV.)
- Godłowski K., Wichman T.*, 1998. Chmielów Piaskowy. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im Świętokrzyskie-Gebire. Kraków: Secesja. 190 S. (MAB; t. VI.)

- Madyda-Legutko R.*, 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford: British Archaeological Reports. 233 S. (BAR International Series; 360.)
- Natuniewicz-Sekula M., Okulicz-Kozaryn J.*, 2011. Weklice. A Cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984-2004). Warszawa: Drukarnia J. Bierszad. 431 p. (MAB; t. XVII.)

Сведения об авторе

Обломский Андрей Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: oblomsky_a@rambler.ru

A. M. Oblomskiy

A TREASURE HOARD WITH CHAMPLEVÉ ENAMELS
FROM NIZHNEE KAZACHYE IN THE UPPER DON REGION

Abstract. In 2016 a treasure hoard was found on the northern outskirts of Nizhnee Kazachye-10, which is a settlement of the Zadonsky district in the Lipetsk Region discovered earlier. The hoard included jewelry pieces of the Eastern European champlevé style. The area of the settlement became inhabited repeatedly. During the examination of the site and drilling of testing pits materials attributed to the Gorodets culture of the Early Iron Age, the Late Scythian culture of the first centuries AD, the Hun period, the Borshevo culture of the early medieval period, the early modern period were retrieved. No ceramics that could be dated to the time the depositing of the treasure were found. The treasure hoard consisted of 12 items, namely, a broken piece of a bronze ring or a bracelet, two fragments of bronze bracelets, a bronze plate, a bronze buckle frame, a bronze ring, two bronze lunulae, a bronze bell pendant, an iron spur and an iron steel, a copper Roman coin (sestertius) of 161–164. Most likely, the hiding of the treasure occurred around the mid-3rd century AD. It forms part of a group of the Upper Don treasure hoards hidden by jewelers who cast bronze items.

Keywords: Upper Don Region, jewelry pieces of the Eastern European champlevé style, Nizhnee Kazachye, hoards hidden by jewelers-bronze casters.

REFERENCES

- Akhmedov I. R., Oblomskiy A. M., Radyush O. A., 2015. Bryanskiy klad veshchey s vyyemchatymi emalyami (predvaritel'naya publikatsiya) [Bryansk hoard of items with champlevé enamel (preliminary publication)]. *RA*, 2, pp. 146–166.
- Akimov D. V., Enenko E. A., 2012. Sluchaynyye nakhodki veshchey rimskogo vremeni v predelakh lesostepnogo Podon'ya [Stray finds of Roman time items within forest-steppe Don region]. *SP*, 4, pp. 127–137.
- Amel'kin A. O., 1998. Syul'gama s vyyemchatoy emal'yu na Srednem Donu [Syul'gama brooch with champlevé enamel on Middle Don]. *Arkheologicheskiye pamyatniki Verkhnego Podon'ya pervoy poloviny I tys. n. e.* [Archaeological sites of first half of I mill. AD in Upper Don region]. A. P. Medvedev, ed. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 188–193.
- Andrzejowski J., 1998. Nadkole 2. A Cemetery of the Przeworsk Culture in Eastern Poland. Kraków: Secesja. 268 p. (MAB, V.)

- Berezutskiy V. D., Zolotarev P. M., 2014. Novyye nakhodki kruga vyemchatykh emaley na Srednem Donu [New finds of champlévé enamels circle on Middle Don]. *RA*, 2, pp. 120–126.
- Biryukov I. E., 2004. Materialy gunnskogo vremeni poseleniya Zamyatino-5 [Hun time materials from settlement Zamyatino-5]. *Ostraya Luka Dona v drevnosti. Zamyatinskiy arkhеologicheskii kompleks gunnskogo vremeni [Ostraya Luka of the Don in antiquity. Zamyatino archaeological complex of the Hun time]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 57–66. (RSM, 6.)
- Bulychov N. I., 1899. Zhurnal raskopok po chasti vodorazdela verkhnikh pritokov Volgi i Dnepra [Diary of excavations in a part of watershed of upper reaches of Volga and Dnieper]. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova. 85 p.
- Dubitskaya N. N., 2016. Pamyatniki kul'tury Abidni [Abidnya culture sites]. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora L. D. Pobolya [The Slavs in territory of Byelorussia in pre-state period: to 90th anniversary of Professor L. D. Pobol']*, I. O. N. Levko, V. G. Belevets, eds. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 284–333.
- Dzięgielewska M., Kulczyńska M., 2008. Ciełłowice Duże. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in südwestlichen Masowien. Warszawa: Drukarnia J. Bierszad. 216 S. (MAB, XIV.)
- Godłowski K., Wichman T., 1998. Chmielów Piaskowy. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im Świętokrzyskie-Gebirge. Kraków: Secesja. 190 S. (MAB, VI.)
- Goncharov V. O., Zemtsov G. L., 2017. Raskopki poseleniya Mukhino-9 v Zadonskom r-ne [Excavations of settlement Mukhino-9 in Zadonsk district]. *Arkheologicheskkiye issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem 'ye [Archaeological investigations in Central Chernozem 'ye]*. 2016. N. E. Chalych, ed. Lipetsk; Voronezh: Novyy vzglyad, pp. 108–109.
- Kharitonovich Z. A., 2016. Nakhodki izdeliy s vyemchatymi emal'yami na territorii Belarusi [Finds of items with champlévé enamels in territory of Byelorussia]. *Slavyane na territorii Belarusi v dogosudarstvennyy period: K 90-letiyu so dnya rozhdeniya doktora istoricheskikh nauk, professora L. D. Pobolya [The Slavs in territory of Byelorussia in pre-state period: to 90th anniversary of Professor L. D. Pobol']*, I. O. N. Levko, V. G. Belevets, eds. Minsk: Belaruskaya navuka, pp. 175–197.
- Khrekov A. A., 2013. Periodizatsiya i khronologiya postzarubinetskiikh pamyatnikov lesostepnogo Prikhoper'ya [Periodization and chronology of post-Zarybinty sites in Koper forest-steppe region]. *Arkheologicheskoye naslediyе Saratovskogo kraya [Archaeological heritage of Saratov region]*, 11. A. I. Yudin, ed. Saratov: Nauchnaya kniga, pp. 117–139.
- Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi emal'yami V – pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'ye [Items of attire with champlévé enamels of V – first half of VI c. AD in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 123 p. (SAI.)
- Madyda-Legutko R., 1986. Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford: British Archaeological Reports. 233 S. (BAR International Series, 360.)
- Natuniewicz-Sekuła M., Okulicz-Kozaryn J., 2011. WEKLICE. A cemetery of the Wielbark Culture on the Eastern Margin of Vistula Delta (Excavations 1984–2004). Warszawa: Drukarnia J. Bierszad. 431 p. (MAB, XVII.)
- Oblomskiy A. M., 2010. Nekotoryye novyye ukrasheniya rimskogo vremeni iz Verkhnego Podon'ya [Some new ornaments of Roman time from Upper Don region]. *Verkhnedonskoy arkhеologicheskiiy sbornik [Upper Don archaeological annual]*, 5. A. N. Bessudnov, ed. Lipetsk: Lipetskiy gos. pedagogicheskiiy universitet, pp. 69–79.
- Oblomskiy A. M., 2016. Kolochinskaya kul'tura [Kolochun culture]. *Rannesrednevekovyye drevnosti lesnoy zony Vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early medieval antiquities of forest zone of Eastern Europe (V–VII cc.)]*. I. V. Islanova, A. M. Oblomskiy, eds. Moscow: IA RAN, pp. 10–113. (RSM, 17.)
- Oblomskiy A. M., 2017. O rasselenii rannikh slavyan na vostok v rimskoye vremya [On the eastward spread of the early Slavs in the Roman time]. *RA*, 3, pp. 62–79.
- Oblomskiy A. M., 2018a. Novyye pamyatniki gunnskogo vremeni na Ostroy Luke Dona [New sites of Hun time on Ostraya Luka of the Don]. *Starozhitnosti Livoberezhzhya Dnipro: zbirnik naukovikh prats' [Antiquities of Dnieper left bank region: collected scientific works]*. I. I. Korost, ed. Kiev; Kotel'va, pp. 102–125.

- Oblomskiy A. M., 2018b. O donskikh kladakh ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya [On Don hoards of ornaments with champlévé enamel of East European style]. *Studia Barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65 rocznicę urodzin [For Professor Andrzej Kokowski on His 65th Birthday]*, I. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, pp. 618–647.
- Oblomskiy A. M., 2018v. Problemy izucheniya kladov ukrasheniy s emalami v Podneprov'ye i Podon'ye [Problems of research of hoards of ornaments with enamels in Dnieper and Don regions]. *Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emal'yu vostochnoyevropeyskogo stilya (III v. n. e.) [Bryansk hoard of ornaments with champlévé enamel of East European style (III c. AD)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 237–253. (RSM, 18.)
- Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Prilozhenie 2. Predmety ubora s vyemchatymi emalami na teritorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (Dopolneniye svodov G. F. Korukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo) [Appendix 2. Attire items with champlévé enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (Supplement to corpus editions by G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kiyevskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v.) [Kiev culture sites in Russia forest-steppe zone (III – early V c.)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (RSM, 10.)
- Radyush O. A., 2017. Issledovaniya Seyminko-Sudzhinskoy ekspeditsii IA RAN [Investigations of Seim-Sudzha expedition of IA RAS]. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'ye [Archaeological investigations in Central Chernozem'ye]*, 2016. N. E. Chalykh, ed. Lipetsk; Voronezh: Novyy vzglyad, pp. 89–92.
- Shinakov E. A., 2016. «Most» mezhdru Srednim Podneprov'yem i Pooch'yem v pozdnerimskoye vremya [«Bridge» between Middle Don and Oka regions in late Roman time]. *Russkiy sbornik [Russian annual]*, iss. 8, vol. 1. Bryansk: Kursiv, pp. 165–172.
- Zin'kovskaya I. V., 2011. O novom areale ukrasheniy kruga vyemchatykh emaley [On new area of ornaments with champlévé enamels circle]. *RA*, 2, pp. 72–80.
- Zin'kovskaya I. V., Medvedev A. P., 2005. Pozdnezarubinskoye poseleniye Ezdochnoye-1 na r. Oskol [Late Zarubintsy settlement of Ezdochnoe-1 on Oskol river]. *Dnepro-Donskoye mezhdurech'ye v epokhu rannego srednevekov'ya [Dnieper-Don interfluvium in early Middle Ages]*. A. Z. Vinnikov, ed. Voronezh: Istoki, pp. 3–12.

About the author

Oblomskiy Andrey M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: oblomsky_a@rambler.ru

О. А. Хомякова

УКРАШЕНИЯ КРУГА ЭМАЛЕЙ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУЗЕЯ «ПРУССИЯ»

Резюме. В статье представлен обзор предметов круга восточноевропейских эмалей из коллекции музея «Пруссия», которая является основой для изучения категорий находок с территории Прибалтики. Приводятся данные, сохранившиеся в музейных фондах и архивах. Впервые публикуются изделия, ранее известные по иллюстрациям конца XIX – начала XX в. Предлагается типологическая и хронологическая характеристика предметов, анализ территориального распределения.

Ключевые слова: Прибалтика, изделия круга восточноевропейских выемчатых эмалей, Восточная Пруссия, коллекция музея «Пруссия».

Введение

В изучении вопросов хронологии и происхождения стиля восточноевропейских выемчатых эмалей одно из центральных мест занимает массив предметов с территории Прибалтики. Среди них особенно выделяются украшения из коллекции музея «Пруссия». Впервые представленные Отто Тишлером в исследовании о предметах с эмальями из западноевропейских культур первых веков н. э. (*Tischler*, 1879; 1887), они затем многократно цитировались в исследованиях, посвященных варварским эмальям (*Спицын*, 1903. С. 18–21. Рис. 178; *Корзухина*, 1978. С. 82–84; *Фролов*, 1974. Рис. 3: 7; *Bitner-Wróblewska et al.*, 2011. Р. 11–24 и др.). Вероятно, именно особенности предметов из бывшей Восточной Пруссии впервые обратили внимание на специфичность восточноевропейских украшений по сравнению с провинциально-римскими; и именно с них началось изучение данных категорий находок. Работы, в которых впервые были проиллюстрированы украшения из Мощинского клада, появились несколько позднее (*De Baye*, 1891; *Булычев*, 1899).

Однако сведения о предметах с эмальями из музея «Пруссия» до сих пор обрывочны. Связано это со сложными судьбами коллекций (см.: *Алдунг и др.*, 2005; *Bitner-Wróblewska et al.*, 2011). В силу своей выразительности предметы

с эмальями входили в ее демонстрационную часть, экспонировавшуюся в замке Кёнигсберга. Так, большинство сохранившихся предметов с эмальями обнаружено на форте № 3 г. Калининграда и в настоящее время хранится в Калининградском областном историко-художественном музее (далее – КОИХМ). Предметы круга эмалей из «учебной» части коллекции находятся в архиве культурного наследия Пруссии в Берлине (Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin – далее SMB – PK MVF). В статье представлен обзор предметов с эмальями из музея «Пруссия». Многие изделия, ранее известные по иллюстрациям конца XIX – начала XX в., публикуются впервые.

Характеристика предметов

По данным архивных материалов из картотек Герберта Янкуна, Мартина Яна, Феликса Якобсона, Марты Шмидехельм и публикаций, имеется информация о 53 предметах. Сохранилось 22 изделия. Большая их часть принадлежит категориям круга варварских восточноевропейских выемчатых эмалей и представлена элементами убора (фибулами, булавками, браслетами, деталями ожерелий – подвесками). Выделяются и предметы «престижа» – гривна, перстни, детали рогов для питья, а также конское снаряжение – элементы уздечки. Особняком стоит массив импортных изделий провинциально-римского происхождения.

Провинциально-римские фибулы-броши (рис. 1; 8: 1)¹. Представлены категориями фибул-брошей, в большинстве принадлежащих типу *дисковидных*, которые являются наиболее распространенными на территории Прибалтики (более подробно: *Хомякова*, 2017. С. 149, 150. Рис. 2). Среди них присутствуют фибулы с площадками-уступами, близкие типам фибул с концентрическими уступами (*Tomas*, 1966. S. 126–130), или типу 27b (1, 2) по М. Фожеру (*Feugère*, 1985. Pl. 153), или группе III по К. Экнеру (*Exner*, 1941. Taf. 13–17) (рис. 1: 1–4, 11). Далее – фибулы с тугулосом, имеющие конусовидное основание и округлые выступы, близкие типу III. 60 по К. Экнеру (*Ibid.* P. 114, 115. Taf. 17: 7.III.60), или типу 25b по М. Фожеру (*Feugère*, 1985. Pl. 152: 1911, 1912) (рис. 1: 5). Плоские фибулы-броши представлены типами, близкими типу III/1/2/1 по А. Вадаи (*Vaday*, 2003. P. 331, 332. Fig. 7) (рис. 1: 8). Экземпляр со вставками эмали в технике *Millefiori* близок типу 6.III.30 по К. Экнеру

¹ 1) Бартликово (Bartlikowo)/Bartlischof, погр. 12 (*Nowakowski*, 1985. Tab. II: 8, 9); 2) Бартликово (Bartlikowo)/Bartlischof, погр. 241 (КОИХМ 1/49 17332, 28); 3) Хрустальное/Wiekau I, погр. 30 (*Bitner-Wróblewska et al.*, 2011. P. 498); 4) Хрустальное/Wiekau I, погр. 34 (*Heydeck*, 1909. S. 219); 5) Грейбай/Greibau, погр. 156 (*Tischler, Kemke*, 1902. S. 31; *Bitner-Wróblewska et al.*, 2011. P. 194); 6) Путилово/Gauten, без указания места находки (*Gaerte*, 1929. Abb. 152); 7) Лендорф/Lehndorf, место находки/погребение «E2» (*Ibid.* Abb. 161: d; архив Р. Гренца); 8) Ауксткямияй (Aukštkiemiai)/Oberhof (*Banytė-Rowell*, 2002. P. 123–130. Fig. 1); 9) Мойтыны (Mojtyny)/Moynthienen, погр. 66 (*Hollack, Peiser*, 1904. Tabl. VI); 10) Мойтыны (Mojtyny)/Moynthienen, погр. 12 (*Ibid.* Tabl. VI); 11) Русское (Поваровка)/Kirpehnen-Galgenberge, погр. III (*Gaerte*, 1929. Abb. 161: e).

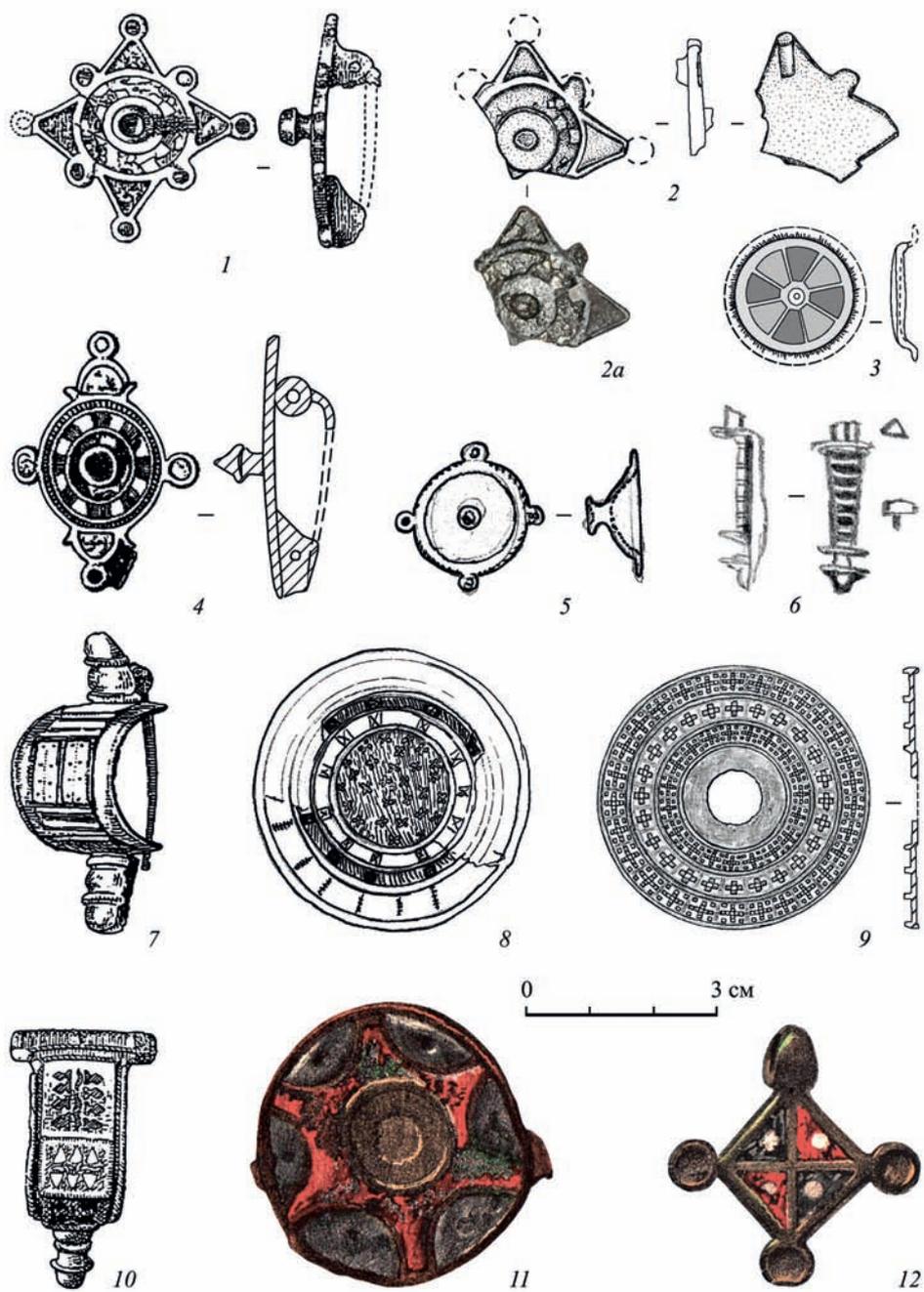
(*Exner*, 1941. Taf. 13: 6.III.30), или 7.14 по Э. Риха (*Riha*, 1979. Taf. 61: 1607; 62: 1623, 1624) (рис. 1: 9).

В коллекции музея «Пруссия» были представлены и шарнирные дужковые фибулы (рис. 1: 6, 7, II), близкие типу 26c1b по М. Фожеру (*Feugère*, 1985. P. 357). Ромбическая фибула-брошь с эмалью (рис. 1: 12) близка фибулам типа III/7/2 по А. Вадаи (*Vaday*, 2003. P. 349, 350. Fig. 17). В литературе по региональной проблематике изделие соотносится с категорией подвесок (напр.: *Bitner-Wróblewska et al.*, 2011. P. 14). На наш взгляд, это не является противоречием, так как часть провинциально-римских ромбических брошей могла использоваться в качестве амулетов (см.: *Амброз*, 1966. С. 33 – там литература).

Указанные фибулы находят аналогии в материалах римских провинций Норик и Паннония, на территории европейских сармат (см.: *Exner*, 1941; *Riha*, 1979; *Vaday*, 2003), встречаются в Галлии и Свободной Германии (*Nowakowski*, 1996. S. 30, 70; 2016 S. 466–470). В аналогичный период представлены и в материалах вельбаркской и пшеворской культур (*Мацзыńska, Urbaniak*, 2006. P. 151, 152, 155). Импульсом для появления импортов в Юго-Восточной Прибалтике стало начало эпохи римских влияний, «янтарной торговли» и активизация контактов с населением центрально- и североевропейских культур и с более удаленными территориями, провинциями Римской империи. Вопрос о датировке римских импортных предметов в культурах «западных балтов» открыт. Погребения, в которых они встречены, имеют хронологию в пределах первой половины – середины II – начала III в., встречаются и в более поздний период, в том числе в погребениях эпохи Великого переселения народов (более подробно – *Хомякова*, 2017. С. 150).

Подковообразные фибулы (рис. 2; 3: 1, 1a; 8: II)². Фибулы из коллекции музея «Пруссия» относятся к наиболее «ранним» восточноевропейским изделиям данного типа с эмалью, все происходят из материалов Мазурского Поозерья. Датировка рассматриваемых фибул – середина и вторая половина II в. Среди них представлены как наиболее архаичные варианты «с тонким ободком» (*Корзухина*, 1978. С. 29), или типа I по А. Яблонской (*Jabłońska*, 1992. P. 124, 125. Tab. II) (рис. 2: 2, 4), так и фибулы «с граненым ободком средней ширины» по Г. Ф. Корзухиной (1978. С. 29), или типа II по А. Яблонской (*Jabłońska*, 1992. P. 125–128. Tab. III; IV) (рис. 2: 1, 1a, 3, 5, 5a; 3: 1, 1a). Аналогии мазурские подковообразные фибулы находят как на территории Прибалтики, на литовских территориях (*Bitner-Wróblewska*, 2007. P. 47; *Michelbertas*, 2016. P. 83, 84, 91), так и в Среднем

² 1) Бабита (*Babięta*)/*Babienten*, без указания места находки (SMB – РК MVF Ia 1590); 2) Бабита (*Babięta*)/*Babienten* II, погр. 56 (*Moora*, 1934); 3) Грунайки (*Grunajki*)/*Gruneiken*, без указания места находки (*Bitner-Wróblewska et al.*, 2011. P. 215); 4) Лабара (*Łabara*)/*Labab*, погр. 57 (*La Baume*, 1941. Tabl. 3); 5) Мойтыны (*Mojtyny*)/*Moythienen*, погр. 35 (*Hollack, Peiser*, 1904. Tabl. I; II; IV; VI; VII); 6) Вишка (*Wyszka*)/*Wiska*, без указания места находки (SMB – РК MVF PM IV. 321/2.97314); 7) Восточная Пруссия, без указания места находки (SMB – РК MVF Pr D 320); 8) Восточная Пруссия, без указания места находки (КОИХМ 1/49, 17332.9); 9) Гёсор (*Gąsior*)/*Jaskowska-See*, погр. 102 (архив Г. Янкуна; *Nowakowski*, 2013. Taf. 194: 10, 11).

Поднепровье (*Гороховский*, 1988. С. 112, 113. Рис. 53: 2–9) в материалах середины – второй половины II в. н. э.

Происхождение подковообразных фибул с эмалевыми вставками с территории Восточной Европы связано с провинциальными круглыми и омегообразными фибулами, близкими типам 8.1–2 по Э. Риха (*Riha*, 1979. S. 208), или типам 30 a-f по М. Фожеру (*Feugère*, 1985. P. 416), датируемым I – началом II в. н. э. Омегообразные фибулы были распространены не только на территории римских провинций, но в Северной Германии, в Скандинавии, в Балтийском регионе (*Hejnowski*, 2016. S. 46, 47).

Треугольные фибулы (рис. 3: 2, 3, 3а; 8: III)³. Судьба треугольных фибул из коллекции музея «Пруссия» неизвестна. В картотеке Рудольфа Гренца сохранилась фотография фибулы из Грунаек, сделанная в 1930-х гг. Карлом Энгелем (рис. 3: 3). Фото позволяет более точно судить о морфологии и технике изготовления предмета. Фибула имеет треугольное окончание ножки и ажурный щиток, сочетающий элементы прорезного орнамента с гнездами с красной эмалью и стойки, украшенные волнистой рельефной полосой. На поверхности фибулы присутствуют следы покрытия белым металлом.

Внешний вид треугольных фибул из ареала судавской культуры позволяет связывать их с предметами «среднеднепровского» облика и считать их импортом с раннеславянских территорий, что отмечалось и ранее (*Bitner-Wróblewska et al.*, 2011. P. 14, 15). В Среднем Поднепровье треугольные фибулы являются одной из наиболее распространенных категорий украшений (*Корзухина*, 1978. С. 24–28). Предметы из коллекции музея «Пруссия» принадлежат к наиболее ранним – «с треугольным нижним концом», по Г. Ф. Корзухиной (1978. С. 24), и находят аналогии среди изделий «второй стадии стиля» конца II – начала III в. (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 120, 121). Наиболее близкими аналогиями судавским фибулам являются треугольные застёжки из состава Брянского, Мощинского и Шишинского кладов (*Спицын*, 1908. С. 33. Рис. 260, 262–265; *Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 170. Рис. 18). Примечательно, что на территории Прибалтики встречаются все варианты типологической линии треугольных

Рис. 1. Провинциально-римские фибулы-броши

1, 2, 2а – Баргликово (Bartlikowo)/Bartlischhof, погр. 241; 3 – Хрустальное /Wiekau I, погр. 34; 4 – Баргликово (Bartlikowo)/Bartlischhof, погр. 12; 5 – Грейбай/Greibau, погр. 156; 6 – Хрустальное/Wiekau I, погр. 30; 7 – Русское (Поваровка)/Kirpenhen-Galgenberge, погр. III; 8 – Путилово/Gauten, без указания места находки; 9 – Ауксткмяй (Aukštkiemiai)/Oberhof; 10 – Лендорф/Lehndorf, место находки/погребение «Е2»; 11 – Мойтыны (Mojtyny)/Moynthienen, погр. 12; 12 – Мойтыны (Mojtyny)/Moynthienen, погр. 66

1, 4, 7, 10 – по: *Gaerte*, 1929. Abb. 161; 2, 2а – рис. и фото О. Хомяковой по фондам КОИХМ; 3, 5, 6, 8 – по архиву Ф. Якобсона; 9 – по: *Banytė-Rowell*, 2002. Fig. 1; 11, 12 – по: *Hollack, Peiser*, 1904. Tabl. VI

³ 1) Здоры (Zdory)/Sdorren, без указания места находки (*Hollack, Peiser*, 1904. S. 32. Abb. 33); 2) Грунайки (Grunajki)/Gruneiken, без указания места находки (*Tischler*, 1879. Taf. V: I; архив Р. Гренца).

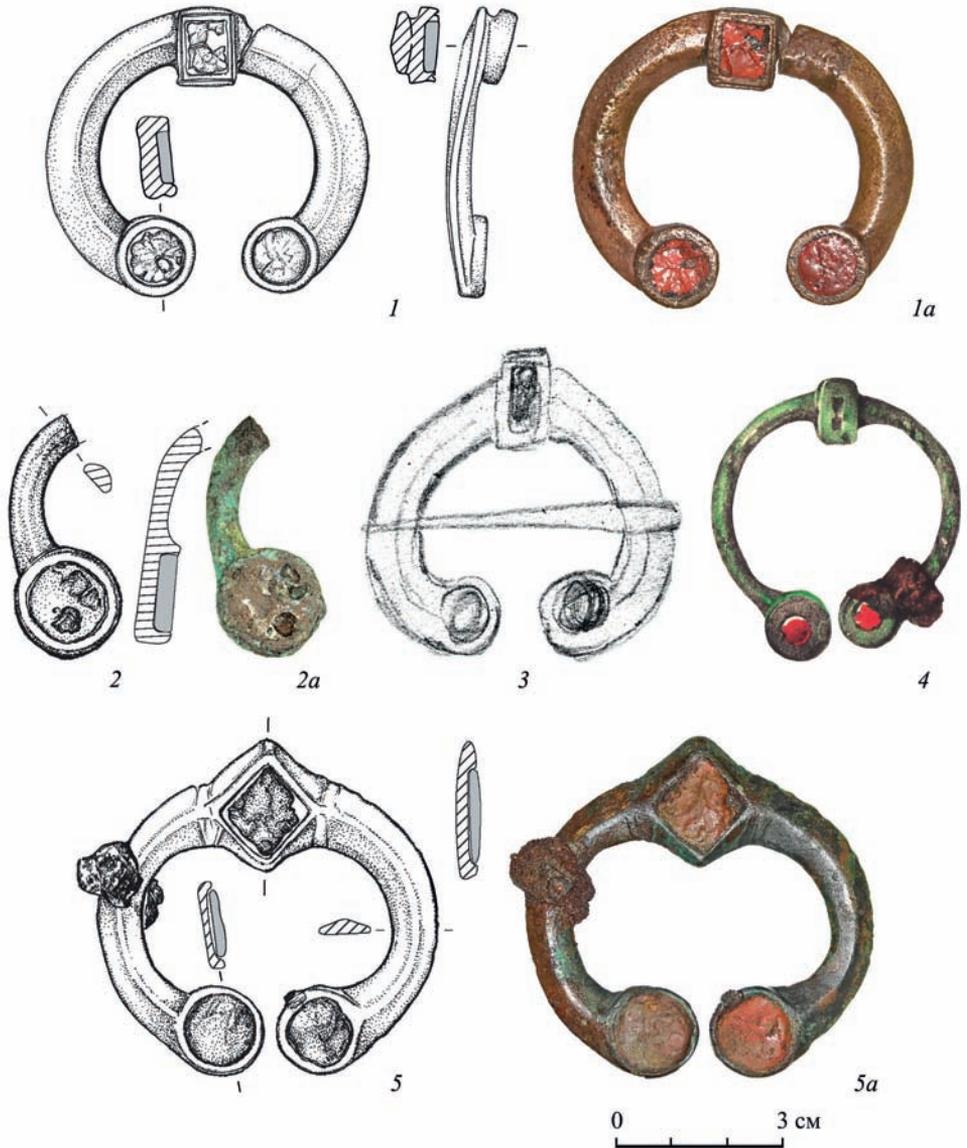

Рис. 2. Подковообразные фибулы

1, 1a – Восточная Пруссия, без указания места находки (КОИХМ 1/49, 17332.9); 2 – Восточная Пруссия, без указания места находки (SMB – РК MVF Pr D 320); 3 – Грунайки (Grunajki)/Gruneiken, без указания места находки; 4 – Мойтыны (Mojtynu)/Moythienen, погр. 35; 5, 5a – Вишка (Wyszka)/Wiska, без указания места находки

1, 1a, 2, 2a, 5, 5a – рис. и фото О. Хомяковой по фондам КОИХМ и SMB – РК MVF; 3 – по архиву Ф. Якобсона; 4 – по: *Hollack, Peiser, 1904. Tabl. VI*

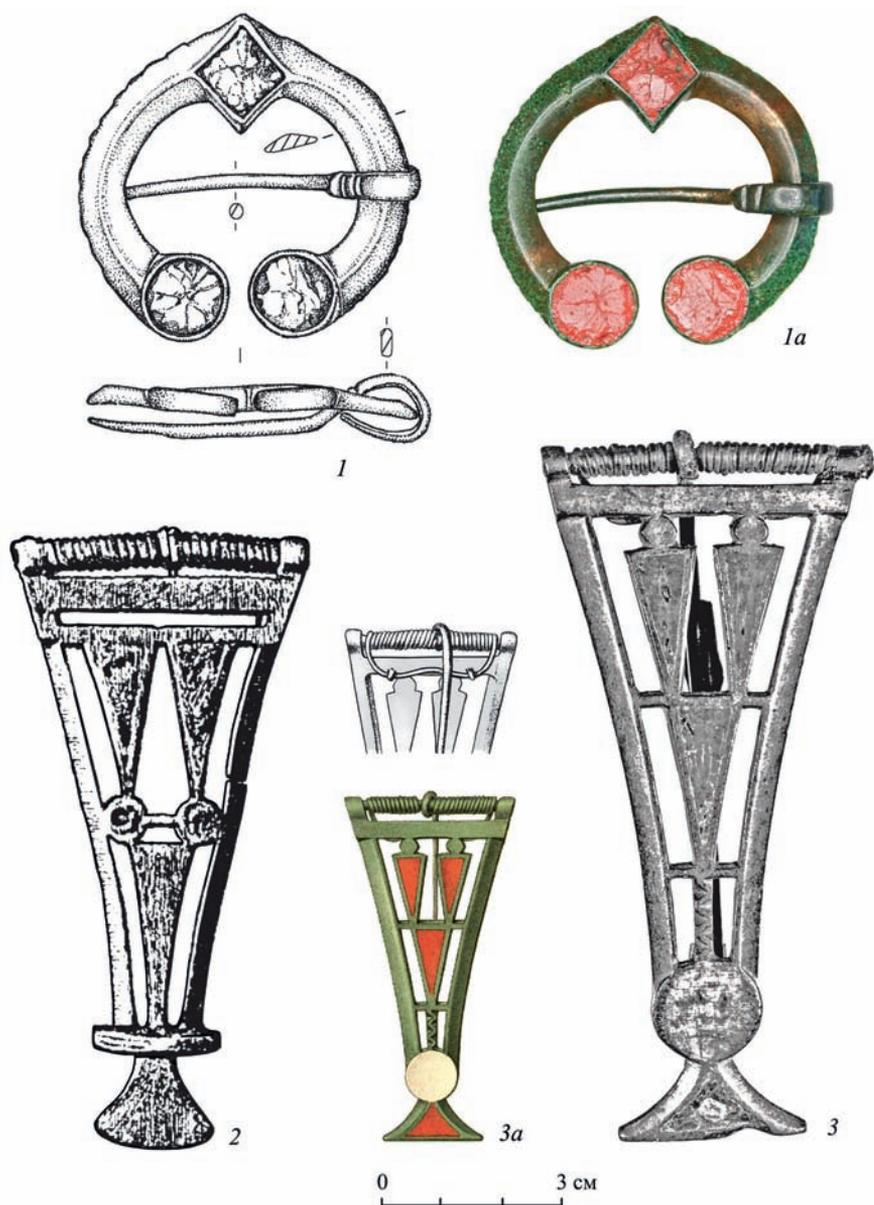

Рис. 3. Подковообразные и треугольные фибулы

1 – Баби́та (Babięta)/Babienten, без указания места находки; 2 – Здо́ры (Zdory)/Sdorren, без указания места находки; 3, 3a – Груна́йки (Grunajki)/Gruneiken, без указания места находки

1, 1a – рис. и фото О. Хомяковой по фондам SMB – РК MVF; 2 – по: *Hollack, Peiser, 1904. Abb. 33*; 3 – фото К. Энгеля по архиву Р. Гренца; 3a – по: *Tischler, 1879. Taf. V: 1*

фибул, однако лишь предметы из музея «Пруссия» относятся к наиболее ранним. В их украшении используется покрытие поверхности белым металлом (оловянистым спавом). Такая техника, как считается, была одной из особенностей ювелирных изделий в III–IV вв. на территориях между Неманом и Западной Двиной (*Bitner-Wróblewska*, 2009. Р. 405, 406; *Bliujienė*, 2013. Р. 378, 379). Начало ее использования в Юго-Восточной Прибалтике относится к более раннему периоду – началу II в. (*Khomiakova*, 2015. Р. 18, 19. Fig. 5: 1–3, 6, 9). Считалось, что для изделий круга эмалей раннеславянских культур начальных стадий развития стиля такая техника была в целом нехарактерна. В отделке предметов позднего этапа развития стиля, в том числе и треугольных фибул, применялось украшение поверхности изделий напаянными серебряными пластинками и элементами кольцевого декора (*Корзухина*, 1978. С. 33; *Левада*, 2010. С. 580–582. Рис. 20). Однако покрытие поверхностей изделий белым металлом встречается на изделиях других категорий среднеднепровских украшений, в частности в Брянском кладе (*Белоцерковская*, 2018. С. 32–34. Рис. 19), что говорит об использовании данной технологии восточноевропейскими ювелирами уже в первой половине – середине III в.

Навершие булавки (рис. 5: 1, 1а; 8: IV) представлено единичным предметом с могильника Махары (*Machary*)/ *Macharren*, погр. 12 (КГОМ 1/48 № 17009.65; *Gaerte*, 1929. Abb. 170). Ранее, из-за отсутствия сведений о предмете, соотносилось с категорией крестовидных фибул (*Фролов*, 1974. С. 24. Рис. 3: 7; *Banytė-Rowell*, *Bitner-Wróblewska*, *Reich*, 2016. Р. 145, 146). Однако следы наличия аппарата застежки на обратной стороне изделия отсутствуют. Навершие булавки сохранилось фрагментарно. Размеры предмета: высота – 1,92 см, ширина – 2,61, толщина – 0,61 см, вес – 3,85 г. Литая, в центральной части предмета расположено гнездо для эмали (эмаль не сохранилась).

Навершие булавки может быть имитацией крестовидных провинциально-римских фибул-брошей, близких типам 5.III.39 по К. Экснеру, или типу III/3/2/2 по А. Вадаи (*Exner*, 1941. Taf. 15: 5.III.39; *Vaday*, 2003. Р. 377. Fig. 33). Булавка с крестовидным навершием в Мазурском Поозерье известна также на могильнике Шпуховко/*Spychówko* (*Klein Puppen*) (*Gaerte*, 1929. Abb. 170: b). Изделия данного типа не представлены в своде, посвященном категории булавок в культурах Балтии, однако там приводятся данные о предметах с территории Нижнего Понеманья, Западной и Центральной Литвы с навершиями, которые выглядят как имитации провинциально-римских фибул-брошей (*Juga-Szymańska*, 2014. Р. 186–189. Tabl. XLVI: 1, 2; XLVII: 3; XLIX: 3, 4). Вероятно, могут быть одними из наиболее ранних примеров булавок с крестовидным окончанием в Прибалтике. По данным архива М. Шмидехельм, рассматриваемая булавка была обнаружена в составе погребения вместе с фибулой с кольцевой гарнитурой и подвеской-«лунулой», что позволяет относить ее к первой половине – середине III в. С аналогичным периодом соотносится еще одна находка наиболее «ранней» булавки с крестовидным окончанием (без эмали) на могильнике Котельниково/*Warengen* в самбийско-натангийском ареале (SMB – PK MVF, PM III. 211.1082.2).

Гривна (рис. 4; 8: V) представлена находкой, сделанной между н. п. Бабита (*Babięta*)/*Babienten* и Бончек (*Bonszek*), не имеет точной привязки к памятнику

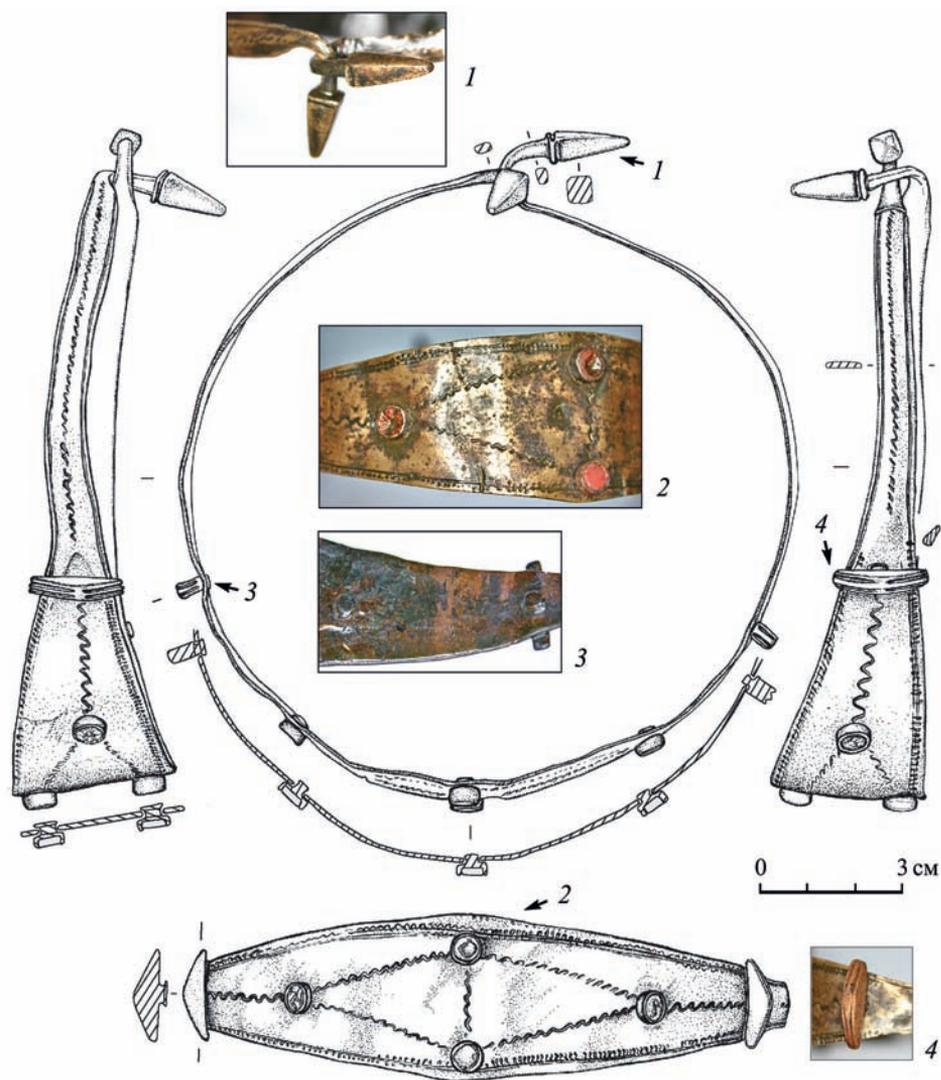
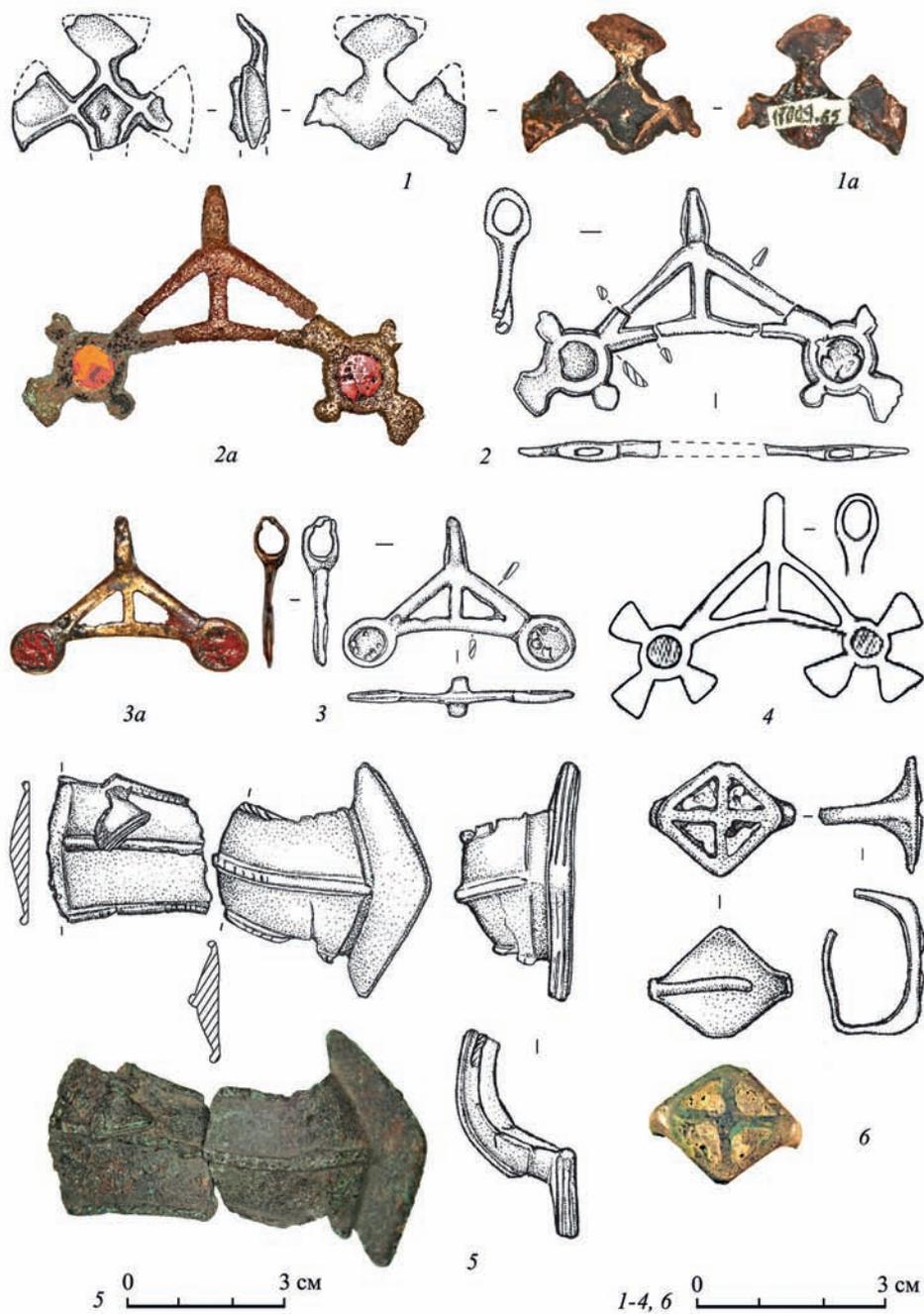

Рис. 4. Гривна, Баби́та (Babięta)/Babienten – Бончек (Bonszek), случайная находка.
Рис. и фото О. Хомяковой по фондам КОИХМ

археологии (КОИХМ 1/49, 17332.1; *Więsk*, 1891. S. 188, 189). В ряде публикаций ошибочно связывается с могильником Баби́та. «Повторно публикуется» впервые.

Внешний диаметр гривны – 12,0–14,1 см, внутренний – 11,9 см, вес предмета 60 г. Литая основная часть раскована в тонкую пластину (0,12 см в сечении) с расширением в центральной части (3,61 см). Пластина сужается у окончаний (до 0,61–0,70 см), переходит в окончания из прямоугольного в сечении дрота

с коническими навершиями (высотой 1,79–1,80 см, прямоугольными у оснований, в сечении около 0,58 см). Поверхность гривны со следами реставрации имеет яркий медно-латунный цвет, патина вытравлена, следов покрытия белым металлом нет. На центральную часть поверхности пластинчатой части гривны нанесен гравированный «зубчатый» орнамент, края оформлены гравированными «канавками», по которым сверху нанесен чеканный орнамент в виде насечек. Центральная часть пластины «отделена» двумя литыми гребнями (высотой 0,64 и 0,66 см, толщиной 0,38 и 0,36 см) на штифтах, при помощи которых они соединены с пластиной. По верху гребни дополнительно украшены канавками. Таким же образом с гривной соединены и четыре округлых «кнопки» с гнездами (высотой 0,47–0,49 см, диаметром около 0,66 см), заполненными красной эмалью, расположенные в центральной части орнаментальной композиции в местах соединения линий «зубчатого» орнамента.

Гривна из коллекции музея «Пруссия» занимает важное место в вопросах типологии и генезиса подобных предметов с территории Восточной Европы, где они связываются с категорией «диадем»/пластинчатых венчиков (*Левада*, 2010; *Родинкова*, 2018). Возможно, это может быть справедливым по отношению к массиву довольно многочисленных предметов с восточнолитовских территорий и ареала раннеславянских культур, имеющих несколько иную морфологию (более подробно см.: Там же. С. 69–71), однако вопрос атрибуции изделия из Бабиты, выделяющегося из общего массива, как украшения головы, на наш взгляд, не может считаться решенным. Отнесение всех пластинчатых изделий к категории венчиков, в особенности небольших размеров, среди которых и предмет из Бабиты, ставит под сомнение и Г. Ф. Корзухина (1978. С. 42, 43). В материалах предримского времени с островов Балтийского моря (в частности, о-ва Готланд), связи с которыми достаточно четко фиксируются в этот период в Юго-Восточной Прибалтике, в составе кладов известны пластинчатые шейные гривны, имеющие аналогичную конструкцию застежки (*Nylén*, 1955. S. 503–507. Abb. 298). Традиция использования нашейников с расширяющейся передней частью, вероятно, была известна в Балтийском регионе еще с бронзового века (напр., *Frost*, 2011. P. 19–22. Fig. 11). На территории Юго-Восточной Прибалтики похожие предметы также известны в эпоху раннего железного века, где их появление рассматривается как результат контактов со Скандинавией (см.: *Waluś*, 2014. P. 30–32. Tab. VII: 6, 7). Предмет из Бабиты относится к группе наиболее ранних и немногочисленных находок, сконцентрированных на территории Прибалтики, выделяется размерами и морфологией. Наиболее близкую аналогию ему имеет лишь экземпляр из Сандраушишке (см.: *Родинкова*, 2018. С. 71, 72), найденный в погребении конца I – начала II в. н. э.

Рис. 5. Предметы убора

1 – навершие булавки, Махары (Machary)/ Macharren, погр. 12; 2–4 – маленькие подвески-лунницы; 2, 2a – Махары (Machary)/ Macharren I, погр. 69; 3, 3a – Бабита (Babięta)/ Babienten I, погр. 312; 4 – Руска Вись (Ruska Wies)/Reussen; 5 – гребенчатый браслет, Онуфриево (Onufrzewo)/Onufrigowen, погр. 233; 6 – перстень, Лабапа (Labapa)/Labar I, погр. 57с

1, 1a, 2, 2a, 3, 3a, 5, 6 – рис. и фото О. Хомяковой по фондам КОИХМ и SMB – РК MVF; 4 – по архиву Г. Янкуна

Маленькие подвески-лунницы (рис. 5: 2, 2а, 3, 3а, 4; 8: VI)⁴. Представлены экземплярами с дуговидным корпусом. Маленькая лунница с могильника Бабита (Babięta)/Babienten I, погр. 312, имеет длину корпуса 3,7 см, высоту – 2,4 см, толщину – около 0,16 см. Вес изделия 2,5 г. Окончания лунницы имеют гнезда округлой формы, заполненные красной эмалью. Лунница с могильника Махары (Machary)/ Macharren I, погр. 69, фрагментирована. Длина изделия – около 7,5 см, высота – 2,3 см, толщина – около 0,2 см. Вес изделия – около 2,4 г. Окончания лунницы в виде округлых щитков с гнездами, заполненными красной эмалью, имеют небольшие отростки треугольной и ромбической формы. Оба изделия характеризует дуговидный корпус, сложенный из тонких перекладин.

Литые маленькие подвески-лунницы из коллекции музея «Пруссия», представленные экземплярами с Мазурского Поозерья, являются частью большого массива предметов данной категории, распространенной преимущественно в культурах лесной и лесостепной зон Восточной Европы (Корзухина, 1978. С. 47, 48), принадлежат к наиболее ранним экземплярам (Фролов, 1980. С. 121, 122. Рис. 1: 1; 2: 15–18). Вместе с лунницей в Бабита (Babięta)/Babienten I, погр. 312, были обнаружены арбалетовидная фибула с кольцевой гарнитурой, манжетовидные браслеты, перекладчатые фибулы «мазурского типа» (Juga-Szymańska, 2014. Р. 67–69), что позволяет датировать комплекс концом II – началом III в.

Плоские круглые подвески (рис. 6: 1–7; 8: VII)⁵. Довольно многочисленны, однако эмалевыми гнездами снабжены только подвески с могильников Грунайки/Gruneyken и Дружба/Muskau. В архиве Р. Гренца сохранилась фотография К. Энгеля, по которой можно судить о внешнем виде и морфологии предметов из Грунайки/Gruneyken. Литая подвеска диаметром около 2,3 см в центральной части имеет прорезные отверстия, по краям – полукруглые гнезда, заполненные красной эмалью. В фондах КОИХМ сохранилось шесть безэмалевых подвесок, происхождение которых может быть связано с могильником Грунайки/Gruneyken (рис. 6: 1–3).

Предметы из Юго-Восточной Прибалтики упоминаются как часть массива круглых подвесок, представленных в восточноевропейских материалах в основном ажурными предметами (Корзухина, 1978. С. 49). Подобно перстням с ромбическим щитком, представляют локальную форму. Примечательно, что такие подвески встречаются на наиболее северных памятниках Мазурского Поозерья и Сувальщины в межкультурном пространстве с самбийско-натангийским

⁴ 1) Бабита (Babięta)/Babienten I, погр. 312 (КОИХМ 1/49, 17291,13); 2) Махары (Machary)/Macharren I, погр. 69 (КОИХМ 1/49, 17700,77; 17009,66; 17574,16; Gaerte, 1929. Abb. 188, 189: f); 3) Никутово (Nikutowo)/Nikutowen, без указания места находки (архив М. Яна); 4) Руска Вись (Ruska Wies)/Reussen (архив Г. Янкуна). Сохранилось два предмета, остальные известны по архивным материалам и публикациям.

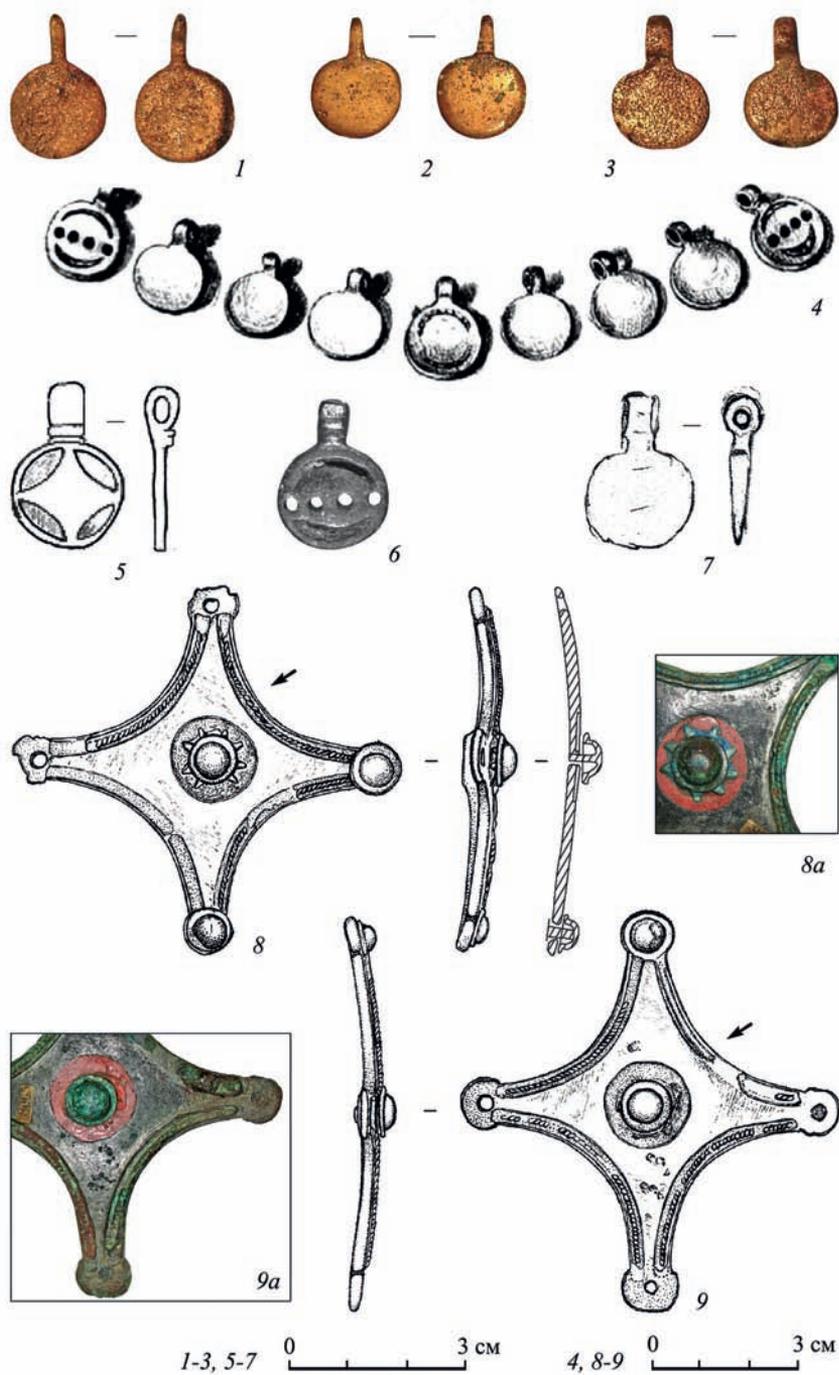
⁵ 1) Бабита (Babięta)/Babienten I, погр. 262, 10 экземпляров (?) (Bitner-Wróblewska et al., 2011. Р. 104; КОИХМ, 1/49, 1086, 1088, 12699); 2) Грунайки (Grunajki)/Gruneyken, без указания места находки, 9 экземпляров (Gaerte, 1929. Abb. 186: d; архив Г. Янкуна); 3) Дружба/Muskau, без указания места находки (архив Г. Янкуна).

и западно-литовским ареалом. По данным архива Ф. Якобсона, на могильнике Баби́та (Babięta)/Babienten I, погр. 262, круглые подвески были выявлены с булавкой с профилированным навершием, которые относятся к локальному типу (тип I «Махары» по А. Юга-Шиманьской). Его датировка в Мазурских материалах соотносится со второй половиной, концом II – началом III в. (*Juga-Szymańska*, 2014. P. 88, 89), остальные находки сделаны вне погребальных комплексов. Во второй половине XX в. ожерелья, составленные из плоских круглых подвесок, были выявлены на могильниках Швейцария, Богачево-Кула в комплексах конца II – начала III в. (*Jaskanis*, 2013. P. 148, 149. Tab. XC VII: 2; *Okulicz*, 1958. P. 89–91), аналогии им в III в. известны на территории Литвы (*Michelbertas*, 1986. P. 106, 107. Fig. 30: 4).

Гребенчатый браслет (рис. 5: 5; 8: VIII) происходит с могильника Онуфриево (Onufryewo)/Onufigowen, погр. 233 (SMB – PK MVF, PM-A 1162, Bd. 1/33; архив М. Шмидехельм, 720С-136). Как и треугольные фибулы, может считаться импортом с территории культур раннеславянского облика, где они являются одной из наиболее распространенных категорий украшений (*Корзухина*, 1978. С. 34, 35. Рис. 26: 3–4). Браслет из Онуфриево принадлежит к типу разомкнутых без эмали, «классического» образца (тип 1а) (более подробно: *Хомякова*, 2018. С. 87. Рис. 69–71), и находит аналогии на широких территориях лесной и лесостепной зон. Территориально наиболее близкие ему находки сделаны в восточнолитовском ареале на городище Демблине – Пакачинес (*Корзухина*, 1978. С. 34. Рис. 26: 3) и в регионе Сувалок (случайная находка из Кживульки) (*Битнер-Врублевска*, 2017. С. 161–172). В отличие от большинства восточноевропейских находок, браслет из Онуфриево найден в составе погребения. По данным архива М. Шмидехельм, вместе с ним были обнаружены железная пряжка, керамическое пряслице и стеклянные бусы.

Перстни (рис. 5: 6; 8: IX)⁶. Представлены изделиями замкнутой формы с ромбическим щитком с гнездами эмали. Сохранился лишь один предмет с могильника Лабапа (Łabapa)/Labar I, погр. 57с. Размеры эмалевого щитка 2,3 × 1,73 см, цвет эмали в гнездах – синий, зеленый. Обод кольца сломан, диаметр около 1,5–1,6 см. Мазурское Поозерье является основным ареалом распространения колец с ромбовидным эмалевым щитком, на их основе выделен особый тип (форма 26) (*Beckman*, 1966. S. 41. Taf. 14). Большинство колец выявлено в составе погребальных комплексов и может быть датировано серединой – второй половиной II и началом III в. н. э. (см.: *Bitner-Wróblewska et al.*, 2011. P. 14, 15).

⁶ 1) Баби́та (Babięta)/Babienten I, погр. 50 (*Moora*, 1934. S. 81; *Beckman*, 1966. S. 41); 2) Бартошице (Bartoszyce)/Bartenstein, без указания места находки (*Ibid.*); 3) Бартликово (Bartlikowo)/Bartlickshof, погр. 29 (*Kemke*, 1900. Taf. III: 10; *Beckman*, 1966. S. 41); 4) Бартликово (Bartlikowo)/Bartlickshof, погр. 26 (*Kemke*, 1900. Taf. III: 9) 5) Герлоз (Gierłoż)/Görlitz, погр. 28 (*Heydeck*, 1887. Taf. I); 6) Лабапа (Łabapa)/Labar I, погр. 57с (SMB – PK MVF PM 1949: 363); 7) Федотово/Plauen, без указания места находки (*Engel*, 1935. Taf. 39f); 8) Шпуховко (Spychówko)/Klein-Puppen, погр. 129 (*Moora*, 1934. S. 81; *Beckman*, 1966. S. 41); 9) Шпуховко (Spychówko)/Klein-Puppen, погр. 27 (*Hollack, Peiser*, 1904. Abb. 22: 3).

Детали рогов для питья – наконечники и звенья цепей (рис. 7; 8: X)⁷. Предметы из Заозерья/Lapsau являются одной из наиболее известных находок, цитируемой в ряде публикаций, посвященных предметам круга эмалей. Изделие было найдено в 1869 г. местными жителями (*Tischler*, 1879. S. 52; архив Г. Янкуна) на памятнике, соотносимом с грунтовым могильником. Цепь фрагментирована – ее элементы хранятся и в КОИХМ и SMB – РК MVF, не сохранилось (или не идентифицировано) лишь центральное округлое звено с эмалевой вставкой.

Рога для питья с цепями, украшенными эмалевыми вставками, были широко распространены в Прибалтике, преимущественно на литовских территориях, где локализуется первое наиболее крупное их скопление. Второй большой ареал распространения связан с Днепровским Левобережьем (*Радюш*, 2018. С. 140–142. Рис. 103). Цепь из Заозерья/Lapsau выделяется на общем фоне особой конструкцией, которая не имеет шарнирных соединений, в то время как звено цепи из Бабиты, напротив, имеет петлю, предназначенную для шарнирного крепления, и находит близкие аналогии на литовских территориях, прежде всего в материалах могильника Линкайчай (см.: *Michelbertas*, 2016. P. 68), в киевской культуре и культурах лесной зоны Восточной Европы (напр., *Радюш*, 2013. Рис. 8: 1, 8, 18). Наконечник рога для питья из Заозерья/Lapsau ближайšie аналогии находит среди профилированных изделий, распространенных на о-вах Балтийского моря второй половины II – начала III в. (*Andrzejowski*, 1991. S. 143, 144. Abb. 50). Данному типу близок и наконечник с могильника Лабапа (Łabapa)/Labar I, публикуемый впервые.

Элементы конского снаряжения – детали уздечек (разделители ремней) (рис. 6: 8, 8a, 9, 9a; 8: XI)⁸. Представленные в коллекции музея «Пруссия» разделители ремней из погр. 2 могильника Ауксткимяй (Aukštkiemiai)/Oberhof II являются, вероятно, одним из наиболее ранних примеров видоизменения стилистики эмалевых украшений в начале позднеримского периода в Прибалтике. Сочетание техники эмалирования с напайками из проволочек и покрытием поверхности предметов оловянистым сплавом характерно для украшений группы

Рис. 6. Круглые подвески и детали конской упряжи

1–7 – круглые подвески: 1–3, 7 – Бабита (Babięta)/Babienten I, погр. 262 (КОИХМ, 1/49, 1086, 1088, 12699); 4, 6 – Грунайки (Grunajki)/Gruneuken, без указания места находки; 5 – Дружба/Muskau, без указания места находки. 8, 9 – детали конской упряжи, Ауксткимяй (Aukštkiemiai)/Oberhof II, погр. 2

1–3, 8, 8a, 9, 9a – рис. и фото О. Хомяковой по фондам КОИХМ и SMB – РК MVF; 4 – по архиву SMB – РК MVF; 5 – по архиву Г. Янкуна; 6 – фото К. Энгеля по архиву Р. Гренца; 7 – по архиву Ф. Якобсона

⁷ 1) Заозерье/Lapsau, без указания места находки (SMB – РК MVF Pr D 131, Pr 747, КОИХМ 1/49 17332.31); 2) Бабита (Babięta)/Babienten I, место находки 498 (M6) (SMB – РК MVF Pr D 39, РМ VII.130): ранее предмет рассматривался как подвеска; 3) Лабапа (Łabapa)/Labar, без указания места находки (SMB – РК MVF РМ 1940: 392).

⁸ 1) Черняховск-Дачная/Althof-Insterburg, погр. 135 (*Grunert*, 1939. S. 38, 39. Abb. 13); 2) Ауксткимяй (Aukštkiemiai)/Oberhof II, погр. 2 (SMB – РК MVF РМ 18005).

наиболее поздних предметов горизонта восточноевропейских выемчатых эмалей (Корзухина, 1978. С. 33; Левада, 2010. С. 580–582; Bitner-Wróblewska et al., 2011. P. 15); на территории Прибалтики – для фибул-брошей со сложносоставными композициями из ареала культуры Таранд (Фролов, 1974. С. 21–23; Хомякова, 2017. С. 153). Датировка указанного комплекса – первая половина – середина III в. н. э. (Reich, 2009. P. 207. Fig. 2; Michelbertas, 2016. P. 56).

Лицевая сторона литых накладок (размеры около $7,2 \times 7,6$ см и $7,9 \times 7,3$ см) покрыта белым металлом и по периметру – бронзовыми напайками из тонких пластинок с бороздками с насечками, имитирующими рубленую проволоку. В центре накладок находятся гнезда округлой формы, заполненные красной эмалью, с отверстиями, в которых расположены заклепки со сферической (умбоновидной) головкой для крепления к ремню (рис. 6: 8а, 9а).

Аналогичным образом были декорированы, вероятно, и разделители ремней уздечки с могильника Черняховск-Дачная/Althof-Insterburg, погр. 135. Предметы не сохранились, как и большинство находок, сделанных до 1945 г. на памятниках округа Инстербург (совр. Черняховский р-н Калининградской обл.). Крестовидные разделители ремней представлены на памятниках Западной Литвы, в Мазурском Поозерье и в районе Сувалок (Reich, 2009. P. 208, 209. Fig. 3), однако эмалевые гнезда, вероятно, присутствуют лишь на указанных находках.

Выводы

Материалы коллекции музея «Пруссия» показывают основные тенденции в распространении предметов с эмалью в Юго-Восточной Прибалтике (рис. 8). Провинциально-римские изделия встречаются везде, однако большее их количество концентрируется на побережье – на территории Калининградского (Самбийского) п-ва (рис. 8: 1). Для самбийско-натангийской культуры, производство ювелирных изделий которой находилось под преобладающим влиянием северо-скандинавского филигранного стиля и ювелирной традиции вельбаркской культуры с использованием напаяк, тиснения, проволочного декора, псевдозерни, техника эмалирования, вероятно, была нехарактерна. Категории «эмалевого стиля» – маленькие подвески-лунницы, подковообразные фибулы, перстни, нагрудные украшения – также нетипичны для самбийско-натангийской культуры. Вероятно, роль контактов с южным побережьем, культурным центром в дельте Вислы и островами Балтийского моря в формировании стиля ювелирных изделий в раннеримское время для местного населения была значительней, чем остальные направления контактов.

Сочетание ювелирного стиля, характеризующего «престижные» украшения, и детали амуниции с северогерманских и южнскандинавских памятников с техникой эмалирования в начале позднеримского времени демонстрируют некоторые отдельные предметы с побережья Западной Литвы, обнаруженные в погребениях более высокого социального статуса (рис. 6: 8, 8а, 9, 9а).

Наибольшее количество предметов с эмалью локальной традиции производства в Юго-Восточной Прибалтике происходит с территории скопления памятников в западной части Мазурского Поозерья, откуда фиксируются

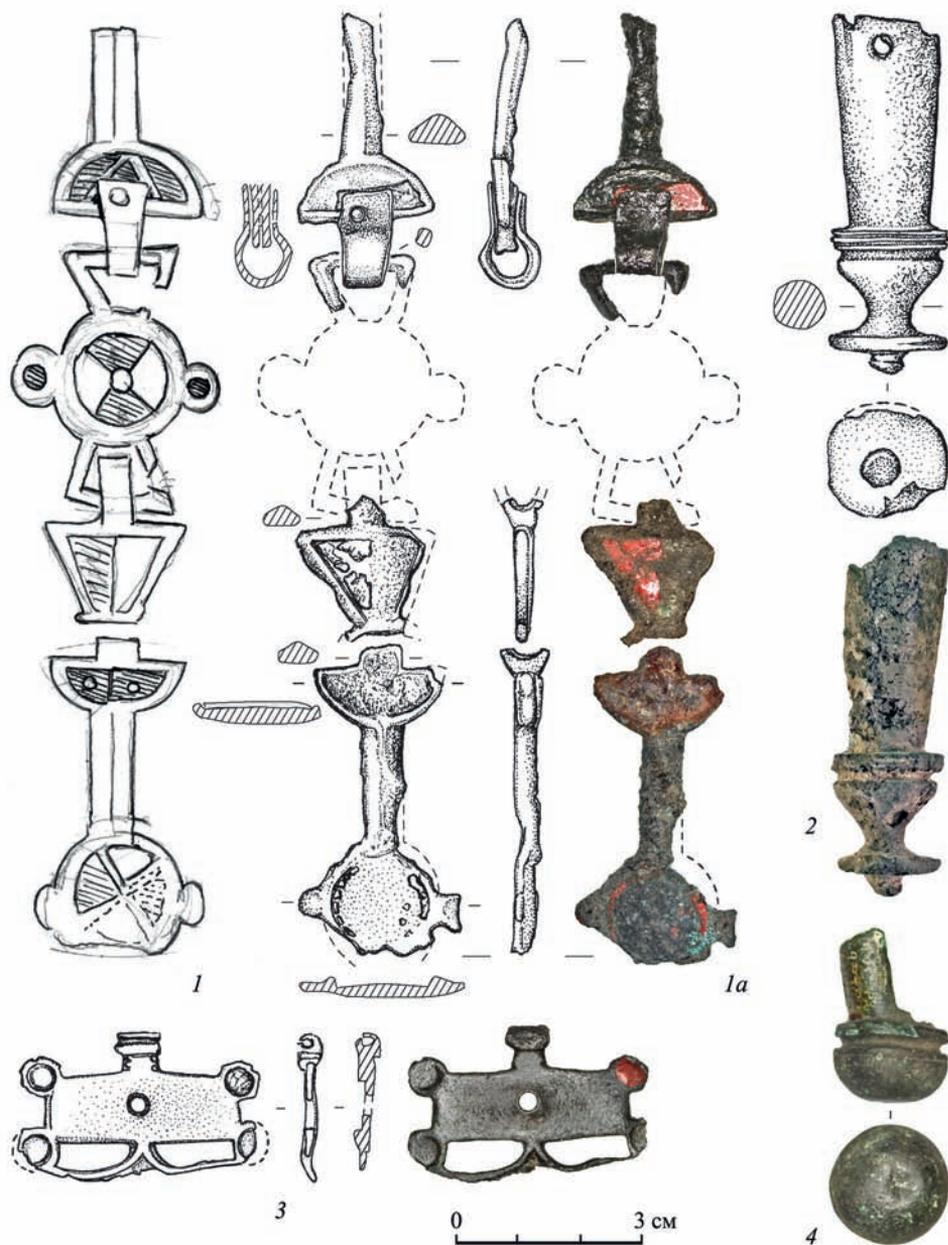
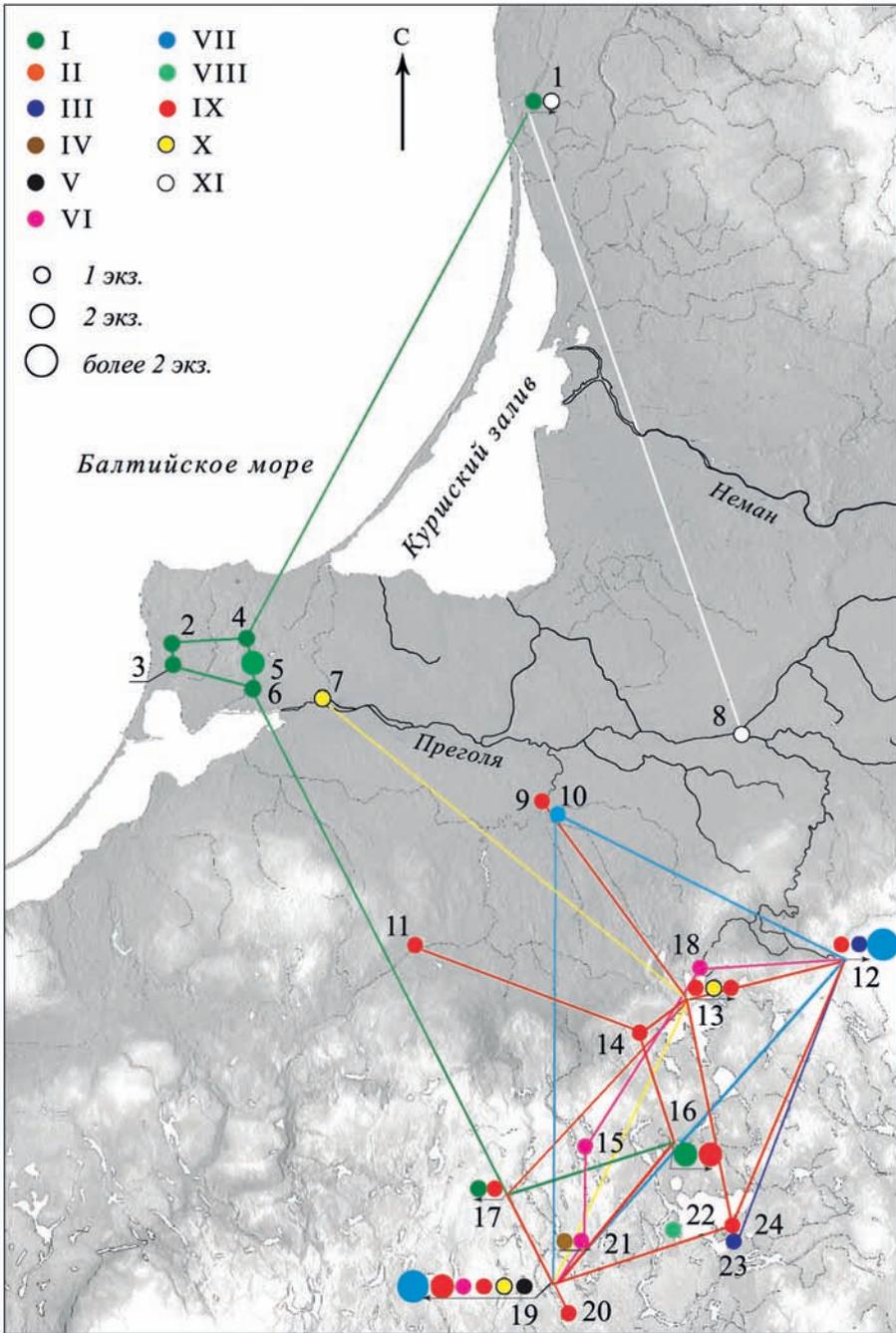

Рис. 7. Детали рогов для питья

1, 1a, 2 – Заозерье/Lapsau, без указания места находки; 3 – Баби́та (Babięta)/Babienten I, место находки 498 (M6); 4 – Лабапа (Łabара)/Labar, без указания места находки

Рис. и фото О. Хомяковой по фондам КОИХМ и SMB – РК MVF

«выплески» в межкультурное пространство с самбийско-натангийским арелом, представленные предметами «престижной» культуры (рог для питья, перстни) (рис. 7: 1; 8: 7, 9, 10). Центр, расположенный в районе западномазурского скопления памятников (богачевской культуры), вероятно, испытывал провинциально-римское влияние больше через посредничество центральноевропейских культур и мог выработать «эмалевый стиль». В производстве предметов с эмалью, в соответствии с новейшими исследованиями (*Bitner-Wróblewska, Stawiarska, 2009. P. 329–331; Румянцева, 2016. С. 25–27*), использовалась техника эмалирования, аналогичная применявшейся в мастерских, расположенных на территории Среднедунайских провинций. Предметы с эмалью, связанные со «среднепроевропейской» традицией (треугольные фибулы, гребенчатые браслеты) (рис. 3: 2, 3, 3a; 5: 5; 8: 22–24), происходят из восточного скопления памятников – территории судавской культуры. Здесь же, на могильнике Швайцария, во второй половине XX в. найдено нагрудное украшение с эмалью (*Jaskanis, 2013. P. 150–153. Tab. ХСVI: 1a*). Это указывает на возможное основное направление контактов с кругом раннеславянских культур через территории, расположенные на Балтийской гряде, – Судавскую возвышенность, Среднее Понеманье и далее, восточнолитовские территории на Аукштайтской возвышенности.

Содержащиеся в материалах коллекции закрытые комплексы с эмалью дают данные об их хронологии на территории Юго-Восточной Прибалтики. Основное количество предметов принадлежит ко второй половине II – началу III в. (центральноевропейские фазы относительной хронологии B2/C1 и C1a), наиболее ранние предметы – к периоду около середины II в. (фаза B2 (B2b), более поздние – к первой половине и середине III в. (фаза C1, включая наиболее позднюю C1b).

Несмотря на то что количество находок круга эмалей на территории Польши, Центральной и Западной Литвы с 1945 г. возросло, коллекция музея «Пруссия» до сих пор остается основой для изучения предметов с эмалью в Прибалтике. Она содержит все основные категории находок, в том числе исключительные предметы, и дает представление о номенклатуре изделий, их соотношении, территориальном распределении и хронологии.

Рис. 8. Распространение предметов круга эмалей в Юго-Восточной Прибалтике по данным коллекции музея «Пруссия» (сост. О. Хомякова)

Фибулы: I – провинциально-римская; II – подковообразная; III – треугольная

IV – навершие булавки; V – гривна. Подвески; VI – маленькая лунница; VII – круглая; VIII – браслет; IX – перстень; X – детали рогов для питья; XI – детали конской упряжи

1 – Ауксткямий (Aukštkiemiai)/Oberhof; 2 – Русское (Поваровка)/Kirpehnen-Galgenberge; 3 – Путилово/Gauten; 4 – Лендорф/Lehdorf; 5 – Хрустальное/Wiekau I; 6 – Грейбай/Greibau; 7 – Заозерье/Lapsau; 8 – Черняховск-Дачная/Althof-Insterburg; 9 – Федотово/Plauen; 10 – Дружба/Muskau; 11 – Баргошице (Bartoszyce)/Bartenstein; 12 – Грунайки (Grunajki)/Gruneiken; 13 – Лабана (Łabara)/Labar; 14 – Герлоз (Gierłoż)/Görlitz; 15 – Никутово (Nikutowo)/Nikutowen; 16 – Бартликово (Bartlikowo)/Bartlischof; 17 – Мойтыны (Mojtyny)/Moythienen; 18 – Руска Вись (Ruska Wies)/Reussen; 19 – Бабита (Babięta)/Babienten; 20 – Шпуховко (Spsychówko)/Klein-Puppen; 21 – Махары (Machary)/Macharren I; 22 – Онуфриево (Onufryewo)/Onufriogowen; 23 – Здоры (Zdory)/Sdorren; 24 – Вишка (Wyszka)/Wiska

ЛИТЕРАТУРА

- Алдунг Ф., Карнап-Борнгейм К. Ф., Ибсен Т.*, 2005. Коллекции «Пруссия» в фондах Калининградского областного историко-художественного музея. Бремен: Hauschild. 112 с.
- Амброз А. К.*, 1966. Фибулы юга европейской части СССР. М.: Наука. 142 с. (САИ; вып. Д1-30.)
- Архив Герберта Янкуна // Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig.
- Архив Мартина Яна // Uniwersytet Warszawski, Warszawa.
- Архив Марты Шмидехельм // Ajaloo Instituut, Tallinn.
- Архив Рудольфа Гренца // Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig.
- Белоцерковская И. В.*, 2018. Украшения из металла // Брянский клад... / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 14–50. (PCM; вып. 18.)
- Битнер-Врублевская А.*, 2017. Невеста издалека? Импортный браслет из Кжевулки под Сувалками (северо-восточная Польша) // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: сб. ст.: к 60-летию А. М. Обломского / Отв. ред.: В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 161–172. (PCM; вып. 19.)
- Булычев Н. И.*, 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. 78 с.
- Гороховский Е. Л.*, 1988. Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н. э. лесостепного Поднепровья и Южного Побужья: дис. ... канд. ист. наук. Киев. 461 с.
- Корзухина Г. Ф.*, 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 123 с. (САИ; вып. Е1-43.)
- Левада М. Е.*, 2010. Сухоносивка // Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin / Red. A. Urbaniak. Łódź, Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego: Fundacja Monumenta Archaeologica. S. 557–594. (MAB. Series Gemina; t. II.)
- Радюш О. А.*, 2013. Элементы всаднической и дружинной культуры II–III вв. в Поднепровье // SP. № 4. С. 51–73
- Радюш О. А.*, 2018. Предметы дружинной культуры среди древностей круга восточноевропейских выемчатых эмалей // Брянский клад... / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 138–145. (PCM; вып. 18.)
- Родинкова В. Е.*, 2018. Пластинчатые венчики или «диадемы» круга восточноевропейских выемчатых эмалей // Брянский клад... / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 66–81. (PCM; вып. 18.)
- Румянцева О. С.*, 2016. Украшения с полихромными эмальями из Брянского клада: техника изготовления и «авторство» // РА. № 4. С. 16–29.
- Спицын А. А.*, 1903. Предметы с выемчатой эмалью // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. V, вып. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. С. 188–189.
- Обломский А. М., Тертиловский Р. В.*, 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (PCM; вып. 10.)
- Фролов И. К.*, 1974. Фибулы-броши с выемчатой эмалью // КСИА. Вып. 140. С. 19–27.
- Фролов И. К.*, 1980. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов / Ред.: Р. Я. Денисова, Е. Мугуревич, Ф. А. Загорскис. Рига: Зинанте. С. 111–124.
- Хомякова О. А.*, 2017. Фибулы-броши в культурах Восточной Балтии // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: сб. ст.: к 60-летию А. М. Обломского / Отв. ред.: В. Е. Родинкова, О. С. Румянцева. М.: ИА РАН. С. 149–156. (PCM; вып. 19.)
- Хомякова О. А.*, 2018. Браслеты Брянского клада // Брянский клад... / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера. С. 86–94. (PCM; вып. 18.)
- Andrzejowski J.*, 1991. Okucia rogow do picia z młodszego okresu przedrzymskiego i okresu wpływu rzymskich w Europie Środkowej i Północnej (Proba klasyfikacji i analizy chronologiczno-terytorialnej) // Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. Vol. 6. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. P. 7–120.

- Banytė-Rowell R.*, 2002. Enamel Disc from Aukštakiemis (Oberhof) // *ABalt*. Vol. 5. Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 123–130.
- Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., Reich C.*, 2016. West Lithuania as a Golden Bridge between the Sea and the Baltic Hinterland in Northeast Poland during the Roman and Migration Periods // *ABalt*. Vol. 23 Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 140–151.
- Beckmann B.*, 1966. Studien über die Metallnadeln der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Eine Untersuchung ihrer Formen, Zeitstellung und Verbreitung // *Saalburg Jahrbuch*. Bericht des Saalburg Museums. Bd. 23. Berlin. S. 5–100.
- Bitner-Wróblewska A.*, 2007. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie: Fundacja MAB. 325 s. (MAB; t. XII.)
- Bitner-Wróblewska A.*, 2009. Emaliu puošti dirbiniai // *Art of the Balts – Baltu menas* / Ed. A. Butrimas. Vilnius: Vilnius Art Academy. P. 400–424.
- Bitner-Wróblewska A., Rzeszotarska-Nowakiewicz A., Līga Virse I., Bitner-Wróblewska D.*, 2011. Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona: Das archäologische Vermächtnis Ostpreußens im Archiv des Felix Jakobson. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, Departament Dziedzictwa Kulturowego. 640 p. (Aestiorum hereditas; 2.)
- Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T.*, 2009. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią // *Bałtowie i ich sąsiedzi*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. P. 303–351. (Seminarium Bałtyjskie; t. 2.)
- Bluijienė A.*, 2013. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla. 752 p. (LA; t. III.)
- Bujack G.*, 1891. Die Bronzen mit Glasfluss im Prussia-Museum // *Prussia*. Bd. 16. S. 189–191.
- De Baye J.*, 1891. Les Bronzes Émaillés de Mostchina. Gouvernement de Kalouga (Russie). Paris: Nilsson. 11 p.
- Engel C.*, 1935. Vorgeschichte der altpreußischen Stämme. Untersuchungen über Siedlungsstetigkeit und Kulturgruppen im vorgeschichtlichen Ostpreußen. Bd. II. Königsberg: Gräfe und Unzer. 351 S.
- Exner K.*, 1941. Die provinzialrömischen Emailfibeln der Rheinlande // *Bericht der römisch-germanischen Kommission*. Bd. 29. S. 31–121.
- Feugère M.*, 1985. Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. Paris: CNRS. 503 p. (Revue Archéologique de Narbonnaise; Suppl. 12.)
- Frost L.*, 2011. Vognserup Enge – Et offerfund med kvindesmykker fra den ældre bronzealder // *Aarbøger for Nordisk oldkyndighed og Historie*. Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab 2008. København. P. 7–58.
- Gaerte W.*, 1929. Urgerchichte Ostpreussens. Königsberg: Gräfe und Unzer. 406 S.
- Grunert W.*, 1937. Nadrauer Grabungen // *Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg*. 21. Insterburg: Altertumsgesellschaft. S. 7–61.
- Grunert W.*, 1939. Nadrauen Grabungen // *Zeitschrift der Altertumsgesellschaft zu Instenburg*, H. 22. Instenburg. S. 28–44.
- Heydeck J.*, 1887. Urnefeld bei Waldhaus Görlitz, Kreis Rastenburg // *Prussia*. Bd. 12. S. 9–10.
- Heydeck J.*, 1909. Das Gräberfeld von Wiekau, Kr. Fishausen // *Prussia*. Bd. 22. S. 217–221.
- Heynowski R.*, 2016. Fibeln: Erkennen – Bestimmen – Beschreiben. Berlin; München. 168 S. (Bestimmungsbuch Archäologie; Bd. 1.)
- Hollack E., Peiser F.*, 1904. Das Gräberfeld von Moythienen. Königsberg: Verlag von Gräfe & Unzer. 57 S.
- Jabłońska A.*, 1992. Zapinki podkowiaste z emalią w Europie Północno-Wschodniej w okresie wpływów rzymskich // *Acta Baltico-Slavica*. T. 21. Warszawa: Instytut Sławistyki PAN. P. 116–165.
- Jaskanis J.*, 2013. Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: SNAP. 325 s.
- Juga-Szymańska A.*, 2014. Kontakty Pojezierza Mazurskiego ze wschodnią strefą Bałtyku w okresie wpływów rzymskich na przykładzie szpil. Warszawa: Fundacja MAB: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 504 p. (Seminarium Bałtyjskie; t. 3.)
- Kemke H.*, 1900. Das Gräberfeld von Bartickshof // *SPÖG*. Bd. 41. S. 108–134
- Khomiakova O.*, 2015. Disc Brooches of Dollkeim-Kovrovo Culture. The Question of the Origin of Ornaments in the Southeast Baltic in the First Centuries AD. // *ABalt*. Vol. 21–22. Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 14–40.

- La Baume W.*, 1941. Vorgeschichtliche Forschung und Denkmalpflege in Ostpreußen (1939 und 1940) // Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. Bd. 17 / Eds.: G. Kossinna, M. Jahn. Leipzig: C. Kabitzsch. S. 82–88.
- Mączyńska M., Urbaniak A.*, 2006. Prowincjonalnorzymska zapinka tarczowata z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Babim Dole-Borczu, powiat kartuski // WA. Vol. LVIII. P. 145–158.
- Michelbertas M.*, 2016. Romeniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Vilniaus universiteto. 112 p.
- Michelbertas M.*, 1986. Senasis geležies amžius Lietuvoje I–IV a. Vilnius: Mokslas. 270 p.
- Moora H.*, 1934. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. T. 40. P. 75–90.
- Nylén E.*, 1955. Die jüngere vorrömische Eisenzeit Gotlands : Funde, Chronologie, Formenkunde. Uppsala: Uppsala, Almqvist & Wiksell. 560 S.
- Nowakowski W.*, 1985. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobałtyjskiego kręgu kulturowego // Archeologia. Rocznik Instytutu Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk. Wrocław. Vol. XXXIV (1983). P. 63–106.
- Nowakowski W.*, 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität. 169 p. (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg; 10.)
- Nowakowski W.*, 2013. Masuren in der Römischen Kaiserzeit. Auswertung der Archivalien aus dem Nachlass von Herbert Jankuhn. Neumünster: Wachholtz Verlag. 280 S. (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete; Bd. 12.)
- Nowakowski W.*, 2016. Emailverzierte Sachgüter des 1.–3. Jahrhunderts im Ostbaltikum // Archäologie zwischen Römern und Barbaren: Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen): Internationales Kolloquium (Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009). Teil I / Hrsg.: H.-U. Voß, N. Müller-Scheeßel. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. S. 465–474. (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; Bd. 22.)
- Okulicz J.*, 1958. Cmentarzysko z okresu rzymskiego, odkryte w miejscowości Bogaczewo na przysiółku Kula, pow. Gisztycko // Rocznik Olsztyński. Olsztyń. Bd. I. S. 47–116.
- Reich C.*, 2009. The cemetery of Oberhof (Aukstkiemiai) – horse graves and equestrian equipment // ABalt. Vol. 11. Klaipėda: Klaipėda University Press. P. 206–216.
- Riha E.*, 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 222 S. (Forschungen in Augst; Bd. 3.)
- Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin (SMB – PK MVF.)
- Thomas S.*, 1966. Die provinziäl-römische Scheibenfibeln der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 6. Berlin: Staatliches Museum für Vor- und Frühgeschichte. S. 119–178.
- Tischler O.*, 1879. Ostpreussische Gräberfelder III // SPÖG. Bd. 19. S. 159–268.
- Tischler O.*, 1887. Abriss der Geschichte des Emails // SPÖG. Bd. 27. P. 39–59.
- Tischler O., Kemke H.*, 1902. Ostpreißeische Altertümer aus der Zeit der großen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag. 46 S.
- Vaday A.*, 2003. Cloisone brooches in the Sarmatian Barbaricum in the Carpatian Basin // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. № 54, 3–4. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia. P. 315–421.
- Waluś A.*, 2014. Zabytki metalowe kultury kurhanów zachodniobałtyjskich wczesnej epoki żelaza // Światowit Supplement Series B: Barbaricum; 10 / Ed. B. Kontny. Warszawa: Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. P. 9–198.

Сведения об авторе

Хомякова Ольга Алексеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: olga.homiakova@gmail.com

O. A. Khomyakova

ENAMELLED ORNAMENTS
FROM PRUSSIA MUSEUM COLLECTION

Abstract. The paper provides an overview of the items identified as East European enamels from the collection of the Prussia Museum. The material is used as a basis for studying finds of different categories from the Baltic region. The data from the museum collections and archives are provided. Items previously known from illustrations made at the end of XIX century – early XX century are published for the first time. The author suggests typological and chronological characteristics of the items and analyzes their distribution across the region.

Keywords: Baltic region, East European champlévé enamels, Eastern Prussia, collection of the Prussia Museum.

REFERENCES

- Aldung F., Karnap-Bornheim K. F., Ibsen T., 2005. Kollektii «Prussiya» v fondakh Kaliningradskogo oblastnogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya [Collection “Prussia” in funds of Kaliningrad regional museum of history and arts]. Bremen: Hauschild. 112 p.
- Ambroz A. K., 1966. Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR [Fibulae of the South of European part of the USSR]. Moscow: Nauka. 142 p. (SAI.)
- Andrzejowski J., 1991. Okucia rogow do picia z młodszego okresu przedrzymskiego i okresu wpływu rzymskich w Europie Środkowej i Północnej (Proba klasyfikacji i analizy chronologiczno-terytorialnej). *Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne*, 6. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, pp. 7–120.
- Arkhiy Gerberta Yankuna [Archive of Herbert Jankun]. *Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig*.
- Arkhiy Martina Yana [Archive of Marcin Jan]. *Uniwersytet Warszawski, Warszawa*.
- Arkhiy Marty Shmidekhel'm [Archive of Martha Schmiedehelm]. *Ajaloo Instituut, Tallinn*.
- Arkhiy Rudol'fa Grentsa [Archive of Rudolf Grentz]. *Archäologisches Landesmuseum Schloß Gottorf in Schleswig*.
- Banytė-Rowell R., 2002. Enamel Disc from Aukštakiemis (Oberhof). *ABalt*, 5. Klaipėda: Klaipėda University Press, pp. 123–130.
- Banytė-Rowell R., Bitner-Wróblewska A., Reich C., 2016. West Lithuania as a Golden Bridge between the Sea and the Baltic Hinterland in Northeast Poland during the Roman and Migration Periods. *ABalt*, 23 Klaipėda: Klaipėda University Press, pp. 140–151.
- Beckmann B., 1966. Studien über die Metallnadeln der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. Eine Untersuchung ihrer Formen, Zeitstellung und Verbreitung. *Saalburg Jahrbuch. Bericht des Saalburg Museums*, 23. Berlin, pp. 5–100.
- Belotserkovskaya I. V., 2018. Ukrasheniya iz metalla [Ornaments from metal]. *Bryanskiy klad... [Bryansk hoard...]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 14–50. (RSM, 18.)
- Bitner-Wróblewska A., 2017. Nevesta izdaleka? Importnyy braslet iz Kzhevulki pod Suwalkami (severovostochnaya Pol'sha) [A bride from afar? Imported bracelet from Krzewulka near Suwalki (North-eastern Poland)]. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdeniye slavyanskikh kul'tur [Europe from La Tene till Middle Ages: barbarian world and birth of Slavic cultures]*. V. E. Rodinkova, O. S. Rumyantseva, eds. Moscow: IA RAN, pp. 161–172. (RSM, 19.)
- Bitner-Wróblewska A., 2007. Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie: Fundacja MAB. 325 p. (MAB, XII.)
- Bitner-Wróblewska A., 2009. Emaliu puošti dirbiniai. *Art of the Balts – Baltu menas*. A. Butrimas, ed. Vilnius: Vilnius Art Academy, pp. 400–424.

- Bitner-Wróblewska A., Rzeszotarska-Nowakiewicz A., Līga Virse I., Bitner-Wróblewska D., 2011. Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona: Das archäologische Vermächtnis Ostpreußens im Archiv des Felix Jakobson. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, Departament Dziedzictwa Kulturowego. 640 p. (Aestiorum hereditas, 2.)
- Bitner-Wróblewska A., Stawiarska T., 2009. Badania technologiczne wschodnioeuropejskich zabytków zdobionych emalią. *Baltowie i ich sąsiedzi*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, pp. 303–351. (Seminarium Bałtyjskie, 2.)
- Bluijienė A., 2013. Romėniškasis ir tautų kraustymosi laikotarpiai. Klaipėda: Klaipėdos universiteto leidykla. 752 p. (LA, III.)
- Bulychev N. I., 1899. Zhurnal raskopok po chasti vodorazdela verkhnikh pritokov Volgi i Dnepra [Diary of excavations in a part of watershed of upper reaches of Volga and Dnieper]. Moscow: Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova. 78 p.
- Bujack G., 1891. Die Bronzen mit Glasfluss im Prussia-Museum // Prussia. Bd. 16. S. 189–191.
- De Baye J., 1891. Les Bronzes Émaillés de Mostchina. Gouvernement de Kalouga (Russie). Paris: Nilsson. 11 p.
- Engel C., 1935. Vorgeschichte der altpreußischen Stämme. Untersuchungen über Siedlungsstetigkeit und Kulturgruppen im vorgeschichtlichen Ostpreußen, II. Königsberg: Gräfe und Unzer. 351 p.
- Exner K., 1941. Die provinzialrömischen Emailfibeln der Rheinlande. *Bericht der römisch-germanischen Kommission*, 29, pp. 31–121.
- Feugère M., 1985. Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. Paris: CNRS. 503 p. (Revue Archéologique de Narbonnaise, Suppl. 12.)
- Frolov I. K., 1974. Fibuly-broshi s vyemchatoy emal'yu [Fibulae-brooches with champlévé enamel]. *KSIA*, 140, pp. 19–27.
- Frolov I. K., 1980. Lunnitsy s vyemchatoy emal'yu [Lunulae with champlévé enamel]. *Iz drevneyshey istorii baltskikh narodov [From earliest history of Balt peoples]*. R. Ya. Denisova, Ė. Mugurėvichs, F. A. Zagorskis, eds. Riga: Zinante, pp. 111–124.
- Frost L., 2011. Vognserup Enge – Et offerfund med kvindesmykker fra den ældre bronzealder. *Aarbøger for Nordisk oldkyndighed og Historie. Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab 2008*. København, pp. 7–58.
- Gaerte W., 1929. Urgerchichte Ostpreussens. Königsberg: Gräfe und Unzer. 406 p.
- Gorokhovskiy E. L., 1988. Khronologiya yuvelirnykh izdeliy pervoy poloviny I tisyacheletiya n. e. lesostepnogo Podneprov'ya i Yuzhnogo Pobuzh'ya: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk [Chronology of jewelry items of first half of I millennium AD in forest-steppe Dnieper and South Bug regions: Ph.D. dissertation]. Kiev. 461 p.
- Grunert W., 1937. Nadrauer Grabungen. *Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg*, 21. Insterburg: Altertumsgesellschaft, pp. 7–61.
- Grunert W., 1939. Nadrauen Grabungen // *Zeitschrift der Altertumsgesellschaft zu Instenburg*, H. 22. Instenburg. S. 28–44.
- Heydeck J., 1887. Urnefeld bei Waldhaus Görlitz, Kreis Rastenburg. *Prussia*, 12, pp. 9–10.
- Heydeck J., 1909. Das Gräberfeld von Wiekau, Kr. Fishausen. *Prussia*, 22, pp. 217–221.
- Heynowski R., 2016. Fibeln: Erkennen – Bestimmen – Beschreiben. Berlin; München. 168 p. (Bestimmungsbuch Archäologie, 1.)
- Hollack E., Peiser F., 1904. Das Gräberfeld von Moythienen. Königsberg: Verlag von Gräfe & Unzer. 57 p.
- Jabłońska A., 1992. Zapinki podkowiaste z emalią w Europie PółnocnoWschodniej w okresie wpływów rzymskich. *Acta Baltico-Slavica*, 21. Warszawa: Instytut Sławistyki PAN, pp. 116–165.
- Jaskanis J., 2013. Szwajcaria. Cmentarzysko bałtyjskie kultury sudowskiej w północno-wschodniej Polsce. Warszawa: SNAP. 325 p.
- Juga-Szymańska A., 2014. Kontakty Pojezierza Mazurskiego ze wschodnią strefą Bałtyku w okresie wpływów rzymskich na przykładzie szpil. Warszawa: Fundacja MAB: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 504 p. (Seminarium Bałtyjskie, 3.)
- Kemke H., 1900. Das Gräberfeld von Bartickshof. *SPÖG*, 41, pp. 108–134.
- Khomiakova O., 2015. Disc Brooches of Dollkeim-Kovrovo Culture. The Question of the Origin of Ornaments in the Southeast Baltic in the First Centuries AD. *ABalt*, 21–22. Klaipėda: Klaipėda University Press, pp. 14–40.

- Khomyakova O. A., 2017. Fibuly-broshi v kul'turakh Vostochnoy Baltii [Fibulae-brooches in cultures of Eastern Baltia]. *Evropa ot Latena do Srednevekov'ya: varvarskiy mir i rozhdeniye slavyanskikh kul'tur [Europe from La Tene till Middle Ages: barbarian world and birth of Slavic cultures]*. V. E. Rodinkova, O. S. Rumyantseva, eds. Moscow: IA RAN, pp. 149–156. (RSM, 19.)
- Khomyakova O. A., 2018. Braslety Bryanskogo klada [Bracelets of Bryansk hoard]. *Bryanskiy klad... [Bryansk hoard...]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 86–94. (RSM, 18.)
- Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'ye [Items of attire with champlévé enamels of V – first half of VI c. AD in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 123 p. (SAI.)
- La Baume W., 1941. Vorgeschichtliche Forschung und Denkmalpflege in Ostpreußen (1939 und 1940). *Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit*, 17. G. Kossinna, M. Jahn, eds. Leipzig: C. Kabitzsch, pp. 82–88.
- Levada M. E., 2010. Sukhonosivka [Sukhonosivka]. *Terra Barbarica. Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin*. A. Urbaniak, ed. Łódź; Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego: Fundacja Monumenta *Archaeologica*, pp. 557–594. (MAB. Series *Gemina*, II.)
- Mączyńska M., Urbaniak A., 2006. Prowincjonalnorzymska zapinka tarczowata z cmentarzyska kultury wielbarskiej w Babim Dole-Borczu, powiat kartuski. *WA*, LVIII, pp. 145–158.
- Michelbertas M., 2016. Romeniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Vilniaus universiteto. 112 p.
- Michelbertas M., 1986. Senasis geležies amžius Lietuvoje I–IV a. Vilnius: Mokslas. 270 p.
- Moora H., 1934. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmuks. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*, 40, pp. 75–90.
- Nylén E., 1955. Die jüngere vorrömische Eisenzeit Gotlands: Funde, Chronologie, Formenkunde. Uppsala: Uppsala, Almqvist & Wiksell. 560 S.
- Nowakowski W., 1985. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobałtyjskiego kręgu kulturowego. *Archeologia. Rocznik Instytutu Historii Kultury Materialnej Polskiej Akademii Nauk*, XXXIV (1983). Wrocław, pp. 63–106.
- Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität. 169 p. (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg, 10.)
- Nowakowski W., 2013. Masuren in der Römischen Kaiserzeit. Auswertung der Archivalien aus dem Nachlass von Herbert Jankuhn. Neumünster: Wachholtz Verlag. 280 p. (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete, 12.)
- Nowakowski W., 2016. Emailverzierte Sachgüter des 1.–3. Jahrhunderts im Ostbaltikum. *Archäologie zwischen Römern und Barbaren: Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. Und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen): Internationales Kolloquium*, I. H.-U. Voß, N. Müller-Scheeßel, eds. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, pp. 465–474. (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte, 22.)
- Nylén E., 1955. Die jüngere vorrömische Eisenzeit Gotlands : Funde, Chronologie, Formenkunde. Uppsala: Uppsala, Almqvist & Wiksell. 560 S.
- Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Predmety ubora s vyyemchatymi emalyami na teritorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (Dopolneniye svodov G. F. Korukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo) [Attire items with champlévé enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (Supplement to corpus editions by G.F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kiyevskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v.) [Kiev culture sites in Russia forest-steppe zone (III – early V c.)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (RSM, 10.)
- Okulicz J., 1958. Cmentarzysko z okresu rzymskiego, odkryte w miejscowości Bogaczewo na przysiółku Kula, pow. Giżycko. *Rocznik Olsztyński*, I. Olsztyń, pp. 47–116.
- Radyush O. A., 2013. Elementy vsadnicheskoy i druzhinnoy kul'tury II–III vv. v Podneprov'ye [Elements of horsemen's and warrior culture in the Dnieper region in 2nd–3rd cc. AD]. *SP*, 4, pp. 51–73.
- Radyush O. A., 2018. Predmety druzhinnoy kul'tury sredi drevnostey kruga vostochnoyevropeyskikh vyyemchatykh emaley [Items of warrior culture among antiquities of the circle of East European

- champlevé enamels]. *Bryanskiy klad... [Bryansk hoard...]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 138–145. (RSM, 18.)
- Reich C., 2009. The cemetery o Oberhof (Aukstkiemiai) – horse graves and equestrian equipment. *ABalt*, 11. Klaipėda: Klaipėda University Press, pp. 206–216.
- Riha E., 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 222 p. (Forschungen in Augst, 3.)
- Rodinkova V. E., 2018. Plastinchatyye venchiki ili «diademy» kruga vostochnoyevropeyskikh vyyemchatykh emaley [Plate head-ribbons or «diadems» of the circle of East European champlevé enamels]. *Bryanskiy klad... [Bryansk hoard...]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 66–81. (RSM, 18.)
- Rumyantseva O. S., 2016. Ukrasheniya s polikhromnymi emalami iz Bryanskogo klada: tekhnika izgotovleniya i «avtorstvo» [Ornaments with polychrome enamels from the Bryansk hoard: the technique and «authorship»]. *RA*, 4, pp. 16–29.
- Spitsyn A. S., 1903. Predmety s vyyemchatoy emal'yu [Items with champlevé enamel. St.Petersburg: Tipografiya I. S. Skorokhodova. 44 p. (Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arheologii Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva, vol. V, iss. 1.)
- Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin (SMB – PK MVF).
- Thomas S., 1966. Die provinziäl-römische Scheibenfibeln der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. *Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*, 6. Berlin: Staatliches Museum für Vor- und Frühgeschichte, pp. 119–178.
- Tischler O., 1879. Ostpreussische Gräberfelder III. *SPÖG*, 19, pp. 159–268.
- Tischler O., 1887. Abriss der Geschichte des Emails. *SPÖG*, 27, pp. 39–59.
- Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreiße Altertümer aus der Zeit der großen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag. 46 p.
- Vaday A., 2003. Cloissone brooches in the Sarmatian Barbaricum in the Carpatian Basin. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, no. 54, 3–4. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, pp. 315–421.
- Waluś A., 2014. Zabytki metalowe kultury kurhanów zachodniobałtyjskich wczesnej epoki zelaza. *Światowit Supplement Series B: Barbaricum*, 10. B. Kontny, ed. Warszawa: Instytut archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, pp. 9–198.

About the author

Khomyakova Olga A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: olga.homiakova@gmail.com

М. М. Казанский

СТЕПНЫЕ ТРАДИЦИИ В СЛАВЯНСКОМ ВООРУЖЕНИИ И КОНСКОМ СНАРЯЖЕНИИ В V–VII ВВ.

Резюме. Рассматриваются предметы вооружения и конского снаряжения, обнаруженные на славянских памятниках V–VII вв. (пражская, пеньковская, колочинская культуры), которые свидетельствуют о влиянии степных кочевников, гунно-болгар и авар, на военное дело славян. Это железные гарды клинкового оружия, пики, топоры-чеканы, костяные накладки на лук, колчаные крючки, тяжелые трехлопастные стрелы, металлические и костяные пряжки конской сбруи, роговые псалии удил. В западной половине ареала пражской культуры распространяется аварская воинская мода, выразившаяся в находках элементов аварской поясной гарнитуры, что, видимо, связано с военно-политической ориентацией склавинов тех территорий. Значительное количество археологических находок свидетельствует о прямом влиянии степных кочевников на военное дело славян в V–VII вв. Это касается в первую очередь славянской конницы, существование которой прямо засвидетельствовано письменными источниками, а также стрелкового оружия. При этом славянская конница по экипировке напоминала скорее азиатскую, чем европейскую. Большая часть находок происходит из лесостепной полосы, от Верхнего Дона до Нижнего Дуная, где контакт кочевников со склавинами и антами был наиболее вероятен.

Ключевые слова: славяне, кочевники, вооружение, конское снаряжение.

Военные контакты славян со степными кочевниками в V–VII вв. неоднократно отмечались письменными источниками. Среди наиболее известных эпизодов можно назвать войну гуннов, выступивших на защиту антов¹, в противостоянии

¹ Известие Иордана об этой войне (Иордан, 2001, § 246, 247), скорее всего, опирается на эпические песни готов и поэтому может носить чисто легендарный характер. Однако если это событие имело место в реальности, то анты в нем выступают как подчиненные союзники гуннов, находящиеся под защитой степняков (Kazanski, 2009). Отметим, что в алтайских языках, к которым принадлежал и гуннский, этноним «анты» читается как «союзники», «друзья», «люди, связанные клятвой верности» (Филин, 1962).

с остроготами, в конце IV – начале V в., совместную службу гуннов, антов и склавинов в корпусе Мартина и Валериана во время Готской войны в 536–546 гг. (подробнее см.: *Казанский*, 2009), набег кутригур и склавинов на Балканы в 559 г., войны антов с аварами в 550–600-е гг. и особенно разнообразные аваро-славянские военные контакты в 578–626 гг., включавшие и вооруженные конфликты, и союзничество, и военное подчинение части склавинов аварам (см. подборку сведений: *Свод древнейших письменных свидетельств...*, 1994; 1995)². В данной работе³ мы рассмотрим предметы вооружения и конского снаряжения, обнаруженные на славянских памятниках V–VII вв. (пражская, пеньковская, колочинская культуры)⁴, которые свидетельствуют о влиянии степняков на военное дело у славян (рис. 1).

Среди клинкового оружия, обнаруженного на славянских памятниках, следует назвать железную массивную гарду, скорее всего, судя по небольшим размерам, от кинжала или боевого ножа (рис. 2: 1), найденную на колочинском поселении Великие Будки, на Левобережной Украине, в бассейне верхней Сулы (*Казанский*, 2015. Кат. IV.13 ; *Kazanski*, 2015. P. 46). Гарда относится к так называемому азиатскому типу, по терминологии В. Менгина (*Menghin*, 1995. S. 165–175). Считается, что в Европе подобные гарды распространяются в гуннское время, под влиянием степняков, пришедших с востока, однако в Восточной Европе, Центральной Азии и в Закавказье такие гарды известны и ранее, в римское время (*Werner*, 1956. S. 38–40; *Ivanišević*, *Kazanski*, 2009. P. 121, 122; *Tejral*, 2011. S. 282–285; *Казанский*, 2015. С. 49).

К числу предметов вооружения «степного» происхождения можно причислить и пики, найденные на славянских памятниках (*Казанский*, 2015. Кат. V.2.2; V.5.1; *Kazanski*, 2015. P. 46, 47). Они представляют собой втульчатые копья с узким пером линзовидного или ромбического сечения, расширенным у основания, иногда с ушком на втулке для крепления к древку. Их длина 18–25 см (рис. 2: 7–11). Исследователи полагают, что такие пики предназначены для конного боя и имеют в Европе восточное, может быть, аварское происхождение, хотя существуют и гуннские прототипы (*Alföldi*, 1932. Taf. II. 2). Параллели этим копьям хорошо представлены в аварских древностях, а также у гунно-болгар, в ранневизантийском контексте, и у лангобардов Италии, куда они попали, скорее всего, от авар. Наконец, пики известны и северо-восточнее славянского ареала,

С. 58, 59; *Попов*, 1973. С. 34–37); ср. славяне – «пактиоты» Константина Багрянородного, «свои поганые» русских летописей или же «мирные» и «немирные» чукчи, коряки, тунгусы и другие народы Сибири в русских документах XVII–XVIII вв.

² О различных формах отношений степных кочевников и оседлых варваров см. подробнее: *Казанский*, *Мастыкова*, 2009; *Kazanski*, 2013.

³ Первая короткая версия этой работы была опубликована на французском языке в 2015 г.: *Kazanski*, 2015.

⁴ В число пражских здесь включены и т. н. памятники Ипотешть-Кындешть на территории Румынии, хотя там присутствует и неславянский культурный элемент. Пеньковская культура соотносится с антами, пражская – со склавиными и венедами раннесредневековых письменных источников, точная атрибуция колочинской культуры затруднительна. В число памятников последней сейчас включают и памятки Верхне-го Поднепровья (см.: *Обломский*, 2016).

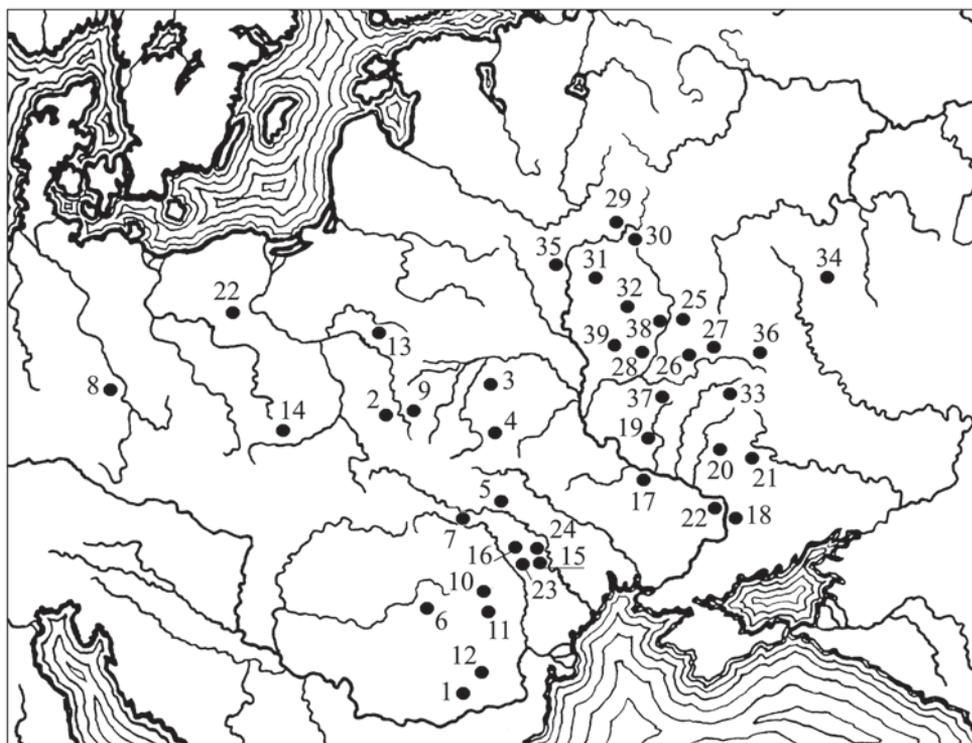

Рис. 1. Распространение предметов вооружения и конского снаряжения степной традиции на славянских памятниках V–VII вв.

Пражская культура и памятники группы Ипотешть-Киндешть: 1 – Гиван Николае (Ghivan Nicolae); 2 – Гродек (Grodék) -25; 3 – Хотомель; 4 – Клементовичи; 5 – Бернашевка; 6 – Пишколт (Pișcolt); 7 – Рашков-3; 8 – Дрезден-Штец (Dresden-Stetzsch); 9 – Зимне; 10 – Давидень-Нямц (Davideni-Neamț); 11 – Извоаре-Бахна (Izvoare-Bahna); 12 – Сэрата-Монтеору (Sarata-Monteoru); 13 – Хачки (Hački); 14 – Краков – Нова Гута – Могила-1 (Kraków-Nowa Huta-Mogila)

Пеньковская культура: 15 – Селиште (Seliște); 16 – Новые Братушаны (Brătușeni Noi); 17 – Миклашевский; 18 – Кизлевый; 19 – Хитцы; 20 – Чернечина; 21 – Таранцево-Занки; 22 – Волошское – Сурска Забора; 23 – Требужени (Trebujeni); 24 – Старый Орхей (Orheiul Vechi)

Колочинская культура: 25 – Хохлов Вир; 26 – Артюшково; 27 – Болваново; 28 – Колодезный Бугор; 29 – Близнаки; 30 – Демидовка; 31 – Никодимово; 32 – Рассуха-2; 33 – Песчанок; 34 – Кривец-4; 35 – Тайманова; 36 – Каменево-2; 37 – Великие Будки; 38 – Владимирское; 39 – Демьянка

По: *Kazanski*, 2015. Fig. 1, с дополнениями

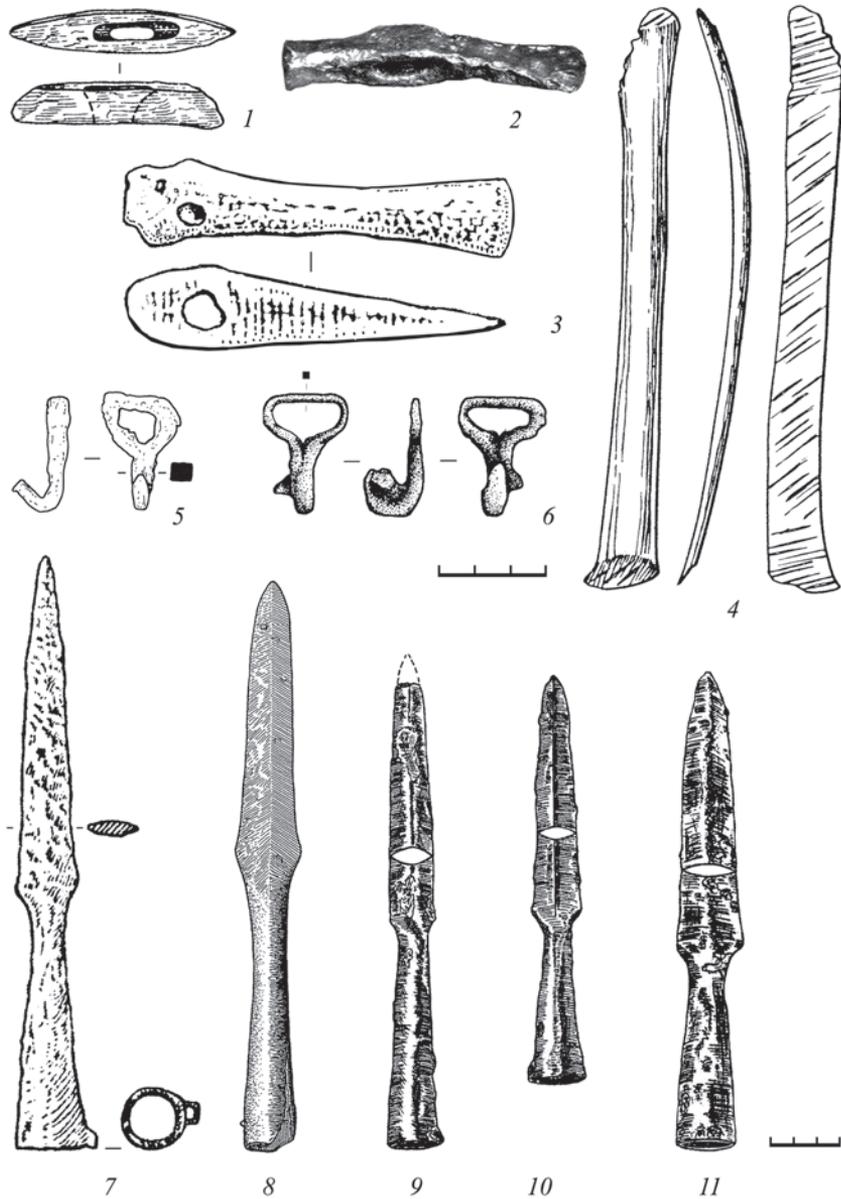

Рис. 2. Предметы вооружения степной традиции, обнаруженные на славянских памятниках

1 – Великие Будки; 2 – Хачки (Hački); 3 – Зимне; 4 – Хитцы; 5 – Сэрата-Монтеору (Sarata-Monteoru); 6 – Пишколт (Pişcolt); 7 – Зимне; 8 – Близнаки; 9–11 – Никодимово

По: Kazanski, 2015. Fig. 2; 3

у финнов Поволжья, где также можно предполагать военное влияние степняков (*Казанский*, 2015. С. 47; *Kazanski*, 2015. Р. 47, там же библиография).

На мой взгляд, степными по происхождению являются и миниатюрные топорики-чеканы (рис. 2: 2, 3), найденные на городищах пражской культуры Зимне на Волини и Хачки на территории Польши (*Казанский*, 2015. Кат. I.9.8, I.17.1). Похожее оружие известно у авар в Карпатском бассейне (Там же. С. 49; *Kazanski*, 2015. Р. 47, там же библиография)⁵.

Очень хорошо на славянских памятниках представлены элементы стрелкового вооружения. Прежде всего назовем костную накладку на лук (рис. 2: 4), найденную в одном из сооружений V – первой половины VI в. на пеньковском поселении Хитцы (*Казанский*, 2015. Кат. III.4; *Kazanski*, 2015. Р. 47).

Хорошо известно, что до конца VI в. во всадническом снаряжении в Европе не было стремян, что затрудняло рукопашные схватки и придавало особую важность дистанционному бою с помощью стрелкового оружия. Поэтому тугий лук с костяными (роговыми) накладками становится основным оружием кочевников в начале Средневековья (*Kazanski*, 2012. Р. 194–196). Такой лук позволяет использовать тяжелые трехлопастные стрелы, которые могут нанести противнику тяжелые ранения с обильным кровотечением и, что не менее важно, вывести из строя его коней (*Никонов*, *Худяков*, 2004. С. 193–203). Столь же тугие луки были и у византийских лучников, о них пишет Прокопий Кесарийский. При этом ромеи тянули тетиву к уху, и ни щиты, ни панцири не спасали врага от их стрел (*Прокопий Кесарийский*, 1998. I.18.34).

Такой лук и тяжелые трехлопастные стрелы хорошо представлены в древностях степных кочевников V–VII вв. как в понтийских степях, так и в Карпатском бассейне. Костяные накладки на лук известны и в материалах из византийских крепостей на Дунае и на Тамани. Под степным влиянием он распространяется и у оседлых варваров Восточной Европы, как об этом свидетельствуют находки трехлопастных стрел (см. ниже), причем в таких регионах, где присутствие кочевников в это время заведомо исключено (см. подробнее: *Казанский*, 2009; 2015. С. 62–64; *Kazanski*, 2015. Р. 48, 49; там же библиография).

К экипировке лучника относятся и колчаные крючки с прямоугольной петлей, найденные на карпато-дунайских памятниках (рис. 2: 5, 6) (*Казанский*, 2015. Кат. II.1; II.9.3). Такие крючки хорошо известны в погребениях степных кочевников гуннского и постгуннского времени, а также в аварских некрополях,

⁵ Миниатюрные размеры топориков могут свидетельствовать об их votivном характере, см. диалог между Стюрлаугом и Хорнневью:

– Хорнневья: «...я дам тебе тот драгоценный предмет, что я держу в своей руке, и это алебарда».

– Стюрлауг: «Что же особенного в том, что у тебя есть и что ты предлагаешь мне?»

– Хорнневья: «Она перерубает все, по чему ударяет. Она может стать такой маленькой, что ты сможешь прикрепить ее к своей одежде, как булавку. Куда бы ты ни пришел, с ней ты сможешь завоевать столько, сколько хочешь и сколько тебе нужно» (*Глазырина*, 1996. С. 147).

хотя встречаются и в германском контексте Западной и Центральной Европы (*Казанский*, 2015. С. 54, 55; *Kazanski*, 2015. Р. 47, 48; там же библиография).

Однако самым распространенным предметом вооружения на славянских памятниках, связанным по происхождению с кочевой степью, являются большие трехлопастные стрелы (рис. 3; 4: 2–8, 10–38), хорошо известные в V–VII вв. по всей зоне славянского расселения. Разумеется, часть этих стрел могла попасть на славянские поселения в результате набегов степняков (*Шувалов*, 2004), но, как правило, они происходят с памятников, где не отмечены какие-либо следы военных акций, за исключением городищ Зимно, Хотомель, Никодимово, Демидовка. Однако и в данном случае никаких доказательств, что данные укрепленные поселения подверглись нападению именно степняков, не имеется. Особенно это сомнительно для верхнеднепровских городищ Никодимово и Демидовка, находящихся очень далеко от степной границы. Кроме того, некоторые трехлопастные стрелы, в частности, на поселении Рашков на Днестре и на городище Хотомель в Полесье были найдены на дне заплывших хозяйственных ям, что свидетельствует об их несомненной связи в первую очередь со славянским населением данных поселков (*Казанский*, 2015. С. 62–64; *Kazanski*, 2015. Р. 47, 48; там же библиография).

Длина этих стрел варьирует от 4,5 до 13 см. Выделяются стрелы с наибольшим расширением в средней части, типичные для гуннской эпохи (например, рис. 3: 1, 2; 4: 34, 35), и стрелы, расширенные ближе к черенку, более характерные для постгуннского и аварского времени (например, рис. 3: 8, 15, 22–24; 4: 2, 3, 8, 10, 11, 17). Этот тип стрел возникает, если судить по находке в «княжеском» погребении Блущина (Blučina) в Южной Моравии, в период D3, согласно хронологии европейского Барбарикума (450–480/490 гг.). Показательной является и находка в склепе 152 1904 г. в Керчи, где такие стрелы найдены вместе с гепидской пряжкой первой половины – середины VI в. (*Казанский*, 2015. С. 63; *Kazanski*, 2015. Р. 47, 48; там же библиография).

При рассмотрении трехлопастных стрел надо четко различать два момента: их несомненно «степное», по крайней мере, южное происхождение как типа оружия и реальность принадлежности этих стрел на славянских памятниках каким-то кочевникам. Напомним, что широкое распространение стрел данного типа у разных народов Европы начала Средневековья также является общеизвестным фактом. Трехлопастные стрелы в эпоху Великого переселения народов и в раннем Средневековье хорошо представлены у гуннов и гунно-болгар русско-украинских степей, а также в Аварском каганате. Однако они хорошо известны и у оседлых варваров, в частности у волжских финнов, на территории восточных балтов, у носителей культуры Тушемля-Банцеровщина, в мощинской культуре, на памятниках дяковской культуры, у германцев Средней Европы и даже на территории Меровингского королевства. Трехлопастные стрелы довольно часто находят и на ранневизантийских памятниках, в балкано-дунайском регионе и в Северном Причерноморье. При этом у славян и германцев V–VI вв. в контексте, исключающем случайное попадание, известны не только стрелы, но и костяные накладки на боевой лук, необходимый для использования тяжелых стрел (см. выше). Поэтому уже сама по себе широкая география распро-

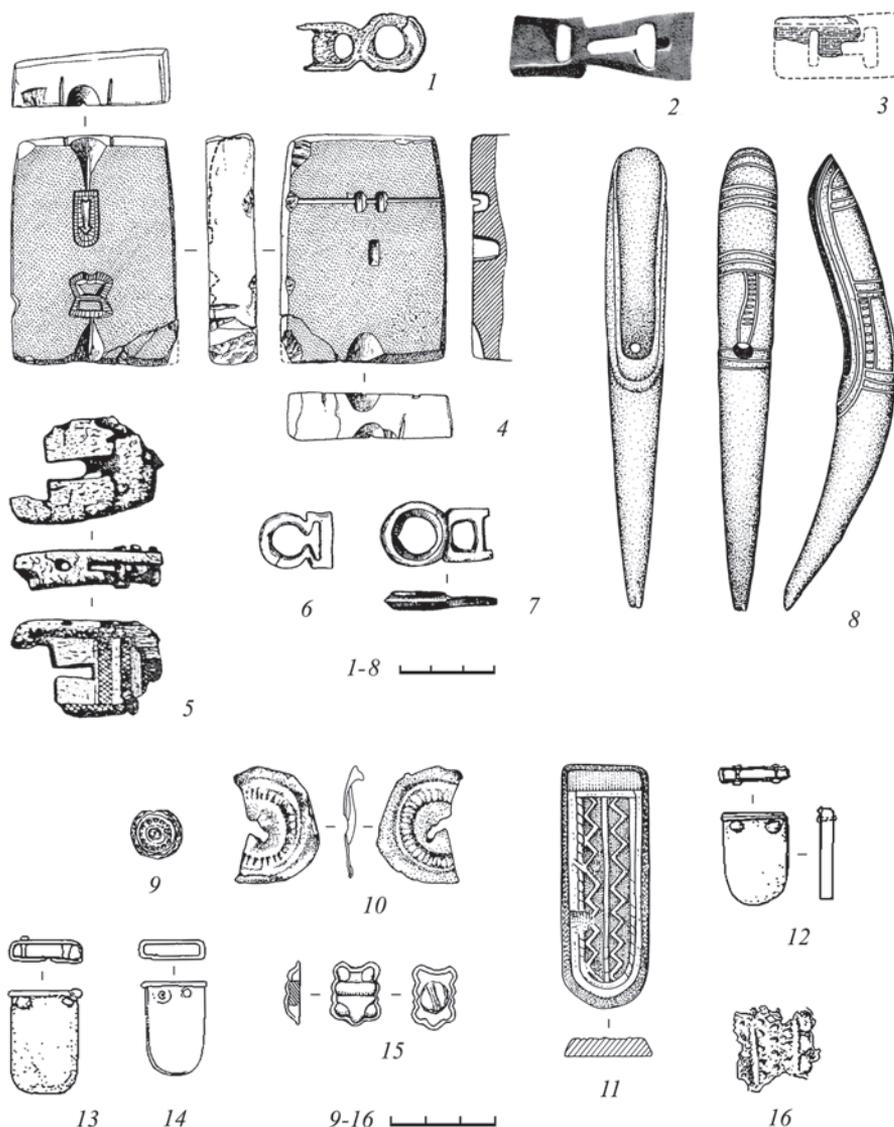
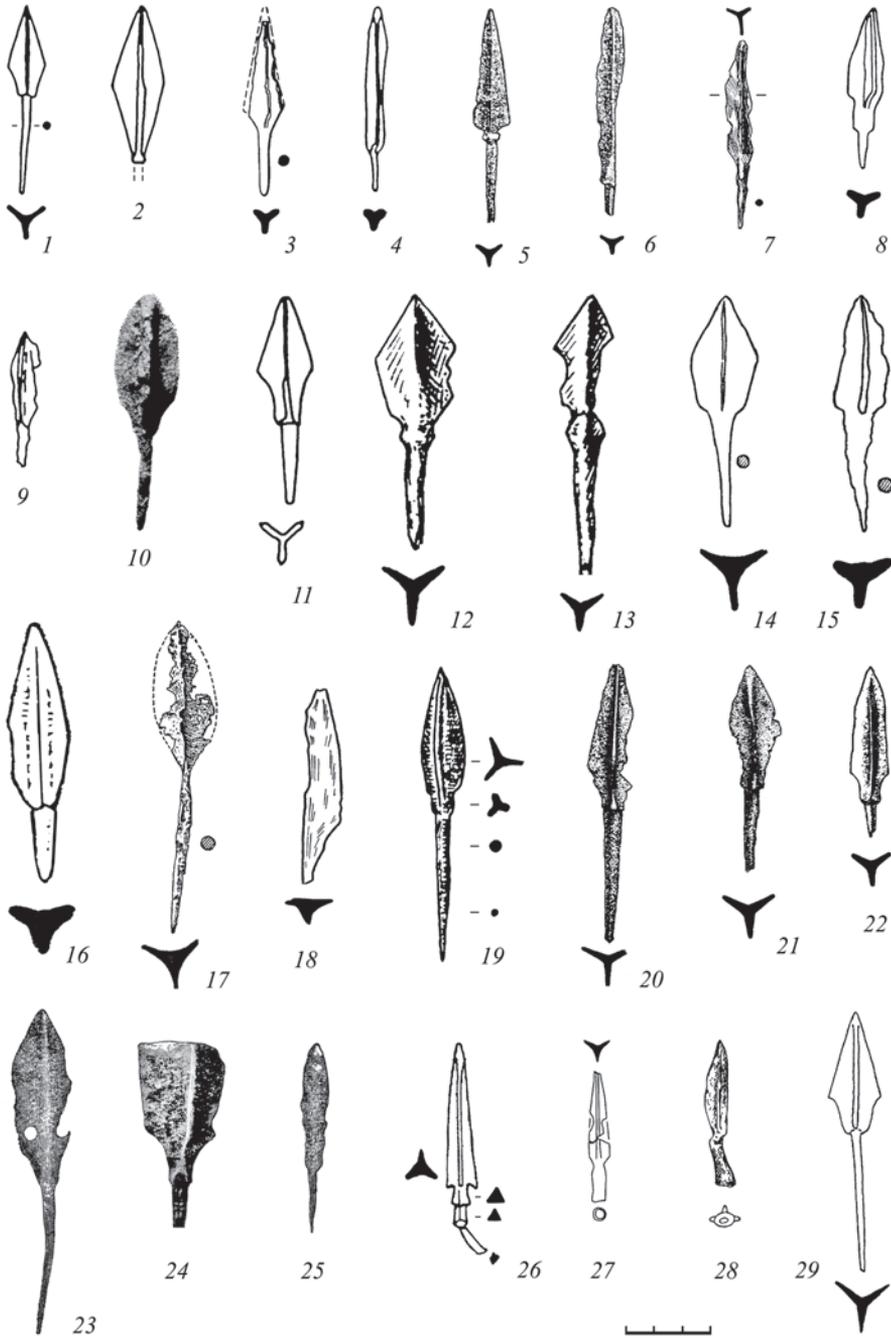

Рис. 3. Детали конского снаряжения, происходящие со славянских памятников V–VII вв. (1–5, 8), их параллели (6, 7) и элементы поясных гарнитур ранневарварского и средневарварского периодов на территории пражской культуры (9–16)

1 – Зимне; 2 – Волошское – Сурска Забора; 3 – Селиште (Selište); 4 – Бернашевка; 5 – Клементовичи; 6 – Здвиженское; 7 – Курнаевка; 8 – Краков – Нова Гута – Могила-1 (Kraków – Nowa Huta – Mogiła); 9 – Полупин (Połupin); 10 – Краков – Нова Гута – Могила-62А (Kraków – Nowa Huta – Mogiła); 11 – Якушовице (Jakuszowice); 12, 13 – Брно-Лишень (Brno-Líšeň); 14 – Долянки (Dolánki); 15 – Тисмице (Tismice); 16 – Чехия

1–7 – по: Kazanski, 2015. Fig. 3; 8, 11 – по: Poleski, 1992. Abb. 3; 4, 5; 9, 10 – по: Zoll-Adamikova, 1992. Abb. 1: a, b; 12, 13 – по: Profantová, 2008. Fig. 4: B; 14–16 – по: Ibid. Fig. 7: 4, 5, 11

странения трехлопастных стрел в Восточной Европе, вплоть до Псковщины, исключает их безусловную привязку только к степным воинам (*Казанский*, 2015. С. 62–64; *Kazanski*, 2015; там же библиография).

Втульчатые крупные стрелы (дротики?) с вытянутым пентагональным наконечником с наибольшим расширением у острия (рис. 4: 1) также, по мнению польских исследователей, принадлежат степной традиции. Один такой наконечник, длиной 12,2 см, найден на Западном Буге на раннеславянском памятнике VII–IX вв. Гродек-25 (*Казанский*, 2015. Кат. I.16). Такие стрелы имеются в древностях раннеаварского времени (*Kokowscy*, 1990. S. 51; *Zoll-Adamikova*, 1992. S. 300. Abb. 3: a).

Надо упомянуть и черешковый костяной наконечник стрелы (рис. 4: 9), который был найден на пеньковском памятнике в Селиште, на территории Молдавии (*Казанский*, 2015. Кат. III.17.5). Он небольших размеров (4 см), черешковый, с подтреугольным вытянутым пером ромбического сечения. Как свидетельствует Аммиан Марцеллин, у гуннов костяные стрелы широко применялись в бою (*Аммиан Марцеллин*, 1906. XXXI.3.9), хотя археологически они не представлены в гуннских погребениях. Зато такие стрелы известны на Тамани, в византийской крепости Ильичевка (V–VI вв.), и на Нижнем Днепре, на поселении финального этапа черняховской культуры в Капуловке, конца IV – начала V в. (*Казанский*, 2015. С. 65; *Kazanski*, 2015. P. 50; там же библиография).

Некоторые находки на славянских памятниках V–VII вв. отражают степное влияние и на конское снаряжение у славян, что представляется вполне естественным. Так, костяные подпружные пряжки (рис. 3: 1–3, 5), известные для пеньковской и пражской культур (*Казанский*, 2015. Кат. I.8.2, III.11.4, III.17.3), скорее всего, связаны со степным происхождением. Костяные подпружные пряжки характерны для степных кочевников, у которых они известны с гуннского времени, но существуют и позднее, в частности, у авар и гунно-болгар Восточной Европы. Костяные пряжки известны не только у славян, но и у других оседлых варваров, например у волжских финнов, а также в византийских крепостях Северного Причерноморья (Там же. С. 69; *Kazanski*, 2015. P. 50, 51, там же библиография).

Еще одним степным типом пряжек конского снаряжения можно считать пряжки с двойной рамкой, видимо уздечные. Об их бытовании у славян свидетельствует находка формочки для изготовления на пражском поселении Бернашевка, на Днестре (рис. 3: 4) (*Казанский*, 2015. Кат. I.14). Подобные пряжки, хотя и не совсем идентичные в деталях, известны в степных древностях (например, рис. 3: 6, 7). Видимо, из степи они попадают к варварам Северного

Рис. 4. Трехлопастные стрелы, найденные на славянских памятниках V–VII вв.

1 – Песчаное; 2 – Тайманова; 3 – Колодезный Бугор; 4 – Миклашевский; 5, 6 – Извоаре-Бахна (Izvoare-Bahna); 7 – Болваново; 8 – Хохлов Вир; 9 – Демьянка; 10 – Сэрата-Монтеору (Sarata-Monteoru); 11 – Кизлевый; 12 – Новые Братушаны; 13 – Требужени (Trebujeni); 14 – Старый Орхей; 15 – Чернечина; 16 – Таранцево – Заньки; 17 – Гиван Николае (Ghivan Nicolae); 18 – Рашков-3; 19 – Дрезден-Штец (Dresden-Stetzsch); 20–22 – Давиденъ-Нямц (Davideni-Neamt); 23–25 – Хотомель; 26 – Рассуха-2; 27 – Кривец-4; 28 – Артюшково; 29 – Каменево-2

По: *Kazanski*, 2015. Fig. 5

Кавказа, лесной зоны Восточной Европы и Среднего Дуная (Там же. С. 69; *Kazanski*, 2015. P. 51; там же библиография).

Наконец, к аварской традиции принадлежат и роговые псалии, обнаруженные в Южной Польше, в Кракове, Нова Гута – Могила-1 (Kraków – Nowa Huta – Mogiła) (рис. 3: 8). Их параллели хорошо представлены в погребениях раннеаварского и среднеаварского периода (*Poleski*, 1992. S. 322, Abb. 3: 5; *Zoll-Adamikova*, 1992. S. 302, 303, 307, 308. Abb. 3: d).

При рассмотрении степного влияния на военное дело славян необходимо упомянуть и распространение среди склавинов – носителей пражской культуры – аварской воинской моды, выразившейся в находках элементов аварской поясной гарнитуры на памятниках западной части ареала пражской культуры (рис. 5: 9–16) (Там же, 1992; *Profantová*, 2008), что, очевидно, связано с военно-политической ориентацией склавинов тех территорий. Видимо, к финалу пражской культуры относится штамп для изготовления поясных наконечников аварского круга, найденный в Якушовице (Jakuszowice), в Южной Польше (*Poleski*, 1992. Abb. 3: 4), и свидетельствующий об изготовлении этих аварских поясов самими славянами⁶.

Итак, довольно значительное количество археологических находок свидетельствует о прямом влиянии степных кочевников на военное дело славян в V–VII вв. Это касается в первую очередь славянской конницы, существование которой прямо засвидетельствовано письменными источниками (подробнее: *Казанский*, 2009)⁷, а также стрелкового оружия.

Внимательное чтение текстов Прокопия о Готской войне убеждает, что в армии Велизария склавины и анты действовали в составе корпуса Мартина и Валентина как конные лучники (подробнее: Там же). По совокупности данных письменных источников и археологии мы знаем, что степная конница предпочитала дистанционный стрелковый бой на расстоянии, необходимом для прицельной стрельбы из лука. При этом гунны, по сообщениям древних авторов, предпочитали атаковать противника первыми. Они вступали в бой в построении *cuneatim*, что, по мнению В. Никонорова, означает атаку в рассеянном формировании, с «лучшими», наиболее знатными воинами впереди. Право первыми начинать бой зафиксировано и у знатных гунно-болгар в VI в.⁸ Бой состоял из двух фаз:

⁶ Сложнее сказать, отражают ли степное влияние P-образные портупейные пряжки, обнаруженные, например, в знаменитом Мартыновском кладе, на территории пеньковской культуры (*Pekarskaja, Kidd*, 1994. Taf. 21: 1, 2). Подобные пряжки очень хорошо представлены у кочевников второй половины VI – середины VII в., но они также хорошо известны и у лангобардов в Италии, а стало быть, не являются типично «кочевническим» предметом.

⁷ Однако не надо забывать, что при всем этом основным видом войск у славян оставалась легкая пехота, более всего приспособленная для ведения партизанской войны на пересеченной и залесенной местности.

⁸ «Среди массагетов был человек, отличавшийся исключительной храбростью и силой, но командовавший небольшим отрядом. От отцов и предков он получил почетное право первому нападать на врагов во всех походах гуннов. Любому другому массагету было запрещено первому нападать в сражении или убивать врага прежде, чем кто-либо из этого дома начнет бой с неприятелями» (*Прокопий Кесарийский*, 1998. I.XVIII: 13, 14).

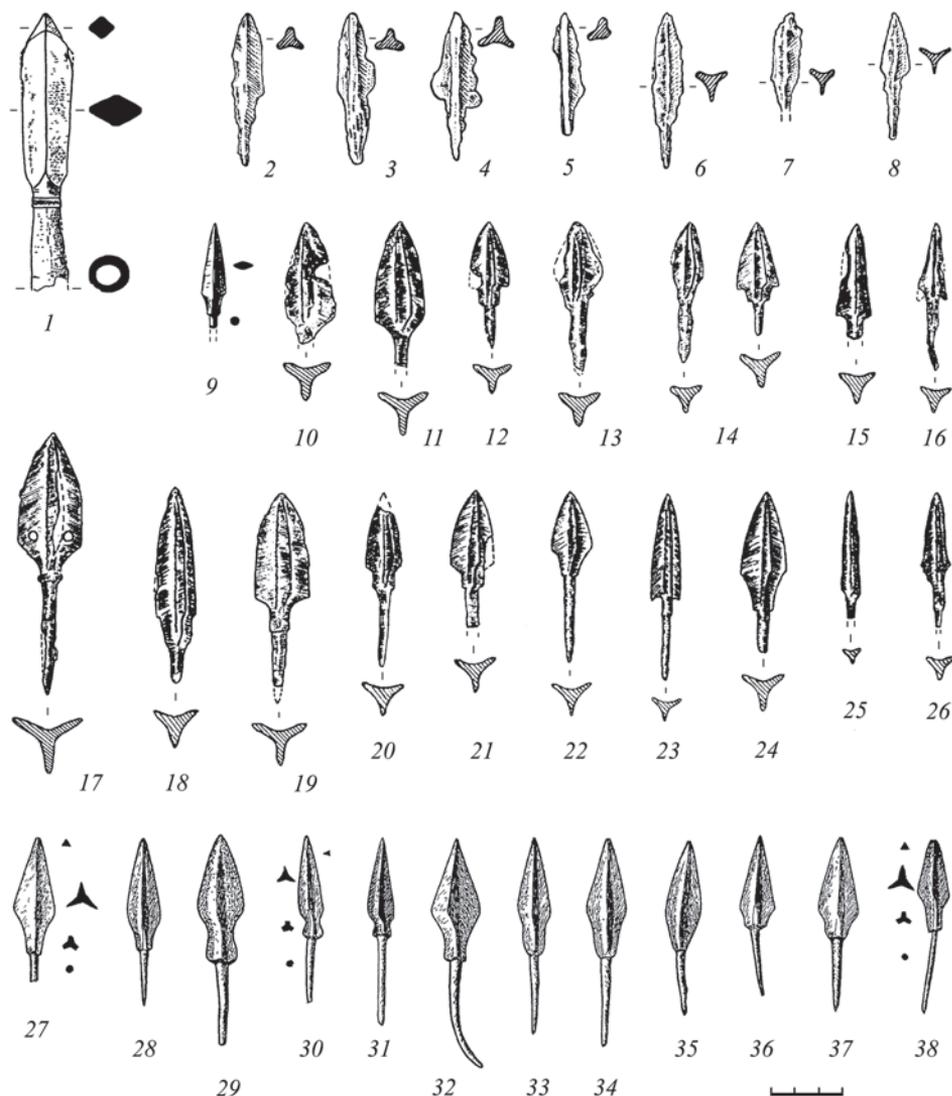

Рис. 5. Стрелы степной традиции, найденные на славянских памятниках V–VII вв.
 1 – Гродек (Gródek) –25; 2–8 – Зимне; 9 – Селиште (Selişte); 10–26 – Никодимово; 27–30, 32–38 – Демидовка; 31 – Близнаки

По: Kazanski, 2015. Fig. 6

– атака в рассеянном порядке с интенсивной и прицельной стрельбой из лука;

– ближний бой, с использованием клинкового оружия и арканов, которые упоминает Аммиан Марцеллин (XXXI.2.8–9). Однако чаще всего гунны, как и другие средневековые кочевники (*Никонов*, 2002. С. 26), старались избежать рукопашной схватки и предпочитали серию быстрых атак, расстреливая противника с достаточно безопасного расстояния (см. подробнее: *Никонов*, 2002). В целом такой бой и представляет Велизарий в «мастер-классе» для своего штаба, на примере столкновения гунно-анто-склавиновского корпуса Мартина и Валериана с готами у стен Рима⁹.

Несколько по-иному выглядит на поле боя взаимодействие славян и авар. Если верить сообщению Фредегара, славяне формируют первую линию атакующей аварской армии, на которую и падает основная тяжесть боя, а авары предпочитают оставаться во второй линии, и их действия зависят от успеха или неудач бойцов первой линии (Так называемая хроника Фредегара. I.IV.48; цит. по: Свод древнейших письменных известий... , 1995. Т. II. С. 367). В целом такая же картина выявляется и при осаде Константинополя в 626 г., где авары посылают славян и болгар практически на убой, а уцелевших в неудачной морской атаке предадут смертной казни. Последнее обстоятельство и срывает осаду Константинополя, поскольку остальные славяне, возмущенные жестокостью аварского кагана, оставляют его один на один с византийской армией¹⁰.

⁹ «Римляне же открыто восхваляли умение и предусмотрительность Велизария, само собой разумеется, очень им удивлялись, но в частных беседах его близкие спрашивали его, основываясь на чем в тот день, когда он, побежденный врагами, должен был от них бежать, высказывал твердую уверенность, что он победит их на войне силой в открытом сражении? И он сказал, что в самом начале, вступив в сражение с небольшим отрядом, он заметил, какая разница между тем и другим войском, так что если вступить в сражение, сохраняя пропорциональное соотношение сил, то многочисленность врагов не может причинить вреда его малочисленному войску. Разница в том, что почти все римляне и их союзники гунны являются хорошими стрелками из луков верхом, а из готов с этим делом никто не знаком, но их всадники привыкли пользоваться только дротиками и мечами; их же стрелки сражаются пешими и вступают в бой, прикрытые рядами тяжеловооруженных воинов. Поэтому их всадники, если идет не рукопашный бой, не имея чем защищаться против врагов, пользующихся луками, легко ими поражаемые [стрелами], гибнут, а пехотинцы никогда не могут произвести нападения на всадников. Вследствие этого, утверждал Велизарий, варвары в этих столкновениях побеждаются римлянами» (*Прокопий Кесарийский*, 1950. I.27.25–29). Прокопий, как это явствует из текста «Войны с готами», под именем гуннов объединяет всех солдат корпуса Мартина и Валериана, включая антов и склавинов (подробнее см.: *Казанский*, 2009. С. 460).

¹⁰ «А те немногие славяне, кто, спасшись вплавь, вышли на берег в том месте, где стоял безбожный каган, были убиты по его приказу... После того, как это случилось, проклятый каган возвратился в свой лагерь. Он отвел от стены осадные приспособления, которые там поставил, а также заграждение, которое выстроил, и принялся разбирать осадные башни, которые изготовил, а ночью сжег свой лагерь и башни, содрал шкуры с «черепах» и ушел. Некоторые же говорили, что, увидев происшедшее, снялись и ушли

Что касается собственно вооружения, конского и всаднического снаряжения, то надо отметить, что славяне в V–VII вв. используют те же типы удила, впрочем, очень широко распространенные в Европе (о них см.: *Казанский*, 2015. С. 68, 69), и пряжек конской сбруи и, подобно степным всадникам, очень редко используют шпоры (о шпорах см.: Там же. С. 65–67). В общем славянская конница по экипировке напоминала скорее азиатскую, чем европейскую. Отметим также, что большая часть находок трехлопастных стрел, костяных подпружных пряжек, а также «азиатская» гарда происходят из лесостепной полосы Восточной Европы, где контакт кочевников со склавинами и антами был наиболее вероятен. Совсем не исключено, что под влиянием степных воинов у славян распространяется и защитное вооружение, такое как кольчуги, пластинчатые панцири (*Казанский*, 2011) и ламеллярные шлемы¹¹, хотя все это славяне могли получить и от других, оседлых, народов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аммиан Марцелин*, 1906. История / Пер. и коммент. В. В. Латышева // *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. II, 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. С. 323–345. (Записки Классического отделения императорского Русского археологического общества.)
- Глазырина Г. В.*, 1996. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука. 240 с.
- Иордан*, 2001. О происхождении и деяниях гетов: *Getica* / Пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя. 512 с.
- Казанский М. М.*, 2009. О славянской коннице в 6 в. // *SP*. № 5. С. 457–471.
- Казанский М. М.*, 2011. О славянском панцирном войске (VI–VII вв.) // *SP*. № 5. С. 43–50.
- Казанский М. М.*, 2015. Вооружение и конское снаряжение славян V–VII вв. // *SP*. № 5. С. 43–95.
- Казанский М. М.*, *Мастыкова А. В.*, 2009. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху // *Дивногорский сборник: труды музея-заповедника «Дивногорье»*. Вып. 1: Археология / Ред. А. З. Винников. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та С. 225–251.
- Никонов В. П.*, *Худяков Ю. С.*, 2004. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Атиллы. Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб.; М.: Петербургское востоковедение; Филомагис. 320 с.
- Никонов В. П.*, 2002. Военное дело европейских гуннов в свете греко-латинской письменной традиции // *Записки Восточного отделения Российского археологического общества*. Вып. I (XXVI). С. 223–323
- Обломский А. М.*, 2016. Колочинская культура // *Раннесредневековые древности восточной Европы (V–VII вв.)* / Отв. ред.: А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 10–113. (PCM; вып. 17.)
- Попов А. И.*, 1973. Названия народов СССР. Ленинград: Наука. 172 с.
- Прокопий Кесарийский*, 1950. Война с готами / Пер. и коммент. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР. 516 с.
- Прокопий Кесарийский*, 1998. Война с вандалами // *Прокопий Кесарийский*. Война с персами; Война с вандалами; Тайная история / Пер. и коммент. А. А. Чекаловой. СПб.: Алетейя. С. 147–258.

славяне – потому-то проклятый каган был вынужден уйти и последовать за ними» (Пасхальная хроника. Цит. по: Свод древнейших письменных известий..., 1995. Т. II. С. 79).

¹¹ Один такой шлем обнаружен в Хомутовке, на территории Курской области (*Радюш*, 2012), однако связь этой случайной находки со славянским контекстом пока недоказуема, хотя и вполне возможна.

- Радюш О. А.*, 2012. Ламеллярный шлем эпохи переселения народов из Курской области // Древности Днепроовского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой). Курск: Курский гос. обл. музей археологии. С. 202–257.
- Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I–II / Сост.: Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. М.: Восточная литература, 1994–1995.
- Филин Ф. П.*, 1962. Образование языка восточных славян. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 296 с.
- Шувалов П. В.*, 2004. Оружие ранних славян // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепроовском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье / Отв. ред.: В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 254–264.
- Alföldi A.*, 1932. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 90 S. (Acta Archaeologica Musei Nationalis Hungarici; IX.)
- Ivanišević V., Kazanski M.*, 2009. Nouvelle nécropole des Grandes Migrations de Singidunum // Starinar. Vol. LVII (2007). P. 113–135.
- Kazanski M.*, 2009. Les Huns et les Slaves // Studia antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblate / Ed. D. Aparaschivzei. Bucarest: Editura Academiei Române. P. 237–256.
- Kazanski M.*, 2012. Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars // Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales / Ed. S. Lazaris. Turnhout: Brepols. P. 193–199, 287–296.
- Kazanski M.*, 2013. Les Huns et les Barbares sédentaires: les différentes formes des contacts // Banatica. Vol. 23. P. 91–109.
- Kazanski M.*, 2015. Les influences steppiques dans l'équipement militaire et équestre des Slaves (V^e–VIIe siècles) // Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin / Ed. C. Călin. Cluj-Napoca: Mega. P. 45–56.
- Kokowska E., Kokowski A.*, 1990. Wczesnośredniowieczny grot z Gródka na Bugiem w woj. Zamojskim // Lubelskie Materiały Archeologiczne. T. III. S. 49–54.
- Menghin W.*, 1995. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin // Acta Praehistorica et Archaeologica. Bd. 26–27. S. 140–191.
- Pekarskaja L., Kidd. D.*, 1994. Der Silberschitz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner. 142 S.
- Poleski J.*, 1992. Datierungsgrundlagen der ältesten Phasen des Frühmittelalters (bis zum Ende des 10. Jahrhunderts in Kleinpolen) // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter / Eds.: K. Godłowski, R. Madyda-Legutko. Kraków: Secesja. S. 317–338.
- Profantová N.*, 2008. The Middle Avar Period and the Problem of a “Cultural Change” at the End of the Seventh Century North of the Avar Khaganate // Antaeus. T. 29–30. P. 215–232.
- Tejral J.*, 2011. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut AW CR, Brno. 468 S.
- Werner J.*, 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 140 S.
- Zoll-Adamikova H.*, 1992. Zur Chronologie der Awarenzeitlichen Funde aus Polen // Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter / Eds.: K. Godłowski, R. Madyda-Legutko. Kraków: Secesja. S. 297–315.

Сведения об авторе

Казанский Михаил Михайлович, CNRS – UMR 8167 “Orient et Méditerranée”, Collège de France, 52, rue du cardinal Lemoine, 75006 – Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

M. M. Kazanski

STEPPE TRADITIONS OF SLAVIC WEAPONRY AND HORSE TRAPPINGS
IN THE 5th–7th CENTURIES

Abstract. This paper reviews items of weaponry and horse trappings discovered at Slavic sites of the 5th–7th centuries (the Prague, Penkovka, Kolochin cultures) which demonstrate the influence of the steppe nomads, the Hun-Bulgarians and the Avars on the warfare of the Slavs. This weaponry includes iron crossguards of bladed weaponry, pikes, hammer-axes, bone bow plates, quiver hooks, heavy trilobate arrowheads, metallic and bone buckles of horse trappings, horn cheek pieces of horse bits. Avar military fashion spread across the western part of the Prague culture area as demonstrated by the finds of Avar belt set; apparently, it is linked to the military and political orientation of the Sclaveni inhabiting the area. A large number of archaeological finds are indicative of direct influence of the steppe nomads on warfare of the Slavic populations in the 5th–7th centuries. It applies, first of all, to Slavic cavalry the existence of which is documented in written sources as well as to small arms. At the same time the battle kit of the Slavic cavalry was more Asian than European. Most finds originate from the forest-steppe belt which stretched from the Upper Don to the Lower Danube where the contact between the Nomads and the Slavs was most likely.

Keywords: Slavs, nomads, weaponry, horse trappings.

REFERENCES

- Alföldi A., 1932. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 90 p. (Acta Archaeologica Musei Nationalis Hungarici, IX.)
- Ammianus Marcellinus, 1906. Istoriya [History]. *Latyshev V. V. Izvestiya drevnikh pisateley grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze [Reports of Ancient authors, Greek and Latin on Scythia and Caucasus]*, II, 2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, pp. 323–345. (Zapiski Klassicheskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva.)
- Filin F. P., 1962. Obrazovaniye yazyka vostochnykh slavyan [Formation of Eastern Slavs' language]. Moscow; Leningrad: AN SSSR. 296 p.
- Glazyrina G. V., 1996. Islandskiye vikingskiye sagi o Severnoy Rusi. Teksty, perevod, kommentariy [Island Viking sagas on North Rus. Texts, translation, comments]. Moscow: Nauka. 240 p.
- Iordanes, 2001. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov: Getica [On origin and deeds of Getae: Getica]. E. Ch. Skrzhinskaya, ed. St. Petersburg: Aleteyya. 512 p.
- Ivanišević V., Kazanski M., 2009. Nouvelle nécropole des Grandes Migrations de Singidunum. *Starinar*, LVII (2007), pp. 113–135.
- Kazanski M., 2009. Les Huns et les Slaves. *Studia antiqua et Medievalia. Miscellanea in honorem annos LXXV peragentis Professoris Dan Gh. Teodor oblate*. D. Aparaschivzei, ed. Bucarest: Editura Academiei Române, pp. 237–256.
- Kazanski M., 2012. *Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars. Le cheval dans les sociétés antiques et médiévales*. S. Lazaris, ed. Turnhout: Brepols, pp. 193–199, 287–296.
- Kazanski M., 2013. Les Huns et les Barbares sédentaires: les différentes formes des contacts. *Banatica*, 23, pp. 91–109.
- Kazanski M., 2015. Les influences steppiques dans l'équipement militaire et équestre des Slaves (V^e–VIIe siècles). *Warriors, weapons, and harness from the 5th–10th centuries in the Carpathian Basin*. C. Călin, ed. Cluj-Napoca: Mega, pp. 45–56.
- Kazanskiy M. M., 2009. O slavyanskoj konnitse v 6 v. [On Slavic cavalry in 6th c.]. *SP*, 5, pp. 457–471.

- Kazanskiy M. M., 2011. O slavyanskom pantsyrnom voyske (VI–VII vv.) [On Slavic armoured army (VI–VII cc.)]. *SP*, 5, pp. 43–50.
- Kazanskiy M. M., 2015. Vooruzheniye i konskoye snaryazheniye slavyan V–VII vv. [Weaponry and horse equipment of the Slavs in V–VII cc.]. *SP*, 5, pp. 43–95.
- Kazanskiy M. M., Mastykova A. V., 2009. Kochevye i osedlye varvary v Vostochnoy Evrope v gunnskuyu epokhu [Nand settled barbarians in Eastern Europe in Hun epoch]. *Divnogorskiy sbornik: trudy muzeya-zapovednika «Divnogor'ye» [Divnogor'ye annual: transactions of museum-reserve «Divnogor'ye»]*, 1. *Arkheologiya [Archaeology]*. A. Z. Vinnikov, ed. Voronezh: Voronezhskiy gos. universitet, pp. 225–251.
- Kokowska E., Kokowski A., 1990. Wczesnośredniowieczny grot z Gródka na Bugiem w woj. Zamojskim. *Lubelskie Materiały Archeologiczne*, III, pp. 49–54.
- Menghin W., 1995. Schwerter des Goldgriffspathenhorizonts im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Berlin. *Acta Praehistorica et Archaeologica*, 26–27, pp. 140–191.
- Nikonorov V. P., 2002. Voyennoye delo evropeyskikh gunnov v svete greko-latinskoy pis'mennoy traditsii [Warfare of European Huns in light of Greek-Latin written tradition]. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva [Notes of Oriental branch of Russian Archaeological Society]*, I (XXVI), pp. 223–323.
- Nikonorov V. P., Khudyakov Yu. S., 2004. «Svistyashchiye strely» Maodunya i «Marsov mech» Attily. Voyennoye delo aziatskikh khunnu i evropeyskikh gunnov [“Whistling arrows” of Maodung and “Mars’ sword” of Attila. Warfare of Asiatic Xsiongnu and European Huns]. St.Petersburg; Moscow: Peterburgskoye vostokovedeniye; Filomatis. 320 p.
- Oblomskiy A. M., 2016. Kolochinskaya kul'tura [Kolochin culture]. *Rannesrednekovyye drevnosti vostochnoy Evropy (V–VII vv.) [Early Medieval antiquities of Eastern Europe (V–VII cc.)]*. A. M. Oblomskiy, I. V. Islanova, eds. Moscow: IA RAN, pp. 10–113. (RSM, 17.)
- Pekarskaja L., Kidd. D., 1994. Der Silberschatz von Martynovka (Ukraine) aus dem 6. und 7. Jahrhundert. Innsbruck: Universitätsverlag Wagner. 142 p.
- Poleski J., 1992. Datierungsgrundlagen der ältesten Phasen des Frühmittelalters (bis zum Ende des 10. Jahrhunderts in Kleinpolen). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. K. Godłowski, R. Madyda-Legutko, eds. Kraków: Secesja, pp. 317–338.
- Popov A. I., 1973. Nazvaniya narodov SSSR [Names of peoples of the USSR]. Leningrad: Nauka. 172 p.
- Profantová N., 2008. The Middle Avar Period and the Problem of a “Cultural Change” at the End of the Seventh Century North of the Avar Khaganate. *Antaeus*, 29–30, pp. 215–232.
- Procopius of Caesarea, 1950. Voyna s gotami [The Gothic war]. S. P. Kondrat'yev, ed. Moscow: AN SSSR. 516 p.
- Procopius of Caesarea, 1998. Voyna s vandalami [The Vandalic war]. *Prokopiy Kesariyskiy. Voyna s persami; Voyna s vandalami; Taynaya istoriya [The Persian war; The Vandalic war; Secret history]*. A. A. Chekalova, ed. St. Petersburg: Aleteyya, pp. 147–258.
- Radyush O. A., 2012. Lamellyarnyy shlem epokhi pereseleniya narodov iz Kurskoy oblasti [Lamellar helmet of migration period from Kursk region]. *Drevnosti Dneprovskogo Levoberezh'ya ot kamennogo veka do pozdnego srednevekov'ya (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Puzikovoy) [Antiquities of Dnieper left bank region from Stone Age till late Middle Ages (to 80th anniversary of A. I. Puzikova)]*. Kursk: Kurskiy gos. oblastnoy muzey arkheologii, pp. 202–257.
- Shuvalov P. V., 2004. Oruzhiye rannikh slavyan [Weapons of early Slavs]. *Kul'turnyye transformatsii i vzaimovliyaniya v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'ye [Cultural transformations and mutual influences in Dnieper region in terminal Roman time and early Middle Ages]*. V. M. Goryunova, O. A. Shcheglova, eds. St.Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, pp. 254–264.
- Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh [Corpus of earliest written reports on the Slavs], 1–2. L. A. Gindin, S. A. Ivanov, G. G. Litavrin, comp. Moscow: Vostochnaya literatura, 1994–1995. 2 vols.
- Tejral J., 2011. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeitder Völkerwanderungs. Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik. 468 p.
- Werner J., 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 140 p.

Zoll-Adamikova H., 1992. Zur Chronologie der Awarzeitlichen Funde aus Polen. *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. K. Godłowski, R. Madyda-Legutko, eds. Kraków: Secesja, pp. 297–315.

About the author

Kazanski Michel, CNRS – UMR 8167 «Orient et Méditerranée», Collège de France, 52, rue du cardinal Lemoine, 75006 – Paris, France; e-mail: michel.kazanski53@gmail.com

О. С. Румянцева

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ВЫЕМЧАТЫЕ ЭМАЛИ: НЕЗАВИСИМОЕ РАЗВИТИЕ ИЛИ СВЯЗЬ С ПРОВИНЦИАЛЬНО-РИМСКИМ ЭМАЛИРОВАНИЕМ?*

Резюме. В статье проведено сравнение техник изготовления, эволюции стилей и динамики распространения провинциально-римских и восточноевропейских выемчатых эмалей. Идентичные технологические приемы, стилистическая и хронологическая близость развития обоих стилей, общее время наибольшего распространения и, главное, синхронный упадок провинциально-римского континентального и восточноевропейского эмалирования позволяют говорить о том, что эти производственные традиции были тесно связаны между собой на протяжении всего времени существования, а продвижение черняховского населения в ареал киевской культуры в Поднепровье было не единственной и, вероятно, не главной причиной исчезновения варварских украшений с эмалевыми вставками.

Ключевые слова: эмальерное производство, Поднепровье, Прибалтика, восточноевропейские выемчатые эмали, эпоха римских влияний, технология.

Украшения в стиле восточноевропейских выемчатых эмалей распространяются в Прибалтике, Поднепровье и некоторых других регионах Восточной Европы в период, который принято называть эпохой римских влияний. Различные аспекты взаимодействия жителей Римской империи и населения за ее пределами, влияние ее материальной культуры, производственных традиций и образа жизни на культуру варварского населения Центральной и Восточной Европы традиционно являются объектом пристального внимания археологов. При этом тема трансфера технологий из римских провинций за пределы империи, его механизмов, а также проблема соотношения миграции готовых изделий, сырья для их производства, мастеров и идей относятся к кругу наименее исследованных вопросов, выходящих, как правило, за рамки «доказательной» археологии.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40093.

Материальные свидетельства, позволяющие локализовать и изучить ремесленные центры многих специализаций, часто неуловимы археологически, и для эмальерного производства этот тезис справедлив, пожалуй, в наибольшей степени. До недавнего времени проблемы производства украшений с эмалями восточноевропейского стиля практически не рассматривались в литературе детально. Традиционно считается, что восточноевропейское эмалирование возникло под влиянием провинциально-римского, а сырьем для эмалей варварским эмальерам служили импортные бусы; в Поднепровье на эту роль претендуют в первую очередь призматические уплощенные «кирпичики» красного непрозрачного стекла (Ахмедов и др., 2015. С. 146).

Химико-технологическое исследование украшений круга варварских эмалей из Брянского клада показало, что производство происходящих из него украшений, в первую очередь – с полихромными эмалевыми вставками, было ремеслом, требующим определенного уровня квалификации мастеров. Оно подразумевало владение приемами горячей и холодной обработки стекла, знание его специфических свойств, умение сочетать материалы, имеющие разные температуры «плавления» и требующие разных подходов к обработке (Румянцева, 2016; 2018; Румянцева и др., 2018). То есть эмалированием украшений Брянского клада занимались мастера, хорошо знакомые с искусством горячей обработки стекла, которое местному населению, по общепринятому мнению, было незнакомо – этот вид ремесла не распространился за пределы Римской империи.

Кроме того, производство изученных украшений должно было быть в достаточной степени обеспечено сырьевыми материалами. Как показывают данные о составе стекла украшений из клада, он соответствует группе 2 римских эмалей по системе Д. Хендерсона (Henderson, 1991) и не типичен для стеклянных украшений, смальты и прочих изделий красного глухого стекла. Иными словами, регионы производства восточноевропейских украшений снабжались специальным сырьем для эмалирования, которое не могло попадать сюда случайно.

Эти два обстоятельства позволили предположить, что по меньшей мере полихромные украшения выполнены руками провинциально-римских мастеров, а не местных литейщиков. Типичным для эмалей составом обладают и бусы-кирпичики из клада; совершенно очевидно, что в Поднепровье они не были случайным сырьем для изготовления восточноевропейских эмалей (хотя и могли использоваться в этих целях для простейших украшений местными мастерами); их производство, вероятнее всего, сопутствовало эмальерному.

Учитывая приведенные факторы, представляется интересным более детально проследить связь между развитием провинциально-римского и восточноевропейского эмальерного производства. Ранее данная тема уже затрагивалась в исследованиях, посвященных варварским эмалям, однако большинство из них было посвящено поиску морфологических прототипов как самих украшений в целом, так и отдельным элементам их металлических основ (см., например: Moora, 1934; Корзухина, 1978. С. 51–54 и многие др.). Г. Ф. Корзухина обращала также внимание на использование некоторых сходных приемов при изготовлении эмалевых вставок «галльскими» и «варварскими» мастерами: выемчатая техника, использование приема вкрапления мелких кусочков эмали в незастывшую основу вставки контрастного цвета, сочетание эмалей различных цветов

в одной ячейке. При этом она отмечала, что варварские предметы стоят в прямой зависимости от провинциально-римских не только в смысле форм, но и техники нанесения эмалей (*Корзухина*, 1978. С. 52, 53). Е. Л. Гороховский обращал внимание на то, что наиболее ранние подковообразные фибулы из Поднепровья несут выразительные черты провинциально-римских украшений II в., включая форму и композицию эмалевых гнезд (*Гороховский*, 1982. С. 30, 36).

Среди задач предлагаемой работы – прежде всего детальный анализ техник заполнения эмалевых гнезд, использовавшихся провинциально-римскими и восточноевропейскими эмальерами. Кроме того, сопоставлена динамика распространения римских континентальных и варварских эмалей и проведен сравнительный анализ развития стилей с учетом данных хронологии.

Основные техники эмалирования, использовавшиеся провинциально-римскими мастерами, были систематизированы Д. Бейли (*Bayley*, 2015. P. 179–182). Они включают:

I. Простое эмалирование, иногда в комбинации с заранее отлитыми металлическими элементами в центре эмалевого поля, лужением металлической основы или напаянием серебряной проволоки или фольги. Одной из разновидностей техники простого эмалирования является заполнение разных эмалевых полей эмалью различных цветов.

II. Комбинация в одном гнезде кусочков стекла или кусочков с эмалевым порошком без использования перегородок.

III. Вставки в эмалевое поле в виде «капель» или стеклянных «глазков» контрастного цвета, монохромных или в виде concentрических окружностей.

IV. Использование смешанных разноцветных эмалей в одном поле, в т. ч. для получения т. н. мраморной эмали.

V. Изготовление эмалевых вставок в технике миллефиори (*Ibid.* P. 179, 180).

Для восточноевропейского эмалирования характерен практически идентичный набор техник, использованных на изделиях как из Поднепровья, так и из Прибалтики.

Простое эмалирование (I) было самой распространенной из них (рис. 1: 1–3). В некоторых случаях разные лунки заполнялись эмалью различных цветов (см., например: *Bitner-Wróblewska*, 2011. Fig. 3; *Michelbertas*, 2016. P. 74. Cat. N 15b; Брянский клад..., 2018. Табл. XXXII–XXXIII. Кат. № 92, 93). Этот прием, однако, более сложен технологически, чем использование эмалей одного цвета, т. к. при обжиге необходимо учитывать разницу температур «плавления» эмалей разных цветов: более легкоплавкие выгорают быстрее, поэтому в подобных случаях обжиг должен проводиться в два этапа – сначала более тугоплавкая, потом – более легкоплавкая эмаль (*Бреполь*, 1986). В частности, на браслетах Брянского клада разные гнезда заполнены красной и оранжевой эмалью, которые, судя по сильно различающемуся содержанию свинца (*Румянцева и др.*, 2018), должны были обрабатываться при разной температуре.

Среди варварских эмалей встречаются и украшения с заранее отлитыми металлическими элементами в центре эмалевого поля (рис. 1: 1), как в Поднепровье, так и в Прибалтике (см., например: *Корзухина*, 1978. Кат. № 45; *Bitner-Wróblewska*, 2011. P. 407 и др.). Можно добавить, что и лужение металлической основы или украшение поверхности изделий напаянными серебряными

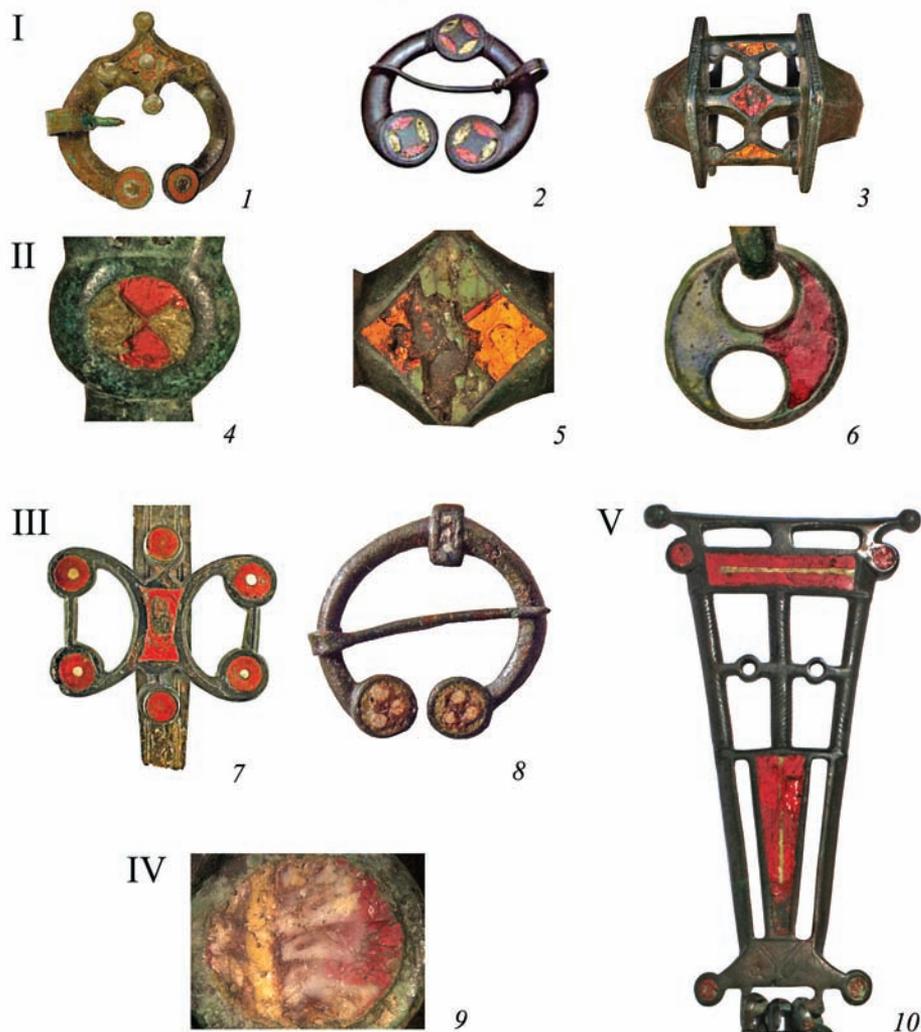

Рис. 1. Применение различных техник эмалирования на украшениях круга восточноевропейских выемчатых эмалей (без масштаба)

I – простое эмалирование; *II* – сочетание эмалей разных цветов в одном поле без перегородок; *III* – «инкрустация» кусочками стекла; *IV* – смешение эмалей разных цветов в одном поле; *V* – декор накладными тянутыми нитями

1 – Межонис, курган 2, погребение 5; *3, 4, 5, 10* – Брянский клад; *6* – Мощинский клад; *7* – Красный бор; *8* – Марвеле; *9* – Бакшай

1, 2, 7 – по: *Bitner-Wróblewska*, 2011. Fig. 2с, 3, 7; *3, 4, 5, 10* – по: Брянский клад. Табл. X: *I*; XIII; XXXI; XXXIII; *6* – по: *Булычев*, 1899; *8* – по: *Michelbertas*, 2016. P. 70; *9* – фонды Государственного Эрмитажа, № 982/9

пластинками было распространено и в восточноевропейском эмалировании (*Корзухина*, 1978. С. 33; *Белоцерковская*, 2018. С. 32–34; *Сапрыкина*, 2018. С. 233; *Хомякова*, 2019. В печати).

Комбинирование в одном эмалевом поле кусочков стекла различного цвета и, возможно, кусочков стекла и эмалевого порошка (II; рис. 1: 4–6) также практиковалось эмальерами, работавшими в восточноевропейском стиле, хотя такие вещи довольно редки. Помимо украшений из Брянского и Мощинского кладов (*Булычев*, 1899; *Корзухина*, 1978. Кат. № 90; *Брянский клад...*, 2018. Табл. X: 1. Кат. № 80; Табл. XXXI. Кат. № 95; *Румянцева*, 2016. Рис. 4: 8; 5: 12), можно упомянуть серию прибалтийских находок (*Корзухина*, 1978. Табл. 27: 2. Кат. № 213; *Michelbertas*, 2016. P. 62. Cat. N 6a-c).

Вставки в эмалевое поле в виде «капель» или стеклянных «глазков» контрастного цвета (III; рис. 1: 7–8) менее распространены в восточноевропейском эмалировании, однако такие вещи встречаются: в известных нам случаях речь идет об одноцветных, тщательно зашлифованных вставках круглой формы (*Корзухина*, 1978. С. 52, 53; *Bitner-Wróblewska*, 2011. Fig. 7; *Michelbertas*, 2016. P. 70. Cat. N 12).

Техника смешения эмалей различных цветов (IV; рис. 1: 9) была, очевидно, наименее распространена на рассматриваемой территории. Мне достоверно известна только одна вещь, выполненная в технике, близкой «мраморному» эмалированию, – это подковообразная фибула из Бакшья (*Корзухина*, 1978. Кат. № 205: 2¹). Смешанный эмалевый порошок различных оттенков синего цвета применен также при заполнении гнезд цепи питьевого рога из Брянского клада (*Брянский клад...*, 2018. Табл. XL: 2. Кат. № 170; *Румянцева*, 2016. Рис. 5: 13).

Единственная техника, применение которой на украшениях в стиле восточноевропейских выемчатых эмалей на сегодня не зафиксировано, – миллефиори (V) – наиболее сложная в исполнении, требующая участия в производстве не только эмальера, но и мастера-стеклодела высокой квалификации.

Из техник эмалирования, распространенных на восточноевропейских и обычно не применявшихся на провинциально-римских украшениях, необходимо выделить орнаментацию эмалевого поля накладными стеклянными нитями контрастных цветов (рис. 1: 10) в виде волн, прямых линий и, реже, крестов (см., например: *Румянцева*, 2016. Рис. 5: 1–9). Подобная техника – одна из наиболее популярных среди варварских эмалевых украшений; она использовалась, в частности, для декорирования полей питьевого рога (*Брянский клад...*, 2018. Кат. № XL: 2. Кат. № 170; *Michelbertas*, 2016. Cat. N 11, 13, 31). Являясь безусловным результатом развития стиля восточноевропейских эмалей, данная техника, вероятнее всего, была одним из наиболее удачных решений, когда речь шла о заполнении эмалевого поля большого размера. Размер провинциально-римских и варварских украшений с эмальями является одним из основных различий между ними, и большие

¹ Выражаю благодарность хранителю Т. Б. Сениченковой и заместителю заведующего Отделом научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хаврину за возможность ознакомиться с данной находкой и сделать ее макрофотографическое изображение.

по площади эмалевые поля на более крупных восточноевропейских украшениях заставляли мастеров экспериментировать с техниками в поиске новых композиционных решений, применение которых было нецелесообразно на провинциально-римских изделиях. Стоит добавить, что вытягивание стеклянных нитей из тигля, необходимое при использовании данной техники, является приемом горячей обработки стекла, которая, судя по имеющимся на сегодня данным, не получила распространения в варварской среде.

Возникновение, динамика развития и упадок эмалирования в римских провинциях и в ареале варварских эмалей

Согласно современным данным, первые провинциально-римские эмали появляются в Британии и на континенте практически одновременно. В Британии наиболее ранние свидетельства провинциально-римского эмальерного производства относятся к середине – второй половине I в. (*Bayley*, 2015. P. 185), в Галлии наиболее ранние типы фибул с эмалью датируются серединой – второй третью I в.; однако находки вещей самого раннего горизонта на континенте довольно редки (*Feugère*, 1985. P. 363). В интересующем нас контексте важно время проникновения провинциально-римских эмалевых украшений за границы Империи, а также динамика их распространения как на территории империи, так и за ее пределами.

Одна из наиболее ранних попыток проследить динамику распространения римских эмалей на территории Барбарикума была предпринята К. Экснером. Первые их находки в погребальных комплексах на Рейне (3 изделия) он отнес к периоду В2 центральноевропейской хронологии; наибольшее их количество – 23 предмета – к периоду В2/С1, 3 изделия – к периоду С1, 4 – к периоду С2. Единичные изделия он датировал периодом С3 (1 находка) и эпохой Великого переселения народов (2 находки) (*Exner*, 1941. S. 149). Пик распространения вещей с эмалью (около половины учтенных находок) приходится, по его данным, на период между 170 и 180–190 гг.

Хронологию фибул с эмалью в Барбарикуме разрабатывал З.Томас: по его данным, они появляются здесь на фазе В2, получая наибольшее распространение на фазе В2/С1, и известны здесь до фазы С2 (*Thomas*, 1966; *Mączyńska*, 2017. S. 458).

Современные сведения о находках римских эмалей на территории Свободной Германии в целом близки тем, что были получены ранее: основной приток импортных римских фибул приходится на фазы В2/С1 и С1а, а его постепенное сокращение – на фазы С1b и С2 (*Mączyńska*, 2017).

Наиболее показательная картина распространения импортных вещей с эмалью получена для сарматов Среднего Дуная на территории Баната (*Grumeza*, 2015). Самые ранние из них появляются в начале II в., к этому времени относятся украшения единичных типов. Начиная с середины II в. их ассортимент существенно расширяется; в 180–250-е гг. он наиболее широк, а начиная с середины III в. начинает сокращаться; самые поздние импорты с эмалью датируются здесь 260–270 гг. (рис. 2).

Type/years (Sarmatian features)	Type/years (Tibiscum)	100/110	150/160	180	200	220	250	260/270
I.A								
I.B								
I.C								
I.D								
I.E								
II.A								
II.B								
	II.C							
III.A								
III.B								
III.C								
III.D								
IV								
	V							
VI.C								
VI.D								
	VI.A							
	VI.B							
	VII.A							
VII.B								
	VII.B							
VII.C								
VIII								
IX								
	X							
XI.A								
	XI.B							
XII.A								
XII.B								
XIII.A								
XIII.B								

Рис. 2. Период использования провинциально-римских фибул с эмальями на территории Баната (по: *Grumeza*, 2015. Fig. 2)

Финал распространения провинциально-римских украшений с эмальями на континенте в целом приходится на вторую половину – конец III в. Верхняя дата самых поздних фибул с эмальями из Галлии определяется концом III в. (*Feugère*, 1985). По данным, полученным на материалах Паннонии, эмали «выходят из моды» чуть позже разрушения мастерской в Антее, которое происходит в середине – второй половине III в. (*Sellye*, 1939. P. 33, 41). Самая поздняя находка фибулы с эмальями римского времени с территории Сербии относится к III – началу IV в. (*Petcović*, 2010. P. 366). В отличие от континентального, эмальерное производство на территории Великобритании и Ирландии переживает второй расцвет в более позднее время (*Sellye*, 1939. P. 41), существуя без изменений еще по меньшей мере в IV в. (*Henderson*, 1991. P. 76).

Ритмы развития стиля восточноевропейских выемчатых эмалей очень близки ритмам провинциально-римских континентальных.

По данным А. Битнер-Врублевской, наиболее ранние украшения с восточноевропейскими выемчатыми эмалями, происходящие из датированных комплексов Мазур, Сувалок и Литвы, датируются поздней частью периода В2 (В2b), т. е. около середины II в. или чуть раньше; ранее они датировались фазой В2/С1. Значительный массив находок с эмалями зафиксирован в погребальных комплексах Прибалтики, относящихся к В2 / С1, С1а и С1b. Наиболее поздние находки относятся к фазам С1b – С2 (*Битнер-Врублевска*, 2019. В печати. Там же см. ссылки на литературу и абсолютные даты фаз).

В ареале вельбаркской и пшеворской культур, где украшения с эмалями являются импортами из Прибалтики и Поднепровья, они происходят из комплексов, наиболее ранние из которых относятся к фазе В2/С1, а наиболее поздние – к фазе С2 (Там же).

По данным О. А. Хомяковой, основанным на анализе находок в стиле восточноевропейских выемчатых эмалей из коллекции «Пруссия», на территории Восточной Прибалтики наиболее ранние находки относятся к периоду около середины II в. (фаза В2 центральноевропейской хронологии), наибольшее количество находок приходится на вторую половину II – начало III в. (фазы В2/С1 и С1а), самые поздние – к первой половине – середине III в. (фаза С1, включая С1b) (*Хомякова*, 2019. В печати).

На территории Литвы М. Михельбергас датирует появление варварских эмалей периодами от второй половины фазы В2 до В2/С1 – С1а, т. е. второй половиной – концом II – серединой III в. В его каталоге к временному промежутку, начиная от фаз В2 – В2/С1 до фазы С1b, отнесено 11 находок, к периоду С1b – С2 – 9 находок, С1b – С3 – одна находка (*Michelbertas*, 2016. S. 55–93, 100–106). Значительная серия вещей относится также к фазам С3 – D, однако предложенные им поздние даты эмалей с территории Литвы были подвергнуты критике (*Обломский*, 2018. С. 235, 236; *Битнер-Врублевска*, 2019. В печати).

В Поднепровье украшения ранней и средней стадий (т. е. имеющие эмалевые вставки) датируются А. М. Обломским второй половиной II – серединой – второй половиной III в. (*Обломский*, 2018. С. 325).

Находки украшений с эмалями первой и второй стадий развития стиля, т. е. содержащие эмалевые поля, в закрытых комплексах степной зоны, Причерноморья и Крыма датируются концом II – серединой III в. (*Обломский*, 2017. С. 57, 58; 2018. С. 325, 326).

Верхняя дата находок в стиле восточноевропейских эмалей, имеющих эмалевые вставки, в Поочье и других регионах за пределами их основного ареала в целом также не выходит за вторую половину III – рубеж III–IV вв. (Брянский клад..., 2018; обзор хронологии эмалей см. также: *Обломский*, 2018. С. 325–327).

С более поздними горизонтами связывается очень незначительное число находок вещей с эмалями (см., например: *Веретюшкин и др.*, 2005; *Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 130, 131. Рис. 162: 1; *Ахмедов*, 2018. С. 157). К началу IV в. они в подавляющем большинстве уже прекращают существование, и на смену им приходят украшения третьей стадии – близкие стилистически, но уже не имеющие эмалевых вставок (*Обломский, Терпиловский*, 2007. С. 120–124).

Как уже ранее отмечали исследователи, ритмы распространения украшений в стиле восточноевропейских выемчатых эмалей в целом синхронны

в Поднепровье и Прибалтике, а даты находок за пределами этого ареала в целом не противоречат полученным на этих материалах (Обломский, 2018).

Если сравнивать ритмы распространения провинциально-римских (континентальных) и варварских эмалевых украшений, то можно говорить о том, что восточноевропейский стиль появляется и складывается в период расцвета и активной экспансии провинциально-римского эмалирования как на территории империи, так и за ее пределы в виде импортов. Это представляется логичным, учитывая то, что стиль варварских эмалей формируется под влиянием провинциально-римского. Совпадает и период наивысшего расцвета обоих стилей – примерно последняя треть – конец II – середина III в. Однако крайне важным представляется другое обстоятельство – совпадение периода угасания и прекращения существования украшений с эмалевыми вставками обоих стилей. В империи это происходит во второй половине III в.; в Восточной Европе и Прибалтике – либо в тот же временной промежуток, либо, там, где финал стиля датируется более широко, время его угасания включает вторую половину III в. Позже сам стиль украшений продолжает существовать еще довольно продолжительное время, однако на них отсутствуют эмалевые вставки. Учитывая синхронность исчезновения украшений с эмалью на широкой территории, включающей Поднепровье и Прибалтику, вряд ли можно рассматривать в качестве основной и единственной причины этого явления продвижение черняховского населения в ареал киевской культуры (Фурасьев, 2002) или военные действия, происходившие в Восточной Европе в период, синхронный скифским войнам (Обломский, 2018). Это не объясняется и прекращением притока бус как сырья для эмалирования одновременно на всей указанной территории.

Наконец, если сравнивать *развитие стилей провинциально-римских и варварских эмалей*, то и в этапах развития, которые они проходили, выделяется много общего: на двух первых стадиях стиль восточноевропейских эмалей проходит те же этапы, что и провинциально-римское эмалирование, хотя они и не совпадают в полной мере хронологически.

На материалах Галлии М. Фёжер выделил 4 стиля в провинциально-римском эмалировании, развитие между тремя первыми из которых шло «постепенно и бесперебойно» (Feugère, 1985. P. 363, 364).

К первому он отнес фибулы, на которых эмаль использована в небольших количествах, занимая малые площади. Эта техника начинает развиваться в эпоху правления Нерона (54–68) (Ibid. P. 364). Большинство исследователей определяют верхнюю дату подобных украшений первой половиной II в., для некоторых типов – до конца II в. (см. подробнее: Riha, 1994. Typ 5.17; Feugère, 1985. Type 26b, 26c. P. 364; Vaday, 2003. P. 320–322). Подобный тип нанесения характеризует и варварские эмали первой стадии развития стиля: вставки невелики по размеру, а для их заполнения используется только красная эмаль (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 120); время появления наиболее ранних украшений в стиле варварских эмалей определяется серединой – второй половиной II в (см. выше), т. е. они могли сосуществовать короткий промежуток времени.

Ко второму и третьему этапам провинциально-римского производства относятся фибулы, на которых эмаль занимает все более значительные участки, при этом их характеризует сочетание эмалей разных цветов. Эта техника могла

появиться при императоре Траяне (98–117) или, скорее, Адриане (117–138), при этом на протяжении II–III вв. идет постоянное увеличение количества используемых цветов и их сочетаний. В восточноевропейском эмалировании увеличение эмалевых полей, а также сочетание эмалей разных цветов на одном украшении, в т. ч. помещение их в одну или разные ячейки, относится ко второму этапу развития стиля, дата которого определяется концом II – серединой – первой половиной III в. (*Обломский*, 2018. С. 325).

Третья техника – эмалированные фибулы с «инкрустацией» маленькими шариками из непрозрачного стекла или цветными прямоугольниками, чередующимися или контрастными по цвету с идентичными эмалированными площадками, – развивается при Антонинах, т. е. во II в. (*Feugère*, 1985. Р. 364). Близкий прием декорирования также использовался в восточноевропейском эмалировании на второй стадии развития стиля (см. выше).

Выделенные М. Фёжером стили 2 и 3 перекликаются, таким образом, со вторым этапом развития стиля эмалей восточноевропейских. Провинциально-римские украшения стилей 2 и 3 появляются раньше, чем варварские второй стадии развития стиля, однако на протяжении довольно длительного периода они существуют синхронно.

Лишь четвертая техника эмалирования (миллефиори), появляясь в Галлии и на Рейне во II в. и развивающаяся в основном в конце II – III в. (*Ibid.*), среди эмалей варварских соответствия не находит.

Итоги

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Зарождение и развитие самобытного стиля восточноевропейских выемчатых эмалей, очевидно, было обусловлено проникновением и распространением провинциально-римских эмалевых импортов за пределы Римской империи. Идея украшения металлических изделий (деталей женского убора и мужской культуры престижа) вставками из цветной эмали была реализована в варварской среде с учетом эстетических представлений местного населения: эмали наносились на самобытные украшения больших размеров, с крупными эмалевыми полями; большинству их форм не удастся найти прототипов среди провинциально-римских предметов. При этом разнообразие форм и декора металлических основ сочетается практически исключительно с приемами эмалирования, использовавшимися мастерами империи. Единственная техника, которую, вероятно, можно считать элементом «независимого» развития восточных эмалей, – украшение эмалевых полей тянутыми нитями. Возможно, ее появление является ответом на увеличение размеров самих изделий и эмалевых гнезд на них, вынуждающих мастеров искать новые декоративные приемы, не использовавшиеся на провинциально-римских изделиях. Однако эта техника сама по себе не имеет местных корней, т. к. в ее основе лежат приемы горячей обработки стекла – ремесла, не получившего развития у варварского населения Центральной и Восточной Европы.

Сходная динамика развития и, главное, синхронное в археологическом измерении сокращение и исчезновение эмалевых украшений на континентальной

территории Римской империи и во всем ареале эмалей восточноевропейских позволяет предположить очень тесную взаимосвязь обеих традиций на протяжении всего периода существования. Идентичный состав варварских и римских эмалей красного цвета, отличающийся при этом от стекла, типичного для украшений и прочих цветных изделий, говорит о постоянной сырьевой зависимости восточноевропейского производства от провинциально-римского: ремесленники, работавшие в стиле варварских эмалей, использовали не случайное сырье в виде поступавших в их ареал бус, а специально предназначенные для эмалей полуфабрикаты (подробнее см.: *Румянцева и др.*, 2018). Эти обстоятельства позволяют предположить, что продвижение черняховского населения в ареал киевской культуры в Поднепровье, равно как и другие события на этой территории в период скифских войн, было не единственной и, вероятно, не главной причиной упадка стиля восточноевропейских эмалей (что, безусловно, не исключает локальных причин выпадения кладов вещей с эмальями в Поднепровье и за его пределами). Основной причиной является скорее упадок провинциально-римского эмальерного производства, что могло привести к прекращению экспорта сырья для эмалей, а вероятно, и перемещения мастеров-эмальеров в варварскую среду: по меньшей мере полихромные украшения в стиле варварских эмалей не могли быть изготовлены местными ремесленниками и представляют собой продукцию аллохтонных, очевидно, провинциально-римских эмальеров определенного уровня квалификации (см. подробнее: *Румянцева*, 2016; 2018).

Украшения с эмальями пополняют, очевидно, список предметов, производившихся мастерами Римской империи для варварского населения Восточной Европы. Среди бесспорных составляющих этого списка – престижные украшения в стиле клуазоне и толстостенные кубки со шлифованным декором, типичные для черняховской, а также для ряда варварских культур Центральной и Северной Европы (*Gavritukhin*, 2017). Формы организации подобного производства, очевидно, были разными – от константинопольских барбарикатий, производивших украшения для варварской знати (*Фурасьев*, 2007. С. 16), до мелких мастерских, расположенных у лимеса и выпускавших массовую продукцию (в частности, бусы), использовавшуюся в обиходе рядового населения (см.: *Venea*, 2004). Однако совершенно очевидно, что производство самобытных предметов материальной культуры провинциально-римскими мастерами для варваров, населявших территории за римским лимесом, в соответствии со вкусами и эстетическими потребностями последних было весьма распространенной практикой. При этом данные изделия формируют особенные стили, и в некоторых случаях находки их весьма многочисленны. Поэтому стилистические особенности и массовость находок с варварскими эмальями вряд ли могут считаться исчерпывающими контраргументами гипотезе о производстве варварских эмалевых украшений (или по крайней мере их части) руками аллохтонных ремесленников. В целом же данная сторона экономических взаимоотношений населения империи и варваров в значительной степени остается «белым пятном» в наших знаниях о культурном взаимодействии различных групп населения Европы как в римское время, так и в другие исторические периоды.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахмедов И. Р., 2018. Глава 12. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад... С. 227–236.
- Ахмедов И. Р., Обломский А. М., Радюш О. А., 2015. Брянский клад вещей с выемчатыми эмальями (предварительная публикация) // РА. № 2. С. 146–166.
- Белоцерковская И. В., 2018. Украшения из металла // Брянский клад... С. 14–50.
- Битнер-Врублевская А., 2019. Хронология восточноевропейских изделий с выемчатыми эмальями в Прибалтике и на территории вельбарской и пшеворской культур // КСИА. Вып. 254. (В печати.)
- Бреполь Э., 1986. Художественное эмалирование / Пер. с нем. И. В. Кузнецовой. Л.: Машиностроение. 127 с.
- Брянский клад... / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. 559 с. (РСМ; вып. 18.)
- Булычев Н. И., 1899. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова. 78 с.
- Веретюшкин Р. С., Обломский А. М., Радюш О. А., 2005. Новые сведения о памятниках гуннского времени Верхнего Посеймья // Ю. А. Липкинг и археология Курского края. Курск: Полиграфия. С. 32–45.
- Гороховський Є. Л., 1982. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виімчастою емаллю // Археологія. Вип. 38. С. 16–36.
- Корзухина Г. Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 123 с. (САИ; вып. Е1-43.)
- Обломский А. М., 2017. Украшения с выемчатыми эмальями восточноевропейского стиля в степях Причерноморья и в Крыму // РА. № 1. С. 49–63.
- Обломский А. М., 2018. Проблемы изучения кладов украшений с эмальями в Поднепровье и Подоенье // Брянский клад... С. 232–248.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в.) / Ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 113–141. (РСМ; вып. 10.)
- Румянцева О. С., 2016. Украшения с полихромными эмальями из Брянского клада: техника изготовления и «авторство» // РА. № 4. С. 16–29.
- Румянцева О. С., 2018. Технология изготовления эмалевых вставок // Брянский клад... С. 184–193.
- Румянцева О. С., Трифионов А. А., Ханин Д. А., 2018. Химический состав эмалевых вставок и бус // Брянский клад... С. 194–215.
- Сапрыкина И. А., 2018. Глава 16. Некоторые данные к технике изготовления и химическому составу цветного металла предметов из Брянского клада // Брянский клад... С. 227–236.
- Фурасьев А. Г., 2002. Проблема датировки кладов вещей с выемчатыми эмальями // Клады: состав, хронология, интерпретация: материалы тематической науч. конф. (СПб., 26–29 ноября 2002 г.) / Ред. Д. Г. Савинов. СПб.: СПбГУ. С. 83–85.
- Фурасьев А. Г., 2007. Эпоха Мервингов: орлы Рима и вороны Вотана. СПб.: ГЭ. 39 с.
- Хомякова О. А., 2019. Украшения круга эмалей из коллекции музея «Пруссия» // КСИА. Вып. 254. С. 227–252.
- Bayley J., 2015. Roman enamels and enameling // Glass of the Roman world / Eds.: J. Bayley, I. Freestone, K. Jackson. Oxford, Philadelphia: Oxbow books. P. 178–189.
- Benea D., 2004. Die römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscum. Timișoara: Excelsion Art. 287 S.
- Bitner-Wróblewska A., 2011. East European ornaments and the character of contacts between the Baltic Sea and the Black sea // Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period / Eds.: I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Simferopol: Dolya Publishing House. P. 11–24.
- Exner K., 1941. Die provinzialrömischen Emailfibeln der Rheinlande // Bericht der römisch-germanischen Kommission. Bd. 29. S. 31–121.
- Feugère M., 1985. Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. Paris: CNRS. 503 p. (Revue Archéologique de Narbonnaise; Suppl. 12.)

- Gavritukhin I.*, 2017. Glass vessels of the final of the Chernyakhov culture // Na hranicích impéria. Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. narozeninám. Brno: Masarykova univerzita, Archeologický ústav Akademie věd, ČR, Brno, v.v.i.: MuniPress. P. 83–109.
- Grumeza L.*, 2015. Cloisonné Brooches Discovered in Banat (Beginning of the Second Century A.D. – Last Third of the Third Century A.D.) // Ziridava Studia Archaeologica. 29. P. 191–214.
- Henderson J.*, 1991. Technological Characteristics of Roman Enamels // Jewellery Studies. Vol. 5. P. 65–76.
- Mačzyńska M.*, 2017. Römische Fibeln im Barbaricum: Das Beispiel der Emailscheibenfibeln und Kniefibeln mit halbrunder Kopfplatte // Archäologie zwischen Römern und Barbaren: Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen): Internationales Kolloquium (Frankfurt am Main, 19.–22. März 2009). Teil I / Hrsg.: H.-U. Voß, N. Müller-Scheeßel. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH. S. 452–463. (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte; Bd. 22.)
- Michalbertas M.*, 2016. Romeniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Vilniaus universitetas. 112 p.
- Moora H.*, 1934. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmucks // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. T. 40. P. 75–90.
- Petković S.*, 2010. Rimske fibule u Srbiji od I do V veka n.e. Beograd: Arheološki Institut. 530 p. (Posebna izdanja; № 50.)
- Riha E.*, 1994. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 206 S. (Forschungen in Augst; Bd. 18).
- Sellye I.*, 1939. Les bronzes émaillés de la Pannonie romaine. Budapest; Leipzig: Institut de numismatique et d'archéologie de l'Université Pierre Pázmány. 91 p. (Dissertationes. Pannonicae. Ser. II; № 8.)
- Thomas S.*, 1966. Die provinzialrömische Scheibenfibeln der römischen Kaiserzeit im freien Germanien // Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 6. Berlin: Staatliches Museum für Vor- und Frühgeschichte. S. 119–178.
- Vaday A.*, 2003. Cloisonné brooches in the Sarmatian Barbaricum in the Carpathian Basin // Acta Archaeologica Hungarica. Vol. 54. № 3–4. P. 315–412.

Сведения об авторе

Румянцева Ольга Сергеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru

O. S. Rumyantseva

EAST EUROPEAN CHAMPLEVÉ ENAMELS:
INDEPENDENT DEVELOPMENT OR RELATIONSHIP
WITH PROVINCIAL ROMAN ENAMELING?

Abstract. This paper compares manufacturing techniques, evolution of styles and changes over time in the spread of provincial Roman and East European champlevé enamels. Identical production techniques, stylistic and chronological similarity in development of both styles, the same period of the most extensive use, and, more importantly, parallel decline in the production of champlevé enamels of Roman continental provinces and the East European enameling suggest that these production traditions were closely related to each other throughout the entire period of their use. Penetration of the Chernyakhov population into the territory occupied by the Kiev culture in the Dnieper region was not the only, and, probably, not the most important reason why 'Barbarian' jewelry with enameled fields disappeared.

Keywords: enamel production, Dnieper region, Baltic region, East European champlevé enamels, the period of Roman influences, technology.

REFERENCES

- Akhmedov I. R., 2018. Glava 12. Nakhodki kruga vostochnoevropskikh emaley na Volge i Oke [Chapter 12. Finds of East European enamels circle on Volga and Oka]. *Bryanskiy klad... [Bryansk hoard...]*, pp. 227–236.
- Akhmedov I. R., Oblomskiy A. M., Radyush O. A. Bryanskiy klad vechshey s vyemchatymi emalyami (predvaritel'naya publikatsiya) [Bryansk hoard of items with champleve enamels (preliminary publication)]. *Rossiyskaya archeologiya*, 2, pp. 146–166.
- Bayley J., 2015. Roman enamels and enameling. *Glass of the Roman world*. J. Bayley, I. Freestone, K. Jackson, eds. Oxford, Philadelphia: Oxbow books, pp. 178–189.
- Belotserkovskaya I. V., 2018. Ukrasheniya iz metalla [Ornaments from metal]. *Bryanskiy klad... [Bryansk hoard...]*, pp. 14–50.
- Benea D., 2004. Die römischen Perlenwerkstätten aus Tibiscum. Timișoara: Excelsion Art. 287 p.
- Bitner-Wróblewska A., 2019. Khronologiya vostochnoyevropskikh izdelyi s vyemchatymi emalyami v Pribaltike i na territorii vel'barskoy i pshevorskoy kul'tur [The chronology of East European enameled artifacts from the Balt lands and from the Przeworsk and Wielbark cultures]. *KSIA*, 254. (In print.)
- Bitner-Wróblewska A., 2011. East European ornaments and the character of contacts between the Baltic Sea and the Black Sea. *Inter Ambo Maria: Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period*. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar, eds. Simferopol: Dolya Publishing House, pp. 11–24.
- Brepol' E., 1986. Khudozhestvennoye emalirovaniye [Artistic enameling]. I. V. Kuznetsova, trans. Leningrad: Mashinostroyeniye. 127 p.
- Bryanskiy klad... [Bryansk hoard...]. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN; Vologda: Drevnosti Severa, 2018. 559 p. (RSM, 18.)
- Bulychov N. I., 1899. Zhurnal raspokop po chasti vodorazdela verkhnikh pritokov Volgi i Dnepra [Diary of excavations in a part of watershed of upper reaches of Volga and Dnieper]. Moscow: Tovariščestvo tipografii A. I. Mamontova. 78 p.
- Exner K., 1941. Die provinziäl-römischen Emailfibeln der Rheinlande. *Bericht der römisch-germanischen Kommission*, 29, pp. 31–121.
- Feugère M., 1985. Les Fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. Paris: CNRS. 503 p. (Revue Archéologique de Narbonnaise, Suppl. 12.)
- Furas'yev A. G., 2002. Problema datirovki kladov veshchey s vyemchatymi emalyami [Problem of dating hoards of items with champlevé enamels]. *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya [Hoards: contents, chronology, interpretation]*. D. G. Savinov, ed. St. Petersburg: SPbGU, pp. 83–85.
- Furas'yev A. G., 2007. Epokha Merovingov: orly Rima i vorony Votana [Megovingians' epoch: eagles of Rome and ravens of Woden]. St. Petersburg: GE. 39 p.
- Gavritukhin I., 2017. Glass vessels of the final of the Chernyakhov culture. *Na hranicích impéria. Extra fines imperii. Jaroslavu Tejralovi k 80. narozeninám*. Brno: Masarykova univerzita, Archeologický ústav Akademie věd, ČR, Brno, v.v.i.: Munipress, pp. 83–109.
- Gorokhov's'kiy E. L., 1982. Pidkovopodibni fibuli Sered'nogo Podniprovy'a z vyimchastoyu emallyu [Penannular brooches of Middle Dnieper region with champlevé enamel]. *Arkeologiya [Archaeology]*, 38, pp. 16–36.
- Grumeza L., 2015. Cloisonné Brooches Discovered in Banat (Beginning of the Second Century A.D. – Last Third of the Third Century A.D.). *Ziridava Studia Archaeologica*, 29, pp. 191–214.
- Henderson J., 1991. Technological Characteristics of Roman Enamels. *Jewellery Studies*, 5, pp. 65–76.
- Khomyakova O. A., 2019. Ukrasheniya kruga emaley iz kolleksiï muzeya «Prussiya» [Jewelry of enamels circle from the Prussia Museum collection]. *KSIA*, 254, pp. 227–252.
- Korzukhina G. F., 1978. Predmety ubora s vyemchatymi emalyami V – pervoy poloviny VI v. n. e. v Srednem Podneprov'ye [Items of attire with champlevé enamels of V – first half of VI c. AD in Middle Dnieper region]. Leningrad: Nauka. 123 p. (SAI.)

- Maćczyńska M., 2016. Römische Fibeln im Barbaricum: Das Beispiel der Emailscheibenfibeln und Kniefibeln mit halbrunder Kopfplatte. *Archäologie zwischen Römern und Barbaren: Zur Datierung und Verbreitung römischer Metallarbeiten des 2. und 3. Jahrhunderts n. Chr. im Reich und im Barbaricum – ausgewählte Beispiele (Gefäße, Fibeln, Bestandteile militärischer Ausrüstung, Kleingerät, Münzen): Internationales Kolloquium*, I. H.-U. Voß, N. Müller-Scheeßel, eds. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, pp. 452–463. (Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte, 22.)
- Michelbertas M., 2016. Romeniškojo laikotarpio emaliuoti dirbiniai Lietuvoje. Vilnius: Vilniaus universitetas. 112 p.
- Moor H., 1934. Zur Frage nach der Herkunft des ostbaltischen emailverzierten Schmuks. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja*, 40, pp. 75–90.
- Oblomskiy A. M., 2017. Ukrasheniya s vyyemchatymi emalyami vostochnoyevropeyskogo stilya v stepyakh Prichernomor'ya i v Krymu [Ornaments with champlevé enamels of Eastern European style in the Pontic steppes and in the Crimea]. *RA*, 1, pp. 49–63.
- Oblomskiy A. M., 2018. Problemy izucheniya kladov ukrasheniy s emalyami v Podneprov'ye i Podon'ye [Problems of research of hoards of ornaments with enamels in Dnieper and Don regions]. *Bryanskiy klad... [Bryansk hoard...]*, pp. 232–248.
- Oblomskiy A. M., Terpilovskiy R. V., 2007. Predmety ubora s vyyemchatymi emalyami na teritorii lesostepnoy zony Vostochnoy Evropy (Dopolneniye svodov G. F. Korukhinoy, I. K. Frolova i E. L. Gorokhovskogo) [Attire items with champlevé enamels in territory of forest-steppe zone of Eastern Europe (Supplement to corpus editions by G. F. Korzukhina, I. K. Frolov and E. L. Gorokhovskiy)]. *Pamyatniki kiyevskoy kul'tury v lesostepnoy zone Rossii (III – nachalo V v.) [Kiev culture sites in Russia forest-steppe zone (III – early V c.)]*. A. M. Oblomskiy, ed. Moscow: IA RAN, pp. 113–141. (RSM, 10.)
- Petković S., 2010. Rimske fibule u Srbiji od I do V veka n.e. Beograd: Arheološki Institut. 530 p. (Posebna izdanja, 50.)
- Riha E., 1994. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975. Augst: Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 206 p. (Forschungen in Augst, 18).
- Rumyantseva O. S., 2016. Ukrasheniya s polikhromnymi emalyami iz Bryanskogo klada: tekhnika izgotovleniya i «avtorstvo» [Ornaments with polychrome enamels from the Bryansk hoard: The technique and «authorship»]. *RA*, 4, pp. 16–29.
- Rumyantseva O. S., 2018. Tekhnologiya izgotovleniya emalevykh vstavok [Technology of production of enameled fields]. *Bryanskiy klad... [Bryansk hoard...]*, pp. 184–193.
- Rumyantseva O. S., Trifonov A. A., Khanin D. A., 2018. Khimicheskyy sostav emalevykh vstavok i bus [Chemical composition of enameled fields and beads]. *Bryanskiy klad... [Bryansk hoard...]*, pp. 194–215.
- Saprykina I. A., 2018. Glava 16. Nekotorye dannye k tekhnike izgotovleniya i khimicheskomu sostevu tsvetnogo metalla predmetov iz Bryanskogo klada [Chapter 16. Some data on technique of production and chemical composition of non-ferrous metal of items from Bryansk hoard]. *Bryanskiy klad... [Bryansk hoard...]*, pp. 227–236.
- Sellye I., 1939. Les bronzes émailées de la Pannonie romaine. Budapest; Leipzig: Institut de numismatique et d'archéologie de l'Université Pierre Pázmány. 91 p. (Dissertationes. Pannonicae. Ser. II, no. 8.)
- Thomas S., 1966. Die provinzialrömische Scheibenfibeln der römischen Kaiserzeit im freien Germanien. *Berliner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte*, 6. Berlin: Staatliches Museum für Vor- und Frühgeschichte, pp. 119–178.
- Vaday A., 2003. Cloisonné brooches in the Sarmatian Barbaricum in the Carpathian Basin. *Acta Archaeologica Hungarica*, vol. 54, no. 3–4, pp. 315–412.
- Veretyushkin R. S., Oblomskiy A. M., Radyush O. A., 2005. Novyye svedeniya o pamyatnikakh gunnskogo vremeni Verkhnego Poseym'ya [New data on Hun-time sites in Upper Seim region]. *Yu. A. Lipking i arkeologiya Kurskogo kraya [Yu. A. Lipking and archaeology of Kursk land]*. Kursk: Poligrafya, pp. 32–45.

About the author

Rumyantseva Olga S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru

В. И. Завьялов

ЖИТНЫЙ РАСКОП В КРЕМЛЕ ПЕРЕЯСЛАВЛЯ РЯЗАНСКОГО: ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Резюме. Многолетние исследования Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского позволили, пусть и на ограниченном участке, представить историю развития города. Мощность культурных напластований превысила шесть метров. Выделено десять стратиграфических горизонтов, охватывающих период от второй половины XII в. до середины XVII в. Вещевая коллекция составляет более 5000 индивидуальных находок и более 400 000 фрагментов керамики.

Ключевые слова: Переяславль Рязанский, культурный слой, стратиграфический горизонт, артефакты, сооружения.

В последнее время база источников по истории городов Центральной и Восточной Европы существенно расширилась. Это произошло главным образом за счет увеличения массового археологического материала и совершенствования методов его обработки. Не менее важно и изменение принципа подхода к изучению средневекового города, что выразилось в стремлении понять город в целостности и своеобразии, в динамике его функционирования и вместе с тем в широком контексте экономического, социального, демографического и культурного развития изучаемой эпохи в целом и одновременно – конкретной исторической области, страны, региона.

Все больший интерес археологов и историков привлекают проблемы малого города – это проблемы не индивидуальных городских судеб, но средневековой урбанизации в целом – ее специфики, особенностей локально-регионального развития, изменений во времени.

Средневековый город как новый тип поселения, наделенный особыми экономическими, административными, культурными функциями, рождается из локальных потребностей, и малый город как стадия роста – неотъемлемый элемент процесса средневековой урбанизации. В этом отношении история Переяславля Рязанского (совр. Рязань) как поселения, прошедшего развитие от рядовой крепости до столицы княжества, имеет особый интерес.

Высказанные положения легли в основу комплексного археологического исследования Кремля Переяславля Рязанского. В ходе этих работ получены принципиально новые данные по застройке и архитектуре города, изменению климата, о занятиях и досуге, пищевом рационе горожан, особенностях ремесленного производства, детских играх.

Город Переяславль Рязанский был основан на холме при слиянии рек Трубежа и Лыбеди примерно в двух километрах от впадения Трубежа в Оку. Название города Переяславль Рязанский сохранилось до конца XVIII в. (официально город переименован в Рязань в 1778 г.), хотя уже в XIV в. (после перенесения столицы княжества в Переяславль) в письменных источниках город нередко называется Рязанью.

Переяславль Рязанский впервые упоминается в Лаврентьевской летописи под 6808 (1300) г. (ПСРЛ. Т. I. С. 338) в связи со съездом Ярославичей (*Кузьмин*, 1965. С. 196). Но археологические данные позволяют датировать основание города более ранним временем – не позднее второй половины XII в. – и связывать это событие с деятельностью рязанских князей по укреплению рубежей княжества. Именно в это время возникает ряд городов-крепостей на рязано-владимиро-суздальском порубежье: Коломна, Ростиславль Рязанский, Пронск, Городок Мещерский, Глебов (*Завьялов*, 2018а. С. 207).

Во второй четверти XIV в. Переяславль становится столицей княжества. Это было связано с более удобным расположением города по сравнению с Рязанью (Старой Рязанью): новая столица располагалась выше по Оке, дальше от границы со степью и в некотором отдалении от речной магистрали. При Олеге Ивановиче (ок. 1336–1402) Рязанское княжество достигает своего наивысшего расцвета. По словам Д. И. Иловайского, «...полустолетнее княжение Олега было самым славным и самым счастливым сравнительно с предыдущими и последующими княжениями, несмотря на тяжкие бедствия, которые нередко посещали рязанский край при его жизни» (2009. С. 201). Преемники Олега Ивановича попадают в зависимость от московских князей, хотя на протяжении всего XV в. княжество оставалось формально независимым. Окончательное присоединение Рязанского княжества (последнего из крупных русских княжеств) к Московскому государству происходит при Василии Ивановиче в 1521 г.

Кремль Переяславля Рязанского в плане представляет собой неправильный четырехугольник, ограниченный с запада р. Трубеж, с севера и востока – р. Лыбедь, с юга – валом и рвом. Современная площадь Рязанского кремля превышает 25 га, что сопоставимо с площадью кремлей Москвы и Коломны.

Рельеф Кремлевского холма характеризуется относительно ровной (крутизна на 1–3 градуса), спланированной поверхностью в центральной части, с абсолютными отметками 114–116 м над уровнем моря. Со всех сторон холм окаймляет древний эрозионный склон, крутизна которого составляет от 15 до 40 градусов. С юго-западной стороны холма сохранился вал, возвышающийся над нижней отметкой рва на высоту около 10 м. Протяженность сохранившегося вала 290 м. За многовековую историю рельеф холма сильно изменен антропогенной деятельностью (*Романова*, 1995. С. 72).

Начало археологического изучения Переяславля Рязанского относится к 1890 г., когда В. А. Городцов обследовал кремлевский вал, в восточной части

которого произошел крупный оползень¹. Значительные работы проводились в 1955–1957 гг. экспедицией Института археологии АН СССР под руководством А. Л. Монгайта. Было заложено четыре раскопа: один на территории архиерейского двора к востоку от апсиды Архангельского собора и три – на территории архиерейского сада (*Монгайт*, 1955; 1956; 1957; 1961). Наиболее интенсивные археологические исследования в Кремле в XX в. падают на вторую половину 80-х – начало 90-х гг. Раскопки проводились в связи с проектированием магистральной теплотрассы в юго-западной части Кремлевской платформы у внутреннего подножия вала (*Макаров*, 1983; 1989; *Судаков*, 1986; 1988). Общая вскрытая площадь превысила 570 кв. м. В результате этих работ получена значительная информация для реконструкции повседневной жизни жителей Переяславля Рязанского. К сожалению, материалы этих раскопок введены в научный оборот далеко не полностью (*Антипина*, *Маслов*, 1993; *Сарачева*, *Судаков*, 1994; *Судаков и др.*, 1995).

Проведенные в XX в. археологические раскопки Переяславля Рязанского показали, что для решения многих вопросов, таких как историческая топография и планировка города, выявление первоначального ядра поселения, изучение хозяйственной деятельности и быта населения и т. д., требуется проведение широкомасштабных фундаментальных исследований памятника широкой площадью с использованием всех существующих методов изучения археологического материала.

Такие работы начались в 2004 г. в северо-восточной части кремля. Раскоп площадью 160 кв. м был разбит между Певческим корпусом и Амбарами («Гостиница черни»). Поскольку в некоторых источниках территория, где располагался раскоп, называется житным двором, то и раскоп получил название Житный (рис. 1). За двенадцать полевых сезонов (2004–2015 гг.) на раскопе вскрыто более шести метров культурных напластований середины XII – первой половины XVII в. Вещевая коллекция составляет более 5000 индивидуальных находок и более 400 000 фрагментов керамики. Проведены статистико-типологический анализ керамического материала, дендрохронологические, археометаллографические, палинологические, археозоологические, археоботанические исследования, определен химический состав изделий из цветных металлов и стекла. Предварительные результаты исследования нашли отражение в двух выпусках *Материалов по археологии Переяславля Рязанского* (МАПР, 2011; 2013), монографии «Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского» (*Завьялов*, *Терехова*, 2013), многочисленных статьях (*Завьялов*, 2008; 2010а; 2010б; 2012а; 2015; *Завьялов*, *Судаков*, 2017; *Завьялов*, *Фатюнина*, 2012; *Судаков*, *Завьялов*, 2008; *Фатюнина*, 2010; 2011; 2012а; 2012б).

Хронология стратиграфических слоев Житного раскопа разрабатывалась на основании типолого-хронологического анализа керамического материала. При этом первые шесть пластов (примерно до глубины -120 см от репера²)

¹ Подробная информация об археологических работах в кремле Переяславля Рязанского см.: *Судаков*, *Буланкин*, 2005.

² За нулевой репер принята отметка крышки люка, абсолютная высота которой над уровнем моря по Балтийской системе составляет 112,81 м. Координаты юго-западного угла раскопа – N 54°38'13.8" E 39°45'2.1".

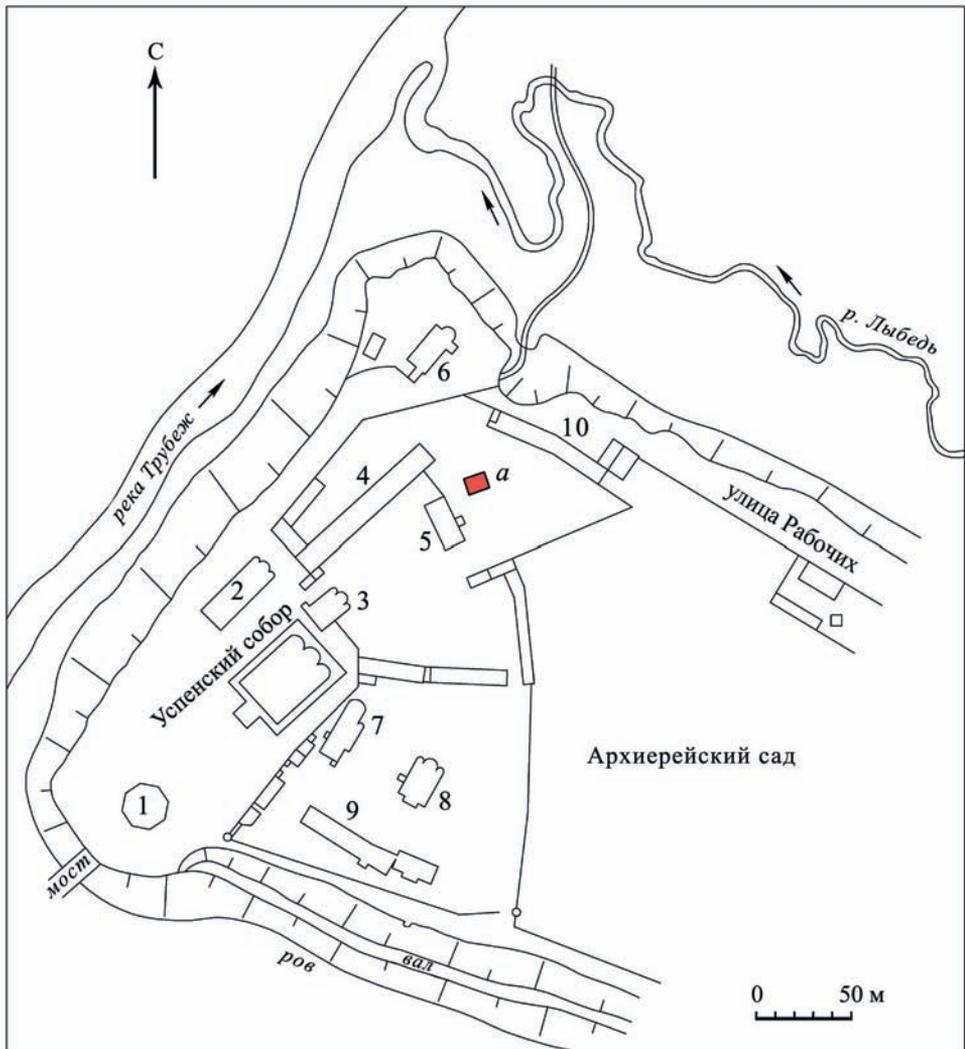

Рис. 1. Житный раскоп (а) на плане кремля Переяславля Рязанского

1 – колокольня Успенского собора; 2 – Христорождественский собор; 3 – Архангельский собор; 4 – Дворец Олега; 5 – Певческий корпус; 6 – церковь Святого Духа; 7 – церковь Благовещения; 8 – Спасо-Преображенский собор; 9 – «Гостиница знати»; 10 – амбары («Гостиница черни»)

представлены наносным и сильно перекопанным грунтом. Индивидуальные находки в них немногочисленны, а керамика представлена фрагментами XVII–XX вв. Лишь с уровня 7–8-го пластов можно говорить об относительно ненарушенном культурном слое.

Результаты исследования стратиграфического распределения керамики свидетельствуют, что, несмотря на открытый характер памятника, культурные напластования могут быть датированы в относительно узких пределах (Завьялов, Судаков, 2017).

К сожалению, несмотря на хорошую сохранность органики, на раскопе не удалось получить достаточно представительную серию дендродат. Это связано с тем, что в слоях ниже 14 пласта при сооружении построек использовались или молодые деревья, что не позволяло построить достаточно представительный график, или же листовые породы (главным образом дуб), для которых в настоящее время составление восточноевропейской дендрохронологической шкалы находится в разработке.

За основу описания культурных напластований принят стратиграфический горизонт, под которым понимается совокупность слоев, связанных общей планиграфией и синхронным комплексом находок. Комплексный анализ архитектурных остатков и вещевого материала позволил выделить десять последовательно сменяющих друг друга стратиграфических горизонтов. Материалы двух нижних горизонтов (домонгольского времени) уже введены в научный оборот (Завьялов, 2018а). В связи с этим данная статья посвящена напластованиям золотоордынского и московского времени.

Анализ стратиграфической ситуации на раскопе дает основание полагать, что Переяславль Рязанский не избежал участи большинства древнерусских городов во время татаро-монгольского нашествия: слои, выделяемые в *Третий стратиграфический горизонт* (нижний горизонт – пласт 26, верхний горизонт – пласт 27, вторая половина XIII в.), не содержат построек, но в них многочисленны прослойки золы, древесного угля, а также фрагменты обгорелых деревянных плах.

Несмотря на отсутствие сооружений, из третьего хронологического горизонта происходит более 600 индивидуальных находок, основную часть которых (330 экз.) составляют фрагменты стеклянных браслетов. Один браслет, несомненно, византийского производства: гладкий полукруглый в сечении синий обруч декорирован орнаментом из ленты желтых цветов.

В напластованиях *Третьего стратиграфического горизонта* встречено большое количество фрагментов стеклянных сосудов – 41 экз. В большинстве случаев стекло прозрачное. Семь осколков относятся к т. н. бородавчатым кубкам. Такие кубки изготавливались из тонкого бесцветного стекла и украшались по всему тулову налепами-шишечками округлой формы. Подобные изделия связывают с деятельностью богемских мастеров (Гейдова и др., 1983. С. 131).

Разнообразен комплекс бытовых предметов: ножи, ключи, детали замков, пробои, глиняные пряслица.

Предметы христианского культа представлены бронзовым двусторонним крестом-тельником. Крест имеет три шарика на концах и пять в средокрестии. Верхняя лопасть обломана. Размеры креста 16 × 18 мм, толщина 2–3 мм. Изготовлен предмет литьем в двусторонней разъемной литейной форме (на что

указывает наличие литейного шва). По новгородским материалам М. В. Седова датировала такие крестики XII–XIII вв. (Седова, 1981. С. 52). Но встречаются они и позже: в Ростиславле Рязанском подобный крестик происходит из слоев XIII–XIV вв. (Остапенко, 2013. С. 132), в Твери они найдены в слоях, имеющих дендродату 1300–1330 гг. (Лапишин, 2009. С. 99).

К снаряжению всадника относится колесико-звездочка от шпоры и верхней частью стремени типа IX. Звездочка шпоры имеет десять лучей. Подобные шпоры появляются в Древней Руси не позднее середины XIII в. (Древняя Русь, 1985. С. 319).

Период восстановления Переяславля Рязанского связан с *Четвертым стратиграфическим горизонтом* (верхний горизонт – пласты 25–26, первая половина XIV в.). Так же как и в слоях второй половины XIII в., значительную часть раскопа занимают линзы древесного угля и золы – следы татаро-монгольских набегов.

В центральной части раскопа с севера на юг проходит частокол, разделяющий исследуемый участок на две усадьбы: западную (**усадьба IV**) и восточную (**усадьба V**). В южной части раскопа по направлению запад – восток вскрыт еще один частокол из тонких бревен. Вероятно, он ограничивал территорию усадеб с юга и маркировал направление улицы или дороги. Характер находок позволяет говорить об относительно высоком статусе населения обеих усадеб.

На усадьбе IV раскопано всего одно сооружение № 22, большая часть которого уходит за пределы раскопа. Постройка ориентирована по линии север – юг. Сруб рублен в обло.

Наиболее выразительными находками из сооружения № 22, несомненно, являются осколки ближневосточных кубков с полихромной росписью и золотым покрытием (рис. 2). Все они происходят из южной части раскопа и найдены в непосредственной близости от постройки. Основу композиции составляет мужская фигура в тюрбане и восточной одежде. На нескольких фрагментах сохранились арабские литеры. Происходят такие сосуды из сиро-египетских ремесленных центров и датируются XIII–XIV вв. (Lamm, 1929–1930).

Встречены и фрагменты сосудов с геометризованным изображением рыб. Подобные изображения часто встречаются на изделиях из сиро-египетского стекла. Они появились в конце XII в. и были особенно популярны в пределах т. н. дамасской группы, датируемой 1250–1310 гг. (Лапишин, 2009; Lamm, 1929–1930. Taf. 95: 15).

В непосредственной близости от сооружения № 22 (примерно в 2 м к северу) найден небольшой фрагмент тигля, на внутренней поверхности которого обнаружены следы золота³.

На территории усадьбы V открыто два сооружения – в северной (сооружение № 23) и в восточной (сооружение № 21) части раскопа. Обе постройки лишь частично вошли в площадь раскопа.

Сооружение № 23 ориентировано по линии север – юг. В юго-западном углу постройки зафиксирована прослойка суглинки, обожженной глины и золы,

³ Анализ выполнен в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. См. Луньков и др., 2013. С. 88. Ан. 50074.

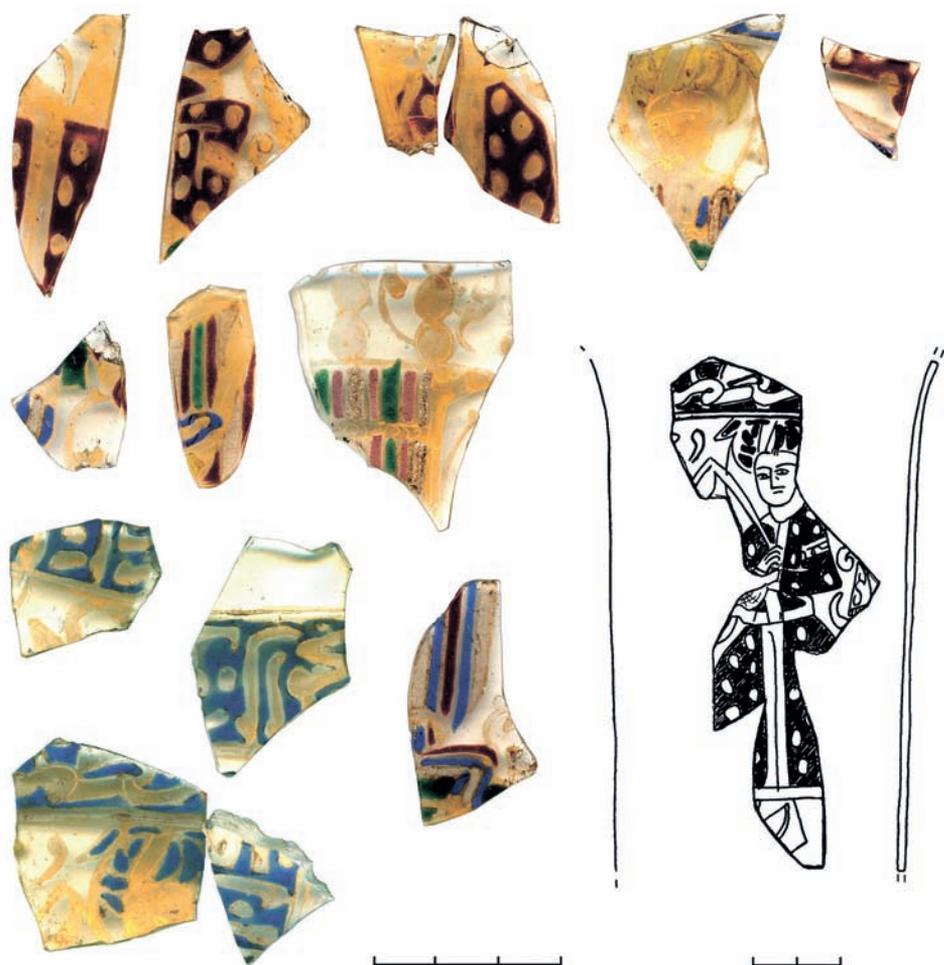

Рис. 2. Фрагменты стеклянных кубков и реконструкция одного из них

связанная, вероятно, с печью. Находки, которые можно связать с сооружением № 23, немногочисленны и представлены рядовым инвентарем: глиняными сосудами, ножами, иглами, стеклянными бусами и браслетами.

Сооружение № 21 расположено в юго-восточной части раскопа. Возможно, оно было образовано из двух примыкающих друг к другу срубов. Плохая сохранность древесины в северной части постройки не позволяет говорить об этом однозначно. Внутри сооружения расчищено несколько необработанных камней известняка. В юго-западном углу постройки зафиксированы остатки печи в виде пятна прокаленного суглинка с включениями древесного угля, вытянутого с юго-запада на северо-восток.

С сооружением № 21 связано более 60 индивидуальных находок. В постройке найдены три фрагмента поливной ордынской чаши с подглазурной полихромной

росписью. Фрагменты слишком мелкие, чтобы говорить о рисунке, но, судя по аналогиям, чаша была украшена вертикальными синими полосами, чередующимися с панелями, заполненными зелеными S-образными завитками. Датируется такая керамика 30-ми гг. XIV – началом XV в. (Коваль, 2010. С. 74).

Из южной части постройки происходят три целых глиняных грузила вытянутой формы. Грузила вылеплены из беложгущейся глины (рис. 3: 1–3). Их длина составляла от 3,9 до 5,1 см, диаметр отверстия 0,7–1,0 см. Из-за небольшого веса такие грузила использовались на малых сетях (Археология СССР, 1985. С. 228).

В рассматриваемой постройке найдены шесть пластин от ламинарного доспеха (рис. 3: 5). Пластины плоские, подпрямоугольной формы со слегка выгнутом верхним краем. Длина пластин 35 мм, по краям и в центре имеются отверстия диаметром 2 мм.

Сравнительно редкой находкой является фрагмент балансира монетных костяных весов, вырезанных из диафиза длинной трубчатой кости крупного млекопитающего⁴. Плоскость над отверстием для штифта украшена циркульным орнаментом.

Еще одной престижной находкой из железа можно считать книжную застежку. Ряд отверстий по периметру образуют ажурный край (рис. 3: 4).

Перечисленные артефакты позволяют говорить о сравнительно высоком статусе обитателей постройки.

Как ни странно, вторая половина XIV в. – период правления Олега Ивановича – связана с очередным (правда, непродолжительным) запустением исследуемого участка.

В середине XIV в. обе усадьбы *Четвертого стратиграфического горизонта* погибают в пожаре: в культурном слое зафиксированы значительные по мощности линзы и прослойки древесного угля и золы. Наиболее мощная зольная прослойка вскрыта в восточной части раскопа и связана с сооружением № 21.

Во второй половине XIV в. усадьбы IV и V были объединены в единую **усадьбу VI**, что позволило выделить напластования этого времени в *Пятый стратиграфический горизонт* (пласт 24, вторая половина XIV в.).

Основной постройкой на усадьбе становится *сооружение № 20*, которое располагалось в южной части раскопа. Постройка одночастная, ориентирована по сторонам света. Своей южной стеной примыкала к частоколу, который сохранил линию, намеченную в предыдущее время.

С сооружением № 20 можно соотнести более 60 индивидуальных находок. Следует отметить фрагмент ордынского кувшина из кашина с бирюзовой глазурью, который датируется серединой – концом XIV в.

Найдено восемь ключей, представленных в основном типом В. Один ключ относится к типу Д (рис. 3: 8). На трех ключах просматривается орнамент, выполненный насечками на боковых поверхностях (рис. 3: 6–7).

К предметам христианского культа относится нательная иконка арочной формы с обломанным ушком. На иконке изображен воин на коне с копьем

⁴ Определение к. биол. н. Е. Е. Антипиной.

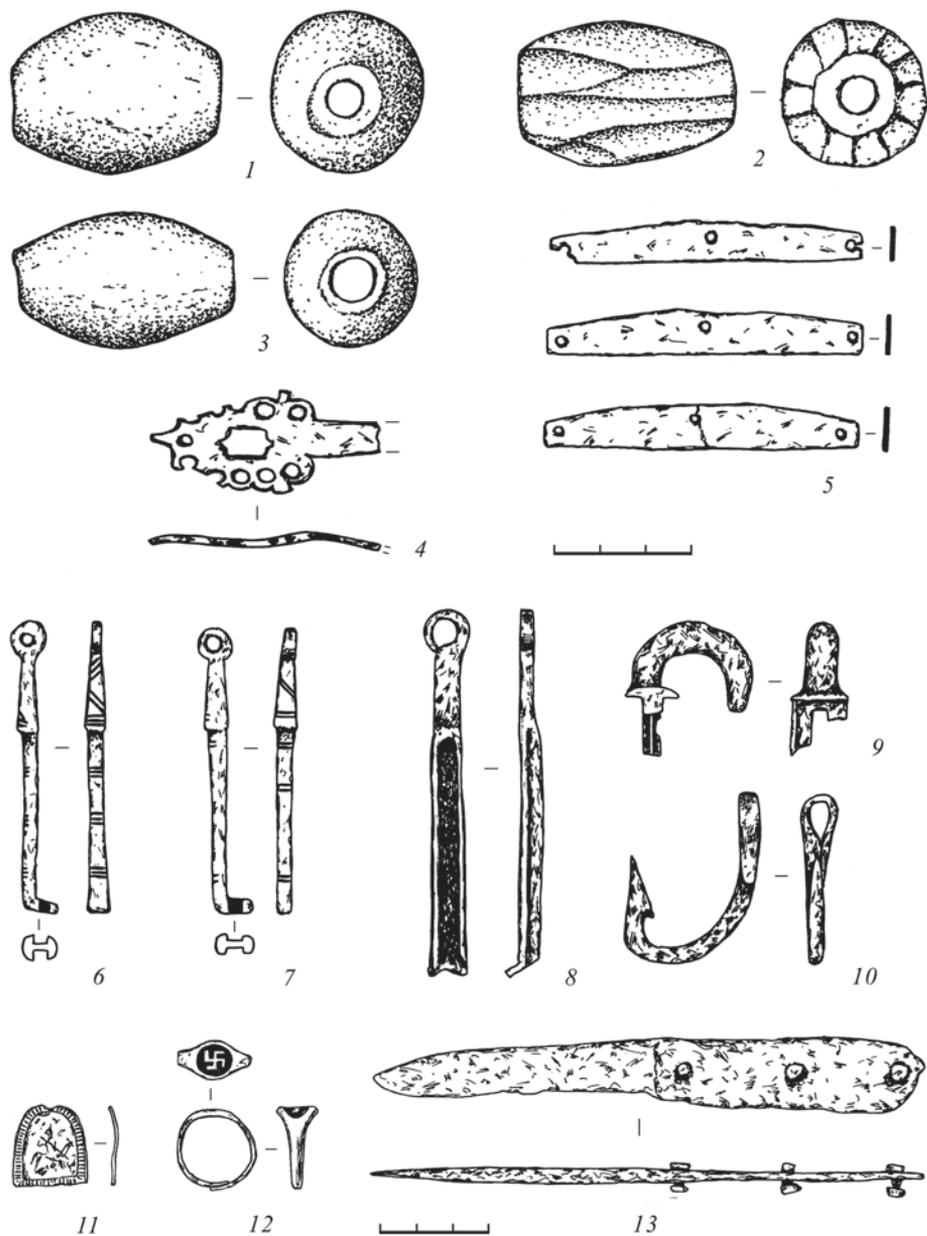

Рис. 3. Находки из сооружения № 21 (1-5) и сооружения № 20 (6-13)
1-5 – находки из сооружения № 21; 6-13 – из сооружения № 20

(св. Георгий?). По краю чуть выступающий бортик с насечками в виде прямых коротких черточек. Обратная сторона иконки не заглажена (рис. 3: 11).

О занятиях обитателей сооружения № 20 рыболовством свидетельствуют находки рыболовных крючков (рис. 3: 10), берестяного поплавка и глиняного грузила. Грузило сигарообразной формы изготовлено из беложгущейся глины. Снаружи у северо-восточного угла сооружения зафиксировано скопление рыбьей чешуи.

Украшения представлены изделиями из стекла и бронзы. В постройке и непосредственно рядом с ней найдено более 20 фрагментов стеклянных браслетов (что составляет около половины всех браслетов, найденных на усадьбе). Большинство браслетов гладкие. Из стеклянных украшений следует отметить также голубой перстень и небольшую темно-синюю биконическую бусину. У северо-западного угла избы найден бронзовый щитковосрединный перстень с заходящимися концами и с круглым щитком. На щитке изображение свастики (рис. 3: 12). В Новгороде Великом подобные перстни были распространены в XIV в. (Седова, 1981. С. 135).

В постройке найден нож с пластинчатым черенком (рис. 3: 13). Такие ножи появляются в Западной Европе в начале XIV в. (Knives and scabbards, 1987).

В *Шестом стратиграфическом горизонте* (пласты 22–23, конец XIV – первая половина XV в.) **усадьба VI** продолжает существовать, но характер размещения построек отличен от предшествующего времени. Линия частокола, маркирующая южную границу усадьбы, в это время отодвигается к северу и сохраняет свое направление на протяжении первой половины XV в. Следует отметить, что описываемый частокол набран из разных по диаметру жердей и бревен (от 4,5 до 14 см), а сама линия частокола постоянно изгибается.

На площади раскопа к *Шестому стратиграфическому горизонту* относятся остатки двух построек, № 18 и № 19. Сохранность древесины сооружений очень плохая, по сути, от бревен сохранился только тлен. В культурном слое отмечены многочисленные прослойки древесного угля и золы.

Сооружение № 18 расположено в центральной части раскопа и ориентировано по линии северо-восток – юго-запад. Примерные размеры постройки 5 × 5 м. Сруб рублен в обло. В южной части сооружения зафиксирован развал печи.

С сооружением № 18 связано более четверти (98 экз.) индивидуальных находок, происходящих из *Шестого стратиграфического горизонта*. Обращает на себя внимание присутствие в постройке пяти глиняных пряслиц, выточенных из стенок сосудов, причем два артефакта являлись заготовками. Одна из заготовок имеет законченную круглую форму диаметром 2,8 см, но центральное отверстие для веретена еще не проточено. Другая заготовка диаметром 3,2 см имеет центральное отверстие диаметром 0,4 см, однако края не были обработаны.

Импортная керамика из золотоордынских центров представлена небольшими фрагментами, принадлежавшими по крайней мере трем сосудам⁵: 1) ваза типа «гюльабдан» с бирюзовой подглазурной росписью. Такие вазы изготавливались во второй половине XIV в. в золотоордынских городах Поволжья; 2) фрагменты

⁵ Приношу благодарность к. ист. н. В. Ю. Ковалю за определение поливной керамики.

чаш из рыхлого белого кашина. Сосуд покрыт белым ангобом и расписан синей и зеленой краской. Снаружи нанесен орнамент в виде лепестка лотоса; внутри – в виде косой синей сетки. Подобные чаши происходят из золотоордынского Поволжья и датируются второй половиной XIV в.; 3) фрагмент стенки кувшина, покрытого снаружи зеленой глазурью по белому ангобу. Место производства – юго-восточный Крым. Дата – XIV–XV вв.

Наиболее многочисленной категорией находок являются ножи. Отмечу нож с обломанным черенком. Спинка клинка прямая, лезвие слегка изгибается к острию. На поверхности клинка в 1,7 см от черенка и 1 см от лезвия находится клеймо из трех точек, образующих треугольник (рис. 4: 1). В литературе неоднократно отмечалось, что наличие клейма является веским аргументом в пользу западноевропейского происхождения артефакта (*Беленькая, Розанова, 1988; Завьялов и др., 2007. С. 152–153*).

Из сооружения № 18 происходят шесть однотипных «булавок» (всего в 22–23 пластах их найдено 12), немного различающихся размерами. «Булавки» имеют вид стержня, подквадратного в сечении (от $0,3 \times 0,3$ до $0,5 \times 0,4$ см). Один конец заострен, другой раскован и загнут (рис. 4: 2–7). Длина булавок 4–9 см.

В постройке найден ключ от навесного замка типа В. Верх ключа заканчивается кольцом диаметром 1,3 см (рис. 4: 8). Верхняя граница бытования таких ключей по новгородской хронологии – начало XV в.

Из общей датировки находок из сооружения № 18 выбивается крест с криновидными концами, середина каждого из четырех кринов расширена до круга, в который вписан выпуклый равноконечный крест (рис. 4: 9). Размер $4,4 \times 3,3$ см, толщина 0,1 см. Боковые лепестки кринов сильно загибаются. Датируются такие кресты более ранним временем – XI–XIII вв. (*Мальм, 1968*).

Другой нательный крест из этого сооружения четырехконечный с прямоугольными концами и килевидным завершением нижней оконечности (тип IV по Э. П. Винокуровой). Размер $2,9 \times 1,5$ см, толщина 0,1 см. В центральной части – рельефное изображение четырехконечного Голгофского креста. На верхней оконечности – прямоугольная табличка с монограммой. На боковых оконечностях хризмы «IC» «XC» (Иисус Христос). В нижней оконечности прослеживается изображение Адамовой головы. Обратная сторона гладкая (рис. 4: 10). Оглавие имеет вид округлой бусины. Такие крестики бытовали сравнительно долго – в XV–XVII вв.

Таким образом, находки, связанные с сооружением № 18, представлены обычными бытовыми предметами. Хронология их бытования в целом совпадает с датировкой слоя по керамическому комплексу.

Сооружение № 19. Расположено в юго-западной части раскопа. Вошло в раскоп частично. Постройка ориентирована по странам света. Находки из сооружения № 19 немногочисленны и представлены бытовыми предметами.

Начиная с *Седьмого стратиграфического горизонта* (пласты 18–21, середина – вторая половина XV в.) на исследуемом участке наблюдается определенная стабилизация в планиграфическом расположении сооружений. В это время линия частотола изменяет свое направление с юго-запада – северо-востока на северо-запад – юго-восток. Таким образом, закрепляется направление улицы и границы усадеб, которые будут относительно стабильны и в более позднее время

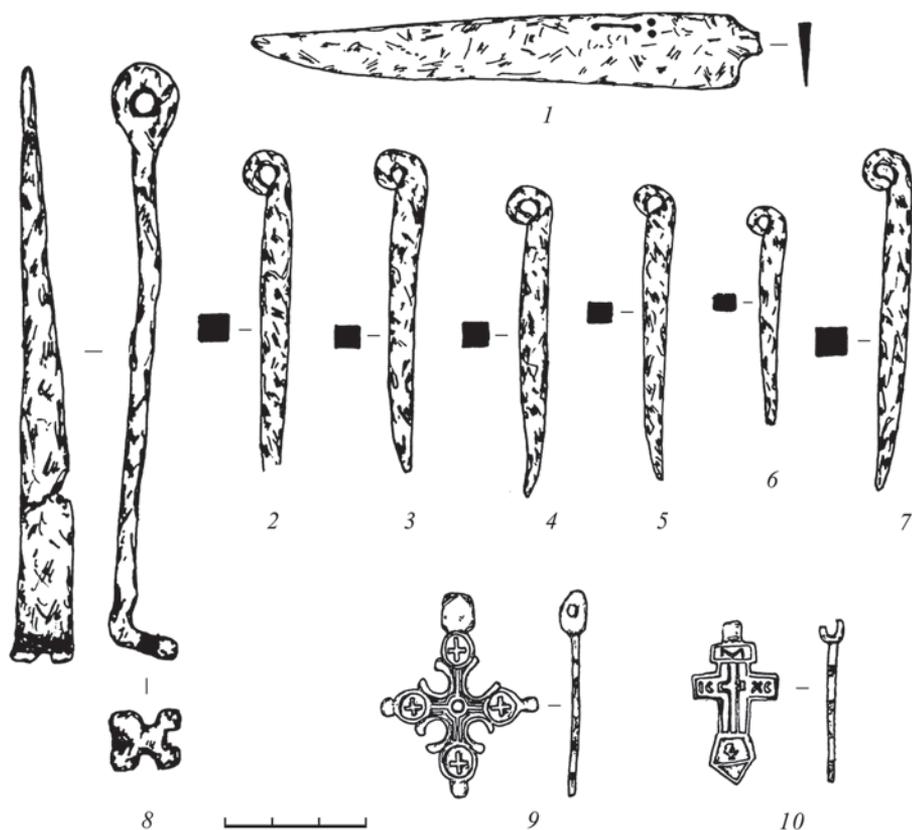

Рис. 4. Находки из сооружения № 18

(Завьялов, 2011; 2013). Культурный слой *Седьмого стратиграфического горизонта* насыщен влагой, и в нем хорошо сохраняются деревянные сооружения и предметы из органических материалов (рис. 5), которые начиная с 21-го пласта составляют более половины всех индивидуальных находок.

В отличие от нижележащих напластований, основу которых составляют супеси, культурный слой 21-го пласта представлен плотным суглинком темнокоричневого цвета. Основными примесями в слое являются навоз и щепы, образующие в отдельных случаях довольно значительные прослойки. Особенно заметна прослойка навоза со щепой в северо-западной части раскопа.

Седьмой стратиграфический горизонт может быть разделен на два строительных периода. В нижнем из них, охватывающем 21-й пласт, складывается **усадьба VII**. На вошедшей в раскоп территории усадьбы в этом строительном горизонте зафиксирована всего одна постройка, располагавшаяся в северо-восточном углу раскопа, – сооружение № 17.

Сооружение № 17 погибло в пожаре, о чем свидетельствует перекрывающее его мощное зольное пятно. Древесина постройки сильно обуглена. Сооружение

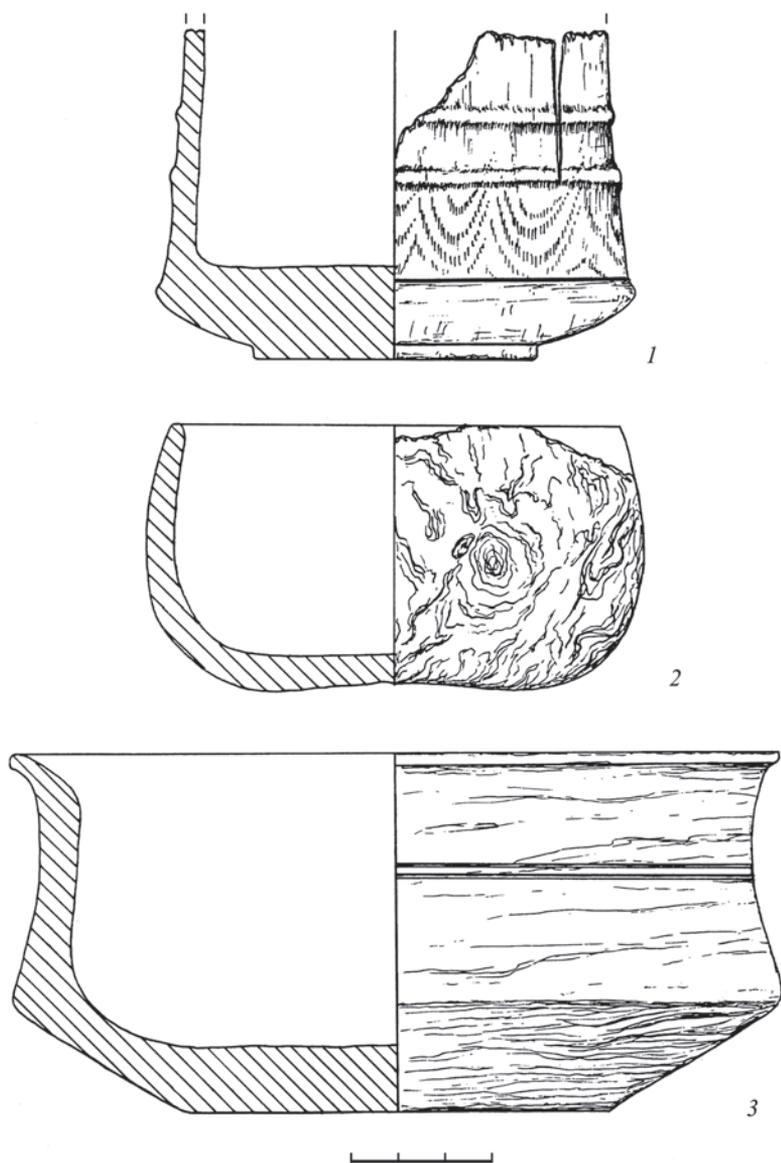

Рис. 5. Деревянные сосуды из *Седьмого стратиграфического горизонта*
1 – миска (19–11–60); 2 – чаша (19–17–54); 3 – чаша (19–27–52)

ориентировано по линии север – юг. Сохранилось на один венец (в углах прослежен тлен от второго венца). Постройка вошла в раскоп почти полностью (за пределами раскопа остались северная стена и северная часть восточной стены). Сруб рублен в обло. Непосредственно с сооружением № 17 связано несколько десятков индивидуальных находок, основную часть которых составляют бытовые предметы.

Второй строительный период усадьбы VII (пласты 18–20, вторая половина XV в.) связан с застройкой участка после пожара, разрушившего сооружение № 17. В это время жизнь на усадьбе связана с сооружениями № 16 и № 15, полностью вошедшими в площадь раскопа (рис. 6). Как и сооружение № 17, обе избы ориентированы по линии север – юг. В отличие от сооружения № 17 новая постройка возведена в южной части усадьбы непосредственно у частокола.

Сооружение № 15 сохранилось на два венца. Эта постройка бытовала длительное время (пласты 18–20). Ее подробное описание см.: *Завьялов, 2013. С. 49–52.*

Сооружение № 16 представляло сруб, рубленный в обло из дубовых неошкуренных бревен. В чашах сохранился мох, использовавшийся в качестве уплотнителя. Сооружение сохранилось на один венец. Площадь сооружения – 10,7 кв. м. Почти по центру избы проходит переводина пола. Печь располагалась в юго-западном углу. Находки из сооружения № 16 представлены бытовыми предметами: ножами, косой, оселками, фрагментами кожаных сапог.

От сооружения № 13А сохранились остатки северной стены, северо-восточный угол и несколько половых досок. Сруб был рублен в обло. С постройкой соотнесены единичные индивидуальные находки, относящиеся к бытовым предметам (железные иглы, фрагменты кожаных сапог).

Восьмой стратиграфический горизонт (конец XV – первая половина XVI в.) охватывает пласты 15–17. Материалы этого времени достаточно полно введены в научный оборот (*Завьялов, 2010а; 2011; 2012а; 2013*), поэтому здесь я остановилась только на уточнении датировок и планиграфии этих комплексов.

В этом стратиграфическом горизонте зафиксировано мощение улицы, проходящей в южной части раскопа (рис. 7: 1). Максимальная ширина мостовой составляла 2,7 м. Ее конструкция традиционна: на три параллельные лаги уложены бревна. Однако само мощение выполнено небрежно: на покрытие использованы бревна (зачастую неошкуренные), а не плахи; отмечается разносортность древесины – наряду с дубовыми и березовыми встречены липовые бревна (как известно, липа слишком мягкий материал для строительных работ). В некоторых местах бревна настила, чтобы не допустить их раскатывания, были закреплены кольшками.

В начале XVI в. к северу от улицы территория вновь делится на две **усадьбы: В и Г** (Там же. С. 54). На усадьбе В вскрыта жилая постройка (сооружение № 14), а на усадьбе Г – хозяйственная (сооружение № 11).

Девятый стратиграфический горизонт (пласты 8–14) охватывает вторую половину XVI – начало XVII в. В это время усадьбы В и Г объединяются в единую **усадьбу А**. К югу от улицы продолжают возводиться постройки усадьбы Б.

По всей видимости, усадьба А сохраняет свои границы и без существенных перепланировок доживает до середины XVII в. Усадебные постройки

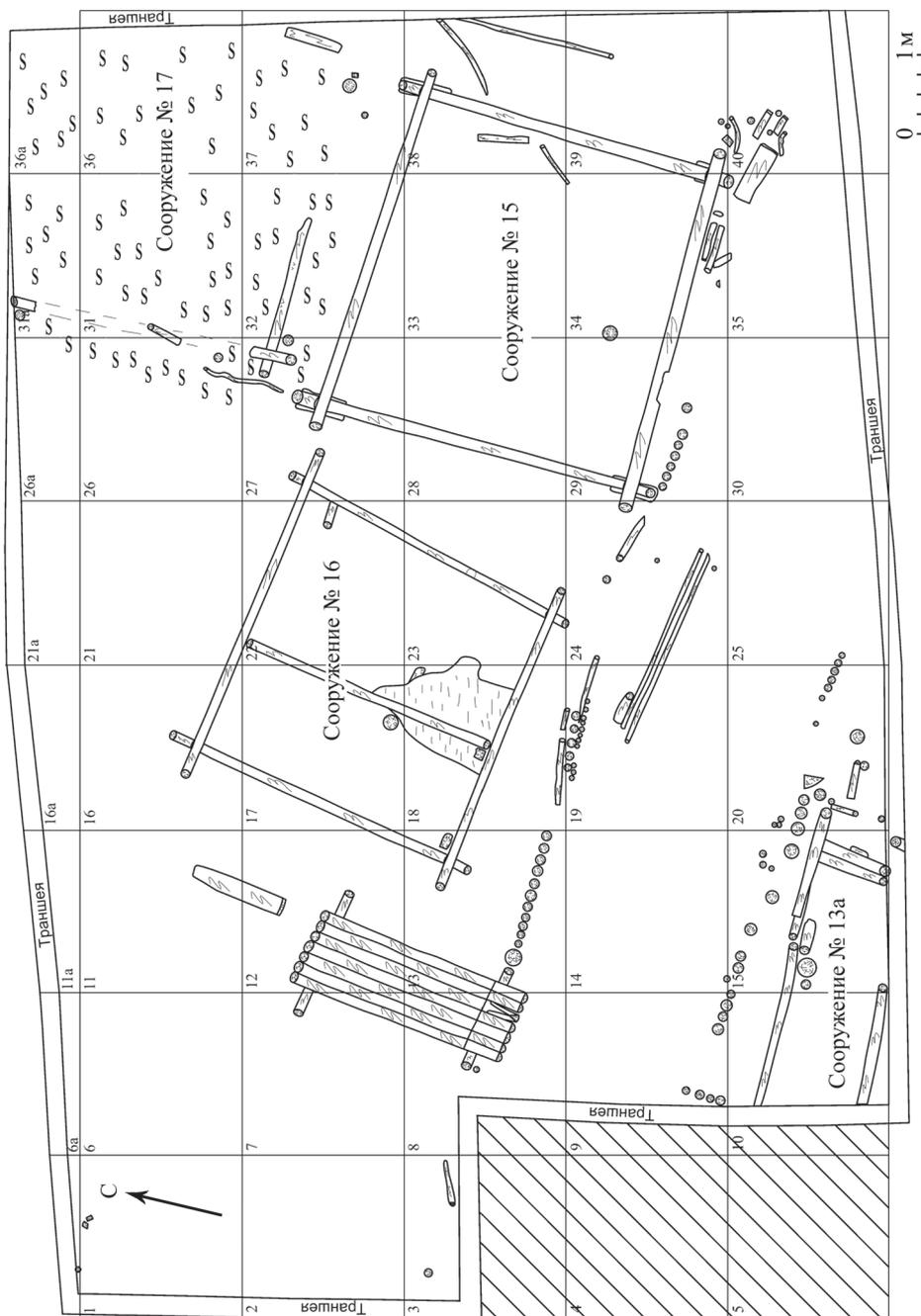

Рис. 6. План Седьмого стратиграфического горизонта

1

2

Рис. 7. Мостовые

1 – Восьмой стратиграфический горизонт (вид с востока); 2 – Девятый стратиграфический горизонт (вид с запада)

возводились на месте более ранних, обветшавших или сгоревших. Преемственность в локализации сооружений, вероятно, свидетельствует о принадлежности усадьбы одной семье. Состав индивидуальных находок, связанных с этой усадьбой, среди которых импортная керамика, включая китайский селадон, костяная печать-матрица (Завьялов, 2009), костяной крест с изображением Сергия Радонежского (Завьялов, 2017; Козлова, 2015), писала, шахматные фигурки и шашки (с Житного раскопа происходит более трети всех фигур, найденных в Переяславле Рязанском), изделия из самшита (Завьялов, 2012б), оправы зеркал (Завьялов, 2018б), позволяет говорить об относительно высоком социальном статусе этой семьи.

На уровне 9-го пласта вскрыто мощение улицы (рис. 7: 2). Этот настил выполнен более качественно, чем вышеописанный: он состоял из плотно подогнанных дубовых плах, опиравшихся на три сосновые лаги.

В 1646 г. обе усадьбы погибают в пожаре, когда «город Переяславль сгорел и монастыри и все церкви... и торговые ряды, все лавки и дворы все сгорели...» (Макарий, 1863. С. 58). После этого пожара жилая застройка на участке не возобновляется, и территория будущего Житного двора отводится под строительную площадку. На площади раскопа этот пожар документируется слоем древесного угля, достигающим местами 5 см.

Характер культурного слоя *Десятого стратиграфического горизонта* (пласты 6–7, середина XVII в.) свидетельствует об интенсивной строительной деятельности. Напластования этого времени отмечены мощными линзами извести в большинстве случаев неправильных форм. В северо-западной части раскопа обнаружена конструкция, которую можно интерпретировать как сушильню для кирпича, а в восточной части – несколько белокаменных блоков.

Итак, многолетние исследования Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского позволили, пусть и на ограниченном участке, представить историю развития города. Первоначальное заселение данной территории происходило не позднее второй половины XII в. Археологический материал свидетельствует о городском характере поселения. По всей видимости, это была неукрепленная часть города – посад.

Отличительной чертой застройки участка является сравнительно частое до конца XV в. изменение границ усадеб. Не исключено, что это могло быть связано со сменой владельцев расположенных на данной территории земельных участков.

Конец XV – XVI в. – время наиболее интенсивной жизни на исследуемом участке, когда за сто с небольшим лет отложилось более метра культурных напластований. На протяжении всего этого периода границы усадеб остаются стабильными.

Гибель усадеб А и Б в пожаре 1646 г. привела к запустению участка и, по всей видимости, по каким-то причинам к потере прав собственности хозяев. Во второй половине XVII в. на всей площади Житного раскопа располагается строительная площадка, на которой проводились подготовительные работы (выжигание извести, обтеска камня, формовка кирпичей) по возведению построек, и по сей день украшающих кремль Переяславля Рязанского.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е. Е., Маслов С. П.*, 1993. К фауне позвоночных животных Переяславля Рязанского // Экологические проблемы в исследованиях населения Восточной Европы / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: РАН. С. 224–230.
- Беленькая Д. А., Розанова Л. С.*, 1988. Ножи с клеймами из Зарядья // Древности славян и Руси / Отв. ред. Б. А. Тимошук. М.: Наука. С. 18–26.
- Гейдова Д., Дурдик Я., Кибалова Л., Мудра М., Стара Д., Урешова Л.*, 1983. Большая иллюстрированная энциклопедия древностей. 3-е изд. Прага: Артис. 496 с.
- Древняя Русь: Город, замок, село* / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. 432 с. (Археология СССР.)
- Завьялов В. И.*, 2008. Позднесредневековый культурный слой Кремля Переяславля Рязанского // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. М.: ИА РАН. С. 458–460.
- Завьялов В. И.*, 2009. Костяная печать-матрица из раскопок кремля Переяславля Рязанского // Битва на Воже и средневековая Русь / Отв. ред. П. В. Акулышин. Рязань: Центр сохранения объектов культурного наследия. С. 77–80.
- Завьялов В. И.*, 2010а. Игрушки и игры в Переяславле Рязанском в XVI–XVII вв. (по материалам Житного раскопа) // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань: Александрия. С. 337–348.
- Завьялов В. И.*, 2010б. Усадьба А на Житном раскопе в кремле Переяславля Рязанского // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 322–327.
- Завьялов В. И.*, 2011. Исследования Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского (2004–2006 гг.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского / Отв. ред. В. И. Завьялов. Вып. 1. Рязань: РИАМЗ. С. 53–86.
- Завьялов В. И.*, 2012а. Археологические исследования в Кремле Переяславля Рязанского: сезон 2009 г. // Шестые Яхонтовские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Рязань, 12–15 октября 2010 года). Рязань: РИАМЗ. С. 77–94.
- Завьялов В. И.*, 2012б. Изделия из самшита из Переяславля Рязанского // Материалы по истории и археологии России. Т. 2. Рязань: Александрия. С. 167–172.
- Завьялов В. И.*, 2013. Исследования Житного раскопа в Кремле Переяславля Рязанского (2007–2009 гг.) // Материалы по археологии Переяславля Рязанского / Отв. ред. В. И. Завьялов. Вып. 2. Рязань: RIAМZ, pp. 20–69.
- Завьялов В. И.*, 2015. Цветовая гамма стеклянных браслетов Переяславля Рязанского (по материалам Житного раскопа) // АП. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 178–183.
- Завьялов В. И.*, 2017. Костяные кресты-тельники из кремля Переяславля Рязанского // РА. № 2. С. 162–167.
- Завьялов В. И.*, 2018а. К вопросу о дате основания Переяславля Рязанского // АП. Вып. 14. М.: ИА РАН. С. 201–208.
- Завьялов В. И.*, 2018б. Оправы стеклянных зеркал из Переяславля Рязанского в археологическом контексте // Нескончаемое лето: сб. ст. в честь Е. А. Рыбиной / Отв. ред., сост. В. К. Сингх. М.; Новгород: Любавич, 2018. С. 76–78.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н.*, 2007. Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М.: Знак. 280 с.
- Завьялов В. И., Судаков В. В.*, 2017. Стратиграфия и хронология Житного раскопа в кремле Переяславля Рязанского // АП. Вып. 13. М.: ИА РАН. С. 69–87.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н.*, 2013. Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М.: ИА РАН. 272 с.
- Завьялов В. И., Фатюнина О. А.*, 2012. Предметы личного благочестия периода позднего средневековья из раскопок Кремля Переяславля Рязанского // Открытое хранение. Научно-информационный альманах. № 1. Рязань: РИАМЗ. С. 24–26.
- Иловыйский Д. И.*, 2009. История Рязанского княжества. М.: Кучково поле. 320 с.
- Коваль В. Ю.*, 2010. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М.: Наука. 269 с.
- Козлова Т. Н.*, 2015. Новые находки костяных крестов с территории кремля Переяславля Рязанского // Труды рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Вып. 3. Рязань: РИАМЗ. С. 174–176.
- Кузьмин А. Г.*, 1965. Рязанское летописание. М.: Наука. 284 с.

- Латишин В. А.*, 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с.
- Луныков В. Ю., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б.*, 2013. Результаты рентгенофлуорисцентного анализа: серия 2011–2013 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3. М.: Таус. С. 56–88.
- Макарий (Миролюбов)*, 1863. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. М.: Унив. тип. 322 с.
- Макаров М. М.*, 1983. Отчет об охранных работах в Кремле г. Рязани в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11181.
- Макаров М. М.*, 1989. Отчет об археологических раскопках в Кремле г. Рязани в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14991.
- Мальм В. А.*, 1968. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 113–117.
- Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань: РИАМЗ, 2011. 248 с.
- Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 2. Рязань: РИАМЗ, 2013. 288 с.
- Монгайт А. Л.*, 1955. Отчет о работе Рязанского отряда Среднерусской экспедиции в 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1205.
- Монгайт А. Л.*, 1956. Отчет об археологических раскопках в Рязанской области в 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1354.
- Монгайт А. Л.*, 1957. Отчет о раскопках в 1957 г. в Кремле Переяславля-Рязанского // Архив ИА РАН. Р-1. № 1621.
- Монгайт А. Л.*, 1961. Рязанская земля. М.: АН СССР. 400 с.
- Остапенко А. А.*, 2013. Христианские древности Ростиславля Рязанского (из раскопок 1991–2010 гг.) // РА. № 1. С. 130–140.
- ПСРЛ, 1926–1928. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л.: Академия наук СССР. 379 с.
- Романова Е. И.*, 1995. Геоморфологические условия // Подземная охранная зона исторической территории Рязанского Кремля. Рязань: Стиль. С. 72–74.
- Сарачева Т. Г., Судаков В. В.*, 1994. Цветная металлообработка Переяславля Рязанского (XII – начало XVI вв.) // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация / Науч. ред. В. П. Челябинов. Рязань. С. 141–143.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.
- Судаков В. В.*, 1986. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Кремля г. Переяславля Рязанского (современная Рязань) в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12119.
- Судаков В. В.*, 1988. Керамика Переяславля Рязанского // Научные чтения «Археология Рязанской земли»: тез. докл. Рязань. С. 32–33.
- Судаков В. В., Буланкин В. М.*, 2005. Культурный слой Переяславля Рязанского // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли. С. 241–261.
- Судаков В. В., Завьялов В. И.*, 2008. Археологическое изучение Переяславль-Рязанского кремля // Вестник РГНФ. Вып. 3 (52). С. 192–200.
- Судаков В. В., Челябинов В. П., Буланкин В. М., Романова Е. И.*, 1995. Материальная и духовная культура древнего Переяславля // Подземная охранная зона исторической территории Рязанского кремля. Рязань: Стиль. С. 21–58.
- Фатюнина О. А.*, 2010. Изделия из кожи г. Переяславля Рязанского // Пятые Яхонтовские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Рязань, 14–17 октября 2008 года). Рязань: РИАМЗ. С. 52–61.
- Фатюнина О. А.*, 2011. Изделия из кожи Кремля г. Переяславля Рязанского XVI – первой половины XVII вв. // Материалы по археологии Переяславля Рязанского. Вып. 1. Рязань: РИАМЗ. С. 158–167.
- Фатюнина О. А.*, 2012а. Детали кожаных сапог г. Переяславля Рязанского XV – начала XVII вв. // АП. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 286–296.
- Фатюнина О. А.*, 2012б. Ювелирные изделия 2-й пол. XV–XVI вв. Житного раскопа Кремля г. Переяславля Рязанского // Шестые Яхонтовские чтения: материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Рязань, 12–15 октября 2010 года). Рязань: РИАМЗ. С. 94–100.
- Knives and Scabbards (Medieval Finds from Excavations in London). London: Museum of London, 1987. 175 p.

Lamm C. J., 1929–1930. *Mittelalterliche Glasser und Steinschnittarbeiten aus dem Nachen Osten*. Berlin: Verlag D. Reimer. 2 vols.

Сведения об авторе

Завьялов Владимир Игоревич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: v_zavyalov@list.ru

V. I. Zavyalov

THE ZHITNY EXCAVATION TRENCH IN THE KREMLIN
OF PEREYASLAVL RYAZANSKY: RESEARCH RESULTS

Abstract. The multi-year research of the Zhitny excavation trench in the Kremlin of Pereyaslavl Ryazansky (present-day Ryazan) has provided an opportunity to describe the history of the city development, although within a small area. The thickness of the occupation layers excavated in the trench is more than six meters. Ten stratigraphic horizons covering the period from the second half of the 12th century to the mid-17th century have been identified. The collection of artifacts consists of more than 5,000 individual finds and more than 400,000 fragments of ceramics.

Keywords: Pereyaslavl Ryazansky, occupation layer, stratigraphic horizon, artifact, constructions.

REFERENCES

- Antipina E. E., Maslov S. P., 1993. K faune pozvonochnykh zhitnykh Pereyaslavlya Ryazanskogo [On fauna of vertebrate animals of Pereyaslavl Ryazanskiy]. *Ekologicheskiye problemy v issledovaniyakh naseleniya Vostochnoy Evropy [Ecological problems in research of Eastern Europe population]*. T. I. Alekseyeva, ed. Moscow: RAN, pp. 224–230.
- Arkheologiya SSSR. Drevnyaya Rus'. Gorod, zamok, selo [Archaeology of the USSR. Ancient Rus. City, castle, village]. Moscow: Nauka, 1985. 432 p.
- Belen'kaya D. A., Rozanova L. S., 1988. Nozhi s kleymami iz Zaryad'ya [Knives with stamps from Zaryadye]. *Drevnosti slavyan i Rusi [Antiquities of the Slavs and Rus]*. B. A. Timoshchuk, ed. Moscow: Nauka. C. 18–26.
- Drevnyaya Rus': Gorod, zamok, selo [Ancient Rus: City, castle, village]. B. A. Kolchin, ed. Moscow: Nauka, 1985. 432 p. (Arkheologiya SSSR.)
- Fatyunina O. A., 2010. Izdeliya iz kozhi g. Pereyaslavlya Ryazanskogo [Leather items from Pereyaslavl Ryazanskiy]. *Pyatyte Yakhontovskiyte chteniya: materialy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Fifth Yakhontov readings: transactions of interregional scientific-practical conference] (2008)*. Ryazan: RIAMZ, pp. 52–61.
- Fatyunina O. A., 2011. Izdeliya iz kozhi Kremlya g. Pereyaslavlya Ryazanskogo XVI – pervoy poloviny XVII vv. [Leather items from Kremlin of Pereyaslavl Ryazanskiy, XVI – first half of XVII cc.]. *Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on archaeology of Pereyaslavl Ryazanskiy]*, 1. Ryazan: RIAMZ, pp. 158–167.
- Fatyunina O. A., 2012a. Detali kozhanykh sapog g. Pereyaslavlya Ryazanskogo XV – nachala XVII vv. [Details of leather boots from Pereyaslavl Ryazanskiy, XV – early XVII cc.]. *AP*, 8. Moscow: IA RAN, pp. 286–296.
- Fatyunina O. A., 2012b. Yuvelirnyye izdeliya 2-y pol. XV–XVI vv. Zhitnogo raskopa Kremlya g. Pereyaslavlya Ryazanskogo [Jewelry items of 2nd of XV–XVI cc. from Zhitny excavation trench in Pereyaslavl Ryazanskiy]. *Shestyte Yakhontovskiyte chteniya: materialy mezhregional'noy*

- nauchno-prakticheskoy konferentsii [Sixth Yakhontov readings: transactions of interregional scientific-practical conference] (2010). Ryazan': RIAMZ, pp. 94–100.*
- Geydova D., Durdik Ya., Kibalova L., Mudra M., Stara D., Ureshova L., 1983. Bol'shaya illyustrirovannaya entsiklopediya drevnostey [Big illustrated encyclopedia of antiquities]. 3rd edition. Prague: Artiya. 496 p.
- Plovayskiy D. I., 2009. Istoriya Ryazanskogo knyazhestva [History of Ryazan principality]. Moscow: Kuchkovo pole. 320 p.
- Knives and Scabbards (Medieval Finds from Excavations in London). London: Museum of London, 1987. 175 p.
- Koval' V. Yu., 2010. Keramika Vostoka na Rusi IX–XVII veka [Ceramics of the Orient in Rus, IX–XVII centuries]. Moscow: Nauka. 269 p.
- Kozlova T. N., 2015. Novyye nakhodki kostyanykh krestov s territorii kremlya Pereyaslavlya Ryazanskogo [New finds of bone crosses from territory of Kremlin of Pereyaslavl Ryazanskiy]. *Trudy ryazanskogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya-zapovednika [RIAMZ proceedings]*, 3. Ryazan': RIAMZ, pp. 174–176.
- Kuz'min A. G., 1965. Ryazanskoye letopisaniye [Ryazan chronicles]. Moscow: Nauka. 284 p.
- Lamm C. J., 1929–1930. Mittelalterliche Glasser und Steinschnittarbeiten aus dem Nachen Osten. Berlin: D. Reimer. 2 vols.
- Lapshin V. A., 2009. Tver' v XIII–XV vv. (po materialam raskopok 1993–1997 gg.) [Tver' in XIII–XV cc. (based on excavations of 1993–1997)]. St. Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU. 540 p.
- Lun'kov V. Yu., Kuz'minykh S. V., Orlovskaya L. B., 2013. Rezul'taty rentgeno-fluoristsentnogo analiza: seriya 2011–2013 gg. [Results of x-ray fluorescence analysis: series of 2011–2013]. *Analiticheskiye issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov [Analytical investigations of Laboratory of natural scientific methods]*, 3. Moscow: Taus, pp. 56–88.
- Makariy (Mirolyubov), 1863. Sbornik tserkovno-istoricheskikh i statisticheskikh svedeniy o Ryazanskoj eparkhii [Collection of data on church history and statistics concerning the Ryazan diocese]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 322 p.
- Makarov M. M., 1983. Otchet ob okhrannykh rabotakh v Kremle g. Ryazani v 1983 g. [Report on rescue works in Ryazan Kremlin in 1983]. *Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)*
- Makarov M. M., 1989. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Kremle g. Ryazani v 1987 g. [Report on archaeological excavations in Ryazan Kremlin in 1987]. *Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)*
- Mal'm V. A., 1968. Krestiki s emal'yu [Crosses with enamel]. *Slavyane i Rus' [The Slavs and Rus]*. Moscow: Nauka, pp. 113–117.
- Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on archaeology of Pereyaslavl Ryazanskiy], 1. Ryazan': RIAMZ, 2011. 248 p.
- Materialy po arkheologii Pereyaslavlya Ryazanskogo [Materials on archaeology of Pereyaslavl Ryazanskiy], 2. Ryazan': RIAMZ, 2013. 288 p.
- Mongayt A. L., 1955. Otchet o rabote Ryazanskogo otryada Srednerusskoj ekspeditsii v 1955 g. [Report on works of Ryazan group of экспCentral Russia expedition in 1955]. *Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)*
- Mongayt A. L., 1956. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v Ryazanskoj oblasti v 1956 g. [Report on archaeological excavations in Ryazan region, 1956]. *Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)*
- Mongayt A. L., 1957. Otchet o raskopkakh v 1957 g. v Kremle Pereyaslavlya-Ryazanskogo [Report on excavations in Pereyaslavl Ryazanskiy Kremlin in 1957]. *Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)*
- Mongayt A. L., 1961. Ryazanskaya zemlya [Ryazan land]. Moscow: AN SSSR. 400 p.
- Ostapenko A. A., 2013. Khristianskiye drevnosti Rostislavlya Ryazanskogo (iz raskopok 1991–2010 gg.) [Christian antiquities of Rostislavl Ryazanskiy (from excavations of 1991–2010)]. *RA, № 1*, pp. 130–140.
- PSRL, 1. Lavrent'yevskaya letopis'i Suzdal'skaya letopis' po Akademicheskomu spisku [Lavrent'yevskaya chronicle and Suzdal chronicle according to Academic version]. Moscow: Vostochnaya literatura, 1962. 577 p.

- Romanova E. I., 1995. Geomorfologicheskiye usloviya [Geomorphological conditions]. *Podzemnaya okhrannaya zona istoricheskoy territorii Ryazanskogo Kremlya* [Subsoil protection zone of historical territory of Ryazan Kremlin]. Ryazan': Stil', pp. 72–74.
- Saracheva T. G., Sudakov V. V., 1994. Tsvetnaya metalloobrabotka Pereyaslavlya Ryazanskogo (XII – nachalo XVI vv.) [Non-ferrous metalwork in Pereyasavl Ryazanskiy (XII – early XVI cc.)]. *Istoriko-kul'turnoye nasledie. Pamyatniki arkhologii Tsentral'noy Rossii: okhrannoye izucheniye i muzeyefikatsiya* [Historical – cultural heritage. Archaeological sites of Central Russia: protection studies and museum work]. V. P. Chelyapov, ed. Ryazan', pp. 141–143.
- Sedova M. V., 1981. Yuvelirnyye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) [Jewelry items of ancient Novgorod (X–XV cc.)]. Moscow: Nauka. 195 p.
- Sudakov V. V., 1986. Otchet ob okhrannykh arkhologicheskikh raskopkakh na territorii Kremlya g. Pereyaslavlya Ryazanskogo (sovremennaya Ryazan') v 1986 g. [Report on rescue archaeological excavations in territory of Kremlin of Pereyasavl Ryazanskiy (modern Ryazan) in 1986]. *Archive of IA RAS. (In Russian, unpublished.)*
- Sudakov V. V., 1988. Keramika Pereyaslavlya Ryazanskogo [Ceramics of Pereyasavl Ryazanskiy]. *Nauchnyye chteniya «Arkhologiya Ryazanskoy zemli»: tezisy dokladov* [Scientific readings «Archaeology of Ryazan land»: abstracts]. Ryazan', pp. 32–33.
- Sudakov V. V., Bulankin V. M., 2005. Kul'turnyy sloy Pereyaslavlya Ryazanskogo [Cultural deposit of Pereyasavl Ryazanskiy]. *Velikoye knyazhestvo Ryazanskoye: istoriko-arkheologicheskiye issledovaniya i materialy* [Grand principality of Ryazan: historical – archaeological investigations and materials]. A. V. Chernetsov, ed. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, pp. 241–261.
- Sudakov V. V., Chelyapov V. P., Bulankin V. M., Romanova E. I., 1995. Material'naya i dukhovnaya kul'tura drevnego Pereyaslavlya [Material and spiritual culture of ancient Pereyasavl]. *Podzemnaya okhrannaya zona istoricheskoy territorii Ryazanskogo kremlya* [Subsoil protection zone of historical territory of Ryazan Kremlin]. Ryazan': Stil', pp. 21–58.
- Sudakov V. V., Zav'yalov V. I., 2008. Arkheologicheskoye izucheniye Pereyaslavl'-Ryazanskogo kremlya [Archaeological research of Pereyasavl Ryazanskiy Kremlin]. *Vestnik RGNF*, 3 (52), pp. 192–200.
- Zav'yalov V. I., 2008. Pozdnesrednevekovyy kul'turnyy sloy Kremlya Pereyaslavlya Ryazanskogo [Late medieval cultural deposit of Pereyasavl Ryazanskiy Kremlin]. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'yezda* [Transactions of II (XVIII) All-Russian archaeological congress]. Moscow: IA RAN, pp. 458–460.
- Zav'yalov V. I., 2009. Kostyanaya pechat'-matritsa iz raskopok kremlya Pereyaslavlya Ryazanskogo [Bone stamp-matrix from excavations of Pereyasavl Ryazanskiy Kremlin]. *Bitva na Vozhe i srednevekovaya Rus' [Vozha battle and Medieval Rus']*. P. V. Akul'shin, ed. Ryazan: Tsentr sokhraneniya ob'yektov kul'turnogo naslediya, pp. 77–80.
- Zav'yalov V. I., 2010a. Igrushki i igry v Pereyaslavle Ryazanskom v XVI–XVII vv. (po materialam Zhitnogo raskopa) [Toys and games in Pereyasavl Ryazanskiy in XVI–XVII cc. (based on materials of Zhitnyy excavation trench)]. *Materialy po istorii i arkhologii Rossii* [Materials on Russia history and archaeology], 1. Ryazan': Aleksandriya, pp. 337–348.
- Zav'yalov V. I., 2010b. Usad'ba A na Zhitnom rascope v kremle Pereyaslavlya Ryazanskogo [Manor A in Zhitnyy excavation trench in Pereyasavl Ryazanskiy Kremlin]. *AP*, 6. Moscow: IA RAN, pp. 322–327.
- Zav'yalov V. I., 2011. Issledovaniya Zhitnogo raskopa v Kremle Pereyaslavlya Ryazanskogo (2004–2006) [Investigations of Zhitnyy excavation trench in Pereyasavl Ryazanskiy Kremlin], 1. V. I. Zav'yalov, ed. Ryazan: RIAMZ, pp. 53–86.
- Zav'yalov V. I., 2012a. Arkheologicheskiye issledovaniya v Kremle Pereyaslavlya Ryazanskogo: sezon 2009 g. [Archaeological investigations in Pereyasavl Ryazanskiy Kremlin: 2009 season]. *Shestyaye Yakhontovskiy chteniya: materialy mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Sixth Yakhontov readings: transactions of interregional scientific-practical conference]. Ryazan': RIAMZ, pp. 77–94.
- Zav'yalov V. I., 2012b. Izdeliya iz samshita iz Pereyaslavlya Ryazanskogo [Boxwood items from Pereyasavl Ryazanskiy]. *Materialy po istorii i arkhologii Rossii* [Materials on Russia history and archaeology], 2. Ryazan': Aleksandriya, pp. 167–172.

- Zav'yalov V. I., 2013. Issledovaniya Zhitnogo raskopa v Kremle Pereyaslavlya Ryazanskogo (2007–2009) [Investigations of Zhitnyy excavation trench in Pereyaslavl Ryazanskiy Kremlin]. *Materialy po istorii i arkhologii Rossii [Materials on Russia history and archaeology]*, 2. V. I. Zav'yalov, ed. Ryazan: RIAMZ, pp. 20–69.
- Zav'yalov V. I., 2015. Tsvetovaya gamma steklyannykh brasletov Pereyaslavlya Ryazanskogo (po materialam Zhitnogo raskopa) [Colour range of glass bracelets from Pereyaslavl Ryazanskiy (based on materials from Zhitnyy excavation trench)]. *AP*, 11. Moscow: IA RAN, pp. 178–183.
- Zav'yalov V. I., 2017. Kostyanyye kresty-tel'niki iz kremlya Pereyaslavlya Ryazanskogo [Bone pendant crosses from Pereyaslavl Ryazanskiy Kremlin]. *RA*, 2, pp. 162–167.
- Zav'yalov V. I., 2018a. K voprosu o date osnovaniya Pereyaslavlya Ryazanskogo [On issue of foundation of Pereyaslavl Ryazanskiy]. *AP*, 14. Moscow: IA RAN, pp. 201–208.
- Zav'yalov V. I., 2018b. Opravy steklyannykh zerkal iz Pereyaslavlya Ryazanskogo v arkhologicheskom kontekste [Glass mirrors settings from Pereyaslavl Ryazanskiy in archaeological context]. *Neskonchayemoye leto: sbornik statey v chest' E. A. Rybinoy [Endless summer: collection of articles in honour of E. A. Rybina]*. V. K. Singkh, ed., comp. Moscow; Novgorod: Lyubavich, pp. 76–78.
- Zav'yalov V. I., Fatyunina O. A., 2012. Predmety lichnogo blagochestiya perioda pozdnego srednevekov'ya iz raskopok Kremlya Pereyaslavlya Ryazanskogo [Personal religious objects of High Middle Ages from excavations in Pereyaslavl Ryazanskiy Kremlin]. *Otkrytoye khraneniye. Nauchno-informatsionnyy al'manakh [Free access. Scientific-informational miscellany]*, 1. Ryazan': RIAMZ, pp. 24–26.
- Zav'yalov V. I., Rozanova L. S., Terekhova N. N., 2007. Russkoye kuznechnoye remeslo v zolotoordynskiy period i epokhu Moskovskogo gosudarstva [Russian blacksmith craft in Golden Horde period and epoch of Muscovite state]. Moscow: Znak. 280 p.
- Zav'yalov V. I., Sudakov V. V., 2017. Stratigrafiya i khronologiya Zhitnogo raskopa v kremle Pereyaslavlya Ryazanskogo [Stratigraphy and chronology of Zhitnyy excavation trench in Pereyaslavl Ryazanskiy Kremlin]. *AP*, 13. Moscow: IA RAN, pp. 69–87.
- Zav'yalov V. I., Terekhova N. N., 2013. Kuznechnoye remeslo Velikogo knyazhestva Ryazanskogo [Blacksmith craft of Grand Ryazan principality]. Moscow: IA RAN. 272 p.

About the author

Zavyalov Vladimir I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: v_zavyalov@list.ru

Л. А. Беляев

НОВЫЕ НАХОДКИ ИЛИ УТРАЧЕННАЯ КОЛЛЕКЦИЯ? УНИКАЛЬНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ НОВОГО ИЕРУСАЛИМА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ)

Резюме. В статье публикуются три необычные находки, сделанные в Воскресенском монастыре Новый Иерусалим (г. Истра Московской области) экспедицией Института археологии РАН в 2009–2017 гг. Это дно каменной урны с латинской надписью первой половины I тыс. н. э., фрагмент стеатитовой иконки XI–XII вв. и золотой флорин венгерского короля Матвея (Матиаша) Корвина второй половины XV в. Ставится вопрос о причинах их присутствия в культурном слое монастыря, основанного в середине XVII в. Это не находит логического объяснения. Делается предположение об их принадлежности большому музейному комплексу, существовавшему в зданиях монастыря после революции 1917 г. и сильно пострадавшему в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: музейные коллекции, погребальные урны, эпиграфика, нумизматика, золотой флорин, король Матиаш Корвин, стеатиты, каменные иконки.

Хорошо известные уже работы Ново-Иерусалимской экспедиции (2009–2017 гг.) принесли возможность по-новому осветить материальную и художественную культуру Московской Руси в момент ее наивысшего расцвета – с середины XVII до начала XVIII в. (Воскресенский собор..., 2016; библиографию до 2016 г. см.: Беляев и др., 2018. С. 631).

На монастырском холме был найден, однако, и более древний слой: в северо-западной части площадки обнаружили фрагменты «текстильной» керамики и отходы производства начала I тыс. до н. э., несомненно, следы существовавшего здесь раннего дьяковского поселения. Кроме того, в разных местах холма находили предметы из бронзы, относящиеся к периоду от II тыс. до н. э. до развитого Средневековья, в том числе уникальные (чтобы не сказать невозможные) для региона. Они были собраны и проанализированы в публикации 2016 г. (Беляев и др., 2016. С. 85–98). Однако с тех пор появился ряд предметов,

в публикацию не попавших, некоторые из которых принадлежат той же эпохе бронзы или раннего железа, причем это опять целые предметы (прежде всего небольшой проушной кельт – ему будет посвящена специальная заметка).

Впрочем, среди более древних, чем монастырь, находок встречаются и не целые предметы, а их фрагменты. Они могут считаться синхронными остальным находкам II тыс. до н. э. – II тыс. н. э., но только потому, что указанный интервал, по сути дела, безграничен. Однако это совсем другие вещи, по характеру никак не соотносимые с существовавшим здесь поселением или могильником. В статье предлагается предварительная публикация трех таких находок, до сих пор неизданных или только упомянутых в обзорах. Представим их в хронологической последовательности.

Древнейшая из вещей – донная часть довольно крупной каменной чаши, сохранившая низкую широкую подножку и внутреннюю поверхность дна (рис. 1). Камень до специального литологического анализа можно описать как низкосортный светлый, желтовато-серый мрамор. Судить о размерах изделия можно в основном в плане. Измерению поддаются все параметры изделия, кроме его высоты (диаметр поддона 25 см; высота поддона 2,5 см; диаметр по сохранившимся стенкам около 35 см; максимальная сохранность 16 см), но переход к стенкам показывает, что далее они, видимо, поднимались круто, как у банки, а не отлого.

Это наблюдение важно для определения функции, которому помогает остаток надписи. Она помещена снаружи, на придонной части, над ножкой. Хорошо сохранилась нижняя строка (с точкой на конце) и 5 букв в начале предыдущей. Это глубоко, крупными отдельными графемами прочерченное граффито. Оно легко читается в своей заключительной «формулярной» части: MERENTI FECIT. В предшествующей строке перед этим, несомненно, стояло слово BENE, поскольку без прилагательного теряется конструкция фразы. Это традиционная латинская формула, имеющая устойчивую аббревиатуру B. M. F. Такие надписи хорошо известны в эпоху Римской империи (в основном с конца II в.), в том числе в христианский период, прежде всего как надгробные (*tituli sepulchrales*), и фиксируют не только саму смерть, но право покойного на установку памятника, подчеркивая достоинства умершего: [bene] MERENTI можно перевести буквально как «благодостойному»¹.

Во второй снизу строке можно восстановить буквы COIVG[i?], что усиливает сходство с погребальной надписью, где очень часто упоминается именно «достойная супруга». Характерна даже вероятная ошибка написания: в распространенной практике огласовки обычна утрата корневых N в слове *супруга* (*coniunx*), в дательном падеже: *coniugi*, типовое написание: *coiugi*, как в нашем случае (*merenti*, однако, у нас написано правильно, в то время как N часто пропадало и в нем; правильное *bene* подчас замещали гиперграмотным *baene*, но в нашем случае это слово утрачено). Целая серия подобных надписей сохранена, например, в настенном лапидарии экзонартекса Санта Мария-ин-Трастевере, где это сочетание встречается чуть ли не на каждой надгробной плите, см. коллекцию текстов Катрин Мак-Доналд, ресурс «Greek in Italy» (рис. 2).

¹ См., напр.: EDCS-15200209 (Epigraphik-Datenbank Clauss / Slaby) – 201–400 гг.

Рис. 1. Урна мраморная (фрагмент, придонная часть). Римская империя (II–V вв. н. э.)

Мы, конечно, имеем дело не с надгробной плитой, а с сосудом, но, как хорошо известно, именно сосуды в римскую эпоху служили урнами для праха. Форма при этом могла быть и вазы, и ларца. Такие урны часто снабжали надписями, исполненными в специальных рамках или просто по стенкам сосуда. Обычно их нижняя часть не украшалась резным декором, который сосредотачивали в верхней трети изделия, так что простая гладкая поверхность не должна нас обманывать – верх урны мог быть каким угодно роскошным.

С точки зрения палеографии, надпись также близка к встречаемым на римских памятниках эпиграфики, поэтому представляется возможным датировать ее предварительно хотя бы в широком диапазоне имперского Рима после II в. н. э.

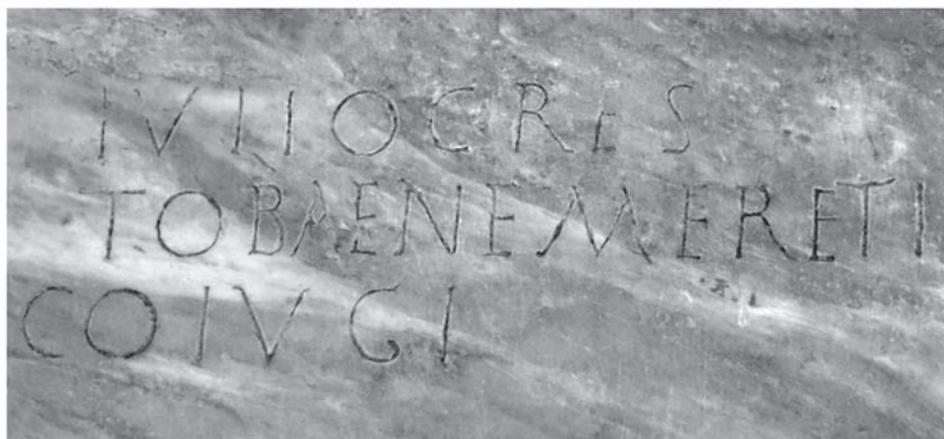

Рис. 2. Надгробная надпись. Рим, западная стена церкви Санта Мария-ин-Трастевере. Первая половина I тыс. н. э. (по: Greek in Italy)

Надпись на урне с пеплом сожжения вряд ли возможно трактовать как христианскую, хотя подобные формулы, так же как графика, близки к римским раннехристианским². Имена персонажей останутся неизвестными (разве что найдутся другие фрагменты), но конец надписи, видимо, можно прочесть как «...установил [урну] достойной этого супруге».

Обратимся ко второй необычной находке. Она тоже из камня, который до обращения к минерологам можно условно считать стеатитом, поскольку перед нами, несомненно, маленький (54 × 49 × 38 мм) треугольный фрагмент крупной (вероятно, многофигурной) иконы из класса византийских стеатитов (рис. 3). На фрагменте сохранились верхние части двух ликов с нимбами, прочерченными графьей, а в правой верхней – край сложно вырезанного элемента: часть декоративного обрамления или архитектурного мотива (вероятно, последнее).

В известном своде византийских икон на стеатитах, составленном И. Калаврезу-Максайнер еще в прошлом столетии (*Kalavrezou-Maxeiner*, 1985), а равно и в опубликованных недавно каменных иконах российских собраний (Московский Кремль и другие) точного соответствия двум представленным на фрагменте иконы ликам обнаружить пока не удалось, но это не мешает датировать ее в интервале XI–XII вв., опираясь на общие представления о производстве таких изделий (обычно их связывают с Константинополем) и на общий классицизирующий стиль, указывающий на искусство поздней Македонской

² Первоначально показалось, что перед нами водосвятная чаша, а надпись указывает на пожертвование ее в какой-нибудь христианский средневековый храм, а также на достойное завершение работы мастера над предметом или имеет вкладной характер. Аналоги указывают на иное решение. Остается ли вероятность использования посвятельной формулы на жертвуемом в память умершей супруги церковном сосуде, покажет более подробное ознакомление с темой и консультации со специалистами.

**Рис. 3. Фрагмент стеатитовой иконки. XI–XII вв.
Ново-Иерусалимская экспедиция, 2012 г.**

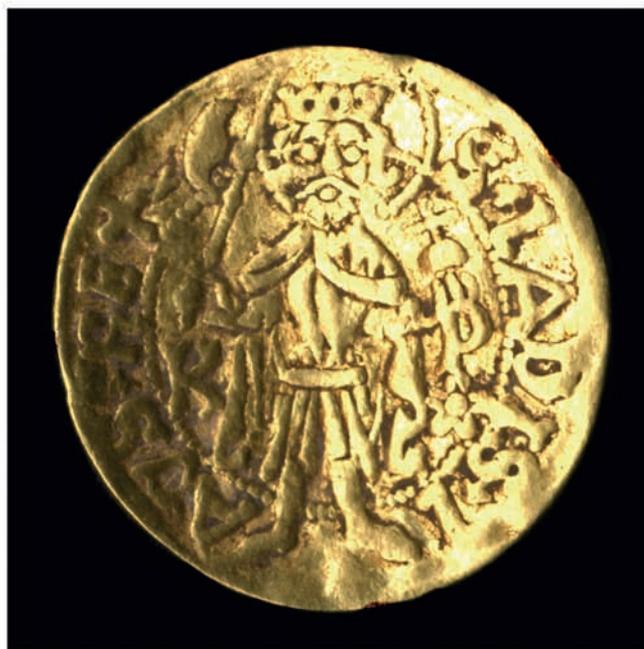
династии и наследующих ей Комнинов. Возможные иконографические варианты: Поклонение Кресту, Собор архистратига Михаила или Собор архангелов, Этимасия в ангельском предстоянии, Богоматерь на престоле с ангелами, не менее вероятно – Крещение того типа, какой представлен на пластине из Толедо (*Kalavrezou-Maxeiner*, 1985. № 52)³.

Третья необычная находка Нового Иерусалима приводит нас во вторую половину XV в., в Венгрию эпохи правления Матвея (Матиаша) Корвина (1443–1490) (рис. 4). Это довольно редкий дукат (флорин), отчеканенный на монетном дворе в Кремнице (известном центре добычи золота в горах Словакии, где из него чеканили монеты). Он принадлежит к классу монет, которые часто называют марианскими, так как их лицевую сторону занимает изображение сидящей на троне Богоматери с младенцем Иисусом на коленях. На экземпляре из Нового Иерусалима они без нимбов, но Богородица увенчана короной. Справа от ее трона стоит ваза с двумя ручками и тремя звездчатыми цветами. У подножия трона

³ Благодарю за консультацию Ирину Анатольевну Стерлигову (Москва, Государственные музеи Московского Кремля) и Елизавету Ивановну Архипову (Институт археологии Национальной академии наук Украины, Киев).

а

б

Рис. 4. Флорин Матвея Корвина, короля Венгрии (1445–1490 гг.).
Ново-Иерусалимская экспедиция, 2009 г.

а – аверс; *б* – реверс

изображен ворон на ветке, с кольцом в клюве – хорошо известный иконический символ самого короля Матиаша, прозвище-фамилия которого (Корвин) значит «Ворон». На обороте представлен стоящий во весь рост святой Владислав (король Ласло I), в короне и нимбе, с секирой в правой руке, с державой, увенчанной крестом, в левой. На обеих сторонах имеются круговые надписи, отделенные «жемчужинами», которые, как и текст, разрываются изображениями.

На аверсе аббревиатуры отделены одной или двумя точками:

MATHIAS · D[ei] · G[ratiam] : R[ex] : VNGARIE =

Матиаш Б[ожьей] М[илостью] К[ороль] Венгрии

На реверсе слова разделены звездочками (в других известных экземплярах – пятилучевыми):

S[anctus] * LADIS * LAVS * REX = C[вятой] *Ладис*лаус* король

Ниже секиры и державы, справа и слева от святого короля, помещены буквы «К» и «Р», которые тракуются как «марка» монетного двора в Кремнице. Диаметр монеты 22 мм, вес 3,41 г. Ниже литеры Р – изображение розана с пятью лепестками.

Среди известных мне монет наиболее близок по типу экземпляр из ГМИИ, опубликованный на сайте музея (Отдел нумизматики ГМИИ, инв. № 144731), такого же размера и чуть большего веса (3,47 г). В то же время экземпляр ГМИИ гораздо четче прорисован, имеет некоторые отличающие детали (нимб короля обведен «жемчужинами», у розана изображена ветка, звездочки-разделители крупные, ясно отчеканенные и т. п.). Чекан нашей находки не так совершенен, и В. В. Зайцевым (ГИМ) допускает, что это московская или европейская копия XVI в.

Предоставив более глубокое изучение урны, иконы и монеты специалистам, обратимся к вопросу о том, каким образом эти три объекта, разделенные минимум 500-летними разрывами, никак не связанные с памятником культурно или географически, оказались в культурном слое Нового Иерусалима. Ведь они явно не связаны с жизнью возникшего только во второй половине 1650-х гг. монастыря; ни о каких поселениях здесь источники не сообщают (на момент основания на холме рос лес). Другие встреченные при раскопках предметы II тыс. до н. э. – начала II тыс. н. э. могут говорить о существовании небольших памятников бронзового века, раннего железа и даже Средневековья, но можно ли найти на небольшой площадке в подмосковном лесу каменную урну с римской надписью, стеатитовую иконку и золотую монету эпохи Ренессанса? Скорее нет, чем да.

Даже объяснение, которое до недавнего времени допускалось и для иконки, и монеты, казалось, логичное (подобные ценности известны в статусных ризницах и «коллекциях»), с учетом выявленной римской урны стало не особенно убедительным⁴. Точно так же, как попытки объяснить хотя бы часть вещей

⁴ Нужно особо подчеркнуть, что, хотя «угорские» монеты сыграли особую роль в развитии золотой чеканки монет и монетообразных изделий в Москве XV–XVI вв., сохраняя значимость и в XVII в., марианские версии при этом не использовались – возможно, из-за того, что на них изображалась Богородица в чуждом русской традиции иконографическом облике. Такие монеты, конечно, были известны на Руси, но прямой связи между типом, который представлен в Новом Иерусалиме и в ГМИИ, и «угорскими

как добытые в литовском походе войск Алексея Михайловича или как личное имущество работавших для монастыря «переведенцев» с Запада. Будет большой натяжкой (чтобы не сказать – чистой фантазией) объяснять появление урны в слое монастыря через коллекционирование «антиков» в Центральной Европе XVI–XVII вв. и трансфер в Московию в качестве добычи.

Для решения задачи могла бы помочь стратиграфия, но, к сожалению, три находки очень мало связаны с культурным слоем памятника, который в основном неглубок и существенно поврежден, особенно в середине XIX – середине XX в. Основание урны найдено на северном краю или на склоне холма, в слоях мусорного сброса с площадки⁵; фрагмент иконки⁶ – в западной части территории, на первом монастырском кладбище, в слое дерна или сразу под ним; монета лежала в третьем пласте, на берегу пруда, в зоне складских сараев эпохи патриарха Никона⁷.

Представляется, что стоит вернуться к обсуждению другого варианта для объяснения взаимной встречаемости разнородных предметов. И сам подбор явно музейного уровня экспонатов, и их хаотическое распределение по площадке монастыря, и отсутствие логической связи с культурным слоем Нового Иерусалима указывают, скорее всего, на их принадлежность к собранию древностей, вероятнее всего – к коллекциям музея, который существовал в зданиях монастыря на протяжении почти столетия (1920–2014 гг.)⁸. Его основой стал прежде существовавший здесь Музей Патриарха Никона, созданный архимандритом Леонидом (Кавелиным), известным историком, в 1874 г., а также вещи из монастырской ризницы, из храмов, а во второй половине 1920-х гг. – предметы из национализированных усадеб западной части Московской губернии, в числе которых были очень известные и богатые. Это были имения Мартыновых (Знаменское), Голицыных (Петровское), Толстых (Рождествено), Гагариных (Никольское), Брусиловых (Глебово), Чернышёвых (Ярополец), великого князя Сергея Александровича (Ильинское) и другие. Из ликвидированных крупных музеев-усадб (Введенское, Дубровицы, Никольское-Урюпино, Царицыно) также поступила часть коллекций, а произведения древнерусского искусства перевезли из Лужецкого Богородицкого Ферапонтова монастыря в Можайске и Саввино-Сторожевского монастыря. В 1935 г. в музей перевезли этнографические и археологические коллекции и библиотеку

золотыми» московских великих князей и царей нет. Так что к экземплярам и текстам, которые обсуждаются в довольно многочисленной литературе (см.: *Лихачев*, 1897. С. 209; *Потин*, 1972. С. 282–293; *Попов*, 1975. С. 197, 198; *Спасский*, 1976. С. 127, 128; 2013; *Львов*, 1981. С. 106–110 и др.), они имеют лишь косвенное отношение.

⁵ Предмет найден рабочими во время работ по укреплению склона от осыпей и передан сотруднику экспедиции Дмитрию Майорову в сентябре 2011 г. Как случайная находка, не попадавшая в площадь раскопа или зоны наблюдений, он сначала не привлек особого внимания и не был включен в отчет 2011 г.

⁶ Находка № 23, раскоп № 29/2012, квадрат 25.

⁷ Находка № 18, раскоп № 4/2009 г, квадрат 19.

⁸ Перемещение музея за пределы монастыря, на противоположный берег р. Истры, происходило в 2012–2013 гг., в ноябре 2014 г. музей официально открыт как Музейно-выставочный комплекс Московской области «Новый Иерусалим».

из упраздненного Московского областного музея, а в 1939–1940 гг. – часть коллекций расформированного музея в Звенигороде. Добавились материалы археологических раскопок в северо-западной части Московской области и картины художественной галереи, и др. Музей постоянно трансформировался и менял названия: до 1935 г. – Государственный художественно-исторический музей, затем – Опытно-показательный краеведческий музей Московской области и т. д.

К началу войны экспозиция заняла уже 42 зала, и эвакуировать большую часть хранившихся вещей не смогли: приказ поступил в июле; часть экспонатов спрятали в тайниках, но краеведческую экспозицию и выставку в соборе (картины, мебель, фаянс) не успели даже демонтировать. Вывезти удалось в основном изделия из драгоценных металлов, церковные облачения, часть книг и художественных коллекций: в начале ноября 1941 г. их увезли в Москву, оттуда в Алматы, а в августе 1943 г. их вернули в Москву.

Как мы видим, музейное хранение составляли и пополняли из самых разнородных источников, ее переформировывали столько раз и с таким присущим русскому XX веку энтузиазмом, что в коллекции могло попасть буквально что угодно. Но в начале зимы 1941 г. Истру на две недели заняли немецкие войска (27 ноября – 11 декабря). Отступая, они взорвали монастырь, причем сгорели Трапезные палаты. Большая часть экспонатов, оставшихся в музее, погибла от взрывов и последующих пожаров.

Несомненно, что в ходе этих трагических событий какая-то часть коллекций могла быть утрачена, а сохранившиеся предметы повреждены.

Гипотеза принадлежности встречающихся в турбированных слоях монастыря вещей, когда-то находившихся в музейном хранении, звучит убедительнее с каждой новой находкой. Вероятно, стоит попытаться поднять «инвентари» и акты о списаниях хотя бы за послевоенный период, а при наличии таковых – и за два с половиной довоенных десятилетия. На сайте Министерства культуры Российской Федерации, посвященном утраченным во Второй мировой войне объектам культурного наследия, ни одного из найденных древнейших предметов обнаружить не удалось (Культурные ценности – жертвы войны... Т. 12). Но это не значит, конечно, что они не оставили других следов в музейном архиве. Таким образом, наш следующий шаг очевиден: поиск, совместно с сотрудниками Музейно-выставочного комплекса «Новый Иерусалим», документальных свидетельств о публикуемых здесь вещах. Вполне вероятно, в прошлом они принадлежали тем или иным коллекциям музея. Опыт такого сотрудничества в недавнем прошлом, при проверке данных о финно-угорских древностях в довоенной археологической коллекции, оказался плодотворным.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л. А., Еришов Н. И., Зеленцова О. В., Кузьминых С. В., 2016. Древнейшие находки на территории Ново-Иерусалимского монастыря: материалы работ 2009–2014 гг. // РА. № 1. С. 85–98.
- Беляев Л. А., Крючкова М. А., Черненко Л. М., 2018. Ново-Иерусалимский монастырь // Православная энциклопедия. Т. 51. М.: Православная энциклопедия. С. 611–631.
- Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению. Реставрация 2009–2015 годов / Ред.: Л. А. Беляев, И. Л. Бусева-Давыдова. М.: Коллектор, 2016. 312 с.

- Культурные ценности – жертвы войны. Сводный каталог утраченных ценностей Российской Федерации. Т. 12. Историко-архитектурный и художественный музей «Новый Иерусалим». Кн. 1–3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lostart.ru/catalog/ru/tom12/>. Дата обращения: 09.02.2019.
- Лихачев Н. П., 1897. Московской золотой // Археологические заметки и известия. Т. 5. № 7–8. С. 209–214.
- Львов М. А., 1981. О месте чеканки золотых монет с именем Ивана III // Труды ГЭ. Т. XXI. Л.: ГЭ. С. 106–110.
- Отдел нумизматики ГМИИ, инв. № 144731. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.coins-and-medals.ru/coins/db/medieval/coins_of_western_europe_and_the_british_isles/hungary/matthias/144731.shtml?rushttp://www.coins-and-medals.ru/coins/db/medieval/coins_of_western_europe_and_the_british_isles/hungary/matthias/144731.shtml?rus. Дата обращения: 13.02.2019.
- Попов Г. В., 1975. Культурно-художественные связи России с Венгрией в конце XV в. // Советско-венгерские связи в художественной культуре / Отв. ред.: И. Светлов, Л. Солнцева. М.: Наука. С. 197–198.
- Потин В. М., 1972. Венгерский золотой Ивана III // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе / Отв. ред. В. Т. Пашуто. М.: Наука. С. 282–293.
- Спасский И. Г., 1976. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 8. Л.: Наука. С. 127–128.
- Спасский И. Г., 2013. Русское золото: сборник избранных статей. СПб.: ГЭ. 392 с.
- Epigraphik-Datenbank Clauss / Slaby, EDCS-15200209. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://db.edcs.eu/epigr/edcs_id.php?s_sprache=en&p_edcs_id=EDCS-15200209. Дата обращения: 13.02.2019.
- Greek in Italy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://greekinitaly.wordpress.com/author/greekinitaly/>. Дата обращения: 13.02.2019.
- Kalavrezou-Maxeiner I., 1985. Byzantine icons in steatite. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften. 2 vols.

Сведения об авторе

Беляев Леонид Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru

L. A. Belyaev

NEW FINDS OR A LOST COLLECTION?
UNIQUE ITEMS FROM THE NEW JERUSALEM MONASTERY
(PRELIMINARY PUBLICATION)

Abstract. The paper publishes three unusual finds discovered in the Resurrection (New Jerusalem) Monastery (town of Istra, Moscow region) by the expedition of the Institute of Archaeology, RAS, in 2009–2017. The finds include a bottom of a stone urn with a Latin inscription dating to the first half of I mill. AD, a fragment of a steatite icon of the 11th–12th centuries; and a gold florin of the Hungarian king Matthias Corvinus from the second half of the 15th century. The question is raised concerning the reasons of their presence in the occupation layer of the monastery founded in the mid-17th century. There is no logical explanation of these finds. One of the suggestions is that they belonged to a large museum which functioned in the monastery buildings after the 1917 revolution and which was heavily damaged during the World war II.

Keywords: museum collections, burial urns, epigraphy, numismatics, gold florin, King Matthias Corvinus, steatites, carved stone icons.

REFERENCES

- Belyayev L. A., Ershov N. I., Zelentsova O. V., Kuz'minykh S. V., 2016. Drevneyshiye nakhodki na territorii Novo-Ierusalimskogo monastyrya: materialy rabot 2009–2014 gg. [The most ancient finds on the territory of the New Jerusalem monastery: materials of works 2009–2014]. *RA*, 1, pp. 85–98.
- Belyayev L. A., Kryuchkova M. A., Chernenilova L. M., 2018. Novo-Ierusalimskiy monastyr' [New Jerusalem monastery]. *Pravoslavnaya entsiklopediya [The Orthodox encyclopedia]*, 51. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, pp. 611–631.
- Coins and medals Department of the State Pushkin Museum of Fine Arts, № 144731. (Electronic resource). URL: http://www.coins-and-medals.ru/coins/db/medieval/coins_of_western_europe_and_the_british_isles/hungary/matthias/144731.shtml?rushttp://www.coins-and-medals.ru/coins/db/medieval/coins_of_western_europe_and_the_british_isles/hungary/matthias/144731.shtml?rus.
- Epigraphik-Datenbank Clauss / Slaby, EDCS-15200209. (Electronic resource). URL: http://db.edcs.eu/epigr/edcs_id.php?s_sprache=en&p_edcs_id=EDCS-15200209.
- Greek in Italy (Electronic resource). URL: <https://greekinitaly.wordpress.com/author/greekinitaly/>.
- Kalavrezou-Maxeiner I., 1985. Byzantine icons in steatite. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften. 2 vols.
- Kul'turnyye tsennosti – zherty vy voyny. Cvodnyy katalog utrachennykh tsennostey Rossiyskoy Federatsii. 12. Istoriko-arkhitekturnyy i khudozhestvennyy muzey «Novyy Ierusalim». 1–3 (Elektronnyy resurs) [Cultural values – victims of war. Consolidated catalogue of lost values of the Russian Federation. 12. Historical-architectural and art museum «New Jerusalem». 1–3 (Electronic resource)]. URL: <http://lostart.ru/catalog/ru/tom12/>
- L'vov M. A., 1981. O meste chekanki zolotykh monet s imenem Ivana III [On place of minting golden coins with the name of Ivan III]. *Trudy GE*, XXI. Leningrad: GE, pp. 106–110.
- Likhachev N. P., 1897. Moskovskoy zolotoy [Muscovite ducat]. *Arkheologicheskiye zametki i izvestiya [Archaeological notes and news]*, vol. 5, no. 7–8, pp. 209–214.
- Popov G. V., 1975. Kul'turno-khudozhestvennyye svyazi Rossii s Vengriyey v kontse XV v. [Cultural art relations between Russia and Hungary in late XV c.]. *Sovetsko-vengerskiye svyazi v khudozhestvennoy kul'ture [Soviet-Hungarian relations in artistic culture]*. I. Svetlov, L. Solntseva, eds. Moscow: Nauka, pp. 197–198.
- Potin V. M., 1972. Vengerskiy zolotoy Ivana III [Hungarian ducat of Ivan III]. *Feodal'naya Rossiya vo vsemirno-istoricheskom protsesse [Feudal Russia in world history process]*. V. T. Pashuto, ed. Moscow: Nauka, pp. 282–293.
- Spasskiy I. G., 1976. Monetnoye i monetovidnoye zoloto v Moskovskom gosudarstve i pervyye zolotyie Ivana III [Coin and coin-like gold in Muscovite state and first ducats of Ivan III]. *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny [Auxiliary historical disciplines]*, 8. Leningrad: Nauka, pp. 127–128.
- Spasskiy I. G., 2013. Russkoye zoloto: sbornik izbrannykh statey [Russian gold: collection of selected articles]. St. Petersburg: GE. 392 p.
- Voskresenskiy sobor Novo-Ierusalimskogo monastyrya: put' k vozrozhdeniyu. Restavratsiya 2009–2015 godov [Resurrection Cathedral of the New Jerusalem monastery: the way to revival. Restoration 2009–2015]. L. A. Belyayev, I. L. Buseva-Davydova, eds. Moscow: Kollektor, 2016. 312 p.

About the author

Belyaev Leonid A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru

В. А. Гаибов, А. Б. Никитин

КРЕПОСТЬ ГЁБЕКЛЫ-ДЕПЕ В МАРГИАНЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИРАНСКОЙ ФОРТИФИКАЦИИ

Резюме. Крепость Гёбеклы-депе на северной границе Мервского оазиса, в 32 км к северо-западу от городищ Старого Мерва, имеет особое значение для истории иранской фортификации. Она была построена в парфянское время, предположительно в I в. н. э., неоднократно перестраивалась в раннесасанидский период, в III и IV вв. После середины IV в. крепость была оставлена. Время ее активного существования датируется находками парфянских и сасанидских монет, самые поздние из них – медные монеты Шапура II (309–379). В парфянское время, судя по находкам глиняных булл для опечатывания тюков с товаром, крепость выполняла функцию таможенного поста. При перестройке крепости в сасанидское время были заложены помещения нижнего яруса, превратившиеся в монолитную платформу. Эти изменения следует рассматривать в контексте развития иранской фортификации в целом, опираясь на аналогичные постройки в Гургане, Парсе, Хорасане и Месопотамии.

Ключевые слова: Парфия, Сасанидский Иран, Мерв, Мервский оазис, Маргиана, Средняя Азия, фортификация, крепость, Гёбеклы-депе.

Сведения о тактике и стратегии иранцев в парфянскую эпоху и во время правления династии Сасанидов дошли до нас главным образом в изложении греческих и римских авторов. Они дают нам преднамеренно искаженную картину общества, проводящего агрессивную внешнюю политику, сосредоточенного на наступательных военных действиях. Тот факт, что в отношениях между Римом и Парфией, а затем державой Сасанидов, агрессорами чаще всего выступали сами римляне, обычно не принимался во внимание. О мерах оборонительных, в частности – об иранской фортификации, античные авторы сообщают очень мало, и здесь нашим главным источником является археология. Значительная работа в отношении фортификации Востока была проведена советскими экспедициями в Средней Азии: Хорезмской археолого-этнографической экспедицией и Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией

Рис. 1. Гёбеклы-депе. Аэрофото, вид с юга (до завершения раскопок)

(ЮТАКЭ)¹. К сожалению, почти все обследованные ими архитектурные памятники датированы весьма приблизительно, и потому собранные этими экспедициями сведения трудно использовать для каких-либо научных построений². В последние десятилетия иранскими и европейскими учеными исследованы многие памятники иранской крепостной архитектуры, что позволяет выделить основные группы парфянских и сасанидских фортификационных сооружений и определить их особенности.

Крепость Гёбеклы-депе (рис. 1) на северной границе Мервского оазиса, в 32 км к северо-западу от городищ Старого Мерва, имеет особое значение для истории иранской фортификации, так как она была построена в парфянскую эпоху, предположительно в I в. н. э., а затем несколько раз перестраивалась уже при ранних Сасанидах, в III и IV вв. (Гаубов, Кошеленко, 2007. С. 360 сл.) (рис. 2).

¹ Итоговые работы по изучению фортификации Средней Азии (см.: Толстов, 1949. С. 91–93; Пугаченкова, 1958. С. 43 сл.; Francfort, 1979; см. также: Kleiss, 1999).

² В Хорезме единственную твердую датировку получил Северный комплекс Топрак-калы – благодаря находкам в запечатанных сразу после строительства помещениях кушанских монет Вимы Кадфиза. Анализ монетных находок ЮТАКЭ, хранящихся в Институте истории в Ашхабаде, показал необходимость уточнить даты всех когда-либо обследованных этой экспедицией объектов (см.: Loginov, Nikitin, 1993. Р. 271). При этом предложенные сотрудниками ЮТАКЭ не всегда обоснованные даты долгое время принимались на веру другими исследователями (Кошеленко, 1963. С. 57 сл.).

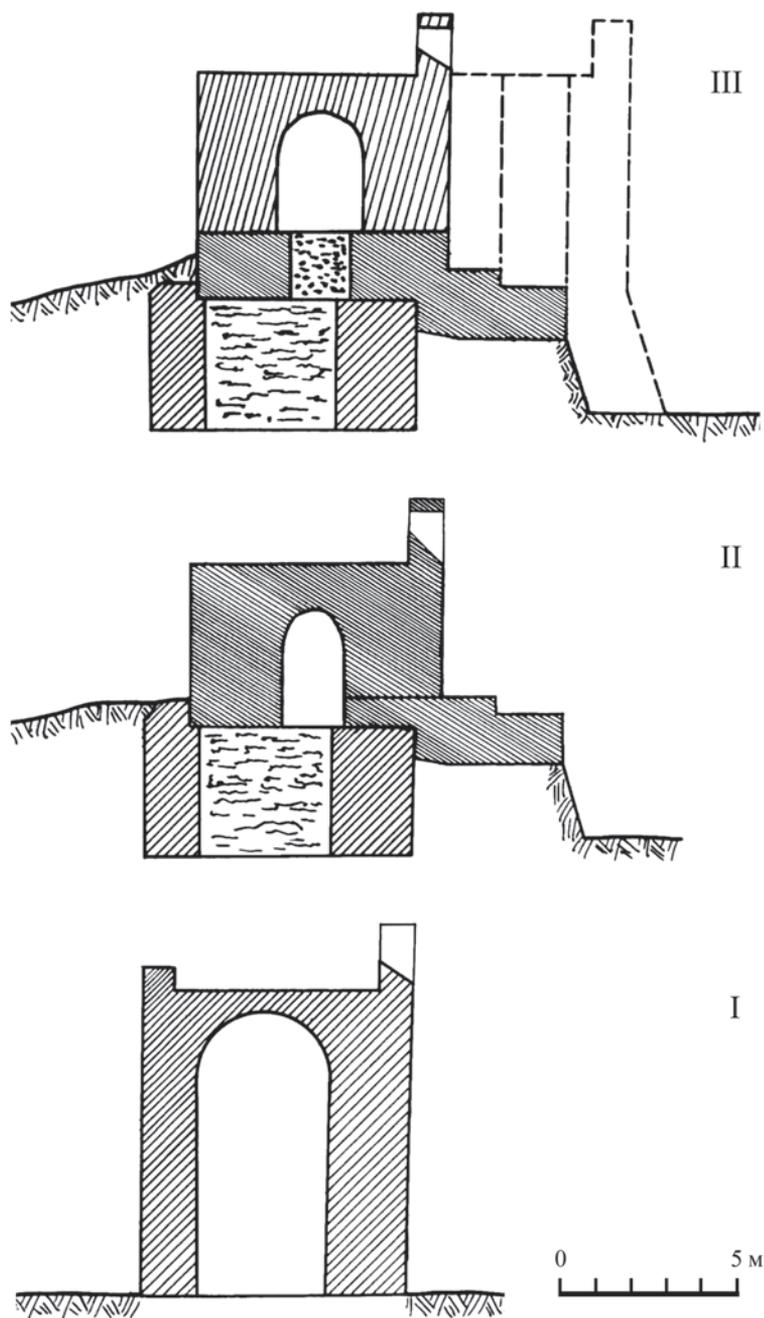

Рис. 2. Гёбеклы-депе. Три периода перестройки крепостных стен

При этом менялся не только характер ее оборонительных сооружений, но и ее назначение. Примерно в середине IV в. крепость была оставлена и заброшена, и, таким образом, остатки стен III и IV вв. не были перекрыты более поздними наслоениями. В свою очередь, сделанные в это время сплошные забутовки более ранних помещений сохранили для нас некоторые архитектурные детали парфянского времени, в их числе оригинальные трехканальные бойницы в башнях.

Иранская фортификация, несомненно, многое заимствовала у более древних цивилизаций Востока. Учитывала она и опыт строителей эллинистического времени (*Frankfort, 1979; Jakubiak, 2016*). Иранские фортификационные сооружения парфянского и сасанидского времени можно условно разделить на следующие группы (*Simpson, 1993. P. 3*):

- укрепленные города – Старая Ниса (*Пилунко, 2001. С. 129 сл.; Invernizzi, 2004. P. 133*), Хатра (*Gawlikowski, 1994. P. 147 f.*), Фирузабад (*Huff, 1999. P. 633 f.*);

- большие крепости или укрепленные военные лагеря – Кала-и Габри у Верамина (*Nokandeh et al., 2017. P. 825*), Кала-и Йаздигирд (*Keall, 1967; 1982. P. 51*), укрепленный лагерь к югу от Гурганской стены;

- малые крепости, такие как Гёбеклы-депе, форты, входящие в систему гурганских укреплений, крепости Парса – так называемые Тель-и Хандаг, круглые в плане или прямоугольные форты (*Ghasemi, 2012. P. 240*), Хорасана и Месопотамии (*Bergamini, 1987*);

- протяженные оборонительные рубежи, длинные стены, вместе с фортами, крепостями и укрепленными поселениями образующие эшелонированные линии обороны – Дербентская стена (*Kettenhofen, 1994*), Гурганская стена, так называемая Стена Антиоха в Мерве (*Вязигин, 1949. С. 260*)³.

Следует отметить, что протяженные оборонительные рубежи в парфянское и раннесасанидское время нам неизвестны, равно как и большие укрепленные лагеря. Строительство каменных стен в Дербенте начинается не ранее V в., длинные стены в Гургане и Мерве датируются VI в., притом что там им предшествуют системы малых фортов, построенных между 330 и 420 гг. (*Omrani-Rekavandi et al., 2008. P. 160; Nokandeh et al., 2017. P. 828*). Вероятно, до VI в. у иранцев не было необходимости возводить столь грандиозные сооружения.

Предложенная здесь классификация не учитывает такие укрепленные города, как Дура-Европос, Нисибин, Амида (*Дмитриев, 2010*) и ряд других, оборонительные сооружения которых строились и перестраивались как римлянами,

³ Так называемый вал Антиоха вдоль северной и северо-восточной границ Мервского оазиса был построен в VI в., вероятно, при Хосрове I. Не исключено, что это не столько оборонительное, сколько гидротехническое сооружение, призванное задерживать необходимую для орошения воду (см.: *Bader et al., 1995*). Вполне вероятно, что одной из причин запустения крепости Гёбеклы и всей северной оконечности оазиса могла стать нехватка воды, разбираемой на орошение выше по течению Мургаба. В таком случае остатки вала «Гилякин-Чильбурдж» (который следует считать подлинной «стеной Антиоха») отмечают северную границу орошаемых земель в эллинистическое время, а «вал Антиоха» VI в. – переместившуюся к югу границу орошаемых земель в позднесасанидский период.

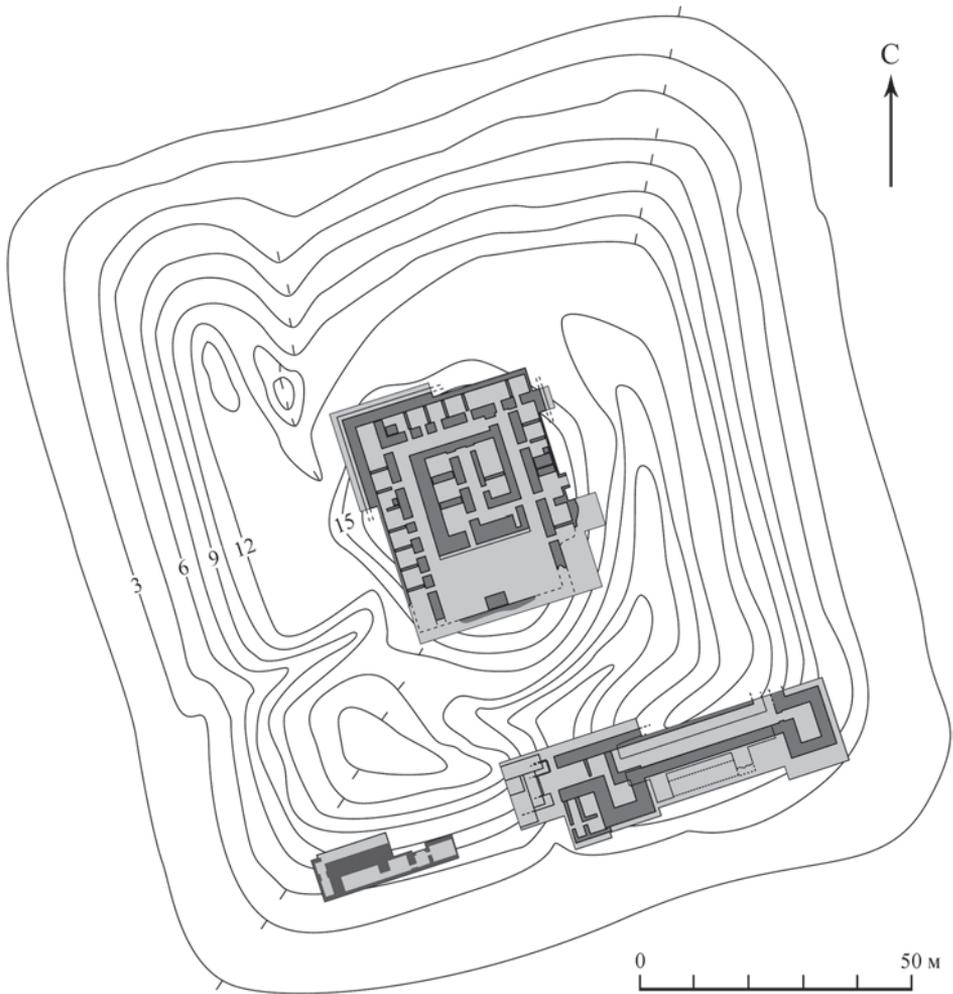

Рис. 3. Гёбеклы-депе. План крепости, выделены раскопанные участки

так и иранцами и где не всегда возможно различить эллинистическую, римскую и иранскую архитектурную традицию.

Строительство оборонительных линий на северных и восточных границах Ирана, их перестройка и демонтаж всякий раз были связаны с конкретной политической обстановкой. Крепость Гёбеклы-депе в парфянской время служила для охраны караванного пути, который вел из Мерва на север и на восток. Это был тот самый путь из Мерва в Хорезм, который функционировал до XIII в., а отходившая от него на восток дорога вела к переправе через Амударью у Амуля (Чарджоу). При крепости функционировала таможня, где распечатывались тюки с какими-то товарами, о чем говорят находки многочисленных булл с оттисками парфянских печатей. Стены крепости не имели бойниц (рис. 3), бойницы

имелись только в башнях, но даже при использованной здесь системе трехканальных бойниц обзор стрелков, находившихся в башнях, был ограничен, и вести эффективный огонь по подступавшему к стенам противнику они могли только с верхних открытых площадок башен – валгангов. В крепостях сасанидского времени башни располагались обычно на расстоянии около 60 м друг от друга. Таким образом, какой бы участок стены ни атаковал противник, он попадал под перекрестный огонь с соседних башен. Гёбеклы-депе – небольшой форт (примерно 100 на 100 м по гребню крепостных стен) – имел только четыре угловые башни с бойницами (рис. 4; 5), разнесенные на расстояние около 100 м, и еще привратную башню с восточной стороны на южной стене. Трудно судить, насколько это влияло на эффективность стрельбы, притом что парфянская стрела сохраняла свою убийную силу и на расстоянии до 300 м. В центре окруженного стенами пространства над руинами усадьбы ахеменидского времени (период Яз III) была возведена высокая платформа (высотой до 15 м), служившая основанием для прямоугольного здания 45 × 37,5 м – резиденции коменданта крепости (Гаибов, Кошеленко, 2007. С. 363).

Гарнизон крепости, как уже отмечалось, не мог быть большим, и она не была рассчитана на противодействие большим регулярным армиям. Впрочем, в I–II вв. этим армиям там просто неоткуда было взяться. В сасанидское время, после недолгого запустения, крепость была перестроена, помещения нижнего яруса забутованы. Превращение помещений нижнего яруса в монолитную платформу наводит на мысль, что защитники крепости допускали возможность появления армии противника, вооруженной кое-какой осадной техникой, помимо штурмовых лестниц. Башни остались прямоугольными в плане, притом, что при Сасанидах предпочтение отдавалось круглым или подковообразным башням. Судя по отсутствию находок булл с оттисками сасанидских печатей (стилистически заметно отличающихся от парфянских), крепость в IV в. уже не использовалась как таможенный пост. Но в III в. Мервский оазис стал одной из военных баз Сасанидов для походов на Восток, в Кушаншахр, а в середине IV в. Шапуру II (309–379) пришлось отражать нападение каких-то восточных соседей (Аммиан Марцеллин называет их хионитами (*Amm. Marc. XIX, 2.2*)), и потому линия укреплений на северо-восточной границе Ирана была необходима. Вероятно, что к 359 г., когда Шапур, покорив хионитов, вернулся к западной границе и осадил Амиду, восточным границам Ирана уже ничего не угрожало, необходимость держать гарнизон на Гёбеклы-депе отпала, и крепость была оставлена. Среди многочисленных монетных находок в крепости нет ни одной монеты позже правления Шапура II. Вероятно, до появления на исторической арене гуннов в конце IV в., а затем эфталитов и тюрков у царей Ирана не было необходимости строить крепости на восточной и северной границах и держать там большие гарнизоны. Мерв вновь стал основной военной базой Сасанидов только при Варахране V (420–439), которому пришлось отражать очередное вторжение восточных соседей (хионитов, кидаритов, эфталитов – в разных источниках). Эфталиты нанесли Ирану несколько поражений при Перозе (459–484) (*Маршак, 1971. С. 63*), а его преемники стали создавать для защиты от них, а затем от тюркских народов эшелонированные линии обороны, включавшие длинные стены, форты и большие укрепленные лагеря для мобильных армий. Одна из наиболее

Рис. 4. Гёбеклы-депе. Юго-восточная башня, трехканальная бойница

Рис. 5. Гёбеклы-депе. Трехканальные бойницы в юго-восточной башне

хорошо изученных систем укреплений – стена в Гургане, протяженностью около 200 км (Kiani, 1982. P. 76; Omrani- Rekavandi et al., 2008. P. 151).

В целом крепость Гёбеклы-депе дает нам представление о крепостной архитектуре Парфии в I–II вв. и о начальном этапе развития сасанидской фортификации, до возникновения на границах Ирана эшелонированных линий обороны и гигантских укрепленных лагерей. Система обороны Мервского оазиса в это время имела «кластерный» характер (Bader et al., 1994. P. 117) – крепость или форт в центре каждого района и связанные с таким укрепленным пунктом поселения и сельскохозяйственные угодья. Можно предположить, что большинство таких укреплений, возведенных на массивных платформах, возникли в сасанидское время (например, крепость Дуё-Чокын к северу от руин несторианской церкви Хароба Кошук), однако говорить о более раннем периоде их истории не представляется возможным до их более подробного изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Вязигин С. А., 1949. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы // ТЮТАКЭ. Т. 1 / Под ред. М. Е. Массона. Ашхабад: АН Туркменской ССР. С. 260–275.
- Гаиров В. А., Кошеленко Г. А., 2007. Крепость на границе Мервского оазиса: Гебеклы-депе // Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал. № 2. С. 360–374.
- Дмитриев В. А., 2010. Искусство полиоркии у персов сасанидской эпохи (по данным Аммиана Марцеллина) // Череповецкие научные чтения 2009 г. / Отв. ред. Н. П. Павлова. Череповец: Череповецкий гос. ун-т. С. 6–8.
- Кошеленко Г. А., 1963. Парфянская фортификация // СА. № 2. С. 57–73.
- Маршак Б. И., 1971. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. // Страны и народы Востока. Т. 10: Средняя и Центральная Азия: география, этнография, история / Отв. ред. Д. А. Ольдерогге. М.: Наука. С. 58–66.
- Пилипко В. Н., 2001. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.: Наука. 431 с.
- Пугаченкова Г. А., 1958. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: АН СССР. 491 с. (ТЮТАКЭ; т. 6.)
- Толстов С. П., 1949. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Полиграфкнига. 352 с.
- Bader A., Gaibov V., Koshelenko G., 1994. Materials for an Archaeological Map of the Merv Oasis: The Durnali Region // Bulletin of the Asia Institute, New Series. Vol. 8: The Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the Former Soviet Union. P. 117–128.
- Bader A., Gaibov V., Koshelenko G., 1995. Walls of Margiana // In the Land of the Gryphons: Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Firenze: Casa Editrice le Lettere. P. 39–50.
- Bergamini G., 1987. Parthian Fortifications in Mesopotamia // Mesopotamia. Vol. 22. P. 195–214.
- Francfort H. P., 1979. Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque Kouchane. Paris: Unite de Recherches Archéologiques. 96 p. (Travaux de l'Unite de Recherches Archéologiques; no. 10.)
- Gawlikowski M., 1994. Fortress Hatra. New Evidence on Rampart and their History // Mesopotamia. Vol. 29. P. 147–184.
- Ghasemi P., 2012. Tal-e Khandagh («Moated mound»): A Military Structure in Ancient Fars // Near Eastern Archaeology. Vol. 75. No. 4. P. 240–251.
- Huff D., 1999. Firuzabad // Encyclopædia Iranica. Vol. IX. Fasc. 6. London. P. 633–636.
- Invernizzi A., 2004. Thoughts on Parthian Nisa // Parthica. Vol. 6. P. 133–143.
- Jakubiak K., 2016. Arsacids viii. Military Architecture Of Parthia [Electronic resource] // Encyclopædia Iranica. Access mode: <http://www.iranicaonline.org/articles/arsacids-viii-military-architecture-of-parthia>. Date of access: 15.09.2018.

- Keall E. J., 1967. Qal'eh-i Yazdigird: A Sasanian Palace Stronghold in Persian Kurdistan // *Iran*. Vol. 5. P. 99–121.
- Keall E. J., 1982. Qal'eh-i Yazdigird: An Overview of the Monumental Architecture // *Iran*. Vol. 20. P. 51–72.
- Kettenhofen E., 1994. Darband // *Encyclopædia Iranica*. Vol. VII. Fasc. 1. London. P. 13–19.
- Kiani M. Y., 1982. Parthian Sites in Hyrcania. The Gurgan Plain. Berlin: Dietrich Reimer. 78 p.
- Kleiss W., 1999. Fortifications // *Encyclopædia Iranica*. Vol. X. Fasc. 1. London. P. 102–106.
- Loginov S. D., Nikitin A. B., 1993. Sasanian Coins of the late 4–7th Centuries from Merv // *Mesopotamia*. Vol. XXVIII. P. 271–272.
- Nokandeh J., Omrani-Rekavandi H., Sauer E. W., Nemati M.-R., Labbaf-Khaniki M., 2017. Sasanian Military Fortifications from the Great Wall of Gorgan to Varamin and Khorasan // *Proceedings of the 15th Annual Symposium on the Iranian Archaeology (Tehran, 5–7 March 2017)*. Tehran. P. 825–828.
- Omrani-Rekavandi H., Sauer E. W., Wilkinson T., Abbasi G. A., Priestman S., Safari Tamak E., Ainslie R., Mahmoudi M., Galiatsatos N., Roustai K., Van Rensburg J. J., Ershadi M., MacDonald E., Fatahi M., Oatley C., Shabani B., Ratcliffe J., Usher-Wilson L. S., 2008. Sasanian Walls, Hinterland Fortresses and Abandoned Ancient Irrigated Landscapes: the 2007 Season on the Great Wall of Gorgan // *Iran*. Vol. 46. P. 151–178.
- Simpson St. J., 1993. Sasanian Frontiers and Fortifications. Talk given in the Department of Archaeology, University of Newcastle, 17th February 1993.

Сведения об авторах

Гаи́бов Васи́ф Аби́дович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: gaibov@mail.ru;

Никитин Александр Борисович, Государственный Эрмитаж, Дворцовая пл., 2, Санкт-Петербург, 196158, Россия; e-mail: nikitin225@yandex.ru

V. A. Gaibov, A. B. Nikitin

THE GOEBEKLY-DEPE FORTRESS IN MARGIANA
IN THE CONTEXT OF IRANIAN FORTIFICATION DEVELOPMENT

Abstract. The fortress of Goebekly-depe on the northern border of the Merv oasis, 32 km to the North-West of the Old Merv hillforts is of special significance for the history of Iranian fortification. It was built in the Parthian period, supposedly, in the first century AD, and was repeatedly rebuilt during the Early Sasanian period in the 3rd and 4th centuries. After the mid-fourth century the fortress was abandoned. The time of its active use is dated on the basis of Parthian and Sasanian coin finds, the latest are copper coins of Shapur II (309–379). Judging by the finds of clay bullae used to seal packs of goods, in the Parthian period the fortress functioned as a customs post. When the fortress was rebuilt during the Sasanian period the lower level rooms were filled with mudbricks and so turned into a monolithic platforms. These changes should be regarded in the context of development of Iranian fortification in general, relying on similar constructions in Gurgan, Pars, Khorasan and Mesopotamia.

Keywords: Parthia, Sasanian Iran, Merv, Merv oasis, Margiana, Central Asia, fortification, fortress, Goebekly-depe.

REFERENCES

- Bader A., Gaibov V., Koshelenko G., 1994. Materials for an Archaeological Map of the Merv Oasis: The Durnali Region. *Bulletin of the Asia Institute, New Series, 8. The Archaeology and Art of Central Asia. Studies from the Former Soviet Union*, pp. 117–128.
- Bader A., Gaibov V., Koshelenko G., 1995. Walls of Margiana. *In the Land of the Gryphons: Papers on Central Asian archaeology in antiquity*. Firenze: Casa Editrice le Lettere, pp. 39–50.
- Bergamini G., 1987. Parthian Fortifications in Mesopotamia. *Mesopotamia*, 22, pp. 195–214.
- Dmitriev V. A., 2010. Iskusstvo poliorkii u persov sasanidskoy epokhi (po dannym Ammiana Martsellina) [Art of poliorkia among the Persians of Sasanian epoch (based on data of Ammianus Martellinus)]. *Cherepovetskie nauchnye chteniya 2009 g. [Cherepovets scientific readings 2009]*. N. P. Pavlova, ed. Cherepovets: Cherepovetskiy gos. universitet, pp. 6–8.
- Francfort H. P., 1979. Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque Kouchane. Paris: Unite de Recherches Archéologiques. 96 p. (Travaux de l'Unite de Recherches Archéologiques, 10.)
- Gaibov V. A., Koshelenko G. A., 2007. Krepost' na granitse Mervskogo oazisa: Gebekly-depe [Fortress on Merv oasis border: Goebekly-depe]. *Antiquitas Aeterna. Povolzhskiy antikovedcheskiy zhurnal [Antiquitas Aeterna. Volga region journal for antique studies]*, 2, pp. 360–374.
- Gawlikowski M., 1994. Fortress Hatra. New Evidence on Rampart and their History. *Mesopotamia*, 29, pp. 147–184.
- Ghasemi P., 2012. Tal-e Khandagh («Moated mound»): A Military Structure in Ancient Fars. *Near Eastern Archaeology*, vol. 75, no. 4, pp. 240–251.
- Huff D., 1999. Firuzabad. *Encyclopædia Iranica*, IX, 6. London, pp. 633–636.
- Invernizzi A., 2004. Thoughts on Parthian Nisa. *Parthica*, 6, pp. 133–143.
- Jakubiak K., 2016. Arsacids viii. Military Architecture of Parthia (Electronic resource). *Encyclopædia Iranica*. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/arsacids-viii-military-architecture-of-parthia>.
- Keall E. J., 1967. Qal'eh-i Yazdigird: A Sasanian Palace Stronghold in Persian Kurdistan. *Iran*, 5, pp. 99–121.
- Keall E. J., 1982. Qal'eh-i Yazdigird: An Overview of the Monumental Architecture. *Iran*, 20, pp. 51–72.
- Kettenhofen E., 1994. Darband. *Encyclopædia Iranica*, VII, 1. London, pp. 13–19.
- Kiani M. Y., 1982. Parthian Sites in Hyrcania. The Gorgan Plain. Berlin: Dietrich Reimer. 78 p.
- Kleiss W., 1999. Fortifications. *Encyclopædia Iranica*, X, 1. London, pp. 102–106.
- Koshelenko G. A., 1963. Parfyanskaya fortifikatsiya [Parthian fortification]. *SA*, 2, pp. 57–73.
- Loginov S. D., Nikitin A. B., 1993. Sasanian Coins of the late 4–7th Centuries from Merv. *Mesopotamia*, XXVIII, pp. 271–272.
- Marshak B. I., 1971. K voprosu o vostochnykh protivnikakh Irana v V v. [On issue of eastern enemies of Iran in V c.]. *Strany i narody Vostoka [Countries and peoples of Orient]*, 10. *Srednyaya i Tsentral'naya Aziya: geografiya, etnografiya, istoriya [Middle and Central Asia: geography, ethnography, history]*. D. A. Olderogge, ed. Moscow: Nauka, pp. 58–66.
- Nokandeh J., Omrani-Rekavandi H., Sauer E. W., Nemati M.-R., Labbaf-Khaniki M., 2017. Sasanian Military Fortifications from the Great Wall of Gorgan to Varamin and Khorasan. *Proceedings of the 15th Annual Symposium on the Iranian Archaeology*. Tehran, pp. 825–828.
- Omrani-Rekavandi H., Sauer E. W., Wilkinson T., Abbasi G. A., Priestman S., Safari Tamak E., Ainslie R., Mahmoudi M., Galiatsatos N., Roustai K., Jansen Van Rensburg J., Ershadi M., MacDonald E., Fattahi M., Oatley C., Shabani B., Ratcliffe J., Usher-Wilson L. S., 2008. Sasanian Walls, Hinterland Fortresses and Abandoned Ancient Irrigated Landscapes: the 2007 Season on the Great Wall of Gorgan. *Iran*, 46, pp. 151–178.
- Pilipko V. N., 2001. Staraya Nisa. Osnovnye itogi arkhologicheskogo izucheniya v sovetskiy period [Old Nisa. Main results of archaeological research in Soviet period]. Moscow: Nauka. 431 p.
- Pugachenkova G. A., 1958. Puti razvitiya arkhitektury Yuzhnogo Turkmenistana pory rabovladieniya i feodalizma [Paths of development of architecture of South Turkmenistan in epoch of slavery system and feudalism]. Moscow: AN SSSR. 491 p. (TYuTAKE, 6.)
- Simpson St. J., 1993. Sasanian Frontiers and Fortifications. Talk given in the Department of Archaeology, University of Newcastle, 17th February 1993.

- Tolstov S. P., 1948. Drevniy Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya [Ancient Khorezm. Experience of historical-archaeological research]. Moscow: Poligrafkniga. 352 p.
- Vyazigin S. A., 1949. Stena Antiokha Sotera vokrug drevney Margiany [Wall of Antioch Soter around ancient Margiana]. *TYuTAKE*, 1, pp. 260–275.

About the authors

Gaibov Vasif A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: gaibov@mail.ru;

Nikitin Alexander B., The State Hermitage museum, Dvortsovaya pl., 2. St. Petersburg, 196158, Russian Federation; e-mail: nikitin225@yandex.ru

Вл. В. Седов

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХИТЕКТУРЕ ЦЕРКВИ БЛАГОВЕЩЕНИЯ В ВИТЕБСКЕ

Резюме. Статья посвящена архитектуре церкви Благовещения в Витебске. Этот древнерусский храм сохранялся, хотя и в перестроенном виде, до 1961 г., когда был почти полностью разрушен. Из-за разрушения все материалы по этой церкви, особенно графические, представляют исключительный интерес. В данной работе публикуются ранее неизвестные или опубликованные частично чертежи известного реставратора П. Д. Барановского, а также несколько фотографий археолога Л. В. Алексева. Рассматриваются некоторые формы храма, связанные с влиянием романской архитектуры, а также делается предположение о более поздней его датировке – второй половиной XII в.

Ключевые слова: древнерусская архитектура, Витебск, каменный храм, влияние Византии, смешанная кладка, *opus mixtum*, романская архитектура, проблемы датировки.

Церковь Благовещения в Витебске принадлежит к редчайшим памятникам древнерусского зодчества. Она несколько раз перестраивалась, а в 1961 г. была в значительной мере разрушена, затем в недавнее время ее руины, сохранившиеся на большую высоту в западной части, были включены в новый храм, построенный во многом по мотивам старого. В результате все данные, касающиеся первоначальной, подлинной архитектуры церкви Благовещения, оказываются чрезвычайно ценны. Для изучения и понимания храма важны самые малые подробности. В данной работе мы приводим ранее неопубликованные чертежи церкви Благовещения, выполненные знаменитым архитектором-реставратором П. Д. Барановским в 1944 г., а также несколько фотографий, сделанных Л. В. Алексеевым.

Начало изучения церкви Благовещения было положено А. М. Павлиновым, посвятившим в своей статье этой церкви особый раздел (*Павлинов*, 1895. С. 1–8), в котором были даны некоторые исторические сведения, а также опубликованы план храма и его разрез. В них (особенно в разрезе) присутствуют элементы

реконструкции; полностью предположителен предлагаемый А. М. Павлиновым южный фасад. Исследователь фиксирует новые участки кладки: «Наружные арки и промежутки между лопаток (вверху. – В. С.) сделаны из нового кирпича сравнительно недавно, когда потребовалось сделать крышу под горизонтальный карниз. Нынешняя глава церкви деревянная и закрыта снизу... Своды, покрывающие ныне храм, тоже новые. Чердак интересен потому, что там видно несколько наслоений. Древнее покрытие было по полукругам; признаки этого и теперь сохранились, в особенности на западной стене; но кирпич в сводах не тот, который находим в нижних частях церкви, хотя встречаем и здесь кирпич тонкий квадратный, но большая его часть довольно крупных размеров, что заставляет его считать произведением XIV века. Очень возможно, что покрытие это выведено по древнему образцу и принадлежит к исправлениям, сделанным при Ольгерде» (Павлинов, 1895. С. 4, 5).

О церкви Благовещения писал Н. И. Брунов, который, впрочем, считал храм неким синтетическим произведением с романскими и кавказскими чертами (Брунов, 1928. С. 279, 280).

Отдельную статью о церкви Благовещения опубликовал М. К. Каргер, руководившей в 1968 г. работами по расчистке руин храма (Каргер, 1978). Исследователь говорит о кладке храма из рядов каменных квадров, перемежающихся с прослойками из двух или трех рядов плинфы; такую же кладку, возникшую, вероятно, под влиянием храма в Витебске, М. К. Каргер отмечает в церкви Бориса и Глеба в Новогрудке. Ученый далее повествует о продолговатом очертании храма и равновеликих членениях западной части и подкупольного отделения (в чем видит близость к церкви храма-усыпальницы в Евфросиниевом монастыре в Полоцке).

В статье М. К. Каргера даны важнейшие изобразительные материалы, созданные в 1968 г. во время архитектурно-археологического исследования: чертежи фасада западной стены храма после разрушения изнутри и снаружи, чертежи северного и южного фасадов снаружи, общий план церкви и две фотографии: части нартекса со сводами и деталь кладки.

Выводы М. К. Каргера значительно развил П. А. Раппопорт, проводивший совместно с О. А. Трусовым раскопки церкви Благовещения в 1982 г. и опубликовавший статью об архитектуре витебского храма (Раппопорт, 1987). В этой работе исследователь дает описание храма, подчеркивает его одноапсидный план, равные по длине членения с запада и под куполом, дает характеристику фундаменту, упоминает о лестнице в западной стене, двух притворах на боковых сторонах, обмазке фасадов, скрывавшей декоративность кладки, а также об остатках штукатурки с фресковой росписью внутри храма. Дважды П. А. Раппопорт говорит о том, что стены сохранились до уровня основания сводов, в первый раз со ссылкой на А. М. Павлинова, а во второй раз – со ссылкой на старые фотографии и обмер П. Д. Барановского (очевидно, имеется в виду южный фасад с показанием кладки); в результате ученый говорит о том, что верх стен с закомарами (полукруглыми углублениями) и верх апсиды, а также, вероятно, своды относятся к позднему времени и принадлежат, может быть, ко времени перестройки здания в 1862 г. (Там же. С. 522, 523). Церковь Благовещения в статье отнесена ко второй четверти XII в., ее сооружение связано исследователем

с возвращением полоцких князей из византийской ссылки, указано на участие тех же мастеров в сооружении ядра церкви Бориса и Глеба в Новогрудке. Композиционные приемы церкви в Витебске, по мнению П. А. Раппопорта, нашли затем отражение в полоцком зодчестве, например в церкви Бориса и Глеба Бельчицкого монастыря или Спасской церкви Евфросиниева монастыря.

В своих соображениях об объемно-пространственных формах храма П. А. Раппорт во многом опирался на обмеры П. Д. Барановского, проведенные в 1944 г.; он же писал о том, что обмеры остались неопубликованными и хранятся в Музее архитектуры в Москве. Из чертежей П. Д. Барановского в статье были напечатаны: схема южного фасада, план храма и план его хор, план и фасад окна в западном членении южного фасада и фасад двух западных членений южного фасада с показанием кладки (которые, как мы увидим ниже, являются только частью южного фасада, который П. А. Раппорт назвал схемой). Кроме того, в той же работе был напечатан чертеж нижней части южного членения западного фасада, выполненный О. Ворониной во время исследований 1982 г.

В написанном в 1946 г., но опубликованном только в 1994 г. труде И. М. Хозерова (*Хозеров*, 1994. С. 83–86) содержится не так уж много данных по Благовещенской церкви; отметим характеристику кладки как византийской, средне-византийского периода, а также утверждение о морфологической связанности храмов Благовещения в Витебске, Бориса и Глеба в Бельчицком монастыре и церкви Спаса-Преображения в Спас-Евфимиевом монастыре в Полоцке.

В работах, посвященных связям древнерусской и византийской архитектуры, написанных П. А. Раппопортом, церковь Благовещения в Витебске характеризуется или прямо как возведенная византийскими строителями (*Раппорт*, 1984. С. 189), или как памятник, построенный в первой половине XII в. «приезжими» (читай – византийскими) мастерами (*Раппорт*, 1989. С. 143).

В недавнее время О. М. Иоаннисян написал очерк о церкви Благовещения (*Иоаннисян*, 2012. С. 121–126), приведя имеющуюся литературу и указав на византийское происхождение кладки этого памятника; ученый реконструирует обстоятельства возведения храма в Витебске так: зодчий из Византии оказался в этом городе потому, что в Полоцке уже работали другие мастера (возводившие Большой собор Бельчицкого монастыря), строительство в Витебске отнесено к 1130-м гг., осторожно дано предположение о провинциальном (балканском) происхождении мастеров.

Мы видим, что церковь Благовещения в Витебске является одним из ключевых и оригинальных памятников, из анализа форм которого делаются выводы относительно путей эволюции древнерусской архитектуры XII в. Однако многие выводы выглядят гипотетическими, прежде всего потому, что сам храм сохранился фрагментарно, а изобразительный материал, отражающий постройку до ее частичного разрушения, очень отрывочен. Тем важнее оказываются материалы, показывающие архитектуру памятника.

В Музее архитектуры имени А. В. Щусева в Москве (ГНИМА) имеется четыре графических листа (фонд РV – обмеры, № 2705, листы 1–4) с обмерами церкви Благовещения, созданными П. Д. Барановским в 1944 г. На всех листах справа внизу имеется надпись: «По материалам арх. Барановского П. Д. чертила арх. Хорькова В. Г.» – и подпись Хорьковой.

Есть еще серия чертежей на кальке с теми же изображениями и проекциями, эта группа чертежей создана самим П. Д. Барановским. Эти чертежи несколько более небрежные по исполнению, на них нет размеров и пристроек, а также важных поясняющих надписей. По всей видимости, эти кальки П. Д. Барановский снял с чертежей Хорьковой. Назовем эти чертежи: 1. План храма и план по уровню хор (PV 3865–1), сверху надписанный: «Церковь Благовещения XII в. в Витебске», а внизу подписанный: «План по обмеру Барановского П. Д. 1944 года» (здесь убраны поздние пристройки); 2. Продольный разрез церкви (PV 3865–2). Лист надписан вверху так же, внизу надпись: «Разрез с Зап. На Вост.»; 3. Южный фасад храма (PV 3865–3). Лист внизу подписан: «Ц-вь Благовещения в Витебске. Южный фасад по обмеру Бар[ановс]кого 1944 г.»; 4. План и фасад окна, надписан сверху: «Благовещенская ц. XII в. в Витебске», внизу надпись: «Окно южного фасада, открытое в 1944 г. при исслед[ованиях]. и обмерах Барановского П. Д.». Этот чертеж не публиковался, но он есть в том же виде на чертеже Хорьковой, где поставлен рядом с другим окном, опубликованным П. А. Раппопортом.

Нам представляется, что чертежи В. Г. Хорьковой, сделанные по материалам П. Д. Барановского, первичны по отношению к калькам и содержат больше информации. Поэтому мы публикуем первые. Перечислим и проанализируем эти чертежи, выполненные тушью на ватманской бумаге.

Во-первых (рис. 1), это общий план храма и его план по уровню хор (№ 2705–1), уже опубликованный П. А. Раппопортом, но без размеров, которые на чертеже есть, а также без указания поздних частей, которые публикатором были отрезаны. На плане видны и полукруглые очертания средней апсиды с двумя вертикальными тягами-лизенами, и двухраструбное (внутри и наружу) построение окон в апсиде, и полукружия боковых апсид, врезанных в толщу стены, и трапезиевидное очертание вимы перед средней апсидой. Виден замкнутый с востока характер помещений под боковыми частями хор в нартексе, а также начало лестницы в западной стене. Неплохо читается двухступчатый характер двух древних перспективных порталов, южного и западного, тогда как северный портал растесан. На врезке слева видны два придельных храма в боковых частях второго уровня нартекса, их полукруглые апсиды в толще стены, сопровождающие апсиды прямоугольные в плане ниши.

Во-вторых, это продольный разрез (рис. 2) древних и поздних частей храма (№ 2705–2), который ни разу не публиковался. Разрез обращен в северную сторону. На чертеже видно подкупольное пространство с пониженными подпружными арками и крестовым сводом (об этом говорит и сам чертеж, и надпись «крестовый свод»), ограниченное крестообразными в сечении столбами. В довольно короткой восточной части из восточного рукава креста в боковое помещение вела узкая и относительно невысокая арка, тогда как в протяженной западной части из западного рукава (который был перекрыт цилиндрическим сводом, о чем говорит и соответствующая надпись) в боковую часть вела широкая и высокая арка. Мы можем предположить, что эти арки сохранились от древнего храма, как, возможно, и подпружные арки в подкупольном пространстве. Сложнее сказать что-то определенное об обозначенных на чертеже импостах в основании подкупольных арок, в основании арки из восточного рукава в северную часть и в основании арки под хорами – трудно утверждать, что они были древними.

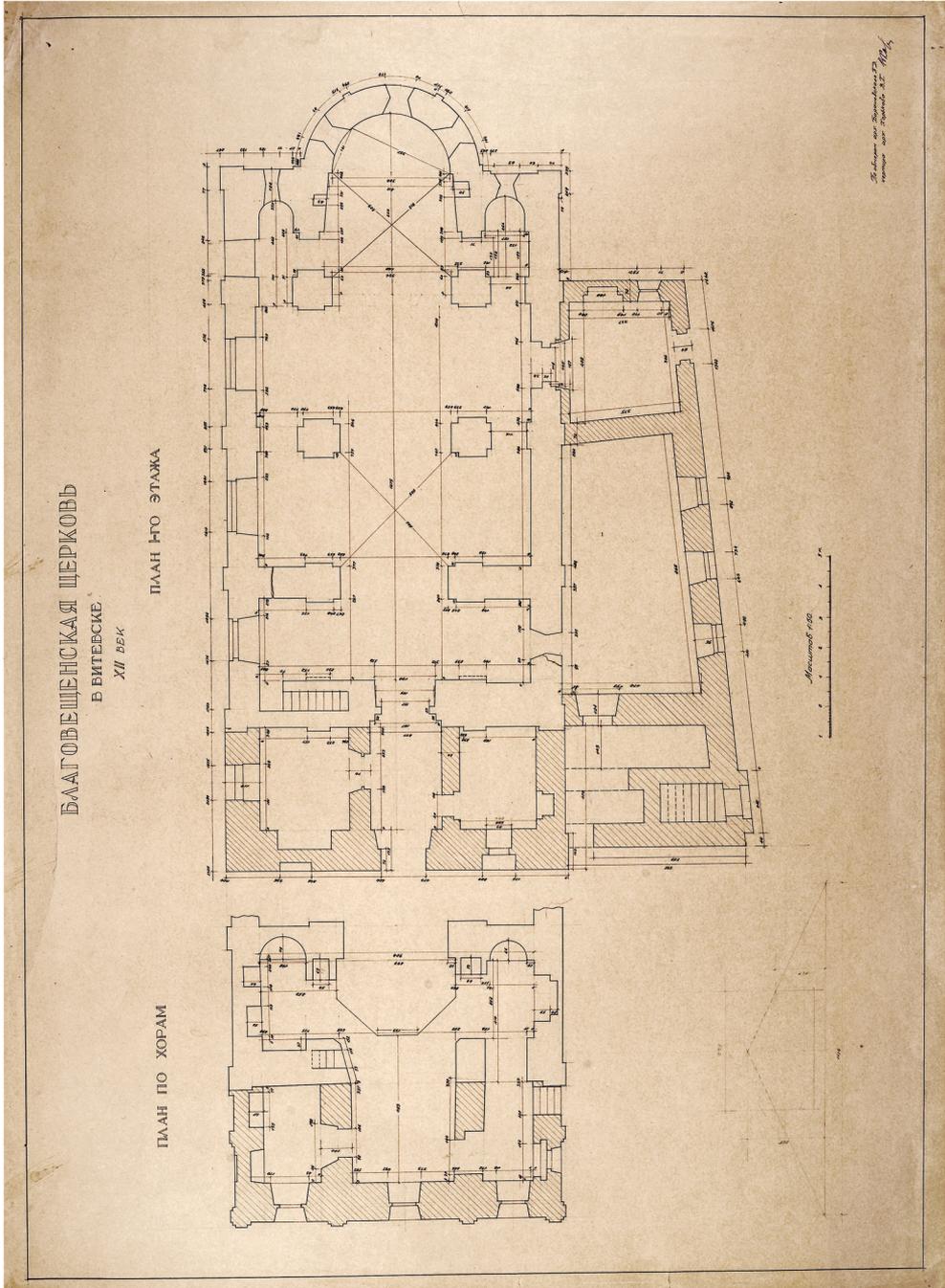

Рис. 1. План церкви Благовещения в Витебске и план по уровню хор

В восточной части есть несколько важных надписей: северное окно апсиды надписано: «Окно древн[ее] сохранилось», а восточное – «Окно древн[ее] заложено». С запада в алтарной зоне показан «импост быв(шей) древ(ней) арки алтаря», что не совсем понятно, но ясно, что чуть выше этого импоста дана пунктирная линия, подписанная: «Конец свода древнего», а выше надпись говорит о том, что здесь наблюдалась «новая кладка кирп[ич] 7–8 см». Это важнейшее свидетельство того, что первоначальная апсида была не столь высокой.

В западной части видны арки под хорами и на хорах, расположенные одна над другой, в профиле западной стены хорошо читается двухступчатый западный портал.

Третий чертеж – это южный фасад церкви (рис. 3), который не является схемой, как указывал П. А. Раппопорт, а является обмерным чертежом (№ 2705–3); на чертеже выделяется расчищенная западная часть фасада, два прясла (они опубликованы П. А. Раппопортом отдельно, без остальных частей), а также показана западная пристройка. Выше кладки из квадров камня и плинфы, относящейся к XII в., архитектор-реставратор показал более позднюю кирпичную кладку (она не показана в публикации П. А. Раппопорта), снабдив ее примечанием: «крупн[ый] облиц[овочный] кирп[ич] 17 рядов». Отметим особо арочный двухступчатый южный портал и полуциркульную арку над ним, два окна одно над другим, расположенные в западном прясле, одно в верхней части второго прясла с запада и одно, чуть короче снизу, расположенное в восточном прясле (такое же окно видно на восточном прясле северного фасада на фотографии, напечатанной П. А. Раппопортом (*Раппопорт*, 1987. С. 523)). На чертеже видно и южное окно в абсиде.

Наконец, имеется также четвертый чертеж (рис. 4) с планами и фасадами двух древних окон собора (№ 2705–4), на нем слева расположен чертеж с надписью «окно южного фасада нижнего яруса» (этот чертеж опубликован П. А. Раппопортом), а справа – чертеж с надписью «окно южного фасада верхнего яруса». Оба этих окна можно найти на южном фасаде храма, еще одно похожее окно помещалось в верхнем регистре второго прясла с запада (внизу окна не было). Оба окна в плане двухраструбные, с расширением и наружу и внутрь, у них сохранились пазы от окончин, а у нижнего окна был и кусочек дерева окончины. К окнам подходят ряды смешанной кладки из плинфы и камня, а архивольт устроен только из камней.

На фотографии Л. В. Алексеева, фиксирующей восточный фасад храма до его разрушения (рис. 5), уже опубликованной (*Алексеев*, 2006. Рис. 13), видно расположение трех древних арочных окон в апсиде, разделенной вертикальными тягами на три части; такие же окна в боковых пряслах понижены относительно окон в алтарном выступе. Видно, что верхние части боковых прясел сложены из позднего кирпича, тогда как внизу в двух местах видна древняя «полосатая» кладка.

На двух других фотографиях церкви Благовещения, сделанных Л. В. Алексеевым и подаренных автору этой статьи в начале 2000-х гг., даны виды храма вскоре после разрушения: вид внутрискладной лестницы в западной стене с северо-востока (рис. 6) и вид алтарной части с северо-запада (рис. 7), на котором видно скругление северной (внутрискладной) апсиды, лопатка на межалтарной стенке и плоскость вимы на южной стороне среднего алтарного помещения.

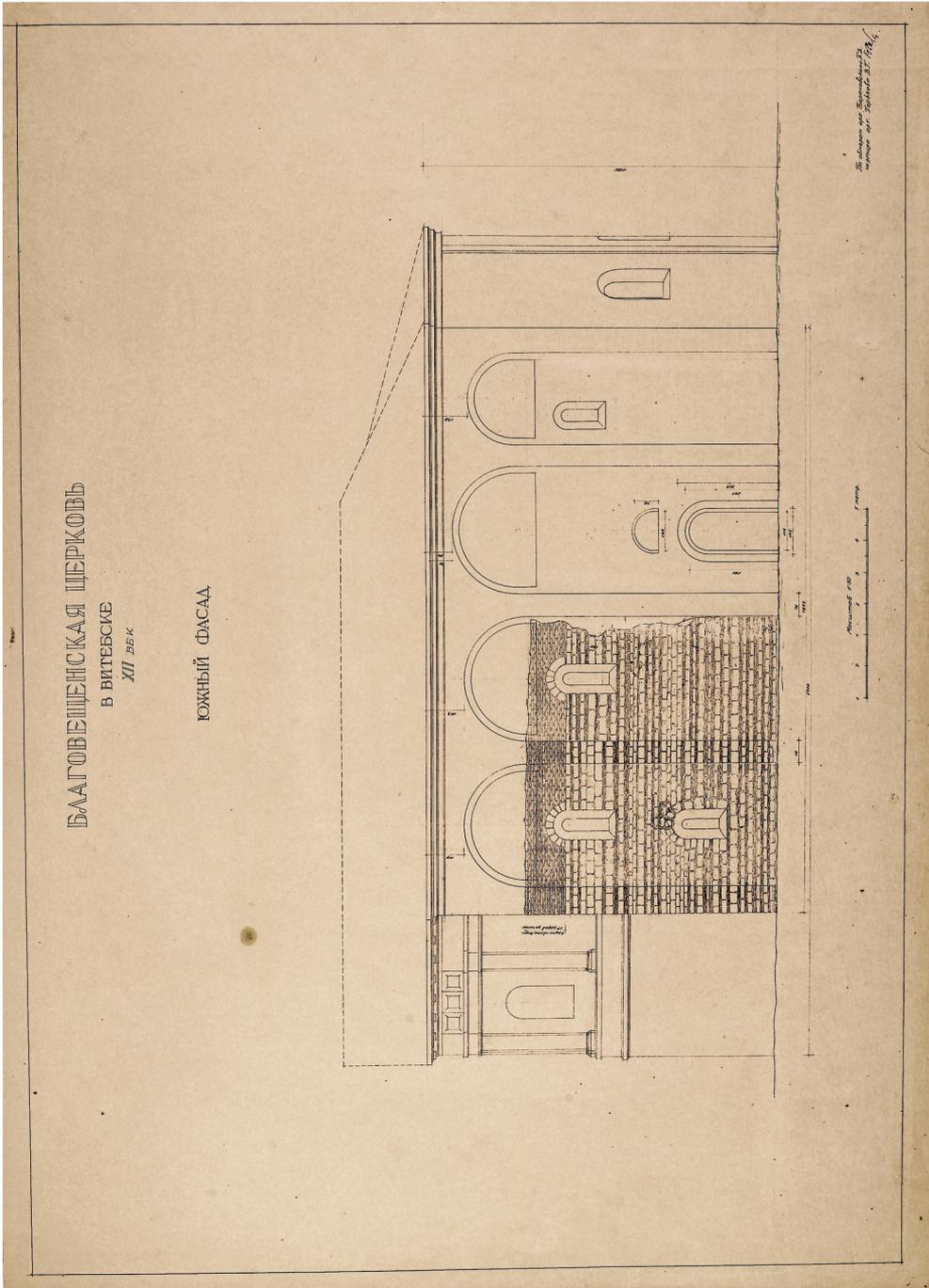

Рис. 5. Восточный фасад храма до разрушения. Фото Л. В. Алексева. 1961 г.

Публикуемые данные дают в основном только дополнительную информацию, позволяющую несколько лучше понять особенности почти исчезнувшего древнерусского памятника. Однако некоторые выводы из этого материала можно сделать. План храма дает нам важнейшую информацию о расположении основных форм, стен и столбов храма, а также дает представление о расположении двух приделов на хорах с их внутрискладными апсидами и нишами. Разрез памятника сообщает больше гипотетической информации, однако из него можно извлечь важнейший вывод о том, что апсида храма первоначально была не столь высокой.

**Рис. 6. Лестница на хоры в западной стене после разрушения.
Фото Л. В. Алексеева. 1960-е гг.**

Из чертежа с южным фасадом и чертежа с планами и фасадами двух окон западного прясла южного фасада следует, что храм имел двухраструбные окна, современные остальным древним частям постройки. Это очень важный индикатор, который говорит о том, что в церкви Благовещения в Витебске уже были романские черты. Список древнерусских памятников с двухраструбными окнами приведен нами в статье об иконографии и эстетике оконных проемов (Седов, 2013. С. 421), все они датируются второй половиной XII – началом XIII в., а происхождение таких окон, безусловно, связано с романским Западом. В соседнем с Витебском Полоцке такие окна есть в Спасо-Преображенском соборе Евфросиниева монастыря, построенном в 1150–1160-е гг. (Раппопорт, Штендер, 1980. С. 459; Раппопорт, 1982. С. 96–98). А вот в Борисоглебском храме Бельчицкого монастыря, по своему плану похожем как на церковь в Витебске,

Рис. 7. Алтарная часть храма после разрушения. Фото Л. В. Алексева. 1960-е гг.

так и на Спасский собор Евфросиниева монастыря в Полоцке, таких окон нет, окна тут с прямыми щеками, византийского круга (*Воронин*, 1956. С. 3–9).

Кроме окон романского образца, в церкви Благовещения в Витебске были два портала, западный и южный, которые имели также романский облик с прямоугольными уступами по сторонам, переходящими в уступчатый архивольт. К романским формам можно осторожно относить и вертикальные тяги (лизены) на апсиде. Эти романские формы не вяжутся с византийской техникой кладки, и в этом есть основная загадка памятника.

Нам кажется, что церковь Благовещения в Витебске была построена не в 1130-е гг. и не до, а после Борисоглебского храма в Бельчицком монастыре и Спасо-Преображенской церкви Спас-Евфимиева монастыря (а она, еще раз напомним, датируется серединой XII в.). План церкви в Витебске представляет собой развитие тех находок, которые были сделаны в Полоцке в двух названных храмах, сложенных в кладке со скрытым рядом (византийского образца). В церкви Спаса в Евфимиевом монастыре уже появились романские формы (полуколонки на фасадах, двухраструбные окна, тяги на апсиде и барабане), а в церкви Благовещения в Витебске к романским формам относятся двухраструбные окна, уступчатые перспективные порталы и, возможно, тяги на апсиде.

Этот витебский храм, развивающий полоцкие формы плана (в области алтаря и в крестообразных столбах), а также полоцкие объемные решения (хоры над западным членением, над нартексом – как в Борисоглебском храме в Бельчицах), был построен в византийской технике кладки какой-то пришедшей артели, которая странным образом не привнесла почти ничего нового в объемно-

пространственную композицию (может быть – выделенную виму) и совсем ничего – в область деталей. Свободное расположение западной пары столбов, обширность пространства в западной части и увеличенная западная треть храма – свидетельство развития полоцких форм. Если храм в Новогрудке хронологически следует за церковью в Витебске (а в технике кладки он точно очень близок), то там архитектура даже более свободная, развивающаяся.

Мы предполагаем, что церковь Благовещения в Витебске была сооружена во второй половине XII в. вслед за полоцкими памятниками и с оглядкой на них. Однако, помимо наличия полоцких черт, памятник имеет редкую технику кладки, которая свидетельствует о приходе какой-то византийской артели. Тем не менее эта артель держалась в русле полоцких архитектурных традиций и, более того, усвоила где-то в соседних землях (может быть – в том же Полоцке) еще и небольшой арсенал романских форм, которые и сдвигают датировку этого памятника ко второй половине столетия. Вместе с церковью Благовещения в Витебске ко второй половине XII в. нужно отнести и храм в Новогрудке. Датировка церкви в Витебске рубежом XII–XIII вв. почти исключается потому, что «шестистолпный» тип храма к этому времени практически не встречается.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Л. В.*, 2006. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 2. М.: Наука. 167 с.
- Брунов Н.*, 1928. Беларуская архітэктура XI–XII ст. // Зборнік артыкулаў. Менск: Выданьне інстытуту беларускае культуры. С. 267–307.
- Воронин Н. Н.*, 1956. Бельчицкие руины (к истории полоцкого зодчества XII века) // Архитектурное наследие. Вып. 6. М.: Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре. С. 3–20.
- Иоаннисян О. М.*, 2012. Зодчество первой половины – середины XII века // История русского искусства. Том 2/1: Искусство 20–60-х годов XII века. М.: Гос. ин-т искусствознания. С. 30–157.
- Каргер М. К.*, 1978. Церковь Благовещения в Витебске // КСИА. Вып. 155. С. 71–76.
- Павлинов А. М.*, 1895. Древние храмы Витебска и Полоцка // Труды Девятого археологического съезда в Вильне (1893). Т. 1. М. С. 1–18.
- Раппопорт П. А.*, 1982. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л.: Наука. 136 с.
- Раппопорт П. А.*, 1984. О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // Византийский временник. Т. 45. М.: Наука. С. 185–191.
- Раппопорт П. А.*, 1987. Церковь Благовещения в Витебске // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1985. М.: Наука. С. 522–528.
- Раппопорт П. А.*, 1989. Внешние влияния и их роль в истории древнерусской архитектуры // Византия и Русь / Отв. ред. Г. К. Вагнер. М.: Наука. С. 139–145.
- Раппопорт П. А., Штендер Г. М.*, 1980. Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1979. М.: Наука. С. 459–468.
- Седов Вл. В.*, 2013. Проблема окна в древнерусской архитектуре: некоторые тексты // Иеротопия Огня и Света в культуре византийского мира / Ред.-сост. А. Лидов. М.: Феория. С. 422–443.
- Хозеров И. М.*, 1994. Белорусское и смоленское зодчество XI–XIII вв. Минск: Навука і тэхніка. 150 с.

Сведения об авторе

Седов Владимир Валентинович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sedov1960@mail.ru

VI. V. Sedov

MATERIALS ON THE ARCHITECTURE OF THE ANNUNCIATION CHURCH
IN VITEBSK

Abstract. The paper reports on the architecture of the Annunciation Church in Vitebsk. This Medieval Russia church survived, though in a rebuilt form, until 1961 when it was almost completely destroyed. Because of the church destruction, all materials on this church, especially, graphic, are of exceptional interest. This paper publishes unknown or partially published drawings of the distinguished restorer P. D. Baranovsky as well as several photographs made by the archaeologist L. V. Alekseev. The paper examines some forms of the church associated with the impact of Romanesque architecture and also suggests that it should be dated to a later period, i. e. the second half of the 12th century.

Keywords: Medieval Russia architecture, Vitebsk, stone church, influence of Byzantium, opus mixtum, Romanesque architecture, dating issues.

REFERENCES

- Alekseyev L. V., 2006. Zapadnyye zemli domongol'skoy Rusi: ocherki istorii, arkheologii, kul'tury [Western lands of pre-Mongol Rus: essays on history, archaeology. culture], 2. Moscow: Nauka. 167 p.
- Brunov N., 1928. Belaruskaya arkhitektura XI–XII st. Belarusskaya arkhitektura XI–XII st. [Byelorussian architecture of XI–XII c.]. *Zbornik artykulau [Collected articles]*. Minsk: Instytut belaruskayе kul'tury, pp. 267–307.
- Ioannisyanyan O. M., 2012. Zodchestvo pervoy poloviny – serediny XII veka [Architecture of first half – mid XII century]. *Istoriya russkogo iskusstva [History of Russian art]*, 2/1. *Iskusstvo 20–60-kh godov XII veka [Art of 20–60-s of XII century]*. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvovznaniya, pp. 30–157.
- Karger M. K., 1978. Tserkov' Blagoveshcheniya v Vitebske [The Annunciation church in Vitebsk]. *KSIA*, 155, pp. 71–76.
- Khozerov I. M., 1994. Belarusskoye i smolenskoye zodchestvo XI–XIII vv. [Byelorussian and Smolensk architecture of XI–XIII cc.]. Minsk: Navuka i tekhnika. 150 p.
- Pavlinov A. M., 1895. Drevniye khramy Vitebska i Polotska [Ancient churches of Vitebsk and Polotsk]. *Trudy Devyatogo arkheologicheskogo s'yezda v Vil'ne [Transactions of the Ninth Archaeological congress in Vilno] (1893)*, vol. 1. Moscow, pp. 1–18.
- Rappoport P. A., 1982. Russkaya arkhitektura X–XIII vv. Katalog pamyatnikov [Russian architecture of X–XIII cc. Catalogue of monuments]. Leningrad: Nauka. 136 p.
- Rappoport P. A., 1984. O roli vizantiyskogo vliyaniya v razvitii drevnerusskoy arkhitektury [On the role of Byzantine influence in development of ancient Russian architecture]. *Vizantiyskiy vremennik [Byzantine annual]*, 45. Moscow: Nauka, pp. 185–191.
- Rappoport P. A., 1987. Tserkov' Blagoveshcheniya v Vitebske [The Annunciation church in Vitebsk]. *Pamyatniki kul'tury. Novyye otkrytiya: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya [Monuments of culture. New discoveries. Writings. Art. Archaeology]*, 1985. Moscow: Nauka, pp. 522–528.
- Rappoport P. A., 1989. Vneshniye vliyaniya i ikh rol' v istorii drevnerusskoy arkhitektury [Foreign influences and their role in history of ancient Russian architecture]. *Vizantiya i Rus' [Byzantium and Rus]*. G. K. Vagner, ed. Moscow: Nauka, pp. 139–145.
- Rappoport P. A., Shtender G. M., 1980. Spasskaya tserkov' Evfrosin'yeva monastyrya v Polotske [The Spasskaya church of Evfrosin'yev monastery in Polotsk]. *Pamyatniki kul'tury. Novyye otkrytiya: Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiya [Monuments of culture. New discoveries. Writings. Art. Archaeology]*, 1979. Moscow: Nauka, pp. 459–468.
- Sedov VI. V., 2013. Problema okna v drevnerusskoy arkhitekture: nekotoryye teksty [Problem of window in ancient Russian architecture: some texts]. *Iyerotopiya Ognya i Sveta v kul'ture vizantiyskogo*

- mira [Hierotopy of Fire and Light in culture of Byzantine world]*. A. Lidov, ed. Moscow: Feoriya, pp. 422–443.
- Voronin N. N., 1956. Bel'chitskiye ruiny (k istorii polotskogo zodchestva XII veka) [Bel'chitskiy ruins (to the history of Polotsk architecture of XII century)]. *Arkhitekturnoye nasledstvo [Architectural heritage]*, 6. Moscow: Gos. izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu i arkhitekture, pp. 3–20.

About the author

Sedov Vladimir V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sedov1960@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АКР – Археологическая карта России. М.
АН – Академия наук
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.: ИА РАН
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
БКИЧП – Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
Брянский клад – Брянский клад... / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2018. 559 с. (PCM; вып. 18.)
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВСЕГЕИ – Всероссийский научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры. Л.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
ГЭ – Государственный Эрмитаж. СПб.
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.: ИА РАН
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КОИХМ – Калининградский областной историко-художественный музей --- надо?
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
РСМ – Раннеславянский мир. М.
РУАК – Рязанская ученая архивная комиссия
СА – Советская археология (1957–1992). М.
САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад
ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН

- AEAE – Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Novosibirsk
- AKR – Arkheologicheskaya karta Rossii [Archaeological map of Russia]. Moscow.
- AN – Akademiya nauk [Academy of Sciences]
- AN SSSR [AS USSR] – Akademiya nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR]
- AO – Arkheologicheskiye otkrytiya [Archaeological discoveries]. Moscow
- AP – Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of Moscow region]. Moscow: IA RAN
- ASGE – Arkheologicheskiy sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha [Archaeological annual of State Hermitage]. St. Petersburg.
- AV – Arkheologicheskiye vesti [Archaeological news]. St. Petersburg: IIMK RAN
- BAR – British Archaeological Reports
- BKICHP – Byulleten' Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Bulletin of the Commission for the study of the Quaternary period]
- CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique
- DB – Drevnosti Bospora: mezhdunarodny yezhegodnik po istorii, arkheologii, epigrafike, numizmatike i filologii Bospora Kimmeriyskogo [Antiquities of Bosphorus: International annual on history, archaeology, epigraphy, numismatics and philology of Cimmerian Bosphorus]. Moscow: IA RAN
- GAIMK – Gosudarstvennaya akademiya istorii material'noy kul'tury [State Academy for the History of material culture]. Leningrad
- GE – Gosudarstvennyy Ermitazh [State Hermitage].
- GIM – Gosudarstvennyy Istoricheskiy muzey [State Historic museum].
- GMI – Gosudarstvennyy muzey izobrazitel'nykh iskusstv im. A.S. Pushkina [Pushkin Museum of Fine Arts].
- IA RAN – Institut arkheologii RAN [Institute of Archaeology RAS]
- IAET SO RAN – Institut arkheologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN [Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of RAS]
- IIMK RAN – Institut istorii material'noy kul'tury RAN [Institute for the History of Material Culture RAS]
- JAS – Journal of Archaeological Science
- JHE – Journal of Human Evolution
- KOIKhM – Kaliningradskiy oblastnoy istoriko-khudozhestvennyy muzey [Kaliningrad regional museum of history and arts]
- KSIA – Kratkiye soobshcheniya instituta arkheologii [Brief communications of Institute of Archaeology]. Moscow
- KSIIMK – Kratkiye soobshcheniya Instituta Istorii Materialnoy Kultury [Brief communications of Institute for the History of Material Culture]. Moscow; Leningrad
- MAB – Monumenta archaeologica barbarica, Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne
- MAIET – Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on archaeology, history and ethnography of Tauria]. Simferopol'
- MGU – Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M. V. Lomonosova [M. V. Lomonosov Moscow State university]; Moscow
- MIA – Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and investigations on archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad
- NIIYaLI Nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury i istorii [Scientific research institute of language, literature and history]
- NIIYaLIE – Nauchno-issledovatel'skiy institut yazyka, literatury, istorii i etnografii [Scientific research institute of language, literature, history and ethnography]
- PAN – Polska Akademia Nauk
- Prussia – Sitzungsberichte der Alterstumsgesellschaft Prussia, Königsberg i. Pr., Verlag von Gräfe & Unzer
- PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete corpus of Russian chronicles]
- QI – Quaternary International
- RA – Rossiyskaya arkheologiya [Russian Archaeology]. Moscow
- RAN [RAS] – Rossiyskaya akademiya nauk [Russian Academy of Sciences]
- RGNF – Rossiyskiy gumanitarnyy nauchnyy fond [Russian Scientific Foundation for the Humanities]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- RIAMZ – Ryazanskiy istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik [Ryazan historic and architectural museum-preserve]
- RSM – Ranneslavyanskiy mir [Early Slavic world]. Moscow
- RUAK – Ryazanskaya uchenaya arkhivnaya komissiya [Ryazan scientific archive commission]
- SA – Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]. Moscow
- SAI – Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov [Archaeology of the USSR. Corpus of archaeological sources]. Moscow
- SMB – PK MVF – Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, Museum für Vor – und Frühgeschichte
- SP – Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology
- SPbGU – Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet [St. Petersburg State university]
- SPÖG – Schriften der Physikalisch-Ökonomischen Gesellschaft, Königsberg i. Pr., Verlag von Gräfe & Unzer
- TYuTAKE – Trudy Yuzhno-Turkmenistanskoy arkheologicheskoy kompleksnoy ekspeditsii [Transactions of South-Turkmenian archaeological complex expedition]. Ashkhabad
- VDI – Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]. Moscow
- WA – Wiadomości Archeologiczne. Warszawa

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Периодический сборник «Краткие сообщения Института археологии РАН» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе археологических экспедиций.

Направляемые в сборник материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.

2. Рукопись в электронном варианте в формате Microsoft Word.

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме и ключевых слов (не более 10) на русском языке (см. п. 11), списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7), сведений об авторе (авторах; см. п. 12). Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...).

5. Статья (включая список литературы, подрисуночные подписи и др.) должна быть напечатана четким, контрастным шрифтом кегля 14 через полтора интервала. В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте рукописи должны быть четко вписаны от руки в распечатку рукописи. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию.

7. Иллюстрации предоставляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2, а, б) одного рисунка должны быть обязательно

скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в сборнике. Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете общего количества иллюстраций к статье. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF. В текстовый файл иллюстрации не вставляются.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

8. Таблицы представляются в отдельных файлах. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Например: *Мелюкова А. И.*, 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; *Л. Смирнов К. Ф.*, 1964. Савроматы. М. *Чернов С. З.*, 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (*Смирнов*, 1964. С. 50). Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже един-

ственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) и ключевых слов (key words).

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны всеми авторами. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Научное издание

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
Выпуск 254

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

На задней стороне обложки –
браслет с эмалевыми вставками из Брянского клада (к статье О. С. Румянцевой)

Редакторы Н. В. Бельченко, Л. Б. Орловская
Художники А. В. Голикова, Н. С. Сафронова
Оригинал-макет подготовлен Е. А. Морозовой

Подписано в печать 28.09.2018. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 28,38. Уч.-изд. л. 27,5. Тираж 250. Заказ №

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10.00 до 19.00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57.
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru, www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

Адрес: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19.
Телефон +7 (499) 126-47-98. Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

